

Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
Таврическая академия
Философский факультет
Кафедра философии

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:

**состояние
и перспективы**

2024

**Сборник материалов
VII научной конференции**

Симферополь
ИТ «Ариал»
2024

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6
П 69

*Проект кафедры философии Института
«Таврическая Академия» Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского*

Главный редактор:
О.А. Габриелян, доктор философских наук, профессор

Ответственный редактор:
Е.Б. Зыщик, кандидат философских наук, доцент

Корректор:
Л.О. Гриненко

Практическая философия: состояние и перспективы:
П 69 сборник материалов VII научной конференции / гл. ред.
О. А. Габриелян. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2024. – 564 с.
ISBN 978-5-

В данном сборнике собраны выступления участников седьмой научной конференции по практической философии. Как и в прошлых выпусках значительный объем публикаций – это философские размышления аспирантов всех направлений подготовки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского над темами своих научных исследований. Именно этим они интересны, так как взятые в целом показывают тренды развития современной науки и значимость для них философии. Стоит особо отметить, что наблюдается расширение географии участников конференции. Конференция обрела статус Всероссийской. Все больше профессиональных философов начинают проявлять интерес и участвовать в ней, что также получило отражение в материалах данного сборника.

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-

© Коллектив авторов, текст, 2024.
© Т.О. Габриелян, оформление обложки, 2024.
© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2024.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

<i>Ф.В. Лазарев</i>	
Сущностное бытие человека в новую историческую эпоху.....	9
<i>А.Р. Бурханов</i>	
Экзистенциалы как смысложизненные основания человеческого бытия в современной западной практической философии	20
<i>А.И. Креминский</i>	
Интервальный подход в контексте эволюции современной практической философии.....	25
<i>П.Е. Григорьев</i>	
Принципы этики ноосферы как целого в отношении её компонентов	33
<i>М.В. Жульков</i>	
Учет субъективных факторов в современном моделировании	38
<i>Ю.М. Лустин</i>	
Типология и практическая философия: социальная методология когнитивного синтеза	44
<i>И.А. Бурганов, Л.Г. Хаев</i>	
Закон единства и борьбы противоположностей как основание концепции кортежа в арт-терапии	49
<i>А.Ю. Лустенко</i>	
Категорический императив для исторического мифа	54
<i>Е.Р. Меньшикова</i>	
‘Троянский терроризм’ – старая формула современной «суммы технологий»	59

II. ГОРИЗОНТЫ ПОЛИТИКИ

<i>Н.В. Чудина-Шмидт</i>	
Распространение радикальных идеологий на рубеже XX-XXI веков как свидетельство деформации мировоззрения.....	65
<i>К.И. Шимон</i>	
Общественно-географический анализ геополитической истории Крыма.....	70
<i>А.С. Самброс</i>	
Политический рынок и политический маркетинг: эволюция и взаимосвязь понятий	73
<i>Н.В. Легкоступова</i>	
Практики парламентского контроля: мировоззренческие основания и социальная ценность	79
<i>Д.И. Дубиков</i>	
Валюативный аспект программных высказываний (на примере программы украинской политической партии «ВО «Свобода»).....	82

<i>И.Г. Маркелов</i>	
Гражданство в России: философские и этические аспекты интеграции мигрантов и формирования общественной солидарности.....	88

III. ГОРИЗОНТЫ ПРАВА

<i>С.Б. Пономарев</i>	
О некоторых свойствах тюремной субкультуры как самоорганизующейся системы	91
<i>В.В. Баева</i>	
Неокантианские концепции философии права: взгляды Р. Штаммлера и Г. Радбруха	95
<i>Х.М. Канабита</i>	
Этические основания права собственности.....	101
<i>К.В. Билык</i>	
Роль и вызовы искусственного интеллекта в гражданско-правовом регулировании отношений на рынке ценных бумаг	104
<i>А.И. Багдасаров, А.В. Карабыков</i>	
Автор результата интеллектуальной деятельности (социальное измерение).....	109
<i>А.В. Добрун</i>	
Собственность как институт регуляции социальных отношений в современной России	112
<i>Н.А. Рыжкин</i>	
Философия цифровой трансформации права (как технологии могут помочь в развитии института приобретения права собственности).....	117
<i>В.В. Данильченко</i>	
Диалектика индивидуальных и коллективных прав: роль омбудсмана в балансировке интересов	121
<i>А.А. Айвазян</i>	
Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) кредитных организаций	125
<i>М.А. Полгар</i>	
Эволюция феномена «злоупотребление субъективным правом»	130
<i>Э.М. Чатчаев</i>	
Роль философии в формировании земельных правоотношений в РСФС	133

IV. ГОРИЗОНТЫ ЭКОНОМИКИ

<i>В.В. Воловский</i>	
Геобренд Крыма: перспективы создания и вклад в экономику.....	136
<i>Е.С. Волкова</i>	
Интеллект как новый источник богатства.....	141
<i>С.А. Хищенко</i>	
Этика девелопмента: социальная ответственность крымских застройщиков	145
<i>П.С. Пошеченков</i>	
Социальные последствия взаимодействия власти и монополий	151

<i>Е.В. Богданов</i>	Социальные аспекты региональной аграрной политики.....	156
<i>Е.В. Полушко</i>	Объективация методического инструментария оценки эффективности инновационных проектов	160
<i>Н.Р. Немитулаев</i>	Этический потенциал экономики.....	165
<i>Б.Н. Корниенко</i>	Рождение виноградарства как научного института.....	169
<i>А.Н. Кофанов</i>	Риски и перспективы нанотехнологий: этический прагматизм	174
<i>К.Г. Комнатный</i>	Социокультурные аспекты безопасности строительных технологий	178
<i>Ф.С. Юсупов</i>	Прагматизм, функциональность и прочие ценности древних и современных объектов строительства.....	182

V. ГОРИЗОНТЫ КУЛЬТУРЫ

<i>С.С. Баскаков, С.А. Маленко, А.Г. Некита</i>	Проблема противоречивости идеологии в современном мире	186
<i>М.П. Бурнашева, С.А. Маленко, А.Г. Некита</i>	Идеологические сценарии современной мем-культуры: формирование или деконструкция?	191
<i>В.Г. Клёвин, С.А. Маленко</i>	Массовизация произведений искусства и их трансформация в объекты дизайна.....	198
<i>С.А. Маленко, А.Г. Некита</i>	Никому ничего не скажу: сурдопостапокалипсис в фильме «Тихое место»	204
<i>А.Г. Некита</i>	Философия выживания на руинах цивилизации: постапокалипсис в фильме «Дорога»	209
<i>Д.В. Осипов, С.А. Маленко, А.Г. Некита</i>	Десакрализация искусства и сценарии его возможного будущего	214
<i>И.А. Сюзюмов, С.А. Маленко, А.Г. Некита</i>	Эклектика классических идеологий в современных визуальных антиутопиях.....	220
<i>Рамазанлы Гаджи Джасаиль оглы</i>	Преодоление влияния массовой культуры на традиционную культуру	224
<i>М.В. Нагорская</i>	Сердце как социо-культурный феномен.....	229
<i>К.А. Сметанин</i>	Феномен вина в поэзии Омара Хайяма.....	235
<i>П.И. Тангелов</i>	Феномен комиксов как этап эволюции визуального восприятия личности	239
<i>А.И. Билык</i>	Химия как социально-культурный феномен.....	244
<i>Э.Н. Свинцовский</i>	Из фантастического реализма в массовую культуру.....	248

VI. ГОРИЗОНТЫ СОЦИАЛЬНОСТИ

<i>Ю.А. Артемова</i>	
Социальный трикстер как герой социокультурной неопределённости.....	252
<i>Т.В. Вакулова</i>	
Цивилизационный подход и формирование мировоззрения современной молодежи.....	257
<i>А.А. Панченко</i>	
Социальные характеристики быстро меняющегося мира.....	261
<i>М.А. Афанасьева</i>	
Трансформация религиозного сознания: вызовы современности.....	267
<i>П.Е. Григорьев</i>	
Пересечения ноосферного и общезначного времени.....	272
<i>Т.В. Тетерятникова</i>	
Проблема свободы воли в традиционной и современной философии.....	277
<i>Г.М. Головкина</i>	
Репрезентация образа героя в формальном дискурсе: базовые характеристики.....	283
<i>А.М. Масливец</i>	
Философские топосы Крыма: туристические маршруты по местам крымских философов.....	288
<i>А.П. Никулин</i>	
Соотношение приватности, технологического комфорта и безопасности: перспективы объективного исследования.....	297
<i>Д.В. Избаиров</i>	
О (не)свободе человека будущего.....	302
<i>Ю.А. Ланковская</i>	
Эволюция идеологии детских лагерей.....	306
<i>В.И. Ильина</i>	
Христианское осмысление кризиса среднего возраста.....	313
<i>М.М. Фроленко</i>	
«Радикальный» эмотивизм А.Д.Айера.....	321
<i>Е.В. Дубинская</i>	
Понятие концепта в современных когнитивных исследованиях: обзор подходов.....	326
<i>В.С. Пышняков</i>	
Социальные последствия цифровой трансформации экономики.....	337
<i>Н.В. Хронин</i>	
Свобода воли в современной философии.....	341
<i>А.А. Приймак</i>	
Личностные качества и профессиональная этика психолога.....	345
<i>О.И. Андриянов</i>	
Этические проблемы использования ИИ в формировании городской среды.....	352
<i>А.А. Кузьменко</i>	
Проблемы сознания искусственного интеллекта и возможность его применения в контексте эргодизайнерских исследований среды жизнедеятельности.....	356

VII. ГОРИЗОНТЫ ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИИ

<i>Е.Б. Зыщик</i>	Технологизация как фундаментальный тренд современного общественного развития	360
<i>С.В. Османов</i>	Технологии между реальностью и симуляцией.....	365
<i>Л.Н. Соловьева</i>	Техника как последняя любовь человека: о приоритете информационно-коммуникационных технологий в информационную эпоху	369
<i>П.А. Варагушин</i>	Философское осмысление закона Мура. Экстраполяция на новые направления развития электроники.....	373

VIII. ГОРИЗОНТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

<i>А.Н. Невраев</i>	Философия цифровой трансформации: как технологии меняют нашу жизнь и что с этим делать?	377
<i>К.А. Андреянов</i>	Гибридная война в цифровом мире	381
<i>А.О. Габриелян</i>	Человек в мире цифровых экранов.....	385
<i>Н.И. Захаров</i>	Социальные последствия цифровизации государственных и муниципальных услуг	391
<i>Г.С. Максимов</i>	Этика создания и использования искусственного интеллекта: проблемы автономности и ответственности.....	396

IX. ГОРИЗОНТЫ КОММУНИКАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ

<i>А.С. Рукавишников</i>	Социально-психологические основы медиации.....	400
<i>А.А. Гуров</i>	Этические принципы медиации: российский опыт применения.....	406
<i>В.В. Солодилова</i>	Язык и речь в формировании сознания	413
<i>А.Е. Самохина</i>	Развитие вертикального и горизонтального управления в условиях сетевого общества	420
<i>А.С. Семенова</i>	Антропоцентризм в современной лингвистике.....	426
<i>Е.А. Климук</i>	Философские аспекты имитационного моделирования	431
<i>А.Г. Мясников</i>	Вариативно-модульный подход в ситуациях текущей неопределенности	434

Х. ГОРИЗОНТЫ МЕДИЦИНЫ

<i>С.Г. Настоящий</i>	Врачебная тайна как этическая проблема	437
<i>Д.А. Энзель</i>	Отношение к проведению аутопсии трупов с позиции канонических религиозных конфессий	442
<i>С.Ю. Ливенцов</i>	Социализация людей с сахарным диабетом в современном обществе	446
<i>Р.Х. Усеинова</i>	Этические проблемы эвтаназии в российском обществе	451
<i>Н.А. Иващенко</i>	Эволюция профессии: от цирюльника к врачу	456
<i>М.Б. Заурова</i>	Социальные последствия для людей с избыточным весом	459
<i>Э.Э. Юсупов</i>	Бронхиальная астма как социальная проблема	464
<i>А.М. Бейтуллаев</i>	Становление понятия «лекарство» в различных культурах	468
<i>В.С. Костенич</i>	Феномен реабилитации	472
<i>Р.Р. Звезгинцев</i>	Эволюция медицинской диагностики в аспекте развития знаний человечества	478
<i>А.Б. Кияев</i>	Рождение фармации	482
<i>К.М. Пискун</i>	Проблема формирования здорового образа жизни у обучающихся	487

ХІ. КРУГЛЫЙ СТОЛ: КРИЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ: СТАТУС, КОНТЕНТ И ИНСТИТУЦИИ

<i>О.А. Габриелян, Д.В. Гарбузов</i>	К вопросу о кризисе современной философии.....	491
<i>Д.В. Гарбузов</i>	Философия в университете.....	535
<i>В.А. Храпова</i>	К проблеме осмысления философии в современном мире	539
<i>Т.П. Разбеглова</i>	Современные стратегии образования в перспективе антропологического проекта постгуманизма.....	544
<i>Р.А. Бурханов</i>	Основной вопрос философии в контексте изучения и преподавания	550
<i>А.Н. Баранецкий</i>	Интеллект и суверенитет нации в контексте возрождения культа интеллектуального наслаждения в отечественном образовании	555
<i>К.М. Мамонтов</i>	Высшая школа: вызовы искусственного интеллекта	560

I. ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

УДК 14

СУЩНОСТНОЕ БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА В НОВУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

THE ESSENTIAL EXISTENCE OF MAN IN A NEW HISTORICAL EPOCH

Лазарев Феликс Васильевич

Профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философии философского факультета Института «Таврическая Академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (г. Симферополь, РК, РФ)

Lazarev Felix Vasilyevich

Professor, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the Faculty of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, RK, Russian Federation)

1. Историческая эпоха и «образ человека»

Каждая историческая эпоха характеризуется специфическим для нее видением родовой сущности человека. В культурном самосознании с течением времени так или иначе складывается свой «образ человека». Был век Просвещения, век Разума, век Человека как «Венца природы» ... Важно, однако, отметить одно существенное обстоятельство: каждая эпоха не только является олицетворением той или иной ипостаси родовой сущности человека, но и вырабатывает средства и технологии реализации социокультурного развертывания, доминирующего в самосознании эпохи образа человека. К примеру, «век Разума» – это не только осознание ключевой роли разума в жизни общества, в исторической эволюции. Вся суть в том, что общество смогло мобилизовать разнообразные и многочисленные ресурсы для практического развертывания родовой способности человека быть разумным. Для этого шаг за шагом создается целая система социальных институтов, организаций, культурных технологий соответствующей направленности – университеты, академии наук, научные журналы и т.п. Создается общественная атмосфера культа знания, образования, учености. Некоторые философы, например, Гегель, пытаются увидеть в Разуме некое исходное начало в мироустройстве, цель и направление хода истории. Аналогичным образом другие эпохи сосредотачивали свое внимание на иных ипостасях бытия человека как родового существа.

Если в XXI в. глобальный мир желает найти новую сущностную силу человека, развертывание которой обеспечило бы современной цивилизации подлинную историческую перспективу развития и вывело бы человечество из нарастающего глобального кризиса, то необходимо выявить эту силу и дать простор ее развертыванию во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Для этого нужно создавать новые пространства производства человеческого в человеке с точки зрения неустрашенной ранее в истории, но важнейшей составляющей сущностного измерения человека. Реализация нового антропологического потенциала человеческого рода позволило бы избежать глобальной стагнации и ядерного апокалипсиса на планете Земля.

Начавшаяся в XX в. эпоха научно-технического прогресса обеспечила беспрецедентные возможности в повышении материального благосостояния людей во многих регионах мира. Но исторический парадокс состоит в том, что, во-первых, материальные блага по-прежнему распределяются в обществе крайне несправедливо, так что миллиарды людей на Земле живут в нищете; во-вторых, акцент в культурном сознании для тех, кто живет в достатке, на психологии потребительства ведет к деградации человеческой сущности, к гедонизму и индивидуализму, к бездуховности и аморализму. Для мировой цивилизации существует единственный выход из сложившейся ситуации – опора в своей дальнейшей эволюции на вновь выявленный сущностный потенциал Человека.

С конца XX в. в западном мире мы наблюдаем интенсивный процесс *релятивизации* всех гуманистических, традиционных ценностей и базовых смыслов бытия человека, даже таких очевидных, как «мужчина», «женщина», «папа», «мама», «жених», «невеста» и т.п. Похоже на то, что привычные формы культурных пространств производства человеческого в человеке обнаружили свою неэффективность. Не об этом ли предупреждал О. Шпенглер столетие тому назад? Какие же новые социальные институты надо создать сегодня для того, чтобы максимально быстро и результативно развернуть новый потенциал и новые пласты человеческого в человеке? На вопросы такого рода должна ответить новая практически ориентированная философия, опираясь как на выработанные веками идеи, так и на современную методологическую культуру, важнейшим элементом которой является интервальный подход¹.

2. Многомерная природа человека

В рамках интервальной антропологии человек рассматривается как многомерный и многоуровневый феномен². В течении своей жизни он может реализовать себя в разных сущностных измерениях своего бы-

¹ См.: Лазарев. Ф.В. Истина и структура реальности. Основы интервального подхода. – Симферополь: «АРИАЛ», 2019.

² Лазарев. Ф.В., Литл Брюс А. Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. – Симферополь: СОНАТ, 2001.

тия – повседневном, социокультурном, экзистенциальном и др. Каждое такое измерение – это относительно замкнутый интервал присутствия человека в мире со своими смыслами и ценностями, со своими онтологическими параметрами. Так, космический интервал практически бесконечен, напротив, миры повседневности – весьма узкое пространство, ограниченное, порой, четырьмя стенами хижины бедняка. Важно, однако, подчеркнуть, что в принципе один и тот же индивид может ощущать свое существование во множестве интервалов. Например, он может переживать свою уникальность и одновременно свою абсолютность присутствия во Вселенной, ибо его неповторимое и абсолютное бытие в космическом пространстве есть объективный факт. Разумеется, личность может чувствовать себя погруженной в ход истории, в сферу культуры, в свою профессиональную деятельность. Человек может переживать чувство удовлетворения от своего вклада в человеческую культуру, науку спорт и т.д. И тогда индивид ощущает, как наступают великие, абсолютные моменты всей полноты самобытия и события.

Однако чаще всего эмпирическому индивиду в условиях современной цивилизации все труднее быть подлинно многогранным существом. Человек все чаще оказывается «одномерным», «частичным», отчужденным индивидом. С точки зрения интервальной диалектики здесь возможен целый ряд качественно различных интервальных ситуаций. Рассмотрим некоторые из них.

1. Диалектика внутреннего и внешнего. В своей жизненной практике человек постоянно сталкивается с фактом видения окружающего мира «изнутри» и «извне» того или иного контекста своего конкретного бытия. Например, турист из Европы, приезжая в Индию, наблюдает незнакомый ему образ жизни местного населения, культурные традиции и исторические достопримечательности древнейшей страны. Однако он видит и оценивает это «изнутри» своей культуры. В этом контексте возникает специфическая социокультурная задача поиска технологий взаимопонимания через диалог двух культур и мировоззрений. Из истории мы знаем, насколько драматичной бывает встреча цивилизаций, попытки навязать свою картину мира одному народу со стороны другого народа.

В истории методологической мысли диалектика ситуаций «изнутри» и «извне» впервые была исследована в рамках интервального подхода в 60 – 70 г.г. XX в. Еще ранее природу «внутреннего наблюдателя», его специфическое положение по отношению к объекту восприятия пытались раскрыть такие мыслители как Анри Бергсон, В.И. Вернадский, М. Мерло Понти и др. Особенно детально данная проблематика в начале XXI века разрабатывается в рамках концепции эндофизики (Отто

Рёсслер и др.)¹. Следует заметить, что интервальный подход к пониманию природы «внутреннего наблюдателя» принципиально отличается от эндофизической трактовки. Эндофизика полагает, что интерфейс как промежуточная зона между внутренним наблюдателем и самим миром становится единственной реальностью, которую наблюдатель может воспринимать. Согласно интервальной парадигме, наблюдаемая картина реальности определяется объективным положением субъекта в рамках познавательной позиции (например, в физической системе отсчета).

2. *Миры отчуждения.* Человек, который конкретно осознает только одно измерение своего бытия в мире, например, сферу повседневности, часто не верит или не догадывается о реальном существовании других «возможных миров» – космического, духовного, экзистенциального... Этот феномен заброшенности позволяет аналитику высветить некоторые аспекты такого социокультурного явления как *отчуждение* человека. Как известно, человек в определенных социально-исторических условиях может быть отчужден от своего труда, от культуры и даже от самого себя, от своей человеческой сущности. Но всё это как раз и означает, что человек в силу сложившихся обстоятельств оказывается выключенным из того или иного интервала своего сущностного бытия. Так, например, феномен отчуждения человека от человека, характерный для массовидного индивидуалистического сознания, означает отсутствие в его жизненной практике интервала «со-бытия с Другим».

3. *Диалектика абсолютного и относительного.* Интервальная парадигма исходит из того, что относительность отдельных свойств того или иного объекта внутри интервала не исключает наличие у данного объекта абсолютных характеристик. Так, зависимость скорости тела от системы отсчета, согласно классической физике, не исключает инвариантности массы тела. При переходе от одной системы отсчета к другой масса ведет себя как константа, равно как и законы механики в целом.

Если в этом контексте мы посмотрим на ситуацию в сфере культуры, то должны будем признать, что между внутренним и внешним наблюдателями в процессе взаимодействия двух культур возможность взаимопонимания базируется на наличии у представителей двух культур инвариантных, общечеловеческих смыслов и ценностей. К сожалению, в современную эпоху мы все чаще сталкиваемся с жестким игнорированием инвариантного аспекта. Это проявляется, например, в западной практике «отмены культуры» представителей другой цивилизации, в особенности русской.

В отличие от современных западных трендов русская культура изначально обуславливалась интенциями совершенно иного типа. Федор Достоевский говорил о всечеловечности и о всемирной отзывчивости

¹ См. Алюшин А.Л., Князева Е. Н. Эндофизический поворот в эпистемологии, или Попытка увидеть мир изнутри. II Философия и культура, 2009, № 5 (17). Стр.80-90.

русской души. Эта черта отечественной культуры веками цементировала в единое целое все народы, проживающие в России. Качественно иную картину мы видим на примере эволюции западного проекта построения «незалежной украинской государственности». В этом отношении показательным примером усеченного нравственного сознания является система мировоззренческих установок украинских националистов. Для них представляется чем-то естественным регулярная бомбардировка мирных кварталов Донбаса, больниц, школ, детсадов. Они не признают само существование интервала общечеловеческих, сквозь толщу веков проходящих ценностей. Фашиствующие группы националистов не считают себя связанными нравственными законами, международными правовыми нормами, чувством сострадания и милосердия. Им представляется естественным издеваться над пленными, пытаться их, доводить до смерти, следуя зову своего отягощенного комплексом неполноценности местечкового сознания. Они *de facto* нарушают практически все гуманитарные международные соглашения и устоявшиеся традиции, касающиеся стран, находящихся в военном конфликте между собой. Очевидно, что общество, которое выстраивается на такой духовно скудной и ущербной почве, является неполноценным в своей основе и склонно к вырождению.

3. Многослойность человеческого бытия

Поток жизненных событий, в горизонте которых мы помещаем собственное «я», имеет три ключевых слоя – мир обыденности, сфера экзистенциальных размышлений и миропереживаний, пространство надличностных, конститутивных, сущностных смыслов. Каждый из названных уровней имеет свою внутреннюю логику и систему интерпретативных матриц, сквозь призму которых человек воспринимает и переживает действительность. Если для миров повседневности жизнь индивида – это просто данность, которой мы распорядимся по своему усмотрению и в соответствии с логикой ежедневных практических задач, то для экзистенциальной сферы жизнь есть абсолютный дар и абсолютный смысл, порождающие все остальные смыслы и целеполагания. Что касается сущностного слоя бытия человека, то он во многом скрыт от его сознания и требуются особые усилия, чтобы его освоить. Как заметил в свое время К. Ясперс, экзистенция с необходимостью предполагает переход к плану трансценденции. Этот надличностный метаинтервал бытия индивида, с одной стороны, конституируется самим человеком, когда тот покидает сферу конечных материальных интересов и мысленно устремляется в мир платоновских идеальных сущностей, с другой стороны, уровень надличностного каким-то загадочным образом выступает как шифр чего-то

онтологического, бесконечного, универсального, ибо отсылает к мироустроительным тайнам космологического измерения мира как сущего.

Для того, чтобы понять какую-либо смысложизненную истину, нужно пройти через сложный и драматичный опыт, но когда такой опыт получен и пришло понимание какой-то глубокой правды, часто бывает так, что индивиду уже поздно что-либо менять в своей жизни. Логично допустить, что данное обстоятельство является основным парадоксом экзистенции. Как его удастся разрешить в практическом плане отдельному человеку? Можно выстраивать свою жизнь как череду духовно-практических экспериментов с самим собой, можно рассматривать жизнь как свой собственный проект. Но такие жизненные стратегии часто дорого обходятся личности. Здесь предпочтительнее обратиться к многовековому опыту традиции своего народа, к мудрости прошлых эпох, к общечеловеческим инвариантам нравственности.

Вследствие экзистенциальной «травмы рождения» (О. Ранк) человек становится существом, для которого свое собственное существование становится перманентной смысложизненной проблемой, уйти от которой без деградации человеческой самости невозможно. Какие есть пути решения этой проблемы? Индивидуальный опыт ненадежен, опыт традиции может не вписываться в новый контекст истории. Но человек обладает таким мощным инструментом постижения окружающего мира, как собственный разум. Но если последний понимать как рассудок, как чисто логическую способность рассчитывать, калькулировать и препарировать живую ткань событий, то на этом пути скорее всего человека ждет поражение. К. Ясперс определяет разум как целостную сферу человеческой духовности, т.е. как «целостность мышления, деятельности, чувства»¹ Очевидно, что разум, взятый во всей полноте духовных способностей личности, более надежный помощник в осмыслении экзистенциального бытия. Однако разум необходимо уметь правильно применять. В чем здесь трудность?

Человек, – говорит Аббиньяно, – по природе своей – неопределенность, проблематичность, текучесть. Как понять этот тезис с интервальной точки зрения? Человек постоянно находится в разных интервалах, контекстах своего повседневного и культурного существования, и эти контексты по-разному комбинируются. Какая их комбинация будет завтра или через месяц, через год – никто не знает. В каждый текущий момент в зависимости от актуализирующихся в данных условиях качеств человека, он предстает в той или иной своей ипостаси. В этом смысле и можно говорить, что он есть неопределенность, открытость для новых возможностей и актуализаций. Но это лишь одна сторона дела, так сказать, объективная, но есть и другая – это способность личности делать свободный выбор в своем поведении, поступках, действиях. Тот факт,

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории – М.: Республика 1994, с.14.

что человек в каждом данном интервале может поступать так или иначе – это еще один элемент неопределенности.

Однако интервальный подход обращает внимание не только на момент неопределенности в природе человека, но и вскрывает объективную диалектику неопределенности и определенности. Контекстуальная детерминированность индивида и его сознания, ситуативность его поведения и реакций на окружающую реальность есть фундаментальный факт. Но это отнюдь не означает, что сущность человека сводится к его внутриинтервальному, ситуационному бытию, ибо в нем вместе с тем проявляются общесоциологические и общекультурные инварианты. Сущностное бытие человека предполагает момент определенности, устойчивости и универсальности. В своей жизненной практике человек не только обращается к высшим и вечным ценностям, он впитывает все бесконечное разнообразие мира, выбирая стратегию актуального и сущностного бытия. Человек как житель космоса – не бездомное существо, не сирота бытия, скорее, он – загадочная весть из «точки сингулярности», когда всё только начиналось, когда зарождалась сама Вселенная. Как гласит антропный принцип в космологии, наша Вселенная такова, что в ней возможен наблюдатель. Человеческая жизнь – великий дар и великое чудо. Осознание бесконечной ценности этого дара есть основание, ведущее к слиянию космического и личного начал в индивиде. Человек – зеркало Вселенной, но и Вселенная – зеркало человека, вглядываясь в которое, он превращается в существо, реализующее всю потенциальную полноту своего бытия. Смысл жизни – быть в гостях у мира, у Бога, внимать бытию, «стоять в просвете бытия» (М.Хайдеггер), вслушиваться в его звуки, вглядываться в его краски, творить добро, постигать истину, создавать красоту. В мире всегда есть место и время, чтобы стать человеком. Но человек – не только гость, но и хозяин. У него есть свой Дом бытия¹. Дом как эйдос культуры – это особый интервал, в котором обитает не наблюдатель, а хозяин. Это такая «среда обитания», которая выстроена по образу и подобию хозяина, соответствует его индивидуальности, его чаяниям и мечтам о гармонии. Это – мир как целое «изнутри» экзистенциального интервала.

4. Образы человека в цивилизационных парадигмах

Каждая крупная цивилизация и каждая эпоха (античность, Средневековье, Новое время, эпоха Просвещения) вырабатывала и предлагала обществу свой специфический «Образ человека». В христианской антро-

¹ Лазарев Ф.В., Трифонова М.К. Оправдание мудрости. – Симферополь: «Синтагма», 2011, гл. II. Дом бытия человека, с. 192 – 231.

пологии утверждалось, что человек был сотворен по образу и подобию Господа. В эпоху Гуманизма и просвещенческого цивилизационного проекта Нового времени человек понимался как вершина эволюции и высший цвет материи, как существо, способное к постоянному физическому и духовному совершенствованию в контексте общего прогресса человечества. В свою очередь, идеалом коммунистического учения было гармоничное и всестороннее развитие личности, формирующейся в условиях социалистического общества.

Цивилизация в горизонте современного западного мира основывается на некоторой, формирующейся на наших глазах, системе ценностей псевдолиберального толка. Они выстраиваются на «принципе отмены» – отмены традиционных смыслов и ценностей, включая идею «отмены» самого человека, отмены человеческого в человеке.

Представители данного типа цивилизации считают недопустимым навязывать индивиду какую бы то ни было «идеологию», систему традиционных нравственных ориентаций. Вброшенный в массовое сознание еще в XX в. философский лозунг «Человек умер», кажется, начинает воплощаться в жизнь. Индивид по собственному разумению выбирает для себя подходящий «образ человека» и образ себя. Создается иллюзия, что любой человек сам способен адекватно решать для себя фундаментальные проблемы экзистенциального характера, вопросы смысла жизни и т.п.

Но если из общественного сознания элиминировать такой архетип культуры, как «Образ человека» в контексте диалектики сущего и должного, то возникает множество вопросов, в том числе практического характера. Например, какую личность должна формировать система образования. Есть ли в педагогическом арсенале этой системы какие-то инструменты целенаправленного воспитательного процесса. и соответствующие теоретические основания для полноценного формирования подрастающего поколения? Как средняя, так и высшая школа, не имея таких оснований, все больше превращается в сферу «образовательных услуг». Существуют довольно устойчивые взгляды и концепции, согласно которым школа и не должна воспитывать подрастающее поколение, не должна навязывать детям какие бы то ни было нравственные установления. Им достаточно знать «основы права». Создается впечатление, что в обществе все больше исчезает нравственное начало, размываются этические категории и оценки. Считается, что все это должно заменить право и правосознание. Апелляция к моральным понятиям становится чем-то предосудительным. Конечно, на уровне бытового и обыденного сознания, на уровне семейных отношений какие-то остатки морали сохраняются в их примитивном варианте как черта «миров повседневности». Но, как демонстрируют бесконечные телешоу, и в этой сфере аморализм по отношению к ближним родственникам постоянно возрастает.

В этом контексте возникает общий вопрос: должны ли мы в России следовать неолибералистским установкам и отказаться от многовековой практики формирования нравственных начал у подрастающего поколе-

ния? Не должны ли мы сформировать новый «образ человека», соответствующий сегодняшним реалиям и запросам?

Способность человека включаться в такие сферы деятельности, в которых он всецело ориентирован на объективную истину, красоту, бескорыстную любовь, на универсальные смыслы и принципы, есть способность в чем-то аналогичная творческой мощи Создателя. Без этой божественной искры люди не смогли бы создать мощные цивилизации, великие творения в науке, искусстве, религии, философии. Создавая окружающий мир и человека в нем, Бог, конечно, мог бы создать идеальный порядок, в котором исключалось бы всякое зло и несовершенство. Но в таком случае человек стал бы идеальной машиной, а не творцом по образу и подобию Бога. Но для творчества ему нужна свобода воли.

Примечательно, что новый «образ человека», который назойливо навязывает современный Запад людям планеты, это постчеловек. Данный социокультурный образ несет в себе идею отмены человеческого в человеке, открывая дорогу процессу расчеловечивания человека. Такая стратегическая установка усиливает антропологический кризис. Однако следует подчеркнуть, что цивилизационный «закат Европы» вовсе не означает заката человечества в целом. Напротив, кризисные явления в западном мире являются тревожным сигналом всему остальному человечеству, предупреждением о том, что необходимо проявлять максимальную озабоченность в сохранении исторических традиций и базовых ценностей каждого народа. Из кризиса западного мира люди Земли должны вынести важный культурно-исторический урок. Он заключается в том, что нельзя повторять цивилизационные ошибки Запада. На смену однополярному миру приходит многомерное пространство локальных цивилизаций. В этом пространстве заметное место занимает социокультурное и геополитическое образование, которое условно можно было бы обозначить как «БРИКС-цивилизация». Идеология и философия этой цивилизации складываются на наших глазах. Важнейшим элементом здесь выступает принцип равноправия, самодостаточности и равной безопасности всех стран.

5. Антиномичность бытия человека

Бытие индивида по своей сути антиномично. С одной стороны, он существует в том или ином интервале, с другой – он пребывает в многомерной конфигурации интервальных контекстов. Исследовать специфику этого диалектического дуализма – важная задача интервальной антропологии.

Первый аспект, который здесь выступает как задача исследования, это бытие личности внутри отдельного локального интервала – в семье, в

коллективе, в сфере культуры. Индивид внутри интервала проявляет себя как результат актуализации отдельных его черт и особенностей в рамках данного бытийного контекста. Здесь наблюдаются свои нормы жизни, свои смыслы и установки. Любопытно, что индивид может жить в заданных условиях, довольствуясь своими внутриинтервальными интересами и представлениями, как бы целиком погружаясь в некий замкнутый и самодостаточный мирок. Но рано или поздно становится очевидным, что жить, ограничиваясь только «малым миром», невозможно. Человек вынужден переходить в новые природные и социальные пространства бытия. Другие интервалы могут быть трех основных типов – смежные, дуальные, иерархические (по типу «матрешки»). В физике примером конфигурации первого типа является связь двух систем отсчета с внутренним и внешним наблюдателем. Эта связь отражает диалектику относительного и абсолютного и регулируется *принципом относительности*. Примером конфигурации второго типа выступает дуализм волна-частица в квантовой механике. Здесь отношение интервалов регулируется *принципом дополненности* о Бора, отражающим диалектику актуального и потенциального. Примером конфигурации третьего типа служит связь макромира и микромира, описываемая соответственно классической и релятивистской механиками. Эта связь регулируется *принципом соответствия* и отражает диалектику прерывного и непрерывного. (Можно предположить, что существуют и другие типы конфигураций, отражающие диалектику той или иной категориальной пары – конечное и бесконечное, часть и целое и т.д.).

Разумеется, механизм перехода из одного интервала в другой зависит от типа конфигурации. Например, движение сквозь миры иерархического типа в чем-то проще других, ибо здесь индивид с самого начала существует одновременно во всех возможных интервалах иерархической связки. Как поется в популярной песне, «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз». Тем не менее, здесь есть своя сложная диалектика. Например, возникает проблема актуализации наблюдателя в каждом из иерархических интервалов. К примеру, можно переехать жить в другую страну и не чувствовать себя причастным к ее историческому прошлому, к господствующему там образу жизни местного населения, к его ценностям и традициям. Можно жить в Канаде и не чувствовать себя жителем Земли или Солнечной системы, космоса... Очевидно, что, например, космическое мировосприятие не приходит к индивиду само по себе, если оно не формируется определенным способом.

Отдельная проблема – это технологии и способы перехода из одного интервала в другой. Здесь возникают два момента. Во-первых, это природа скачка при смене интервалов присутствия – *трансгрессия*. Скачок может быть более или менее плавным, но может быть и резким и даже катастрофическим. Во-вторых, проблема *адаптации* к новому интервалу. Например, когда пассажир движется в вагоне поезда, он может, убегая от

погони, прыгнуть на полотно железнодорожного пути, рискуя получить тяжелые травмы. Но индивид может легко спрыгнуть на перрон в момент, когда поезд замедляет ход, так что прыжок будет почти незаметным. Во втором случае мы наблюдаем явление адаптации одного контекста к другому. Эта проблема представляет особый интерес в сфере социологии, когда человек переходит из одной цивилизации в другую, где свой, незнакомый ему язык, свои ценности и нравы. Очевидно, что для одного человека приспособление к новым условиям может быть плавным, а для другого чрезвычайно сложным и болезненным. Возникает шок от встречи с другой культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лазарев. Ф.В.* Истина и структура реальности. Основы интервального подхода. – Симферополь: «АРИАЛ», 2019.
2. *Лазарев. Ф.В., Литл Брюс А.* Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. – Симферополь: СОНАТ, 2001.
3. *Алюшин А.Л., Князева Е.Н.* Эндофизический поворот в эпистемологии, или Попытка увидеть мир изнутри. II *Философия и культура*, 2009, № 5 (17).
4. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории – М.: Республика 1994.
5. *Лазарев Ф.В., Трифонова М.К.* Оправдание мудрости. – Симферополь: «Синтагма», 2011, гл. II. Дом бытия человека.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ КАК СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

EXISTENTIALS AS MEANINGFUL FOUNDATIONS OF HUMAN EXISTENCE IN MODERN WESTERN PRACTICAL PHILOSOPHY

Бурханов Александр Рафаэлевич

канд. филос. наук, г. Сургут, Сургутский государственный университет, старший преподаватель кафедры философии и права.

Burkhanov Alexander Rafaelevich

Candidate of Philosophical Sciences, Surgut, Surgut State University, Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Law.

Аннотация: В работе анализируются экзистенциалы как модусы экзистенции. Подчеркивается, что в современной западной практической философии экзистенциалы понимаются как смысложизненные основания человеческого бытия в условиях ситуативности и конкретности.

Abstract: The work analyzes existentials as modes of existence. It is emphasized that in modern Western practical philosophy existentials are understood as the life-meaning foundations of human existence under situational and concrete conditions.

Ключевые слова: практическая философия, бытие, человек, экзистенция, экзистенциалы.

Key words: practical philosophy, being, human, existentia, existentials.

Актуальность темы обусловлена тем, что в современной практической философии экзистенциальная проблематика является узловой темой исследований. В ней формирование жизненного самоопределения личности является объектом концептуальной рефлексии, в основе которой лежит анализ экзистенции как уникального бытия индивидов и экзистенциалов как ее модусов в условиях ситуативности и историчности. Экзистенциальный опыт индивида – это совокупность рационально-рассудочных и эмоционально-волевых компонентов, объединяющих дискурс здравого смысла и дискурс обыденно-практического существования людей.

Понятие *экзистенции* обозначает неповторимое, конкретное существование индивидов [9, с. 1311]. В философии экзистенции осуществляется противопоставление бытия человека бытию вещи, а также способа понимания и самоосуществления человека, как принципиально незавер-

шенного, свободного и творческого существа, объективирующему познанию, которое сводит личность к природным или социальным процессам.

Модусами экзистенции выступают *экзистенциалы* – априорные феномены существования человека и способы выявления характерных качеств «Я»; категории бытия индивидов; основополагающие ценности, в которых воплощаются смыслы, цели и устремления людей. Как феномены сознания они являются априорными конструкциями, посредством которых задаются фундаментальные параметры бытия людей в мире. Экзистенциалы интенцируют усилия индивида по формированию его «жизненного мира», обретению смысложизненных оснований и самореализации в мире.

В диалектической взаимосвязи эти модусы человеческого бытия соединяют в себе чувственное и рациональное, разум и сердце, повседневное и трансцендентное, «высвечивая» конкретную смысложизненную ситуацию, в которой происходит мировоззренческий выбор человека. Экзистенциалы как бы «сплавляют» воедино познание и волю, мысли и чувства, поэтому их можно назвать «мысле-чувствами» [1, с. 3, 8–10; 3, с. 5, 12–15, 17–20, 366].

Экзистенциалы предельно конкретны, поскольку способны концентрироваться на деталях и случайностях нашей жизни; эмоционально окрашены, так как понятия в них соединены с переживаниями; ассоциативны, т.е. соотносительны с понятиями, образами и символами. Модусы экзистенции пластичны: они способны плавно «перетекать» друг в друга и «прорасти» друг в друге. Если познавательный дискурс науки ориентирован на истину, то ценностный дискурс экзистенциалов ориентирован на *правду*.

Как всеобщие мировоззренческие конструкции, феномены экзистенции рефлектируют и конституируют жизненный опыт личности. Они соединяют в себе имманентное (повседневное) и трансцендентное (абсолютное). Трансцендирование, как целе- и смысложизненное стремление человека к трансцендентности, есть возможное изменение его самого, движение к полноте самобытия. Как исходящее в мир проявление субъектности человека, трансцендирование представляет собой выход человека за данную ему стихийно и натурально ситуацию, переход через границы своей области бытия, за пределы себя самого [6, с. 26; 11, с. 343]. Человек реализуется как Я, трансцендируя к личностному единству, вовлекаясь в его цели и смыслы.

По нашему мнению, необходимо различать «экзистенциализм» как течение, обобщающее опыт решения проблемы историко-культурной и ситуативной обусловленности существования индивидов, и «экзистенциальную философию», осуществляющую феноменологическую интерпретацию проблематики бытия людей. «Экзистенциальная философия»

охватывает более широкий, чем «философия существования», спектр мировоззренческих и смысловых интенций. В свою очередь, «философия экзистенциалов» акцентирует внимание на модусах бытия человека в конкретной взаимосвязи.

В западной философской традиции выделяют экзистенциалы «отрицательные» – *одиночество, смерть, тревогу, страх, отчаяние* – и «положительные» – *веру, надежду, любовь*, – а также другие фундаментальные модусы человеческого существования – *самотождественность, целостность, открытость, телесность, духовность, творческую активность, трансцендирование, экзистирование, свободу, ответственность* [2, с. 254–266, 340–352; 5, с. 64–69, 198–221; 8, с. 27–58, 133–137, 161–162, 188; 12, с. 93–129]. С одной стороны, – это понятия, посредством которых мыслители рассуждают об идее человека, а с другой – модусы экзистенции, осознавая которые люди в определенных ситуациях переживают себя как конкретную *жизненную проблему* [7, с. 91–101]. Фундаментальные антропологические конституанты задают границы, где индивид существует в рамках своего «жизненного мира».

Некоторые исследователи считают модусами экзистенции *наличность, потенциальность, невыносимость, кажимость*, а также *жизнь и ненависть* [10, 11–12, 392–396]. С древних времен важнейшими способами постижения людьми своего жизненного бытия и определения смысла жизни служили экзистенциалы *правды и неправды* [4, с. 40–46].

Хотя экзистенциалы осознаются и переживаются людьми, прежде всего, в условиях повседневности, их концептуальное познание способна осуществить только практическая философия. О модусах бытия индивидов размышляли еще мудрецы Древности, Средних веков и Нового времени, однако в центр внимания эту проблему поставили неклассические мыслители, применившие феноменологический подход к анализу антропологических конституант.

Тем самым экзистенциалы человеческого существования стали модусами современного философствования, что существенно расширило поле его рассмотрения, включив в него не только теоретические построения мыслителей, но и дискурсы обыденного опыта индивидов, а также насыщенные мировоззренческим содержанием художественные образы, воплощенные в произведениях литературы и искусства.

В фундаментальной онтологии М. Хайдеггера основополагающим экзистенциалом выступает *забота*, а исходным модусом *Dasein* – «бытие-в-мире». Как «собственный» способ присутствия в мире «забота» обозначает структуру бытия индивида в целостности. Однако *Dasein* – не экзистенция, а лишь указывает на нее. В экзистенциальной антропологии, напротив, в центре анализа находится экзистенция как конкретное бытие индивидов. Исходным модусом экзистенции у К. Ясперса является «бытие-в-мире», у Ж.-П. Сартра – «бытие-в-ситуации», у А. Камю – «человек-в-мире» («бытие-человека-в-мире»), у Г. Марселя – «нахождение-в-ситуации».

Основополагающим экзистенциалом, вокруг которого центрируются другие феномены бытия человека, в антропологии К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, А. Камю и Г. Марселя, является экзистенциал *свободы*, связанный с экзистенциалом *ответственности*. Свобода реализуется в единстве с другими экзистенциалами, проявляясь в «отрицательных» (одиночество, смерть, страх) и «положительных» (вера, надежда, любовь) модусах существования индивидов.

В философии экзистенции и трансценденции К. Ясперса свобода как экзистенциал априорно задана в сознании индивида; как нечто спонтанное, она существует на границе «между» экзистенцией и трансценденцией. Экзистенциальная свобода и связанная с ней ответственность реализуются в подлинной коммуникации индивидов. В антропологии Ж.-П. Сартра свобода как естественное состояние людей сводится к стремлению, постановке задач и выбору целей. Люди как свободные существа создают себя посредством выбора, а конкретный индивид полностью ответствен не только за себя, но также за все происходящее в обществе и окружающем его мире. В антропологической концепции А. Камю бытие человека определяется его природой и содержит в себе совокупность возможностей, полагающих или ограничивающих свободу личности. Абсурд и бунт рассматриваются им как экзистенциалы. Писатель не утверждает абсолютности свободы, а ответственность понимает как ответственность индивида только перед собой. В антропологии Г. Марселя свобода – это согласие или отказ (модусы подлинного и неподлинного бытия), которые мы можем высказать в отношении к Божественной благодати. Подлинное бытие индивида проявляется в intersубъективности, открытости другим людям и Богу, диалоге «Я» и «Ты».

Таким образом, логика развития «философии экзистенциалов» как смыслообразующих конститuant конкретного человеческого бытия в современной западной мысли предполагает концептуальное движение от онтологии присутствия, которое лишь обозначает экзистенцию, к философской антропологии самой экзистенции [1, с. 8–10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурханов А. Р. Экзистенциалы человеческого бытия как модусы западной постнеклассической философии: от фундаментальной онтологии к экзистенциальной антропологии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Бурханов Александр Рафаэлевич. – Омск, 2015. – 23 с.
2. Вальверде К. Философская антропология / К. Вальверде. – М.: Христианская Россия, 2000. – 412 с.

3. Гагарин А. С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх. От Античности до Нового времени / А. С. Гагарин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 372 с.
4. Денисов С. Ф. Экзистенциальный смысл правды и неправды / С. Ф. Денисов // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. – 2000. – Вып. 4. – С. 40–46.
5. Золотухина-Аболина Е. В. Философская антропология: Учебное пособие / Е. В. Золотухина-Аболина. – М.; Ростов н/Д.: МарТ, 2006. – 240 с.
6. Мамардашвили М. К. Введение в философию / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Философские чтения. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – С. 5–170.
7. Моторина Л. В. Философская антропология.: Учеб. пособ. для вузов / Л. В. Моторина. – М.: Высшая школа, 2003. – 256 с.
8. Тиллих П. Теология культуры / П. Тиллих // Тиллих П. Избранное: Теология культуры. – М.: Юристъ, 1995. – 479 с.
9. Тузова Т. М. Экзистенция / Т. М. Тузова // История философии: энциклопедия / Гл. ред. А. А. Грицанов. – Минск: Книжный дом, Интерпрессервис, 2002. – С. 1308–1311.
10. Философская антропология / Под ред. С. А. Лебедева. – М.: Академкнига, 2005. – 423 с.
11. Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии / С. Л. Франк // Франк С. Л. Сочинения. – М.: Правда, 2000. – С. 181–559.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

ИНТЕРВАЛЬНЫЙ ПОДХОД В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

THE INTERVAL APPROACH IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF MODERN PRACTICAL PHILOSOPHY

Креминский Александр Иванович

Доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Kreminsky Alexander Ivanovich

Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация: в статье анализируется проблема методологического инструментария современной практической философии, прежде всего речь идет об интервальной методологии и ее роли в осмыслении актуальных проблем современности. Особое место в статье уделено исследованию принципа интервальности в конститутивном контексте.

Abstract: the article analyzes the problem of methodological tools of modern practical philosophy, first of all, it is about interval methodology and its role in understanding current problems of our time. A special place in the article is devoted to the study of the principle of interval in a constitutive context.

Ключевые слова: интервальный подход, принцип интервальности, конститутивность, практическая философия, интервал абстракции.

Keywords: interval approach, the principle of interval, constitutivity, practical philosophy, interval abstraction.

Релятивизм и проекты «спасения истины» в истории философии

Небывалый динамизм развития глобального мира делает все более настоящим обращение к эвристическим возможностям *практической философии* в наших попытках всесторонне и глубоко осмыслить ход современной мировой истории во всей ее противоречивости и многомерности. Глобализация не только ускорила все мировые процессы, но и сделала их сверхсложными и многоуровневыми. Однако адекватное понимание идущих на планете процессов требует эффективного методологического инструментария, способного вооружить исследователя

соответствующими технологиями анализа. Среди современных методологических подходов следует особо выделить *интервальную методологическую программу*, детальное изложение которой мы находим в фундаментальной работе основателя этой программы Ф.В. Лазарева¹.

Релятивизм как методологическая установка и как философское течение появляется еще в трудах древних мыслителей. Важно, однако, подчеркнуть, что релятивизму, как правило противостоял тот или иной противоположный подход. Так, в древнегреческой философии кратиловскому релятивизму, софистическим учениям и скептицизму противостоял разработанный Платоном и Аристотелем логико-философский проект «спасения истины». Ими был разработан и введен в мыслительную практику принцип определенности в виде закона тождества и других законов формальной логики, а также процедур определенности понятий. В контексте учений Платона и Аристотеля истина рассматривалась как *соответствие* суждения объективному положению дел. Эта классическая концепция в последующие века была принята на вооружение во многих философских учениях и формирующейся наукой.

В Новое время аристотелевская парадигма органично вписывается в более широкий философско-методологический контекст, сформировавшийся на базе классической физики Галилея-Ньютона. Ученые были убеждены в том, что истины науки абсолютны и универсальны в силу того, что законы природы носят объективный и универсальный характер. Кроме того, окружающий мир подчиняется принципу, который Лейбниц обозначил как «принцип непрерывности» («природа не делает скачков»).

Представляет особый интерес тот факт, что в рамках новой парадигмы такие категории, как объективность, причинность, истина, рациональность и др. не только выполняют мировоззренческую функцию, но и играют в научно-исследовательской деятельности ученых конститутивную роль. Это значит, что они образуют априорный смысловой базис научного дискурса, задавая принципы, цели и средства постижения окружающего мира, способы интерпретации и рациональной обработки научного опыта. Естествознание XVII-XVIII вв., взяв на вооружение эксперимент и метод количественного описания изучаемых явлений, решительно отвергло средневековую схоластику, субъективизм и произвол в построении абстрактных моделей мироустройства. Признание объективной истины было важнейшей методологической установкой ученых названного периода. Эта установка дополнялась учением о детерминизме, определяющем протекание явлений в природе. Очевидно, что без отмеченных категорий и принципов научное мышление потеряло бы свою предметно-смысловую ориентированность и системность. Было бы утрачено различие между научным знанием и ненаучным, между рационально обоснованным построением теории и произвольным конструи-

¹ См. Лазарев Ф.В. Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии. – Симферополь: «АРИАЛ», 2019.

ровании спекулятивных моделей. Не только вопрос об *основаниях знания* (т.е. исходных абстракций и допущений), но и вопрос о *конститутивных координатах* познавательной деятельности ученых становится все более важной логико-методологической проблемой.

К началу XX в. ситуация в развитии науки резко меняется, особенно под влиянием революции в естествознании и математике. В течение двух-трех десятилетий были подвергнуты сомнению многие базовые истины классической науки. Обнаружение парадоксов в математике, создание специальной теории относительности и квантовой физики – все это потребовало радикального пересмотра не только многих научных представлений, но и самой методологической базы науки.

В результате дух релятивизма и плюрализма охватил как науку, так и культурное самосознание эпохи в целом, проникнув в сферу морали, права, политики, искусства и т.д. Следует констатировать, что в рамках западной цивилизации этот процесс – отнюдь не временный зигзаг в социокультурной эволюции. Напротив, он становится своего рода отправной точкой для развития негативных процессов, затрагивающих существенные измерения человеческого бытия, например, известный феномен расчеловечивания человека в контексте «трансгендерных» стратегий правящих элит современной Европы. Первый шаг в данном направлении – это отказ от абсолютного измерения в понимании таких традиционных ценностей, как семья, брак между мужчиной и женщиной и т.п. Второй шаг – это подмена традиционных ценностей и культурных смыслов ценностями и смыслами, ведущими к обездуховливанию человеческой личности.

Другая линия процесса релятивизации связана с осмыслением его в рамках философской рефлексии. Еще в 60-70 г.г. прошлого столетия обсуждаемая проблема во многом предопределила формирование философской школы, которая известна в сфере философской мысли как постмодернизм. Представители данного направления продолжают линию релятивизации в рамках философских изысканий. Для теоретиков постмодерна характерна критика всей прежней философской культуры и рациональности, твердо стоявших на протяжении столетий на принципах объективности знания¹.

Когда мы говорим о процессах релятивизации науки и искусства, следует иметь в виду два разных аспекта: 1) предметный уровень, 2) рефлексия в сфере общественного сознания над этим предметным уровнем. Вся суть в том, что релятивизация понятий и законов в науке представляла собой некий конкретный и понятный для всех факт (например, обнаружение ограниченной применимости понятий и законов классической механики). И совсем другое дело, когда этот факт истолковывается на

¹ См.: Деррида Ж. Вокруг вавилонских башен. СПб.: Академический Проект., 2002.

уровне того или иного типа рефлексии в рамках общественного сознания как господствующее умонастроение эпохи. Понятно, что в конечном счете оба процесса сливаются в один поток, который, в сущности, и был истолкован философами постмодерна как некий общекультурный итог. По их мнению, последний заключается в том, что проблема истины является фактически не артикулируемой, поскольку в качестве единственной и предельной предметности выступает «текст», рассматриваемый в качестве самодостаточной реальности вне соотнесения с внеязыковой реальностью «означаемого».

Совершенно очевидно, что начавшийся в начале XX в. процесс релятивизации со временем породил необходимость в разработке методологических программ, которые бы могли стать некой основой противостояния названному процессу. Одной из таких программ преодоления релятивистской парадигмы является разработанная Н. Бором в 20-30 г.г. прошлого века концепция дополнительности. Ядром названной концепции выступает известный *принцип дополнительности*, который, как показал великий датский физик, является обобщением принципа относительности. Оба принципа демонстрируют относительность физических процессов к средствам локализации и описания. В одном случае – относительность к системе отсчета, в другом случае – относительность к прибору. Эту идею в дальнейшем развивает и углубляет академик А.В. Фок. Дополнительность связана с диалектикой актуального и потенциального. В одних экспериментальных условиях физический объект, например, электрон, ведет себя как частица, в других условиях актуализируется другая ипостась объекта, его волновые свойства. Электрон, таким образом, выступает как единство корпускулярных и волновых свойств.

В 60-70 г.г. в рамках интервального подхода происходит метатеоретическое осмысление и обобщение ключевых принципов и базовых абстракций современной физики. В некотором смысле можно сказать, что теория интервальности – это философское обобщение ключевых принципов физики XX в. «Было бы ошибочно думать, что интервальная методология является обычным формальным обобщением физических абстракций. Во-первых, физика была хотя и важным, но только одним из истоков данной методологии. Не менее значительную роль в ее становлении играли философские идеи ряда классических учений, например, Лейбница, Гегеля, Маркса. Во-вторых, новые интервальные концепты есть результат не только идейной преемственности, но и введение в оборот принципиально новых представлений, которые непосредственно не вытекают из предшествующего мыслительного опыта науки и философии»¹.

В сущности, в современную эпоху интервальная парадигма, раскрывающая во всей полноте диалектику абсолютного и относительного, играет такую же роль в преодолении нынешних форм релятивизма, какую со-

¹ Лазарев Ф.В. Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии. – Симферополь: «АРИАЛ», 2019. С. 131.

ответственно играла в древности и в Средние века парадигма, созданная Платоном и Аристотелем, а также методологическая программа, разработанная философами и классиками естествознания XVII–XVIII в.в. Различие здесь заключается только в том, что логико-методологический аппарат интервального подхода еще не вошел в должной степени в культуру научного мышления современного этапа развития теоретического знания. Речь идет о таких понятиях как принцип интервальности, гносеологическая точность, интервал абстракции, запас прочности теории, гносеологическая фокусировка, конституитивность и др.

Интервальность как конституитивный принцип

Разработка интервальной методологии в контексте научно– технологической революции XXI в. предполагает углубленный анализ как ключевых понятий данной методологии, так и отдельных абстракций, образующих каркас методов научного абстрагирования (например, «абстракция отождествления», «абстракция созерцательности» и т.п.) Важное место среди этих понятий занимает принцип интервальности. В текущем году исполняется 50 лет с момента его открытия¹. Ниже мы кратко проанализируем данный принцип с точки зрения его конституитивной функции в познании. Названный принцип основывается на трех постулатах:

- 1) *Структура мира интервальна. Это проявляется в многомерности, многоуровневости познаваемой реальности.*
- 2) *Ни один субъект познания не является абсолютным наблюдателем, обладающим особыми возможностями доступа к истине: любой субъект познания всегда занимает лишь относительную по своей природе «познавательную позицию», например ту или иную систему отсчета.*
- 3) *Любая познавательная позиция определяет лишь возможность получения истины: эта возможность превращается в действительность, когда с помощью определенного метода достигается «интервальная состыковка» субъекта и объекта познания².*

Характеризуя данный принцип, Ф.В. Лазарев пишет: «С одной стороны, принцип интервальности находит свое обоснование в истории физики, в принципах относительности и дополнительности (и обоснование и

¹ Лазарев Ф.В. Относительность и принцип интервальности II Проблемы теории познания, логики и методологии науки – М.: Издательство Московского университета. 1974, с.218-233.

² Лазарев Ф.В. Трифонова М.К. Философия. – Симферополь: СОНАТ, 2003. – с. 228-229.

прояснение), с другой – он, будучи приращением философского содержания, сам позволяет по-новому, с более широкой точки зрения посмотреть на смысл принципов физической науки. Однако в полной мере его эвристический потенциал связан с возможностью применения интервальной методологии во всех сферах познавательной деятельности людей. Прежде всего, речь идет о корпусе социально-гуманитарного знания, об изучении таких сфер, как история, общество, культура, человек»¹.

В борьбе с различными версиями современного абсолютного релятивизма сторонники интервальной парадигмы прежде всего фокусируют свое внимание на таких базовых понятиях как *истина* и *объективность*. Анализ показывает, что если мы рассматриваем истину и объективность в качестве смыслозадающих категорий человеческого познания, то мы должны принять принцип интервальности в качестве принципа, который отвечает на вопрос: как возможна истина. В рамках интервальной парадигмы не отбрасывается смысловое ядро аристотелевского понимания истины как соответствие мысли тем или иным объектам или событиям мира, но при этом вносится важное уточнение: истина – это соответствие мысли и объекта в одном из возможных миров, который входит в некую единую конфигурацию – «Большой мир». Отсюда следует, что любая истина, во-первых, не универсальна, а отражает лишь положение дел в одном из возможных миров, а, во-вторых, относительна, т.е. справедлива в рамках того или иного интервала абстракции. Таким образом, интервальная философия радикально переосмысливает как объект познания (определяя его как *многомерную* сущность), так и познающий субъект (который всегда помещен в ту или иную познавательную позицию).

Понятие конститутивности выражает фундаментальный гносеологический факт зависимости смыслов и истин от *условий познания*. Касаясь этой проблемы, Н. Бор отмечает, что парадоксы и понятийные противоречия, с которыми столкнулись ученые при создании теории относительности и квантовой механики, в конечном счете, нашли свое объяснение «только благодаря более тщательному рассмотрению ограничений, налагаемых самими вновь открытыми опытными фактами на однозначное применение понятий, входящих в описание явлений»². Датский ученый обращает особое внимание на два обстоятельства: во-первых, при разработке теории относительности решающим было признание того, что наблюдатели, движущиеся друг относительно друга, будут описывать исследуемые явления существенно различным образом, во-вторых, при раскрытии смысла парадоксов атомной физики обнаруживается тот факт, что неизбежное взаимодействие между объектами и измерительными приборами ставит абсолютный предел для возможности говорить о по-

¹ Лазарев Ф.В. Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии. – Симферополь: «АРИАЛ», 2019. С. 132.

² Бор. Н. Атомная физика и человеческое познание – М.: Изд-во иностранной литературы. 1961, с.41-42.

ведении атомных объектов как о чем-то не зависящем от средств наблюдения¹.

Анализ показывает, что принцип интервальности не только рассматривается в одном ряду с такими категориями как объективность, истина, причинность, но и образует с ними единое целое, ибо в конститутивном контексте они оказываются взаимозависимыми. Если мы признаём принцип познаваемости мира, т.е. феномен объективной истины, то мы должны признать и принцип интервальности, который делает возможным рационально говорить об истине, равно как и о смысловом содержании любых научных понятий (так, например, такое понятие как вес предмета, теряет физический смысл, если предмет находится в лаборатории в условиях невесомости; это значит, что смысл научного понятия не может быть задан, если не указана соответствующая конститутивная система отсчета). Принцип интервальности, таким образом, выступает как философское допущение, которое возвращает таким категориям, как истина, рациональность и т.п. их подлинное место в структуре познавательной деятельности человека.

Практическая философия как культура ума

В 45г. до н.э. Цицерон, размышляя над природой философии, определил ее как *культуру ума*. Похоже на то, что это определение в известном контексте остается верным и в наше время. И. Кант видел основной смысл практической философии в этической культуре. Однако сегодня мы вправе добавить в эту отрасль знания и еще одну супрепозицию – культуру ума. Дело в том, что ум как сущностная сила – отнюдь не врожденное качество субъективного мира человека. Ум приходится развивать каждому отдельному индивиду. Особенно важно в социокультурном контексте иметь это качество тем людям, которые наделены правом принимать решения, касающиеся судеб людей. Здесь нужна способность личности к диалектическому, системному и интервальному мышлению. И эту способность надо сознательно и целенаправленно в себе совершенствовать.

Именно в указанном плане возрастает значимость практической философии, основанной на многомерном видении реальности. Концепция многомерного мышления вовсе не сводится только к новой методологии. Речь идет прежде всего о новой философии, суть которой в признании полиинтервальности мира и познания. У нее есть своя метафизика, своя эпистемология и методология. Полиинтервальная философия, с одной

¹ Бор. Н. Атомная физика и человеческое познание – М. : Изд-во иностранной литературы. 1961, с.41-42.

стороны, органически вбирает в себя предшествующие классические системы философствования, с другой стороны, она не сводится ни к какой одной конкретной точке зрения на мир и человека. Речь идет о парадигме, которая принимает только один онтологический тезис – положение о множественности интервалов реальности. Она накладывает запрет на исключительное доминирование в культурном самосознании той или иной отдельной модели бытия как в настоящем, так и в будущем. Старая парадигма пришла в противоречие с реалиями современного глобального мира. На смену ей приходит постнеклассическая версия – полиинтервальная концепция и соответствующие ей каноны и технологии мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лазарев Ф.В.* Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии. – Симферополь: «АРИАЛ», 2019.
2. *Деррида Ж.* Вокруг вавилонских башен. СПб.: Академический Проект, 2002.
3. *Лазарев Ф.В.* Относительность и принцип интервальности II Проблемы теории познания, логики и методологии науки – М.: Издательство Московского университета. 1974.
4. *Лазарев Ф.В.* Трифонова М.К. Философия. – Симферополь: СОНАТ, 2003.
5. *Бор. Н.* Атомная физика и человеческое познание – М.: Изд-во иностранной литературы. 1961.

УДК 17.025:008

ПРИНЦИПЫ ЭТИКИ НООСФЕРЫ КАК ЦЕЛОГО В ОТНОШЕНИИ ЕЁ КОМПОНЕНТОВ

PRINCIPLES OF THE NOOSPHERE ETHICS IN RELATION TO ITS COMPONENTS

Григорьев Павел Евгеньевич

доктор биологических наук, доцент, ГБУЗ РК «АНИИ имени И.М. Сеченова», г.Ялта, ведущий научный сотрудник ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, профессор кафедры психологии

Grigoriev Pavel Evgenievich

Doctor of biological sciences, Associate Professor Yalta, Academic Research Institute named after I.M. Sechenov, leading researcher, Sevastopol State University, Sevastopol, Professor of Psychology Department

Аннотация: Согласно О.А. Габриеляну и И.Э. Сулейменову, этика является одной из надличностных структур ноосферы. Обсуждается, что этика ноосферы как целого предполагает рост свободы, связности и осознанности ее компонентов – в частности, у обладателей психики.

Abstract: According to O.A. Gabrielyan and I.E. Suleimenov, ethics is one of the supra-personal structures of the noosphere. It is discussed that the ethics of the noosphere as a whole presupposes an increase in freedom, integrity and awareness of its components – in particular, in the possessors of psyche.

Ключевые слова: этика, ноосфера, психика, надличностные структуры.

Keywords: ethics, noosphere, psyche, supra-personal structures.

С точки зрения системного подхода, критерии этики как сложной системы, например, у такого обладателя психики, как человек, можно искать в требованиях надсистем. Наиболее глобальной надсистемой для человека является ноосфера. Следует понять – какие этические требования человек может воспринимать от надличностного уровня ноосферы, который проявляется в любых формах общественного сознания, согласно [1, с. 47].

Появление ноосферы можно представить как результат прогрессивной эволюции материи от простейших неживых систем до рефлексирующих и сознательно взаимодействующих субъектов. При этом необходимость (а не случайность) эволюции от низших форм к высшим

не следует из современного аппарата неравновесной термодинамики в сочетании с теорией информации и кинетикой переходных процессов: остается открытым вопрос о существовании законов развития материи: 1) от простого к сложному, 2) от однообразного к разнообразному, 3) от разобщения к целостности [2, с. 12]. Между тем, уже в 1930-е гг. Э.С. Бауэр [3] разработал сохраняющие актуальность общие принципы, в соответствии с которыми существуют и поступательно эволюционируют живые системы: 1) принцип устойчивого неравновесия: живые системы постоянно совершают работу, чтобы остаться живыми; 2) принцип работы структурных (системных) сил: если в неживых системах в работу превращается энергия топлива, то в организме – избыточная свободная энергия внутренних структур (для чего постоянно совершается работа не только по их «зарядке», но также развитию и репарации); 3) принцип увеличивающейся внешней работы: рост работоспособности живой системы позволяет эффективнее выживать и адаптироваться. Из принципов 1 и 3 следует, что любая активность живой системы является регулирующей, поскольку направлена на сохранение её работоспособности. Из принципа 3 следует, что эволюция – устойчиво неравновесный процесс и характеризуется неуклонным возрастанием количества и качества информации [4, с. 16], тем самым обеспечивая рост негэнтропии в биосфере и ноосфере. Из принципа 2 следует наличие ритмики в живой системе и возможность её синхронизации со значимыми факторами природной и социальной среды. Этим можно объяснить модуляцию деятельности живых систем космической погодой и согласованную динамику надличностных структур ноосферы – в планетарном масштабе [5].

С наступлением ноосферного этапа эволюции, который, вероятно, является предтечей ее космического этапа (как его понимали видные представители русского космизма [6]), именно надличностные структуры ноосферы берут на себя ведущую роль в эволюции. Несомненно, переход к космическому этапу эволюции немислим без существования в ноосфере этики как одной из надличностных структур, появление которой постулируют О.А. Габриелян, И.Э. Сулейменов и называют третьей сигнальной системой [1, с. 81, 84]. Среди аргументов ее появления – присущие человеку биологически целесообразные этические формы поведения [1, с. 81], выявленные в этологических и психогенетических исследованиях. Однако, на каком именно этапе развития ноосферы и при каких условиях возникает третья сигнальная система? Полагаем, что при самом своем появлении ноосфера как целое сразу же налагает «сверху» своего рода «этические» требования в отношении компонентов (в том числе, к обладателям психики), поскольку практически все сложные системы реализуют этическое поведение [7], в том числе, посредством управления подсистемами.

Конкретно, человек этически обусловлен тройко:

1) Как индивид (со стороны природы – посредством 1-ой сигнальной системы).

2) Как социальный индивид (со стороны общества в специфически человеческой среде обитания – посредством 2-ой сигнальной системы).

3) Как компонент надсистемы – ноосферы (взаимодействуя с ней как с живым и трансцендентным – посредством 3-ой сигнальной системы).

Этика в системе отношений «человек-ноосфера» двойственна по генезу и существованию:

1) имеет основания в биологическом, культурно-историческом и является «клеем» для социального;

2) имеет основания в собственных целях и мотивах живой ноосферы как целого.

Третья сигнальная система неоднородна в своем происхождении и проявлениях. С одной стороны, она складывается из мозаики моралей различных культур и этносов, переплетений судеб, запечатлевается в социальном индивиде. Современные средства коммуникации и гаджеты потенцируют этот процесс. Но также мы сознательно и бессознательно взаимодействуем с «живой» ноосферой и другими компонентами биосферы и космоса посредством общезначного «языка», чьи корни – в общих законах развития форм материи.

Уже первобытный человек реализует своё поведение в соответствии с безусловной уверенностью в одушевлённости природы (аниматизм). Что, если это чувство является не сбоем антропогенеза, но переживанием единения с надличностными структурами ноосферы? Человек погружен в сакральное. Оно существует двояко [8, с. 9]: 1) как социальное (Э. Дюркгейм), 2) как нуминозное в его связи с абсолютным, всеобщим (М. Элиаде, К.Г. Юнг).

Если последнее верно, то надсистемную составляющую этики ноосферы человек может воспринимать на символическом, архетипическом уровне, ощущая эмоционально-информационное единство сакрального, нуминозного, побудительную функцию нелокальной интуиции [9, с. 381] – иногда вопреки стереотипам. В подобных случаях индивид иногда может выступить своего рода проводником «воли» ноосферы. Более того, иногда сами события складываются в странную мозаику, будто бы имея целевую причину, Корни этого также следует искать в «целях», «замыслах» надличностных структур ноосферы.

Полагаем, что этика ноосферы задает направление ходу ноосферной истории, которая, согласно Д.Г. Смирнову [10, с. 14-15], в содержательном плане предстает как процесс сапиентизации и задает движение от преджизни к жизни и сверхжизни, восхождение от простого к сложному и сверхсложному, от подсознания к сознанию и сверхсознанию, от сигнала к знаку и символу, от индивидуального к коллективному и общечеловеческому разуму, от homo sapiens к homo sapiens sapiens и homo sapiens noospherus.

В свете принципов Э.С. Бауэра, с учетом оснований ноосферной истории Д.Г. Смирнова, сигнальных систем О.А. Габриеляном, И.Э. Сулейменовым, введём минимальный набор принципов-смыслов этики ноосферы как целого: 1) свобода; 2) связность; 3) осознанность. Их взаимодействие между собой и внутренняя динамика подчиняются законам диалектики.

Подытожим изложенное выше в таблице:

Принципы эволюции:	от простого к сложному	от однообразного к разнообразному	от разобщения к целостности
Принципы живых систем Э.С. Бауэра:	устойчивого неравновесия	работы структурных (системных) сил	увеличивающейся внешней работы
Принципы ноосферной история Д.Г. Смирнова:	от преджизни к жизни и сверхжизни	от простого к сложному и сверхсложному	от подсознания к сознанию и сверхсознанию
	от сигнала к знаку и символу	от индивидуального к коллективному и общечеловеческому разуму	от homo sapiens к homo sapiens sapiens и homo sapiens noospherus
Сигнальные системы для адаптации человека по О.А.Габриеляну, И.Э.Сулейменову	1 – с окружающим миром	2 – с социальным миром	3 – (?) этика как одна из надличностных структур ноосферы
Принципы ноосферной этики	Свобода	Связность	Осознанность

В системе координат этих принципов можно представить различные воззрения на саму этику, а также этапы развития психики в филогенезе (например, по А.Н. Леонтьеву [11]) и онтогенезе.

Человеческий индивид почти свободен от инстинктов, но стать личностью и обрести осознанность вне социума не способен, – в силу этого человек несет бремя экстремальной связности с обществом. Связность в балансе со свободой обеспечивают оптимальные схемы для интеграции при сохранении гибкости в регуляции любых сложных систем. Осознанность объединяет в единую функцию подсознание, сознание и сверхсознание и, соответственно, 1, 2 и 3 сигнальную системы; обеспечивает эффективное выполнение внешней работы и внутренней саморегуляции. Осознанные выборы возможны там, где есть свобода, и тем более необходимы, когда субъект через связность с другими субъектами и объектами оказывает на них всё большее влияние вследствие принципа увеличивающейся внешней работы. В целенаправленной активности деятельность

и этика тесно переплетены и едины, зачастую перетекая друг в друга. Деятельность должна быть этической, этика – деятельной; выборы – ответственными и не противоречить «воле» ноосферы.

Таким образом, побудительная функция этики ноосферы как целого в отношении её компонентов на различных иерархических уровнях такова, что стимулирует возрастание их свободы, осознанности и связности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Габриелян О.А., Сулейменов И.Э.* Теория сложных систем: ноосферный контекст. – Симферополь: КФУ имени В. И. Вернадского, 2023. – 168 с.
2. *Войков В.Л.* Принцип увеличивающейся внешней работы Э. Бауэра и прогрессивное развитие материи // Феномен и ноумен времени. – 2004. – Т.1 (1). – С.12-15.
3. *Бауэр Э.С.* Теоретическая биология. – М.-Л.: ВИЭМ, 1935. – 151 с.
4. *Шноль С.Э.* Эрвин Бауэр и «Теоретическая биология» // Сборник научных трудов «Эрвин Бауэр и теоретическая биология (к 100-летию со дня рождения). – Пущино: Пушкинский научный центр РАН. – 1993. – 257 с. – С. 7-22.
5. *Сулейменов И.Э., Григорьев П.Е.* Физические основы ноосферологии. – Алматы: LEM, 2008. – 160 с.
6. *Миргородский В.Н.* Слово о русском космизме // Проблемы русского космизма. – 2016. – Т. 1. – С. 178-185. – doi:10.24412/cl-36502-2016-178185
7. *Левфер В.* Космический субъект. – М.: Когито-центр, 2005. – 222 с.
8. *Луговский Г.* О природе сакрального. К истокам духовного опыта – «Издательские решения», 2015. – 79 с.
9. Разведочный анализ факторов интуиции / Григорьев П.Е., Васильева И.В., Заева М.А. и др. // Пространство и Время. – 2015. – № 1-2. – (19-20). – С. 377-382.
10. *Смирнов Д.Г.* Онтолого-гносеологические основания ноосферной истории: универсумно-семиологический и системно-синергетический подходы. – Автореферат дисс... докт. философ. наук. – Иваново, 2012. – 62 с.
11. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. – М.: АПН РСФСР, 1959. – 496 с.

УЧЕТ СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ В СОВРЕМЕННОМ МОДЕЛИРОВАНИИ

CONSIDERATION OF SUBJECTIVE FACTORS IN MODERN MODELING

Жульков Михаил Вячеславович

канд. филос. наук, г. Иваново, Ивановский государственный университет, доцент кафедры философии

Zhulkov Mikhail Vyacheslavovich

kan. philos. of Sciences, Ivanovo, Ivanovo State University, Associate Professor of the Department of Philosophy

Аннотация: Современное моделирование предполагает описание систем с участием человека – социальных, социально-экономических и т. п. Необходимость предвидеть развитие таких человекообразных, субъект-объектных систем приводит к развитию моделирования с учетом субъективных факторов. В статье рассмотрены различные варианты использования субъективных факторов в компьютерном моделировании, делается вывод о необходимости формирования комплексного подхода к моделированию человекообразных систем.

Abstract: Modern modeling involves the description of systems with human participation – social, socio-economic, etc. The need to anticipate the development of such human-sized, subject-object systems leads to the development of modeling taking into account subjective factors. The article considers various options for considering and taking into account subjective factors in computer modeling, and concludes that it is necessary to form a comprehensive approach to modeling human-sized systems.

Ключевые слова: суперкомпьютерное моделирование, субъективный фактор, практический разум, реальное планирование, конфликт, неопределенность

Key words: supercomputer modeling, subjective factor, practical reason, real planning, conflict, uncertainty

Современный мир существует в состоянии неопределенности, перехода к новым возможным состояниям, часто амбивалентным. Все более важное значение и распространение в связи со сложностью протекающих процессов, множественностью акторов, приобретает суперкомпьютерное моделирование. Критическим в таком моделировании становится необходимость каким-то образом учитывать неопределенность, свободную волю участвующих субъектов. Данная статья посвящена обсуждению учета субъективных факторов в современном моделировании.

Моделирование в текущем времени стало нормой жизни крупных государств с развитой экономикой и информационной сферой. Моделиру-

ют экономический кризис и выход из него, воздействие санкций и анти-санкций, пандемию, выборы и т. п. Инструменты такого моделирования формировались в начале 1970-х годов, когда появились намного более мощные компьютеры, новое программное обеспечение, устройства ввода и вывода информации. О влиянии субъективных факторов на принятие управленческих решений, экономическое, социальное поведение, задумывались еще в советские времена. Развивался достаточно системный подход к математическому моделированию субъективных пространств [5]. В настоящее время исследуются различные стороны субъективных факторов – их влияние на принятие управленческих решений, в том числе в состоянии неопределенности (недостатка информации), в описание социально-экономических систем вводится субъект с его потребностями, целями, восприятием; функционирование субъекта в среде других субъектов [1; 4; 6].

Наличие неопределенности в сознании человека приводит к сложности исследования и учета субъективных факторов в компьютерном моделировании. Однако их недостаточный учет, признание за субъектами рационального поведения с точки зрения авторов моделирования приводит к существенным ошибкам. Примером может служить моделирование вакцинации населения страны в условиях пандемии Covid-19, когда иррациональное поведение россиян привело к низкому уровню вакцинации, в противовес предполагаемому большому проценту вакцинированных к определенному моменту времени, при рациональном поведении людей. Но поведение людей часто иррационально, когда на принятие решений влияет бессознательное. Каким же образом в реальном мире происходит принятие решений? На выручку приходит практический разум, который, по нашему мнению, носит синтетический характер, объединяя теоретический, абстрактный разум, и собственно практический, который связан с опытом, реализацией конкретных проектов [3].

Рассмотрим подробнее возможности современного моделирования. Моделирование и внедрение в настоящее время имеют следующие ступени: формирование модели – ее усложнение в связи с условиями (местными, культурно-историческими, экономическими, политическими) – планирование внедрения – внедрение с постоянной корректировкой планов и самой модели, в ее деталях. Затем следует контроль функционирования и его корректировка, изменение моделей развития. Так, социализм понимался как формация, основанная на общественной собственности на средства производства. Однако в настоящее время практически во всех странах присутствуют все формы собственности. И это обстоятельство толкает на изменение понятия социализма, а именно – это общество социальной справедливости, то есть более равномерного распределения общественного богатства, имеющее различные социальные программы

для помощи малоимущим слоям населения. Здесь мы видим достаточно сильную корректировку понимания социализма, его модели.

Само моделирование также состоит из нескольких этапов: словесное описание модели – система уравнений – выбор начальных условий – решение системы уравнений (в основном используются численные методы решения). Словесное описание системы – это иррациональная часть моделирования. Далее по описанию формируется система уравнений – это рациональная часть. Но в ней есть как правило трудноопределимые неизвестные, коэффициенты, индексы разного рода. Они часто имеют субъект-объектную природу, их трудно определить. Здесь вступает в дело экспертные оценки, они носят приблизительный и, следовательно, частично иррациональный характер. Просчитывается несколько вариантов в зависимости от выбора начальных условий, корректировки значений основных характеристик, целей, скорости процессов и достижения целей. Моделирование человекообразных систем (социально-экономических, политических, социальных и др.) в большой степени зависит от учета субъективных факторов. Таким образом, современное моделирование носит рационально-иррациональный, субъект-объектный характер. Много зависит от точности описания системы и определения ее основных параметров, которые носят субъект-объектный и субъективный характер.

Появляется настоятельная необходимость учета субъективных факторов – наличия свободной воли, выбранных линий поведения, субъективных оценок и т. п., здесь скрыты резервы современного моделирования, правильного, реального планирования – такого, которое может быть реализовано в действительности, развития систем безопасности, в том числе безопасности национального и индивидуального сознания.

В настоящее время субъективные факторы учитываются по нескольким направлениям. Любая модель идеализирует реальность, упрощает ее. Усложнение модели идет на стадии изучения реальности под углом зрения соответствия модели ее прототипу. Добавляются детали, иногда существенно меняющие картину. Интересно, что иррациональное мышление всегда присутствует и должно присутствовать в практической жизни, интуиция в ней играет существенную роль. В настоящее время, как известно, созданы группы экспертов, которые составляют свое мнение и прогнозы на развитие тех или иных событий. Однако их пока не допускают к управлению событиями, для этого нужна практика организации живого дела. Политики с интуицией порой принимают решения вразрез с мнением экспертов, и оказываются правы. Принятие решения и практический разум носит не столько рациональный характер, сколько целостный, пытаясь использовать и иррациональные составляющие разума, а также его творческие возможности, которые также невозможно полностью рационализировать.

Общество, в котором мы сегодня живем – общество коммуникаций, на эту тему существуют различные концепции. Нейронная концепция

коммуникаций разрабатывается О. А. Габриеляном, И. Э. Сулеймановым в рамках теории сложных систем. Одним из результатов процессов самоорганизации в таких системах является формирование надличностных (сетевых) информационных структур в системах различной природы, таких как общество, социально-экономические системы, сетевые коммуникационные системы, системы искусственного интеллекта [2]. Формирующиеся информационные надобразования начинают влиять на сами системы и процесс коммуникации. Такие исследования необходимы для разработки более точных методов планирования социально-экономического, культурного развития в различных аспектах, включая методы безопасного развития.

Субъективность придает дополнительные степени свободы поведению человекообразных систем. Современное моделирование осваивает эту новую территорию, пытается охватить человеческую субъективность и ее влияние на поведение субъект-объектных или человекообразных систем. Так, Д. Мадео и Ч. Мокенни исследуют взаимодействие людей в социальных сетях, учитывая конфигурацию сети и процессы самоорганизации [9]. Здесь проявляются два фактора, объективный (сеть, состоящая из узлов и их связей) и субъективный – способность человека отстаивать свою точку зрения, несмотря на давление сети. В статье А. Делница, В. Реддера проводится различие между структурой сети, которая жестко определена, и действиями субъектов (актеров), которые могут реализовать потенциал узла, в котором находятся, или не использовать, в зависимости от текущих условий, личных усилий, способности и других факторов [8]. Потенциалы узлов рассчитываются с помощью представлений об энтропии, которая здесь выступает мерой организованности. Полученные данные таких моделей затем могут масштабироваться и распространяться на сети любого типа. Заметим, что моделирование субъективной составляющей нужно усложнить и констатировать, что акторы могут усиливать потенциал узла, оставлять его неизменным, или ослаблять его. В результате динамика сети в такой модели может дать представление о реальных процессах.

Еще один способ учесть субъективные факторы развивается в агент-ориентированном моделировании социально-экономических систем, социальном поведении больших масс людей [7]. До этого в моделировании постулировалось рациональное поведение элементов таких систем (людей и групп людей), здесь субъективный фактор сведен к минимуму. В агент-ориентированных моделях больше свободы, она задается несколькими программами поведения. Так, в приведенной статье авторы использовали двадцать таких программ поведения, а также различные его уровни: социальное, экономическое и др.

В целом поведение субъекта можно предсказать с определенной долей вероятности, то есть получить полностью достоверные результаты

моделирования трудно. Так, просчитываются несколько вариантов развития событий в зависимости от изменения некоторых параметров. Отметим, что такое планирование начало развиваться во время ВОВ, когда создавались несколько вариантов развития наступления (или обороны). Исследования субъективных факторов в целом, их влияние на принятие управленческих решений продолжались в 1970-1980-х годах [5], так, осуществлялось математическое моделирование субъективных пространств в целом – здесь мы видим попытку решать задачу от общего к частному, построить обобщенную модель субъективных пространств.

Следующий способ задействовать субъективный фактор – моделирование самообучающихся систем в конфликтной среде в условиях неопределенности [4]. В этом случае недостаток информации компенсируется действием и корректировкой стратегий поведения по его результатам. Это еще один шаг приближения моделирования поведения людей или групп людей в реальной жизни. Концепция сложных систем, усложнение моделирования в целом создает среду моделирования, которая постепенно все более адекватно отражает реальность, насколько это вообще возможно, формируя необходимый комплексный подход в моделировании человекообразных систем. Существенной стороной реального планирования становится не только адекватное моделирование на суперкомпьютерах, но и корректировка планов внедрения и самих моделей под воздействием практики, что становится необходимой частью стратегий современного планирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов Г. П.* Моделирование субъективного выбора при неопределенности относительно состояния окружения и его изменения // Системы управления, связи и безопасности. 2018. № 2. С. 191-212.
2. *Габриелян О. А., Сулейменов И. Э.* Теория сложных систем: ноосферный контекст. Симферополь: Издательский дом ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», 2023. 168 с.
3. *Жульков М. В.* Практический разум между прошлым и будущим // Практическая философия. Сборник материалов Международной конференции. Симферополь. Таврический гос. ун-т, 2023. С. 21-26.
4. *Карандеев А. А.* Методы исследования конфликтного взаимодействия самообучающейся системы с внешней средой в условиях неопределенности. Диссертация ... кан. тех. наук. Москва, 2022. 122 с.
5. *Крылов В. Ю.* Математическое моделирование субъективных пространств. Автореферат диссертации ... доктора психологических наук. Москва, 1988. 48 с.
6. *Минаев Д. В.* О роли субъективного фактора в моделировании и параметризации социально-экономических систем // Проблемы современной экономики, N 3/4 (15/16), 2005. <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=864>

7. *Окрепилов В. В., Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Кузьмина С. Н.* Применение суперкомпьютерных технологий для моделирования социально-экономических систем // Экономика региона. 2015. № 2. С. 301-313. doi 10.17059/2015-2-24
8. *Dellnitz A., Rödder W.* An entropy-based framework to analyze structural power and power alliances in social networks // Scientific reports. 2020. № 10:10697. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-67542-0>
9. *Madeo D., Mocenni C.* Self-regulation versus social influence for promoting cooperation on networks // Scientific reports. 2020. № 10: 4830. doi.org/10.1038/s41598-020-61634-7

**ТИПОЛОГИЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:
СОЦИАЛЬНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНОГО СИНТЕЗА**

**TYPOLOGY AND PRACTICAL PHILOSOPHY:
SOCIAL METHODOLOGY OF COGNITIVE SYNTHESIS**

Лустин Юрий Михайлович

канд. филос. наук, доцент, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Донецкий государственный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, доцент кафедры философии

Lustin Yuri Mikhailovich

Candidate of Philos. Associate Professor, Donetsk, Donetsk People's Republic, Donetsk State University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Associate Professor of the Department of Philosophy

Аннотация: актуализируется проблема диалектической взаимосвязи типологии и практической философии. В когнитивном синтезе такой концептуальности приумножается аксиологическое содержание смыслодеятельной активности субъекта социальности. В этом репрезентативном значении обнаруживается особая значимость интеллектуального механизма мыслительной деятельности личности различной методологической модальности и практической направленности.

Abstract: The problem of the dialectical relationship between typology and practical philosophy is being updated. In the cognitive synthesis of such conceptuality, the axiological content of the meaning-making activity of the subject of sociality is multiplied. This representative meaning reveals the special significance of the intellectual mechanism of the mental activity of an individual of various methodological modalities and practical orientations.

Ключевые слова: личность, социальность, мыследеятельность, практическая философия, когнитивность, типология.

Key words: personality, sociality, mental activity, practical philosophy, cognition, typology.

Теория без практики
мертва,
практика без теории слепа

Проблема человеческого бытия, в основательности его мыслительных многозначительностей, еще не становилась объектом рассмотрения в аспекте взаимосвязи типологии и практической философии. Надуманные предсказания некоторых теоретиков (Ж. Бодрийар, Ф. Ницше, М. Хайдеггер), заявлявших об исчезновении предметности философии, потери ею

сущностных возможностей не оправдались. Философия не растворилась в затеоретизированной «бездне» дурной бесконечности, не ушла в забвение. Современный интерес к созидającym вопросам практической философии, как основополагающей опытности в смысловом понимании всеобщей картины мира, закономерно возрастает по мере участия личности в решении глобальных проблем современности. Обращаясь к практической стороне философии, подчеркивая ее когнитивную существенность в жизнедеятельности человека, профессор Д.В. Гарбузов отмечает: «Философия рассматривается как особый режим восприятия и осознания, осуществляемый человеческой психикой, и форма когнитивной активности» [2, с.18]. Незаменимость философии в качестве универсального способа познавательной деятельности индивида первостепенна, а ее приверженность идеалам познания всегда актуальна, противоречива, незыблема. Теоретическая предметность философии *абстрактна* в своей абсолютности и одновременно *конкретна* в жизненных проекциях практической адекватности, прямо или косвенно связанных с деятельностью человека, активностью его когнитивных устремлений.

Для конкретного ответа на проблемный вопрос о взаимосвязи типологии и философии необходимо, прежде всего, обратиться к методологическому статусу этих понятий. Так, согласно «Философскому энциклопедическому словарю», философия – это «форма общественного сознания; учение об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру; наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления» [5, с. 726], а типология – есть «метод *научного* познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа» [там же, с. 685]. Органическая взаимосвязь данных понятий репрезентирует общий дискурс их эволюционного развития и рациональную экспликацию в системе научной объективности.

В парадигме социальной методологии познания, применительно к выделенным понятиям, общим критерием их истинности в человеческой жизнедеятельности будет: а) *практика*, в качестве преобразовательной силы развития человеческого общества и интеллекта индивида; б) *метод*, как особый способ приобретения человеком знаний, исходя из его типологии и рефлексивно-операциональной системы практического и теоретического освоения действительности. Такой подход позволяет выявлять интегративный уровень методологизации практической философии, который концептуализирует конвергентность отношений философии, культуры, психологии, политологии, антропологии, типологии, диалектики в разнообразном содержании и многосоставной структуре научного знания.

Взаимосвязь типологии и практической философии – имманентная основа сущности Человека, а их единство представляет собой интегра-

тивное средство познания, укрепляющее рефлексивные основания его бытия.

Культурно-историческая, антропо-психологическая, интеллектуальная предрасположенность сознания (мышления) индивида к философскому познанию и его эволюционная способность реализовывать свои практические навыки в типологической парадигме рефлексивной адекватности обращали на себя внимание многих мыслителей. Еще Аристотель, говоря о практической составляющей философского познания в диалектике причины, истины и следствия, говорил о том, что начала (архетипы – автор) существующего всегда должны быть наиболее истинными: «...они сами причина бытия всего остального; так что в какой мере каждая вещь причастна бытию, в такой и истине» [1, 95]. Практическая философия есть полное и достоверное интеллектуальное знание человека об истине, а «причастность вещи к бытию» может быть объективирована мерой ее типологической многозначительности.

Мыслительческое применение содержания практической философии – одно из ведущих типологических качеств субъекта социальности, интеллектуально самоутверждающее его в общественных процессах когнитивной активности. Логико-рефлексивный аспект практической философии выражается в актуализации логико-рациональных и типопределенных возможностей человеческого разума, повышающих аксиологическое содержание смыслодеятельной активности личности. Исходя из этого, практическая философия – во-первых, это опытное *средство* человеческого познания, направленное на систематизацию, алгоритмизацию, специализацию образов внутреннего мира человека. Логико-типологическая взаимосвязь образов и смысловых форм внутреннего мира индивида концептуально сопряжена с интеллектуальными моментами их культуроёмкого многообразия. Апелляция к культурному разнообразию диалектически подтверждает когнитивную закономерность того, что в процессе практического использования философских знаний личность активизирует «свой интеллектуальный потенциал для достижения новых успехов в культуре социального бытия» [4, с.195]. Во-вторых, практическая философия в своей методологической конкретности – есть *источник* истины в постижении человеком смыслов бытия, когнитивная социальность которой детерминирована типом индивидуальной сущности конкретного человека, типологией его неповторимого «Я». В-третьих, практическая философия в своей гносеологической значимости – это когнитивный потенциал сущностных сил индивида, активируемый социально-психологическим типом его духовности. Типология духовно-нравственного отношения к реальности есть аксиологический ресурс когнитивного постижения личностью ценностей общественного бытия и общественного сознания, результат практического использования философских знаний в мировоззренческом дискурсе тех нравственных норм, морально-религиозных убеждений, субъектологических намерений, которыми личность обладает.

С методологических позиций социальной взаимосвязи типологии и практической философии их научная содержательность концептуально предопределена некоторыми смысловыми контекстами:

а) *социально-онтогносеологическим*, выступающим как объективный критерий истины в логико-когнитивных актах интеллектуального постижения субъектом смысла реальности. «Собственным предметом философии является постижение смысла существования человека, овладение тайной его жизни» [3, с.40]; б) *социально-функциональным*, основополагающим порядок опосредования в разрешении объективных и субъективных противоречий. Вот почему взаимосвязь типологии и практической философии когнитивно совпадает с рефлексивными контурами диалектического стиля мышления и философски осознанной деятельности субъекта социальности, которые закономерно проявляются в типологическом потенциале его «Я».

Методологический ракурс репрезентативной взаимосвязи типологии и практической философии позволяет говорить о сложном логико-гносеологическом процессе «когнитивного снятия» в интеллектуальной практике человека, что определяет рефлексивную составляющую его мыслительной активности. В логике данного утверждения конструктивная процессуальность снятия осуществляется в дискурсе модального противопоставления между образами, мыслеформами, «концепт-схемами», философского знания (познания) практической направленности.

В когнитивном поле социальной методологии взаимосвязи типологии и практической философии обнаруживается их аксиологическая составляющая. В мыслительной деятельности личности, с одной стороны, конкретизируются смысловые образы ценностей общества и его культуры, а с другой стороны, выявляются рефлексивные возможности и типологические способности человеческого мышления (сознания) в создании субъективных самооценочных мыслеформ их использования в практической деятельности, которые зависят от проявления законов, принципов, методов философии. Следует особо подчеркнуть, что в данном процессе конструктивно-практическая способность философского стиля мышления человека является определяющей, так как этот тип (вид) мыслительной деятельности основополагает выявление сущности объекта познания не только с позиции естественно природной и социальной значимости, но одновременно способствует его избранному постижению в «аксиологической редукции» типологического многообразия и типопределенных модификаций.

Таким образом, типология и практическая философия, как формы когнитивной явленности, имеют многоаспектный характер. В предметном поле социальных отношений современного информационного общества их диалектический дискурс повышает логико-когнитивный по-

тенциал человеческого разума, активирует интеллектуальный механизм мыслительной деятельности личности, совершенствует рациональность ее умственных акциденций во всех сферах бытия.

Когнитивный синтез типологического потенциала личности и опыта применения ею философских знаний практической направленности диверсифицирован в методологической степени самой высокой значимости, что в значительной мере определяет эффективность социальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Метафизика / Сочинения в четырех томах. Т. 1. Ред. В.Ф. Асмус. М., «Мысль», 1976. – 550 с.
2. *Гарбузов Д.В.* Почему сегодня настало время практической философии? // Практическая философия: состояние и перспективы / сборник материалов VI научной конференции (с международным участием) / гл. ред. О.А. Габриелян. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. – С.18-21.
3. *Гусейнов А.А.* Практическая философия: ответы на современные вызовы / А.А. Гусейнов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Сер.: Философия. Политология. Культурология, 2021.– № 3. – Том.7 (73) – С. 39-49.
4. *Лустин Ю.М.* Типологический конструктив как гносеологическая доминанта мыслетворчества личности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. – Том 10. – № 1А. – С. 188-195. DOI: 10.34670/AR.2021.64.61
5. Типология // Философский энциклопедический словарь/ Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

УДК 16:159.98

**ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ
ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ КАК ОСНОВАНИЕ
КОНЦЕПЦИИ КОРТЕЖА В АРТ-ТЕРАПИИ**

**THE LAW OF UNITY AND THE STRUGGLE OF OPPOSITES AS
THE BASIS OF THE CORTEGE CONCEPT IN ART THERAPY**

Бурганов И. А., кандидат искусствоведения, заслуженный художник Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии художеств, профессор Международной академии архитектуры, руководитель «Академии искусств Игоря Бурганова», Москва, Россия

Burganov I. A., PhD, Honored Artist of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Arts, Professor of the International Academy of Architecture, Head of the «Igor Burganov Academy of Arts», Moscow, Russia

Хает Л. Г., кандидат технических наук, консультант Службы помощи, Берлин, Германия

Khaet L. G., PhD, Help Desk Consultant, Berlin, Germany

Аннотация: Изложена новая концепция кортежа в арт-терапии, основанная на законах диалектики. Использование закона единства и борьбы противоположностей позволило структурировать материал арт-терапии, классифицировать её методики, создать основу развития «безлюдной» терапии.

Ключевые слова: диалектика, бинарные оппозиции, кортеж, арт-терапия.

Abstract: A new cortege concept in art therapy, based on the laws of dialectics, is outlined. The use of the law of unity and struggle of opposites made it possible to structure the material of art therapy, classify its methods, and create the basis for the development of “without human” therapy.

Key words: dialectics, binary oppositions, cortege, art therapy.

Умирание капитализма как глобальной социально-экономической системы, непрекращающееся многолетнее снижение эффективности рыночной экономики, повышение жёсткости и жестокости конкурентной борьбы требуют изыскания новых путей развития общества и человека. Сегодня «обслуживание человека» превратилось в гигантскую индустрию с миллиардными оборотами, одной из важнейших составляющих которой стала система психологической помощи, а содержательным ядром – психотерапия. Психотерапия, занимая всё большее место

в жизни общества, превратилась в совокупность мощных социальных технологий, управляемых социальным заказом глобальных транснациональных структур. Увеличение потребности в психологических услугах связано как со снижением уровня физического и психического здоровья населения, так и со стремлением к контролю и управлению поведением людей, лишению их индивидуальности и свободы воли.

Одним из наиболее востребованных и быстроразвивающихся направлений психотерапии становится психотерапия природой и искусством: работа с текстами, изобразительная деятельность, танцевальное и театральное творчество, музыка и вокал [5]. Сегодняшний этап её развития характерен лавинообразным накоплением материала и опыта его использования при недостаточном осмыслении и систематизации материала, его структурировании и алгоритмизации. Важным фактором, вызвавшим необходимость разработки новой концепции, является «приход» искусственного интеллекта, методов кибернетики в психотерапию.

Тектология А. А. Богданова, опередив и предвосхитив работы Н. Винера, обеспечила теоретический фундамент проводимых работ. Идеи А. В. Брушлинского, более 50 лет назад писавшего о перспективах использования кибернетики в психологии, во многом опередили своё время. Сегодня применение искусственного интеллекта в психотерапии стало реальностью: для психологической самопомощи используют чат-боты Woebot, MoodKit, CBT Diary, Dbt112, Антипаника, Zigmund.GPT и другие.

Теоретическое основание, методологический фундамент арт-терапии можно искать как внутри направления (М. Е. Бурно, Л. Д. Лебедева, А. И. Копытин [5]), так и вне его. Большая часть попыток идёт по второму пути, основанному на признании независимости, ортогональности, с одной стороны, целей и смыслов терапии, и, с другой, методов и средств их достижения, что позволяет выбирать их раздельно, дифференцировано. Согласно теореме Гёделя о неполноте, принципам системного подхода, основание системы может быть найдено лишь в системе более высокого порядка, структурный подход утверждает, что смысл текста невозможно установить вне контекста.

Основание арт-терапии можно искать в различных системах более высокого уровня общности: психотерапии (психоанализ [8] и другие её направления); искусстве [1]; культуре (экзистенциальный подход); философии и математике (теория множеств [4], планирование эксперимента, программирование). Системой наиболее высокой степени общности является философия, а наиболее близкой психотерапии её сферой – диалектика, её принципы и законы. Особую роль здесь играет закон единства и борьбы противоположностей как всеобщий закон действительности и её познания человеческим мышлением, объясняющий источник, причину самодвижения и саморазвития бытия и его составляющих [3].

Попытки сконструировать картину мира из сочетания противоположностей предпринимались еще в «Книге перемен» («И цзин») [6]. Платон требовал при решении любого вопроса исходить из двух противоречащих,

взаимно друг друга исключаящих положений. Аристотель использовал отношения противоположностей для структурирования и объективного мира и мышления человека. И. Кант развивал принцип противоположностей, рассматривал его через диалектику антиномий чистого разума. У Г. В. Ф. Гегеля идея взаимодействия противоположностей достигает обобщенности универсального закона бытия и мышления [3]. А. А. Брудный предложил оппозиционную концепцию значения, суть которой заключается в том, что значение слова конституируется системой противопоставлений [2]. Таким образом, бинарные оппозиции представляют собой достаточно общий способ (онтологического) описания «объективного», «внешнего» мира и, в то же время, способ (гносеологического, когнитивного) описания мышления человека об этом мире. Это представляется достаточным основанием для их использования в качестве основы организации художественного материала в терапии природой и искусством.

Рассматриваемый в работе кортеж представляет собой упорядоченную совокупность (множество) объектов или явлений, обладающих свойствами сходства и различия. При этом сходство является родовым свойством кортежа, а различие – видовым свойством объекта. В быту кортежем называют торжественное шествие или выезд, в математике, программировании – упорядоченную последовательность конечного числа элементов [4], в культуре – конечную упорядоченную последовательность элементов материальной или нематериальной природы, созданную и используемую человеком в социальной жизни. Ещё с доисторических времён человек осознавал категории повторения и изменения, последовательности и закономерности, создавал и использовал кортежи. Создавая, изготавливая, строя ряд объектов, человек повторял выбор материалов и технологии создания объектов, что приводило к их некоторому сходству – так постигалась категория повторения. Различие условий приводило к изменению характеристик объектов, человек постигал категорию изменения, а затем и начинал сознательно менять, варьировать характеристики изготавливаемых объектов (так может быть описана модель развития общества). Кортежи создавали и использовали в промышленности и сельском хозяйстве, на транспорте и в торговле, в медицине и спорте, в финансовом и военном деле, в системе образования и духовной сфере, в литературе и искусстве. Так, кортежами являются мебельные гарнитуры, чайные и столовые сервизы, наборы блюд и напитков, знаменитый сюжет древнекитайской живописи «8 скакунов», созданный на основе «Книги Перемен» [6], Страсти Христовы как канонизированная последовательность событий. Феномен кортежа присутствует во всех сферах жизни общества.

В предложенной концепции психотерапия природой и/или искусством, основанная на концепции кортежа, представляет собой систем-

ную совокупность концепций и практических методик психологической помощи, включающих взаимодействие одного или группы ведущих (терапевтов, консультантов, психологов) с одним или группой участников (пациентов, консультируемых, клиентов), и манипуляции (действия по поиску, выбору, составлению, созданию, трансформации и/или использованию) участника с природной и/или культурной средой, природным объектом и/или произведением искусства (в предметной или символической, реальной или виртуальной форме) с целью лечения и реабилитации, решения психологических проблем и укрепления здоровья, воспитания, социализации и/или развития личности, причём совокупности ландшафтов, природных объектов или произведений искусства представляют собой кортежи, то есть, упорядоченные последовательности.

Число элементов кортежа называют его размерностью. Кортеж арт-объектов или эко-арт-объектов нулевой размерности – это нулевое состояние арт-среды в исходный момент времени. Кортеж арт-объектов единичной размерности – отдельно взятое произведение искусства. Кортеж-двойка, диптих, совокупность двух рисунков, фотографий, коллажей, фигурок включает два сюжета противоположного (объективно) или противопоставленного (субъективно) содержания [7]. Структура кортежа-тройки, триптиха достаточно сложна и многовариантна. Тетраптихи создают, например, на основе 4 первоэлементов, 4 стихий, 4 мастей карт Таро, 4 сословий средневекового общества. Аналогию можно усмотреть и в структуре современного общества, в котором верх взяли «люди земли», «хозяева денег». Для прояснения и осознания семейных проблем участника просят выполнить тетраптихи: «я одна; я и мужчина; я и женщина; я, мужчина и женщина»; «свой мужчина, своя женщина, чужой мужчина, чужая женщина»; «свой муж, свой ребёнок, чужой муж, чужой ребёнок» и т.п. Кортежи размерности 5 и выше часто представляют собой фазы жизненного пути («дорога моей жизни»), стадии личностного роста или духовного совершенствования. Ярким многомерным кортежем являются фотографии членов семьи, защищавших Родину в годы Великой Отечественной войны, в шестви «Бессмертного полка». Их объединяет родство (происхождение), участие в защите Родины (поведение), статус воевавшего (социальный статус), любовь к Родине и ненависть к её врагам (эмоции).

Таким образом, концепция кортежа позволила структурировать и систематизировать материал терапии природой и искусством в процессе научных исследований, реализации обучающих программ, индивидуальной, семейной и групповой терапии, сопровождения тяжелобольных и умирающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнхейм Р.* Искусство как терапия // Р. Арнхейм. Новые очерки по психологии искусства. – Москва: Прометей, 1994. – С. 272–295.
2. *Брудный А. А.* Значение слова и психология противопоставлений // Семантическая структура слова. – Москва: Наука, 1971. – 216 с.
3. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики: в 3 т. – Том 2. – Москва: Мысль, 1971. – 248 с.
4. *Каазик Ю. Я.* Математический словарь. – Таллин: Валгус, 1985. – 296 с.
5. *Копытин А. И.* Арт-терапия: Теория и практика. – Москва: Лань, 2024. – 244 с.
6. *Хин-шун Я.* Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение / Под ред. Л. В. Симоновской, О. И. Саяпиной. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 160 с.
7. *Khayet L.* Le don en tant que rituel et en tant que concept en art-thérapie // Arts Thérapies et Rituels. Revue annuelle de la Fédération Française des Art-Thérapeutes. – Paris: FFAT, 2018. – Pp.97-106.
8. *Naumburg M.* Dynamically oriented art therapy; its principles and practices. – New York: Grune & Stratton, 1966. – 168 p.

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МИФА

CATEGORICAL IMPERATIVE FOR HISTORICAL MYTH

Лустенко Андрей Юрьевич

*профессор кафедры социологии и социальных технологий
г. Луганск, Луганский государственный университет имени
Владимира Даля*

Lustenko Andrey Yurievich

*Doctor of Philosophic Sciences, Professor,
Professor of the Head of the Chair of Sociology and Social
Technologies, Lugansk, Lugansk Vladimir Dahl State University*

Аннотация: Статья посвящена феномену исторической мифологии как субстанциональной составляющей исторической действительности. Рассматриваются различные критерии, на основании которых конкретный исторический миф может подлежать анализу и оценке. Антиномический характер исторического мифа, а также его действенность в системе исторических процессов обуславливают целесообразность формулировки категорического императива для исторической мифологии как принципа её практического осуществления.

Abstract: The article deals with the phenomenon of historical mythology as substantial part of historical reality. It's looked through various criteria, basical for the analysis and estimation of the concrete historical mythology. Antinomic status of historical myth, and it's movable possibilities in the system of historical processes determinates the volubility of the definition of cathegorical imperative for historical mythology as a principle of its practical realization.

Ключевые слова: история, историческая мифология, идеальность в истории, демифологизация, нравственность, множественность, монизм, категорический императив.

Keywords: history, historical mythology, ideality in history, demithlogisation, morality, plurality, monism, cathegorical imperative.

Современное состояние общества служит недвусмысленным доказательством актуальности рассмотрения исторической мифологии. Время исторического мифа не прошло, да и не пройдёт никогда, покуда существует человек, живущий и действующий во всём комплексе своих страстей, целеполаганий, мотивов, способностей самовыражения, коммуникации, объединения с себе подобными. Мир демографических, социальных, историко-политических отношений, в который мы входим каждое утро, пересекая порог своего дома, мир, который мы видим и ко-

торый мы мыслим, глядя на него «из окна» многочисленных информационных каналов, оказался, к добру ли, к худу ли, ну никак не похожим на предрекаемый Фрэнсисом Фукуямой из *прекрасного далёка* 1990-х *конец истории*, на запланированную евро-американской цивилизацией утопию – или антиутопию – которую афористически охарактеризовал Эдмунд Бёрк: «Век рыцарства прошёл, наступил век софистов, экономистов и счётных машинок». Войны, локальный или глобальный статус которых представляется большим вопросом, споры о том, считать ли нынешнее противостояние российской цивилизации и её глобального евро-американского противника – происходящей уже сейчас Третьей мировой войной, или ждать чего-то похлеще, рассвет радикализмов различных модификаций – национального, религиозного, классового – все эти факторы обуславливают актуальность рассмотрения феномена исторического мифа в ключе различных дискурсов: философского, политологического, социологического, психологического. Миф является необходимой составляющей всей системы когнитивных и практических процедур отношения человека к миру вообще, и к процессам истории он имеет совершенно прямое касательство. Но в отношении критических периодов исторической процессуальности, которым присуща неравносность действующих сил, ускоренный характер изменений, радикальность трансформаций, обострение эмоционально-ценностной включённости отдельного индивида в исторические процессы – здесь роль мифа, мифологического характера отношения к происходящему, мифотворчества, мифологизации как необходимых актуальных начал, посредством которых человек полагает историю и участвует в ней, возрастает значительно, и часто – неконтролируемо.

Идеальность есть необходимый элемент истории, и вера в идеал, борьба во имя идеала является одним из самых сильных действующих начал истории. Во-первых, поскольку история выступает как действительность благодаря действию исторической рефлексии, которая отличает собственно историю от хаотической совокупности фактов, «дурной бесконечности» подробностей и обстоятельств. В этом деле как минимум требуется и предполагается – отделение исторически-существенного от исторически-несущественного, а существенное в аспекте человеческого существования конструируется в свете идеального. Во-вторых, поскольку история есть область человеческих действий, поступков, целей, то она с необходимостью становится и тем смысловым пространством, в котором конструируется это идеальное. Более того, она имеет хоть какой-то смысл именно *при свете* идеального, в качестве усилий и результатов, которые способны когда-то привести к этому идеальному.

История и её осмысление – это всегда трагедийный процесс между реальным и должным. Исторический идеал – это должное в законченной,

осуществлённой форме. Должное – это требования, которые предпосылаются человеку с позиции того, кто выносит суждение об истории.

Результат конструирования в истории представлений об идеале и должном, а также процесс осуществления этих представлений в исторической действительности есть историческая мифология. Как форма целостного духовного охвата бытия, чувственно-эмоциональная по своему характеру, историческая мифология формирует конкретное содержание следующих коллективных архетипов конструирования исторической действительности: образа исторического деятеля (властителя, героя, врага), Золотого века (осуществления общественного идеала, дистанцированного в прошлое), светлого будущего.

Исторический миф – это единственная и естественная философия истории, которая способна действовать в масштабах людских масс. Историческая мифология необходима, поскольку её полное отрицание равносильно для масс утверждению о бесцельности их исторического существования. Её частное отрицание возможно и довольно широко распространено в реальном историческом процессе как вытеснение одной мифологии – со стороны другой, демифологизация одного общественно-исторического континуума в целях утверждения и мифологизации другого. В реальной последовательности исторических событий распад определённой исторической мифологии оборачивается катастрофой для системы общественных связей и социально-экономической упорядоченности – вернее, целенаправленное разрушение мифа есть одно из наиболее действенных оружий для деконструкции упорядоченности в обществе. Последующая стабилизация социально-экономической жизни протекает неотрывно от процесса формирования нового мифа. Историческая мифология неуничтожима, как неуничтожимо само бытие истории. Об этом свидетельствует то, как легко и естественно какая-либо модель рефлексии истории и критики мифа сама обращается в новую мифологию.

Такой процесс делается понятным и закономерным, если определять историческую мифологию как результат *затвердевания*, закрепления содержания должного – в чувственных, зримых образах, как результат перехода определённых содержаний с уровня рефлексии, где оно является достоянием единиц – на уровень масс и деятельности. Историческая мифология необходима ввиду того, что утопично было бы требовать от ВСЕХ – всей человеческой массы, безотносительно к уровню образования, качеству политического сознания, внутреннему миру – способности исторической рефлексии и обоснованного исторического суждения. С другой стороны, наиболее результативным масштабом исторического рассмотрения является уровень, на котором действуют массы. А для этого уровня исторический миф действительно является наиболее адекватной формой постановки целей и осуществления единства, нежели обращение к *более тонким* понятиям, обозначающим субстанциальные начала исторической действительности.

Однако именно актуальность исторической мифологии – вообще, и для сегодняшнего мира – делает закономерным вопрос: с позиции чего можно выносить суждение, оценивающее конкретный исторический миф? Каковы критерии его оценки?

Историческую мифологию можно оценивать со стороны её способности организовывать и мобилизовывать людские массы к действию, вступать в конфликт с другими историческими мифологиями, то есть в отношении таких её качеств, как экспансивность и жизнеспособность. Эти качества являются прямой функцией от способности конкретной мифологии ассимилировать мировоззрения, радикально различающиеся по своему характеру, выступать в роли упорядочивающего фермента, который способен переорганизовывать и трактовать любое изменение социальной реальности в качестве основания для нового всплеска собственной активности.

Можно оценивать историческую мифологию исходя из протяжённости того временного диапазона, на котором она действует, организуя массы, служа мотиватором, детерминируя цели, ценности и сохраняя при этом собственную идейную и семиотическую идентичность. Этот критерий, при всей своей способности характеризовать общественное сознание, представляется достаточно расплывчатым. Трансформации, которые претерпевает любая идейно-смысловая конструкция в ходе своего функционирования, ставит здесь вопрос: на каком временном промежутке следует признать данный исторический миф как равный самому себе?

Этическая оценка исторического мифа представляет вопрос настолько же антиномичный, как и оценка с позиции этики самой истории. Антиномизм обнаруживает себя уже в самом факте задавания этого вопроса. Этическая оценка исторических событий противоречива, относительна, зависима от контекста и не имеет окончательного решения. И в этом плане моральные рассуждения об истории на проверку оборачивались в досужий, патетический пафос. И в то же время человек нравственно обязан вершить суд над историей, не прячась за отговорками об относительности моральных критериев, исторической обусловленности, в которой пребываем как МЫ, которые выносим суждение, так и ОНИ, поступки которых мы судим.

Что касается нравственности как критерия для оценки мифа, то энтузиазм открытия мифа в постсоветской гуманитарной науке последнего десятилетия XX и первого десятилетия XXI веков возвёл миф на положение выше всякой нравственной оценки. Прекраснодушное восхищение от введения в научный оборот – понятия и теории об определённом модусе духовного существования, отличном от классических для советского истмата схем объяснения мира и человеческих отношений, породило непредсказуемый скачок в дискурсе о мифе – образовался и утверждал

себя своего рода миф о мифе. Миф самоценен, снимает все противоречия, неподсуден. Достаточно обозначить какой-либо духовно-практический и выразительно-семиотический континуум как миф – и отпадают какие-либо вопросы о его качестве с позиции этики. Однако, миф-то может и неподсуден, а исторически действующий субъект – очень даже подсуден. Причём подсуден именно как носитель и исполнитель действий, предписываемых в качестве нравственного долга определённой мифологией. Получается, миф всё-таки может быть рассмотрен с нравственной стороны...

В качестве феномена сознания и общественной жизни, историческая мифология существует в постоянной борьбе между монистической и плюралистической картиной истории. Как духовное образование, включающее в себя динамику и энергетику коллективного чувства, она формируется на основании категориальных структур архаического сознания, и прежде всего – дихотомии «свой» / «чужой». Исторический миф тяготеет к конструированию образа собственного локального исторического бытия как единственного и достаточного источника исторической идеальности. В этом плане необходимым аспектом всякой исторической мифологии является претензия на монизм, на единственность и исключительность в деле реализации идеала истории. Такая тенденция характерна для исторической мифологии, сопровождающей историческое бытие этноса, социальной группы, государства, мировоззрения. И в то же время, неуничтожимым условием бытия истории является плюральность, множественность, наличие многих историй, многих сторон, жизнь которых и составляет мировую историю. Если по условиям, налагаемым её собственной духовной природой, историческая мифология не может утверждать этой множественности, то она должна быть организована так, чтобы давать место для существования этой множественности в той действительности, в которой живёт коллективный субъект этой мифологии.

Из этого мы можем сформулировать категорический императив исторической мифологии: необходимое требование к существованию исторической мифологии состоит в том, что она должна так организовывать исторически действующие массы, так определять их волю к реализации своей жизнеспособности, чтобы их практическая реализация давала возможность для осуществления своего исторического существования – другим историческим массам и деятелям.

**‘ТРОЯНСКИЙ ТЕРРОРИЗМ’ – СТАРАЯ ФОРМУЛА
СОВРЕМЕННОЙ «СУММЫ ТЕХНОЛОГИЙ»**

**‘TROJAN TERRORISM’ – AN OLD MODERN FORMULA
OF “SUMS OF TECHNOLOGIES”**

Меньшикова Елена Рудольфовна

*Кандидат культурологии, независимый эксперт, филолог,
философ, теоретик искусства и науки, Москва*

Menshikova Elena Rudolfovna

*Candidate of Cultural Research, independent expert, philologist,
philosopher; theorist of art and of science, Moscow*

Аннотация: *Насилие, что исповедовал и применял Цезарь к галльским (и прочим) племенам, и что проводил как ‘принцип человеческого существования’, и что ввёл в обиход не он и до него успешно применялось в исторической конкретике «происхождения видов», но лишь придумал способ оправдания такой ‘насильственной парадигмы’ – “Записки очевидца”, в которых ‘насилие’ укоренялось обыденностью языка, привыкшего действовать, а не объяснять, разворачивая предметно-образный ряд, и который римская латынь уберегла, растворяя корпус своих «глаголов направленного действия» в языках индо-европейской группы (англ., исп., франц., нем., порт., ит. и пр. языки), меняя «принцип мышления», сохранилось как ‘вирус’, подготавливая почву для воцарения христианской идеологии: лишая свободы «смыслопостижения» (обязательного в греческом) и вводя ‘систему соподчинения’: *verbum* – не *potinus*, узаконивая ‘агрессивный код’, что станет тем ‘summum bonum’, что спеленает весь мир, обещая «универсальное счастье», что всегда относительно, и, применяя ‘пиратский образ жизни’ как гарант «нестабильности» и невероятного благоденствия, и как системный Хаос, что управляем, являет свою жизнестойкость, как и вирулентность, новому тысячелетию. Концепт «Троянский терроризм» свидетельствует, что *Идея*, обретя «Образ понятия»: «захват» как ‘формальность’, владеет обществом на правах суверена, устанавливая свой **Принципат**, демонстрируя не только квази и ультра анархическую ‘свободу воли’ (как догму и credo) каждого, но и вполне «марсианские хроники» существования в каждом государстве на планете, апеллируя к ‘множественной единичности’ Сознания при тотальном человеческом (гуманистическом) общении.*

Ключевые слова: Миф, ‘троянский терроризм’, Цезарь, ‘исключительность’, гибридная война, summum bonum, насилие, политическая рефлексия, Сознание, ‘формальный захват’.

Abstract. *The violentia* that Caesar confessed and applied to the Gallic (and others) tribes, and that he conducted as a principle of human existence, and that was not introduced in usage by him into use and was successfully applied in the historical specifics of the “origin of the species” before him, but he only invented a way to justify such violent paradigm – “eyewitness notes”, in which violence was rooted in the ordinariness of the language, accustomed to act rather than explain, expanding the subject-shaped series, Roman Latin retained, dissolving the body of their verbs of directional action in languages Indo-European group (English, Spanish, French, German, Portuguese, Italian, Czech, etc.), changing the principle of thinking, survived like a virus, preparing the ground for the accession of Christian ideology: depriving freedom of comprehension and introducing a system of subordination, the aggressive code becomes the summum bonum that will swaddle the whole world, promising universal happiness, which is always relative, but legitimizing the pirate lifestyle as a guarantee of instability and incredible prosperity, and as «a systemic Chaos» that is controlled, shows its vitality, like virulence, to the new millennium. The unfolded concept of “Trojan terrorism” testifies that the *Idea*, having acquired ‘the Image of the Concept’: “capture” as ‘a formality’, owns society as a sovereign, establishing its Principle, demonstrating not only *quasi* and *ultra* anarchic ‘freedom of will’ (as dogma and credo) of everyone, but also quite *Martian chronicles* of existence in every state on the planet, wills and completely the *Martian chronicles* of existence, relying on the ‘multiple unity’ of Consciousness in the context of total human (humanistic) impoverishment.

Key words: Myth, ‘Trojan terrorism’, Caesar, ‘exclusiveness’, a hybrid war, summum bonum, violence, a political reflection, Consciousness, ‘capture as a formality’.

Всякая ‘метафора’ имеет конкретную историю – ситуацию происхождения боли и страдания, ту, что Андерсен так умел распознать благодаря своему *эмпатическому дару*, и что пересказывал иносказательно виртуозно, не расплескав ни слезинки, и эта ситуация «рождения» основополагающая – только *конкретика жизни рождает Образ понятия*. Знание исторических процессов приучает мыслить аналитически, и, в конце концов, «*мартовские иды*» случаются из года в год, сопровождая неспешный ход *Эволюции*. Если же *социальные трансформации* как ‘искусственные преобразования’ детерминированы самой эволюционной стратегией общества, то ‘психосоматические трансформации’ человека, а речь идёт, в первую очередь, о них, ибо в ближайшие сто лет человека не грозит сменить руки на крылья, а ступни – на копыта, у него не появится ни хвост, ни жабры, не отрасли клюв (*биологический* аспект) – ему угрожает только ‘антропогенная мутация’ – то, что поменяет в ближайшие сто лет (и, возможно, дальше) его качественные характеристики: параметры *ментальной* деятельности (*антропологический* аспект), и то, что непосредственно обуславливают его «человечность». Именно эта «человечность» подверглась в прошедшие десятилетие массивной атаке чужеродных ментальных дронов, что не связаны с работой кон-

кретно взятого Сознания, но искусно и искусственно выведены опытным путём и нацелены на штурм других сознаний – можно сказать, массивным ‘вакцинированием умов’ – «*Фиванской враждой*» и механизмом «*троянского терроризма*».

Троянский терроризм – это предвестие большой войны, и «кочующий колонат» действительно существует – он складывается из осколков элитных подразделений национальных гвардий, охочих до войны в любом пределе, которые вкупе с мигрантами, всегда ищущими наживы (причем лёгкой), образуют отряды наёмников, что готовы на всякую провокацию, на военную атаку и диверсию, своей летучей мобильностью создавая Цезаревское «*движение агрессии строем*», нарушая нормы и правила человеческого существования, подтверждает скорбную ‘константу’ его – «пиратство», как древнейшую ‘форму жизнедеятельности’ и эволюционную черту существования, что не теряет своей актуальности в современных реалиях XXI века, несмотря на техническую оснащённость и интеллектуальную изощрённость, демонстрируя «**насилие**» как **modus vivendi**, что самим фактом своего существования – ‘реализации через убийство *Другого*’, узаконивает себя в социуме как ‘status quo’ – «*мы есть, и мы живём так – убивая*». **Троян** нового тысячелетия выпущен – «**кочующий колонат**» (мигранты из *лентяев* и *пиратов*) уже вытаптывает *Илионы* Объединённой Европы.

Насилие, что исповедовал и применял Цезарь к галльским (и прочим) племенам, и что проводил как ‘принцип человеческого существования’, и что ввел в обиход не он и до него успешно применялось в исторической конкретике «происхождения видов», но он лишь придумал ‘способ оправдания’ такой *насильственной парадигмы* – “Записки очевидца”, в которых ‘**насилие**’ укоренялось обыденностью языка, привыкшего действовать, а не объяснять, разворачивая предметно-образный ряд, и который *римская латынь* уберегла, растворяя корпус своих ‘глаголов *направленного действия*’ в языках индо-европейской группы (англ., исп., франц., нем., порт., ит. и пр.), меняя ‘принцип мышления’, – там оно хранилось и сохранилось как *вирус*, подготавливая почву для воцарения ‘христианской идеологии’: лишая свободы «смыслопостижения» (обязательного в *греческом*) и вводя «систему соподчинения»: узаконивая ‘*агрессивный код*’, что станет тем «*summum bonum*», что за сотни лет спеленает весь мир, обещая *универсальное счастье*, что всегда относительно, но применяя ‘пиратский образ жизни’ как гарант «нестабильности» и *невероятного благоденствия* – как ‘**системный Хаос**’, что управляем, – явит свою жизнестойкость, как и *вирулентность*, новому тысячелетию. И эта ‘*ядовитость*» (лат. *virulentus*) обнажила ‘мутацию человеческого гено типа’ – человечество совершило ‘*эволюционный отскок*’ на 2,5 тыс. лет, переварив парадокс *лжеца* в ‘*парадокс циника*’: широко и свободно

применяя «двоичный код лицемерия», демонстрируя свой коварный, но увы, *‘формальный разум’*, привыкнув склонять к *‘формализму’* логику, утратившую «форму Смысла».

Стратегия «насилия», которой неукоснительно следовал Цезарь в своей тактике *‘исключительного превосходства’*, что использовал, чтобы держать «в замешательстве», «в страхе» своих врагов, всегда была сопряжена со сферой *«ужасного»*, значение которого в латинском языке закреплено словом *«timor»*, – и вот располагая денотатом *‘ужаса’*, вовлекая в *«движение агрессии строем»*: синонимичными рядами слов *‘направленного действия’* – великий провокатор и диктатор Рима, создавая впечатление о своей армии как о *‘сверхвоинах Тетра’* – неустрашимых церберах Подземного царства, сближением своей *«чужеродности»* для *галлов* с однородностью *«Terra»* – адской землей, «пространством Аида», достигает неожиданного им эффекта, когда значение слова *«timor»* выскакивает за свои пределы – и бежит в сторону *‘смертельного ужаса’* или «страха, сопряжённого со смертью» – и вот этот последний денотат как *‘тремучая смесь’* слов и «коннотаций» будет сопряжён впоследствии с *«Террором»*, что как аналог *9-го Термидора*, был объявлен *‘Законом незаконной власти’* (якобинцев, свергнувших самодержца Людовика) как *‘сезон «откровенного убийства»’* – словно начало сбора урожая, и что стало восприниматься *«выпущенной на вас Смертью»*, *лютной борзой*, что никогда не хромает, – и думаю, что такова современная трактовка слова «терроризм» – *‘направленная смерть’*, по сути, *«троянский терроризм»* ахейцев был таковым: слова не было, но *прецедент* был – соткался волей и желанием Одиссея, его кознями и обманкой – его *шалостью ума*.

Троянцы утратили полис (Илион), но свою «культуру» перенесли малым отрядом на Апеннины, потеснив этрусков – сработал *‘закон на сохранения энергии’* или *эволюции*, чей естественный отбор покоится «естественном» Праве сильнейшего – то есть насилии и выгоде того, кто прав, ибо у *«сильного всегда бессильный виноват»*. Таким образом, «Миф о Троянском Конне» трансформировался в *«троянский терроризм»* – **стратегию военной экспедиции по возмещению ущерба**, случившегося по причине *‘несостоявшегося экономического сотрудничества’* – иначе: срыва *потенциальных сделок* или срыва *возможности получить экономическую выгоду*. А что щекотало носы крылатых ракет армии Дядюшки Сэма, вызвав далеко не песчаную бурю в Ливии, Югославии, Афганистане, Сирии и далее по широтам, что богаты «полезностью» или «проходимостью» рынка сбыта? **Миф – это не байка, это правило боя.**

И сейчас *«троянский терроризм»* впускается *‘обманом многих’*, являясь чьей-то *‘шалостью ума’*, ибо он соединяет все: и *замешательство*, и связанный со смертью *ужас*, и *обман*, и направленную на вас *смерть* – все лепестки сложились в тугой бутон готовой к рывку ядерной боего-

ловки, поскольку современная трактовка «терроризма» как чёрная кошка с белой отметиной: **terra nova**. Словом, нежелание пришельцев перенимать ‘чужую культуру’, *чужие* для них ‘законы’ (язык, н-р) – *это и есть тот ординар, что равняет, формируя, их в «когорту захватчиков»*, объединённых одной *целью «принципиальной выгоды»* – **‘вытеснением и зачисткой территории, что тебя впустила’** (по незнанию, по наивности, вследствие страха, ввиду смерти).

Добавим также, всякая *революция – это физжмы ‘свершённой трансформации’*. И всякий *бунт*, даже ‘протестный’, словно ‘протестом’ жеста: от поднятого пальца и разбитой витрины до снесённого памятника – легитимирует акт «борьбы за свою свободу», как ударом в тамтам, оглашающим джунгли сигналом к наступлению или сбору племени. Но кто ж воюет с каменными изваяниями? – Только те, кто воспринимает их иначе: не как «художественный элемент» культуры – но как атрибут «чужеродности», ‘пойманным врасплох’ *чужаком* из соседнего племени гоминидов. Новая ‘архаика’ как продолжение *«революционного состояния»*, обязана той ‘трансформации’, что непредсказуема в проявлениях и последствиях, поскольку всегда запускается извне, и что отличается от *трансформации ‘канонического оборачивания’*, что происходит как бы *изнутри*.

Такая «трансформация» проводится самим обществом регулярно – достаточно взглянуть на историю культуры всего человечества в целом – и всякий раз общество оказывается подготовленным к ней исподволь: контрагентами (жрецами, волхвами, авгурами, теологами, поэтами, сектантами, крестоносцами идей и учений), если же «приручить» не удаётся, то включаются природные катаклизмы и «социальные бифуркации» – революции. В природе этого явления, что можно назвать **‘циклической тотальной трансформацией’**, нам и предстоит разобраться – поспешая, пока «психосоматика» прошлого ещё жива, пока пальцы не разучились держать карандаш, пока рукопись остаётся «рукописью», поскольку написана рукой и от руки – человеческой способностью, которую настоятельно рекомендуют забыть современные трансформаторы *Логоса*. Когда *Хронос* в плену у *Трояна* – это знание особенно важно при формировании *‘политической стратегии’* каждого живущего «в плену» *Насилия* и *Обмана* – «относительных понятий», что в современной объективной реальности являются ‘обыденностью’ – то есть теми привычными обоями в цветочек, что оформляют ‘среду обитания’ – ваше ‘пространство бытия’, лишая его нравственных устоев, покрывая толстым слоем грунта *масонского новояза*. «Формальность *Обмана*» как приём ‘цветущего лицемерия’, и как ухищрение Сознания, что растерялось или потерялось в трех соснах, сводит жизнь к определённой форме, которая не обязательна к *эмоциям*, что предполагают *искренность* и *доверие*, – напротив,

она «*формально*» приучает к ‘подражательности’ и ‘ритуальности’ – *выхолощиванию Сознания*, а это поистине откат в архаику – векам вероломным и темным, и по сути, это «*отказ от Поступка*», что оказывается не «заблуждением» отдельного субъекта, но ‘*спланированной акцией*’, внедряемой планомерно – ‘системным обеспечением’ *мышления* современного человека.

Холеные «нос и уши» ‘*троянского терроризма*’ встречаются тут и там, распыляя «мёртвые души» ‘нерожденных Сознаний’, однако инфантильная современность XXI века как ‘*формация непослушания*’, кичась своим непостоянством и необузданностью желаний поставила своей целью «оборачивание»: *глобальное превращение общества* – буквально ‘*сворачиванием Ума*’, демонстрируя ‘*опустошение нравственное*’, являя ‘*выворачивание наизнанку*’ смыслов *этического* порядка, и потому для достижения задуманной ‘*метаморфозы*’ – той, что затрагивает глубинное содержание, *метаморфозы идущей изнутри: гниением недр*, но желанием *Чужого* – то для ‘блокировки’ *Смысла* будет выбран *virus* и *Циркуляр по борьбе с ним*. Это «оружие ближнего боя», что станет «*обязательным*», в силу «доступности», апробированной веками (*вирус* остановил не только армию Наполеона, ослабил здоровья Македонского, мешал реформам Годунова, пуская мор – историй много), что включает *панику* и *отчаяние*, становится ‘средневековой мортирой и пищалью’ – современными *огнестрелами по Восприятию*.

Но если **метод «Троянского Терроризма»** имеет свои истоки, то быть может применение дедукции Шерлока и любознательности Пуаро поможет выявить Властелина **его колец**, что обращают «способ» в *modus vivendi* (*принцип* и «постулат»), и понять, кому нужен весь этот ‘квардак’, включающий *маховик цивилизационного распада*, и не первый раз?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Меньшикова Е. Р.* «Миф: сопротивление материала. Троянский терроризм». – М.; СПб.: Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 634 с.

II. ГОРИЗОНТЫ ПОЛИТИКИ

УДК: 141:159

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РАДИКАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГИЙ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ДЕФОРМАЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

SPREAD OF RADICAL IDEOLOGIES AT THE TURN OF THE XX-XXI CENTURIES AS EVIDENCE OF DEFORMATION OF WORLDVIEW

Чудина-Шмидт Наталья Витальевна,

*кандидат философских наук, доцент, г. Симферополь,
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России*

Chudina-Schmidt Natalya Vitalievna,

*PGD of Philosophy, associate professor, Simferopol, Crimean
branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia*

Аннотация: В статье рассматривается вопрос распространения радикальных идеологий, которое происходит сегодня. В качестве основного фактора данного распространения автор выдвигает идею деформации формирования мировоззрения, которая происходит в результате искажения в системе становления конкретных мировоззренческих элементов, которые подменяются на схожие с ними, но из другой системы координат. В результате данной подмены формируется личность с искаженными мировоззренческими позициями, что в результате приводит индивида к проявлению собственной социальной позиции через радикальные идеи и действия.

Ключевые слова: мировоззрение, радикализм, идеология

Abstract: The article examines the issue of the spread of radical ideologies that is happening today. As the main factor in this spread, the author puts forward the idea of deformation of the formation of a worldview, which occurs as a result of distortion in the system of formation of specific ideological elements, which are replaced by similar ones, but from a different coordinate system. As a result of this substitution, a personality is formed with distorted worldview positions, which ultimately leads the individual to manifest his own social position through radical ideas and actions.

Keywords: worldview, radicalism, ideology

Современный мир пропитан всякого рода противоречиями и конфликтными ситуациями. Все чаще и чаще можно, листая журналы и читая газеты, смотря новости по телевизору или в интернете, столкнуться

с информацией о новом террористическом акте, о возникновении угрозы развязывания вооруженного конфликта как в рамках одного государства, так и на межгосударственном уровне [1]. Чаще и чаще происходят события, которые приводят к большим потерям как людей, так и материальных благ.

Однако, до сих пор не решен вопрос, где лежат основания такого резкого роста конфликтности социального бытия. Разными исследователями предлагается множество разных вариантов источника исследуемой проблемы, каждый видит ее в определенной сфере деятельности, но все разнообразие этих точек зрения и взглядов относятся в своем большинстве к уровню внешнего проявления, что не может быть истинным, поскольку внешнее – это всего лишь констатация наличия социальной «болезни», что не дает полного представления о ее причине. Следовательно, чтобы иметь возможность справиться с обозначенной «социальной болезнью», которая проявляется в повышенном уровне агрессивности, конфликтности и радикальности. Поэтому появляется необходимость проведения комплексного анализа, происходящих трансформаций, как в социальной сфере, так и в самом человеке на более глубоком уровне – внутреннем.

И в данном случае речь идет о субъекте, который является ключевой фигурой всех явлений, которые дают основания констатировать существование реальной угрозы для будущего всего человечества.

Особое внимание в данном контексте стоит обратить на особенности формирования индивида, склонного к экстремистским взглядам, так как именно такой индивид способен с течением времени выйти на уровень уже не мысли, в крайней, радикальной форме, а на прямое радикальное действие, направленное на уничтожение другого человека.

Как показывает наша история уже со времен древнего мира человеку были нужны только две составляющие его бытия «Panem et circenses!» [2], то есть человек всегда стремился только к получению «хлеба и зрелищ». Прошли года, столетия, тысячелетия, менялся окружающий объективный мир, проходили трансформации в обществе, наука и техника достигли новых вершин, а человек до сих пор не изменился: ему так и остались нужны только «Хлеб и зрелища».

Как известно каждой социальной системе характерно наличие соответствующего антропологического типа человека. И если для общества с закрытым типом социальности, присущи такие характеристики как традиционность с человеком, который находится в центре нормы собственного поведения, нынешнее общество переживает переходный период, когда идет трансформация из общества традиционного, равновесного в новое информационное, основной характеристикой которого, скорее всего, будет динамичность, происходит формирование такого антропологического типа, которому свойственно выходить на границы существования системы, отступая от центра и нормы, становясь тем самым приверженцем границ [4]. А, как известно, основным в этимологическом

значении понятия экстремизм лежит латинский корень *extermum*[6], что означает крайний, критичный.

Тогда, рассматривая индивида и окружающую его социальную реальность, можно отметить, что даже в условиях возникновения конфликта, они относятся к проблеме «внешнего», демонстрируя тем самым отстраненность от атрибутивных характеристик бытия человека. Если рассматривать войны традиционного общества, то, стоит отметить, что они направлены на разрушение материального мира, если же смотреть на современное геополитическое и социокультурное пространство, то стоит отметить, что сегодня все действия переходят из материального мира в мир виртуальный в форме войны гибридной [3], разрушительный потенциал которых направлен на «внутренние», то есть на разрушение мировоззренческих основ существования.

Трансформационные процессы современной социальной системы порождают и трансформации человека, однако если трансформационные процессы прошлого выводили человечество на качественно новый уровень развития, то сегодня нельзя с уверенностью говорить об этом.

Поэтому для того, чтобы понимать, что происходит сегодня и каким образом оно влияет на развитие социального бытия, предлагается посмотреть механизм нарушения формирования четких мировоззренческих установок с последующим формированием индивида, склонного к экстремистским взглядам.

Однако, сперва стоит отметить, что в философии принято выделять четыре основные составляющие мировоззрения: ценностные ориентации, верования, идеалы и убеждения. На основе четко сформированных составляющих происходит формирования «купола» мировоззрения – принципов.

Рассмотрим, что же происходит с каждой из обозначенных составляющих, что приводит к нарушению формирования стойких жизненных позиций и зарождению индивида, склонного к экстремистским взглядам.

Так, ценностные ориентации – это система таких благ, которые принимаются как сила, способная влиять на мысли и поступки каждого, приводя тем самым к построению особой системы взаимоотношений. Но ныне при формировании системы ценностных ориентиров происходит инверсия, при которой человек попадает в «зону отчуждения» от ценностей, традиционного общества, но при этом еще не видит ту систему ценностей в которой бы мог найти собственное «Я», попадая таким образом в так называемый «ценностный» вакуум.

В таком состоянии индивид попадает во внутренний конфликт, а если учитывать, что именно в момент усиления внутренней конфронтации при смене шкалы ценностных ориентиров появляется возможность влиять на индивида с применением механизма манипулирования его мен-

тальностью[5]. Сегодня можно даже отметить, что, находясь в граничном положении между теми ценностями, которые уже не работают и теми, которые только заявляют о себе, индивид становится легкой мишенью для внедрения в его мировоззренческие основы не только мыслительной, но и поведенческой деятельности тех установок и идей, которые выгодны самому манипулятору. Не стоит забывать, что человек, который не имеет достаточно четкого и сформированного ценностного видения окружающей действительности, склонен к экспрессивным действиям и необдуманным поступкам, которые, при детальном рассмотрении, могут быть оценены как экстремальные, в негативном потенциале как экстремистские.

Вторым обозначенным элементом мировоззрения, который формирует мировоззрение индивида, являются верования, как такой неустранимый элемент, обладающий жизненной значимостью. Человек не может жить без веры, и здесь стоит отметить, что не только религиозной. Происходит это только потому, что каждый человек живет с четким осознанием конечности собственного бытия. Но, в попытке сбалансировать собственное психическое состояние, стремится найти путь преодоления этой конечности. Тогда человек готов «свято» верить в любую идею или путь, которые способны дать ему надежду на обретение собственной бесконечности. Но и этот элемент мировоззрения сегодня подвергается разрушению и трансформации, о которых говорят даже отцы церкви, констатируя подмену принятых в религии верований.

Третьим элементом мировоззрения являются идеалы, под которыми человек понимает путь, который каждый должен пройти для достижения собственного «возможного» будущего, то есть это та «путеводная звезда», которая дает четкое направление куда идти дальше и для чего следует жить. И если этого направления нет, то, следовательно, нет и жизни.

На основании трех изложенных элементов мировоззрения формируется тот «купол» мировоззрения, который называется принципом. Только в условиях четкого понимания тех событий, которые происходят в мире, на уровне четко сформированных мировоззренческих позиций, появляется возможность существования такой личности, которая будет знать «Кто она», «Для чего она», «И как она должна поступить», в случае же нарушения формирования мировоззрения возникает такая личность, которая не знает ответов на обозначенные вопросы, а, соответственно, будет стремиться «примкнуть» к тому человеку, который это знает. И, в данном случае, появляется вероятность формирования такого индивида, который под воздействием «Другого» будет совершать противоправные действия и поступки, с течением времени переходя на все более экстремальные с последующим переходом на экстремистские и террористические.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буткевич С.А.* Особенности международного антитеррористического сотрудничества: российская модель и зарубежный опыт // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства. Сборник научных трудов участников Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Н.С. Сорокун. 2018. С. 51-57.
2. *Децим Юний Ювенал* // <https://anews.com/novosti/128887303-hleba-i-zreliw-chtioznachaet-jeto-vyrazhenie-iz-rimskoj-istorii-kak-jeto-na-latyni.html> (дата обращения: 20.05.2021)
3. *Коноплева А.А., Веремьев А.С., Чобитько С.П.* Гибридная война как современный социокультурный феномен // Манускрипт. 2018. № 7 (93). С. 86-89.
4. *Никитина Л.Н., Коноплева А.А., Чудина-Шмидт Н.В.* Детерминанты формирования радикального сознания молодежи // Российский девиантологический журнал. 2023. № 3 (2). С. 195-207.
5. *Чудина-Шмидт Н.В.* Социальные условия перехода личности в состояние экстремала-дестроера // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 508-511.
6. *Чудина-Шмидт Н.В.* Этимология понятия «экстрим» // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 107-110.

**ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КРЫМА**

**SOCIO-GEOGRAPHICAL ANALYSIS OF THE
GEOPOLITICAL HISTORY OF CRIMEA**

Шимон Константин Иванович

Аспирант 1 года обучения, кафедра экономической, социальной, политической и рекреационной географии, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Shymon Konstantin Ivanovich

First-year postgraduate student, Department of economic, social, political and recreational geography, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация: диссертация на тему «Общественно-географический анализ геополитической истории Крыма» является актуальной в свете современных геополитических событий. Несмотря на актуальность данной темы, а также учитывая тот факт, что тема соответствует паспорту научной специальности 1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география по пункту: 15. Интеграционные и дезинтеграционные геодемографические, геополитические и геокультурные процессы, в ходе обсуждения будущей диссертации с научными сотрудниками Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского было неоднократно высказано суждение, что вероятность защиты данной научной работы крайне мала. В виду этого, автор данной диссертации использует эссе как попытку объяснить мотивы и видение, почему такая работа должна быть проведена.

Abstract: Dissertation on the topic “Social-geographical analysis of geopolitical history of Crimea” is relevant in the light of modern geopolitical events. Despite the relevance of the topic, and the fact that the topic corresponds to the passport of scientific specialty 1.6.13. Economic, social, political and recreational geography: 15. Integration and disintegration of geodemographic, geopolitical and geocultural processes, during the discussion of the future dissertation with researchers of the Crimean Federal University. V.I. Vernadsky has repeatedly made the judgment that the probability of protecting this scientific work is extremely small. In view of this, the author of this thesis uses the essay as an attempt to explain the motives and vision why such work should be carried out.

Ключевые слова: Общественно-географический анализ, геополитическая история, геокультурные процессы.

Keywords: Social-geographical analysis, geopolitical history, geocultural processes.

В своей научной деятельности, автор неоднократно столкнулся со скепсисом относительно стремления провести исследование в смежных сферах. В ходе активных дискуссий в рамках образовательного процесса,

коллективно был сделан вывод о том, что система образования обладает консерватизмом, который хоть и является предохранительным механизмом, но тянет за собой другие вызовы, которые зачастую являются проблемными.

В ходе планирования всех необходимых действий по написанию и защите диссертации, было отмечено, что система защиты диссертаций построена с наиболее максимальным уровнем процедурных препятствий, которые заметно усложняют исследования в смежных дисциплинах. Однако автор задается вопросом, чем именно следует заниматься наукой ради науки, или наукой ради результата? Ответ на этот вопрос будет приводиться на примере диссертации автора «Общественно-географический анализ геополитической истории Крыма».

Итак, вот что следует знать об исследовании, которое проводил автор данного эссе. Целью исследования автора является систематизация и теоретическое моделирование влияния геополитических процессов на социально-экономическое развитие и территориальную организацию Крыма в разные исторические периоды. Для выполнения этой цели, автором были поставлены следующие задачи. Во-первых, автор видит необходимость в Определении основных этапов геополитической истории Крыма с древности до наших дней. Во-вторых, следует проанализировать взаимосвязь между географическими факторами и социально-экономическими процессами в Крыму на разных исторических этапах. В-третьих, необходимо выявить особенности территориальной организации Крыма в зависимости от его политической принадлежности и международного статуса. В-четвертых, одной из задач будет оценить геополитическую значимость Крыма в современном мире и перспективы его развития. Ну и в-пятых, итоговой задачей станет построение теоретическую модель связи геополитических процессов и социально-экономического развития Крыма в разные исторические периоды.

Безусловно, что все исследование продиктовано актуальностью данной темы, и мотивировано той научной новизной, которая достижима в современном динамическом мире, где несмотря на нахождение Крыма в эпицентре геополитических событий, количество научных публикаций про полуостров остается относительно невысоким. В виду этого, автор исследования считает, что научная новизна исследования будет заключаться в предложении нового подхода к изучению геополитической истории Крыма, основанного на комплексном анализе географических, социальных, экономических и политических факторов. Также, новизна исследования будет заключаться в оригинальной систематизации основных этапов и событий геополитической истории Крыма с древности до наших дней, а также их влияния на развитие региона. Более того, будет представлена оценка геополитической значимости Крыма в современном

мире, учет его специфики и потенциала, а также выработка рекомендаций по его устойчивому развитию.

В результате исследования ожидаются следующие научные и практические результаты:

1. Данное исследование может способствовать повышению уровня научного знания о Крыме, его истории, культуре, природе и экономике, а также о его роли в мировой политике и геополитике.

2. Содействовать развитию диалога и сотрудничества между Крымом и другими регионами, а также международными организациями, на основе взаимного уважения, доверия и понимания.

3. В оригинальной диссертационной работе будут предложены рекомендации по устойчивому развитию Крыма, учету его геополитической значимости, специфики и потенциала, а также по улучшению международного статуса и сотрудничества с другими регионами.

Что же касается вступительного вопроса, в котором автор задается вопросом, стоит ли отвергать темы для исследований, которые являются смежными между специальностями, факультетами, и прочими академическими градациями, то автор для своего исследования вдохновлялся такой известной книгой как «Государь», которую написал флорентийский государственный деятель Никколо Макиавелли, который по совместительству являлся неформальным советником Лоренцо Медичи – представителя семьи влиятельнейших банкиров средневековой Италии, от которых в Европе зависели как государи многих стран, так и Папы Римские. В своей книге Макиавелли дает важнейшие советы для управления городом-государством Флоренция, однако он дает советы практические, основываясь на предыдущем опыте других стран и городов-государств. Этот труд до сих пор является настольной книгой для управленцев, политиков, и историков. В его основе – само понимание государства, и процесса управления ним. Автор исследования «Общественно-географический анализ геополитической истории Крыма» убежден в том, что подобные рекомендации удастся выработать и для Крыма, пусть даже для этого необходимо будет пройти через академический консерватизм относительно исследований в смежных дисциплинах. Потому что, как в своё время заметил немецкий философ Иммануил Кант, «теория без практики мертва, а практика без теории слепа».

ЛИТЕРАТУРА

1. *И.А. Андриющенко, М. Д. Баханцов, В.А. Бахревский, О.И. Блацишин, В.В. Буряк, О.А. Габриелян, Н. Н. Доненко, А. Г. Ерзаулова, А.И. Креминский, И.А. Курьянова, Ф.В. Лазарев, Э.Н. Меджитова, А.М. Меметов, Н.М. Мирошниченко, Д. Е. Муза, С.Б. Фильмонов, А. П. Цветков, О.К. Шевченко, В.И. Шостка.* Философская мысль в Крыму: страницы истории. К 100-летию Таврического университета. – Симферополь: ООО «Антиква», 2018. – 308 с.
2. *Макиавелли Н.* Сочинения / Макиавелли Никколо; Макьявелли Никколо. – Санкт-Петербург: Кристалл, 1998. – 656 с.

УДК 32.019.5

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЫНОК И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МАРКЕТИНГ:
ЭВОЛЮЦИЯ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ****POLITICAL MARKET AND POLITICAL MARKETING:
EVOLUTION AND INTERRELATION OF CONCEPTS*****Самброс Андрей Сергеевич****Аспирант кафедры политологии и международных отношений, ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»****Sambros Andrey Sergeevich****Postgraduate student of the Department of Political Science and International Relations V.I. Vernadsky Crimean Federal University*

Аннотация: в статье исследуется эволюция понятий «политический рынок» и «политический маркетинг», подчеркивается их обособленное историческое развитие и независимое возникновение. Автор приходит к выводу о том, что политический маркетинг развился в самостоятельную исследовательскую область, несмотря на ожидаемую связь с концепцией политического рынка.

Abstract: the article explores the evolution of the concepts «political market» and «political marketing», emphasizing their separate historical development and independent emergence. The author concludes that political marketing has evolved into an independent research area, despite the anticipated connection with the concept of the political market.

Ключевые слова: политический рынок, политический маркетинг, политический продукт

Keywords: political market, political marketing, political product

Логический парадокс «Что было раньше – курица или яйцо?» в отношении политического маркетинга и политического рынка не является праздным вопросом, как может показаться на первый взгляд. «Political market» по логике вещей должен предшествовать «political marketing», как деятельности, которая возможна только на политическом рынке. То есть, сначала этот самый рынок должен появиться как объективное или теоретическое явление, описанное и осмысленное учеными, а уже вслед за ним возникнуть концептуально обоснованная практика продвижения продуктов на этом рынке.

Погружаясь в тему исследований о политическом рынке и политическом маркетинге, невольно можно прийти к предположению о том, что две эти темы слабо связаны. Если концепция «политического рынка»

своими корнями уходит в теорию общественного выбора и рационального поведения индивида (К. Эрроу, Дж. Бьюкенен, Э. Даунс, М. Олсон, Дж. Стиглер, Г. Таллок), то политический маркетинг, вероятно, был рожден не в научных кабинетах, а в пространстве непосредственной политической борьбы в ходе электоральных кампаний.

Бросается в глаза и тот факт, что в перечне классиков политмаркетинга нет специалистов, которые бы прицельно занимались конкретно этим направлением. Обычно идеи исследователей-маркетологов постфактум адаптируют к политмаркетинговым задачам, а после этого записывают в общий пантеон классиков маркетинговой мысли (Дж. Арндт, Р. Багоцци, Э. Бернейс, Дж. Катон, Ф. Котлер, С. Леви, С. Хант).

Для проверки этой гипотезы об концептуальной пропасти между политическим рынком и политическим маркетингом нам нужно ответить на следующий научный вопрос: предшествовал ли анализ «политического рынка» анализу «политического маркетинга» в профильной литературе?

Старейшее упоминание «political market», которое нам удалось установить, относится к 1847 году. Оно упоминается в книге, посвященной биографии «первого европейского журналиста» Джозефа Аддисона, которую написала Люси Айкин [5, с. 350]. Как и в более поздних упоминаниях того времени о политическом рынке речь шла исключительно об авторских метафорах. В данном случае Люси Айкин представила «политический рынок» в переносном смысле как место концентрации власти, в которое стремился попасть один из соратников Джозефа Аддисона.

Другой пример из той же эпохи – исторические мемуары от 1859 года, описывающие двор короля Великобритании Георга IV. В них автор описывает ситуацию, когда аристократическая семья Гренвиллов утратила былое политическое влияние, но их мнение продолжало цениться на «политическом рынке» [8, с. 265]. В данном случае позиция аристократического рода была значимой среди британской элиты, что автор и передал при помощи этой метафоры.

В более узком, политологическом значении «политический рынок» стали употреблять в публикациях середины XX века и позже. Этот термин не перестал использоваться, прежде всего, как художественная метафора, однако его начали связывать непосредственно с голосованием и удовлетворением потребностей избирателей посредством демократических процедур. Изменились обстоятельства и сам характер политической жизни общества, поэтому изменился и смысл употребляемого словосочетания. Например, в статье «Science and the human spirit» 1946 года первый председатель Комиссии по атомной энергетике США Дэвид Лилиенталь использовал словосочетание «политический рынок» в контексте рефлексии об ответственности, которую возлагает научно-технический прогресс на политические элиты.

Он утверждал, что технологии (прежде всего, атомное оружие) не должны рассматриваться в отрыве от тех, кто направляет курс их развития и определяет цели, так как безответственные политики могут рассма-

тривать демократическое общество как набор рынков («рынок труда», «политический рынок») [7, с. 266]. При должной сноровке этими «рынками» можно манипулировать для достижения собственных эгоистических целей, не принимая во внимание вопросы общего блага, морали и считая мнение народа вздором и глупостью.

Одним из первых чисто политологических упоминаний «политического рынка» как объекта исследований можно считать статью двух американских социологов Дэвида Рисмана и Натана Глейзера «The Meaning of Opinion» 1948 года, в которой они исследуют значения опросов общественного мнения, ряд теоретических и методологических проблем проведения социологических опросов (например, что идентичные формулировки ответов в анкетах могут иметь различное значение для разных групп респондентов).

Авторы приходят к выводу, что интервьюирование (проведение опросов) является способом обмена мнениями между разными социальными слоями общества, необходимыми для создания иллюзии равенства и удовлетворения потребности в стабильности для правящих групп США. Таким образом, опросы они рассматривают как тип «исследований политического рынка» (political market research) [11, с. 642], окончательно утверждая существование последнего для истории политической мысли.

Что же касается термина «политический маркетинг», то до 60-х годов XX века в англоязычной научной литературе нам не удалось найти примеров его употребления. Однако с самого начала «political marketing» использовался для обозначения практической деятельности партий, лидеров и политтехнологов для достижения необходимого результата на выборах.

В этой связи примечательным выглядит рецензия Р. Пира на книгу «Influencing voters», написанная в 1967 году. В этой рецензии автор пишет о «современных методах политического маркетинга» (modern methods of political marketing), которые стали абсолютной необходимостью для эффективной продажи политического образа партий в Великобритании [9, с. 296]. В этой же рецензии упоминается и «политический рынок», и анализ поведения избирателей, и «упаковка» партий для их последующей «продажи».

Примечательно, что начиная с первого десятилетия XX века термин «маркетинг» начал постепенно входить в научный оборот. Изначально он определялся в более узком смысле – как совокупность усилий, которые влияют на передачу права собственности на товары, регулируют их физическое распределение на рынке [6, с. 1]. Со временем он вырос до теории маркетинга, преподаваемой в ряде университетов США, первому тематическому научному журналу «Journal of marketing», издаваемому с 1936 года.

Окончательная популяризация «маркетинга» произошла в конце 60-х годов XX века. И это слово, обозначающее аналитическую систему управления бизнесом, стали переносить во все отрасли деловой жизни (медицинский маркетинг, производственный маркетинг, корпоративный маркетинг, рекламный маркетинг и т.п.). Дополнительное подтверждение этой общепризнанности – первое упоминание слова «маркетинг» в словаре «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов», изданного в СССР [4, с. 346].

То есть, путь от анализа маркетинга в экономике до анализа маркетинга в политике составил более 50 лет, но он не был изначально связан с какой-то конкретной теорией политического рынка или системным анализом.

Таким образом, видимая разобщенность политического рынка и политического маркетинга обусловлена историческими факторами – и подтверждение этому находится, в числе прочего, в анализе хронологии возникновения и применения терминов в профильной литературе.

Даже в актуальных англоязычных университетских учебниках по политическому маркетингу нет места теории «политического рынка», всё описывается косвенно через обозначение границ этого рынка в духе «Политический рынок сложнее, чем просто совокупность избирателей» [10, с. 3], либо просто через область применения самого политического маркетинга. И в этом случае мы видим следующее определение «Политический маркетинг – это процесс, в котором политические организации и практикующие специалисты используют маркетинговые инструменты и концепции для разработки продуктов в ответ на потребности рынка» [10, с. 3].

Для сравнения обратимся к исследованию Н. Алтуховой, которая в своей диссертации «Политический маркетинг в современной России» приводит следующее характерное определение: «Политический рынок – это поле, в котором в конкурентной борьбе между акторами рождается политическая продукция: проблемы, программы, концепции, события, из которых должны выбирать обычные граждане» [1, с. 12].

Мы видим идентичных подход: политический рынок определяется через маркетинг, как подчиненная маркетингу категория. Ярче всего в русскоязычной научной литературе этот подход был представлен в диссертации И. Недяк «Маркетинговый подход к изучению политических процессов», в которой утверждается, что «Политический рынок как аналитическая модель изучения политического процесса находится на начальной стадии формирования. Поэтому в данной области исследований интерес представляют в равной степени и наработки политического маркетинга, и обозначение слабых позиций, и определение перспективных подходов, направлений, трендов и тем» [3, с. 110].

Проведенный анализ позволяет заключить, что взаимоотношения между «политическим рынком» и «политическим маркетингом» характе-

ризуются исторической многоуровневостью. Вначале термин «политический рынок» использовался в метафорическом смысле, как это видно по литературе XIX века, для описания влияния и ценности мнений в кругах элиты.

Это метафорическое использование отражает концептуальное видение политики как сферы обмена влиянием и властью, аналогично товарному рынку. К середине XX века термин «политический рынок» начал приобретать более точное и аналитическое значение в контексте политической науки. Он расширился, включив в себя динамику демократических процессов, голосование и формирование общественного мнения в гражданском обществе.

Появление «политического маркетинга» как самостоятельной практики и области исследования в 1960-х годах не было строго связано с развитием концепции политического рынка. Оно символизировало применение рыночно-ориентированных стратегий в политической сфере, где партии, лидеры и политтехнологи активно формировали свои предложения (лидеры, программы, идеологии) в соответствии с требованиями своей целевой аудитории. Даже сейчас, спустя 60 лет, эти понятия находятся друг от друга на почтительном расстоянии.

После проведенного анализа мы можем утверждать, что исследования политического рынка предшествовали политмаркетинговым исследованиям, однако, учитывая контекст этих исследований, мы не нашли доказательств связанности этих концепций в истории политической мысли.

Более того, современные политмаркетинговые исследователи конструируют политический рынок исходя из собственных задач, а не из предшествующих теорий политического рынка, экономической теории демократии и т.п. Политический маркетинг, который, по логике вещей, должен быть производным политического рынка, на данном этапе развития политической науки является самостоятельной исследовательской областью, которая пока не смогла прочно интегрировать в свою основу устоявшуюся теорию политического рынка.

Отсутствие укоренившейся связи между концепцией политического рынка и практикой политического маркетинга открывает дорогу к формированию более глубокой синтетической теории политического рынка, в которой маркетинг мог бы стать критерием его развитости, независимости и политической активности гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алтухова, Н. Ю.* Политический маркетинг в современной России: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.02 / Алтухова Наталья Юрьевна; Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2006. – 180 с.
2. *Морозова, Е.* Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии / Е. Морозова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 247 с.
3. *Недяк, И. Л.* Маркетинговый подход к исследованию политических процессов: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук: 23.00.02 / Недяк Ирина Леонидовна; Институт социологии РАН. – Москва, 2011. – 373 с.
4. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Е. А. Левашов, Т. Н. Поповцева, В. П. Фелинына [и др.]; под ред. Н. З. Котеловой. – М.: Русский язык, 1984. – 808 с.
5. *Aikin, L.* The life of Joseph Addison / L. Aikin // The North American review. – 1847. – Vol. 64, № 135. – P. 314-372.
6. *Clark, F. E.* Principles of marketing / F. E. Clark. – New York: Macmillan Co., 1922. – 570 p.
7. *Lilienthal, D.* Science and the human spirit / D. Lilienthal // ALA Bulletin. – 1946. – Vol. 40, № 8. – P. 261-268.
8. Memoirs of the court of George IV. 1820-1830. From original family documents by the Duke of Buckingham // Chandos the North American review. – 1859. – Vol. 89, № 184. – P. 265-266.
9. *Pear, R.* Reviewed work: influencing voters by Richard Rose / R. Pear // Review journal of American studies. – 1967. – Vol. 1, № 2. – P. 296-298.
10. Political marketing: principles and applications / J. Lees-Marshment, B. Conley, E. Elder [et al.]. – Abingdon: Routledge, 2019. – 266 p.
11. *Riesman, D.* The Meaning of Opinion / D. Riesman, N. Glazer // Public opinion quarterly. – 1948. – Vol. 12, № 4. – P. 633-648.

**ПРАКТИКИ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ:
МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ
ЦЕННОСТЬ**

**PARLIAMENTARY CONTROL PRACTICES: IDEOLOGICAL
FOUNDATIONS AND SOCIAL**

Легкоступова Наталья Викторовна

студент 1 курса аспирантуры, направление специальности 5.1.2 «Публично-правовые науки», Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Legkostupova Natalya Viktorovna

1st year postgraduate student, specialty 5.1.2 «Public Law Sciences», Crimean Federal V. I. Vernadsky University

*Научный консультант – Карabyков Антон Владимирович
д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский фе-
деральный университет имени В. И. Вернадского, профес-
сор кафедры философии.*

Karabykov Anton Vladimirovich

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol,
Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Full Professor
of the Department of Philosophy.*

Аннотация: В статье представлен анализ практик парламентского контроля с точки зрения мировоззренческих оснований и проанализирована их социальная ценность. Последняя связывается, прежде всего, с потенциалом трансляции ценностей ответственности и доверия как в процессе законотворчества, так и исполнения законов.

Ключевые слова: законотворчество, исполнительная власть, мировоззрение, парламентский контроль, парламент, ценности.

Abstract: The article presents an analysis of the practices of parliamentary control from the point of view of ideological foundations and analyzes their social value. The latter is associated, first of all, with the potential for transmitting the values of responsibility and trust both in the process of lawmaking and the implementation of laws.

Key words: lawmaking, executive power, worldview, parliamentary control, parliament, values.

Парламентский контроль выступает в качестве одной из разновидностей государственного контроля, и имеет достаточно долгую историю становления, отображая изменения в мировоззренческом, и в осо-

бенности аксиологическом, уровнях общественного и индивидуального сознания.

В научном юридическом дискурсе присутствует целый ряд дефиниций парламентского контроля. Считаем одним из наиболее точных подход А.А. Корнилаевой, которая определяет парламентский контроль как «...осуществляемый органами законодательной ветви государственной власти комплекс различных мер по постоянному наблюдению с целью проверки и по проверке строгого соответствия законодательству и нормам права деятельности органов исполнительной ветви государственной власти, а также по устранению в результате такой проверки выявленных нарушений и по их предупреждению» [3, С.67].

В рамках этого самостоятельного института парламентаризма, прошедшего в своем развитии античную, средневековую и современную формы в попытке обнаружить оптимальный баланс для ухода от крайностей демократического и абсолютистского правления, сложился целый комплекс форм контроля парламента за деятельностью исполнительной власти. На сегодняшний день спектр инструментов контроля достаточно широк, в ряде стран некоторые формы доминируют, некоторые отсутствуют, но к самым распространенным и действенным можно отнести: запросы и вопросы членам правительства, чиновникам, информационный час (Эстония), резолюции, вотумы недоверия, запрос на получение информации с целью трансляции для широкой общественности (Австрия), полномочия по назначению отдельных должностных лиц исполнительной власти (Германия, США), финансовый надзор (Великобритания), вотум доверия правительству (Бельгия, Италия, Турция) [2]. Помимо упомянутых форм, практически во всех странах, использующих парламентский контроль, распространены практики создания следственных комиссий и рабочих групп. В частности, одним из горячих сторонников и поборников практик парламентских расследований был немецкий философ и социолог Макс Вебер. В рамках своей властной теории и теории социального действия ученый обосновывает, что государство, сущностью которого является отношение господства людей над людьми в опоре на легитимное насилие как инструмент такого господства [1]. Соответственно, чтобы этот союз эффективно функционировал, люди, подчиняющиеся господству, должны ощущать авторитет тех, кто осуществляет господство. Одним из факторов его поддержания, помимо монополии на легальное насилие, выступают практики контроля за исполнением законов и возможность результативно реагировать на факты нарушения прав человека или иные события, связанные с общественным резонансом. Эту функцию и обеспечивает институт парламентских расследований.

Помимо функциональной нагрузки, практики парламентского контроля характеризуются и мировоззренческим контекстом, связанным, в первую очередь, с формированием и развитием определенной системы ценностей граждан. Реально работающие контрольные функции парламента,

воплощенные в практиках парламентского контроля, способствуют тому, что на уровне сознания личности утверждается ценностный концепт уважения к власти и её законам благодаря очевидности их действенности, на уровне личностных установок – готовность к правомерному поведению и стабильным практикам участия в общественной и государственной жизни без боязни пренебрежения к своим правам и свободам со стороны властных институтов, а на уровне действий – реальное правомерное и ответственное поведение как реакцию на гарантированность своевременного и объективного контроля за исполнением законов на высшем уровне. В соединении с общепринятой на сегодняшний день в большинстве развитых стран практикой информирования граждан о результатах парламентского контроля и, в частности, результатах парламентских исследований, воплощается в жизнь конституционный принцип обеспечения права каждого на участие в управлении делами государства посредством вовлечения граждан в механизмы уже общественного контроля за деятельностью властных институтов. Это подчеркивает социальную ценность практик парламентского контроля и актуальность их поддержания, укрепления и развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия / перевод с немецкого и вступительная статья А. Ф. Филиппова. Рипол-Классик, 2018. 292 с.
2. Каримова Г.Ю. Институт парламентского контроля в зарубежных странах / Г.Ю. Каримова // Вестник Уфимского государственного университета МВД России. 2018. №1. С. 40-44.
3. Корнилаева А.А. Теория парламентского контроля в контексте принципа разделения властей: Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002. С. 67.

**ВАЛЮАТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРОГРАММНЫХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ УКРАИНСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «ВО «СВОБОДА»)**

**THE VALUE ASPECT OF PROGRAMMATIC STATEMENTS
(USING THE EXAMPLE OF THE PROGRAM OF THE UKRAINIAN
POLITICAL PARTY “ALL-UKRAINIAN ASSOCIATION
“SVOBODA”)**

Дубиков Дмитрий Игоревич

преподаватель АНО «ПОО» «Открытый Таврический колледж»; магистрант кафедры философии философского факультета Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь

Dubikov Dmitry Igorevich

teacher of the Open Tauride College; master's student of the Department of Philosophy of the Faculty of Philosophy of the Institute “Tauride Academy” of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация: содержание статьи составляет описание применения методологии валюативного анализа к тексту политической партии «ВО «Свобода». Обнаружены скрытые под валюативным покровом призывы к притеснению этнических меньшинств и стремление к политическому реваншизму, представляемые публике под лозунгами «движения к независимости» и «процветания государства». В процессе исследования высказано предположение о том, что одной из возможных форм репрезентации валюатива может служить креолизованный текст, значимость которого в информационном обществе отмечена нами.

Abstract: the content of the article describes the application of the methodology of value analysis to the text of the political party “Svoboda”. Hidden calls for the oppression of ethnic minorities and the desire for political revenge, presented to the public under the slogans of “movement towards independence” and “prosperity of the state”, have been discovered. In the course of the research, it was suggested that one of the possible forms of representation of the value can be a creolized text, the importance of which in the information society has been noted by us.

Ключевые слова: националистический дискурс, текстовый подход, валюативный анализ.

Keywords: nationalist discourse, textual approach, value analysis.

Текстовый подход в социальной философии, предложенный в статье¹ Рыскельдиевой Л.Т. и Коротченко Ю.М., позволяет нам рассматривать тексты особого общественного статуса – публицистические – как смыслообразующие центры.

Определяя идеологию как систему концептуально оформленных идей и ценностей некоторой общности, мы сможем вычлениить, проанализировать и продемонстрировать идеи этой общности, но при попытке выявить ценности обнаружим, что они (например, Родина) – одинаковы для разных общностей, но смысл, вкладываемый в них адептами общностей, – разный. На это обращает внимание Альберт Кропп – герой романа Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен»:

«– Странно, если вдуматься, – продолжает Кропп, – мы здесь для того, чтобы защищать свою родину. Но ведь и французы здесь опять же для того, чтобы защищать свою. И кто прав?»

– Может, те и другие, – говорю я и сам себе не верю.

– Допустим, – говорит Альберт, и я вижу, что он намерен загнать меня в угол, – но наши профессора, и духовенство, и газеты твердят, что правы только мы, и надеюсь, так оно и есть... Однако французские профессора, и духовенство, и газеты твердят, что правы только они... С этим-то как быть?» [4, С. 178].

На неизбежную аксиологическую ловушку обращает внимание Коротченко Ю.М., заключая, что «ценностноцентристская, и притом абстрактная, интерпретация социального не является всеохватывающей» [3, С. 4]. В этой связи, в работах автора предлагается рассматривать интерпретационный центр, выполняющий организующую функцию, – валютив, представленный следующими элементами:

«– персонифицирующую дугу – героев, мучеников, врагов;
– нормы;
– ценности;
– формы репрезентации: язык, художественное творчество, идеологию» [Там же. С. 19].

Рассмотрение здесь программы украинской политической партии «ВО «Свобода» с помощью валютивной методологии не случайно. Манифесты и программные документы политических партий, помимо идеологической компоненты, затрагивают и валютивные аспекты, и, как отмечает Коротченко Ю.М., валютивный (а не оценочный или аксиологический) аспект программных высказываний наиболее ярко выражается в текстах политических сил, транслирующих радикальные высказывания.

¹ Рыскельдиева, Л. Т. Текстовый подход в социальной философии / Л. Т. Рыскельдиева, Ю. М. Коротченко. — Текст: непосредственный // Epistemology & Philosophy of Science. — 2017. — № 1. — С. 153–170.

«Свобода» – украинская националистическая политическая партия, представленная в парламенте – Верховной Раде Украины. В 2012 году на выборах в Верховную Раду партия получила 10,44 % голосов избирателей (победа во Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областях Украины). Партия открыто заявляет о себе как о националистической, констатируя, что «основой украинского государственного строительства является Национальная Идея – идея полновластия украинской (титульной) нации на украинских землях»¹ (нация здесь понимается в сугубо этническом смысле). Перед тем как раскрыть валютативную компоненту программы данного политического объединения отметим, что, несмотря на экстремистские, крайне радикальные взгляды, данная партия на Украине – легальна и зарегистрирована в установленном законом порядке. Это обстоятельство определяет особую значимость рассмотрения публицистического текста – программы партии «Свобода» – официально разрешенной, транслируемой в массы и нашедшей себе ближайших сторонников.

Определим, для начала, субъект валютатива, культивируемый данной политической силой. Уже с первых страниц программы мы встречаем следующую установку (*оценочные лексемы выделены нами. – Д.Д.*): «Главной целью Всеукраинского объединения «Свобода» есть построение могущественного Украинского государства на основе **социальной и национальной справедливости**». Неясным остается то, кому будет «дарована» такая справедливость, но уже в содержательной части программы обнаруживаем: «**Мы – Украинцы. Мы – в своей, Богом данной стране.** Подари нам, Боже, победу, чтобы **стать творцами великого Государства!**» с уточнением, что «творцом» (правда, в исключительных случаях), можно стать и не будучи украинцем, но, пройдя «инициацию»: «Разрешить приобретать гражданство Украины в исключительных случаях лицам, легально проживающим в Украине не менее 15 лет (кроме лиц, воевавших на стороне Украины или имеющих другие весомые заслуги перед Украиной), свободно владеющим украинским языком, знающим украинскую историю и содержание Конституции Украины, принявшим присягу на верность Украине и отказавшимся от всех гражданств, к которым принадлежали». *Субъект валютатива* очевиден, это – этнические украинцы.

Далее содержание программы изобилует упоминанием «нации»: «...обеспечит развитие **всей нации** и достойную жизнь каждого украинца...», «здоровье **нации**», «**национальное** достоинство украинцев», «популяризация **национальных идей**», «**национальная** история», «**национальная** литература» и т.п., а лозунг «Власть для нас – не самоцель, а только инструмент реализации **национальной** идеи» позволяет говорить

¹ Програма захисту українців (актуальна редакція). — Текст: електронний // Всеукраїнське об'єднання "Свобода": [сайт]. — URL: <https://svoboda.org.ua/party/program/> (дата обращения: 01.06.2023). Здесь и далее перевод с украинского наш. – Д.Д.

нам о *ценности валюатива* – государствообразующей нации этнических украинцев.

Апелляция к *героям* в рассматриваемом нами тексте очевидна, это – участники «вооруженной борьбы **Украинской нации за независимость**» (по содержанию программы ясно, что ключевая фигура в нем, – Степан Бандера и его соратник Ярослав Семенович Стецько, работа «Две революции» которого взята за основу программы «Свободы») и, таким образом, названные герои дополняют формулировку *ценности валюатива* еще одной лексемой – «независимость».

Здесь же встречаем и *нормативно-валюативное высказывание*, предполагающее наказание: «любые проявления украинофобии – **преступление против** украинской нации»; обнаруживается *идеологический оператор валюатива*: «Всеукраинское объединение «Свобода» исповедует **идеологию** социального национализма – состояния души, **высшей формы патриотизма**. Национализм – это **любовь к своему**, которую мы стремимся сохранить и приумножить».

Определение *врага* не вызывает трудностей, это – «московский оккупант», отсылка к которому встречается практически в каждом разделе программы.

Одной из возможных форм репрезентации валюатива может служить креолизованный текст, который сегодня все больше обнаруживается в националистическом дискурсе. Попытаемся здесь обосновать значимость креолизованных текстов в информационном обществе и задать тон будущего исследования.

Современное общество уже по-другому относится к информации – она становится ключевым социальным ресурсом, который, в свою очередь, вызывает как позитивные, так и негативные социальные последствия. Именно информация и новый уровень отношения к ней создают благоприятные условия для развития информационной пропаганды, которая становится не только разновидностью отклоняющегося поведения в условиях информационного общества, но и одним из средств современной гибридной войны.

Информационный экстремизм как один из методов гибридной войны направлен на поиски точек уязвимости массового сознания, в связи с чем, проблема как гибридной войны – в целом, так и информационных «диверсий» – в частности, на сегодняшний день является актуальной.

Понятие гибридной войны используется с 2001 года. Тогда в англоязычной научной литературе появилось первое упоминание об этом типе войны, а уже с середины первого десятилетия XXI века термин «гибридная война» часто употребляется в работах Фрэнка Хофмана, Дэвида Килкалле-на, Билла Немета и др. Гибридная война в понимании этих авторов – сочетание регулярных и иррегулярных форм ведения боевых действий [см. 2].

В одном из зарубежных определений указано, что «гибридная война – это комбинация открытых и тайных военных действий, провокаций и диверсий в сочетании с отрицанием собственной причастности, что значительно затрудняет полноценный ответ на них» [см. 5].

Интересно проследить использование информационной составляющей гибридных действий на достаточно продолжительном историческом этапе. Так, например, англичане предпринимали попытки формирования негативного образа России во времена царствования Ивана IV Грозного, позже Сигизмунд Герберштейн – дипломат Священной Римской империи – издаст книгу «Записки о Московии», а с содержанием агитационных листовок и плакатов времен Первой мировой войны сегодня может ознакомиться каждый [Там же. С. 32].

О.В. Тиханычев пишет: «... наполеоновские методички и агитационные листовки послужили прототипом такой составляющей информационной компоненты современной «гибридной войны», как ее медийное сопровождение. В форме, приближенной к современной, этот процесс впервые запустила Великобритания, нарушив в 1915 году негласный запрет на публикацию фотографий убитых солдат противника» [Там же. С. 32]. Автор отмечает, что сегодня – в эру всеобщей информатизации – война ведется в прямом эфире, и очень важно, кто будет «художником» картинки этого эфира.

В качестве применяемых технологий также выделяют эффект присутствия, который создают страницы в социальных сетях, фото и видео материалы, размещаемые на них. Так, например, члены ИГИЛ¹ вели трансляции боевых действий в Twitter, а снимки своих жертв выкладывали в Instagram² и оперативно сообщали новости своим подписчикам в Facebook³. Примечательно, что в Российской Федерации запрещена деятельность социальных сетей, указанных выше, а сами они признаны экстремистскими.

Активное развитие коммуникации в сети Интернет сопряжено с развитием и распространением визуальных форм передачи связи. Такие формы становятся пропагандистским орудием националистических движений, в связи с чем требуется исследование прагматического потенциала визуальной информации. Отметим, что рассмотрение такой информации вне националистического дискурса невозможно – воспринимаемые отдельно от контекста они теряют свой смысл и прагматику [см. 1].

В современном националистическом дискурсе Украины популярен визуальный образ – красно-черный флаг, используемый УПА (организация запрещена в РФ) во время борьбы в середине XX века. Такой флаг –

¹ решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1424С деятельность террористического образования «ИГИЛ» запрещена в Российской Федерации.

² деятельность Meta (соцсети Facebook и Instagram) запрещена в России как экстремистская.

³ деятельность Meta (соцсети Facebook и Instagram) запрещена в России как экстремистская.

по результатам проведенного анализа – актуальный символ украинских националистических движений, более того, он – сакральный и нередко выступает идентификатором «своих». В то же время, еще одним визуальным образом, тотально эксплуатируемым в националистическом дискурсе Украины, является государственный флаг страны, образ которого используется в сочетании с атрибутами и символикой националистов.

Широкое распространение креолизованных текстов в националистическом дискурсе – серьезное обстоятельство, к тому же – рискогенное, которое не должно оставаться без внимания. Креолизованные тексты как репрезентации валюатива – вектор нашего будущего исследования.

Методология валюативного анализа при исследовании идеологии национализма (конкретно – публицистического текста как репрезентации социального) позволяет разоблачить риторику националистов, вскрывая сокрытые под валюативным покровом и притеснения этнических меньшинств, и стремления к политическому реваншу, которые представляются публике как «путь к независимости». Такая методология – средство наглядной демонстрации не только дегенеративности фактологической компоненты, но и угрозы со стороны адептов идеологии этнического национализма лицам, которые такую идеологию не разделяют.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабилова, М. Р.* Контекстные прецедентные феномены как способ репрезентации националистических идей / М. Р. Бабилова, М. Б. Ворошилова. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2017. – № 6 (66). – С. 58-63.
2. *Комлева, Н. А.* Гибридная война: сущность и специфика / Н. А. Комлева. – Текст: непосредственный // Известия Уральского федерального университета. – 2017. – № Т. 12, № 3 (167). – С. 128-137.
3. *Коротченко, Ю. М.* Валюативные модели социального: герои ценности: монография / Ю. М. Коротченко. – Москва: Вузовский учебник: Инфра-М, 2018. – 153 с. – Текст: непосредственный.
4. *Ремарк, Э. М.* На Западном фронте без перемен / Э. М. Ремарк. – Пер. с немецкого Н. Федоровой. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 256 с. – Текст: непосредственный.
5. *Тиханычев, О. В.* Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? / О. В. Тиханычев. – Текст: непосредственный // Вопросы безопасности. – 2020. – № 1. – С. 30-43.

**ГРАЖДАНСТВО В РОССИИ: ФИЛОСОФСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ И ФОРМИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОЙ СОЛИДАРНОСТИ**

**CITIZENSHIP IN RUSSIA: PHILOSOPHICAL AND ETHICAL
ASPECTS OF THE INTEGRATION OF MIGRANTS AND THE
FORMATION OF SOCIAL SOLIDARITY**

Маркелов Илья Григорьевич

аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Ilya Grigoryevich Markelov

postgraduate student, Simferopol, Crimean Federal V.I. Vernadsky University

Аннотация: Произошедшие трагические события, потрясшие российское общество, выявили серьезные проблемы в сфере миграции. Средства массовой информации все больше и больше акцентируют внимание на правонарушениях, совершаемых мигрантами, что способствует радикализации настроений в обществе. В статье рассматриваются философские и этические аспекты интеграции мигрантов, которые позволяют выработать действенные средства и методы, направленные не только на соблюдение их прав, но и, в первую очередь, на достижение интересов государства и общества.

Abstract: The tragic events that have shaken Russian society have revealed serious problems in the field of migration. The media are increasingly focusing on the offenses committed by migrants, which contributes to the radicalization of public sentiment. The article examines the philosophical and ethical aspects of the integration of migrants, which allows us to develop effective means and methods aimed not only at respecting their rights, but also, first of all, at achieving the interests of the state and society.

Ключевые слова: миграция, общество, культура, миграционная политика, интеграция.

Keywords: migration, society, culture, migration policy, integration.

Качество миграционной политики имеет непосредственное влияние на различные аспекты социокультурной жизни. Эффективная миграционная политика способствует гармоничной интеграции мигрантов в общество и уменьшает риск социальных конфликтов. С другой стороны, неоправданные миграционные стратегии могут привести к возникновению напряженности в обществе, дискриминации и изоляции определенных групп мигрантов.

По вопросу миграции В.В. Путин на коллегии МВД в апреле 2024 года высказался довольно однозначно: «Прежде всего, нужно обеспечить

интересы и безопасность государства и общества, сберечь, сохранить межэтническое и межрелигиозное согласие, нашу культурную, языковую самобытность – все то, что является силой России. Принцип – что приехать и жить, трудиться в России могут только те, кто уважает наши традиции, язык, культуру, историю».

В настоящее время наука пришла к пониманию, что успешность интеграционной политики зависит от усилий двух сторон: самих мигрантов, которые должны стремиться адаптировать свой образ жизни, убеждения и ценности, чтобы соответствовать культуре государства пребывания, а также принимающего общества, которое должно быть готово использовать потенциал культурного разнообразия в целях собственного развития [1, с. 10].

Таким образом, интеграция мигрантов в общество – это комплексный процесс, требующий значительных усилий как со стороны самих мигрантов, так и со стороны принимающего общества. Вместе с тем при осуществлении данного процесса неизбежно возникает целый комплекс философских и этических вопросов, требующих своего анализа. Одним из ключевых аспектов рассматриваемой темы является взаимодействие между культурами и ценностями.

Философский аспект интеграции мигрантов касается вопросов идентичности, толерантности и многообразия. Как мигранты, так и члены принимающего общества сталкиваются с потребностью пересмотра своих культурных представлений и установок. Этот процесс вызывает размышления о том, что составляет основу национальной идентичности, и как эти идентичности могут быть совместимы или сопротивляться друг другу.

Этические аспекты интеграции мигрантов включают в себя вопросы справедливости, равенства и уважения прав человека. Этические нормы и ценности принимающего общества должны быть основой для разработки механизмов интеграции, которые обеспечат равные возможности и защиту прав всех членов общества, включая мигрантов.

Следует отметить, что интеграция строится на непрерывном взаимодействии с автохтонным населением. В этом контексте важно преодолеть взаимную ксенофобию, информировать общественность о положительном вкладе мигрантов в экономику и о проблемах, с которыми они сталкиваются [3, с. 109].

В то же время осмысление миграции с позиций этики может производиться через призму того, что мигранты, имея свои культурные ценности, религиозные воззрения, политические взгляды, отличающиеся от существующих в новом обществе, вынуждены принимать какую-то часть чужих для них ценностей и взглядов [4, с. 49].

И в этом заключается одна из проблем адаптации мигрантов. Ксенофобские настроения среди местного населения по отношению к ми-

грантам остаются достаточно высокими потому, что последними не соблюдаются социальные нормы, принятые в России, зачастую не предпринимаются усилия для нивелирования социокультурных различий. При этом речь идет не о притеснении национальной идентичности мигрантов, а только лишь об устранении тех поведенческих особенностей, которые могут быть неприемлемы в российском обществе.

Отдельно следует отметить, что интеграция мигрантов не предполагает их обязательной ассимиляции. Для лиц, оказавшихся в чужой стране с иными культурными ценностями, сохранение собственной идентичности играет важную роль в их эмоциональном благополучии и способствует преодолению трудностей миграции [2, с. 151]. Необходимо учитывать, что к числу самых острых относятся социальные конфликты, происходящие на основе притеснения одними людьми культурных, национальных, религиозных и прочих ценностей других.

Таким образом, можно констатировать, что вопрос интеграции мигрантов в качестве социокультурного аспекта современного общества требует дальнейшего научного изучения для адекватного принятия необходимых мер, анализа и корректировки процессов интеграции. Философский подход играет значимую роль в понимании такого явления, как миграция, поскольку он позволяет рассмотреть ее с различных точек зрения, включая этические, моральные и культурные аспекты. Философия помогает задавать важные вопросы о справедливости, равенстве и гуманизме в контексте миграционных явлений. Анализируя моральные принципы и ценности, философия способствует формированию более осознанного и этичного подхода к управлению миграционными процессами. Помимо прочего, философские концепции помогают понять влияние миграции на общественные структуры, культурное разнообразие и глобальное сообщество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимова И. В. Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / И. В. Герасимова // Наука. Общество. Оборона. – 2019. – Т. 7, № 4(21). – С. 7.
2. Илимбетова А. А. Адаптация и интеграция мигрантов: условия, цели, подходы / А. А. Илимбетова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 2. – С. 144-155.
3. Топилина А. В. Социокультурные аспекты интеграции мигрантов в Российское общество / А. В. Топилина // Философия права. – 2021. – № 4(99). – С. 107-111.
4. Шамне А. Н. Феномен «миграция» в этико-философском и правовом аспектах / А. Н. Шамне // Социосфера. – 2019. – № 4. – С. 47-53.

III. ГОРИЗОНТЫ ПРАВА

УДК 130.2, 343.811

О НЕКОТОРЫХ СВОЙСТВАХ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ КАК САМООРГАНИЗУЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЫ

ABOUT SOME PROPERTIES OF THE PRISON SUB-CULTURE AS A SELF-ORGANIZING SYSTEM

Пономарев Сергей Борисович,

д-р мед. наук, профессор, г. Москва, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, главный научный сотрудник

Ponomarev Sergey Borisovich,

dr. med. sciences, professor, Moscow, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, chief researcher

Аннотация: Рассмотрены процессы и свойства, присущие тюремной субкультуре. С позиции системного анализа объясняются особенности поведения человека в пенитенциарном пространстве. Показано, что для тюремного общества, структурированного по стратификационному типу, характерны признаки сложной самоорганизующейся системы.

Abstract: The processes and properties inherent in the prison subculture are considered. From the perspective of system analysis, the features of human behavior in the penitentiary environment are explained. It is shown that a prison society structured according to a stratification type is characterized by signs of a complex self-organizing system

Ключевые слова: теория систем, культурная гомоплазия, самоорганизующаяся система, тюремная субкультура, пенитенциарная система.

Keywords: systems theory, cultural homoplasia, self-organizing system, prison subculture, penitentiary system.

Специалисты-криминологи сходятся во мнении о том, что российская тюремная (пенитенциарная) субкультура представляет собой уникальный культурный феномен. Эта субкультура не имеет аналогов и представляет собой устойчивую детерминанту преступности. Является общепризнанным, что российская пенитенциарная система переживает кризис, не справляясь с выполнением функции перевоспитания и исправления преступников. В условиях доминирования тюремной субкультуры российские исправительные учреждения стали выполнять функции школ (а точнее – университетов) профессиональных нарушителей закона [1], стали местами, где выращиваются поколения преступников [2]. Представляя собой упорядоченную систему внебиологических программ, тюремная субкультура осуществляет воспроизводство криминалитета, осуществляя экспансию во внешнее социокультурное пространство, изменяя психологию и поведение граждан России, не связанных с криминальной средой. В результате происходит маргинализация сознания

рядовых жителей России, распространяется тюремная лексика, в общественном сознании создается романтизированный образ преступного поведения и т.п. [2]

Если рассматривать пенитенциарную субкультуру как объект изучения теории систем, то можно выявить сходство неформальной организации членов тюремного социума с особенностями построения социальной модели общества в других социальных системах, что укладывается в понимание сути феномена культурной гомоплазии [3]. Он объясняет возникновение сходных обычаев, обрядов, табу и т.п. в различных, не связанных друг с другом племенах и народностях, разделяемых большими расстояниями [4]. Мало того, отдельные проявления, сходные со свойствами этого феномена, наблюдаются и в животном мире, при рассмотрении организации социальной структуры групп общественных животных [5]. Отмечено, что социальная организация имеет сходные характеристики в различных биологических таксонах. Указанные особенности изучает наука этология (в том числе, ее раздел – этология человека). Многочисленные наблюдения над групповым поведением животных свидетельствуют о сходных моделях поведения в коллективах людей, стаях волков и человекообразных обезьян, общественных насекомых (муравьи, пчелы), стадах лошадей и т.п. [5]. Из сказанного специалисты по системному анализу в живых системах делают вывод о том, что рассматриваемые социальные системы обладают набором схожих свойств, ведущим из которых является способность системы сопротивляться внешним деструктивным воздействиям. Другая, не менее важная особенность сложной самоорганизующейся системы заключается в ее способности к поддержанию гомеостаза и саморепликации.

По единым лекалам строятся взаимоотношения как в отдельном человеческом коллективе, так и при взаимодействии больших групп объединенных едиными культурными паттернами людей. В полной мере указанное касается тюремной (пенитенциарной) субкультуры. Так, например, Л.С. Клейн находил сходство социальной структуры тюремных коллективов с организацией феодального общества [6]. С этой точки зрения тюремным стратам: «авторитеты», «воры», «мужики», «опущенные» соответствуют следующие классы феодального общества «вассалы», «ландскнехты», «крестьяне», «нищие». Кроме того, аналогию можно найти и с древнеиндийским обществом, в котором перечисленным группам соответствуют касты брахманов, кшатриев, шудр и неприкасаемых [7].

Таким образом, специалистами отмечается, что одним из свойств российской тюремной системы является образование устойчивых общностей в коллективах осужденных – так называемых тюремных каст, каждой из которых присущ определенный набор функций и правил взаимоотношений как с сотрудниками администрации исправительного учреждения, так и с представителями других тюремных страт. Ранее, как было указано, нами была выявлена высокая корреляция между функциями страт российского тюремного сообщества и древнеиндийской кастовой системой [7]. Представляется, что универсальное строение социальных моде-

лей укладывается в концепцию культурной гомоплазии и связано с тем, что в обоих случаях на социум, представляющий самоорганизующуюся систему, действуют некоторые внешние факторы, направленные на ее деструкцию. Как думается, последнее утверждение нуждается в детальном изучении и дальнейшем теоретическом развитии.

Другим примером реализации феномена культурной гомоплазии является распространение в среде осужденных системы тюремных табу (например, табу на бананы, прикосновения к «опущенным», поднятие оброненной вещи, красный цвет, «петушиный угол» и т.п. [8]), которые в общем виде вписываются в известные классификации табу в примитивных культурах [4,9]. Особенно здесь показательно табу на прикосновение к представителям страты «петухов» или «опущенных», а также – к вещам, которые им принадлежат. Данное поведение почти полностью соответствует тем правилам, которые существовали в средневековой Индии по отношению к неприкасаемым [7,8]. Так, например, «брахманам нельзя было даже дышать одним воздухом с незаконнорожденным. Даже пересечение тени неприкасаемого считалось осквернением представителей высших каст» [7, с. 52]. Такие же строгие табу касаются и взаимоотношений «воров» и «мужиков» с «опущенными». Особое строгое соблюдение табу наблюдается среди «авторитетов», «воров в законе», для которых существует множество запретных действий, нарушение которых ведет к переводу «авторитетного вора» в страту «мужиков» и даже «опущенных».

Еще одним примером реализации феномена культурной гомоплазии является примитивная вера лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в некую негативную силу, которая может передаваться контактным путем [8]. Эти представления соответствуют верования в мистическую силу «мана», существующие в ряде примитивных культур, (коренные жители Полинезии, Африки, Северной Америки и т.д.). «На принципе контактной (парциальной) магии основано, например, тюремное табу на принятие пищи во время пользования камерной «парашей» [8, с. 73-74].

В целом взаимоотношения внутри коллективов осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, формируются по принципам функционирования самоорганизующейся системы. Важной частью данного механизма является вовлеченность осужденных в тюремную субкультуру, которая, по мнению большинства исследователей, является одной из самых маргинальных и опасных контркультур. Таким образом, неформальная организация заключенных, консолидированных с помощью тюремной субкультуры, рассматривается нами как самоорганизующаяся система, обладающая таким важным и эффективным в плане выживания системы свойством, как эмерджентность. Под эмерджентностью в системном анализе понимается свойство возникновения у совокупности элементов, составляющих сложную систему, новых качеств, которые, в своей общности, позволяют обеспечить дальнейшее существование как

указанных элементов, так и системы в целом. Подобная модель обладает высокой адаптивностью к условиям среды, способностью к выработке вариантов поведения и целеполаганию [10]. Особенно следует подчеркнуть, что самоорганизующиеся системы отличаются наличием гибких приспособительных реакций на внешние воздействия, устойчивостью внутренних структур за счет постоянного поддержания гомеостаза и самовоспроизводства.

Развиваясь по единым законам, все самоорганизующиеся системы формируют иерархические структуры, сходные по своим функциям и целям. Как было указано, в социальных структурах такое сходное развитие и сходные формы называются культурной гомоплазией [3]. В результате, взаимодействуя и объединяясь в совместной деятельности, конгломерат страт, формирующих ту или иную социальную структуру, обеспечивает для системы достижение ее целевой функции. Для тюремной субкультуры такой целевой функцией является противодействие режиму и администрации исправительного учреждения, обучение новичков криминальному ремеслу, продолжение противоправной деятельности как внутри стен исправительного учреждения, так и после освобождения из мест лишения свободы.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что тюремная субкультура во многом продолжает существовать в местах лишения свободы благодаря тому, что коллективы осужденных с определенного времени (по нашим данным приблизительно с 30-х годов XX века [8]) приобрели свойства сложной, иерархически выстроенной социальной системы, в основе которой лежат ценности криминального мира (т.н. тюремная или пенитенциарная субкультура). При этом внутренняя структура тюремного социума воспроизводит и повторяет свойства других социальных систем, строя отношения между отдельными социальными стратами по универсальным, свойственным для социальных моделей, правилам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванова А.А.* Криминальная культура как детерминант преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 4. С. 671-681.
2. *Ханитов Р. А.* Укорененность тюремных и криминальных практик в культуре современного российского общества // Мир России. 2008, № 3. С. 132-148.
3. *Пономарев С.Б.* Проявления феномена культурной гомоплазии в тюремной субкультуре // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2023. №3. С. 169-173.
4. *Фрезер Д. Д.* Золотая ветвь. М., Изд-во политической литературы. 1984. – 702 с.
5. *Дольник В.Р.* Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев // Природа. 1993. № 1. С. 72-85.
6. *Клейн Л. С.* (Самойлов Л.) Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96-108.
7. *Пономарев С.Б.* Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем/ Ижевск, ИжГТУ им. М.Т.Калашникова, 2017. – 146 с.
8. *Пономарев С.Б.* Анализ триады «архетип-тотем-табу» в пенитенциарной субкультуре/ Ижевск, ИжГТУ им. М.Т.Калашникова, 2021. – 160 с.
9. *Токарев С. А.* Ранние формы религии. – М., Политиздат, 1990. – 545 с.
10. *Саридис Д.* Самоорганизующиеся стохастические системы управления. – Москва, 1980. –397 с.

УДК 1 (091)

**НЕОКАНТИАНСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА:
ВЗГЛЯДЫ Р. ШТАММЛЕРА И Г. РАДБРУХА****NEO-KANTIAN CONCEPTS OF LEGAL PHILOSOPHY:
VIEWS OF R. STAMLER AND G. RADBRUCH**

*Баева Виктория Владимировна,
аспирант, Сургутский государственный университет, Сур-
гут, Россия*
*Baeva Viktoria Vladimirovna,
Postgraduate student, Surgut State University, Surgut, Russia*

Аннотация: Важнейшей проблемой философии права является проблема изменения социальных отношений. Неокантианская философия понимания права особенно актуальна для настоящего времени. Идеи, изложенные в трудах Р. Штаммлера, открывают новый вариант подхода к данному вопросу, анализирует классическую теорию естественного права. В статье приводятся основные положения теории возрожденного естественного права, разработанные немецким юристом Густавом Радбрухом. Рассматриваются основные цели права в виде справедливости, целесообразности и правовой стабильности, определяется их положение относительно друг друга с учетом исключений, установленных «формулой Радбруха».

Abstract: the most important problem of philosophy of law is the problem of changing social relations. Neocantian philosophy of understanding of law is especially relevant for the present. The study of the law stated in the works of R. Shtammler's works opens up a new version of the approach to this issue, analyzes the classical theory of natural law. The article provides the main provisions of the theory of revived natural law, developed by German lawyer Gustav Radbruch. The main goals of law in the form of justice, expediency and legal stability are considered, their position regarding each other, taking into account the exceptions established by the "formula of the radbruch", is determined.

Ключевые слова: неокантианство, право, неправое, естественное право с меняющимся содержанием, справедливость, мораль, «формула Радбруха».

Key words: Neo-Kantianism, right, wrong, natural law with changing content, justice, morality, "Radbruch's formula".

Наибольший вклад в развитие понятия права был внесен методологической неокантианства. Главными школами в немецком неокантианстве были: Марбургская школа (представители: Э.Кассирер, Г.Коген, Р.Штаммлер) и

Баденская школа (представители: Г.Риккерт, В. Виндельбанд, Г.Радбрух). Историей возникновения обеих школ является разрыв, возникший между естественными науками и философией. Масштабный рост естественных наук оспаривал права идеализма в немецкой философии. Идеализм метафизики не согласовывался с выводами, произведенными на основании естественных наук. Вследствие чего философы обеих школ обратились к философии И.Канта. Социально-политические условия и в целом обстановка в западных странах также явилась причиной возникновения неокантианства. Снижение конфликтов между буржуазией и пролетариатом привело к возникновению реформаторства и социальных движений. Плоскость соприкосновения борьбы буржуазии и пролетариата вылилось в «этический социализм», сосредоточенный на совершенствовании нравов.

Правовой идеализм – это одна из главных тем философии, существенный вклад в исследование которой внес И. Кант и его последователи.

Согласно И. Канту, понятие «право» не является, а содержится в рассудке, поскольку выступает продуктом доопытного мышления. Это априорная форма внешних поступков, обусловленная внутренними убеждениями субъекта, выражает их моральное свойство [4, с.339]. Право по своей природе опирается на мораль. Действие морали состоит в ее обращении к праву как легальному мотиву [3, с. 57].

Право, как явление духовной сферы, выступает регулятором свободного морального поведения человека, способного к внутреннему сознанию долга – поступать согласно священному всеобщему закону права. Каким образом возможно разрешить противоречия между стремлением каждого человека к свободе и необходимостью совместного существования в обществе? И. Кант раскрывает способ решения этой проблемы в теории правового государства, основанного на идее категорического императива как всеобщего закона: «...поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона» [7, с.133-134]. Субъект не должен ограничиваться размышлением о возможности реализации идеи человечности как цели, которыми наделила его природа, а ему следует решительно действовать – сознательно и целенаправленно совершать поступки и определять ценность своих действий в соответствии с предписанным всеобщим законом морали [6, с.93-215]. Внешние поступки отдельного человека как результат проявления естественного проявления воли могут быть совместимы со свободой других, действующих также на основе безусловно повелевающих законов и трансцендентальных принципов практического разума. В справедливом гражданском обществе свобода отдельного субъекта, согласно И. Канту, должна быть совместима со свободой других. К осуществлению этой цели должно стремиться общество как наивысшей цели природы человеческого рода [5, с.187-189]. Всеобщий правовой закон выступает регулятором правовых отношений. В результате общество, построенное на принципе реализации категорического императива, неразрывной взаимосвязи

всеобщего закона морали и всеобщего закона права, регламентирует свободу и достоинство личности как в моральной, так и в правовой сфере. [1, с.191-192].

Марбургская школа является важным направлением неокантианства. Задачами Марбургской школы являлись формирование принципов, основанных на отмеченных выше суждениях И. Канта.

Ярким представителем Марбургской школы неокантианства является Рудольф Штаммлер, который значительно повлиял на формирование и развитие философии права. Философ отстаивал позицию права в соотношении с социальными реалиями и указывал, что «закономерность социальной жизни людей есть закономерность юридической формы ее». [8, с.169]. Закономерностями и основными целями жизни в социуме и развития общества Р. Штаммлер видел в априорных идеях разума, права и правового должностования. В его видении понятия права совершенно независимы от их социального приложения в сфере конкретного опыта.

На основании этого он критически относится к учению Маркса об определяющей роли экономических отношений и вторичном характере права, утверждая, что общественная жизнь регулируется правом. «Право, – утверждал философ, – может быть признано окончательной инстанцией, несущей ответственность за социальное хозяйство, потому что оно образует в качестве регулирующей формы социальной жизни, обуславливающую основу всех возможных социальных явлений». [10, с.5]. Под понятием права ученый подразумевал «естественное право с меняющимся содержанием». «Меняющееся содержание» – это формальные характеристики права (априорные целеполагания разума), а не фактическое (социальное) содержание. [10, с.281]. Согласно вывода ученого: развитие общества определяется правом и его изменениями.

Как говорит в своих работах исследователь, правовой идеал не стоит отождествлять и приравнивать к народному духу, устоям морали, общественным традициям. Кроме того, по мнению автора: он не определяется благодаря изучению классовой морали, через ощущение настоящей справедливости органов власти. Утилитаризм также нельзя назвать правовым идеалом. Дело все в том, что он не связан с критерием по распределению имеющихся благ между представителями социального мира. Пример идеала права не сводится к полной свободе, к равенству в имущественном отношении. Главный элемент идеала состоит именно в равенстве различных представленных возможностях для каждого человека.

Как отмечает Р. Штаммлер, независимо от вида представленное явление в экономике связано с внешней формой регулирования: отношения в экономике и праве стоит изучать, как отношение представленной формы непосредственно к содержанию. Принятое в обществе регулирование можно представить при изучении основных установлений в праве [2, с.101].

Р. Штаммлер также говорит по поводу неоспоримых положений разума человека. Автор говорит о разном понимании естественного. В том случае, если люди не знают культуры, они не понимают, как это жить по правилам, нормам и требованиям, то данный процесс считается естественным или природным. В таком случае рассматриваемое право естественного характера можно отождествлять с правом, относящимся к сильному. Как говорит об этом Спиноза: «В то же время право природы имеет непосредственное отношение к такому явлению, как закон природы. Тем не менее, нужно понимать и осознавать, что данная разновидность права не связана ни с каким идеалом. В то же время, если речь идет о социальном состоянии, то природным можно считать и рассматривать организованный порядок, и он не требует закрепления на уровне законов. Тем не менее, в этом мы тоже не можем найти признаков идеального права, его характеристики».

Противопоставляя свое учение взглядам мыслителей естественного права предшествующих эпох, Р. Штаммлер выделяет независимость социального идеала от конкретных условий места и времени, также отвергая теорию о том, что на основании анализа окружающего мира можно сделать вывод о правильном праве. Он обращает внимание на традиционный термин естественного права, в качестве права, которое соответствует природе, тем не менее, указывает на то, что природа сама по себе является чем-то конкретным, стабильным, незыблемым. Но понимание незыблемости человеческой природы отличается разным характером. Относительно учения Р. Штаммлера можно отметить следующее: естественное право признается невозможным с научной точки зрения.

По мнению Р. Штаммлера, потребности, точнее их содержание, возможности, позволяющие их в полной мере удовлетворить, могут меняться исходя из обстоятельств, от места, от ситуации. Именно по этой причине совершенно невозможно создать общие правила общежития, которые бы идеально подходили для каждого государства, для каждого времени.

Представители Баденской школы неокантианства были убеждены, что принципы философии И. Канта необходимо совершенствовать с учетом научного знания. Видным представителем Баденской школы неокантианства является Густав Радбрух. Ученый дополнил право пониманием его как «идея права», «надзорное право». В отличие от юриста Марбургской школы неокантианства Р. Штаммлера, Г. Радбрух подчеркивал невозможность установления права при его полном отделении от идеи права – справедливости. Позиция ученого, выразившаяся в работе «Законное неправо и надзаконное право» (1946), призывала к возврату в юриспруденцию данных понятий. Учение способствовало активизации естественно-правовых и философско-правовых исследований.

По убеждению философа юридический позитивизм ответственен за извращение права, потому как он своим убеждением «закон есть закон» обезоружил немецких юристов перед лицом законов с произвольным и

преступным содержанием [8, с.352], тем самым приведя юристов к слепому послушанию в отношении законов любого вида власти. Г. Радбрух был предложен принцип справедливости через принцип равенства. Ученый утверждал: «Так как справедливость указывает нам именно на то, чтобы обходиться так: «равное равно, неравное неравно», но ничего не говорит нам о точке зрения, по которой следует охарактеризовать как равное или неравное, она определяет лишь отношение, но не способ обхождения» [8, с.22]. В учении философа право является «идеей права», а не «естественным правом». По мнению ученого позитивное право, расходящееся со справедливостью, не является действительным правом. «Если законы, – утверждает Г. Радбрух, – сознательно отрицают волю к справедливости, например, произвольно отказываются от гарантий прав человека, то такие законы не имеют действия, народ не обязан к послушанию им, и юристам тоже надо найти мужество отрицать их правовой характер» [8, с.336]. Подобное абсолютно несправедливое право, закрепленное в законах, правом, как таковым, не является и, как следствие, признавая ничтожным, не обязательно для юристов и в особенности для судей, которые могут отказаться применять такие законы, которые вследствие их антиобщественной, неравной и несправедливой направленности, не имеют правового характера. Данная концепция допустимости неиспользования «законного неправа» приобрела известность как «формула Радбруха». Формула предполагает два основных критерия, при которых закон будет являться неправовым: критерий полного отсутствия стремления к справедливости и критерий сознательного отрицания равенства.

Теория возрожденного естественного права отличается от классической, своим отношением к позитивному праву. Позитивным правом Г. Радбрух называет «порядок и совокупность законов, призванных по сути своей служить справедливости» [8, с. 234].

На позитивизм возлагалась ответственность за извращение права при национал-социализме, ввиду его, обезоруживающих любого юриста перед законами с преступным содержанием, принципов, основным из которых был упомянутый ранее принцип «закон есть закон». Вследствие этого, Г. Радбрух указывает, что позитивизм, основанный исключительно на государственном принуждении, не способен обосновать действительность закона. Обоснованием действительности закона могут выступать ценности права (названные ранее целесообразность, справедливость и правовая стабильность). Конфликт трех ценностей права не может быть разрешен абсолютно, несмотря на условный приоритет стабильности перед справедливостью, который отменяется в случае, подпадающим под «формулу Радбруха», что позволяет избежать оппозиции позитивизма и классического естественного права [9, с. 163]. Тем самым признается

существование позитивного права и необходимость закрепления естественно-правовых норм в законах, которые, в свою очередь, должны иметь справедливое содержание, отвечающее принципам естественного права.

Заключение. Правовое учение И. Канта является основой для развития личностного правового сознания, основанного на утверждении трансцендентальной идеи понимания разума, морали и нравственности. Р. Штаммлер является основоположником неокантианской философии возрожденного естественного права. Он указывает на ценность значимых и актуальных толкований права. Концепция Р. Штаммлера позволяет использовать систематический способ по отношению к праву (к справедливости), как оценочному явлению. Г. Радбрух, внес ошутимый вклад в возрождение естественно-правовой теории, определив критерии действия позитивного закона и способы его преодоления в случае явного противоречия его норм принципам естественного права. Разработанная им формула использовалась на практике в Федеральном конституционном суде Германии, позволяя отменять несправедливые законы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баева В.В.* Проблема соотношения морали и права в трансцендентальной философии И. Канта // КАНТ. – 2023. – №4(49). – С. 191-197.
2. *Баева В.В.* Философия возрожденного естественного права Рудольфа Штаммлера // Общество, философия, история, культура – 2023 – №8. С. 99–103
3. *Балановский В. В., Пушкарский А.Г.* Международная конференция «X Кантовские чтения: Классический разум и вызовы современной цивилизации». Калининград, 22–24 апреля 2009 г. // Кантовский сборник. 2009. № 2(30). – С. 167–176.
4. *Баум М.* Право и государство в философии Канта // Иммануил Кант: наследие и проект. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – С. 337–350.
5. *Бурханов Р.А.* Проблема трансцендентального имманентного и трансцендентного в философии Иммануила Канта: дис... д-ра филос. наук. Нижневартовск, 1999. – 300 с.
6. *Кант И.* Критика практического разума // Сочинения в 4 т.: на нем. и рус. яз. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997. – 784 с.
7. *Кант И.* Критика практического разума // Сочинения в шести томах. М.: Изд-во «Мысль», 1965. Т. 4. Ч. 1. – 544 с.
8. *Радбрух Г.* Законное неправо и надзаконное право. 1983. – С–352
9. *Шавело Н.А.* Идея по Густаву Радбруху // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2017. № 5. – С. 159–164
10. *Штаммлер Р.* Хозяйство и право с точки зрения материального понимания истории, СПб, 1899. – С. 406

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ETHICAL GROUNDS OF OWNERSHIP

Канабита Халиль Мухаммед

студент 1 курса аспирантуры, направление специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки», Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Qanabita Khalil Mohammed

1st year postgraduate student, specialty 5.1.3 «Private Law (Civil Law) Sciences», Crimean Federal V. I. Vernadsky University

*Научный консультант – Карабыков Антон Владимирович
д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии.*

Karabykov Anton Vladimirovich

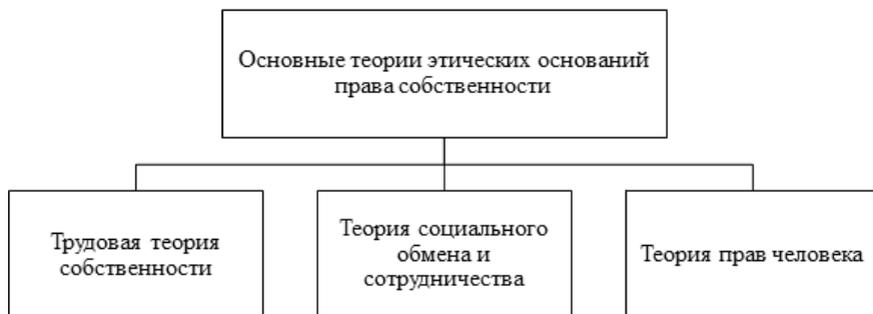
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Full Professor of the Department of Philosophy.

Аннотация: Этика и право собственности находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Этические принципы демонстрируют использование и отношение к собственности, а также права и обязанности, возникающие при ее владении. В статье проанализированы этические основания права собственности, а также рассмотрены их особенности и ключевые теории.

Abstract: Ethics and property law are closely interrelated with each other. Ethical principles characterize how to use and how to treat property, what rights and obligations arise when it is owned. The article analyzes the ethical foundations of property rights, as well as their features and key theories.

Ключевые слова: этика, право собственности, владение имуществом
Keywords: ethics, ownership, ownership of property

Этические основания права собственности – это принципы и ценности, которые определяют справедливость и обосновывают право человека на обладание и использование имущества по своему усмотрению. Этические принципы характеризуют как использовать и как относиться к собственности, какие права и обязанности возникают при ее владении. Следует отметить, что «этика, право и мораль находятся в тесной взаимосвязи. Существующая реальность демонстрирует множественные проявления не только правового, но и морального нигилизма. Для оптимизации социального регулирования важным является данный вопрос» [4].

К основным этическим требованиям права собственности относят ряд теорий, которые представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Основные теории этических оснований права собственности
 Источник: составлено автором на основе [2,3,5].

Итак, согласно рисунку 1, выделяют 3 основных теории: трудовая теория собственности, теория социального обмена и сотрудничества.

1. Трудовая теория собственности: Сущность данной теории состоит в том, что человек имеет право владеть собственностью, которая была создана своим трудом, или была приобретена, создана чужим трудом. Тем самым через куплю-продажу собственности, человек может распоряжаться своим или чужим трудом.

2. Теория социального обмена и сотрудничества: «Теория социального обмена – это теория, которая рассматривает поведение людей преимущественно через взаимодействие, подкрепляемое вознаграждением либо наказанием. Социальный обмен основывается на стремлении людей максимизировать выгоду и минимизировать издержки в социуме» [3]. Следовательно, теория социального обмена и сотрудничества как этическое основание права собственности отображает готовность людей к сотрудничеству и справедливому взаимодействию по отношению к собственности.

3. Теория прав человека: «В основе концепции прав человека лежат две основные ценности: первая – это человеческое достоинство, а вторая – равенство» [3], то есть каждый человек имеет право на владение и распоряжение собственным имуществом, и использовать его так, как считает необходимым. Право на собственность устанавливает личностную свободу, способствует экономическому развитию и удовлетворяет потребности общества.

Таким образом, рассмотренные теории отображают основные принципы этических оснований права собственности и обоснование вопросов владения имуществом в различных контекстах.

На современном этапе развития особую актуальность набирает интеллектуальная собственность, а с развитием цифровых технологий увеличивается количество кибератак. Как следствие, нелегальное использование и присвоение интеллектуальной собственности человека

или компании может привести к негативным последствиям, таким как: снижение прибыли, потеря репутации, снижение уровня конкурентоспособности и так далее. «Для того, чтобы обеспечить защиту интеллектуальной собственности, необходимо учитывать, как этический аспект, так и юридический, причём сбалансированным образом, в равной степени. Этические аспекты защиты интеллектуальной собственности представляют собой уважение к результатам интеллектуальной собственности другого человека и оплату за данный результат. Юридические аспекты защиты интеллектуальной собственности включают в себя разработку и адаптацию нормативно-правовых актов к современным цифровым правоотношениям, лицензирование интеллектуальной собственности и контроль за её использованием» [1]. Следовательно, эффективная защита собственности требует комплексного подхода, он позволит обеспечить наибольший эффект по защите прав тех, кто включает свой труд во владение права собственности, поскольку «только контроль над соблюдением профессиональной этики позволит снизить риски» [6].

Таким образом, этические основания права собственности связаны с правом владения и справедливным распоряжением своим имуществом, защитой собственности. Как следствие, право на собственность устанавливает личностную свободу, способствует экономическому развитию и удовлетворяет потребности общества. Учет и развитие основ этики позволит достичь максимального эффекта в использовании собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анисимов С.В.* Этические и юридические аспекты защиты интеллектуальной собственности в цифровую эпоху / С. В. Анисимов, Е. В. Миронова // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции, Москва, 30 января 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2024. – С. 96-99.
2. *Огольцова Е. Г.* Теория социального обмена Дж. Хоманса и П. Блау / Е. Г. Огольцова, А. А. Торба, Ю. А. Лёшина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 50 (445). – С. 463-465.
3. Пособие по образованию в области прав человека с участием молодежи: [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/what-are-human-rights>– (дата обращения: 23.04.2024).
4. *Синкин К.А.* К вопросу о влиянии права на мораль / К. А. Синкин, Д. А. Емельянова // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – № 4. – С. 46-49.
5. Современная трудовая теория собственности: концептуальные основы и круг проблем: [Электронный ресурс]. – URL: https://www.terrahumana.ru/arhiv/13_02/13_02_15.pdf (дата обращения: 23.04.2024).
6. *Спирина Е.В.* Этические аспекты юридического сопровождения сделок с недвижимостью / Е. В. Спирина // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 92-8. – С. 106-109.

**РОЛЬ И ВЫЗОВЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ
НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ**

**THE ROLE AND CHALLENGES OF ARTIFICIAL
INTELLIGENCE IN THE CIVIL LAW REGULATION
OF RELATIONS IN THE SECURITIES MARKET**

Билык Кирилл Владимирович

Студент 1 курса аспирантуры, направление специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки», Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Bilyk Kirill Vladimirovich

1st year postgraduate student, specialty 5.1.3 «Private Law (Civil Law) Sciences», Crimean Federal V. I. Vernadsky University

*Научный консультант – Карabyков Антон Владимирович
д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский фе-
деральный университет имени В. И. Вернадского, профес-
сор кафедры философии.*

Karabykov Anton Vladimirovich

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol,
Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Full Professor
of the Department of Philosophy.*

Аннотация: Искусственный интеллект (ИИ) становится все более важным инструментом на рынке ценных бумаг, благодаря своей способности анализировать огромные объемы данных и принимать решения на основе этих анализов. ИИ помогает трейдерам и инвесторам принимать более информированные решения, оптимизировать портфель и управлять рисками. Однако, с ростом использования ИИ на рынке ценных бумаг возникают новые вызовы, такие как необходимость разработки соответствующего гражданско-правового регулирования для защиты интересов инвесторов и обеспечения прозрачности и справедливости рынка.

Abstract: Artificial intelligence (AI) is becoming an increasingly important tool in the securities market, due to its ability to analyze huge amounts of data and make decisions based on these analyses. AI helps traders and investors make better informed decisions, optimize their portfolio, and manage risks. However, with the increasing use of AI in the securities market, new challenges arise, such as the need to develop appropriate civil law regulations to protect the interests of investors and ensure transparency and fairness of the market.

Ключевые слова: Искусственный интеллект (ИИ), гражданско-правовое регулирование, ценные бумаги, технологический прогресс, финансы, технологии.

Keywords: Artificial intelligence (AI), civil law regulation, securities, technological progress, finance, technology.

В этой статье мы исследуем роль и вызовы, которые ставит перед гражданско-правовым регулированием использование ИИ на рынке ценных бумаг.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить основные проблемы и риски, связанные с использованием ИИ на рынке ценных бумаг, и предложить рекомендации по улучшению существующего гражданско-правового регулирования. Мы будем изучать практические примеры использования ИИ на рынке ценных бумаг, анализировать тенденции развития этой технологии и оценивать потенциальные последствия для инвесторов и рынка в целом.

Одним из ключевых преимуществ использования ИИ в гражданско-правовом регулировании является увеличение эффективности и точности принимаемых решений. Алгоритмы машинного обучения могут анализировать большие объемы данных и предсказывать рыночные тенденции, что помогает улучшить качество принимаемых решений.

ИИ также способен автоматизировать процессы мониторинга и контроля за соблюдением законодательства на рынке ценных бумаг. Автоматические системы могут обнаруживать аномалии и нарушения, что повышает уровень безопасности и защиты интересов инвесторов.

Однако использование ИИ в гражданско-правовом регулировании также представляет вызовы. Например, существует риск принятия ошибочных решений из-за недостаточной качества данных или неадекватных алгоритмов. Кроме того, важно обеспечить прозрачность и ответственность за действия автоматизированных систем, чтобы избежать возможных юридических проблем.

Автоматизированные системы могут анализировать большие объемы данных и выявлять закономерности, которые могут помочь предсказать поведение рынка и принимать обоснованные инвестиционные решения.

Одним из основных вызовов при использовании искусственного интеллекта в данной области является обеспечение безопасности и защиты данных. Поскольку эти системы работают с конфиденциальной информацией о клиентах и финансовых операциях, необходимо обеспечить высокий уровень защиты от возможных кибератак и утечек данных.

Для повышения эффективности и точности прогнозирования с помощью искусственного интеллекта, необходимо постоянно совершенствовать алгоритмы машинного обучения, используемые в системах анализа рынка ценных бумаг. Также важно обновлять и дополнять базу данных, чтобы учитывать последние тенденции на рынке и минимизировать риски ошибочных прогнозов.

Постоянное обновление программного обеспечения и мониторинг защиты от внешних угроз помогут предотвратить утечки и несанкционированный доступ к конфиденциальной информации.

Одним из наиболее значимых вызовов является ответственность за принятие решений, основанных на алгоритмах ИИ. При использовании ИИ в принятии инвестиционных решений возникает ряд вопросов, связанных с прозрачностью и объяснимостью алгоритмов, а также с обеспечением соответствия принимаемых решений законодательству и этическим стандартам. Ответственность за возможные ошибки в алгоритмах и последствия их применения ложится как на разработчиков, так и на пользователей ИИ.

Другим вызовом является необходимость разработки соответствующих правовых норм, регулирующих использование ИИ на рынке ценных бумаг, с целью обеспечения безопасности и защиты интересов инвесторов. Это требует согласования между различными сторонами, включая правительство, регуляторы, биржи, инвесторов и компании-разработчики ИИ.

Прозрачность и объяснимость алгоритмов ИИ играют важную роль в гражданско-правовом регулировании отношений на рынке ценных бумаг. Понимание того, как работают алгоритмы, позволяет инвесторам, регуляторам и другим сторонам более эффективно контролировать и анализировать сделки на бирже.

Искусственный интеллект представляет собой мощный инструмент для современных финансовых рынков; однако для его эффективного применения необходимо учитывать потенциальные риски и проблемы, связанные с конфликтом интересов и манипуляциями. Адекватное гражданско-правовое регулирование и развитие технических средств прозрачности могут помочь справиться с этими вызовами, обеспечить стабильность и надежность финансовых рынков.

Прозрачность и объяснимость алгоритмов искусственного интеллекта играют ключевую роль в гражданско-правовом регулировании отношений на рынке ценных бумаг. Эти принципы обеспечивают возможность понимать принципы работы и принятия решений с использованием ИИ, что является необходимым для обеспечения честности и прозрачности в финансовых операциях.

Однако, при использовании алгоритмов ИИ существует риск возникновения конфликта интересов и манипуляций. Например, если алгоритмы настроены на максимизацию прибыли без учета этических и социальных аспектов, это может привести к неэффективности и искажению цен на рынке ценных бумаг. Кроме того, возможность вмешательства в алгоритмы со стороны третьих лиц может привести к манипуляциям и срыву рыночной динамики.

Для минимизации рисков конфликта интересов и манипуляций необходимо разрабатывать строгие нормативные рамки и контрольные ме-

ханизмы для использования ИИ на рынке ценных бумаг. Также важно внедрять принципы прозрачности и объяснимости в процессы принятия решений с участием алгоритмов ИИ, чтобы обеспечить доверие участников рынка и защитить интересы инвесторов.

На сегодняшний момент, в большинстве стран мира, не существует специальных нормативных актов или законов, регулирующих использование искусственного интеллекта (ИИ) на рынке ценных бумаг. Однако многие страны начинают осознавать важность этой проблемы и принимают первые шаги в направлении создания соответствующего законодательства.

Некоторые аспекты регулирования использования ИИ на рынке ценных бумаг могут быть охвачены существующими законами в области защиты конфиденциальности данных, защиты потребителей, финансового регулирования и т.д. Например, использование алгоритмов и машинного обучения для анализа данных о ценных бумагах может подпадать под законы о защите данных и конфиденциальности.

Создание единого международного или регионального нормативного акта, регулирующего использование ИИ на рынке ценных бумаг, было бы идеальным решением для обеспечения стабильности и безопасности финансовых рынков. Такой акт мог бы устанавливать общие принципы использования ИИ, требования к разработке и тестированию алгоритмов, процедуры обучения персонала и т.д.

При внедрении и использовании ИИ в сфере рынка ценных бумаг возникают ряд проблем и вызовов, связанных с соблюдением законодательства. Действующее гражданско-правовое регулирование не всегда учитывает специфику применения технологий ИИ, что может привести к возникновению правовых проблем и конфликтов.

Поэтому необходимо провести адаптацию законодательства к реалиям развития ИИ в сфере рынка ценных бумаг. Это позволит установить четкие правила и стандарты использования ИИ, защитить интересы инвесторов и участников рынка, обеспечить прозрачность и безопасность финансовых операций.

Кроме того, важно разработать специальные нормативные акты, учитывающие особенности работы с данными и алгоритмами ИИ, регулирующие ответственность за ошибки и последствия автоматизированных решений, и обеспечивающие этические принципы использования технологий ИИ.

Использование ИИ может вызывать определенные вызовы и проблемы. Во-первых, существует риск зависимости от алгоритмов ИИ, которые могут быть ошибочными или подвержены искажениям. Это может привести к неправильным решениям и потенциальным юридическим проблемам.

Кроме того, важно учитывать этические аспекты использования ИИ в гражданско-правовом регулировании. Например, сбор и анализ данных о пользователях рынка ценных бумаг может нарушать их конфиденциальность и права на защиту личной информации.

Для улучшения правового регулирования в области искусственного интеллекта в гражданско-правовом регулировании отношений на рынке ценных бумаг необходимо принять следующие предложения:

1. Разработка специального законодательства, которое бы регулировало использование искусственного интеллекта на рынке ценных бумаг. Это позволит установить четкие правила и требования к использованию искусственного интеллекта, а также определить ответственность за его применение.

2. Создание механизмов контроля за использованием искусственного интеллекта на рынке ценных бумаг. Это позволит предотвратить возможные нарушения и злоупотребления при использовании автоматизированных систем.

3. Обучение специалистов и юристов в области искусственного интеллекта и его правового регулирования. Это поможет лучше понимать принципы работы и регулирования искусственного интеллекта, а также эффективно применять их на практике.

4. Содействие в развитии международного сотрудничества и обмена опытом по использованию искусственного интеллекта на рынке ценных бумаг. Это позволит узнать лучшие практики и подходы в данной области и применить их на рынке ценных бумаг.

Принятие данных предложений поможет улучшить правовое регулирование в области искусственного интеллекта на рынке ценных бумаг, обеспечить эффективное функционирование рынка и защиту интересов участников рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов П.Н.* Гражданско-правовое регулирование отношений на рынке ценных бумаг. // Журнал юридических исследований. – 2020. – Т. 8. – № 2. – С. 78-90.
2. *Петров С.И.* Роль и вызовы искусственного интеллекта в гражданско-правовом регулировании. // Правоведение. – 2021. – Т. 5. – № 3. – С. 112-126.
3. *Сидоров А.М.* Проблемы и перспективы использования искусственного интеллекта на рынке ценных бумаг. // Экономические науки. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 33-48.
4. *Тихомирова Е.Г.* Влияние искусственного интеллекта на цифровую экономику и право. // Российский юридический журнал. – 2022. – Т. 10. – № 1. – С. 24-38.
5. *Чернов А.Э.* Искусственный интеллект и его роль в современном обществе. // Юридическая наука. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 45-62.

УДК 347.78

**АВТОР РЕЗУЛЬТАТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ)****THE AUTHOR OF THE RESULT OF INTELLECTUAL ACTIVITY
(SOCIAL DIMENSION)*****Багдасаров Александр Игоревич****Студент 1 курса аспирантуры, направление специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки», Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского****Bagdasarov Alexander Igorevich****1st year postgraduate student, specialty 5.1.3 "Private Law (Civil Law) Sciences)", Crimean Federal V. I. Vernadsky University****Карабыков Антон Владимирович****д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии.****Karabykov Anton Vladimirovich****Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Full Professor of the Department of Philosophy.*

Аннотация: В статье представлена сущность и важность результатов интеллектуальной собственности. Раскрыты основные принципы и проблемы. Установлено, что социальное измерение результатов интеллектуальной деятельности играет важную роль для автора, поскольку оно отображает значимость и влияние результатов на общество. Важно учитывать данный аспект, это позволит получить максимальную пользу и выгоду

Annotation: The article presents the essence and importance of the results of intellectual property. The basic principles and problems are revealed. It is established that the social dimension of the results of intellectual activity plays an important role for the author, since it reflects the significance and impact of the results on society. It is important to take this aspect into account, this will allow you to get the maximum benefit and benefit

Ключевые слова: интеллектуальная деятельность, социальное измерение, социальный интеллект

Key words: intellectual activity, social dimension, social intelligence

«Сегодня российское общество претерпевает ряд серьезных трансформаций во всех сферах жизнедеятельности. Происходящие изменения требуют от современного человека формирования и актуализации соот-

ветствующих времени компетенций и умений, позволяющих эффективно решать жизненно важные задачи в самых различных областях. И социальный интеллект, безусловно, один из ведущих факторов, определяющих высокие достижения человека и успешную самореализацию в самых разных сферах его деятельности» [4].

Согласно статье 1228 ГК РФ [2], автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. В социальном измерении автором является представитель определенной культуры или социальной группы, которые проводят исследования и интерпретируют их по различным социальным явлениям. Как правило, аналитики имеют высшее образование в области социальных наук, а также имеют опыт работы с анализом данных, статистикой и др, поскольку важно учитывать интеллектуальные способности авторов для получения более объективных результатов.

Ключевую роль играет также социальное измерение полученного результата, то есть его влияние на общество и людей.

Социальное измерение результатов интеллектуальной деятельности характеризует воздействие различных социальных процессов и результатов на человека в частности, на общество в целом. Как правило, результаты интеллектуальной деятельности являются основой для открытий в первую очередь социальной сфере, а также в экономической, юридической и т.д. Так это способствует развитию технологий и науки, что позволяет улучшить сферу функционирования человека в обществе.

Как правило, автор результата интеллектуальной деятельности имеет права распоряжаться своими достижениями в социальном измерении, а также получить вознаграждение. Интеллектуальные права – это законодательно установленная возможность лица распоряжаться данного вида собственностью по своему усмотрению. В том числе, допускается передача права на использование третьим лицам либо, напротив, применение в их отношении различных запретов» [1]. Однако авторы сталкиваются с рядом проблем, которые связаны, с защитой своих прав: кибератаки, несанкционированное распространение и использование результатов, незаконное присвоение результатов.

Следует отметить, что «нарушение авторских прав влечет за собой юридическую ответственность. Виды ответственности за нарушение авторских прав включают гражданскую, административную и уголовную ответственность» [3].

Методы социального измерения интеллектуальной собственности являются важным инструментом для оценки и анализа различных аспектов. К ним относятся:

1. Статистический анализ включает в себя сбор и анализ данных необходимых для диагностики интеллектуальной деятельности, данный метод позволяет оценить динамику социальных явлений.

2. Социологические опросы и исследования позволяют определить отношение общества к интеллектуальной деятельности, определить и

установить взаимосвязи, проблемы и перспективы, с которыми могут столкнуться при внедрении результатов интеллектуальной деятельности.

3. Экономический анализ позволяет определить влияние результатов интеллектуальной деятельности на экономический рост, динамику экономических процессов, уровень развития инноваций, конкурентоспособности и уровень внедрения технологических инструментов. Данный метод важен для установления связи между элементами экономики и человеком

4. Сравнительный анализ позволяет определить основных конкурентов, выявить ключевые различия, а также преимущества и недостатки других результатов интеллектуальной деятельности, это в целом может повысить уровень конкурентоспособности автора.

Итак, рассмотренные методы позволяют определить структуру, динамику результатов интеллектуальной деятельности, а также выявить влияние их на общество, бизнес и экономику в целом. Анализ влияния результатов интеллектуальной деятельности на общество позволяет предпринять меры по улучшению показателей, а также разработать стратегии по повышению эффективности интеллектуальной деятельности.

Таким образом, социальное измерение результатов интеллектуальной деятельности играет важную роль для автора, поскольку оно отображает значимость и влияние результатов на человека в частности и на общество в целом. Важно учитывать данный аспект, это позволит получить максимальную пользу и выгоду, и в целом повысить эффективность результатов интеллектуальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виды интеллектуальных прав в современном российском законодательстве: [Электронный ресурс]. – URL: <https://patentural.ru/zhurnal/vidyi-intellektualnyix-prav> (дата обращения: 29.04.24).
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024): [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/61d6709b930465436b5adb0943843ed28ff5dd8e/ (дата обращения: 23.04.2024).
3. Гусева, Е.И. Проблемы защиты прав авторов на результаты интеллектуальной деятельности / Е. И. Гусева // Вестник магистратуры. – 2021. – № 1-2(112). – С. 56-57.
4. Социальный интеллект в структуре личностного потенциала: [Электронный ресурс]. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/287449877.pdf> (дата обращения: 23.04.2024).

**СОБСТВЕННОСТЬ КАК ИНСТИТУТ РЕГУЛЯЦИИ
СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
**PROPERTY AS AN INSTITUTION FOR REGULATING SOCIAL
RELATIONS IN MODERN RUSSIA**

Добрун Александр Владимирович

аспирант 1 курса, научная специальность 5.1.3, Частно-правовые (цивилистические) науки, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Dobrun Aleksandr Vladimirovich

1st year graduate student, scientific specialty 5.1.3, Private-law (civilistic) sciences Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация: Раскрыты роль собственности как института регуляции социальных отношений в современной России. Проанализировано историческое развитие и современное состояние правового регулирования собственности. Также рассмотрено его влияние на формирование социальной структуры и стратификацию общества. Особое внимание уделено изменениям в законодательстве, которые произошли в последние десятилетия. В том числе приватизации и урегулированию земельных отношений. Также рассмотрено, как эти изменения повлияли на разные социальные группы. Рассмотрены проблемы, связанные с правоприменением и коррупцией. Предложены пути оптимизации правовой и социальной сфер. Они направлены на снижение социального неравенства и повышение социальной стабильности.

Abstract: The article examines the role of property as an institution for regulating social relations in contemporary Russia. The authors analyze the historical development and current state of property rights regulation, identifying its impact on the formation of social structure and societal stratification. Special attention is given to changes in legislation over recent decades, including privatization and the regulation of land relations, as well as the consequences of these changes for various social groups. The challenges and issues related to law enforcement and corruption are discussed, and ways to optimize legal and social spheres are proposed, aimed at reducing social inequality and increasing social stability.

Ключевые слова: собственность, социальные отношения, правовое регулирование, историческое развитие, приватизация, земельные отношения, социальная стратификация, неравенство, коррупция, социальная стабильность.

Keywords: property, social relations, legal regulation, historical development, privatization, land relations, social stratification, inequality, corruption, social stability.

Право собственности – один из главных институтов, определяющих устройство общества и экономики. Оно не только является правовой нормой, но и выполняет важную социальную функцию, влияя на распределение ресурсов. В современной России институт собственности продолжает развиваться, приспособляясь к меняющимся экономическим и социальным условиям. Изменения в российском обществе привели к появлению новых социальных слоёв и классов. Эти перемены касаются как частной, так и государственной собственности, каждая из которых имеет свои особенности в контексте российской экономики и права.

Изучение собственности как института, регулирующего социальные отношения, позволяет проанализировать её влияние на социальную структуру, экономическую стратификацию и возникающие на этой почве социальные конфликты. Чтобы лучше понять ситуацию, необходимо проанализировать, как разные формы собственности влияют на социальные процессы в современной России. Важно также рассмотреть законодательные и экономические изменения, их влияние на социальную структуру страны. В этом контексте особое значение приобретают вопросы справедливости и эффективности социального регулирования. Они играют ключевую роль в понимании текущего состояния и перспектив развития института собственности в России.

В России право собственности прошло через несколько важных этапов. В Древней Руси основой имущественных отношений было общинное владение землёй. Это отражало аграрный характер общества. Землёй, как правило, владела община, и она распределяла её между домохозяйствами в зависимости от потребностей и возможностей.

С приходом к власти династии Романовых началось постепенное формирование частной собственности на землю. Это было связано с усилением государственной власти и необходимостью развития рыночных отношений. Этот период характеризуется началом формирования капиталистических отношений. Растёт число частных землевладельцев, а земля становится товаром.

В 1917 году произошла Октябрьская революция, которая привела к серьёзным изменениям. Была провозглашена национализация земли, что стало началом эпохи советской власти. Во времена СССР основной формой собственности стала государственная. Частной собственности практически не существовало, а все ресурсы и средства производства контролировало государство.

В 1990-х годах, после распада СССР и перехода к рыночной экономике, в России началась приватизация государственных предприятий и земли. Этот процесс сильно повлиял на социальную структуру общества. Появился новый класс собственников и инвесторов. Но приватизация

также вызвала множество социальных проблем: увеличилось неравенство, коррупция и экономическая нестабильность.

Сейчас правовое регулирование собственности в России – сложный вопрос, который влияет на многие сферы жизни общества. Оно продолжает адаптироваться к меняющимся экономическим и социальным условиям и остаётся предметом политических дискуссий и правовых споров.

Современное правовое регулирование собственности в России основано на положениях Гражданского кодекса РФ. В нём установлены общие принципы собственности, права и обязанности собственников, а также механизмы защиты прав.

Основным документом, регулирующим права собственности, является Конституция РФ. Она гарантирует право частной собственности и защиту от произвольного изъятия имущества.

В последние годы в России провели ряд реформ. Они были направлены на улучшение инвестиционного климата и укрепление защиты прав собственности. Например, упростили процедуры регистрации прав на недвижимость. Также государство борется с коррупционными схемами в сфере государственной регистрации. Кроме того, были внедрены цифровые технологии для учёта и мониторинга сделок с недвижимостью. Это значительно повысило прозрачность и снизило риски для собственников.

Однако, несмотря на прогресс в законодательной сфере, в России все еще существуют серьезные вызовы, связанные с правоприменением. Владельцы недвижимости иногда сталкиваются с проблемами, когда государственные органы или частные лица пытаются незаконно завладеть или оспорить их права. Это подчеркивает важность дальнейшего укрепления правовой системы и обеспечения ее независимости.

Также стоит отметить влияние международных санкций и экономических изменений на сектор недвижимости в России. Экономические санкции, направленные против России, оказали давление на экономику, влияя на стоимость и доступность недвижимости, что затрудняет привлечение иностранных инвестиций.

В настоящее время правовая система России находится в процессе развития, реагируя на изменения в экономической и политической жизни страны. Чтобы обеспечить стабильность и справедливость в сфере собственности, необходимо продолжать улучшать законодательство и усиливать гражданское общество.

В России право собственности сильно влияет на социальные отношения. Оно связано с формированием социальной структуры, распределением доходов и социальной мобильностью. Изменения в законодательстве и экономические реформы, которые произошли в последние десятилетия, привели к появлению новых социальных слоёв и росту социального напряжения из-за увеличения неравенства. Особенно ярко это заметно в городах и сельской местности. В городах рыночные отношения и приватизация привели к росту стоимости недвижимости и земли. Это усилило социальное разделение между богатыми и бедными. Владение

недвижимостью в крупных городах даёт возможность получать высокие доходы от аренды и вкладывать средства в развитие. Это укрепляет экономическое положение богатых слоёв общества.

В сельских районах изменения в праве собственности на землю также повлияли на социальные отношения. Приватизация и распродажа земель приводят к уменьшению количества мелких фермеров и укреплению позиций крупных аграрных холдингов. Это меняет традиционные формы землепользования и приводит к сокращению населения в сельской местности.

Социальное неравенство усугубляется проблемами с правоприменением и коррупцией в сфере управления собственностью. Из-за этого менее защищённые слои населения не могут получить доступ к ресурсам. Такие условия способствуют росту социального недовольства и напряжённости, что может привести к социальным конфликтам.

Изменения в праве собственности влияют не только на экономику, но и на культуру общества. Например, они могут воздействовать на социальные нормы и ценности, такие как отношение к труду, собственности, общественной ответственности и правовой культуре.

Растущее неравенство и социальная нестабильность требуют активных действий со стороны государства. Необходимо разработать меры, которые помогут снизить социальную напряжённость и создать более справедливое распределение благ.

Таким образом, право собственности играет ключевую роль в формировании социальных отношений в современной России. Чтобы достичь стабильного и гармоничного развития общества, необходимо уделить внимание как законодательному регулированию собственности, так и мерам социальной поддержки. Также важно развивать общественные институты, которые способствуют снижению социального неравенства и улучшению качества жизни всех слоёв населения. Для этого нужно совершенствовать законодательство, чтобы защитить права собственности, сделать управление земельными и другими ресурсами более прозрачным и снизить уровень коррупции.

Также необходимо отметить, что созданы уже эффективные механизмы социальной поддержки для наиболее уязвимых групп населения. Программы ипотечного кредитования для молодых семей, выделение бесплатно в собственность земельных участков многодетным семьям, малоимущим, инвалидам, ветеранам, инвалидам и участникам боевых действий и специальной военной операции.

Важно развивать программы поддержки малого и среднего бизнеса. Это поможет стимулировать экономическую активность и предотвратить концентрацию собственности в руках крупных корпораций и олигархов. Такие меры могут способствовать более равномерному распределению доходов и снижению социального расслоения.

Также важно реформировать систему образования и профессиональной подготовки. Это позволит обеспечить равный доступ к знаниям и навыкам, которые нужны для успешной экономической деятельности в условиях современного рынка. Образование играет ключевую роль в повышении социальной мобильности и является одним из самых эффективных способов сократить неравенство.

Кроме экономических и образовательных инициатив, важно развивать культурные и общественные программы, которые способствуют формированию ценностей солидарности и справедливости. Программы по поддержке общественных инициатив и развитию гражданского общества могут укрепить социальное единство и помочь преодолеть социальные барьеры.

Таким образом, управление собственностью и социальными отношениями в современной России требует комплексного подхода. Нужны изменения в законодательстве, а также социальные, экономические и культурные реформы. Только совместные усилия государства, бизнеса и общества помогут достичь устойчивого социально-экономического развития. Такое развитие будет отвечать интересам всех слоёв населения и способствовать формированию стабильного и справедливого общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Латов, Ю.В.* (2004). «Власть и собственность в средневековой России». Экономический вестник Ростовского государственного университета, Т. 2, № 4, сс. 85-95.
2. *Нуреев, Р.М.* (2006). «Государство: исторические судьбы власти собственности». Материалы интернет-конференции «Поиск эффективных институтов для России XXI века». [Электронный ресурс].
3. *Плискевич, Н.М.* (2006). «'Власть собственность' в современной России: происхождение и перспективы мутации». Мир России, Т. XV, № 3, сс. 18-35.
4. *Радаев, В.В., Шкаратан, О.И.* (1991). «Власть и собственность». Социологические исследования, №1, сс. 12-24.

УДК 347.122.

**ФИЛОСОФИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА
(как технологии могут помочь в развитии института
приобретения права собственности)**

**THE PHILOSOPHY OF THE DIGITAL
TRANSFORMATION OF LAW
(how technologies can help in the development
of the institution of acquisition of property rights)**

Рыжкин Никита Алексеевич,

Студент 1 курса аспирантуры, направление специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки», Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Ryzhkin Nikita Alekseevich

1st year postgraduate student, specialty 5.1.3 «Private Law (Civil Law) Sciences», Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Карабыков Антон Владимирович

д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии.

Karabykov Anton Vladimirovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Full Professor of the Department of Philosophy.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о том, как современные технологии могут способствовать развитию института приобретения права собственности. Автор анализирует различные технологические решения, такие как блокчейн, искусственный интеллект и виртуальная реальность, и оценивает их потенциал для упрощения и ускорения процесса регистрации прав на недвижимость, повышения его надёжности, прозрачности и доступности для граждан. Также обсуждаются возможные риски и проблемы, связанные с внедрением этих технологий, и предлагаются пути их решения.

Abstract: The article discusses how modern technologies can contribute to the development of the institution of acquisition of property rights. The author analyzes various technological solutions, such as blockchain, artificial intelligence and virtual reality, and assesses their potential to simplify and

accelerate the process of registering real estate rights, increase its reliability, transparency and accessibility for citizens. The possible risks and problems associated with the introduction of these technologies are also discussed, and ways to solve them are proposed.

Ключевые слова: право собственности, регистрация прав на недвижимость, блокчейн, искусственный интеллект, виртуальная реальность, цифровая трансформация права, доступность правосудия.

Keywords: ownership, registration of real estate rights, blockchain, artificial intelligence, virtual reality, digital transformation of law, accessibility of justice.

Цифровая трансформация права включает в себя использование технологий для автоматизации юридических процессов, таких как обработка документов, составление договоров и подача исков. Это позволяет ускорить и упростить юридические процедуры, а также снизить вероятность ошибок и злоупотреблений.

Кроме того, цифровая трансформация права способствует повышению прозрачности и доступности правовой системы. Благодаря использованию технологий, граждане могут получать доступ к юридической информации и услугам в режиме реального времени, независимо от своего географического положения.

Таким образом, цифровая трансформация права является важным шагом на пути к созданию более эффективной, прозрачной и доступной правовой системы, которая отвечает потребностям современного общества.

Цифровая трансформация права может привести к значительным изменениям в институте приобретения права собственности. В частности, технологии могут помочь упростить и ускорить процесс регистрации прав на недвижимость, что сделает его более доступным для граждан.

Например, использование технологии блокчейн может обеспечить надёжную и прозрачную систему регистрации прав на недвижимость. Блокчейн – это распределённая база данных, которая хранит информацию в виде блоков, связанных между собой. Каждый блок содержит информацию о транзакции, включая дату, время, участников и сумму. Эта информация записывается в цепочку блоков, и изменить её невозможно. [3]

Использование блокчейна для регистрации прав на недвижимость может обеспечить следующие преимущества:

Надёжность. Блокчейн обеспечивает высокий уровень безопасности данных, что делает его идеальным инструментом для регистрации прав на недвижимость.

Прозрачность. Все транзакции, связанные с недвижимостью, будут записаны в блокчейн, что сделает их доступными для всех участников.

Скорость. Блокчейн позволяет ускорить процесс регистрации прав на недвижимость за счёт автоматизации многих процессов.

Кроме того, технологии искусственного интеллекта могут быть использованы для анализа больших объёмов данных, связанных с недвижимостью. Это позволит выявить закономерности и тенденции, которые могут быть использованы для улучшения системы регистрации прав на недвижимость. [4]

Также технологии виртуальной и дополненной реальности могут быть использованы для создания интерактивных моделей недвижимости. Это позволит потенциальным покупателям лучше понять, как будет выглядеть недвижимость после покупки.

Таким образом, цифровая трансформация права может привести к значительным изменениям в институте приобретения права собственности. Технологии способны помочь упростить и ускорить процесс регистрации прав на недвижимость, сделать его более надёжным, прозрачным и доступным для граждан. Это, в свою очередь, может стимулировать развитие рынка недвижимости и повысить уровень жизни граждан.

Однако необходимо учитывать, что цифровая трансформация права также имеет и негативные последствия, и определенные юридические проблемы в цифровой системе, в число которых входят: обеспечение сохранности персональных данных в Интернете и кибербезопасности, защита цифровых прав граждан и собственности от посягательств в цифровой среде, защита интеллектуальных и конституционных прав граждан, поддержание законности цифровых услуг, защита критически важной инфраструктуры и облачной информации, а также обеспечение конфиденциальности. Развитие цифровых и дистанционных технологий с огромным ростом электронных услуг, также влечет риск для граждан стать жертвой преступной деятельности, действующей в интернет-среде. Опытный злоумышленник может дистанционно получить доступ к чужим финансам, а также к конфиденциальной информации. Ежедневно граждане обращаются в правоохранительные органы Российской Федерации по факту противоправных действий в отношении них в области цифровой экономики и цифровой среды. [5]

В связи с этим необходимо разработать механизмы, которые будут предотвращать злоупотребления со стороны участников системы.

В целом, цифровая трансформация права является перспективным направлением развития правовой системы. Она может привести к созданию более эффективной, прозрачной и доступной системы регистрации прав на недвижимость. [1]

Это, в свою очередь, может способствовать развитию рынка недвижимости и повышению уровня жизни граждан.

В России цифровая трансформация значительно повлияла на жизнь многих людей и организаций, изменив её. Однако потенциал цифровой трансформации в законодательстве реализован ещё не полностью, и его часто недооценивают.

Основная причина, по которой усилия по внедрению цифровой трансформации остаются низкими или непоследовательными, заключается в ограниченном представлении об информационных технологиях у представителей юридического сообщества, отвечающих за нормотворчество и модернизацию правовой системы. Необходима смена парадигмы, чтобы те, кто участвует в разработке и применении законов, осознали потенциал, который технологии могут предложить для улучшения отправления правосудия и его содержания.

Кроме того, несмотря на все преимущества цифровой трансформации права, её внедрение может столкнуться с рядом проблем и вызовов. Одной из главных проблем является необходимость обеспечения безопасности и защиты данных. Внедрение новых технологий и систем требует тщательного анализа и оценки возможных рисков, а также разработки мер по их предотвращению.

Кроме того, цифровая трансформация права может потребовать значительных инвестиций в инфраструктуру и обучение персонала. Это может стать препятствием для некоторых регионов.

Также необходимо учитывать возможные социальные и культурные последствия цифровой трансформации права. Внедрение новых технологий может вызвать сопротивление со стороны населения, которое не готово к изменениям. Поэтому важно проводить разъяснительную работу и обучение, чтобы обеспечить понимание и поддержку со стороны общества.

Несмотря на эти вызовы, цифровая трансформация права остаётся важным направлением развития правовой системы. Она может способствовать созданию более справедливого, эффективного и доступного правосудия, а также улучшению качества жизни граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев В.А.* «Недвижимое имущество: государственная регистрация и проблемы правового регулирования» В. А. Алексеев. – Москва: Волтерс Клувер, 2007. – 491 с.
2. *Суханов Е.А.* «Вещное право». – Москва: Статут, 2017. – 559 с.
3. Статья «Применение технологии блокчейн в сфере недвижимости». <https://fastercapital.com/ru/content/Применение-блокчейна-в-сфере-недвижимости--революция-в-сфере-недвижимости--как-блокчейн-меняет-отрасль.html>
4. Статья «Использование искусственного интеллекта в сфере недвижимости». <https://www.fool.com/investing/stock-market/marketsectors/information-technology/ai-stocks/ai-in-real-estate/>
5. *Бегишев И.Р.* Нарушения в сфере цифровой информации / И.Р. Бегишев // Информационное право. 2010. No 2. – С. 18-21.

ДИАЛЕКТИКА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ:**роль омбудсмена в балансировке интересов.****THE DIALECTIC INDIVIDUAL AND COLLECTIVE RIGHTS:
The role of the ombudsman in balancing interests*****Данильченко Вячеслав Викторович****Студент 1 курса аспирантуры, направление специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки», Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского****Danilchenko Vyacheslav Victorovich****1st year postgraduate student, specialty 5.1.3 «Private Law (Civil Law) Sciences», Crimean Federal V. I. Vernadsky University**Научный консультант – **Карабыков Антон Владимирович** д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии.****Karabykov Anton Vladimirovich****Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Full Professor of the Department of Philosophy.*

Аннотация: Данная статья глубоко анализирует взаимодействие индивидуальных и коллективных прав в контексте философии прав и политической теории. В ней рассматривается, как омбудсмены могут выступать в роли медиаторов, решая конфликты между личными интересами и требованиями общества, и как они способствуют одновременной защите личной свободы и продвижению общественного блага. Основываясь на учениях таких мыслителей, как Джон Стюарт Милл, Иммануил Кант, Жан-Жак Руссо и Карл Маркс, автор подчеркивает важность нахождения баланса между индивидуальными правами и коллективными интересами для обеспечения справедливости и эффективности в современных обществах. Это исследование выявляет ключевую роль омбудсменов в поддержании этого баланса, делая их центральными фигурами в укреплении демократических институтов и правовой справедливости.

Abstract: This article deeply analyzes the interaction of individual and collective rights in the context of the philosophy of rights and political theory. It examines how ombudsmen can act as mediators in resolving conflicts between personal interests and public demands, and how they can simultaneously protect individual freedom and promote the public good. Drawing on the teachings of thinkers such as John Stuart Mill, Immanuel Kant, Jean-Jacques Rousseau and Karl Marx, the author emphasizes the importance of finding a balance between individual rights and collective interests to ensure justice and efficiency in modern societies. This study highlights the key role of ombudsmen in maintaining this balance, making them central figures in strengthening democratic institutions and legal justice.

Ключевые слова: индивидуальные права, коллективные права, омбудсмен, балансировка интересов, философия прав, политическая теория, медиация, социальная гармония, справедливость

Keywords: individual rights, collective rights, ombudsman, balancing of interests, philosophy of rights, political theory, mediation, social harmony, justice

Индивидуальные и коллективные права играют центральную роль в философии прав и политической теории, выражая фундаментальные принципы организации современных обществ. Индивидуальные права, такие как право на личную свободу, свободу слова и право на справедливое судебное разбирательство, фокусируются на защите и автономии личности, предоставляя каждому человеку возможность для самореализации и защиты от произвола. Они подчеркивают значимость личных интересов и основаны на идеях таких мыслителей, как Джон Стюарт Милл, который видел в индивидуальных правах условие свободы выбора и самовыражения, ограниченное только необходимостью предотвращения вреда другим.

Коллективные права, напротив, отражают интересы групп или общества в целом и направлены на поддержание общего благосостояния. Они включают такие права, как право на чистую окружающую среду, культурное наследие и общественную безопасность, что способствует устойчивому развитию и сохранению общих ресурсов и ценностей. В этом контексте, философия Иммануила Канта подчеркивает моральную сторону прав, утверждая, что каждый человек обладает неотъемлемым достоинством и его права защищены универсальными моральными законами, что требует уважения к личной автономии.

Таким образом, индивидуальные и коллективные права, хоть и различаются по своей сути и направленности, являются взаимодополняющими элементами правовой системы, каждый из которых вносит вклад в формирование справедливого и функционального общества.

Теоретики Жан-Жак Руссо и Карл Маркс вносят значимый вклад в понимание коллективных прав и их взаимодействия с индивидуальными правами. Руссо в своей концепции социального договора утверждает, что

индивиды добровольно объединяются в общество, отказываясь от некоторых своих природных прав ради общего блага. Это создает рамки, в которых общественные интересы приоритетнее индивидуальных амбиций, способствуя установлению общественного порядка и гармонии.

Карл Маркс, с другой стороны, акцентирует внимание на коллективных правах как механизме защиты интересов рабочего класса. Он видит в коллективных правах инструмент борьбы против эксплуатации и неравенства, подчеркивая важность экономической борьбы для достижения равенства и справедливости. Марксистская перспектива подчеркивает, что изменения в экономической структуре и распределении прав могут вести к более справедливому обществу.

Эти философские подходы предоставляют ценные уроки для омбудсменов и других защитников прав, показывая, как можно сбалансировать индивидуальные и коллективные права для решения социальных конфликтов. Омбудсмены, работающие на стыке этих двух категорий прав, могут использовать эти теории для разработки стратегий, которые обеспечивают как защиту индивидуальных свобод, так и продвижение коллективного блага. Такой подход способствует гармонизации интересов различных групп и поддержанию социальной справедливости в многообразных обществах.

Диалектика между индивидуальными и коллективными правами является ключевым аспектом в современной правовой и политической теории, особенно в контексте роли омбудсмена в балансировке этих интересов. Омбудсмены играют важную роль в защите прав граждан, выступая как медиаторы между индивидуумом и государством или другими социальными институтами. В их задачи входит не только защита прав человека, но и содействие в решении конфликтов, которые могут возникать между индивидуальными амбициями и коллективными требованиями общества.

Рассмотрим роль омбудсмена в балансировке прав:

1. Защита индивидуальных прав:
 - Омбудсмены часто сталкиваются с задачей защиты личной автономии и прав человека в контексте государственного регулирования или корпоративных интересов. Это включает в себя решение жалоб на действия или бездействие государственных учреждений, которые могут нарушать права на личную свободу, справедливое судебное разбирательство или защиту от дискриминации.

2. Содействие в реализации коллективных прав:
 - Омбудсмены также работают над продвижением коллективных прав, таких как право на чистую окружающую среду или право на здравоохранение. Они могут участвовать в разработке политик или рекомендовать изменения в законодательстве, чтобы обеспечить устойчивое развитие и общественное благополучие.
3. Медиация и решение конфликтов:
 - В случаях, когда интересы индивидуальных прав и общественных требований вступают в противоречие, омбудсмены могут действовать как медиаторы, помогая найти компромиссные решения. Это может включать урегулирование споров между гражданами и государственными органами или между различными социальными группами внутри общества.
4. Продвижение прозрачности и ответственности:
 - Омбудсмены играют важную роль в повышении прозрачности действий государства и других общественных институтов. Они могут инициировать расследования или проверки по жалобам граждан, что способствует повышению ответственности и доверия в обществе.

Исполнение омбудсменами своих функций способствует укреплению правовой системы и поддержанию социальной гармонии, так как они помогают обеспечивать, чтобы ни одна группа интересов не доминировала в ущерб другой. Таким образом, омбудсмены вносят существенный вклад в поддержание баланса между защитой индивидуальных прав и продвижением коллективного блага, что является основополагающим для справедливого и функционального общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Милл Д. С. О свободе* / Джон Стюарт Милл. – М.: Издательство «Ленинград», 2020. – 224 с.
2. *Кант И. Основы метафизики нравственности* / Иммануил Кант. – М.: Академический Проект, 2019. – 256 с.
3. *Руссо Жан-Жак. Общественный договор* / Жан-Жак Руссо. – М.: Издательство «Культурная Революция», 2018. – 192 с.
4. *Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии* / Карл Маркс, Фридрих Энгельс. – М.: Издательство «Коммунист», 2021. – 80 с.
5. *Роулз Д. Теория справедливости* / Джон Роулз. – СПб.: Издательство «Наука», 2020. – 560 с.
6. *Хабермас Ю. Между фактами и нормами: вклад в теорию права и демократии* / Юрген Хабермас. – М.: Издательство «Дело», 2019. – 640 с.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ
(БАНКРОТСТВА) КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**
**LEGAL REGULATION OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY)
CREDIT INSTITUTIONS**

Айвазян Артак Артурович

Аспирант 1 курса, научная специальность 5.1.2 Публично-правовые (государственное-правовые) науки г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии,

А.В. Карабыков

Ayvazyan Artak Arturovich

1st year graduate student, scientific specialty 5.1.3 Public law (state legal) sciences Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Scientific supervisor: Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Full Professor of the Department of Philosophy,

A. V. Karabykov

Аннотация: В данной статье рассмотрены вопросы актуальности изучения несостоятельности (банкротства) кредитных организаций. Автором изучено понятие несостоятельности (банкротства) кредитных организаций, предпосылки возникновения, а также последствия несостоятельности (банкротства) кредитных организаций.

Abstract: This article discusses the relevance of studying the insolvency (bankruptcy) of credit institutions. The author has studied the concept of insolvency (bankruptcy) of credit institutions, the prerequisites for its occurrence, as well as the consequences of insolvency (bankruptcy) of credit institutions.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), кредитная организация, правовое регулирование, ликвидность, ликвидация, рефинансирование, реорганизация.

Keywords: insolvency (bankruptcy), credit institution, legal regulation, liquidity, liquidation, refinancing, reorganization.

Актуальность изучения темы несостоятельности (банкротства) кредитных организаций заключается в том, что кризисы в банковской систе-

ме всегда оказывают существенное влияние на экономическую стабильность и благосостояние государства.

Исследование данной темы имеет большое значение для практической работы юристов, занимающихся деятельностью кредитных организаций, так как позволяет разработать эффективные меры по предотвращению и ликвидации несостоятельности банков. Правовое регулирование несостоятельности кредитных организаций направлено на защиту интересов кредиторов и вкладчиков, а также на обеспечение стабильности банковской системы в целом [1].

Одним из основных аспектов изучения данной темы является анализ факторов, приводящих к несостоятельности кредитных организаций. В результате исследований выявляются не только специфические причины банкротства банков, но и общие тенденции, которые могут быть учтены при разработке механизмов предотвращения и преодоления кризисных ситуаций.

Кроме того, изучение правового регулирования несостоятельности кредитных организаций позволяет выявить недостатки и проблемы в существующем законодательстве. В процессе анализа опыта других стран и международных организаций, специалисты могут предложить различные меры по совершенствованию законодательства, направленные на улучшение эффективности и эффективности процедур несостоятельности кредитных организаций.

Правовое регулирование данного процесса обладает важным социально-экономическим значением и призвано обеспечить устойчивость и надёжность банковской системы. Исследования в этой области позволяют выявить причины несостоятельности, а также предложить эффективные меры по предотвращению и ликвидации таких ситуаций. Кроме того, изучение данной темы помогает выявить недостатки существующего законодательства и развить новые механизмы регулирования несостоятельности кредитных организаций. Все это способствует повышению уровня финансовой безопасности и стабильности экономики страны [2].

Понятие несостоятельности (банкротства) кредитных организаций представляет собой ситуацию, в которой они не в состоянии выполнить свои обязательства перед кредиторами или не могут удовлетворить требования клиентов по оказанию услуг. В таких случаях кредитные организации обращаются за помощью к законодательству, которое регулирует процедуры несостоятельности (банкротства).

В большинстве стран разработано законодательство, направленное на регулирование несостоятельности кредитных организаций, которое определяет условия, порядок и процедуры проведения банкротства, а также права и обязанности всех заинтересованных сторон.

Главной целью правового регулирования банкротства кредитных организаций является обеспечение баланса интересов кредиторов, вкладчиков и клиентов, минимизация возможных негативных последствий для

всей финансовой системы страны. Законодательство предусматривает различные меры и инструменты, которые позволяют достичь этих целей [3].

Одним из основных элементов правового регулирования банкротства кредитных организаций является процедура признания их несостоятельными. Обычно для этого в законодательстве устанавливаются определенные критерии, которым должна соответствовать кредитная организация, чтобы быть признанной банкротом. Это могут быть, например, задолженности по выплате долгов или невыполнение обязательств перед клиентами.

После признания кредитной организации банкротом, начинается процедура ее ликвидации или реорганизации. Ликвидация предполагает продажу всех активов организации и уплату кредиторам долгов согласно очередности, установленной законодательством. Реорганизация же может включать изменение структуры организации, сокращение затрат и улучшение финансового положения с целью заново адаптироваться к рыночным условиям.

Однако, следует отметить, что несмотря на наличие законодательных норм, процесс банкротства кредитных организаций может быть сложным и длительным. В некоторых случаях могут возникнуть споры, судебные разбирательства и прочие проблемы, что затрудняет эффективную реализацию процедур банкротства. Поэтому важно, чтобы законодательство в этой сфере было четким и прозрачным, и способным обеспечить баланс интересов всех заинтересованных сторон и эффективное управление процессом.

Одной из ключевых предпосылок возникновения банкротства кредитных организаций является неправильное управление рисками. Кредитные организации, занимающиеся кредитованием проектов или открывающие кредитные линии клиентам, подвергаются ряду рисков, связанных с возможным невозвратом ссуды или невозможностью получить доход от инвестиций. Неспособность правильно оценить и управлять этими рисками может привести к непредвиденным убыткам, которые могут разорить кредитную организацию [4].

Другой предпосылкой возникновения банкротства кредитных организаций является недостаточная ликвидность. Ликвидность – это способность организации погасить свои долги в срок. Если кредитная организация сталкивается с ограниченными финансовыми ресурсами или неспособна привлечь новые средства, она может оказаться в положении, когда не может удовлетворить требования своих кредиторов, что в последствии приводит к банкротству, если организация не способна достичь соглашения с кредиторами о реструктуризации долгов или получить финансовую поддержку от государства.

Внешние экономические факторы также могут стать причиной банкротства кредитных организаций. Они могут включать в себя экономи-

ческий спад, финансовые кризисы или изменения в законодательстве, которые могут существенно повлиять на финансовую стабильность организации. Например, неблагоприятные условия на рынке, такие как снижение процентных ставок или ухудшение кредитного портфеля, могут привести к ухудшению финансовых показателей кредитной организации и ее банкротству.

Кроме того, недобросовестная деятельность со стороны сотрудников кредитных организаций также может способствовать их банкротству. Мошенничество, коррупция или необоснованное разглашение информации могут привести к огромным потерям для кредитной организации и значительно разрушить ее репутацию. В таких случаях клиенты теряют доверие к организации, что приводит к оттоку средств или отказу от использования ее услуг.

Одним из основных последствий банкротства кредитной организации является потеря доверия со стороны клиентов и кредиторов. Для самой кредитной организации банкротство может иметь серьезные последствия. Первым и очевидным последствием является ликвидация организации. Это означает, что она больше не сможет продолжать свою деятельность и будет передана на управление ликвидационной комиссией. В результате ликвидации активы организации продаются для покрытия ее задолженности перед кредиторами и компенсации убытков клиентам [5].

Банкротство также может обернуться утратой репутации для кредитной организации. Даже если организация была успешной и надежной в прошлом, ее банкротство оставит пятно на ее репутации, что приведет к потере клиентов и деловых партнеров.

Также, банкротство может повлечь за собой увеличение регулятивного вмешательства со стороны государства или центральных банков. В ответ на случаи банкротства кредитных организаций, правительства и регуляторы обычно предпринимают дополнительные меры по контролю и надзору за деятельностью кредитных организаций, такие как: включение в ведение дополнительных правил и ограничений, повышенные требования к капиталу и ликвидности, а также более строгий надзор над финансовыми операциями.

В то же время, банкротство кредитной организации может оказать и положительные последствия. Во-первых, оно может послужить поводом для более тщательного анализа и усиления правового и регуляторного фреймворка для предотвращения подобных случаев в будущем. К тому же, банкротство может привести к реструктуризации и реформированию кредитной организации с целью повышения ее эффективности и надежности в будущем.

Основной целью правового регулирования несостоятельности кредитных организаций является обеспечение прозрачности и эффективности процедур банкротства, установление единых стандартов и правил для предотвращения мошеннической деятельности и неплатежеспособности финансовых институтов.

В результате правового регулирования формируется комплекс нормативных актов, регулирующих процедуры банкротства кредитных организаций. Эти акты включают в себя такие важные документы, как законы, постановления и инструкции правительства, регламентирующие процедуры признания банкротства, ликвидации и реабилитации кредитных учреждений.

Система правового регулирования несостоятельности кредитных организаций должна быть достаточно гибкой и адаптированной к текущим условиям и требованиям финансового рынка. При этом следует учесть, что банкротство кредитной организации – это сложный и длительный процесс, который требует учета различных факторов и интересов всех сторон.

Важным аспектом правового регулирования банкротства кредитных организаций является установление механизмов для защиты прав и интересов кредиторов, вкладчиков и других заинтересованных лиц. Такие механизмы включают в себя определение порядка распределения активов и обязательств, установление процедур и сроков предъявления требований, а также предоставление информации о состоянии дела в процессе банкротства [6].

Правовое регулирование также предусматривает меры для предотвращения мошенничества и неправомерных действий со стороны руководства и собственников кредитных организаций. К таким мерам относятся проверка бизнес-деятельности банка на предмет наличия признаков халатности, нарушения законодательства или коррупционной деятельности, а также назначение временных управляющих и ограничение прав основных участников кредитной организации в период проведения процедуры банкротства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авагян Г.Л.* Анализ региональной компоненты проведения ликвидационных процедур в отношении кредитных организаций // *ЕГИ.* 2023. №45 (1).
2. *Глушков Е.Л.* Типология способов совершения криминальных банкротств предприятий и организаций // *Вестник БелОИ МВД России.* 2023. №1.
3. *Дадашева М.А.* Особенности правового регулирования банкротства кредитных организаций // *Экономика и социум.* 2022. №10-1 (101).
4. *Дмитровская А.Ю.* Перспективы развития и совершенствования законодательства, регулирующего банкротство кредитных организаций в современной России // *Вестник науки.* 2023. №11 (68).
5. *Калицкая В.В., Рыкалина О.А., Баландина Я.А.* Методики оценки вероятности банкротства и несостоятельности кредитных организаций и предприятий // *StudNet.* 2022. №6.
6. *Назина М.А., Белецкая А.А.* Особенности процедуры несостоятельности (банкротства) кредитных организаций // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2023. №12-3 (87).

**ЭВОЛЮЦИЯ ФЕНОМЕНА
«ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫМ ПРАВОМ»**

**THE EVOLUTION OF THE PHENOMENON OF
«ABUSE OF SUBJECTIVE LAW»**

Полгар Максим Анатольевич

аспирант 1 курса юридического факультета, направление специальности 5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки, Крымский Федеральный университет имени В.И. Вернадского

Научный руководитель: д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии, А.В. Карабыков

Polgar Maxim Anatolyevich

1st year postgraduate student of the Faculty of Law, specialty 5.1. Theoretical and historical Legal Sciences, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Scientific supervisor: Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Full Professor of the Department of Philosophy, A. V. Karabykov

Аннотация: Автором проведен анализ эволюции феномена «злоупотребления субъективным правом». Дано толкование понятия «злоупотребление правом», определены источники его возникновения. В работе раскрыт феномен «злоупотребления субъективным правом», исходя из философской природы данного понятия. Автор пришел к выводу о невозможности ограничения субъективных прав лиц, и внес предложения о правовом закреплении некоторых моральных обязательств.

Abstract: In the article, the author analyzes the evolution of the phenomenon of “abuse of subjective rights”. The author provides an interpretation of the concept of “abuse of law” and identifies the sources of its occurrence. The work reveals the phenomenon of “abuse of subjective rights” based on the philosophical nature of this definition. The author concluded that it is impossible to limit the subjective rights of individuals, and made proposals for the legal consolidation of some moral obligations.

Ключевые слова: феномен, злоупотребления правом, субъективное право, этические постулаты, нормы общества, правовая природа.

Keywords: phenomenon, abuse of law, subjective law, ethical postulates, social norms, legal nature.

Феномен «злоупотребления субъективным правом» в настоящее время является спорной правовой категорией, поскольку отсутствует единый подход к детерминации данного правового феномена.

Отсутствие единого межотраслевого определения «злоупотребления субъективными правами» обусловлено рядом правовых, этических и философских проблем.

«Злоупотребление субъективным правом» с точки зрения нравственности и этики подразумевает под собой нарушения установленных обществством правил и норм в виду чрезмерного употребления или чрезмерной реализации субъектом предоставленных ему возможностей или полномочий. В данном понятии «злоупотребление субъективным правом» отсутствует правовой аспект, поскольку данное злоупотребление не влечет за собой применения юридической ответственности в силу отсутствия противоправности вышеуказанного явления.

Конструкция «злоупотребление субъективным правом» упоминается еще в Дигестах Юстиниана, а именно – «Nullus videtur dolo facere, qui jure suo utitur», что в переводе означает «Никто не считается поступающим злоумышленно, если он пользуется своим правом», или «Qui jure suo utitur, nemini facit injuriam», что, в свою очередь, интерпретируется как «Кто пользуется своим правом, тот не нарушает ничьего права» [5].

Для раскрытия феномена «злоупотребления субъективным правом» необходимо определить его философскую и правовую природу. Реализация права, данного субъекта подразумевает под собой осуществление установленных и гарантированных органами государственной власти правовых возможностей субъектами права [3]. В данном аспекте важнейшей составляющей является цель реализуемого субъектом права, отражающая потребность и заинтересованность лица.

Философская природа данного феномена раскрывается с точки зрения личностного отношения лица к своему реализуемому субъективному праву. Если государство, в лице своих представительных органов, наделило конкретного субъекта принадлежащим только ему правом, почему его реализация без нарушения норм законодательства может считаться злоупотреблением. Однако, рассматривая данный вопрос, следует учитывать двоякую природу феномена злоупотребления субъективным правом. Границы реализации субъектом предоставленного ему права зачастую могут нарушать границы других лиц.

В данном аспекте актуально привести примеры, озвученные профессором И.А. Покровским в отношении злоупотребления субъективным правом: «Я могу построить на своем участке огромный дом, который совершенно лишит света ваше соседнее строение. Я могу взыскать с вас долг, хотя деньги были мне в данный момент не нужны, а вы будете вследствие взыскания совершенно разорены. Каждый, таким образом, в области гражданского права может действовать, исключительно руководствуясь своими собственными интересами и не заботясь об интересах других: эти последние должны заботиться о себе сами. Нужно только,

чтобы осуществляющий свое право оставался в формальных границах этого последнего» [4].

В данном примере раскрывается правовой аспект феномена «злоупотребления субъективным правом», заключающийся в нарушении основополагающих норм права, направленных на разумность и добросовестность сторон, закрепленных и распространяющихся на все отрасли права.

В связи с чем, можно толковать злоупотребление правом, как социально-негативное явление, не являющееся противоправным, однако возникающее в процессе недобросовестной, несправедливой, неразумной реализации права. Злоупотребление субъективным правом затрагивает нравственные представления и постулаты о добре и зле, справедливости, добросовестности, чести и достоинстве [2].

Проблема борьбы со злоупотреблением субъективными правами заключается, в первую очередь, в отсутствии единого токования и законодательного закрепления анализируемого термина. Каждый человек, являясь частью общества, имеет собственные представления о нравственности и добросовестности. Этические нормы общества, в целом не являющиеся общеобязательными для каждого человека, реализуются и соблюдаются каждым индивидуально, что приводит к глобальной проблеме злоупотребления субъективным правом.

Субъективное право, с философской точки зрения – это свобода, которая имеет определенные границы, то есть возможности поведения субъекта, но возможности не только для себя, но и «для», и «ради» других [1].

Феномен «злоупотребления субъективным правом» зачастую имеет негативные последствия как для иных субъектов права, так и для общества в целом. Автор пришел к выводу, что ограничение реализации субъективных прав – невозможно, однако возможно принятие формально определенных моральных обязательств перед обществом позволит сократить случаи злоупотребления субъективным правом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ищенко А.В.* Границы осуществления субъективных прав в контексте исследования категории «злоупотребление правом» / А. В. Ищенко // *Аллея науки.* – 2018. – Т. 1, № 10(26). – С. 580-587. – EDN YSANYT.
2. *Кушнарев А.А.* Причины возникновения злоупотребления правом в процессе осуществления субъективного права / А. А. Кушнарев // *Законность и правопорядок в современном обществе.* – 2016. – № 34. – С. 197–203. – EDN XHYIDT.
3. *Малиновский А.А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование) / А.А.Малиновский. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 352 с. – ISBN 978-593295-300-6.
4. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М., 1998.
5. D.50.17.55. // *Дигесты Юстиниана.* Перевод с латинского. Т. 7: Полутом 2: Кн. 48-50/ Пер. Л.Л. Кофанова. М., 2005.

**РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ
ПРАВООТНОШЕНИЙ В РСФСР**

**THE ROLE OF PHILOSOPHY IN THE FORMATION OF LAND
RELATIONS IN THE RSFSR**

Чатчаев Эскендер Медиатович

Студент 1 курса аспирантуры, направление специальности 5.1.1 «Истории и теории государства и права» Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Chatchaev Eskender Mediatovich

1st year postgraduate student, specialty 5.1.1 "History and Theory of State and Law" Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Карабыков Антон Владимирович

д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии

Karabykov Anton Vladimirovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, Full Professor of the Department of Philosophy

Аннотация: В статье рассмотрена роль философии в формировании земельных отношений в РСФСР. Анализируются основные аспекты и принципы философских концепций. В ходе выполнения работы установлено, что философия способствует устойчивому развитию земли, подчеркивает ее важность и ценность в РСФСР. Развитие и соблюдение философских принципов использования земли способствует развитию и укреплению взаимодействия человека и природы.

Abstract: The article examines the role of philosophy in the formation of land relations in the RSFSR. The main aspects and principles of philosophical concepts are analyzed. In the course of the work, it was established that philosophy contributes to the sustainable development of the earth, emphasizes its importance and value in the RSFSR. The development and observance of the philosophical principles of land use contributes to the development and strengthening of the interaction between man and nature.

Ключевые слова: философия, земельные отношения, земля, РСФСР
Keywords: philosophy, land relations, land, RSFSR

Философия имела важное значение при формировании земельных отношений в РСФСР, поскольку она определяла основные ценности и

принципы, которые помогали установить взаимосвязь между человеком и землей.

Благодаря философским принципам РСФСР была проведена аграрная реформа, целью которой было создание новой системы коллективного земледелия. Философия также способствовала формированию законодательства, который регулировало земельные отношения и обеспечивало равные права и возможности для всех граждан.

«Принятый в 1922 году Земельный Кодекс РСФСР, был в основном направлен на установление земельных отношений в сельскохозяйственной деятельности и, соответственно, развитие коллективной формы землепользования» [1].

Значение философии, в контексте формирования земельных отношений включает в себя следующие аспекты, которые представлены на рисунке 1.

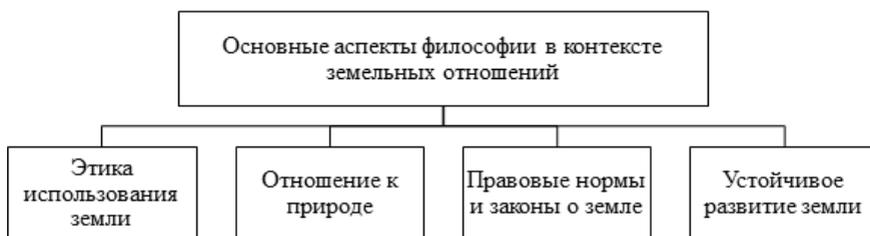

Рисунок 1 – Основные аспекты философии в контексте земельных отношений

Источник: составлено автором на основе [2-5].

Этика использования земли определяет основные права и обязанности человека в земельных отношениях. Как правило, человек несет ответственность за грамотное использование и применение земельных ресурсов.

Развитие и соблюдение философских принципов использования земли способствует развитию и укреплению взаимодействия человека и природы. Важно отметить, что «Соблюдение этических норм в отношении человека с природой обуславливается соперечиванием и уважением к другим живым существам и к пониманию сложности «земного организма» [2], поскольку признание ценности и уникальности природы позволяет сохранить ее биоразнообразие и обеспечить эффективное использование ресурсов.

Как отмечают ученые, земля является ценным и редким благом: «в состав этих редких благ входит земля и все ее естественные продукты, которые имеются в недостаточном для удовлетворения человеческих потребностей количестве», в связи с чем рациональное использование ресурсов приобретает особую актуальность [3].

«Земельное законодательство устанавливает основные принципы и концепции использования земли, отображает возможность граждан при-

нимать участие в решении вопросов, которые касаются прав на землю, а также определяет основное назначение земельных ресурсов» [4]. Задачами земельного законодательства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики являются регулирование земельных отношений в целях обеспечения рационального использования и охраны земель, создание условий для равноправного развития различных форм хозяйствования на земле, воспроизводства плодородия почв, сохранения и улучшения природной среды и охрана прав на землю граждан, предприятий, учреждений и организаций.

Устойчивое развитие земли включает в себя экономические, социальные и экологические аспекты использования земельных ресурсов. Соблюдение данных принципов позволит удовлетворять потребности не только текущего поколения, но и сохранить ресурсы для будущего. «Познание законов природы и их трансформация в социальные законы является залогом форматирования экологически благоприятного и безопасного поведения общества и его членов» [5].

Таким образом, философия играла важную роль в формировании земельных правоотношений в РСФСР, поскольку она способствовала устойчивому развитию земли, подчеркивала ее важность и ценность. Философия – это важный аспект в обеспечении благосостояния общества и в рациональном использовании ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никифорова, А. А.* Исторические аспекты становления и развития правового регулирования земельных участков в России / А. А. Никифорова, Я. Э. Черногорцева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 18 (308). – С. 300-302.
2. *Семенников, Д. В.* «Этика земли» Олдо Леопольда и ее роль в формировании экологической этики и экофилософии / Д. В. Семенников, С. Б. Кондратьева // Наука в жизни человека. – 2023. – № 3. – С. 184-189.
3. Теория ценности К. Маркса и экономическая история: [Электронный ресурс]. URL – <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24109/1/iurp-2005-34-17.pdf> (дата обращения: 28.04.2024).
4. Земельный кодекс РСФСР: [Электронный ресурс]. URL – <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102093289&backlink=1&&nd=102011236> (дата обращения: 28.04.2024).
5. *Краснова Ирина Олеговна.* От земельного кодекса РСФСР 1922 года до теории экологического права: из научного наследия О.С. Колбасова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-zemelnogo-kodeksa-rsfsr-1922-goda-do-teorii-ekologicheskogo-prava-iz-nauchnogo-naslediya-o-s-kolbasova> (дата обращения: 30.04.2024)

УДК 316.622

ГЕОБРЕНД КРЫМА: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ И ВКЛАД В ЭКОНОМИКУ

GEOBRAND OF CRIMEA: PROSPECTS FOR CREATION AND CONTRIBUTION TO THE ECONOMY

Воловский Владислав Владимирович

аспирант 1 года обучения, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

Volovskiy Vladislav Vladimirovich

1st year postgraduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Simferopol

Аннотация: В статье описывается история и значимость геобренда Крыма. Автором предложены основные принципы создания геобренда Крыма. Также в статье определено влияние геобренда Крыма на экономику региона. Рассмотрены перспективы развития геобренда Крыма.

Abstract: the article describes the history and significance of the geobrand of Crimea, the author proposes the basic principles of creating a geobrand of Crimea. The article also defines the influence of the geobrand of Crimea on the economy of the region. The author considers the prospects for the development of the geobrand of Crimea.

Ключевые слова: геобренд, Крым, экономика, геобрендинг, стратегия маркетинга.

Key words: geobrand, Crimea, economics, geobranding, marketing strategy.

В современном мире географическое положение становится не только важным фактором для развития региона, но и активно используется в качестве стратегии маркетинга. Одним из ярких примеров такого подхода является создание геобренда Крыма – полуострова, расположенного на Черноморском побережье России. Эта территория обладает уникальными природными и культурными достопримечательностями, которые делают ее привлекательной для туристов со всего мира.

Крым имеет все условия для успешной реализации концепции геобрендинга. Полуостров обладает богатым культурным наследием, а также уникальной природой: пляжами Черного моря, горами и заповедниками. Благодаря своему расположению, Крым может предложить широкий спектр туристических продуктов отдыхающим – от активного пляжного отдыха до посещения древних замков и храмов. Создание ге-

обренда поможет сделать эти особенности более видимыми для потенциальных туристов и инвесторов, что способствует развитию экономики региона [1].

Крым один из самых известных и популярных регионов России, который обладает уникальной историей и культурой. Именно поэтому создание геобренда Крыма становится важным шагом в развитии туристической индустрии и экономики региона. Геобренд Крыма представляет собой маркетинговую концепцию, позволяющую создать единый и узнаваемый имидж территории, основанный на уникальных чертах и достопримечательностях данного региона.

История геобренда Крыма восходит к древним временам. Уже в античности Крым был известен как место с высоким развитием культуры, искусства и торговли. В средние века Крым стал центром торговых и культурных связей между Европой и Востоком. Здесь проходили караванные пути, товары также доставлялись сюда через черноморские порты. В Новое время в тот или иной период Крым подпадал под власть различных государств. Здесь жили греки, татары, турки и многие другие народы. Каждая культура оставила свой след в истории Крыма, внесла свою лепту в формирование его уникального и многогранного облика. Этот многонациональный характер Крыма стал одной из ключевых черт, которая делает этот регион привлекательным для туристов со всего мира.

С появлением массового туризма, Крым стал популярным направлением для отдыха и развлечений. Прекрасные пляжи, живописные пейзажи и богатое историческое наследие привлекают толпы туристов каждый год. Однако до сих пор Крым не раскрыл весь свой туристический потенциал. Создание геобренда Крыма может стать дополнительным стимулом для развития туристической индустрии и привлечения большего количества посетителей.

Важность геобренда Крыма заключается в том, что он позволяет создать единую и узнаваемую картину Крыма как туристического направления. Он помогает выделить уникальные черты и достопримечательности региона и представить их в наиболее выгодном свете. Кроме того, геобренд Крыма способствует формированию благоприятного имиджа для бизнеса и инвестиций, стимулирует развитие местной экономики [2].

Создание геобренда Крыма требует либерального подхода и широкого согласия всех заинтересованных сторон – представителей бизнеса, правительства и населения. Важно учесть, что геобренд не должен ограничиваться только туризмом, но также должен включать и другие сферы экономики, такие как сельское хозяйство, производство и инфраструктуру. Крымские вина, экологически чистые продукты и развитие энергетической отрасли могут стать отличной основой для формирования геобренда.

Геобрендинг является одной из эффективных стратегий развития территории и становления ее имиджа. Обладая богатым природным и культурным наследием, а также уникальными туристическими возможностями, Крым имеет потенциал стать привлекательным геобрендом. Однако, для успешного создания и продвижения геобренда Крыма необходимо учитывать ряд основных принципов [3].

Первым принципом создания геобренда Крыма является уникальность. Крым обладает множеством уникальных особенностей, которые отличают его от других регионов. Большое разнообразие природных ландшафтов, исторические и культурные памятники, традиции и обычаи местного населения – все это делает Крым уникальным и привлекательным для туристов и инвесторов. Геобренд Крыма должен основываться на этих уникальных особенностях и подчеркивать их ценность.

Второй принцип – аутентичность. Геобренд Крыма должен быть основан на аутентичных исторических, культурных и природных объектах региона. Это обеспечит уникальность и подлинность бренда, а также поможет привлечь туристов, которые ищут неповторимые и оригинальные впечатления. Однако, для сохранения аутентичности, необходимо бережно относиться к природным и культурным ресурсам Крыма и развивать их в рамках устойчивого туризма.

Третий принцип – стабильность и доверие. Успешный геобренд требует стабильности и доверия со стороны потребителей. Важно, чтобы Крым создал и поддерживал благоприятную и надежную деловую среду, а также обеспечивал безопасность туристов. Это включает в себя обеспечение безопасности на дорогах, в гостиницах и других объектах инфраструктуры, а также защиту от преступности. Только в такой ситуации можно рассчитывать на долгосрочное доверие потребителей и развитие геобренда Крыма.

Четвертый принцип – инновации и современность. Геобренд Крыма должен быть ориентирован на современные тенденции и потребности целевой аудитории. Это включает в себя развитие инновационных технологий и сервисов, использование цифровых маркетинговых инструментов, а также создание комфортной и современной инфраструктуры для туристов и бизнеса. Важно не только поддерживать старые туристические маршруты и объекты, но и создавать новые и интересные возможности для посетителей.

Пятый принцип – сотрудничество и партнерство. Успех геобренда Крыма зависит от эффективного сотрудничества различных заинтересованных сторон. Это включает в себя государственные и муниципальные органы власти, бизнес-сообщество, местное население и другие стороны. Важно наладить диалог и взаимодействие между всеми заинтересованными сторонами, чтобы разработать и реализовать совместные проекты по созданию и продвижению геобренда Крыма.

Геобрендинг – это стратегия маркетинга, которая призвана создать уникальный образ и узнаваемость определенного географического реги-

она. Создание и развитие геобренда может оказать значительное влияние на экономику региона, включая привлечение туристов, инвестиций и развитие местных отраслей экономики. В случае Крыма, особенно после присоединения к Российской Федерации, геобрендинг стал одним из составляющих элементов политики развития и продвижения региона.

Первое, что следует отметить, это значительный потенциал Крыма как туристического направления. Крым славится своими красивыми пляжами, уникальной природой и богатым культурным наследием [4].

Кроме того, геобрендинг может способствовать развитию местных отраслей экономики и привлечению инвестиций. Создание представления о Крыме как инвестиционно привлекательном регионе может побудить иностранных инвесторов, а также местных предпринимателей, к вложению средств в различные сектора экономики. Для этого необходимо проводить масштабные инвестиционные форумы, показывать потенциал региона в различных отраслях, фокусироваться на его конкурентных преимуществах. К тому же, с помощью геобренда можно формировать образ региона, как места, предоставляющего выгодные условия для бизнеса, инновационного развития и использования новых технологий. Таким образом, геобрендинг способствует развитию местной экономики, созданию новых рабочих мест и укреплению конкурентоспособности региона.

Важно отметить, что геобренд Крыма должен быть уникальным и отличаться от других регионов. В фокусе должны быть уникальные особенности Крыма, такие как его история, культура, национальные ценности, природные и исторические достопримечательности. Геобренд Крыма должен быть способен вызывать эмоциональную привязанность к региону, а также ассоциации с качеством, эксклюзивностью и неповторимостью. Геобренд должен быть разработан на основе исследования рынка и потенциальной аудитории, чтобы учитывать их интересы и предпочтения [1].

Создание и развитие геобренда Крыма может иметь значительное влияние на экономику региона. Привлечение большего числа туристов, развитие сферы обслуживания, привлечение инвестиций и развитие местных отраслей экономики – все это может способствовать устойчивому экономическому росту региона. Однако, для достижения успеха в этом направлении, необходимо проведение комплексных мероприятий, включающих создание узнаваемого образа региона, продвижение туристических возможностей и инвестиционных перспектив, а также формирование положительного имиджа Крыма. Правильная стратегия геобрендинга и его реализация могут стать важным шагом на пути к достижению этих целей.

В заключение, развитие геобренда Крыма имеет огромный потенциал для экономики региона. Создание уникального и привлекательного

имиджа, ориентированного на различные сегменты туристов и инвесторов, поможет привлечь внимание и средства в регион. Кроме того, геобренд Крыма может стать инструментом формирования положительного образа региона, привлекая активных туристов, интересующихся не только пляжным отдыхом, но и готовых узнавать о культуре и природе Крыма. Поэтому важно разработать и продвигать геобренд Крыма, чтобы реализовать его огромный потенциал и создать основу для устойчивого экономического развития региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова И. Ю.* Оценка конкурентоспособности геобренда города: проблема выбора методологии исследования // Вестник ГУУ. 2023. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-konkurentosposobnosti-geobrenda-goroda-problema-vybora-metodologii-issledovaniya> (дата обращения: 20.03.2024).
2. *Жеребенко А.В.* Культурный код Алтая как ресурс продвижения региона // РРИМРА. 2021. №25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-altaya-kak-resurs-prodvizheniya-regiona> (дата обращения: 19.03.2024).
3. *Логунцова И.В., Крушина К.Д.* Особенности формирования туристских геобрендов регионов России (на примере ивановской и тамбовской областей) // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. №86. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-turistskih-geobrendov-regionov-rossii-na-primere-ivanovskoy-i-tambovskoy-oblastey> (дата обращения: 22.03.2024).
4. *Пьянкова С.Г., Митрофанова И.В., Ергунова О.Т.* Геобрендинг как драйвер развития региона в условиях нестабильности // Экономика. Информатика. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geobrending-kak-drayver-razvitiya-regiona-v-usloviyah-nestabilnosti> (дата обращения: 18.03.2024).

ИНТЕЛЛЕКТ КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК БОГАТСТВА INTELLIGENCE AS A NEW SOURCE OF WEALTH

Волкова Елена Сергеевна

аспирант 1 курса, направление подготовки «Региональная экономика» Института экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Volkova Elena Sergeevna

*1st year Postgraduate student, 5.2.3. Regional economy
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

Аннотация: В статье рассмотрены источники формирования богатства в разные периоды жизни общества. Богатство рассматривается как результат труда, полученный путем применения основных факторов производства – труд, земля, капитал. Предложен новый фактор производства – интеллект. На основе анализа списка богатейших людей мира определена сфера формирования богатства в период четвертой промышленной революции.

Abstract: The article reviews wealth formation sources in different periods of human lifecycle. Wealth is considered as a result of work, received with deployment of basic resources – labor, land, capital. Intellect is given as a new factor of production. Sphere of wealth creation in the period of 4th industrial revolution based on the analysis of TOP richest people of the world is determined.

Ключевые слова: факторы производства, богатство, промышленная революция, массивы данных.

Keywords: factors of production, industrial revolution, wealth, big data.

В процессе эволюции человека и жизни на Земле постоянно происходят изменения в укладе жизни, технологиях, но неизменным остается стремление большинства людей жить богато. Богатство как феномен позволяет не просто не думать о насущных средствах к существованию, но и реализовывать самые смелые мечты и идеи. Процветание нации зависит от личного финансового благосостояния каждого человека.

Жан-Батист Сэй разработал теорию трех факторов производства: труд, земля, капитал. Немецкий экономист и философ XIX в. Карл Маркс выделял личный и вещественный факторы производства, при этом в качестве личного фактора выступает сам человек, как носитель рабочей силы, а под вещественным фактором производства подразумеваются средства производства, которые в свою очередь состоят из средств труда и предметов труда. Богатство формируется как результат труда. При этом, если

проследить кто был самым богатым человеком в мире с древних времен до наших дней, увидим определенную закономерность, которая связана с наличием факторов производства во временных периодах.

В древние времена большинство состояний формировалось династически и увеличивалось в период правления. К примеру, в соответствии с рейтингом журнала Time богатейшими были: Чингисхан (без оценки суммы), китайский император Шэнь-цзун (без оценок суммы) и римский правитель Октавиан Август, а также российский император Николай II (условная оценка капитала 300-900 млрд. дол. США). В данном случае у правителей были такие факторы производства как земля и человеческие ресурсы (использовался труд рабов и крепостных крестьян).

Новая страница в истории формирования крупнейших состояний началась в период промышленных революций во второй половине 18 века. Первая промышленная революция длилась с 1760-х по 1840-е годы. Её пусковым механизмом стало строительство железных дорог и изобретение парового двигателя, что способствовало развитию механического производства. Вторая промышленная революция, начавшаяся в конце 19 века, привела к возникновению массового производства благодаря распространению электричества и внедрению конвейера. Третья промышленная революция или как ее называют «компьютерная» или цифровая революция привнесла в нашу жизнь использование персональных компьютеров и сети Интернет [2, с.18].

В промышленную эпоху сформировалось состояние промышленных магнатов, которые владели капиталом в виде производственных мощностей. Генри Форд основал FordMotorCompany, сделав автомобиль доступным для большинства американцев. Чистый капитал составлял 200 млрд. долларов. Корнелиус Вандербильт поднялся из бедняков до богатейших людей планеты благодаря судоходству и развитию железных дорог. Джон Рокфеллер стал одним из богатейших американцев в истории, взяв под свой контроль недавно зародившуюся нефтяную промышленность. Его компания «Standard Oil» стала самым крупным нефтеперерабатывающим заводом в стране. На момент смерти его состояние оценивалось в 340 млрд. долларов. Эндрю Карнеги создал самую крупную стальную империю в мире. В 1901 году он продал CarnegieSteelCompany Дж. П. Моргану за 480 млн. долларов США, что составляет по текущим ценам около 310 млрд. долларов США.

Особняком в истории формирования богатства стоит династия Ротшильдов, занимавшаяся открытием банков во Франкфурте-на-Майне, Вене, Лондоне. В настоящее время состояние составляет 20 триллионов долларов США.

В период промышленных революций процесс получения дохода состоял из последовательных этапов запуска производства, масштабирования, отлаживания процессов и получение максимального эффекта от объемов.

Новый этап начался в эпоху развития технологий с появлением «вездесущего» и мобильного интернета, миниатюрных производственных устройств, стоимость которых постоянно уменьшается, искусственного интеллекта и обучающихся машин. В этот период начали появляться технологические корпорации, ярким примером которых являются компании Microsoft и Apple. Основой развития технологических компаний стали знания, а важнейшими качествами миллиардеров стали скорость мышления, креативность, открытость новым нестандартным решениям. Следовательно, к трем базовым факторам производства: труду, земле, капиталу добавился новый фактор – интеллект, разум, идеи.

С развитием технологий значительно сократился процесс производства, принятия управленческих решений и реализации инноваций. Банковский сектор и финансовые рынки обеспечили приток капитала для компаний в кратчайшие сроки, что, в свою очередь, привело к росту благосостояния владельцев корпораций. К примеру, компания Apple была зарегистрирована в начале 1977 года, и уже в конце 1980-го провела IPO, что сделало миллионерами около 300 человек из числа работников и инвесторов компании, а Стив Джобс получил 217 млн. долларов США.

Проанализировав список ТОП-20 списка Forbes, увидим, что 7 из 20 позиций (35%) богатейших людей занимают владельцы технологических компаний (Google, Facebook, Microsoft). Это подтверждает сделанный ранее вывод: ключевым элементом в формировании богатства становится умение следовать инновациям, креативно решать задачи, разрабатывать новые продукты и грамотно позиционировать их на рынке, а также умение собрать вокруг себя «smartbrain». Ускорение ритма жизни привело к формированию нового источника дохода – автоматизации и ускорению привычной жизни человека, а именно – передвижение (создание такси Uber, Airbnb) и покупки (доставка продуктов питания и товаров – Amazon, Wildberries, Ozon). К ключевым факторам производства добавилась необходимость умения быстро масштабировать бизнес, формировать и удерживать долю рынка.

Цифровые технологии, основанные на аппаратном и программном обеспечении и сетях, уже не являются новшеством, но приводят к трансформации общества, глобальной экономике и началу четвертой промышленной революции. Большой объем информации, так называемых Больших Данных («BigData»), который ежедневно аккумулируется в сети интернет, на государственных ресурсах разных уровней, социальных сетях, аналитике данных поисковых систем пользователей, позволяет управлять миром: формировать необходимое мнение, управлять поведением, спросом на товары и услуги.

Натан Ротшильд сказал «кто владеет информацией, владеет миром» еще в 1815 году, но высказывание особо актуально сегодня. Управление

большим массивом оцифрованной информации позволит управлять миром в любой сфере деятельности, поэтому считаю, что самыми богатыми станут люди, умеющие формировать и анализировать BigData. Результаты позволят не только оперативно принимать решения в любых сферах деятельности, но и управлять другими людьми, что в свою очередь, обогатит социальные противоречия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Как Джон Д. Рокфеллер стал первым миллиардером: от монополии до краха (kulturologia.ru)[Электронный ресурс] <https://kulturologia.ru/blogs/181122/54777/?ysclid=lu7fnnq4hy359385293> (дата обращения: 25.03.2024).
2. Клейсон Дж. Самый богатый человек в Вавилоне / Дж. Клейсон; пер. с англ. С.Э. Борич. – 6 издание – Минск: Попурри, 2018. – 160 с.
3. На пути к миллиардам: как люди делали состояния в разные эпохи | [Электронный ресурс] <https://www.forbes.ru/milliardery/samyebogatye-lyudi-mira358121-na-puti-k-milliardam-kak-lyudi-delali-sostoyaniya-v?ysclid=lu7bkr3hrk725671338> Forbes.ru (дата обращения: 25.03.2024).
4. Шваб Клаус Четвертая промышленная революция: [перевод с английского] Клаус Шваб. – Москва: Издательство «Эксмо», 2018. – 288 с.
5. Forbes Billionaires 2023: The Richest People In The World [Электронный ресурс] <https://www.forbes.com/billionaires/#version:static> (дата обращения: 25.03.2024).
6. Rothschild Family and their Secret Wealth – Net Worth Club 2024 (caclubindia.com) [Электронный ресурс] <https://www.cacubindia.com/wealth/rothschild-family-net-worth-forbes/> (дата обращения: 25.03.2024).

УДК 332.012.

**ЭТИКА ДЕВЕЛОПМЕНТА: СОЦИАЛЬНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КРЫМСКИХ ЗАСТРОЙЩИКОВ****ETHICS OF DEVELOPMENT: SOCIAL RESPONSIBILITY
OF CRIMEAN DEVELOPERS***Хищенко Сергей Андреевич**Аспирант, 1-й курс, Институт экономики и управления
ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», г. Симферополь****Khishchenko Sergei Andreevich****Graduate student, 1st year, Institute of Economics and
Management V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol*

Аннотация: В современном мире концепция корпоративной социальной ответственности (КСО) становится все более значимой для бизнеса. В статье на примере ведущих строительных компаний Республики Крым анализируется применение КСО в реальной деятельности. Исследование выявляет, что, хотя некоторые компании декларируют свою приверженность КСО, не всегда реализуемые ими инициативы соответствуют этой концепции. Статья поднимает важные вопросы об этической стороне бизнеса и его роли в решении социальных проблем.

Abstract: In the modern world, the concept of corporate social responsibility (CSR) is becoming increasingly important for businesses. Using the example of the leading construction companies of the Republic of Crimea, the article analyses the application of CSR in real life. The study reveals that although some companies declare their commitment to CSR, their initiatives do not always correspond to this concept. The article raises important questions about the ethical side of business and its role in solving social problems.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность (КСО) строительная компания, явная КСО, неявная КСО, социальный проект, экологичные технологии, этика бизнеса.

Keywords: corporate social responsibility (CSR) construction company, explicit CSR, implicit CSR, social project, eco-friendly technologies, business ethics.

На сегодняшний день концепция корпоративной социальной ответственности получила значительное распространение. По мере того, как компании стремятся найти баланс между прибыльностью и социальной ответственностью, становится важным проанализировать и понять эту концепцию. Настоящее эссе направлено на исследование практик приме-

нения концепции корпоративной социальной ответственности (КСО) в ведущих строительных компаниях, осуществляющих свою деятельность на территории Республики Крым. Для начала считаем необходимым раскрыть это понятие.

Корпоративная социальная ответственность (КСО) стала общеупотребительным термином в современном обществе и относится к одному из процессов, посредством которых организация выражает и развивает свою «корпоративную культуру» в общественном сознании. КСО стала настолько важной, что многие организации провели ребрендинг своих основных ценностей, включив в них социальную ответственность. КСО в широком смысле основана на понимании того, что бизнес является частью общества.

Было предложено множество определений КСО, но фундаментальная проблема в области КСО заключается в том, что до сих пор не дано четкого, общепринятого определения понятия и нет консенсуса относительно идеального значения КСО, что затрудняет его измерение.

К примеру, Ховард Боуэн, которого считают основоположником теории КСО, предложил такое его определение: «обязательство бизнесменов проводить такую политику, принимать такие решения или следовать тем линиям действий, которые желательны с точки зрения целей и ценностей нашего общества» [13].

В свою очередь современные отечественные исследователи концепции КСО, в частности, доктор философских наук Хоружая С. В., приводит такое определение КСО: «корпоративная социальная ответственность – это стратегический подход к управлению бизнесом, который включает в себя заботу о благосостоянии сотрудников, клиентов и общества в целом» [11].

Таким образом, можно рассматривать КСО как концепцию, в рамках которой «управление организацией осуществляется с осознанием ответственности менеджмента перед стейкхолдерами: государством – бизнесом (сотрудники, клиенты, поставщики) – обществом (местное население)» [12].

Также стоит разделять КСО на два вида: явную (добровольную) и неявную (принудительную). Первый вид предполагает принятие открытой позиции в отношении своих социальных обязательств перед обществом и необходимости их выполнения, что достигается прежде всего через добровольное участие бизнеса в решении социальных проблем общества. Второй вид КСО (скрытая) включает в себя участие бизнеса в разнообразных формальных и неформальных институтах, что проявляет себя в наложении на организации требований в виде норм, ценностей и правил, которые подталкивают бизнес учитывать интересы всех заинтересованных сторон в своей деятельности.

Эволюционно концепция КСО движется от скрытой к явной. Всё больше организаций действительно начинают осознавать и принимать свою ответственность перед своими сотрудниками, местным населением

и обществом в целом, а также государством. В Республике Крым пока же наблюдается преобладание скрытой КСО, особенно в сегменте малого и среднего бизнеса. По сути, это соблюдение норм трудового и экологического права. Поэтому для исследования мы рассмотрим ведущие строительные компании, которые следуют концепции явной КСО.

Так, в сфере строительства можно выделить группу компаний «Монолит», которая называет себя «первая крымская строительная компания, которая активно развивает социальную ответственность и внедряет ценности заботы и надежности на системной основе» [9]. Стоит отметить, что в сфере строительства концепция КСО имеет огромное значение, ведь продукты деятельности организаций из этой сферы буквально повсеместно окружают нас. Здесь важен и выбор компанией конкретных строительных материалов и технологии строительства, даже дизайна и архитектуры зданий, не говоря уже о влиянии строительной отрасли на экономический рост в целом, и большое количество занятых людей в отрасли, в частности.

Вернёмся к компании «Монолит». На их сайте мы можем найти информацию о следующих проектах, которые реализует компания [9]:

1) Проект «Экомон», в рамках которого проводятся экологические уроки в общеобразовательных учреждениях и осуществляется сбор батареек с целью их дальнейшей переработки. В 2017 году проект был признан лучшим во Всероссийском студенческом конкурсе «Хрустальный Апельсин».

2) ГК «Монолит» сотрудничает и оказывает спонсорскую поддержку Федерации тайского бокса Республики Крым, а также профессиональному футбольному клубу «Кызылташ».

3) Сотрудники компании участвуют в донорских акциях, в частности, акциях БФ «Добро мира – Волонтеры Крыма», направленных на спасение пациентов «Ожогового центра».

4) ГК «Монолит» поддерживает подопечных Крымской региональной общественной организации общественного контроля, защиты прав незащищенных слоев населения и граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации «Жизнь в твоих руках», а также благотворительный фонд «Добро мира – Волонтеры Крыма». Также с 2016 года компания оказывает помощь ГБУ «Республиканский социально-реабилитационный Центр для несовершеннолетних», а с 2017 года активно поддерживает ГБУ РК «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями».

В новостных сводках можно найти и другие социальные проекты, в которых участвует «Монолит». Например, акция по помощи в подготовке к школе детей из неполных и попавших в трудную жизненную ситуацию семей [1]. Также подобные акции проводятся компанией в преддверии

праздничных дней в течение года: Новый год, День защиты детей. Есть также проекты по продвижению Республики Крым: фотопроект «Любим Крым» и ежегодное издание фото-книги о Крыме» [3]. Ещё можно отметить корпоративную дисконтную программу «Наша среда», в рамках которой сотрудники и клиенты ГК «Монолит» могут воспользоваться различными бонусами от компаний-партнёров (сертификаты, скидки на товары и услуги, бесплатное участие в партнерских мероприятиях) [4]. В сфере искусства и урбанистики компания создаёт арт-пространства около торговых центров, в сфере образования – программы повышения квалификации сотрудников [2].

В сфере же использования строительных материалов и технологии строительства, дизайна и архитектуры зданий отметить у «Монолита» нечего, за исключением элементов неявной КСО: соблюдение СНиП (строительных норм и правил), выполнение договоров комплексного развития территорий, строительство более энергоэффективных домов и др.

Теперь рассмотрим ещё одного застройщика – лидера по объёму текущего строительства в Республике Крым – ГК «ИнтерСтрой». Данная компания, как и ГК «Монолит», уделяет немалое внимание социальной ответственности. На сайте компании «ИнтерСтрой» в разделе «О компании» есть отдельный блок «Социальная ответственность», где описывается участие застройщика в государственной программе «Жилье для российской семьи» (что является скорее примером неявной КСО) [6]. Также для оказания помощи незащищенным слоям населения был организован Благотворительный фонд социально-ориентированного бизнеса. «ИнтерСтрой» передаёт квартиры на социальные нужды, участвует в расселении крымчан из аварийного жилья [10]. В итогах 2023 года компания пишет про социальную ответственность: «Досрочный ввод домов в эксплуатацию, торжественные открытия жилых комплексов, старты масштабных проектов, адресная помощь детям, ветеранам, участие в различных социальных проектах, организация семейных праздников во дворах многоквартирных домов» [7]. Отдельно хотелось бы выделить досрочный ввод в эксплуатацию. Действительно, есть проблема переносов срока сдачи многоквартирных домов некоторыми застройщиками Республики Крым, в том числе и ГК «Монолит». Но всё же эта проблема не массовая, и её решение – это всего лишь соблюдение законных прав участников долевого строительства.

Что касается технологии и материалов строительства, то «ИнтерСтрой» на своём сайте отмечает, что «трудится для создания качественных объектов недвижимости, отвечающих самым передовым требованиям и стандартам качества застройки» [6], без каких-либо уточнений и фактов, подтверждающих руководство компанией в этом вопросе принципами именно явной КСО.

Между тем, ГК «ИнтерСтрой» была удостоена в 2023 году второй год подряд наградой Золотой Знак общественного контроля «Надежный за-

стройщик России» «за высочайшие достижения в области соблюдения законных прав и интересов участников долевого строительства на территории Республики Крым и города Севастополь» [7].

Рассмотрим следующих застройщиков по объему текущего строительства в Республике Крым: ГК «Интеллект» и ГК «СКГ». У этих компаний дела с КСО намного хуже. Либо с её публичным представлением. Если у ГК «Интеллект» получилось найти хотя бы декларирование следования в своей идеологии девелопмента принципам концепции КСО: «главная ценность – это благополучие людей», «реализация социальной нагрузки в нуждах каждого проекта» [5] и др., организует спортивные турниры, а также есть элементы корпоративной культуры, то у ГК «СКГ» в публичном поле можно отметить только комплексное развитие территорий (жилой комплекс «Жигулина Роща», строительство объектов туристической инфраструктуры [8]).

Таким образом, можно отметить, что у двух из четырёх строительных компаний, лидеров по объёму текущего строительства, есть набор реализуемых проектов в различных направлениях, но есть недостаток в проектах, соответствующих концепции явной КСО, особенно в сфере выбора и применения «социальных» и экологических технологий строительства и строительных материалов. У двух других рассмотренных компаний имеется явный недостаток применения в управлении практик, основанных на концепции КСО, либо освещения таких практик в средствах массовой информации, социальных сетях и сети Интернет в целом.

В заключение следует отметить, что концепции корпоративной социальной ответственности являются важнейшими компонентами ответственного и этичного ведения бизнеса. Поскольку мир сталкивается с такими насущными проблемами, как изменение климата и социальное неравенство, крайне важно, чтобы организации внедряли методы управления, основанные на концепциях корпоративной социальной ответственности и устойчивого развития. Интегрируя принципы данных концепций в свою деятельность, компании могут не только защитить окружающую среду, но и улучшить свою репутацию, привлечь клиентов и стимулировать инновации. Кроме того, благодаря инициативам корпоративной социальной ответственности организации могут вносить позитивный вклад в общество, решая социальные проблемы и поддерживая местные сообщества. В конечном счете, принятие концепции КСО является не только моральным императивом, но и стратегическим преимуществом для бизнеса в современном социально сознательном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Монолит» помог собрать крымских детей в школы в рамках развития социальной ответственности // Сетевое издание «Крымформ». – URL: <https://www.c-inform.info/news/id/68848>(дата обращения: 20.04.2024). – Режим доступа: свободный.
2. «Монолит» развивает в Крыму корпоративную социальную ответственность (12 окт. 2020 г.) // Группа компаний Монолит: канал на «Rutube»– URL: <https://rutube.ru/video/c0529028b3b8c871bce7e954bab7e31b/>(дата обращения: 20.04.2024).– Режим доступа: свободный.
3. Мы социально ответственные! // Монолит. Квартиры в Крыму: группа во «ВКонтакте».– URL: https://vk.com/wall-117755543_3334(дата обращения: 20.08.2020). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
4. Наша среда: Корпоративная дисконтная программа «Наша среда»: сайт. URL: <https://monolitspace.ru/>(дата обращения: 20.04.2024).
5. О компании: Группа компаний «Интеллект»: сайт. URL: <https://gk-intellect.ru/about>(дата обращения: 23.04.2024).
6. О компании: КомпанияИнтерСтрой: официальный сайт. URL: <https://интерстрой.рф/page/company>(дата обращения: 22.04.2024).
7. Ребрендинг, выход на федеральный уровень: итоги года ГК «ИнтерСтрой»: // КомпанияИнтерСтрой: официальный сайт. – URL:<https://интерстрой.рф/news/interstroitoigi> (дата обращения: 22.04.2024). – Режим доступа: свободный.
8. РНКБ и ООО «СКГ «Парк» подписали соглашение о строительстве туристического объекта «Крым Наш Парк» на 120 млрд рублей// Сетевое издание «МК в Питере». – URL: <https://spb.mk.ru/social/2023/06/15/rnkb-i-ooo-skg-park-podpisali-soglashenie-o-stroitelstve-turisticheskogo-obekta-krym-nash-park-na-120-mlrd-rublej.html>(дата обращения: 23.04.2024). – Режим доступа: свободный.
9. Социальная ответственность: Группа компаний Монолит: сайт. URL: <https://monolit.site/company/responsibility/> (дата обращения: 20.04.2024).
10. Социальная ответственность «ИнтерСтрой»: расселение из аварийного жилья в Крыму значительно ускорилось// Портал «Единый ресурс застройщиков». – URL: <https://erzrf.ru/news/sotsialnaya-otvetstvennost-interstroy--rasseleniye-iz-avariynogo-zhilya-v-krymu-znachitelno-uskorilos?regions=>(дата обращения: 22.04.2024). – Режим доступа: свободный.
11. Хоружая С.В. Корпоративная социальная ответственность бизнеса как инструмент повышения справедливости в обществе / С. В. Хоружая, А. П. Тихомиров, Е. А. Черкалин//Естественно-гуманитарные исследования. – 2023. – № 3(47). – С. 476-480. – EDN FMPQAG.
12. Ячменева В.М. Сущность понятия «корпоративная социальная ответственность организации» / В. М. Ячменева, С. А. Хищенко // Проблемы информационной безопасности социально-экономических систем: Труды X Международной Юбилейной научно-практической конференции, Симферополь ¾ Гурзуф, 15–17 февраля 2024 года. – Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2024. – С. 92-94. – EDN DIZVQT.
13. Bowen K.R. Social Responsibilities of the Businessman / K.R. Bowen. – N.Y.: Harper & Row, 1953. – P. 36-42.

УДК 316.334.2.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И МОНОПОЛИЙ

SOCIAL CONSEQUENCES OF INTERACTION AUTHORITY AND MONOPOLY

Пошеченков Павел Сергеевич

*аспирант Института экономики и управления ФГАОУ ВО
«КФУ имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия*

Poshechenkov Pavel Sergeevich

*Graduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky
University*

Аннотация: В статье проводится анализ влияния власти и монополий на общество, выявляются социальные последствия этого воздействия с философской точки зрения. Рассматриваются формы взаимодействия между властью и монополиями, а также их влияние на экономику, социум и политические процессы.

Abstract: The article examines the influence of power and monopolies on society, identifying the social consequences of this interaction and considering them from a philosophical standpoint. Various forms of interaction between power and monopolies are discussed, along with their impact on the economy, society, and political processes.

Ключевые слова: власть, монополии, социальные последствия, философский анализ, решения.

Keywords: authority, monopolies, social consequences, philosophical analysis, solutions.

В современном обществе взаимодействие власти и монополий становится все более значимым и оказывает существенное влияние на социальные процессы. Эта проблема особенно актуальна в контексте современной экономики, где корпоративные гиганты и политические элиты играют ключевую роль в формировании правил игры и распределении ресурсов. Вопросы о том, как власть воздействует на деятельность монополий, и наоборот, как монополии могут влиять на принятие решений в политической сфере, становятся все более острыми.

Данная проблема приводит к ряду серьезных вопросов, таких как угроза демократическим принципам, рост социального неравенства, ограничение свободы выбора и ограничение конкуренции. В свете этих вызовов становится ясной необходимость в философском анализе и по-

нимании взаимодействия между властью и монополиями, а также социальных последствий этого процесса.

Объектом исследования является взаимодействие власти и монополий в современном обществе.

Предметом исследования являются социальные последствия этого взаимодействия и их философское осмысление.

Целью данной работы является рассмотрение социальных последствий взаимодействия власти и монополий с философской точки зрения. В данной статье проанализируем, как эти два феномена влияют на структуру общества, его ценности и развитие.

В соответствии с поставленной целью определим задачи исследования:

- 1) изучить сущность власти и монополий в экономическом и социальном контекстах;
- 2) выявить ключевые аспекты взаимодействия власти и монополий и их влияние на общество;
- 3) философски осмыслить и проанализировать социальные последствия этого взаимодействия;
- 4) предложить возможные пути решения проблем, связанных с влиянием власти и монополий на общество.

Для анализа взаимодействия власти и монополий были использованы методы философского анализа, включая рассмотрение проблемы через призму социальной справедливости, свободы и демократии.

Изучение сущности власти и монополий в экономическом и социальном контекстах является первоочередной задачей нашего исследования. Власть – это контроль над людьми, группами или обществом в целом. В экономическом контексте власть может проявляться через монополистическое контролирование ресурсов, рынков или технологий, что дает возможность диктовать условия и цены, влиять на законодательство и политику, а также определять курс социального и экономического развития. В социальном аспекте власть обычно ассоциируется с иерархическими структурами, где некоторые группы или индивиды обладают большим влиянием и привилегиями, в то время как другие находятся в подчиненном положении [3].

Монополии, с другой стороны, представляют собой ситуацию на рынке, когда один продавец контролирует значительную часть или даже всю долю рынка продукта или услуги. Они могут возникать из-за экономических преимуществ, таких как экономии масштаба или контроль над ресурсами, но также могут быть результатом недостаточной конкуренции. Монополии имеют способность устанавливать цены на свои товары или услуги без опасения существенного воздействия со стороны конкурентов. Это может привести к потребительскому ущербу, а также к снижению инноваций и качества продуктов [4].

Исследование сущности власти и монополий включает в себя анализ их экономических механизмов функционирования, включая механизмы формирования цен, распределения ресурсов и конкуренции на рынке. Это исследование также включает в себя анализ социальных и политических последствий этих феноменов, таких как социальное неравенство, угроза демократии и ограничение свободы выбора. Понимание сущности власти и монополий важно для определения их роли в современном обществе и разработки стратегий, направленных на уменьшение их негативного влияния и поощрение конкуренции, инноваций и социальной справедливости.

Выявление ключевых аспектов взаимодействия власти и монополий, а также их влияния на общество, является важным аспектом данного исследования. Это позволит понять, как взаимодействие между этими двумя феноменами формирует социальные отношения и структуры, и какие последствия это может иметь для общества в целом.

Взаимодействие власти и монополий проявляется в различных формах и на различных уровнях. С одной стороны, власть может использовать свое влияние для поддержки и защиты монополий, например, через законодательные решения, субсидии или лоббирование. Это может приводить к укреплению позиций монополий на рынке и снижению конкуренции, что в свою очередь может привести к повышению цен, снижению качества продуктов и услуг, а также ограничению выбора для потребителей [1].

С другой стороны, монополии также могут оказывать влияние на власть, используя свои ресурсы и значимость для формирования политических решений и создания благоприятной среды для своей деятельности. Это может происходить через финансирование кампаний, работу в правительственных комитетах или даже непосредственное влияние на политических деятелей. Такое взаимодействие может приводить к нарушению принципов демократии, а также к снижению прозрачности и открытости в принятии решений.

Влияние этого взаимодействия на общество ощущается на разных уровнях. Экономически это может привести к снижению эффективности рынка, увеличению неравенства доходов и ограничению возможностей предпринимателей и малых компаний. Социально это может вызывать недовольство и протесты, особенно среди тех, кто страдает от повышенных цен и ограниченного доступа к услугам. Политически это может подрывать доверие к институтам власти и вызывать сомнения в их независимости и честности.

Проанализировать социальные последствия взаимодействия власти и монополий с точки зрения философии предполагает рассмотрение этой

проблемы в контексте философских концепций и идей о справедливости, свободе, равенстве и демократии.

С философской точки зрения, взаимодействие власти и монополий часто анализируется через призму социальной справедливости. В контексте власти и монополий, справедливость часто подвергается сомнению из-за неравного доступа к ресурсам и возможностям, что может приводить к социальному неравенству и ущемлению интересов менее защищенных слоев общества [2].

Свобода также играет важную роль в философском анализе социальных последствий взаимодействия власти и монополий. Влияние монополий и сосредоточение власти в их руках может угрожать свободе выбора и конкуренции на рынке, что ограничивает индивидуальные свободы.

Демократия также становится важным аспектом философского анализа. Взаимодействие власти и монополий может угрожать демократическим институтам и процессам, ограничивая участие граждан в принятии решений и создании правил игры.

В целом, философский анализ социальных последствий взаимодействия власти и монополий помогает глубже понять эти явления и их влияние на общество. Он позволяет выявить противоречия между идеалами справедливости, свободы и демократии, и реальными условиями жизни в обществе, что может стать основой для разработки этически обоснованных стратегий решения проблем, связанных с властью и монополиями [3]. Рассмотрим возможные пути решения данных проблем.

1. Укрепление антимонопольного законодательства. Расширение и ужесточение законодательства о монополиях может помочь предотвратить формирование и укрепление монопольных позиций на рынке (более жесткие ограничения на слияния и поглощения компаний, а также более эффективные механизмы контроля за деятельностью монополий).

2. Повышение прозрачности и открытости. Усиление прозрачности в деятельности монополий и власти может уменьшить возможность злоупотреблений и коррупции (через обязательное публичное раскрытие информации о деятельности компаний и политических решениях, через улучшение механизмов контроля со стороны общественности).

3. Создание стимулов к конкуренции и инновациям. Поощрение конкуренции на рынке может снизить влияние монополий и стимулировать развитие новых технологий и услуг (поддержка малых и средних предприятий, снижение барьеров к входу на рынок, программы стимулирования инноваций и исследований).

4. Усиление роли государства. Государственные институты могут играть важную роль в контроле за деятельностью монополий и в обеспечении социальной справедливости (усиление регулирования рынка, поддержка альтернативных форм собственности и

управления, создание механизмов социального контроля за деятельностью монополий).

Такие пути решения могут быть эффективными только при комплексном подходе и с учетом конкретных условий и потребностей каждого общества. Важно также обеспечить широкое обсуждение и участие различных заинтересованных сторон в процессе разработки и реализации реформ, чтобы обеспечить их легитимность и эффективность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батчаев М. Х.-К.* Механизмы взаимодействия государства и монополии в развитых странах // Мир науки, культуры, образования. № 3 (52). 2015. С. 230 – 232.
2. *Ершова Е.В., Чередниченко И.А., Филиппова Т.А.* Экономические и социальные последствия существования монополий // Сборник научных статей 7-ой Международной научно-практической конференции. 2017. С. 108 – 111.
3. Монополия: искаженная экономическая ценность: влияние монопольной власти [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/39hXgv> (Дата обращения 27.03.2024)
4. *Черемин Г. Д.* Монополия как инструмент власти // ВЛАСТЬ. 2012. №. 10. С. 125 – 128.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

SOCIAL ASPECTS OF REGIONAL AGRICULTURAL POLICY

Богданов Евгений Вячеславович

аспирант 1 курса, научная специальность 5.2.3 Региональная и отраслевая экономика, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Bogdanov Evgeniy Vyacheslavovich

1st year graduate student, scientific specialty 5.2.3 Regional and sectoral economics, Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация: Раскрыты роль и значение социально ориентированного подхода в современной экономике, отражено влияние цифровых трансформаций на социальность региональной аграрной политики. Выделены социальные аспекты региональной аграрной политики, уточнена роль социального портрета населения сельских территорий в формировании ее социальных ориентиров. Обоснованы социальные механизмы региональной аграрной политики, обеспечивающие комплексное и системное развитие сельских территорий и достижение синергического эффекта для сельского населения.

Abstract: The role and importance of a socially oriented approach in the modern economy is revealed, the impact of digital transformations on the sociality of regional agrarian policy is reflected. The social aspects of the regional agrarian policy are highlighted, the role of the social portrait of the population of rural areas in the formation of its social orientations is specified. The social mechanisms of the regional agrarian policy, which ensure the complex and systemic development of rural territories and the achievement of a synergistic effect for the rural population, are substantiated.

Ключевые слова: социальность, социально ориентированный подход, аграрный сектор экономики, регион, региональная аграрная политика, социальные механизмы, синергический эффект.

Keywords: sociality, socially oriented approach, agrarian sector of the economy, region, regional agrarian policy, social mechanisms, synergistic effect.

Одним из векторов современного развития общества является его социальность, подразумевающая новый уровень социально ответственного поведения государственных, региональных и муниципальных органов власти, отдельных юридических и физических лиц, населения страны в целом. Социализация экономики является действенным механизмом согласования и достижения консенсуса между общественными и личными интересами, отмечают М. Ю. Богачев, Ю. В. Забайкин,

З. М. Назарова и Ю. А. Леонидова [1, с. 622]. Особую роль социально ориентированный подход играет в условиях цифровых трансформаций, которые происходят не только в сфере высоких технологий, но и на уровне общественных отношений, вызывая потребность в научном переосмыслении целей и постулатов их развития.

По мнению В. В. Сорокожердьева, сегодня органы публичной власти сталкиваются с серьезными трудностями при осуществлении своих основополагающих функций: обеспечения безопасности и выживаемости, решения проблем поддержания определенного уровня жизни и осуществления социальной справедливости, динамичного и качественного развития [3, с. 7]. На уровне отдельных регионов и отраслей эти проблемы усиливаются специфическими условиями их функционирования, в частности, в аграрном секторе экономики – наличием биологически активных ресурсов производства, сезонностью выращивания и реализации готовой продукции, территориальными особенностями расположения сельскохозяйственных угодий и др. При этом, как указывают Н. А. Симченко и Н. Ю. Анисимова, аграрный сектор в той или иной степени развит в каждом из субъектов Российской Федерации [4, с. 1283], что подтверждает актуальность проблемы.

Социальные аспекты региональной аграрной политики охватывают широкий спектр вопросов, связанных с влиянием сельского хозяйства на население определенной территории. К основным из них чаще всего относят следующие:

1. Занятость и доходы: агропромышленный комплекс является преимущественно основным источником занятости населения на сельских территориях. Региональная аграрная политика направлена на создание рабочих мест и обеспечение стабильного дохода для сельских жителей, что важно для сокращения безработицы и повышения уровня жизни в сельской местности.

2. Развитие инфраструктуры: строительство и ремонт дорог, систем мелиорации, мест хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, способствует улучшению условий труда и качества жизни сельских жителей. Кроме того, это повышает инвестиционную привлекательность сельских территорий для заинтересованных в их развитии стейкхолдеров.

3. Доступ к продовольствию: региональная аграрная политика должна обеспечивать наличие и безопасность продуктов питания для всех слоев населения, включая не только их производство, но и их распределение и адекватные цены. На социально значимые продовольственные товары необходимо устанавливать минимально допустимый уровень цен.

4. Развитие сельских территориальных общин: социальная поддержка сельского населения региона включает в себя создание условий для раз-

вития образования, здравоохранения, спорта, искусства и других социальных институтов. Это помогает предотвратить миграцию населения из сельских районов в города, снизить уровень урбанизации государства и способствует сбалансированному развитию общества в целом.

5. Экологическая устойчивость: региональная аграрная политика должна учитывать такие экологические аспекты сельскохозяйственного производства, как поддержание почвенного плодородия, охрану водных ресурсов и биоразнообразия. Это важно для сохранения естественной среды обитания и обеспечения устойчивости сельского хозяйства в долгосрочной перспективе.

6. Управление земельными ресурсами: эффективность данного направления региональной аграрной политики зависит от уровня сбалансированности между потребностями сельского хозяйства, охраной окружающей среды и обеспечением доступа местного населения к земельным угодьям. Региональная аграрная политика должна учитывать интересы всех заинтересованных сторон и обеспечивать справедливое распределение земельных ресурсов.

Как видно из приведенного перечня социальных аспектов региональной аграрной политики, в основном они касаются либо особенностей производства сельскохозяйственной продукции, либо специфики проживания населения в сельской местности. С точки зрения оценки эффективности деятельности органов публичной власти, как совершенно верно отмечают П. В. Демидов и Н. В. Шишкина, для региона важны и АПК как группа отраслей, занимающих определенное место в структуре региональной экономики, и совокупность сельских территорий как место и среда жизнедеятельности значительной части населения субъекта РФ [2].

Вместе с тем, при такой классификации социальных ориентиров региональной аграрной политики из их числа исключается не менее важный аспект – социальный портрет местного населения. Моделирование инструментов управления, исходя из состава и структуры основных социальных групп сельских территорий, от крупных хозяйствующих субъектов до маргиналов, то есть в контексте их восходящей или нисходящей мобильности, позволит сформировать более действенные механизмы региональной аграрной политики, перечень которых представлен на рисунке 1:

Оптимальность действия представленных на рисунке 1 механизмов региональной аграрной политики будет достигнута только при комплексном и системном социально ориентированном подходе, учитывающим роль сельского населения и в формировании аграрной экономики, и в устойчивом развитии сельских территорий. Именно в этом проявляется социетальность современной региональной аграрной политики, направленной на выявление незадействованных рычагов влияния на детерминанты стимулирования социально-экономического развития сельских территорий, что позволяет получить синергический эффект для сельского населения.

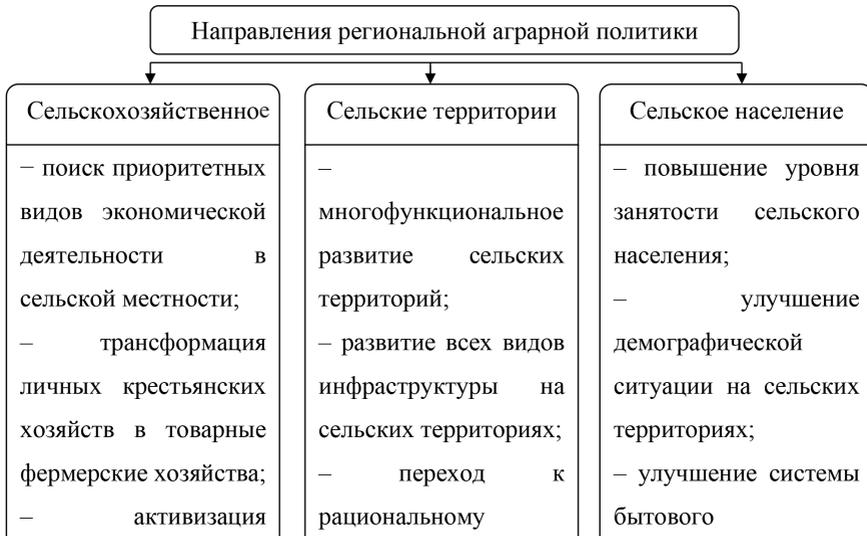

Рисунок 1 – Социальные механизмы региональной аграрной политики
Источник: сформировано автором

ЛИТЕРАТУРА

1. Богачев, М. Ю. Социальная ответственность бизнеса в аграрном секторе экономики / М. Ю. Богачев, Ю. В. Забайкин, З. М. Назарова, Ю. А. Леонидова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – Т. 10. – № 9-2. – С. 621-630.
2. Демидов, П. В. Оценка роли сельского хозяйства в регионе как способ обоснования проводимой в нем социальной и аграрной политики / П. В. Демидов, Н. В. Шишкина // Современная экономика: проблемы и решения. – 2023. – № 9(165). – С. 32-46.
3. Казарян, Э. С. Актуальные аспекты глобального переустройства в контексте устойчивого социально-экономического развития стран, регионов и сельских территорий / Э. С. Казарян, Х. А. Константиныди, В. В. Сорокожердьев // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2021. – № 174. – С. 394-405.
4. Симченко, Н. А. Механизмы управления подготовкой кадров в системе производственно-трудовых отношений / Н. А. Симченко, Н. Ю. Анисимова // Экономика труда. – 2020. – Т. 7. – № 12. – С. 1281-1294.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ МЕТОДИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

OBJECTIFICATION OF METHODOLOGICAL TOOLS FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF INNOVATIVE PROJECTS

Полушко Евгений Викторович

*аспирант, 1-й курс, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, г. Симферополь*

Polushko Evgeny Viktorovich

*Graduate student, 1st year Crimean Federal University named
after V. I. Vernadsky, Simferopol*

Аннотация: Работа посвящена вопросу эффективности государственной оценки инновационных проектов. Положительный опыт реализации методических подходов по оценке эффективности инновационных проектов может быть применен и в иных отраслях государственного развития. Вопрос объективации государственной оценки инновационных проектов рассмотрен в контексте региональных программ и учитывает функциональную роль участников процесса.

Annotation: The work is devoted to the issue of broad relevance – the effectiveness of state assessment, studied in the context of the innovation industry. The positive experience of implementing methodological approaches to assessment in this area can make a significant contribution to the diversification of knowledge in a wide range of industries. The issue of objectification will be considered in the context of complex models that take into account the vector of perception of the functional role of participants in investment projects (programs).

Ключевые слова: показатели региональных проектов, эффективность региональных проектов, философия, объективация.

Keywords: indicators of regional projects, effectiveness of regional projects, philosophy, objectification.

Настоящее исследование направлено на осмысление фактов возникновения субъективности в процессе государственной оценки. Ключевым вопросом остаются причины появления этой субъективности при условиях трехстороннего взаимодействия участников долгосрочных региональных проектов на примере инновационной отрасли. Полагаем, что определение границ понятий «объективность» и «субъективность» суждений и дальнейшее их сопоставление с методами оценки, позволит сформировать представление и выявить причины возникновения трудностей прогнозирования инвестиционных проектов.

Итак, объективация, сущность, представляющая опредмечивание, то есть превращение некоего субъективного состояния (ощущения) в объ-

ект мыслительного процесса (восприятие). Данное понятие пришло в философский дискурс в рамках исследования проблем отчуждения. Отчуждение же, исходя из идей, заложенных Т. Гоббсом, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локком, есть некий акт проектирования наружу внутренних ощущений с целью достижения объективной формы их существования [1,2]. При этом субъективность в данном ключе рассматривается как некая «противостоящая превосходящая сила».

Поэтому, в рамках данного исследования за субъективность будет принят весь тот объем факторов, которые зависят от разума (предубеждения, восприятия, мнения, сознательного опыта). Как отмечается в работах О.Д. Долгицкого, «если утверждение верно исключительно при рассмотрении утверждения с точки зрения разумного существа, оно субъективно верно» [1].

В настоящее время, происходит повсеместное внедрение автоматизации сбора и анализа данных. Государственные структуры неотъемлемо затрагивают вопрос методического совершенствования контроля, мониторинга и оценки эффективности [3]. Наиболее распространенным подходом в области государственного мониторинга выступает **количественная оценка объектов и явлений**, которая является методическим элементом проектов и программ. При этом, **качественной оценке** уделяется меньше методико-практического внимания во избежание субъективности системы, которая осуществляет оценку. Важно отметить, что учет качественных характеристик не игнорируется, а скорее преобразуется в оценку достижения (или не достижения) социально-экономического эффекта, выраженном в количественных значениях по заданному перечню показателей.

Количественная оценка имеет высокую степень удобства по ряду признаков: релевантность, сопоставимость, унифицированность [4]. Также главный принцип данных систем контроля и оценки связан с повышением объективности анализа и мониторинга при формировании аналитической выборки. Однако, учитывая многообразие функций государственного управления и индивидуальные особенности на уровне регионов и муниципалитетов, использование унифицированного подхода, при сохранении признака релевантности всего объема показателей, ставится под сомнение.

Также важно отметить тот факт, что государство является особым инвестором, поскольку получает дополнительный доход путем задействования механизма налогообложения и сборов в рамках расширения масштабов деятельности объекта инвестирования, смежных участников и контрагентов. В связи с указанным «особым» статусом инвестора в лице государства, возникает некий перенос интересов общественности

в русло реализуемых мероприятий через мероприятия, осуществляемые государством, для достижения социально-экономического эффекта.

В связи с этим эффективность инновационных проектов не может оцениваться исключительно со стороны финансовой эффективности, поскольку преследуется достижение цели повышения социально-экономического уровня жизни населения.

Поэтому оценка эффективности инновационных проектов по принципам инвестиционного анализа осложняется и требует учета длительности периода внедрения, адаптации и преемственности. Указанные условия влекут за собой возрастание рисков при реализации проектов (к примеру, не востребованности или пролонгации), удорожание исполнения, увеличение числа соисполнителей и участников. Это сказывается на дальнейших результатах реализации и получаемом социально-экономическом эффекте, в последствии возникает эффект «инертности». Государство, принимая ответственность за результат, можно утверждать, является главным ядром реализации инновационных проектов и программ.

Современные подходы с использованием большого количества критериев имеют двойственное направление. С одной стороны, они направлены на комплексную оценку всех ключевых компонентов при реализации проекта (социальную, научную, технологическую, финансовую, общественную, экологическую и рыночную значимость). С другой стороны, оценка должна строить выводы о фактическом достижении планового и (или) внепланового эффекта. Данные выводы должны строиться на основе статистических параметров, а так же на показателях (количественных и качественных), которые в сумме выражают *реальный эффект* для конкретно взятого *индивида*, участвующего при реализации инновационного проекта или являющегося получателем вышеупомянутых благ.

Рассматривая количественную критериальную оценку, важно упомянуть, что в ряде случаев применяется бинарная система оценки, когда есть фактическое выполнение (принимающее значение «1») (к примеру, запуск распределительно-логистического центра) или фактическое невыполнение (принимающее значение «0») на отчетную дату. Однако возникает следующий вопрос: *можно ли считать значение «0» абсолютно неэффективным результатом?* Или текущий вклад в совокупную эффективность *уменьшается незначительно* при заданных условиях по причине наличия иных объективно сложившихся факторов исполнения программы (например, на момент проведения оценки еще не завершена разработка программного обеспечения для взаимодействия участников и администраторов инвестиционной программы).

Возвращаясь к комплексному рассмотрению методов оценки, важно отметить, что взаимодействие участников получается **трехсторонним: государство, функциональные участники, получатели блага**. Принятие государством части прав и ответственности в обеспечении реализации проекта может повлечь за собой «смещение» вектора деятельности участников для того чтобы соответствовать критериям нахождения в проекте (программе).

В итоге может складываться ситуация, что добросовестный функциональный участник, имея интерес к получению прибыли и поддержанию рентабельности, вынужден придерживаться политики в части предоставления услуг или производства товаров, чтоб минимизировать риски в условиях рыночного регулирования. **Общественный социально-экономический эффект** при данном подходе будет *ощутимо ниже*, поскольку будет направлен на точечный, в какой-то степени «проверенный» результат.

В условиях высокой рыночной конкуренции, отдельным хозяйствующим субъектам затруднительно вести политику диверсификации услуг без существенного риска. Взяв за основу гипотезу о том, что всякое предложение товаров и услуг (исключая товары первой необходимости) подвержено высокой степени флуктуации в части спроса, закономерно предположить тенденцию того, что субъекты предпринимательства будут заинтересованы в предоставлении тех услуг, спрос на которые могут прогнозировать с высокой степенью точности. В противном случае, они рискуют столкнуться с ситуацией, когда ряд услуг или выпускаемых товаров придется реализовывать по цене себестоимости или ниже, чтобы отвечать условиям нахождения на рынке внутри проекта (программы).

Исходя из всего вышесказанного, вопрос взаимодействия государства и предпринимателей в аспекте достижения общественного социально-экономического блага остается открытым и достаточно острым. В особенности это касается сферы инноваций, поскольку передовой подход может быть интересен не только отдельно взятому региону или государству, но и иным участникам государственного и мирового рынка. Поэтому заинтересованность участников в реализации комплексных проектов (программ) является неотъемлемым элементом продуктивного взаимодействия.

В заключение, стоит отметить, что система оценки эффективности реализации региональных инновационных проектов должна быть не только трехсторонней по структуре, но и двухвекторной по сути взаимодействия: экзогенной (в нашем случае, государственная) и эндогенной (непосредственные участники, сектор предпринимательства, исполнители). Гипотетическим примером описываемого взаимодействия может выступать согласованность следующих показателей: государственная программа – целевой показатель – *подключение пользователей к Цифровой платформе*; для гражданина (получателя услуги) – статистический показатель – *применение функционала Цифровой платформы для получения услуги*; для коммерческой организации, участвующей в программе – статистический показатель – *взаимодействие с потребителем услуги через Цифровую платформу*.

Принцип комплексности и количество оценочных инструментов должны касаться обеих сторон, несмотря на разницу в семантическом

содержании критериев, они должны преследовать одни цели, связанные с достижением ожидаемого социально-экономического эффекта и сохранения нормы рентабельности (для участников из коммерческого сектора). И, если при оценке проекта уровень эффективности и вероятность достижения целей эндогенной и экзогенной среды совпадает – можно допускать, что система критериев подобрана верно, структура ролей не нарушена, смещение потребительских интересов от прогнозных значений не наблюдается. Тогда на основании полученных результатов можно делать вывод о реальной степени эффективности реализуемых инновационных проектов на уровне региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгицкий О.Д. Философско-антропологическое значение понятия «объективация» от классической немецкой философии до фрейдомарксизма // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. №1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-antropologicheskoe-znachenie-ponyatiya-obektivatsiya-ot-klassicheskoy-nemetskoj-filosofii-do-freйдomarksizma> (дата обращения: 12.04.2024).
2. Маришова Т.Н., Кириченко И.А. О критериях качества государственных проектов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kriteriyah-kachestva-gosudarstvennyh-proektov> (дата обращения: 16.03.2024).
3. Скачок В. Е. Объективность и относительность истины в современной философии / В. Е. Скачок, И. Ю. Кожекина, Н. В. Семенкова, А. А. Котлярович. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 7 (141). – С. 599-602. – URL: <https://moluch.ru/archive/141/39760/> (дата обращения: 16.03.2024).
4. Шиповалова Л.В. Объективность: путь от само собой разумеющегося к очевидному // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnost-put-ot-samo-soboy-razumeyuschegosya-k-ochevidnomu> (дата обращения: 16.03.2024).

ЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭКОНОМИКИ**ETHICAL POTENTIAL OF THE ECONOMY*****Немитулаев Нариман Ризаевич****Аспирант, 1-й курс, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь****Nemitulaev Nariman Rizaevich****Graduate student, 1st year, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol*

Аннотация: В данной статье рассмотрен вопрос этического потенциала экономики в России. В современном мире вопрос экономического роста часто рассматривают с позиции социокультурного контекста. Главными аспектами рассмотрения являются морально-этические нормы и структура взаимодействия экономики с этикой, оказывающие влияние на ведение бизнеса.

Abstract: This article examines the issue of the ethical potential of the economy in Russia. In the modern world, the issue of economic growth is often considered from the perspective of the sociocultural context. The main aspects of consideration are moral and ethical standards and the structure of interaction between economics and ethics, which influence the conduct of business.

Ключевые слова: бизнес, мораль, экономическая этика, предпринимательский социум.

Keywords: business, morality, economic ethics, entrepreneurial society.

В поисках ответов на вызовы современности мировое российское общество обращается к своей истории и корням. Можно наблюдать рост значения гуманитарных наук, культуры, образования и мышления в постпромышленной экономике.

В России в 90-е годы предпринимались попытки вытеснить национальные ценности и навязать чуждые этику и культуру. Однако рыночная экономика не проявила универсального характера, так как современная мировая экономика демонстрирует, что страны с рыночной системой могут находиться на различных стадиях технологического, экономического и социального развития.

Это подчеркивает важность национальной специфики в социально-экономической эволюции. Учитывая собственные культурные и истори-

ческие особенности, страны могут найти наиболее эффективные пути развития, опираясь на уроки истории человечества.

Согласно теории Карла Маркса, этика являлась частью надстройки социально-экономической модели развития общества, занимая вторичное и производное положение. Это означает, что этические и культурные нормы и ценности рассматривались как отражение и результат экономических отношений.

Маркс также утверждал, что экономический базис общества (способ производства, отношения собственности и т.д.) определяет его надстройку (политические, правовые, этические и культурные институты). Поэтому этико-культурные отношения не являются независимыми, а обусловлены экономическими факторами.

Взгляды Маркса на роль этики в обществе эволюционировали со временем. В более поздних работах он признавал, что этические и культурные нормы могут оказывать обратное влияние на экономическое развитие.

Этико-экономическая модель развития экономики рассматривает более глубинные процессы общественного воспроизводства. Она представляет собой систему финансово-хозяйственных отношений, основанных на взаимосвязи между экономикой и морально-этическими нормами поведения хозяйствующих субъектов.

Морально-этические нормы – это представления о том, что правильно, а что неправильно, сформированные в сознании людей под влиянием условий общественной жизни. Они включают в себя такие категории, как справедливость, добро, честь, долг и достоинство. В этико-экономической модели этика не является вторичной по отношению к экономике, как это было в теории Маркса. Напротив, этические нормы рассматриваются как неотъемлемая часть экономической системы и играют активную роль в ее развитии. Взаимодействие экономики и этики представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Структура этико-экономической модели

Источник: сформировано автором

В этико-экономической модели моральные нормы рассматриваются как неотъемлемая часть экономической системы. Они влияют на принятие экономических решений и поведение хозяйствующих субъектов.

В условиях рыночной экономики важно, чтобы моральные качества рынка и конкуренции способствовали общественному прогрессу. Это означает, что рыночные отношения должны быть основаны на честности, справедливости и уважении к правам других.

Особое значение моральные нормы приобретают в таких областях, как биотехнология. Дальнейшее развитие этой отрасли требует высокой степени моральной и этической ответственности со стороны общества.

Современное развитие общества требует создания этико-экономических моделей, сочетающих рыночные принципы с социальными ценностями. Такой подход способствует устойчивому развитию экономики, не допуская разрыва между экономическим ростом и благополучием общества.

Этико-экономическая модель должна учитывать специфику конкретной социально-экономической системы, включая ее культуру, язык и этнический состав. Часто системообразующими элементами являются:

- собственные пути достижения экономических целей;
- самостоятельное решение вопросов национального языка и культуры;
- многообразие этнокультурной среды;
- общая экономическая ситуация в стране.

Совмещение данных четырех элементов позволяет России развивать свою экономику, сохраняя при этом свою уникальную культурную идентичность и социальную стабильность.

Создание эффективной этико-экономической модели можно разделить на три этапа:

Этап 1: Сближение рынка и морали.

1) Государство поддерживает всех представителей религии, а не отдельных лиц.

2) Разрабатывается идеология, которая сочетает рыночные принципы с моральными ценностями.

Этап 2: Оптимизация управления.

1) Государственные и корпоративные структуры оптимизируются с учетом возможностей населения к самоуправлению и самоорганизации.

2) Модель этико-экономического развития апробируется в отдельных структурах управления.

Этап 3: Создание законодательной базы.

1) Разрабатывается законодательная база, которая учитывает интересы как общества, так и бизнеса.

2) Учитываются ценности, традиции и культурное наследие государственнообразующих наций.

Внедрение этико-экономической модели имеет положительные последствия в нескольких областях:

– экономическая эффективность: модель способствует устойчивому экономическому росту;

– социальная эффективность: модель улучшает благосостояние населения;

– духовная эффективность: модель способствует развитию нравственности и духовных ценностей.

В частности, в современном мире население становится более ответственным за собственное благополучие и стремится к совершенствованию различных аспектов своей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Денисенко С.В.* Современный этикет: возможности и границы // Общество: философия, история, культура. – 2022. – № 4 (96). – С. 40-45.
2. *Лайши Ю.* Этика экономической безопасности // Справочник: образовательный портал. – Москва, 07.10.2023. – URL: https://spravochnick.ru/ekonomika/suschnost_ekonomicheskoy_bezопасnosti/etika_ekonomicheskoy_bezопасnosti/ (дата обращения: 01.05.2024).
3. *Лихолетов В.В.* Профессиональная этика и служебный этикет: учеб. пособие / В.В. Лихолетов. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – 168 с.
4. *Осинцева Н.В.* Трансформация этических ценностей в условиях развития цифровых технологий / Н.В. Осинцева, И.А. Муратова // Манускрипт. – 2020. – № 1. – С. 171-175.

**РОЖДЕНИЕ ВИНОГРАДАРСТВА КАК НАУЧНОГО
ИНСТИТУТА**
**THE EMERGENCE OF VITICULTURE AS A SCIENTIFIC
INSTITUTE**

Корниенко Богдан Николаевич

*аспирант кафедры плодовоощеводства и виноградарства
г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского*

Kornienko Bogdan Nikolaevich

*PhD student of the Department of horticulture and viticulture,
Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University*

Аннотация: В статье рассматриваются основные исторические этапы развития виноградарства, начиная с глубин прошлого до современности, оказавшие существенное влияние на становление виноградарства как научного института. Рассмотрены наиболее известные научные институты мира, область их деятельности, а также перспективы развития виноградарства как науки в будущем.

Abstract: The article considers the main historical stages of viticulture development, starting from the depths of the past to modern time, having a significant influence on the establishment of viticulture as a scientific institute. The most famous scientific institutes of the world and their field of activity were considered, as well as development prospects of viticulture as a science in the future.

Ключевые слова: виноградарство, виноград, история виноградарства, исторические периоды, научный институт, устойчивое развитие

Keywords: viticulture, grape, history of viticulture, historical stages, scientific institute, sustainable development

Подлинная история зарождения виноградарства берет свое начало еще задолго до появления человека и относится к концу мелового периода, с момента возникновения первой виноградоподобной субстанции, найденной в окаменелостях 65 миллионов лет назад. Первые упоминания о виноградной культуре уходят корнями вглубь тысячелетий человеческой истории и связаны с великими цивилизациями нашей планеты [10].

Предполагается, что виноградарство началось с неолитической революции и расселения человека, произошедшего 9 – 10 тысячелетий назад на территории «Плодородного полумесяца» на Ближнем Востоке. Суще-

ствуют вещественные доказательства в виде нахождения остатков виноградной кожуры и косточек, свидетельствующие, что виноградарство распространилось в Египет и Месопотамию в 4-м тысячелетии до нашей эры [4; 10].

Практика виноградарства во времена Римской империи была довольно сложной и продвинутой, о чем можно судить по свидетельствам Плиния Старшего. Римлянами были предприняты попытки использования разнообразных методов улучшения качества винограда, таких как заиоумливание, а также отбор лучших гроздей и ягод. Осведомленность о существовании ряда сортов винограда существовала еще 1-м веке нашей эры. Существуют свидетельства о применении таких сортов, как Арселака (предположительный предшественник сорта Рислинг), а также Фиано, Битурика (современный сорт – Карменер), Алопецис (современный сорт – Кода ди Вольпе) и Пьедиросо. Римляне одними из первых стали использовать разнообразные способы обработки виноградников, дошедшие до наших дней: применение удобрений с целью защиты от болезней и вредителей, полив, а также обрезка винограда. С целью улучшения потребительских характеристик винограда, а также получения стабильных урожаев, римлянами были предприняты попытки по обработке почвы, несколько позже ими стали использоваться поддерживающие опоры, получившие широкое распространение в современное время как виноградная шпалера [8; 10].

В период Средневековья произошел ряд изменений в области виноградарства, которое являлось одним из основополагающих источников дохода для европейских монастырей. Монастырские виноградники стали отправной точкой формирования видных мировых регионов развития виноградарства, таких как Бургундия и Шампань во Франции. Монахи пробовали выращивать разнообразные сорта винограда, свои успехи и достижения они всячески документировали в научных трудах. Одним из них можно считать труд «Книга о сельских преимуществах» Пётра Кресценция, ставший первым напечатанным текстом по сельскому хозяйству, четвертая глава которого целиком посвящена виноградарству [4; 10].

Период Возрождения охарактеризовался углублением знаний во множестве сфер человеческой жизни, включая и сельское хозяйство. В данный период значительно возрос интерес к ботаническим характеристикам винограда, что побуждало ученых исследовать разнообразные сорта, уделяя детальное внимание изучению особенностей роста и развития виноградной культуры, важность климатических и почвенных характеристик при его выращивании. У исследователей появилось четкое понимание влияния температуры и аэрации на ферментационный процесс [8; 10].

В эпоху великих географических открытий путешественники стали брать с собой виноград в продолжительные морские путешествия, что способствовало распространению виноградной культуры и дальнейшему развитию виноградарства как науки за пределы европейских стран.

В попытках освоения Нового света было высажено множество виноградников, ставших базисом современного виноградарства. Таким образом, сформировались виноградные предприятия на территории современного штата Калифорния (США) и государства Аргентина [8].

Виноградарство как отрасль набирает обороты в связи со стремительным ростом научных технологий, появлением новых методик и сортов винограда. 19-й век ознаменовался одним из наиболее губительных событий в истории виноградарства – заражением филлоксерой, насекомым, завезенным из Северной Америки через Великобританию на юг Франции, нанесящим значительный урон вначале французским, а затем и прочим европейским виноградникам. Заражение опасными вредителями повлекло за собой первые рациональные попытки селекции винограда. Прививка стала началом биотехнологии виноградарства. Выбор подходящего подвоя и правильной техники прививки стали ключевыми вопросами для научных исследований того периода [3; 8].

Со временем изучение винограда стало более основательным и прогрессивным, стали формироваться первые исследовательские организации, которыми стали научные институты виноградарства – учреждения, созданные с целью изучения свойств данной культуры, позволяющие в полной мере освоить и оптимизировать процесс выращивания винограда и способствовать дальнейшему развитию отрасли в целом. Первыми научными институтами стали: «Институт селекции винограда Гейзенхайма» в Германии (1861 г.); «Римский институт земледелия и виноградарства» в Италии, основанный в 1873 году; «Институт науки и техники виноделия и виноградарства» во Франции (1889 г.) [8; 10]. Первыми научными институтами в Российской империи, были: «Судакское училище виноградарства и виноделия», основанное в 1804 году и «Магарачское казённое заведение в составе Императорского Никитского сада» (совр. – «Магарач»), созданное в 1828 году, направленное на изучение, и распространение культуры винограда, а также научно-образовательную деятельность [1; 10].

В 20-м столетии виноградарство трансформировалось в научную дисциплину и уже сегодня является неотъемлемой частью концепции устойчивого развития сельскохозяйственной отрасли, как важной составляющей глобальной экономики. Крупнейшими современными регионами виноградарства являются Бордо(Франция), Тоскана(Италия), долина Напа (США), долина Баросса (Австралия), а также провинция Мендоса(Аргентина).Современные научные институты в сфере виноградарства занимаются разносторонним изучением новых способов и приемов повышения потребительских характеристик создаваемой продукции, совершенствованием сортов винограда, направленных на повышение их производительности и сопротивляемости заболеваниям их возбудителям [2; 8].

Наиболее известными мировыми институтами виноградарства являются:

1. Департамент виноградарства и энологии Калифорнийского университета Дейвиса (США). Основными целями данного учреждения являются: всестороннее изучение винограда, осуществление инновационных исследований, разносторонняя научно-образовательная деятельность и открытое сотрудничество в сфере виноградарства. Особое внимание уделяется текущим проблемам и возможным перспективам отрасли, созданию технологий устойчивого развития виноградарства и минимизации ущерба природному достоянию региона [9].

2. Национальный институт сельскохозяйственных исследований Франции. Главный приоритет в деятельности данного института – устойчивое развитие всех отраслей сельского хозяйства, а также сохранение природных ресурсов. Значительное внимание уделяется содействию внедрения различных инноваций, повышению квалификации в области агрономии и экологии, а также организация и осуществление научно-исследовательских мероприятий с целью распространения знаний и передачи опыта для всех субъектов сельскохозяйственного рынка [7].

3. Национальный институт сельскохозяйственных и пищевых исследований и технологий Испании. Главными задачами института являются осуществление научных исследований в сфере сельского хозяйства и пищевой промышленности на качественно новом уровне, усиление конкурентных преимуществ виноградарства в регионе, содействие развитию индустрии и глобальное сотрудничество, поддержка сельскохозяйственных специалистов всех уровней, а также разработка и внедрение новшеств [5].

4. Национальный институт виноградарства в Мендосе, Аргентина. Ключевыми задачами организации считаются повышение качества и конкурентоспособности продукции региона, содействие и охрана биоразнообразия виноградных насаждений, поддержка местных производителей, а также помощь в получении знаний относительно современных технологий, освещение методик устойчивого и экологически ответственного выращивания винограда [6].

Нынешний уровень развития виноградарства находится на стыке традиционных технологий, успешно применяемых на протяжении 20-го столетия, и инновационных разработок, которые уже сегодня вносят свой вклад в развитие будущих технологий виноградарства. К числу таких высокотехнологичных решений относится применение дронов на виноградниках, что значительно снижает показатели ручного труда на предприятиях; использование искусственного интеллекта (ИИ) значительно совершенствует методы выращивания винограда, технология «компьютерного зрения» позволяет фермерам получать актуальные данные о со-

стоянии почвы и культур, что дает возможность предотвращать болезни, повышать и поддерживать стабильные урожаи в будущем. Беспилотная самоходная техника способствует обеспечению большей безопасности труда и снижению трудовых затрат. Главным приоритетом виноградарства будущего станет уклон на экологическую составляющую как основу научного процесса изучения виноградной культуры. Органическое виноградарство будет построено на устойчивом развитии, базирующемся на вдумчивом и гармоничном потреблении и сохранении природных ресурсов для благосостояния и процветания будущих поколений [2].

Виноградарство претерпело ряд изменений за свою многовековую историю, преобразовавшись из увлечения в целую отрасль сельского хозяйства, с открытием первых научных институтов, ставших отправной точкой для получения ценных знаний о росте, развитии и методах возделывании винограда, а постепенное внедрение новых технологий позволило сделать этот процесс более доступным и эффективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. История «Магарач» – URL: <https://magarach-institut.ru/istorija/> (дата обращения: 15.03.2024)
2. 21st Century: Modern Viticulture Types. CodedeVino. – URL: <https://www.codedevino.com/world-of-wine/the-way-of-wine/21st-century-modern-viticulture-types>(датаобращения: 20.03.2024).
3. *Bouby L., Chabal L.* et al. The Holocene history of grapevine (*Vitis vinifera*) and viticulture in France retraced from a large-scale archaeobotanical dataset. *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. Volume 625. Elsevier, 2023. P. 2-4.
5. *Haapala Kenneth J., Haapala Kenneth A.* Wine 202: Adding a Bit of Scientific Rigor To the Art of Understanding and Appreciating Fine Wines. *Journal of the Washington Academy of Sciences*. Washington Academy of Sciences, 2004. P. 1-6.
6. Instituto Nacional de Investigación y Tecnología Agraria y Alimentaria (INIA-CSIC) – URL: <https://www.inia.es/Pages/Home.aspx> (дата обращения: 20.03.2024)
7. Instituto Nacional de Vitivinicultura – URL: <https://www.argentina.gob.ar/inv> (дата обращения: 20.03.2024).
8. L'Institut national de la recherche agronomique (INRA) – URL: <https://www.inrae.fr/> (дата обращения: 19.03.2024)
9. The Enchanting Journey: History Of Viticulture Unveiled by Ryan Yates – URL: <https://www.authentichospitalitygroup.com/wine/history-of-viticulture/#delving-deeper-into-the-history-of-viticulture> (датаобращения: 14.03.2024).
10. UC Davis Department of Viticulture and Enology – URL: <https://wineserver.ucdavis.edu/#/> (дата обращения: 19.03.2024)
11. Vine to Wine Circle. – URL: <https://www.vinetowinecircle.com/en/history/the-origin-of-vines/>(датаобращения: 11.03.2024).

**РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАНОТЕХНОЛОГИЙ:
ЭТИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ**

**RISKS AND PROSPECTS OF NANOTECHNOLOGY:
ETHICAL PRAGMATISM**

Кофанов Артём Николаевич

аспирант, 1-й курс, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Kofanov Artyom Nikolaevich

postgraduate student, 1st year in Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University

*Научный руководитель – Гарбузов Дмитрий Викторович
д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии.*

Garbuzov Dmitry Viktorovich *Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Full Professor of the Department of Philosophy*

Аннотация: В работе рассматривается роль нанометровых проводящих пленок в современных технологиях, их уникальные свойства и возможности применения в различных областях. Статья привлекает внимание к важности глобального рассмотрения последствий действий в сфере нанотехнологий и призывает к ответственному и обдуманному подходу к развитию современных технологий.

Abstract: The work examines the role of nanometer conductive films in modern technologies, their unique properties and application possibilities in various fields. The article draws attention to the importance of a global consideration of the consequences of actions in the field of nanotechnology and calls for a responsible and thoughtful approach to the development of modern technologies.

Ключевые слова: нанометровые плёнки, прагматизм, нанотехнологии, этика.

Keywords: nanometer films, pragmatism, nanotechnology, ethics.

Нанометровые проводящие пленки становятся ведущей технологией в развивающихся стратегических отраслях и открывают огромное пространство технологических возможностей. Они представляют собой тонкие слои материала, меньшие даже, чем миллионная доля миллиметра. Плёнки обычно изготавливаются путем нанесения специальных материалов на поверхность субстрата. Эти пленки обладают уникальны-

ми свойствами, такими как высокая электропроводность, прозрачность, гибкость и адгезия к различным материалам, что делает их идеальным выбором для создания новых электронных устройств и приборов. Например, нанометровые проводящие плёнки могут быть применены в солнечных батареях для увеличения эффективности преобразования солнечной энергии в электричество, так же они широко используются в модулях электроники СВЧ, в датчиках, в измерительной научной и промышленной аппаратуре, в оптике, в фотопреобразующей аппаратуре и т.д.

С учетом тенденций развития электроники необходимо проводить исследования физических свойств проводящих пленок по мере уменьшения их толщины. Исторически свойства проводящих пленок изучаются уже почти полтора столетия, однако задачи и возможности, которые были на рубеже 20-го столетия и в настоящее время, сильно отличаются. Первые исследования нанометровых пленок связаны с просветлением в оптике, т.е. отсутствием отражения от объектива. Пленки в то время наносились посредством электроосаждения. Проблема просветления оптики и сейчас также существует, особенно для военных применений. В настоящее время пленочные технологии являются основными при изготовлении микросхем, при этом используются различные методы нанесения пленок для создания активных элементов и других МСЭ микросхем. Ранее, до повсеместного использования проводящих пленок в микроэлектронике, в диапазоне СВЧ пленки использовались в качестве экранов для защиты радиотехнических устройств от внешнего электромагнитного излучения [2].

Нанотехнологии открывают большие перспективы как с точки зрения развития новых технологий, так и с точки зрения разработки новых способов использования существующих. Однако, помимо этого, появляются различные связанные с ними риски; такие риски могут быть конкретными (например, экологическими, экономическими) или более общими (например, социальными, этическими). Однако перспективы полноценного использования знаний о том, как манипулировать наномиром, могут пугать. Возможности, которые представляют себе, как сторонники, так и противники исследований и разработок в наномире, варьируются от обыденных, например, от штанов, которые невозможно запачкать, до ужасающих в военном применении. Проблема в том, что мы должны делать сейчас, чтобы обеспечить преимущества нанотехнологий и избежать предсказанных ужасов. В частности, как мы должны думать об этических и социальных последствиях разработки различных нанотехнологий?

Можно предположить, что большим эвристическим потенциалом этического анализа относительно будущих разработок в области нанотехнологий обладает прагматический подход. Прагматизм – это фило-

софский подход, который подчеркивает практические последствия как основу знаний и действий. Другими словами, истинность концепции или идеи определяется ее полезностью для решения реальных проблем, а не какой-либо внутренней или теоретической ценностью. Прагматики отвергают идею абсолютной истины и вместо этого сосредотачиваются на том, что работает на практике. В целом прагматизм характеризуется ориентацией на практические последствия, экспериментированием и скептицизмом по отношению к абсолютной истине. Прагматическая этика в свою очередь подчеркивает важность рассмотрения контекста ситуации при принятии моральных решений. Прагматики утверждают, что вместо того, чтобы полагаться на фиксированные моральные правила, мораль должна быть гибкой и реагировать на потребности и цели конкретной ситуации. Этот подход признает то, что считается этическим в одной ситуации, может не подходить в другой.

Также важным аспектом являются последствия при принятии моральных решений. Вместо того, чтобы сосредотачиваться на абстрактных понятиях добра и зла, прагматики утверждают, что этические решения должны основываться на их практических результатах. Это означает, что действия следует оценивать исходя из положительного или отрицательного воздействия, которое они оказывают на благополучие отдельных лиц и общества в целом. Фундаментально, прагматическая этика подталкивает нас к своего рода холизму, который одновременно наивен и, тем не менее, проливает свет на неполную природу и пределы этических ситуаций, рассматриваемых абстрактно, отдельно от их полного культурного контекста.

К.С. Пирс понимал прагматизм не как философское учение, а как метод, с помощью которого мы можем прояснить смысл понятий. Он пытался определить смысл философских понятий через их практические последствия и устранить псевдопроблемы философии. Пирс развивал прежде всего прагматизм в области семантики. Для Пирса прагматизм был методологией развития своего рода реалистической метафизики. Уильям Джеймс был психологом и развил прагматизм из семантической теории в теорию истины. Все концептуальные различия, которые мы проводим, утверждал Джеймс, на практике проявляются как различия. Прагматизм исследует истинность идей не с точки зрения рациональной последовательности и внутренней последовательности, а с точки зрения практических последствий, вытекающих из этих идей. Джеймс отверг концепцию истины как своего рода трансцендентной реальности, утверждая, что истина – это не какая-то постоянная сущность, которую мы обнаруживаем, а «творение» или «изобретение», возникающее в процессе опыта. Джон Дьюи рассматривал прагматизм как теорию исследования. Дьюи изучал Гегеля на ранних этапах своего развития, но получил влияние от Джеймса. Дьюи отверг традиционные концептуальные разделения, такие как субъект-объект, факт-ценность, теория-практика, и

попытался увидеть всю философскую деятельность с точки зрения практики. Он рассматривал идеи и философский дискурс как практические инструменты решения проблем.[3]

Прагматизм, первоначально предложенный Пирсом, уточненный Джеймсом и достигнутый кульминации в трудах Дьюи обретает нынешнюю форму. При рассмотрении последствий различных наносценариев с точки зрения прагматизма эти сценарии должны быть разыграны в полной мере, что даст нам представление о полном масштабе воздействия этих технологий. Существуют не только краткосрочные и долгосрочные последствия, но и последствия на местном, региональном и глобальном уровнях. Только когда мы поймем весь спектр последствий наших действий, мы сможем выбрать один из наших вариантов. Все остальное это просто проявление предубеждения. Но мы не можем рассматривать весь спектр наших действий только с точки зрения физических последствий. Что означают эти изменения, следует понимать с учетом наших ценностей и наших целей, а также сложности ситуаций реального мира, в которых мы принимаем наши решения, ориентируясь на будущее. [1] Прагматизм позволяет нам учиться на своих ошибках, сохраняя при этом этичность, поскольку учиться на своих ошибках это основа рациональности.

Сосредоточение внимания на кажущихся незначительными особенностях, которые находятся на стыке между квантовыми эффектами и макроскопическим физическим поведением, может открыть двери для того, чтобы увидеть особенности физической реальности, отраженные во всех ее мельчайших деталях. Более того, умение управлять этими наноразмерными физическими эффектами окажет решающее влияние на дальнейшее развитие передовых, ультратонких технологий. Поскольку нет сомнений в том, что наноматериалы вскоре станут важнейшими, доминирующими в производстве и всеохватывающими составляющими нашего электронного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джохадзе И.* Прагматизм / Джохадзе И. // Философская антропология, 2018 – Т. 4 № 1 – С. 231-243.
2. *Мазинов А.С.* Физические и электродинамические свойства наноразмерных проводящих пленок на полимерных подложках /Мазинов А. С. //Радиоэлектроника. Наносистемы. Информационные технологии, 2020 – № 12(2) – С. 247-252
3. *Рахматуллин Р.Ю.* Прагматизм как философия науки / Р. Ю. Рахматуллин, Э. Р. Семенова, А. А. Чипиго // Молодой ученый, 2016 – № 28 (132) – С. 1056-1059.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF BUILDING TECHNOLOGY SAFETY

Комнатный Кирилл Григорьевич

аспирант 1-ого курса, кафедра геотехники и конструктивных элементов зданий, Академия строительства и архитектуры, Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского

Komnatnyi Kirill Grigorievich

1st year postgraduate student, Department of Geotechnics and Structural Elements of Buildings, Academy of Construction and Architecture, V.I.Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация: В статье рассматривается тематика особенностей социокультурных факторов в рамках развития строительных технологий. Показано, что научные дискурсы о социальных или социокультурных факторах в строительном секторе фокусируются в основном на обеспечении безопасности работников. Данные аспекты касаются обеспечения здоровья и безопасных условий труда, проблемах управления во время строительства или на строительных площадках.

Abstract: The article examines the topic of the characteristics of socio-cultural factors within the framework of the development of construction technologies. It is shown that scientific discourses about social or sociocultural factors in the construction sector focus mainly on ensuring the safety of workers. These aspects relate to ensuring health and safe working conditions, management issues during construction or on construction sites.

Ключевые слова: социокультурные факторы, строительные технологии, безопасность, работники.

Keywords: socio-cultural factors, construction technologies, safety, workers.

В своей книге «Управление рисками организационных аварий» Д. Ризон утверждал, что относительная важность воздействия различных уровней анализа культуры безопасности имеет решающее значение для понимания, прогнозирования и контроля промышленных рисков [1]. Д. Ризон выделил четыре уровня факторов: индивидуальные, рабочие, организационные и социальные факторы, вызывающие крупные несчастные случаи, и предположил, что из этих различных причинных факторов организационная культура, процессы и рабочее место являются критиче-

скими индикаторами объяснительной, прогностической и корректирующей ценности. Он поставил индивидуальные факторы на второе место после организационных, за ними следовали регулирование и общество, которым он не придавал большого значения с точки зрения исправления ситуации.

Однако ряд ученых показали [2-3], что в строительном секторе влияние более широких социокультурных факторов гораздо более критично, чем предполагал Д. Ризон. Для этого, исследователи проанализировали несколько моделей причин возникновения несчастных случаев в строительной отрасли, чтобы проиллюстрировать эту связь, и продемонстрировать что коренные причины таких несчастных случаев заложены в строительном процессе и в обществе, в котором осуществляется строительная деятельность. Опираясь на ситуацию в Великобритании и странах Карибского бассейна, Пекитт и др. подчеркнули роль социальной культуры и ее влияние на культуру, здоровье и безопасность в строительной отрасли [4]. Их анализ выдвинул на передний план влияние более широких социокультурных факторов на безопасность в строительном секторе. Пекитт и др. первоначально применили этот подход к безопасности труда, поэтому последующие применения были ограничены этим направлением исследований. Однако, чтобы опираться на теоретический и аналитический вклад, который социокультурный подход вносит в исследования в секторе строительных технологий, исследователям безопасности важно найти способы использовать сильные стороны подхода, чтобы озвучить аспекты безопасности в секторе строительных технологий, о котором мало говорят в научных работах и публикациях – основная цель данной работы. Чтобы поместить эту идею в рамки более широких теоретических дискуссий о безопасности в секторе строительных технологий, стоит рассмотреть аспекты безопасности в этом секторе.

В строительном секторе можно выделить два важных, но различных аспекта безопасности:

- безопасность строительного процесса;
- безопасность возможных опасностей, которые завершенные конструкции представляют для населения в целом.

Первый аспект соблюдения безопасности связан с проблемами управления системой охраной труда и безопасности на объектах в ходе строительства или на строительных площадках, а второй – с проблемами безопасности завершенных сооружений. Как отмечалось ранее, продолжающиеся научные дискуссии о влиянии более широких социальных факторов на безопасность в отрасли касаются только первого измерения безопасности. Последнее в значительной степени игнорировалось или упускалось из виду. Это поразительно не в последнюю очередь потому, что обрушения являются заметной особенностью строительного сектора.

Центральное значение таких рисков для проблем безопасности в строительном секторе можно проследить еще в 2200 г. до н. э., когда вавилонский царь Хаммурапи издал закон, предусматривающий наказание за обрушение домов и гибель их жителей. Более широкий смысл здесь заключается в том, что принципы охраны труда и техники безопасности в строительном секторе применимы не только к тем, кто занят на работе; они также применимы к тем, кто подвергается риску в результате трудовой деятельности, включая представителей общественности.

Хейс лучше передает эту мысль: «Все согласны с тем, что безопасность имеет первостепенное значение, и поэтому необходимо приложить значительные усилия к созданию систем работы, призванных гарантировать, что строители благополучно возвращаются домой в конце каждой смены. Это, очевидно, важно [5]. Однако ограничение вопросов безопасности процессом строительства затеняет еще одну выгодную область безопасности: опасности, которые готовые конструкции, такие как здания, представляют для тех, кто их занимает, или для здоровья населения в целом.

В настоящее время в строительном секторе мало систематизированных исследований, которые бы использовали более широкий социокультурный подход к анализу несчастных случаев в строительстве. Однако, как поясняется ниже, инженерно-фокусный подход к изучению обрушений зданий не только реакционен, но и неадекватен для определения путей предотвращения, поскольку он предлагает ограниченное понимание социального контекста или более широких влияний в обществе, которые создают уязвимость для таких рисков.

Повышение коллективного знания и мудрости человечества возможно благодаря открытию новых фактов в науке и эффективному распространению уже известной информации. Люди, стремящиеся изменить и контролировать окружающую среду, чаще всего проявляют осторожность из-за опасности ошибок, которые могут привести к катастрофическим, а иногда необратимым последствиям. Прошлые инциденты служат уроками, которые помогают избежать повторения ошибок в будущем, поэтому важно развивать научные методы для изучения причин катастроф и эффективно распространять информацию среди заинтересованных сторон.

Ранее разработанные научные принципы помогают инженерам логически определять технические причины структурных отказов путем тщательного анализа достоверных фактов. Для предотвращения предубеждений и предвзятости необходимо провести детальный анализ надежных фактов, использовать основные инженерные принципы и проверить гипотезы с целью выявления и раскрытия технических причин структурных отказов. Анализ или расследование при обрушении зданий следует данному инженерному подходу. В неудачном случае обрушения здания, при случайных разрушениях, внимание обращается на непосредствен-

ные факторы, такие как инженерные или технические причины, которые были обнаружены до возникновения инцидента. Эти вопросы считаются ключевыми и фундаментальными. Основное преимущество такого подхода заключается в том, что он предоставляет надежные аналитические методы и точные инструменты для определения фактических (технических) причин обрушения. В институциональном плане некоторые уроки, полученные из крупных разрушений или обрушения зданий, извлечены и использованы для дальнейшего улучшения, которые на протяжении многих лет были включены в кодексы и стандарты.

Социально-экономические, культурные и другие аспекты обычно играют важную роль и влияют не только на инженерные особенности, но и на окончательную структуру здания. Здания представляют собой не просто материальные конструкции, основанные исключительно на архитектурных или инженерных решениях, но скорее возникают в результате сложных взаимодействий и процессов на различных уровнях взаимодействия, и уровней действий между людьми и окружающей их средой.

Таким образом определяется что ограничение анализа влияния социокультурных факторов на безопасность в секторе строительных площадках, ведь не учитывается влияние факторов на другую область безопасности: опасности, которые представляют собой завершенные конструкции. При этом, социокультурное обоснование безопасности строительных технологий возведения зданий могло бы оказаться целесообразным для определения путей, позволяющих избежать возникновения ситуаций, негативно влияющих на здоровье населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Reason J.* Managing the Risks of Organizational Accidents. Aldershot: Ashgate. 1997.
2. *Галкин К.А., Бокша И.А.* Использование натуральных материалов в строительстве: социокультурные и экологические аспекты // Сборник научных статей по материалам XII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки и техники. Инноватика». Том Часть 2. Уфа, 2023. С. 22-23.
3. *Черкасов Г.Н., Кабаева М.М.* Социокультурные аспекты развития промышленной архитектуры // Academia. Архитектура и строительство. 2011. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-aspekty-razvitiya-promyshlennoy-arhitektury> (дата обращения: 09.04.2024).
4. *Peckitt S. J., Glendon, A. I., Booth R. T.* Societal influences on safety culture in the construction industry. Construction Safety Management Systems. 2004. pp. 14 – 46.
5. *Hayes J.* Disaster incubation: Grenfell Tower's unnecessary lessons Construction Research and Innovation. 2017. 8(3). 76-79. <https://doi.org/10.1080/20450249.2017.1367559>

**ПРАГМАТИЗМ, ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ И ПРОЧИЕ
ЦЕННОСТИ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ОБЪЕКТОВ
СТРОИТЕЛЬСТВА**

**PRAGMATISM, FUNCTIONALITY AND OTHER VALUES
OF ANCIENT AND MODERN CONSTRUCTION PROJECTS**

Юсупов Ферат Серверович

Аспирант, Институт «Академия строительства и архитектуры», Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Yusupov Ferat Serverovich

graduate student, Institute "Academy of Construction and Architecture", Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Simferopol

*Научный руководитель – Гарбузов Дмитрий Викторович
д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии.*

Garbuzov Dmitry Viktorovich *Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Full Professor of the Department of Philosophy*

Аннотация: Целью данной работы является определение зависимости строительства от культурно-исторических особенностей общества. Статья посвящена особенностям синтеза философии, строительства и архитектуры древних сооружений. Рассуждения также дополняются определением философской мысли современного строительства.

Abstract: The purpose of this work is to determine the dependence of construction on the cultural and historical characteristics of society. The article is devoted to the peculiarities of the synthesis of philosophy, construction and architecture of ancient buildings. The reasoning is also complemented by a definition of the philosophical thought of modern construction.

Ключевые слова: Философия архитектуры, прагматизм, монументальное строительство, древняя архитектура, современное строительство.

Key words: Philosophy of architecture, pragmatism, monumental construction, ancient architecture, modern construction.

Строительная отрасль является одной из важнейших отраслей экономики любой страны, ученые-инженеры совершенствуют методики расчетов, проектные решения и технологии строительства. В данной работе

постараемся разобраться и ответить на вопрос, чем архитектура зданий является поистине, какие культурные, религиозные и социальные вопросы преследует и как архитектура влияет на современные проблемы строительства.

Само по себе строительство, не содержит в себе какие-либо философские аспекты. Строительство – это всего лишь отрасль, которая сочетает в себе способы возведения сооружений, что нельзя сказать про архитектуру зданий и сооружений. Начиная со 2-й пол. 20 века строительная сфера сталкивается с различными проблемами, связанными в первую очередь с недостаточной теоретической научной базой. Одной из таких проблем является строительство фундаментов на набухающих грунтах, которые при увлажнении, способны существенно увеличиваться в объеме. Начало систематического изучения явления набухания глин относится к тридцатым годам прошлого века. В эти годы возникла необходимость в разработке норм и технических условий по проектированию и строительству зданий на набухающих грунтах [1, с. 7].

Стоит задуматься, почему при строительстве в Древнем Риме или Древнем Египте, зодчих не волновало негативное влияние набухающих грунтов на возводимые сооружения, однако сооружения тех времен – сохранились в достаточно работоспособном виде до наших дней. Следует отметить, что до наших дней сохранились в основном именно сооружения религиозно-обрядового и политического назначения. В Древнем мире, последствия набухающих грунтов – просто не проявлялись, так как сооружения тех времен – были настолько тяжелыми и массивными, что давление, вызываемое набуханием было на порядок меньше веса сооружения. Архитектура древних сооружений, избавила строителей Древнего мира от проблем, с которыми сталкивается современное строительство и архитектура.

Современное же строительство направлено – на достижения экономически эффективного и наиболее прагматичного конечного продукта. И это вполне отражает то, что для нашего времени – заботы о вечности или красоте отошли на второй план. В связи с этим курсом, вес зданий – стал намного легче. И на территориях, сложенных набухающими грунтами, начали проявляться их негативные последствия: возникают трещины, которые в некоторых случаях приводят к частичному или полному разрушению сооружения. Это послужило поводом для анализа и изучения природы набухающих грунтов.

Философия архитектуры древнего мира имела глубокие корни в религиозных и культурных убеждениях того времени. Древние архитекторы и строители стремились создать сооружения, которые не только служили практическим целям, но и воплощали в себе высшие идеалы и ценности. В древних цивилизациях, таких как древний Египет, Греция и Рим,

архитектура была тесно связана с мифологией, религией и философией. Сейчас можно с уверенностью сказать, что в зданиях отражалось мировоззрение древних людей. Например, в древнем Египте пирамиды были символом вечности и бессмертия, а храмы посвящались богам. В Греции архитектура отражала идеалы гармонии, пропорций и красоты, которые были важными в философии этой культуры. Основной особенностью египетской архитектуры является монументальный и величественный облик ее сооружений [2, с. 74]. Грандиозность размеров, обобщенность, монолитность и спокойствие позы египетских статуй подчеркивали неизбежность и вечность мемориальных и культовых построек. Массивность конструкций древних культур указывало на стремление к вечности [3, с. 47]. Например, в Древнем мире строительство было одним из инструментов политического превосходства. По архитектуре городов можно было судить, какой философии в отношении государственных дел придерживался правитель. Создавая монументальные сооружения, правитель подчеркивал свою политическую мудрость и экономическое могущество государства. Кроме того, величественные постройки свидетельствовали о неоспоримом первенстве в области архитектуры [4, с. 368].

Таким образом, философия архитектуры древнего мира была направлена на создание сооружений, которые не только служили утилитарным целям, но и воплощали в себе духовные и философские принципы древних цивилизаций. Древняя архитектура, особенно великие постройки древних цивилизаций, часто была направлена на решение конкретных задач, таких как оборонительные сооружения, религиозные храмы или жилища для правителей. При этом она отражала социокультурные особенности и технологические возможности того времени. Прагматизм в древней архитектуре проявлялся через использование доступных материалов и методов строительства для достижения нужной функциональности. Современная архитектура также ориентирована на прагматичные решения, архитекторы часто стремятся к созданию уникальных и многофункциональных пространств, которые сочетают в себе высокую функциональность с художественными и дизайнерскими качествами. При этом современная архитектура также учитывает экологические аспекты и потребности пользователей.

Таким образом, как в древней, так и в современной архитектуре присутствует прагматизм как стремление к рациональным и функциональным решениям. Однако способы его проявления могут различаться из-за изменений в технологиях, культуре и ценностях общества. Философия современной архитектуры схожа с философией Маркуса Витрувия [5, с. 24]. Древнеримский архитектор формулировал три принципа архитектуры: прочность, польза и красота. Он считал, что хорошее здание должно быть прочным, удобным для использования и красивым. Однако ко всему вышеперечисленному, современная архитектура также стремится к экономически эффективному результату. Именно послед-

ний принцип вносит основные изменения современной архитектуры от древней.

Появление и развитие строительных норм и правил, в некоторой степени ужесточает требования к зданиям, особенно построенных в специфических условиях, например, на набухающих грунтах – в целях обеспечения надежности и долговечности. Возвращаясь к описанному выше современному подходу строительства, становится понятно – что строительство в особых неблагоприятных условиях, «отпугивает» инвесторов и многие территории остаются незастроенными. Однако, разработка новых методик расчетов позволит проектировать и строить здания и сооружения, наиболее экономично, даст толчок для дальнейшего развития строительства и архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мустафаев А. А.* Фундаменты на просадочных и набухающих грунтах: учебное пособие для студентов строит. спец. вузов / А. А. Мустафаев – М.: Высшая школа, 1989. – 590 с.
2. Всеобщая история архитектуры: учебное пособие / под ред. Д. Е. Аркина, Н. И. Брунова, М. Я. Гинзбурга, И. Л. Маца – М.: Издательство Академии Архитектуры СССР, 1944. – 373 с.
3. *Поляков Е. Н.* Архитектура древнего мира: учебное пособие. В 2 т. Т. 1. Архитектура стран Древнего Востока / Е. Н. Поляков. – Томск: Издательство ТГАСУ, 2016. – 400 с.
4. *Поляков Е. Н.* Архитектура древнего мира: учебное пособие. В 2 т. Т. 2. Архитектура античных государств / Е. Н. Поляков. – Томск: Издательство ТГАСУ, 2017. – 486 с.
5. *Витрувий.* Десять книг об архитектуре / пер. с лат. Ф. А. Петровского / Сер.: Классики теории архитектуры.– М.: Архитектура-С, 2006 (Репринтное издание: Витрувий Марк Поллион. Десять книг об архитектуре / пер. Ф. А. Петровского. – Т. 1. – М.: Изд-во Всес. Академии архитектуры, 1936).

УДК 316.75

ПРОБЛЕМА ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

THE PROBLEM OF CONTRADICTION OF IDEOLOGY IN THE MODERN WORLD

Баскаков Станислав Сергеевич

Магистрант кафедры философии, культурологии и социологии, социолог, лаборатория социологии, г. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Baskakov Stanislav Sergeevich

Master's student, sociologist, Laboratory of Sociology, Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

Маленко Сергей Анатольевич

д-р филос. наук, профессор, г. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, заведующий кафедры философии, культурологии и социологии.

Malenko Sergey Anatolyevich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State, Full Professor of the Department of Philosophy. Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology.

Некита Андрей Григорьевич

д-р филос. наук, профессор, г. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, профессор кафедры философии, культурологии и социологии.

Nekita Andrey Grigorievich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State, Full Professor of the Department of Philosophy. Full Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology.

Аннотация. В статье анализируется состояние идеологии в качестве инструмента выстраивания общественного пространства и социального конструкта. Ключевой этап работы – выявление противоречивости поло-

жений внутри самой идеологии. Для детального исследования поставленной проблемы мы обратились к доктринам консерватизма, либерализма и «общества потребления» как к трем важным и актуальным идеологиям прошлого и современности.

Abstract. The article analyzes the state of ideology as a tool for building public space and social construct. The key stage of the work is to identify the contradictory provisions within the ideology itself. For a detailed study of the problem posed, we turned to the doctrines of conservatism, liberalism and consumer society as three important and relevant ideologies of the past and present.

Ключевые слова: идеология, государство, общество, миф, свобода.
Keywords: ideology, state, society, myth, freedom.

В качестве одного из актуальных определений идеологии – наравне как с позитивными, так и с негативными – можно представить ее как некую материю, связующую воедино все общество. В таком значении идеология, как набор разных идей, должна в принципе объединять что бы то ни было: государство, корпорацию, сообщество по интересам и т. д. Такое политико-социальное обоснование государственной идеологии должно базироваться на широких общественных интересах, совмещать практически несовместимые элементы – интересы представителей высшего, среднего и низшего классов.

С одной стороны, любая идеология конструирует собственную мифологию. В рамках этого мифа публично обсуждается нынешнее состояние всех структурных элементов общества (или отдельного социального института) и их совместное будущее, состояние, в котором они должны находиться с целью формирования и дальнейшего продвижения (навязывания) некоего идеального образа. С другой стороны, гиперболизируются проблемы, существующие в нынешнем состоянии, которые идеология планирует устранить или вытеснить, а также намеренно умалчиваются – специально или по причине отсутствия опыта практической реализации – как нерешаемые проблемы нынешнего времени, так и те, которые образуются как в процессе претворения идеологических доктрин в жизнь, так и в результате подобной реализации.

Именно в этом компромиссном решении кроется потенциальное противоречие идеологии. Здесь раскрываются те смыслы, за которые она и обрела негативное коннотативное значение в трудах Маркса, Маннгейма, Ясперса, а также многих других ученых и исследователей социально-политической и экономической действительности. Идеология, как «транслируемый сверху (правлящим классом) образ действительности» [4, с. 317], прежде всего сформировался под влиянием эпохи тоталитаризма, эпохи, очевидно, деструктивных идей. С такой точки зрения идеология постепенно растворяется в несбыточных концепциях о конце истории в

сфере политики, но активно пытается сохраниться сегодня в конспирологических теориях.

Однако с окончанием XX века, с переходом от воинствующего разгула тоталитарных идеологий к их демократическому и псевдодемократическому плюрализму, их критики указывают, что, как и многие века назад, в наше время также сохраняется, а местами и существенно обостряется противоречивость идеологий. Справедливость этого тезиса мы рассмотрим на примере трех ведущих идеологий: консерватизма, либерализма и идеологии потребления.

Консерватизм традиционно стремится сохранить существующий status quo для всех слоев общества (и, прежде всего, для правящих элит), действуя в качестве защитно-охранительной системы и сдерживающего фактора для социальных сил, тяготеющих к изменениям, и особенно организованным. В данном случае противоречие возникает между конформизмом подавляющей части общества и реформистско-революционными настроениями представителей угнетаемых социальных слоев. Идеология консерватизма создает и тщательно поддерживает миф стабильного сохранения наилучшего положения, некоего «золотого века» в условиях грозящего распада традиционных социальных и властных структур. Наиболее опасным здесь представляется перспектива фактического «закрепощения» любого индивида, социальной группы или же общества, индивида набором идеологических догм, действующих по выражению немецкого социолога Р. Михельса как «железный закон олигархии» [5]. Консерватизм в негативном ключе реализуется в качестве следующего принципа: «государство разрешает мне выражать все мои мысли <...> но до тех пор, пока мои мысли – его мысли» [7, с. 193].

На противоположном от консерватизма идеологическом фланге многие исследователи располагают демократию, которая представляет идеи свободы. Ее ключевое противоречие раскрыл около века назад русский философ Н. Бердяев, который отмечал, что демократия хоть и конструирует мифологию свободы, создавая иллюзию решения проблем неравенства, но в действительном ее идейном основании кроется совершенно противоположная сила. Основа демократии знает только всеобщую волю, предполагая ее в качестве доброй и положительной силы. В этой связи Бердяев указывает, что «в демократии нет никаких гарантий того, что <...> воля народа пожелает свободы и не пожелает истребить всякую свободу без остатка» [1, с. 98].

Однако эта воля также представляет собой сконструированный миф, который полагает возможность самостоятельного поиска и разрешения компромисса между гетерогенными, различными по своим интересам субкультурам общества. На практике же демократия «ведет к антииндивидуализму <...> находит тысячу мирных и неприметных способов нивелировать человеческие индивидуальности и угасить свободу духа» [1, с. 99].

Та же проблема содержится и в идеологии либерализма: крайний и воинствующий индивидуализм в действительности неизбежно вырождается в тоталитаризм, в рамках которого человеку приходится только подчиняться обществу или вождю. Один из главных идеалов этой идеологии – свобода – напрямую зависит от мира вещей. Буржуа, как основной интересант либерализма, есть «раб своей собственности и денег, раб воли к обогащению <...> раб социального положения» [2, с. 233]. Именно этими рамками в итоге и ограничивается свобода либеральной идеологии. В этом и состоит ключевое расхождение идеологии свободы, где объективация становится действительностью, тогда как субъективация – несбыточным и ложным идеалом.

Заметим, что в указанных примерах идеологий противоречие зарождается как раз в контексте обоснования и определения свободы как эталона и идеального состояния, к которому необходимо стремиться.

В рамках идеологии потребления мы лишь иногда можем услышать тезисы о необходимости достижения свободы. Рынок, распространивший свое влияние на все сферы жизни человека и общества, предоставляющий широкий выбор везде и во всем, становится концентратором свободы. Этот тезис и превращается в ведущий миф современного общества и его идеологии. Однако вопрос о выборе становится ложным уже при рассмотрении необходимости его свершения. Противоречие идеологии потребления формируется и развивается между осознанием человека в качестве свободного, рационального и логичного индивида, который сам может определять себя, с одной стороны, и, с другой стороны, детальной, а местами и вообще тотальной детерминацией человеческого поведения процессом потребления.

Французский мыслитель, критик консьюмеристского социума второй половины XX века, в том числе и критик идеологии потребления, Ги Дебор указывал, что люди являются лишь объектами «общества спектакля» [3], который стремится все унифицировать, тотальность которого состоит в стремлении к самому себе и только к себе. Об этом же писал и Н. Бердяев, указывая, что буржуа «боится протяжения бесконечного» [2, с. 231], а потому пытается делить его на части. Так современный человек продвигается по бесконечности через «обман удовлетворения» [3, с. 62], через искусственное устаревание только что купленного товара и утверждение его как вещи, которая уже не удовлетворяет потребность и требует срочной замены. Если сначала существование означало «быть», то с развитием идеологии потребления произошло смещение в сторону «иметь»: человек «определяется не тем, что он есть, а тем, что у него есть» [2, с. 235]. Однако современный этап общества «ведет к повсеместному сползанию иметь в казаться» [3, с. 32]. Как раз в этом и проявляется иллюзорность свободы и действительность зависимости.

Таким образом, поставив вопрос о противоречии внутри идеологии, мы вкратце проанализировали эту проблему на примере нескольких идеологий. Основа противоречия состоит в том, что любая доктрина, определяющаяся как идеология, традиционно акцентирует внимание лишь на одной группе проблем, в то же время, полностью устраняясь от всех иных. Из этого закономерно вытекает проблема онтологического обоснования той или иной идеологии. Главный аспект несоответствия идеологий – в разных толкованиях свободы в теории и практике. Тогда встает резонный вопрос: нужна ли обществу и государству вообще «идеологический тренинг» [6, с. 126] как механизм скрепления всех элементов этого объединения? Если она все-таки нужна, то следующей проблемой может стать возможность построения теории и реализации на практике подобной непротиворечивой идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н.* Новое средневековье / Н. Бердяев. – М.: T8RUGRAM, 2018. – 128 с.
2. *Бердяев Н.* О рабстве и свободе человека / Н. Бердяев. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. – 384 с.
3. *Дебор Г.* Общество спектакля / Г. Дебор. – М.: АСТ, 2024. – 256 с.
4. *Маслова Е.А.* Эволюция представлений об идеологии в политической теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6–1. – С. 315–319.
5. *Михельс Р.* Социология политической партии в условиях современной демократии: исследование олигархических тенденций в совместной жизнедеятельности / Р. Михельс. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 448 с.
6. *Некита А. Г. Маленко С. А.* Визуальная милитаризация бытия: голливудские стратегии эстетизации насилия / А. Г. Некита, С. А. Маленко // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2024. – №1(6). – С. 85–133. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-85-133](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-85-133)
7. *Штирнер М.* Единственный и его собственность / М. Штирнер. – М.: Юрайт, 2024. – 280 с.

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ СОВРЕМЕННОЙ МЕМ-
КУЛЬТУРЫ: ФОРМИРОВАНИЕ ИЛИ ДЕКОНСТРУКЦИЯ?**

**IDEOLOGICAL SCENARIOS OF MODERN MEME CULTURE:
FORMATION OR DECONSTRUCTION**

Бурнашева Маргарита Павловна

аспирант, г. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.

Burnasheva Margarita Pavlovna

postgraduate student, Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

Маленко Сергей Анатольевич

д-р филос. наук, профессор, г. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, заведующий кафедры философии, культурологии и социологии.

Malenko Sergey Anatolyevich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State, Full Professor of the Department of Philosophy. Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology.

Некита Андрей Григорьевич

д-р филос. наук, профессор, г. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, профессор кафедры философии, культурологии и социологии.

Nekita Andrey Grigorievich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State, Full Professor of the Department of Philosophy. Full Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению типичных формирующих и/или деконструирующих идеологических сценариев современной мем-культуры. Авторы статьи ставят перед собой цель показать, как с помощью современной мем-культуры происходит как деконструкция, так и последующее формирование сознания, а также идеологических ори-

ентиров отдельного индивида, социальной группы и общества в целом. Демонстрируются примеры многогранности и неоднозначности мема с точки зрения различных идеологических сценариев.

Abstract: As the title implies, the article discusses the ideological scenarios of modern meme culture: formation or deconstruction. The authors of the article aim to show that modern meme culture deconstructs and shapes the consciousness and ideology of an individual, a social group and society as a whole. The article shows examples of the versatility and ambiguity of the meme phenomenon from the point of view of ideological scenarios.

Ключевые слова: мем-культура, интернет-мем, идеология, мировоззрение, ценности, реальность, сознание, деконструкция.

Keywords: meme culture, Internet meme, ideology, worldview, values, reality, consciousness, deconstruction.

В настоящее время исследователей и ученых разных областей знания волнует связь мем-культуры и идеологии, поскольку главной целью, на наш взгляд, сегодня является «захват» со стороны СМИ человеческого сознания как индивидуального, так и массового. Поэтому, проблема формирования или деконструкции сознания является актуально и насущной.

На первый взгляд, мем-культура лишь формирует идеологию, создавая новые образы и сценарии в умах потребителей информации. С другой стороны, тот же мем оказывается главной отправной точкой и для деконструкции существующей идеологии с целью трансформации/деформации идеологических установок, идей, культурных ценностей и кодов индивида или социальных групп.

Если задуматься, то почти никто из массовых пользователей глобальной сети «Интернет» и не понимает сущности современной мем-культуры. Листая огромную ленту с миллионами информационных постов, можно наблюдать сотни мемов, которые буквально «кричат» и побуждают человека к определенному действию или способствуют изменению поведения в социуме, а также установок, принципов и ценностей.

Прежде чем перейти к рассмотрению идеологических сценариев современной мем-культуры, обратимся к понятийному аппарату. Итак, понятие «идеология», впервые было введено в XVIII веке французским философом Дестютом де Траси, который в работе «Основы идеологии» понимал ее как весьма специфический «анализ ощущений, идей и знаков» [4].

Тем не менее, с тех пор это понятие потерпело множество трансформаций исходя из новых потребностей и запросов быстро развивающегося общества. В настоящее время существует множество интерпретаций и концепций идеологии, однако до сих пор четкой и точной ее сущности так и не определено. В современном философском словаре идеология – это «в широком смысле система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности» [6].

Также иной взгляд на этот вопрос, в своё время предложил известнейший современный словенский культуролог и философ Славој Жижек, который утверждал, что идеология «это не просто система идей. Идеология на самом элементарном уровне – это что-то интимное, спонтанное, она – в том, как вы ощущаете окружающий вас мир, как вы организуете свою жизнь, в чем вы видите ее смысл... Идеология – в том, почему вы что-то принимаете, а что-то нет, в манере вашей речи, в том, как вы готовите ужин, как вы развлекаетесь и так далее» [7].

В контексте нашего исследования также следует упомянуть и классическую работу немецкого социолога Карла Маннгейма «Идеология и утопия». Мыслитель разделял идеологию на частичную и тотальную. Частичная идеология по мнению социолога выражается в некотором недоверии отдельным идеям или в общем смысле ложность отдельных мыслей, обусловленная психологическим интересом. Тогда как тотальная идеология исключает всё недоверие и любопытство, а также непосредственно «вытекает из всей структуры сознания какой-то группы или эпохи, это определенная система мысли, переживания и интерпретации в целом» [9]. Таким образом, Маннгейм наталкивает нас на мысль о субъектном переживании идеологических принципов.

Идею субъективности и её формирования с помощью идеологии в начале XX века подхватил и итальянский философ Антонио Грамши, указывая, что «в той мере, в какой идеологии исторически необходимы, они имеют «психологическую» действенность, «организуют» людские массы, служат той почвой, на которой люди движутся, осознают свои собственные позиции, борются и т.д.» [9]. Таким образом, главная функция идеологии по Грамши – это стабилизация общества, сохранение культурных традиций, исторической памяти.

Указанную концепцию продолжил развивать французский философ Луи Альтюссер. В своем труде «Идеология и идеологические аппараты государства» он утверждает, что она играет роль системы «идей, представлений, которые владеют умом человека или социальной группы» [1]. В подобной интерпретации мы можем наблюдать углубление в социологическую сущность проблемы. Луи Альтюссер квалифицирует идеологию как «воображаемое» конкретного индивида по поводу условий его существования в этом мире и как структуру представлений в бессознательном.

В настоящей статье отдельно хотелось бы выделить и позицию немецкого философа Карла Ясперса, который квалифицировал идеологию как систему «идей и представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем, причем таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего оправдания, для маскировки собственных интересов. Наименование какого-либо мышления

идеологией – это обвинение в том, что сказанное не соответствует истине» [11]. Таким образом, автор указывает на явные отрицательные черты идеологии, так как в его утверждении прослеживается такая важнейшая миссия идеологии как мобилизация масс с какой-либо определенной, как правило корыстной целью. Причем в диапазоне от уничтожения политического противника до единения народа с помощью определенных ценностей и целей государства.

Даже уже сейчас мы можем сделать вывод о том, что сущность идеологии очень многогранна и неоднозначна. Например, более современное понятие идеологии предложили российские социологи С. Г. Кара-Мурза и А. И. Яковлев. С. Г. Кара-Мурза писал, что под идеологией следует понимать некий «комплекс идей и концепций, с помощью которого человек понимает общество, социальный порядок и самого себя в этом обществе» [8]. Тогда как А. И. Яковлев утверждал, что идеология представляет собой «духовно-практическое образование, совокупность мировоззренческих взглядов и практических действий, направленных на реализацию в жизни интересов и потребностей различных классов и социальных групп» [10]. Отсюда следует, что идеологические аспекты можно рассматривать с самых разных сторон и в различных сферах жизнедеятельности общества.

В том числе и в рамках интересующей нас мем-культуры. Специально отметим, что впервые упоминание понятия «мем» («мим») было отмечено в 1976 году в работе Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» [5]. Ричард Докинз утверждал, что мем – это наименьшая культурная единица или репликатор, которая способна, подобно гену в человеческом организме, также быстро распространяться в пространстве культуры. Новый взгляд на культурную эволюцию вызвал настоящий резонанс в научном дискурсе, после чего и появилась совершенно новая наука под названием меметика.

Безусловно, мем-культуру изучали и изучают исследователи самых различных сфер, таких как: политика, образование, социология, философия, культурология, медиа и многих других. Этот феномен также многогранен и непонятен, однако, сущностная и отличительная черта мема – его «вирусность», или, иными словами, мгновенная передача короткого специальным образом «укомплектованного» сообщения с определенным смыслом от одного индивида к другому.

Различные примеры редукционистских определений указанного феномена приводит Р. Броуди в своей работе «Психические вирусы. Как программируют ваше сознание»: «Мем – это основная единица передачи культурной информации, то есть, имитации (Р. Докинз). Мем является единицей культурной наследственности, аналогичной гену. Мем – это внутренняя репрезентация знания (психолог Г. Плоткин). Мем – это такого рода комплексная идея, которая формирует себя в виде чего-то определенного и запоминаемого. Мем распространяется посредством орудий – физических проявлений мема (когнитивист Д. Деннетт)» [2]. Подобные определения связывают общие черты и характеристики мема. Одной из

таких особенностей является информативность и коммуникация. То есть, мем – это информация, несущая в себе культурные смыслы, ценности и установки с целью коммуникации между производителем-творцом этого мема и его потребителем-получателем.

Соответственно, современная мем-культура представляется исследователям как особое социокультурное пространство коммуникации, не нашедшее «адекватных способов самовыражения» [3, с. 13], в котором также прослеживаются идеологические тенденции и установки как отдельно взятых индивидов, так и социальной группы, и всего общества в целом. Мем несёт в себе не только культурные ценности, коды, символы и субъективность отражения реальности мира, но и содержит определенную идеологию. В этом контексте идеология рассматривается как «воображаемое» субъектное отношение отдельного индивида или социальной группы к реальности. При этом мем-культура охватывает все без исключения сферы жизни общества не только формируя единое социокультурное пространство коммуникации, но также и разделяя общество на отдельные социальные группы по интересам и сферам деятельности: шахматисты, волонтеры, бухгалтеря, студенты и др.

Рассмотрим пару примеров интернет-мемов с точки зрения идеологических сценариев и попытаемся разобраться формируют или деконструируют они сознание и мировоззрение современного человека.

Мем-культура набирает популярность в знаменитой игре шахматы. Как известно, главная цель этой игры – поставить шах и мат королю противника. В переводе расхожее выражение «шах и мат» буквально: означает «король умер». Безусловно, в этом интернет-меме прослеживается как формирование идеологии, так и полное разрушение уже сформированных у социальной группы шахматистов представлений о правилах игры и видах матов. Идеология тотального уничтожения и жестокости формируется в умах молодых шахматистов, разрушая старые принципы формирования нейронных связей. После созерцания такого мема шахматист будет видеть игру сквозь призму прямой борьбы с противником с помощью насилия, так как в этом меме король изображен как несчастный человек, приговоренный к смертной казни. Пешки в таком случае выступают как «граждане», пришедшие посмотреть на демонстрацию казни. Также, в указанном меме не явно, но прослежи-

Изображение 1. Яндекс-картинки.
«Это – самый странный мат».

Изображение 2. Яндекс-картинки. «Россия – священная наша держава».

или чужого государства, высмеивая реформы настоящего времени. Итак, перед нами интернет-мем героем которого является экс-президент Соединенных Штатов Америки Дональд Трамп, поющий гимн Российской Федерации. Безусловно, в этом случае устоявшиеся идеологические установки относительно того, что Дональд Трамп в силу своей национальной принадлежности и особенно своей должности, безусловно, ненавидит российское государство, рушатся, и деконструируются, видоизменяясь в сознании современного человека. В итоге они указывают на то, что, во-первых, экс-президент США настолько ненавидит наше государство, что использует гимн для «утверждения» превосходства своего государства и собственного эго. И, во-вторых, экс-президент США, внезапно и вдруг, действительно изменил отношение к нашей стране.

Таким образом, из всего вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что идеологическая специфика современной культуры не просто деконструируется, видоизменяется и вновь переформируется. В данном случае мы попытались сделать акцент на двух важнейших этапах взаимосвязи мем-культуры и идеологии. Тогда как субъективное отношение каждого отдельного индивида к определенной идеологии всякий раз «воображает» новый интернет-аудио, видео или визуальный продукт, искажая и капсулируя наличную реальность, а зачастую и практически окончательно утрачивая связь с ней.

Именно так и происходит постоянная многосторонняя сетевая коммуникация, поскольку создатель интернет-мема вкладывает в него свою «идеологию», а получатель (реципиент) «читает» тот или иной «вшитый» знак или образ уже по-своему, опираясь на собственные представления о мире и идеологические установки. Дальнейшая интерпретация мемов происходит уже в цепи непрерывных видоизменений. Именно поэтому, нам зачастую кажется, что мем-культура настолько неоднозначна и многогранна, что в ней находит отражение и идеология. Правда и мировоззрение современной личности, а также ее идеологические установки являются

важется тема межнациональных и этнических конфликтов по признаку цвета кожи.

Если взять сферу политики, то в этом случае интернет-мемы представляют собой определенный медиаконтент с негативной направленностью, который не просто формирует новые идеологические установки общества, деконструируя уже устоявшееся мировоззрение, но и явно побуждает к слепой агрессии со стороны граждан к власти своего

нам в мем-культуре не в привычном классическом виде, а в основном посредством современных или же целенаправленно «современных» аудио, видео и визуальных образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 3. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 01.02.2024).
2. *Броди Р.* Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. [Электронный ресурс]. – М.: Поколение, 2007. – 304 с. – Режим доступа: http://www.uhlib.ru/psihologija/psihicheskie_virusy/p3.php (дата обращения: 10.03.2024).
3. *Маленко С. А.* Досуг в пространстве индустрии впечатлений: от элитарного к массовому //Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2024. – № 1(6). – С.9–17. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-9-17](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-9-17)
4. *Де Траси Д.* Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / Пер. с фр. Д.А. Ланина. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2013.
5. *Докинз Р.* Эгоистичный ген. М: Corpus (АСТ), 2013. – 277 с.
6. Идеология // Современный философский словарь [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/137/ideologiya.htm> (дата обращения: 20.03.2024)
7. Интервью В. Корецкого и Д. Рузаева с С. Жижекком от 24 апреля 2013 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archives.colta.ru/docs/20836> (дата обращения: 10.04.2024)
8. *Кара-Мурза С.Г.* Идеология и мать ее наука. – М., 2002.
9. *Маннгейм К.* Идеология и Утопия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.libfox.ru/270314-karl-manngeym-ideologiya-i-utopiya.html#book> (дата обращения: 11.04.2024)
10. *Яковлев А. И.* Государственная идеология. – Калуга, 2001.
11. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М., 1994.

**МАССОВИЗАЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА И ИХ
ТРАНСФОРМАЦИЯ В ОБЪЕКТЫ ДИЗАЙНА**

**MASS PRODUCTION OF WORKS OF ART AND THEIR
TRANSFORMATION INTO DESIGN OBJECTS**

Клёвин Виталий Геннадьевич

аспирант, г. Великий Новгород, «Новгородский государственный

университет имени Ярослава Мудрого»

университет имени Ярослава Мудрого»

Klevin Vitaliy Gennadievich

Postgraduate student, Veliky Novgorod, Yaroslav the Wise

Novgorod State

University

Маленко Сергей Анатольевич

д. филос.н., профессор

Некита Андрей Григорьевич

д. филос.н., профессор

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный

университет имени Ярослава Мудрого»

Malenko Sergey Anatolyevich

Doctor of Philosophy, Professor

Nekita Andrey Grigorievich

Doctor of Philosophy, Professor

Yaroslav the Wise Novgorod State University

Аннотация: настоящая статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы, связанной с изменением отношения в современной культуре к объектам искусства в различной форме подачи и перспективам их трансформации в объекты дизайна. Основной целью работы является, в первую очередь изучение процесса трансформации искусства в пространстве современной культуры. А также исследование специфики формирования современного искусства и особенностей его воздействия на культуру. Одновременно с повсеместной массовизацией искусства в обществе неуклонно возрастает востребованность приобретает отрасль дизайна. В связи с этим перед исследователями стоит актуальный вопрос о том, следует ли считать дизайн особым видом искусства, или нет. Результатом работы является анализ пути преобразования современного искусства в продукт дизайна в условиях массовизационных процессов в обществе и культуре.

Abstract: This article is devoted to the consideration of an urgent problem associated with changing attitudes in modern culture towards objects of art in various forms of presentation and the prospects for their transformation into design objects. The main goal of the work is, first of all, to study the process

of transformation of art in the space of modern culture. As well as a study of the specifics of the formation of contemporary art and the characteristics of its impact on culture. Simultaneously with the widespread massification of art in society, the design industry is steadily increasing in demand. In this regard, researchers are faced with the pressing question of whether design should be considered a special form of art or not. The result of the work is an analysis of the way of transforming contemporary art into a design product in the conditions of massization processes in society and culture.

Ключевые слова: искусство, дизайн, визуальный образ, продукт дизайна, массовизация, массовизация искусства, цифровая среда, цифровое искусство, культура, современное искусство, поп-арт, трансформация искусства.

Keywords: art, design, visual image, design product, massification, massification of art, digital environment, digital art, culture, contemporary art, pop art, transformation of art.

Для начала нам предстоит выяснить, когда именно началась массовизация искусства и в чем именно состоят ее особенности. Философы, культурологи, социологи и искусствоведы в принципе традиционно сходятся на том, что под массовизацией следует понимать комплекс разносторонних и взаимосвязанных процессов, предполагающих количественное и качественное.

Массовизация – это сложный, во многом противоречивый и многоуровневый процесс, связанный с расширением сферы воздействия какого-либо явления в обществе [5]. В нашем конкретном случае речь идет о воздействии массовизационных процессов на искусство. Авторы многочисленных культурологических и культурфилософских исследований практически повсеместно используют понятие «массовизация культуры» [2]. Толкуя его в контексте гораздо большей доступности объектов искусства массовому потребителю, а не как традиционно, веками ранее исключительно представителям правящих элит. Кроме того, речь идет о совершенно закономерной в таком контексте практике повсеместного или даже целенаправленного снижения уровня качества культурных продуктов, которые теперь ориентировались и на вкусы, и на кошелек массового потребителя. «Массовизация – это процессы трансформации немассовых феноменов в массовые: культуры – в массовую культуру, общества в массовое общество, человека (индивидуальности) – в «массового человека» [6, с. 87].

На всем протяжении истории искусства оно практически всегда, особенно в условиях классового общества носило коммерческий характер, но при этом достаточно зримо и ощутимо сохранялись его элитарность и ориентация на ничтожно малые по численности группы потребителей. Работы авторов были единичными, уникальными и не предполагали идеи копирования и использования для вторичных целей. С изменением культуры и возникновением массовизационных тенденций в XIX–XX веках происходит своеобразное слияние изобразительных искусств и массовой

культуры. Предпосылки к этому появились задолго до появления поп-арта в работах таких выдающихся художников как Густав Курбе, Пабло Пикассо, Марсель Дюшан и многих других мастеров, которые использовали в своих произведениях образы продуктов массового потребления, упаковку, печатную продукцию, что в дальнейшем во многом и способствовало появлению такого художественного направления как поп-арт.

«Поп-арт (англ. popart, сокращение от popularart – популярное или естественное искусство) – течение в авангардном искусстве стран Западной Европы и США конца 1950–1960-х годов» [9]. Поп-арт в наибольшей степени повлиял на массовизацию произведений искусства и их трансформацию в объект дизайна. Как следует из названия, авторы, работающие в указанном направлении, стремились создать естественное, популярное искусство из повседневных объектов, которые повсеместно окружают каждого человека, но, при этом, все-таки сохраняя художественную ценность своих работ. В это же время широко развивается индустрия рекламы как неотъемлемый атрибут массовой культуры. Так же стоит отметить и обратное влияние рекламной продукции на изобразительное искусство, поскольку реклама все чаще стала появляться в работах художников в качестве полноценного объекта художественного творчества.

В процессе массового и повсеместного проникновения рекламной индустрии в изобразительное искусство экспертам все сложнее становится разобраться, что же из созданного художниками все еще является искусством, а что стало уже рекламой, поскольку происходит их взаимное проникновение. Более того, рекламу в настоящий момент вполне можно считать полноценной отраслью искусства. Одновременно с этим происходят изменения в установках авторов художественных произведений. Так, начиная с середины XX века появляется тенденция противопоставления массового искусства элитарному. В силу этого многие авторы изначально стремятся выполнить свои работы в доступном для неподготовленных людей виде, упрощая посыл/смысл своих работ для гораздо большего их понимания среди потребителей.

И действительно, в самом начале этого пути художниками являлись профессионалы, но с появлением и повсеместным распространением современных технологий мастерам становилось все проще создавать собственные «бытовые» объекты искусства, что вызывало значительное снижение качества работ, но при этом одновременно резко увеличивалась доступность произведений искусства, «приносящих удовольствие, будоражащих чувства» массового потребителя [2, с. 31].

Параллельно с упрощением искусства происходит изменение эмоционального посыла, закладываемого автором. Так в предшествующие эпохи работы художников, скульпторов, музыкантов и множества других творческих людей в большинстве своем несли в себе возвышенные, просветительские и даже сакральные смыслы. С наступлением эпохи массовой культуры работы авторов принимают все более потребительские

и примитивные формы, в силу чего в основном служат для развлечения, удовлетворения «жажды зрелища» или откровенно низменных инстинктов и страстей публики. Они изначально ориентированы на массовую зрительскую аудиторию, с невысоким уровнем потребностей и культуры. В силу чего искусство неизбежно теряет свой былой элитарный статус, подвергаясь процессам массовизации. По целиком обоснованному мнению исследователей, достаточно высокий «уровень развития цифровых технологий может способствовать постепенному разрыву связи между произведением искусства и его зрителем. Если выражаться терминами, введенными Ортега-и-Гассетом, можно сказать, что в современном мире продолжается процесс дегуманизации искусства, и это отчасти связано именно с цифровизацией» [1].

Одновременно с процессом массовизации в современную культуру все глубже проникает и индустрия дизайна. Используя приемы и инструменты, во многом схожие с художественным искусством, современный дизайн все больше становится «искусством», зачастую практически полностью подменяя объекты искусства дизайнерскими формами, таким образом проникая в культуру, что проявляется и в живописи, и в архитектуре, музыке и других сферах искусства.

В процессе трансформации произведений искусства в объекты дизайна как эксперты-специалисты, так и массовый зритель повсеместно встречаются с изображениями всемирно известных произведений искусства на упаковках различных продуктов, на полиграфической и сувенирной продукции в магазинах и на лотках. Следует сказать, что отрасль дизайна повсеместно эксплуатирует шедевры мирового изобразительного искусства в повседневных целях, преследуя идею привлечения на эту «наживку» массового потребителя и последующего получения прибыли, используя при этом билборды, плакаты, вывески и другие носители или различные интернет-ресурсы.

При этом стоит отметить, что повсеместная практика использования работ выдающихся художников зачастую не практически никак не обусловлена ни категорией, ни направленностью рекламируемой продукции. А выбор того или иного шедевра обусловлен лишь эстетической «выгодностью» (имагинативной продаваемостью) работ известных мастеров. Массовый потребитель зачастую отдает выбор более узнаваемому образу который за счет своей мифосимволической истории вызывает у него гораздо больше доверия. «К примеру, многие производители при выборе стилистики оформления продукта отдают свое предпочтение такому излюбленному направлению живописи, как модерн. И не зря, – упаковки, содержащие работы всемирно признанных творцов – Альфонса Мухи, Густова Климта, Обри Бердслея подчеркивают изящность товаров, их эксклюзивность, избранность, престижность» [8]. Образно говоря, появляется бессознатель-

ный «эффект переноса» [4], когда к товарам, содержащимися под упаковкой с нанесёнными на ней изображениями работ известных авторов за счет ассоциаций и эмоций, которые вызывают выдающиеся произведения искусства, формируется большее доверие, товар бессознательно наделяется большей надежностью, заслуживает большего внимания и т. д.

Трансформация произведений искусства в объекты дизайна происходит на разных уровнях и варьируется от простого помещения известных изображений на постер, или деталь интерьера, до более глубокой «переработки» и переосмысления выдающегося художественного произведения. Современные дизайнеры повсеместно стремятся использовать необычные метафоры, привлекающие массовое внимание к продукту, который в таком случае получает шансы обрести новые площадки для своего продвижения на рынке товаров и услуг. Так, например дизайнеры очень любят использовать работы ряда узнаваемых художников: Сальвадора Дали, Винсента Ван Гога, Леонардо Да Винчи, Сандро Боттичелли и многих других авторов.

К тем, увы, немногим, моментам положительного воздействия массовизации в культуре можно отнести хоть какое-то приобщение массового потребителя к шедеврам мировой культуры через инструменты дизайна. Пусть и в упрощенной форме, но интерес к классическому искусству в современном мире, где все покупается и все продается все-таки еще сохраняется. Так же к положительным моментам можно отнести доступность современного искусства как для потребителей, так и для авторов произведений. Одновременно с доступностью растет и «массовое очарование» [6, с. 87] такого рода произведений искусства, тем самым к нему хотя бы в такой форме приобщаются более широкие группы населения.

К негативным аспектам подобной практики следует отнести существенное понижение общего уровня культуры населения в том числе и за счет «простоты» доступа к такого рода объектам дизайна. К тому же, сегодня появляется большое количество авторов-самоучек, которые не имея должного образования, лишь повторяют и копируют работы более удачливых в коммерческом отношении авторов. Во всем этом многообразии примитивизма и безвкусицы многие потребители не могут обрести и сформировать в себе подлинные эстетические ценности, постоянно подвергаясь влиянию общественного мнения.

Как мы попытались доказать, массовизация искусства несет в себе как ряд положительных, так и, несомненно, великое множество отрицательных сценариев воздействия на культуру, общество и личность. Но необходимо учитывать, что в современном обществе непрерывно происходят поистине тектонические сдвиги, которых ранее не знала ни одна эпоха в развитии человечества. Повсеместная цифровизация и глобализация не могут не оказывать влияния на культуру и человека, поэтому во многом подобные изменения неизбежны, а это значит, что современные художники, дизайнеры, архитекторы и другие представители культуры могут, увы, лишь частично повлиять на ход событий, и попытаться направить культуру в нужное, более возвышенное и гуманное русло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиханова В. Л. Массовизация произведения искусства в «эпоху цифры» / В. Л. Алиханова // *Философская мысль*. – 2022. – № 2. – С. 125–132.
2. Борисов С. В. Вариативность мировоззренческого опыта: бриколаж vs «синяя таблетка» // *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*. – 2024. – №2 (7). – С. 21-54. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-21-54](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-21-54)
3. Колбасова Е. А. Эстетические аспекты философии Ф. Ницше: проблема массовизации искусства и культуры. Диссертация / Е. А. Колбасова. – М.: ИНФРА–М, 2015. – 375 с.
4. Козиорова Л. Эффект переноса в психологии и в жизни [Электронный ресурс] / Л. Козиорова. – Режим доступа: <https://proza.ru/2016/10/04/1190> (дата обращения: 21.03.2024).
5. Народный словарь современного русского языка. – М.: Наука, 2024. – 616 с.
6. Некита А. Г., Маленко, С. А. Услужить индустриям ностальгии: мифология советского Чебурашки в лабиринтах потребительской безысходности / А. Г. Некита, С. А. Маленко // *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*. – 2024. – №2 (7). – С. 86-126. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-86-126](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-86-126)
7. Чернов Г. Ю. Понятие массовизации: антропосоциокультурный подход / Г. Ю. Чернов // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2012. – №4 (258). *Философия. Социология. Культурология*. – Вып. 23. – С. 85–88.
8. Шедевры искусства в современных рекламных кампаниях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://deziiign.ru/project/eed169999ca646a78acc72c6a3041496> (дата обращения: 10.04.2024).
9. Alloway L. *American Pop Art* /L. Alloway. – New Yourk: Macmillam Pub, 1974. – 144 p.

**НИКОМУ НИЧЕГО НЕ СКАЖУ:
СУРДОПОСТАПОКАЛИПСИС В ФИЛЬМЕ «ТИХОЕ МЕСТО»**

**I WON'T TELL ANYONE ANYTHING:
THE SIGN LANGUAGE APOCALYPSE IN THE MOVIE «A QUIET
PLACE»**

Маленко Сергей Анатольевич

д. филос.н., профессор

Malenko Sergey Anatolyevich

Doctor of Philosophy, Professor

Некита Андрей Григорьевич

д. филос.н., профессор

*ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого»*

Nekita Andrey Grigorievich

Doctor of Philosophy, Professor

Yaroslav the Wise Novgorod State University

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу художественной модели постапокалиптического будущего в голливудском фильме «Тихое место». Главными героями картины являются Звук и Тишина как антиподы классических практик цивилизации и культуры. Они становятся символами преодоления отчуждения и формирования нового, аудио-сенсорно-ориентированного типа Человека.

Abstract: this article is devoted to the analysis of the artistic model of the post-apocalyptic future in the Hollywood film “A Quiet Place”. The main characters of the picture are Sound and Silence as antipodes to the classical practices of civilization and culture. They become symbols of overcoming alienation and the formation of a new, audio-sensory-oriented type of Man.

Ключевые слова: голливудский кинематограф, постапокалипсис, Звук, Тишина, сурдоапокалипсис.

Keywords: Hollywood cinema, post-apocalypse, Sound, Silence, deep apocalypse.

«Быть чутким» – вот тот актуальный вызов, который стоит перед классической гуманитарной наукой вообще и практической философией в частности. Увлеченность различными рода философскими концепциями прошлого, непосредственно граничащая с пустыми интеллектуальными спекуляциями, создает для философии достаточно опасный прецедент, означающий ее превращение в абсолютно невостребованный балласт научного знания, актуальность и ценность которого не в состоянии по-

нять ни сами философы, ни, тем более, их гораздо менее подготовленные современники.

Наоборот, современное искусство, особенно в лице кинематографа, активно и успешно соперничая с иными духовными практиками за сердца и умы зрителей, всегда стремилось затрагивать наиболее острые социальные противоречия с тем, чтобы своевременно, а то еще и загодя, визуализировать исподволь вызревающее тренды, позволяющие прочувствовать и осмысливать образы близкого и далекого будущего. Поэтому размышления над смыслами социальных горизонтов представляются нам наиболее важным вкладом в практическое освоение парадигм развития современной цивилизации.

Безусловно, в этом особенно преуспевает жанр киноапокалипсиса, который рефлексирует как над стратегиями, так и над малейшими деталями общественного развития в ближайшем и отдаленном будущем. В этой связи, особенно интересными видятся визуальные эксперименты режиссера Дж. Красински, выпустившего в мировой прокат две картины «Тихое место» в 2020 и 2022 годах. Несколько слов о сюжете, который значительно отличает эти фильмы от иных, снятых в этом жанре.

Первая картина рассказывает об ужасных событиях 2020 года, когда человечество оказалось в постапокалиптической реальности после того, как практически полностью было истреблено гигантскими инопланетными паукообразными чудовищами. «Большая часть населения Земли была уничтожена незрячими вземными существами со сверхчувствительным слухом. Обладая значительными размерами, скоростью и, казалось бы, непробиваемым бронированным панцирем, они используют свою остроту слуха, чтобы находить и атаковать все, что производит хоть какой-то шум» [1]. Они появились после длительного метеоритного дождя и стали именоваться, следуя цитатам из газетных вырезок той эпохи «Ангелами смерти». Эти существа вели себя как кровожадные хищники, обладая ультрачутким слухом, что, согласно теориям эволюционной компенсаторности, во многом объясняет их слепоту. К сожалению, привычное оружие людей против монстров оказалось бесполезным, поскольку они обладали необычайно прочными внешними покровами.

Постапокалиптическое соперничество с инопланетными чудовищами по замыслу режиссера фильма начинается провинциальное фермерское семейство Эбботов. Таким образом массового зрителя уже с первых кадров «отбрасывают» как бы в XIX век, в самое начало формирования общества «американской мечты». В семье трое детей: двое сыновей (Маркус и Бо) и старшая дочь (Риган), которая от рождения является глухонемой. Отец Ли Эббот, понимая, что семья лишена привычной медицинской помощи, стремясь помочь дочери постоянно совершенствует ее кохлеарный слуховой имплант, который в итоге оказывается одним из наиболее эффективных

инструментов борьбы с паукообразными монстрами. Интригующий сюжет первого фильма, в ходе которого первое слово звучит только на тридцать восьмой минуте, значительно усиливает зрительские переживания за судьбы героев и во второй части картины. Изобретение главы семейства со временем становится проверенным оружием в борьбе против пришельцев и фактически создает условия для победы над ними.

Но, безусловно, главным персонажем этой пронзительной киноистории является само Молчание. Особенно остро эта тема воспринимается на фоне истории классических цивилизаций, которые всегда сопровождали себя звуками, независимо от эпохи, местоположения, характера и уровня развития. Кинематографический эксперимент Дж. Красински очень напоминает литературный эксперимент П. Зюскинда в романе «Парфюмер», где тематическое и идейное наполнение всецело привязано к запаху. Зюскинд так описывает обонятельную картину французских городов XVIII века. «В городах того времени стояла вонь, почти невообразимая для нас, современных людей. Улицы воняли навозом, дворы воняли мочой, лестницы воняли гнилым деревом и крысиным пометом, кухни – скверным углем и бараньим салом; непроветренные гостиные воняли слежавшейся пылью, спальни – грязными простынями, влажными перинами и остро сладкими испарениями ночных горшков. Из каминов несло верой, из дубилен – едкими щелочами, со скотобоен – выпущенной кровью. Люди воняли потом и нестираным платьем; изо рта у них пахло сгнившими зубами, из животов – луковым соком, а из тела, когда они старели, начинали пахнуть старым сыром, и кислым молоком, и болезненными опухольями. Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах. Воняли крестьяне и священники, подмастерья и жены мастеров, воняло все дворянское сословие, вонял даже сам король – он вонял, как хищный зверь, а королева – как старая коза, зимой и летом. Ибо в восемнадцатом столетии еще не была поставлена преграда разлагающей активности бактерий, а потому всякая человеческая деятельность, как созидательная, так и разрушительная, всякое проявление зарождающейся или погибающей жизни сопровождалось вонью [2]. В то время как в киномирах Дж. Красински цивилизация под влиянием внешних угроз и во имя единственного шанса на выживание вдруг замолчала.

Фактически эти два самых «тихих» фильма голливудского жанра постапокалиптических ужасов ставят перед зрителем ключевой вопрос. Что же в итоге будет с человечеством, которое в результате внешних угроз будет вынуждено практически полностью вытеснить речь как базовую антропологическую функцию своего сознания. Впрочем, как мы видим, в жизненной драме семьи Эбботов язык все-таки остается, а вот речь фактически изгоняется, превращаясь в маргинальную биосоциальную стратегию. В итоге, выжившие люди для того, чтобы окончательно не исчезнуть, отказываются от второй сигнальной системы, которая и составляет основание как культуры, так и цивилизации. Они вынужденно, но осознанно внедряют

жесткую инклюзивную стратегию, как бы идя на поводу у господствующих обстоятельств. В то же время, замещая звуковую парадигму классической культуры ее постапокалиптическим молчаливым аналогом, оставшиеся в живых люди находят весьма эффективный инструмент борьбы с внешними угрозами. Отказавшись от диалога как коммуникативного фундамента цивилизации, люди постапокалиптического 2020 года продолжают его на уровне внутренней жизни сознания.

Фильм появляется далеко не случайно. Он является следствием беспрецедентной информационной пресыщенности современной цивилизации, создающей бесконечное количество коммуникативных поводов, но не требующих их осознания и переживания, в результате чего они могут претендовать в лучшем случае лишь на статус информационного шума.

Американский исследователь Дж. Прочник в своей книге «В погоне за тишиной: поиск смысла в мире шума» обращает внимание на то, что включенный в рамках цивилизации «звук навязывает вам историю, <...> и это всегда чья-то история» [3]. Таким образом цивилизация в ее традиционном понимании всегда связывалась с увеличением количества разнообразных звуком и нарастанием их силы. По версии режиссера Дж. Красински, цивилизация до появления ужасных пришельцев стала чрезмерно шумной. А в процессе этого она постепенно утрачивала способность к дифференциации звуковых рисунков и образов, а значит и тех фундаментальных смыслов, которые сопровождают те или иные культурные достижения человека и человечества. Поэтому старая культура в какой-то момент времени закономерно превращается в пространство неразличимых звуковых колебаний. Вселенная звуковой семиотики трагически исчезает, звуковые знаки утрачивают связи как с денотатами, так и с сигнификатами. Это значит, что в культуре подобного типа начинает доминировать бессмысленность, а взятая в контексте естественных процессов, культура становится на путь собственного вырождения. «Цивилизация шума» окончательно лишает человеческих особей естественной способности различения каких бы то ни было биотических опасностей, а потому неуклонно, но закономерно движется к своему вымиранию.

На этом контрасте сюжет «Тихого места» более всего напоминает традиции монашеских орденов, в которых тишина как «звук отсутствия звука» [4, с. 17] рассматривалась как необходимое условие для самопознания и приближения к Богу. Кстати, даже сама фамилия семейства главных героев фонетически отсылает нас к аббатству и монашеству, а также к практикам молчания и тишины в мировых религиях, которые «могут привести в нас плодородное неизвестное: пространство, в котором можно сосредоточиться и впитать опыт» [5]. Да и то, как старшие Эбботы трепетно учат своих детей быть внимательными к каждому звуку и шороху, очень напоминает сакральные практики обучения чтению или письму, как неотъемлемым

элементам классической книжной культуры [6, с. 10]. Тогда как в пространстве постоянного шума эти навыки постепенно, но неуклонно деградируют. Поэтому смертельное соперничество паукообразных пришельцев с семейством Эбботов, несомненно, имеет маевтическую тональность, неся с собой чудовищные смерти, монстры превращаются во внешний, вынуждающий неслышащих представителей людской цивилизации вслушиваться в окружающий мир и находить оригинальные способы со вновь возникшими естественными угрозами.

Фактически, слухачи-пришельцы экстремальным способом принуждают оставшихся в живых людей «возродить» собственную слуховую эволюцию, которая на каком-то страшном этапе развития цивилизации не только начала замедляться, но и откровенно деградировала. Поэтому сурдоапокалиптическая история противостояния семейства Эбботов с пришельцами заново актуализирует вечную тему самопознания как магистральную линию личностной и культурной эволюции человека. Тогда как демонстративная инклюзивность подходов родителей Эбботов к воспитанию и обучению дочери лишь подтверждает необходимость творческого и неординарного характера всей человеческой коммуникации. При этом, многовековая культура человечества, намеренно рассмотренная Голливудом в первой четверти XXI века в условиях постапокалипсиса исключительно через призму звука как последней и единственной нити, связующей человека, природу и цивилизацию, несомненно, открывает новые антропологические горизонты развития человека и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. A Quiet Place // Fandom.com. – Режим доступа: https://a-quiet-place.fandom.com/wiki/A_Quiet_Place (дата обращения: 25.04.2024).
2. *Зюскинд П.* Парфюмер. История одного убийцы / П.Зюскинд. – М.: Азбука-классика, 2015. – 304 с. – Режим доступа: http://library.lgaki.info:404/2017/Зюскинд%20П_Парфюмер.pdf (дата обращения: 25.04.2024).
3. *Малютченко М.* Эстетика тишины: чему нас учит молчание в эпоху шума // The Wall. – Режим доступа: <https://thewallmagazine.ru/estetika-molchania-v-epochy-shuma/> (дата обращения: 25.04.2024).
4. *Хан Т. Н.* Тишина. Спокойствие в мире, полном шума / Тит Нат Хан ; пер. с англ. Михаила Попова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 192 с.
5. The ‘Pursuit Of Silence’ In A World Full of Noise. Author interviews // NPR. – Режим доступа: <https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=125511963#125713794> (дата обращения: 25.04.2024).
6. *Маленко С. А.* Образы потребительского мировоззрения: история, повседневность, горизонты //Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2024. – №2(7). – С. 9–19. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-9-19](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-9-19)

**ФИЛОСОФИЯ ВЫЖИВАНИЯ НА РУИНАХ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ПОСТАПОКАЛИПСИС В ФИЛЬМЕ «ДОРОГА»**

**THE PHILOSOPHY OF SURVIVAL ON THE RUINS OF
CIVILIZATION:
THE POST-APOCALYPSE IN THE MOVIE «THE ROAD»**

Некита Андрей Григорьевич

д. филос.н., профессор

Nekita Andrey Grigorievich

Doctor of Philosophy, Professor

Маленко Сергей Анатольевич

д. филос.н., профессор

*ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого»*

Malenko Sergey Anatolyevich

Doctor of Philosophy, Professor

Yaroslav the Wise Novgorod State University

Аннотация: настоящая статья посвящена архетипическому анализу сюжета и героики голливудского постапокалиптического фильма «Дорога» режиссера Дж. Хиллкоута. Представлена художественная модель мира будущего, в которой коммуникация персонажей осуществляется на фоне смерти социального и экстремального обострения борьбы за выживание, опирающейся на природные и раннецивилизационные способы конкуренции.

Abstract: this article is devoted to an archetypal analysis of the plot and heroics of the Hollywood post-apocalyptic film “The Road” directed by J. Hillcoat. An artistic model of the future world is presented, in which the characters’ communication takes place against the backdrop of social death and extreme aggravation of the struggle for survival, based on natural and early civilization methods of competition.

Ключевые слова: борьба за выживание, постапокалипсис, голливудский кинематограф, архетип, Отец, Сын, Мать, Дом, Дорога.

Keywords: struggle for survival, post-apocalypse, Hollywood cinema, archetype, Father, Son, Mother, House, Road.

Философские эксперименты в современном игровом кино представляют собой достаточно интересные попытки моделирования возможных социальных изменений в четко обозначенных цивилизационных контекстах. Особенно выделяется в этом отношении жанр постапокалипсиса, который

все активнее предпринимает необычайно смелые попытки визуализации образов кошмарного будущего. Одной из таких необычных интерпретаций следует отнести экранизацию романа Кормака Маккарти [1] по одноименной драме Джона Хиллкоута «Дорога», российская премьера которой состоялась в 2010 году.

В центре повествования находятся отец и его маленький сын, которые, спасаясь от голодной смерти и преследования банд мародеров, настойчиво ищут спокойное и сытное место на Земле, разрушенной страшным катаклизмом. Все находится в руинах: «На дальнем конце речной долины дорога проходила через совершенно черный пустырь после пожара. Обугленные и лишённые конечностей стволы деревьев тянулись со всех сторон. Пепел, движущийся по дороге, и обвисшие руки глухой проволоки, натянутые на почерневших световых столбах, тонко поют на ветру. Сгоревший дом на поляне, а за ней – суровые и серые луга и красная грязь, где лежали заброшенные дорожные работы» [2, с. 36]». Странствия этих двух персонажей проходят практически в мертвом мире, что лишь подчеркивает особую ценность происходящего между главными героями. Подобные перемещения скорее всего напоминают визуальную «маршрутизацию» по внутреннему миру героев, стремящихся найти точки опоры в своих стремлениях выжить. Такой разворот сюжета недвусмысленно указывает на «некое архетипическое, мифологическое пространство» [3, с. 80] и создает условия для рефлексии по поводу судеб человека и культуры в условиях практически полностью разрушенной цивилизационной оболочки внешнего мира.

Архетипический контекст культуры, как правило, представляет собой сложную конфигурацию коллективно сформированных сценариев приращения опыта освоения мира, который в каждом новом индивиде получает шанс на творческое пересотворение. Это оказывается возможным лишь при условии сохранения устойчивых социальных связей, которые и составляют суть воплощения архетипического как такового. Социальное окружение человека является естественной формой существования архетипического и придает индивидуальным открытиям общезначимый, коллективный смысл. Подобные послышки выступают базовыми для процессов социализации и индивидуации, в то время как в фильме «Дорога» такой контекст практически отсутствует. Фактически символами коллективного опыта оказываются только сами главные герои – отец и сын, периодически встречающиеся им на пути преступники, а также уцелевшие материальные фрагменты некогда достаточно грозной и одновременно цветущей цивилизации. Они и являются теми катализаторами коллективного опыта, которые столь необходимы для формирования новой антропологической парадигмы в условиях полностью разрушенного мира.

Кинокартина по сути ставит и ищет ответы на главный вопрос: как возможно архетипическое в постапокалиптическом? Первыми предвестником сохранения архетипического выступает пара Отец и Сын. По идее, отец, как более старший, «бесконечно одинокий» персонаж драмы [4, с.

105], имеет более глубокий и продолжительный архетипический опыт коммуникации со средой. Однако в каждом из всех немногочисленных диалогов с сыном отец всякий раз лишь подчеркивает исключительную важность стратегии биологического выживания. Именно в ней, как в магическом кристалле, преломляется весь коллективный архетипический опыт трагически рухнувшей цивилизации. Таким образом, отцовский шок от разрушения привычного мира блокирует его важнейшие архетипические функции, фактически обращая в бессмыслицу процесс социализации и трансляции культурного опыта предшествующих поколений. Глубинная связь Отца с Сыном удачно сформулирована самим отцом: «Я знаю одно – в ребёнке моё спасение. И если он не слово Господне, значит, Бог не умел говорить» [5].

Отцовский негативизм к коллективному культурному опыту, в том числе, обусловлен и трагическим уходом из жизни его супруги, которая не нашла в себе сил бороться с постапокалиптической безысходностью. Несмотря на то, что архетипически мать организует среду бытия новых поколений, в сценарии «Дороги» – это откровенно слабая и безвольная женщина, окончательно сбросившая с себя всю коллективную ответственность за оставшийся человеческий род в лице ее мужа и сына. Самоубийственная смерть матери в условиях постчеловеческой и постприродной реальности лишает сына значимой части его сознания, непосредственно относящейся к способам организации среды существования.

Поэтому бесконечная, разоренная, унылая и опасная дорога в анализируемой кинокартине – это образы архетипической компенсации беспутности природной и социальной среды, трагически лишённой Материнства. Подобное сыновье сиротство значительно усиливается визуализацией пространств разрушенных домов, в которые периодически останавливаются герои, пытаясь отыскать хоть какую-то консервированную пищу. Особенно остро отсутствие Матери ощущается в доме, где проходило детство Отца, который вместо того, чтобы обрести и передать сыну в подобном пространстве жизнеутверждающий смысл, лишь еще и еще раз констатирует безнадежность сложившейся ситуации. Поэтому странствия Отца и Сына по дороге являются последним мужским призванием в постапокалиптическом мире, где бесконечная Дорога становится единственно возможной формой существования Дома.

Но в подобных условиях и сам отец оказывается достаточно слабым и потерянным. Максимум на что он оказывается способным – это на периодическое создание для собственного сына экзистенциальных провокаций, хоть как-то побуждающих стремление ребенка к познанию мира, самого себя и окружающих людей. Сомнения отца по поводу перспектив выживания лишь усиливается при встречах с дорожными бандами, которые промышляют разбоем и канибализмом.

Стоит задаться вопросом, как же вышло так, что при разрушении общества и цивилизации криминальные субкультуры оказались единственными носителями коллективного опыта? Скорее всего, это связано с самой природой цивилизации, которая табуировала практически всю этологию человека, оставив лишь немногие лазейки, которые при каждом удобном случае даже образованного и с виду цивилизованного человека так или иначе выводят именно на криминальные сценарии осуществления собственной экзистенции, особенно в периоды кризисов и шатаний.

Вполне возможно, что показанные в фильме криминальные группировки всего лишь символизируют самый ранний опыт противостояния цивилизационных норм и самостоятельных архетипических сценариев реализации творческой активности. Ведь криминальными они становятся только лишь в сравнении с принятыми моральными и правовыми моделями регламентации отношений и деятельности. Тогда как в условиях практически полностью разрушенного мира как раз этот социальный опыт оказывается наиболее востребованным и актуальным.

Показательно, что Отец и Сын, постоянно сталкиваясь с подобными социальными группами, попадают в пространство «чистой», дикой борьбы за выживание, начисто лишенной культурных правил. В какой-то момент у массового зрителя складывается ощущение, что это и есть тот единственный оставшийся в условиях постапокалиптического хаоса сценарий сохранения себя – природный, живой, деятельный, эгоистичный. Однако Сын все время одергивает Отца, настаивая на том, чтобы он был и оставался для него примером. Особенно показательно это в случае с вором, который хотел обокрасть путников. За это Отец раздевает вора, оставляя его на холоде совершенно беззащитным. Тем не менее, мальчик настаивает на необходимости вернуть этому человеку одежды и выделении ему из запасов банки консервов, для того чтобы тот смог выжить и получил шанс измениться к лучшему. Такими действиями Сын фактически принуждает Отца вернуться в лоно человечности. То же самое происходит и того, когда путники встречают умирающего от голода старика. Мальчик и здесь упрощает Отца накормить несчастного, реанимируя ставшие уже практически призрачными, ненужными, а вполне вероятно и смертельно опасными для «дающего» общекультурные практики милосердия. Поэтому Сын оказывается парадоксальным образом намного «взрослее» и архетипичнее, нежели практически полностью разочаровавшийся в жизни. Ведь именно Сын по собственной воле цепляется за любой повод к пересозданию разрушенного мира и возобновлению бесконечного цикла Жизни. Подобные архетипические уставки Сына находят свое максимальное воплощение в финальных сценах картины, когда он, будучи уже полным сиротой, совершенно неожиданно встречает на побережье метрового и безжизненного моря хорошо вооруженного мужчину с женой и детьми и принимает их предложение вместе продолжить опасный, но уже куда более интригующий путь по Дороге.

Таким образом, сюжет фильма «Дорога» является неординарным образцом голливудской постапокалиптической рефлексии по поводу возможных моделей осуществления феноменологии архетипа в условиях конца социальности как одной из популярных тем современной массовой культуры. Отраднее то, что, несмотря на предельную жестокость повествования, создателям картины, безусловно, удалось зафиксировать созидательные смыслы в мире, из которого Надежда, казалось бы, ушла навсегда, а осталось «мужество жить, вопреки тому, что жить незачем» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маккарти К.* Дорога. – М.: Издательская Группа „Азбука-Аттикус“, 2014. – Режим доступа: https://img0.liveinternet.ru/images/attach/d/3/13388/13388844_makkarti_kormak_doroga.pdf (дата обращения: 24.04.2024).
2. *McCarthy, C.* The Road / *C. McCarthy.* – New York: Vintage Books, 2006. – 387 p.
3. *Лефман Т. О., Егорова, Е. Н.* Сюжетный твист с игрой сознания в кино: герой скорее жив, чем мертв //Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2024. – №2(7). С. 56-85. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-56-85](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-56-85)
4. *Некита А. Г., Маленко С. А.* Услужить индустриям ностальгии: мифология советского Чебурашки в лабиринтах потребительской безысходности мертв //Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2024. – №2(7). С. 86-126. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-86-126](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-86-126)
5. *Гагинский А.* Реалистичный взгляд на постапокалипсис – «Дорога» (2009), режиссёр Джон Хиллкоут //Livejournal.com. – Режим доступа: <https://fanfanews.livejournal.com/675221.html> (дата обращения: 24.04.2024).
6. *Латыпов И.* Дорога (отзыв о фильме) //Livejournal.com. – Режим доступа: <https://tumbalele.livejournal.com/17165.html> (дата обращения: 24.04.2024).

**ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ ИСКУССТВА
И СЦЕНАРИИ ЕГО ВОЗМОЖНОГО БУДУЩЕГО**

**DESACRALIZATION OF ART
AND SCENARIOS OF ITS POSSIBLE FUTURE**

Осипов Дмитрий Владимирович, аспирант кафедры философии, культурологии и социологии, г. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, ассистент кафедры дизайн.

Osipov Dmitry Vladimirovich, Postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Veliky Novgorod, Novgorod State University Yaroslav the Wise, Assistant of the Department of Design.

Маленко Сергей Анатольевич

д-р филос. наук, профессор, г. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, заведующий кафедры философии, культурологии и социологии.

Malenko Sergey Anatolyevich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State, Full Professor of the Department of Philosophy. Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology.

Некита Андрей Григорьевич

д-р филос. наук, профессор, г. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, профессор кафедры философии, культурологии и социологии.

Nekita Andrey Grigorievich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State, Full Professor of the Department of Philosophy. Full Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology.

Аннотация: В статье поднимается вопрос десакрализации современного искусства и рассматриваются сценарии его возможного будущего. В связи с тем, что сегодня постмодернистская парадигма находится в глубоком кризисе, акцентируются альтернативные ей предпосылки дальнейшего развития культуры и творчества.

Abstract: The article raises the issue of desacralization of contemporary art and discusses scenarios for its possible future. Due to the fact that today the

postmodern paradigm is in deep crisis, alternative prerequisites for the further development of culture and creativity are emphasized.

Ключевые слова: Десакрализация искусства, современное искусство, сценарии возможного будущего искусства, расколдовывание мира.

Keywords: Desacralization of art, Contemporary art, Scenarios of a possible future of art, The disenchantment of the world.

Рассматривая проблему десакрализации современного искусства, следует обратить внимание на то, что запущенный в начале Нового времени и получивший к XX-му веку наиболее полное развертывание процесс секуляризации и профанизации нашей как общественной, так и личной жизни, по М. Веберу означающий, что «мир расколдован» [2, с. 714], на официальном уровне по всем направлениям, остается сегодня вполне легитимным: как принцип и парадигмальное основание нашей культуры и цивилизации. Он остается актуальным как в условиях преобладания постмодернистских установок и тенденций в плане обесценивания всего и вся, так, по всей видимости, и в контексте метамодернистского, сугубо теоретического, осмысления этих условий. И тот и другой, по большому счету, изживая самое себя, никакой иной альтернативной и позитивной программы, которая могла бы, в соответствии с устоявшимся характером этой парадигмы, вывести проблему на качественно иной уровень, предложить не способен. Это и не может являться для пост- и мета-модернистских акторов преследуемой целью. Другое дело – то очевидное беспокойство, которое постмодерн вызывает со времени своего возникновения и вплоть до сегодняшнего дня, когда мало того, что все приемы, сама суть его уже становятся очевидно – прозрачными, – так, при этом, в конечном счете и неснимаемыми, не имеющими на данный момент шансов быть в полной мере преодоленными.

Так мы подходим к вопросу современного искусства в контексте его десакрализации. Если исходным импульсом здесь является, в частности, очевидное – назревшее желание разобраться в том, как именно на качественно ином уровне возможна альтернатива официальному – мейнстримовому и постмодернистскому искусству, то, по мере погружения в этот вопрос, каждый из его аспектов становится весьма многозначным.

Подобная неоднозначность, на наш взгляд, напрямую свидетельствует об исконном соответствии искусства мифической «системе координат» – то есть как раз сфере сакрального или священного (к которому тянется сознание человека [4, с. 80]), главной характеристикой чего является принадлежность мифическому – нелинейному времени.

При этом, как убедительно показал румынский мифолог М. Элиаде, в традиционном контексте каждый творческий акт всегда ведет к имитации космогонического – то есть к акту создания или, точнее, пере-создания мира. Через эту имитацию становится возможным более или менее полное

уподобление художника демиургу, который из первичного хаоса красок, цветовых пятен и пр. создает осмысленный космос – вселенную, наполняет ее своей, мифической, по сути, жизнью. Когда художник способен к отождествлению с этим первопринципом творения – для него нет ни «вчера», ни «завтра», никакого соответствующего исторического, социального, политического или философского содержания. Только потом уже следует сложный, всегда должный быть диалектически открытым, процесс экспликации и интерпретации того или иного произведения в том или ином контексте.

В этой связи очевидна, известная в принципе, закономерность, что чем старше становятся наши культура и цивилизация – вполне в шпенглеровском смысле – тем более обусловленным в той или иной частности – узкоконтекстуальным и головным становится искусство. Таким образом творческий процесс, который можно взять в самом широком смысле как создание-преобразование культуры, ее смыслов и содержаний и пр., неизбежно профанизируется – лишается своих сакральных оснований.

На последнем же этапе уже сам этот процесс становится объектом сакрализации. Он, в свою очередь, имеет две противоположные по характеру и возможной оценки стороны, которые при этом всегда взаимосвязаны в самых различных сочетаниях и пропорциях. Первое здесь – это очевидное творческое бесплодие – невозможность и отсутствие предпосылок в сложившихся исторических условиях создания такого искусства, которое могло бы преобразовывать – по-настоящему позитивно обновлять мир. Для примера можно взять ситуацию XX века – время двух мировых войн и то, как они отразились в зеркале искусства. Этого кризиса ни одно из многочисленных авангардных направлений того времени полноценно преодолеть не смогло – все для них закончилось диссолюцией любых творческих инициатив.

Вторая же сторона этого вопроса для нас более позитивна и заключается в том, что указанные авангардистские течения (конец XIX века и вплоть до нашего времени) демифологизировали незыблемую к тому времени картину творческого процесса, как она была представлена в Европе, а через ее влияние и во всем мире. Показали как историческую, так и географическую относительность такого понимания искусства, его канонов и транслируемых содержаний. Ведь это был сам себе полноценный миф, где все содержание и весь процесс сакрализированы сугубо в контексте искусства дворцов и салонов. Десакрализовав миф европейского искусства, авангардисты, при этом, в целом, «обновили кровь» искусства как такового. Обратив пристальное внимание на фольклор и этническую самобытность народов, до сих пор считавшихся архаичными и примитивными, они, тем самым, максимально приблизили европейского человека к возможности более полноценного творчества с точки зрения его ритуальной функции в изначально магико-мифической картине мира, которая для «дикарей» остается актуальной и сегодня. В частности, это касается и

фигуры художника – традиционно являющегося неким медиумом – жрецом-транслятором божественных энергий и велений.

Показав весь механизм творческого процесса, авангардисты дали и каждому желающему возможность непосредственного со-участия в нем. Таким образом пространство возможного взаимодействия между актерами и зрителями (со-участниками) потенциально могло быть настолько сконцентрировано, что можно было бы говорить даже о некоей мистериальности происходящего. Все предпосылки для этого были созданы. Более того, из открытий авангардистов последовал логический вывод, что и вся современность, несмотря на ее веру в поступательный линейный прогресс в самих своих основаниях являет ту же магико-ритуальную природу. В смысле «заключения мира», нелинейности времени и всего сопутствующего. Однако, нетерпящая сослагательных наклонений, история очень скоро показала, что европейское общество и к этому оказалось не готово.

В этой ситуации возможно главным признаком десакрализации искусства следует признать нивелировку упомянутой выше традиционной роли художника, как жреца: определяющей фигуры в творческом (космогоническом, ритуально-обрядовом) процессе и, соответственно, возросшей при этом роли техники. Мало того, что жрецом в традиционных обществах мог стать далеко не каждый, а сейчас у нас любой желающий может претендовать на эту роль – это уже признак десакрализации или, по Х. Ортеге-и-Гассету, дегуманизации искусства, так и то, что искусство все больше отдается на откуп технике – все это говорит о радикальном усложнении проблемы.

Пусть даже и этот контекст сам в себе может «свернуться» в самодостаточный миф – это все равно уже будет не-человеческий уровень. Миф этот окажется только лишь «мифом машин», в котором пресуществления – инициатического опыта того или иного индивида, обновления общества в целом или же «снятия» отдельно взятой ситуации или проблемы не происходит. Также как и не происходит, в принципе, никакого подобия катарсиса, наличие которого синонимично решению поставленной творческим актом задачи и, вообще, выступает необходимым условием в реализации искусства. Единственное, что здесь наблюдается – это виртуализация указанных аспектов, что почти всегда говорит об их имитации, причем только внешней, без внутреннего сущностного измерения. Все это вполне убедительно наследует логике постмодернистских тенденций в культивировании пассивного «общества потребления» Ж. Бодрийяра [1] или «общества спектакля» Ги Дебора [6], «с присущими [им – авт.] образами и идеологемами» [5, с. 97], и в этом смысле все становится только агрессивнее, доходит до крайностей.

Последнее, в свою очередь, мы можем интерпретировать исходя из логики единства противоположностей и диалектики мифа, что дает

возможность предполагать самый позитивный в ряду других сценарий ближайшего будущего искусства.

Его суть заключается в реванше традиционных культуры и искусства перед все большей ее технологизацией и виртуализацией. Этот реванш предуготовлен как и упомянутыми авангардистскими практиками, так и открытиями, сделанными в XX веке такими учеными как К. Г. Юнг, М. Элиаде, Ж. Дюран и мн. др., – представителями «психологии и социологии глубин» [3, с. 11] В частности, это касается теории архетипов коллективного бессознательного –глубинных паттернов психики, показавших фундаментальную значимость коллективных представлений начиная с архаических времен, которые в гораздо большей степени предопределяют нашу жизнь, интересы, чувства и стремления, чем это казалось еще совсем недавно.

Показавшие нам несостоятельность «мифа об индивидуализме» последующие тенденции в развитии этих открытий, вполне обосновано свидетельствуют о неизбежном для нас, зачастую чаемом возвращении к истокам и корням.

В мейнстримовых же практиках, в поп-культуре этот фактор если и учитывается, то, можно сказать на самом примитивном – коммерческом уровне. Здесь же могут наличествовать и более изощренные, вызванные в первую очередь коммерческими интересами вариации эксплуатации архетипического, в свою очередь, дающие возможность его легитимизации в более или менее полноценном смысле.

Бесконечная вариативность в сочетании архетипического содержания и желания это выгодно продать эффективно работает в обоих направлениях, являет нам актуальность следующего сценария – компромиссного взаимодействия двух рассматриваемых видов культуры, предполагающего гармонизацию этой оппозиции с точки зрения конструктивного значения для человека или общества.

Последний же из этих сценариев с точки зрения гуманистического измерения и соответствующей возможной ре-сакрализации искусства самый пессимистичный. Это полная и безальтернативная победа техники (роботов) и забвение традиционных ценностей, что в полной мере непредставимо – утопично. Этот сценарий мы берем скорее для контраста, для того, чтобы показать крайность технократического взгляда на культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр, Жан.* Общество потребления / Жан Бодрийяр; перевод с французского Е. А. Самарской. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 384 с. – (Эксклюзивная классика).
2. *Вебер М.* Избранные произведения /Пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. *Дугин А.Г.* Логос и мифос. Социология глубин. – М.: Академический Проект; Трикста, 2010. – 364 с.

4. *Лефман Т. О., Егорова Е. Н.* Сюжетный твист с игрой сознания в кино: герой скорее жив, чем мертв //Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2024. – №2(7). – С.56-85. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-56-85](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-56-85)
5. *Некита А. Г., Маленко С. А.* Услужить индустриям ностальгии: мифология советского Чебурашки в лабиринтах потребительской безысходности //Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2024. – №2(7). – С.86-126. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-86-126](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-86-126)
6. Общество спектакля: сборник / Дебор Ги. – М.: Опустошитель, 2018. – 220 с.

**ЭКЛЕКТИКА КЛАССИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ В
СОВРЕМЕННЫХ ВИЗУАЛЬНЫХ АНТИУТОПИЯХ**

**ECLECTICISM OF CLASSICAL IDEOLOGIES IN MODERN
VISUAL DYSTOPIAS**

Сюзюмов Илья Александрович

*Аспирант Новгородского государственного университета
им. Ярослава Мудрого.*

Syuzumov Ilya Alexandrovich

*Postgraduate student of Novgorod State University named after
Yaroslav the Wise.*

Маленко Сергей Анатольевич

*д-р филос. наук, профессор, г. Великий Новгород, Новго-
родский государственный университет имени Ярослава
Мудрого, заведующий кафедры философии, культурологии
и социологии.*

Malenko Sergey Anatolyevich

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Veliky Novgorod,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State, Full Professor of the
Department of Philosophy. Head of the Department of Philosophy,
Cultural Studies and Sociology.*

Некита Андрей Григорьевич

*д-р филос. наук, профессор, г. Великий Новгород, Новго-
родский государственный университет имени Ярослава
Мудрого, профессор кафедры философии, культурологии и
социологии.*

Nekita Andrey Grigorievich

*Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Veliky Novgorod,
Yaroslav-the-Wise Novgorod State, Full Professor of the
Department of Philosophy. Full Professor of the Department of
Philosophy, Cultural Studies and Sociology.*

Аннотация: настоящая работа анализирует взаимосвязь идеологий, в контексте диалектики эклектических и синтетических тенденций в развитии идеологических систем и формирования новых моделей государственного управления. Особое внимание обращается на то, что современные сценарии применения всех идеологических моделей опираются на традиции их интерпретации и развития, сформированные еще в XX веке. Рассмотрены попытки современных визуальных антиутопий эклектически сочетать видимо несочетаемые идеологии, а также некоторые результаты практического применения подобного подхода.

Abstract: The present work analyzes the interrelation of ideologies in the context of the dialectic of eclectic and synthetic trends in the development of ideological systems and the formation of new models of public administration. Special attention is drawn to the fact that modern scenarios for the application of all ideological models are based on the traditions of their interpretation and development, formed back in the XX century. The attempts of modern visual dystopias to eclectically combine apparently incongruous ideologies, as well as some results of the practical application of such an approach, are considered.

Ключевые слова: идеология, эклектика, тоталитаризм, коммунизм, либерализм, визуальная антиутопия.

Keywords: ideology, eclecticism, totalitarianism, communism, liberalism, visual dystopia.

Современное общество быстро и динамично развивается, особенно в сферах технологий и медиа, в связи с чем, некоторые, ранее актуальные и доминирующие идеологии во многом утратили свою былую актуальность и действенность, а их основные мировоззренческие постулаты практически больше не поддерживаются людьми. Однако человечество еще не достигло того уровня, при котором ему не будет необходима духовная направляющая и объединяющая сила, а значит на смену устаревшим идеологическим системам приходят новые. Так «в 70-гг. XX в. на смену концепции деидеологизации приходит концепция реидеологизации, признающая зависимость общественной жизни от идеологии <...> идеология представляется как некая конструкция, служащая опорой для социальной действительности» [1, с. 151].

Практически на протяжении всего XX века в том или ином регионе планеты периодически возникали очаги жесткого противостояния представителей трех идеологий: тоталитаризма (в лице итальянского, германского, японского, а позже и латиноамериканского фашизма), коммунизма и либерализма, но ни одна из них так и не смогла одержать явной и решительной победы. Стоит оговориться, что хотя между коммунизмом и фашизмом в XX веке война шла открытая, а потому и более исторически известная, не стоит пренебрегать и классическими примерами противостояния фашизма и либерализма, которые имеют множество отличий и общих черт «1) признание и воспроизводство социального неравенства, 2) попрание или извращение демократических принципов, 3) упование на крупную частную собственность, 4) мессианский пафос и нетерпимость к инакомыслию» [4, с. 114]. Мы не можем назвать победителя в противостоянии XX века, так как классический для первой половины XX века фашизм и либерализм в настоящее время уже перестали существовать. Мы не можем назвать ни одного, в полной мере, либерального или коммунистического государства XX века или современности, чье социальное устройство

полностью соответствовало бы классическим доктринам этих идеологий. Современные правительства и политические партии проводят активную реновацию, синтез и эклектику классических идеологических доктрин, которые стремятся преодолеть «значимые социально-политические, экономические, религиозные, идеологические и социокультурные кризисы» [3, с.101]. Однако, на наш взгляд, особое внимание стоит уделить эклектике и реновации, поскольку синтез, по сути своей, на практике оказывается примитивной, бессистемной эклектикой.

Не обходит своим вниманием эти процессы и современная массовая культура, особенно в лице кинематографа. Так визуализированные антиутопические произведения выполняют сразу несколько важных задач, одна из них, это проектирование и моделирование эклектики классических идеологий, а также публичное представление этих результатов, но уже преимущественно в развлекательных целях.

В голливудском антиутопическом фильме «Время» (2011 г.) сходу невозможно однозначно определить идеологическую модель общества. С одной стороны жители наиболее бедного района очень похожи на рабов, но с другой – их формальная физическая свобода не ограничена. Они имеют право перемещаться в более «высокие» зоны, никто не стремится к уничтожению других народов, мы не наблюдаем в явном виде гиперэлитизм и диктатуру. Исходя из экономической модели демонстрируемого массовому зрителю мира, можно точно утверждать, что там отсутствует равенство, социальная солидарность, а значит, социализм и коммунизм. Значит мы имеем дело или с уродливо-диктаторским вариантом либерализма, или с либералистичным фашизмом. Нет концептуальной разницы при рассмотрении столь утрированного мира, большинство людей останется фактическими рабами вне зависимости от того есть ли там диктатор, идея расового превосходства, правовое равенство, так как, не владея средствами производства подняться выше жители не могут. В анализированном произведении мы наблюдаем своеобразную эклектику, нам не демонстрируют иные методы воздействия, кроме экономических, соединяя таким образом фашизм и либерализм в одном уродливом визуальном коктейле. Поскольку «время в представлении современного человека настолько «срослось» с бытием, что именно вопрос о наличии или отсутствии времени становится равнозначен вопросу о смысле жизни и самого бытия» [2, с. 42], в рассматриваемом фильме время жизни человека является ведущей валютой. Таким образом контролируя деньги, темпоральные олигархи в мире будущего контролируют и бытие каждого.

В голливудской антиутопической киноленте «Остров» 2005 года зритель также испытывает значительные трудности в более или менее точном позиционировании идеологии мира будущего. Визуализированный в этом фильме полномасштабный проект производства человеческих клонов для последующего расчленения их на отдельные органы для современного мира – пока еще официально не разрешенный проект. Но если допустить

его легализацию в ближайшем или отдаленном будущем, а также законодательное признание клонов людьми, то фактически, даже в рамках современной либеральной системы подобный бизнес вполне может существовать. Отчасти подобную ситуацию мы можем наблюдать и в произведении «Бегущий по лезвию», где репликанты, которые обладают интеллектом, фактически находятся в рабстве у своих создателей (людей). Их жизнь не ценится, и они не имеют прав, однако назвать систему такого общества однозначно тоталитарной мы не можем, поскольку в ее рамках явно не нарушены ключевые принципы либерализма.

В серии фильмов «Голодные игры» мы видим несколько более явную эклектику. При этом, если верховная власть столицы государства – Капитолия придерживается тоталитаризма с элементами либерализма и показного сверхпотребления, то руководство 13 дистрикта скорее демонстрирует парадоксальное объединение крайних форм тоталитаризма с элементами рабовладения.

Таким образом, мы можем утверждать, что во многих современных визуализированных антиутопиях проводится намеренная или ненамеренная попытка эклектического смещения элементов классических идеологий. Также авторы фильмов пытаются дать свои версии их интерпретации, моделируя различные ситуации, в рамках которых оказывается возможностей именно тоталитарных реноваций классических идеологий. Эта тенденция настораживает и только это уже само по себе является важнейшим поводом к комплексной гуманитарной рефлексии этого комплекса проблем, демонстративно вынесенных на самый гребень современной массовой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дзахова Л. Х., Бязрова Д. Б.* Идеология как необходимый фактор жизни современного общества // Государственное и муниципальное управление. – 2017. – №1. – С. 150-153.
2. *Конева А. В.* Воображение времени в современном кинематографе // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – №2. – С. 42-47.
3. *Маленко С. А., Некита А. Г.* Сценарии милитаризации повседневности в американских фильмах ужасов. Часть 1. //Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2023. – №2 (3). – С.98–124. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-98-125](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-98-125)
4. *Чернов А. В.* Фашизм и либерализм как родственные идеологии: культурно-исторический аспект // Вестник Курганского государственного университета. – 2016. – №1. – С. 111-114.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВЛИЯНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТРАДИЦИОННУЮ КУЛЬТУРУ

OVERCOMING THE INFLUENCE OF MASS CULTURE ON TRADITIONAL CULTURE

Рамазанлы Гаджи Джасаиль оглы

Аспирант, Сургутский государственный университет

Ramazanli Haji Jasail oglu

Graduate student, Surgut State University

Аннотация: Увеличение интенсивности мировых процессов остро поставило проблему сохранения традиционной этнической культуры. Сохранение культурной идентичности в современных реалиях – это важнейшая проблема нашей страны. Исходя из этого, ставится вопрос влияния массовой культуры на традиционную культуру и его преодоления. В статье раскрыты последствия воздействия массовой культуры на традиционную культуру: вестернизация и размывание традиционных ценностей. Автором предложены условия преодоления влияния массовой культуры на традиционную культуру.

Abstract: The increase in the intensity of world processes has sharply raised the problem of preserving traditional ethnic culture. The preservation of cultural identity in modern religions is the most important problem of our country. Based on this, the question of the influence of mass culture on traditional culture and its overcoming is raised. The article reveals the consequences of the impact of mass culture on traditional culture: Westernization and erosion of traditional values. The author suggests the conditions for overcoming the influence of mass culture on traditional culture.

Ключевые слова: массовая культура; этническая культура; традиционная культура; вестернизация; образование

Keywords: mass culture; ethnic culture; traditional culture; Westernization; education

Начиная с XX века, в мировом культурном процессе происходит конфликт. Процессу глобализации присущ «культурный империализм» со стороны Западных стран. Вестернизация как культурная интервенция, приводит к уничтожению самобытности, утрате культурной идентичности не западных обществ. Это становится результатом уменьшения мировых самобытных культур. Внедрение массовой культуры приводит к «невежеству», «неоварварству». Напротив, считают оппоненты, убеждая в необходимости следования западному пути развития для высоких достижений во всех сферах общества. Мы постараемся раскрыть особенно-

сти вестернизации, а в частности, самой массовой культуры и его пагубного влияния на традиционную особенность того или иного общества, а также найти пути выхода из этой ситуации.

Начнем с самого определения массовой культуры. Необходимо заметить, что современные исследователи употребляют термин не «массовая культура», а «популярная культура», не разделяя формы современной массовой культуры и исторические формы популярной культуры [1; 2; 3;]. Массовая культура – это термин, который обозначает широко распространенные и популярные формы культурного выражения, которые охватывают большую часть общества. Она включает в себя различные аспекты, такие как кино, телевидение, музыку, литературу, моду и т. д. Такого рода культура, как правило, создается с целью развлечения и коммерческой выгоды. Ее основная цель – достичь широкой аудитории и привлечь как можно больше потребителей. Часто в массовой культуре можно найти стандартизированные и упрощенные формы выражения, которые легко доступны и понятны большинству людей. Ученые обращают особое внимание на исследование массовой культуры и средств массовой коммуникации [4; 5].

Если говорить о последствиях проникновения инородных элементов, явлений массовой культуры в традиционную этническую культуру появляются отрицательные аспекты. Массовая культура часто подвержена коммерциализации, где акцент делается на прибыли и массовом рынке. Это может приводить к стандартизации и формированию поверхностных или стереотипных контентов, стилистических решений и культурных продуктов. Культура большинства иногда способствует утверждению массового или медийно определенного вкуса, игнорируя разнообразие предпочтений и интересов людей. Она может ограничивать выбор и подвергать опасности качество и оригинальность культурных продуктов и выражений.

Данный вид культуры может приводить к потере индивидуальности и ограничению критического мышления. Гуревич П. С. пишет: «мир, возникающий в произведениях массового искусства, лишен не только целостности, но и самого важного, катарсиса, изменяющего внутреннее состояние человека под воздействием искусства». [8 с. 34] Когда люди активно потребляют массовые контенты безумолчно, они могут утратить способность анализировать и оценивать информацию критически или развивать собственный уникальный взгляд на мир. Массовая культура может не всегда быть инклюзивной и доступной для всех групп населения. Неравенство в доступе к средствам массовой коммуникации и ограниченное представление некоторых культурных групп может приводить к искажению культурного многообразия и подавлению меньшинственных голосов. Академик В. С. Степин, характеризуя современное поло-

жение дел относительно сохранения человеческой личности, обозначает эту проблему как современный антропологический кризис, отмечая, что: «Человек, усложняя свой мир, все чаще вызывает к жизни такие силы, которые он уже не контролирует и которые становятся чуждыми его природе... Постоянно меняющийся мир обрывает многие корни, устои, заставляя человека одновременно жить в разных традициях, разных культурах, приспосабливаться к разным обстоятельствам».

Как влияет массовая культура на традиционную культуру? Направленность данной культуры на массовую продажу, а значит – на высокую прибыль. Масскультура, в основном, направленная на максимизацию коммерческой прибыли, может способствовать появлению ранжированных и примитивных форм выражения, которые не всегда отражают уникальность и богатство традиционной культуры. Это может привести к потере уникальных особенностей и идентичности традиционных культурных выражений. Лосев А.Ф. отмечал, что если в основании всего лежит разум, «то ясно, что все, не укладывающееся в границы и схемы того разума, отбрасывается как обуза и рассматривается только как чистый вымысел, субъективное человеческое построение. Таким образом, весь мир становится бездушным и механическим, он превращается в субъективную деятельность души» [6 с. 215]. Под влиянием массовой культуры традиционные обычаи, ремесла и искусства могут оказаться на задворках и постепенно утрачивать свое значение. Коммерческие интересы и стремление к новинкам и модным трендам могут подавлять традиционные формы искусства и обычаи, что в результате может привести к их забвению и исчезновению. Стоит согласиться с Ильным И.А., по мысли которого, культура Западной Европы – это, прежде всего, техническая культура, которая рациональна, но не искренна: «бессердечная культура подрывает сама себя: в изобретении атомной бомбы она дошла до вселенского самоубийства, а изобретение это, наверное, не составляет последнего слова разрушительной техники». [7 с. 296] Масскультура часто предлагает упрощенные и поверхностные изображения и истории, что может приводить к неправильному или неполному пониманию традиционных культурных элементов. Это может исказить истинное значение традиций, порождая неправильные представления и создавая стереотипы.

Пути выхода из этого культурного кризиса. Вопрос о выходе целого государства из-под влияния массовой культуры – это сложный и многогранный вопрос, который требует комплексного подхода. Однако, ниже мы предлагаем несколько возможных путей, которые могут помочь государству сохранить свою культурную идентичность и независимость. Нужно начинать с развития национальной культуры и идентичности: Государство может активно пропагандировать и развивать свою национальную культуру и идентичность. Это может включать поддержку и продвижение национальных языков, искусства, литературы, музыки и

традиций. Таким образом, государство будет сохранять свою уникальность и предоставлять альтернативу массовым культурным тенденциям.

Поддержка независимых культурных и образовательных инициатив: Государство может способствовать развитию независимых культурных и образовательных инициатив, поддерживая местные культурные и творческие сообщества, фестивали, выставки, концерты и т.д. Это поможет создать разнообразные культурные альтернативы и позволит гражданам иметь доступ к разнообразным культурным проявлениям.

Следующий ответ на данный вызов – это развитие образования и культурной грамотности населения. Это является фундаментальной основой в данной теме. Государство может активно разрабатывать программы по образованию и культурной грамотности, которые помогут гражданам развивать критическое мышление, анализировать и оценивать культурные явления и осознанно выбирать, влиянию каких культурных тенденций они подвергаются. Это поможет укрепить культурное самосознание и сопротивление влиянию массовой культуры. Также государство может поддерживать развитие местных и национальных медиа, которые будут предлагать альтернативные взгляды и точки зрения, отражающие местную культуру и интересы. Это важно для сбалансированного информационного пространства и сохранения свободы слова и мнений. Наш исторический опыт говорит нам, о том, что государство может регулировать культурные потоки, чтобы защитить свою культуру от доминирования иностранных культурных тенденций. Это может включать введение квот на импорт культурных продуктов, поддержку отечественных производителей и артистов, а также введение мер, способствующих сохранению и развитию традиционных местных культур.

Конечно, каждое государство имеет свою уникальную культурную и политическую ситуацию, поэтому подходы и методы для выхода из-под влияния массовой культуры могут различаться. Однако, уровень образования, свобода слова, культурная политика и участие граждан являются ключевыми составляющими в достижении целей по сохранению культурной независимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dorzweiler N. Popular culture in (and out of) American political science: A concise critical history//History of the Human Sciences, 2017, 30(1), 138–159.
2. Press-Barnathan G. “Thinking About the Role of Popular Culture in International Conflicts”//International Studies Review, 2017, 19(2), 166– 184, <https://doi.org/10.1093/isr/viw030>.
3. Siuda, P. In pursuit of pop culture. Reception of pop culture in the People’s Republic of Poland as opposition to the political system – Example of the science

fiction fandom//European Journal of Cultural Studies, 2014, 17(2),187-208. doi: 10.1177/1367549413508100.

4. *Koceva D.* From Mass Media and Culture to Mass Society// Balkan Social Science Review, 2018, 12, 59-71
5. *Zhen L.* Relationship between Mass Media and Mass Culture: Frankfurt School and Cultural Studies School//Canadian Social Science, 2016, 12 (1), 23-28
6. *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.
7. *Ильин И. А.* Путь к очевидности. – М., 1993.
8. *Гуревич П. С.* Антропологическая катастрофа // Свободная мысль. 1997. № 11.

СЕРДЦЕ КАК СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

THE HEART AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Нагорская Мария Викторовна

г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, аспирант кафедры физиологии человека и животных и биофизики

Nagorskaya Maria Viktorovna

Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, postgraduate student of the Department of Human and Animal Physiology and Biophysics

Аннотация. В данной статье обозревается то, какими смыслами люди разных исторических эпох и культур наделяли понятие «сердце», и как это было связано не только с развитием философской мысли, но и бытом людей.

Abstract. This article reviews what meanings people of different historical epochs and cultures gave to the concept of «heart» and how it was connected not only with the development of philosophical thought, but also with people's everyday life.

Ключевые слова: философия сердца, Библия, Бог, душа, любовь

Keywords: heart in philosophy, Bible, God, soul, love

Сердце – это не только жизненно важный орган кровообращения, но и нечто, обладающее символическим значением, которое ему придавалось с древних времён. Уже в Ветхом Завете говорится о «помышлениях сердца» (Быт. 8:21). Собственно, в Библии так или иначе указываются всевозможные трактования понятия «сердце», кроме разве что естественнонаучного [3]. Именно библейское понимание сердца станет главенствующим на протяжении тысячелетий человеческой истории и окажет значимое влияние на целые поколения философов.

Сердце в Библии является и воплощением ценностей (Бог – наивысшая ценность) [6], и местом укоренения нравственных принципов, и даже способно познавать мир, хотя и несколько иначе, чем ум, на более высоком, духовном уровне. Сердце в Библии – это отражение внутреннего мира человека, его эмоций. «Человек смотрит на лицо, а Господь смотрит в сердце» отмечается в Первой книге Царств (16:7). Сердце может быть «каменным» (Иез. 36:26), то есть чёрствым, равнодушным и эгоистичным. А может быть «плотным» – чистым, любящим, без греха, живущим в согласии с Богом. «Библейское» сердце – это ещё и вмести-

лице любви. «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем» можем мы прочесть в Евангелии от Матфея (22:37).

Концепция «сердца» в ряде библейских текстов схожа с древнегреческой, в особенности «Илиадой» Гомера, где слово «сердце» встречается больше 400 раз! Здесь сердце понимается как источник эмоций и желаний, мотивации что-либо делать, а ум выполняет лишь вспомогательную функцию [14]. Причём сердце диктовало, как поступать даже олимпийским богам, не только смертным. Сердце в «Илиаде» бывает «непреклонным», «львиным» (Геракл), «неумным», «вещим», и даже «мрачным». Однако, в отличие от Библии, у греков человек рождается с определённым «видом» сердца, это данность. Христианство же наделяет человека активной ролью – он не просто познаёт себя, но имеет возможность очистить сердце от греха, впустив в него Бога [14].

Следует отметить, что греческая и римская культура серьёзно повлияли на христианство. Ещё в III веке н.э. греческий теолог Ориген иносказательно называл Иисуса эросом и женихом человеческой души, а два века спустя Христос у римского богослова и одного из отцов церкви Августина пронзал верующих стрелами любви [5]. Параллель с греческим Эросом и римским Амуром (Купидоном) очевидна, и в Средневековье она закрепилась настолько сильно, что Христа буквально рисовали в образе Купидона, а сердце стало синонимом его страданий на кресте. Религиозные мистики даже сообщали, что после смерти на сердцах верующих якобы находили лик Христа (Бога), который доказывал силу их веры [5].

С наступлением Нового времени сердце как символ Христа продолжило быть популярным. Итогом всего стало написание отдельных трудов о сердце как символе Христа. Например, Даниэль Крамер в «Священных эмблемах» (1617) привёл почти сотню изображений сердца, которые ассоциируются с различными библейскими сюжетами (Адам и Ева, заклание агнца и т.д.). Сердце здесь также и символ души человека. Франческо Пона, итальянский врач и писатель, в своих «Кардиоморфозах» (1645) приводит иллюстрации всевозможных аллегорий сердца, которые обозначают его как вместилище буквально всего и сразу – мира, души, места борьба добра со злом и т.п. [5]. Однако, сердце было символом любви и в более приземлённом смысле. В Англии с XV века стали популярны любовные открытки, и уже тогда на них начали рисовать сердца, хотя это и не было ещё обязательным их атрибутом. Современные «валентинки» появились несколько позже [5].

Для полноты картины необходимо упомянуть, что сердце как символ любви и божественного не был чужд и другим религиям и народам мира [12, 13]. Согласно индуизму именно в сердце обитал Брахма. У китайцев и египтян сердце было сосудом эмоций, а в сердце фараона жило божественное начало «ка». Сердце как вместилище любви, жизненной силы и всего религиозного было и в культуре ацтеков.

Однако, как говорилось выше, у сердца есть и иной символизм, черпающий истоки в Библии и древнегреческих трудах. Ещё Платон называл сердце «наилучшим из начал», командиром всего человеческого тела [9], а в латинском языке есть афоризм «cordatus homo» («сердечный человек»), в смысле «умный человек» [3]. Таким образом, сердце становится источником ещё и разума, и знаний.

Важно сделать оговорку, что понятия «разум» и «знания» в таких случаях использовались в несколько ином значении, нежели это делает современный человек. Речь идёт именно о высшей мудрости, истине, дарованной Богом, при чём не только в христианстве, но и, например, в исламе. Средневековый богослов Абу Хамид аль-Газали (XII в.) в «Возрождения религиозных наук» определяет сердце как хранилище религиозного знания, которое могут помещать туда ангелы. И только чистое сердце подходит для этого, ведь всё порочное в сердце мешает постичь божественную истину [7].

В отечественной религиозной философии концепция «сердца» является крайне важной, тесно связана с христианством, и ведёт свой отчёт с работ Г. В. Сковороды (1722-1794). И у него сердце тоже занимается приёмом и переработкой знаний, которые в итоге приводят к действиям. Ф. М. Достоевский (1821-1881) писал, что природу, душу, бога, любовь – всё познать можно сердцем, а не разумом [9]. У Б. П. Вышеславцева (1877-1954) сердце также напрямую называется органом постижения того, что недоступно интеллекту: «святости», красоты, ценности [4]. Эти идеи были взяты не только напрямую из Библии и воззрений Сократа и Платона, но и работ европейских философов Средневековья и Нового времени. Например, у Фомы Аквинского в «Сумме теологии» (1274) сердце способно уразуметь истину [6], а у Блеза Паскаля (1623-1662) сердце – источник идей, вместилище ценностей, оно важнее разума, который Паскаль сравнивает с «флюгером» в его непостоянстве [2]. У немецкого философа Макса Шелера (1874-1928) сердце обладает интуитивным знанием. Сердце подсказывает человеку, что верно, а что ложно, хотя само не всегда может объяснить почему [2]. А попытожил это всё митрополит Питирим, написав (1990), что без веры и обращённости к Богу «сердце человека мятётся, вместо разумения проявляется рассудок, поглощённый самим собой» [8]. Таким образом религиозное возвышенное понимание всего сердцем противопоставляется некоему бытовому мышлению, обычному блуждающему разуму.

Однако, это не означает, что сердце и разум – это антонимы в плане познания мира. Например, у И. А. Ильина (1883-1954) разум помогает сердцу, опять же, в религиозном смысле – любить и познавать Бога [6].

В русской философской мысли «сердце» также связано с ценностями и нравственностью, с понятием души. Сердце – это вместилище души,

нравственное начало в человеке, сосуд для добра и зла [1]. И эта идея тоже не нова. Например, Августин (IV в. н. э.) писал, что сердце человека может быть злым и для этого, между прочим, не нужно никакой причины. Хотя Г. В. Сковорода буквально приравнивал душу и сердце, Б. П. Вышеславцев утверждал, что сердце лишь «середина» души [4]. По мнению последнего разум слеп к миру ценностей, но не сердце, и одной из наивысших ценностей в отечественной философии считалась совесть. А в «Философских письмах» П. Я. Чаадаева (1828-1830) ещё и затронута тема связи сердца с Родиной [3].

Однако и это не все смыслы, которые люди вкладывают в понятие «сердце». Весьма интересны воззрения китайцев и японцев на этот счёт. В конфуцианстве эпохи династии Мин были понятия долга, чести и ритуала, которые являются атрибутами взрослого сердца, но не детского, которое считалось синонимом незрелости. В противовес этому Ли Чжи (1527-1602) основываясь на даосизме и буддизме, создал концепцию «детского сердца» – подлинного человеческого начала, благодати, которую можно утратить, наполнив сердце фальшью. Детское сердце является совершенным инструментом познания истины и источником творческой энергии, в частности для поэзии [10].

Такое «прикладное» значение сердца было близко и японской философии. В ней сердце («кокоро») – не только способ познания Дао, но и суть конкретного произведения (стихотворения, песни), его мораль, эмоциональный посыл [11]. Строго говоря, «кокоро» не имеет однозначного перевода на русский, и также означает «душу», «сознание», «центр» чего-либо, что перекликается с христианской мыслью. Каждая вещь имеет «кокоро», именно поэтому японцы очень бережно относятся к произведениям искусства и вещам вообще, будто они живые.

Стоит отметить, что все эти идеи проникали в массовую культуру отнюдь не только через религию и философские трактаты (они были не всегда доступны и понятны обывателю), но и художественные произведения. Не следует забывать, что писатели и поэты со всего мира излагали свои философские концепции в «обычных» трудах. Своя философия сердца была и у А. С. Пушкина («Глаголом жги сердца людей»), и у А. Сент-Экзюпери («Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь»).

Возможно, весь этот религиозно-исторический экскурс наталкивает на мысль, что описанная концепция «сердца» – нечто академическое, что-то из прошлого. Однако, стоит лишь немного задуматься, и приходит понимание, что связь сердца с любовью, душой, нравственностью, знанием, интуицией, патриотизмом, творчеством – всё это проявляется в нашей повседневной речи, в бытовом мышлении. Мы умеем «говорить от сердца», ещё и сигнализируя это жестом, прикладывая руку к груди; размышлять о знаковом месте в городе как его сердце; наше сердце может разбиться от неразделённой любви, даже если оно «золотое», и все

мы знаем, что эмоциональный стресс вреден для сердца в медицинском смысле; да и в конце концов это мы с вами ставим «сердечко» во всевозможных соцсетях и мессенджерах, как символ одобрения чего-либо, и до сих пор обмениваемся «валентинками», пускай и зачастую цифровыми. И всё это во вполне себе светском обществе. Хотя формирование и развитие концепции «сердца» неотделимо от религии, сами смыслы настолько универсальны, настолько проникли в культуру человека, в его язык, что прекрасно себя чувствуют в отрыве от божественного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабина, В.Н.* Концепт «сердце» в русской философии: этический аспект / В. Н. Бабина // Социально-гуманитарное знание: поиск новых перспектив: сборник статей X Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 ноября 2016 года. Том Выпуск 10. – Пенза: Автономная некоммерческая научно-образовательная организация «Приволжский Дом знаний», 2017. – С. 31-35.
2. *Богатырев, Д.К.* Ценности как проблема европейской и российской философии / Д. К. Богатырев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2017. – Т. 18, № 4. – С. 75-90.
3. *Бочарова И.М.* Трансформация смысла и значения термина «сердце» в религиозной философии / И. М. Бочарова, О. А. Радугина, И. Н. Лихорадова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – № 2(36). – С. 3-9.
4. *Виноградова И.Б.* Сердце как «орган постижения» в философии Б. П. Вышеславцева / И. Б. Виноградова // «Актуальные проблемы науки и образования: традиции, инновации, перспективы», Междунар. науч.-теоретическая интернет-конф. (2013; Саранск), 30 апреля – 31 мая 2013 г.: [материалы] / редкол.: Г. Г. Зейналов (отв. ред.) и [др.]. Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2013. – С. 10-13.
5. *Зотов С.* Сердцу не прикажешь: как менялось значение символа ♥ в Средневековье, в эпоху Ренессанса и в Новое время / С. Зотов // НОЖ. – 2021. Режим доступа к статье: <https://knife.media/heart/>
6. *Козлова С.Б.* Заметки о христианском сердце / С. Б. Козлова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2018. – № 4. – С. 92-105.
7. *Насыров И.Р.* Ал-Газали. «О сердце человека, знании рациональном и религиозном и о причине ограниченности людей в богопознании (магрифа)». Фрагменты из «Возрождения религиозных наук» (ихйа' 'улум ад-дин) / И. Р. Насыров // История философии. – 2009. – №14. – С. 207-239.
8. Питирим, митр. Тело, душа, совесть / Питирим, митрополит Волоколамский и Юрьевский // Человек. – 1990. – № 1. – С. 138.

9. *Подвойский Л.Я.* Метафизика сердца в платоническом направлении русской философской культуры / Л. Я. Подвойский // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 2(35). – С. 204-213.
10. *Руденко Н.В.* «Эссе о детском сердце» (тунсиньшо): перевод и анализ философских идей / Н. В. Руденко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14, № 4. – С. 180-186.
11. *Татарская Д.А.* Концепт «сердце» («кокор») в традиционной японской культуре: философско-культурологический анализ / Д. А. Татарская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6-1(80). – С. 170-173.
12. *Хвастунова Ю.В.* Феномен сердца в рамках философии внутренней телесности / Ю. В. Хвастунова // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 2. – С. 237-239.
13. *Хубулава Г.Г.* Сердце как антропологический и культурологический феномен / Г. Г. Хубулава // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2016. – № 4. – С. 110-119.
14. *Чельшев П.В.* «Сердце» героев «Илиады» в свете Библии / П. В. Чельшев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1-1(51). – С. 202-204.

ФЕНОМЕН ВИНА В ПОЭЗИИ ОМАРА ХАЙЯМА

THE PHENOMENON OF WINE IN THE POETRY OF OMAR
KHAYYAM

Сметанин Кирилл Андреевич

Аспирант кафедры виноделия и технологий броидильных производств, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Академия биоресурсов и природопользования)

Smetanin Kirill Andreevich

Postgraduate student of the Department of Winemaking and Fermentation Technologies, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Academy of Bioresources and Environmental Management)

Аннотация: В статье рассматривается лирика Омара Хайяма, несущая философский характер. Она проста по своим образам и языку, понятна и доступна каждому, но в каждом рубаи кроется скрытый смысл с призывом никогда не терять надежду на жизнь со всеми неприятностями и известным финалом, не отделяя ее от таких явлений как религия, любовь и вино, которые находятся в неразрывном симбиозе с Омаром Хайямом.

Abstract: The article examines the philosophical statements of Omar Khayyam. It is simple in appearance and language, understandable and accessible to everyone, but each quarter has a hidden meaning, without separating it from such phenomena as religion, love and wine, which are in inextricable symbiosis with Omar Khayyam. with all the difficulties and the call to never lose hope of living with the famous ending.

Ключевые слова: Вино, творчество, любовь, религия.

Keywords: Wine, creativity, love, religion.

Гияс ад-дин Абуль Фатх ибн Ибрахим Омар Хайям Нишапури – так звали знаменитого Омара Хайяма. Он был математиком, врачом, астрономом и философом.

В возрасте 26 лет молодой ученый получил должность советника при дворе правителя Исфахана Малик-шаха. Исследователи полагают, что многие рубаи были написаны поэтом в угоду вкусам короля. Самого ученого, как и любого нормального интеллектуала, больше интересовали темы жизни, смерти и бессмысленности мироздания, его поэзия вбирала в себя много различных смыслов и несла с собой разнообразный подтекст. Омар Хайям писал, что вино – это развлечение, вино – это любовь, вино как вино, вино как философия жизни.

Омар Хайям описывал вино как источник радости и удовольствия. Он говорил о его вкусе, аромате и о том, как он пьет его с друзьями, наслаждаясь моментом. Вино для него – это не просто напиток, но и способ общения и развлечения. Он пишет: «Вино – это жизнь, вино – это радость, Вино – это музыка и песня. Пейте вино и забудьте о горе, Пейте вино и наслаждайтесь моментом.»

Омар Хайям отождествлял вино с любовью, поэт писал, что «любовь» - для Сердца, а «вино» – для Духа. Читая поэзию Омара Хайяма, можно сказать, что «любовь» – это настроение сердца, при котором оно способно наделять Дух возвышенными радостями Бытия. Чтобы пробудить Дух, Сердце должно усладить его «вином», а для этого оно должно сначала войти в постоянное состояние влюбленности – любовного опьянения. По мнению поэта, «любовь» – это широкий кругозор, свежее восприятие, жадное стремление ко всему прекрасному, постоянное желание радоваться и радовать других, именно любовь концентрирует в человеке силу, сравнимую с могуществом богов, именно она прорывается в самых благородных поступках, лежит в основе творчества многих художников, поэтов, музыкантов, именно она делает человека более возвышенным и прекрасным.

Поэт приравнивал состояние опьянения к состоянию влюбленности, ценил жизнь и не мог делить ее с вином:

*Бегут за мигом миг и за весной весна;
Не проводи же их без песен и вина.
Ведь в царстве бытия нет блага выше жизни,
Как проведешь её, так пройдет она. [2, 255]*

С помощью вина можно разбудить спящие умы и познакомить их с мудрецами. С помощью вина вы можете приобщиться к величайшему земному благу – любви. Любовь – основа любого творчества. Любовь заставляет вас совершать подвиги и настраивает на добрые дела.

С помощью вина вы сможете ответить на все свои вопросы. Не зря говорят, что истина в вине. Вино хранят в кувшинах. Человеческое тело – это тоже глиняный кувшин. Рано или поздно тело превращается в труху, в глину, из которой лепят очередной кувшин. Так мудрость передается из поколения в поколение.

Будучи мудрым человеком и врачом, Омар Хайям понимал, насколько хорошее настроение и оптимизм полезны для здоровья. А под термином «вино» он подразумевал умение наслаждаться самой жизнью.

*Вино запрещено, но есть четыре «но»:
Смотря кто, с кем, когда и в меру ль пьет вино.
При соблюдении сих четырех условий
Всем здравомыслящим вино разрешено. [2, 83]*

Омар Хайям рассматривал вино не только как напиток, но и как символ свободы, наслаждения и протеста против строгих норм и запретов, установленных шариатом. Во времена шариата и жесткого исламского закона, вино было запрещено, и его употребление считалось грехом. Однако, Омар Хайям не принимал эти запреты и открыто выражал свою любовь к вину в своих стихах. Поэт использовал вино как символ протеста против норм и запретов шариата. Он видел вино как средство для достижения наслаждения и понимания мира. В его поэзии вино символизировало свободу от ограничений и религиозных запретов, а также способствовало размышлениям о смысле жизни и смерти. Он отвергал идею о том, что вино является грехом, и утверждал, что оно несет в себе мудрость и понимание. Он пишет: «Вино – это знание, вино – это истина, Вино – это путь к пониманию. Не слушайте запреты и ограничения, Пейте вино и откройте глаза.»

Хайям также высказывал свое неодобрение к догматическому подходу религии и призывал к тому, чтобы люди сами мыслили и искали истину, а не принимали ее на веру. Он писал: «Я не верю в то, что говорят мне, я верю в то, что я вижу своими глазами». Это высказывание показывает его скептицизм к религиозным догмам и его уверенность в необходимости собственного размышления и познания.

Однако, несмотря на свое отношение к религии, Хайям не отрицал ее ценность для общества. Он признавал, что религия может быть средством для достижения мира и благополучия, но только если она не превращается в жесткую и неумолимую доктрину. Он писал: «Если религия становится цепью для свободного мышления, тогда она теряет свою силу и значимость».

Сегодня, в современном мире, отношение к вину и его соответствие шариату остается актуальной темой для обсуждения. Многие мусульмане придерживаются строгого запрета на употребление алкоголя, включая вино, в то время как другие могут иметь более толерантное отношение к этому вопросу. Важно помнить, что каждый человек имеет право на свои личные убеждения и интерпретацию религиозных норм. Важно также уважать и понимать различные точки зрения и находить компромиссные решения, которые будут соответствовать как религиозным принципам, так и индивидуальным убеждениям.

Таким образом, можно сказать, что вино в поэзии Омара Хайяма, жившего во времена шариата, занимает особое место. В его стихах вино часто упоминается как символ наслаждения, свободы и отхождения от законов, житейских забот. Омар Хайям считал, что вино помогает забыть о временных проблемах и насладиться настоящим моментом. Он использовал его образы, чтобы передать свою философию жизни и представить противоположности, такие как радость и горе, свет и тьма, любовь и раз-

лука. Вино в его поэзии символизировало не только наслаждение, но и величие природы, чувственность и миролюбие. Омар Хайям также относился к вину как к метафоре для истины и духовного прозрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Георгий Гулиа* «Сказание об Омаре Хайяме» Москва, «Молодая Гвардия». 1975 г.
2. *Климова Д.М.* «Омар Хайям Рубаи» Издательство «Советский писатель», 1986 г.
3. *Короглы Х.Г.* Классическая восточная поэзия. – М., 1991 г.
4. *Рипка Ян.* История новоперсидской литературы. – М., 1989 г.

**ФЕНОМЕН КОМИКСОВ КАК ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ
ВИЗУАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ЛИЧНОСТИ****THE PHENOMENON OF COMICS AS A STAGE IN THE
EVOLUTION OF THE VISUAL PERCEPTION OF PERSONALITY**

Тангелов Павел Игоревич

*аспирант кафедры социальной психологии, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского.*

Tangelov Pavel Igorevich

*PhD student of the Department of Social Psychology, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University.*

Аннотация: В данной научной статье изучается феномен комиксов как этап в эволюции визуального восприятия личности в рамках теории перехода человека от устного общества к электронному. На основе идей Маршалла Маклюэна показано, что комиксы представляют собой нелинейную, неоднородную и неунифицированную форму коммуникации, поощряющую тем самым пространственное и холистическое мышление читателя. Также подчеркивается их эмоциональное и мотивирующее воздействие на реципиента, а также изменение ролей в отношениях «автор-читатель» и «читатель-читатель» в контексте проявления признаков интерактива и диалога.

Abstract: This research paper studies the phenomenon of comics as a stage in the evolution of visual perception of the individual within the theory of human transition from oral to electronic society. Based on the ideas of Marshall McLuhan, it is shown that comics represent a non-linear, heterogeneous and non-unified form of communication, thus encouraging the reader's spatial and holistic thinking. It also emphasizes their emotional and motivational impact on the recipient, as well as the change of roles in the relationship "author-reader" and "reader-reader" in the context of the manifestation of the signs of interactivity and dialogue.

Ключевые слова: визуальное восприятие, комикс, мышление, чтение, печатная культура, электронная культура.

Keywords: visual perception, comics, thinking, reading, print culture, electronic culture.

Феномен комиксов, получивший широкое распространение в западных странах в середине XX века, представляет собой важную часть культурного наследия современного мира. Более того, будучи относительно новой и развивающейся формой коммуникации, он представляет интерес в контексте длительного процесса перехода человечества от устного общества к электронному, являясь, по сути, ступенью в эволюции визуаль-

ной ориентации человека и его когнитивных процессов. В данной статье явление комиксов в обозначенном контексте будет рассмотрено на основе идей канадского культуролога и философа Маршалла Маклюэна, изложенных в его работе «Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего» [3].

Дописьменный, письменный и печатный, электронный этапы – так в общем виде можно выразить процесс развития цивилизации. Переход от одного этапа к следующему, как правило, ознаменовывается появлением новой технологии, а именно в большинстве случаев интериоризацией – переосмыслением более раннего изобретения с целью использования его в качестве основы для разработки новой технологии. Данная тенденция влечет за собой постепенное или, в условиях ускорившихся процессов исследований и интенсивного производства инновационных изобретений, стремительное накопление новых технологических продуктов. Аналогично ситуации с зарождением письменной культуры, получающей впоследствии ключевое развитие в виде возникновения технологии книгопечатания, когда глаз закрепляется в роли основного средства познания мира, происходит развитие одного из чувств, одной из модальностей, что приводит к преобразованию форм восприятия и новой конфигурации чувств [3]. Соответственно, на начальном этапе интериоризации мышление человека находится в затруднении, поскольку новая технология коммуникации оказывает влияние на формирование моделей мышления и восприятия.

В настоящее время, находясь в условиях, когда электричество продолжает формировать условия для тесного широкомасштабного взаимодействия между людьми, человек, по мнению Маклюэна, возвращается в аудиальный мир всеобщего сознания [3]. Несмотря на это, письменные и печатные визуальные привычки, усилившие культуру индивидуальности, фрагментированного, унифицированного, рационального и линейного сознания человека, продолжают «оказывать сопротивление электричеству и сознанию «единого поля»» [3, с. 42]. Следовательно, печатная визуальная культура за счет свойств воспроизводимости и повторяемости продолжает функционировать, эволюционировать, пользоваться спросом, несмотря на регресс «галактики Гутенберга» в 1905 году, вызванный открытием искривленного пространства, и порождать новые формы коммуникации, например, комиксы.

В 1920-е годы растущее давление визуальности дает начало массовому производству кинофильмов и радио в США, что, в последствии, проявляется и в Европе [2]. В то же время происходит становление и развитие нового книжного графического жанра – классического комикса, «золотым веком» которого является период с 1938 по 1955 год. Можно предположить, что появление данного поликодового формата является реакцией на большие потоки информации и увеличение скорости ее передачи. Таким образом, увеличение доли иллюстративной составляющей в повествовании при должной степени подготовки читателя позволяет

сократить время и количество когнитивных усилий, необходимых для обработки информации [1].

Будучи, с одной стороны, продуктом печатной культуры, обладающей однородным и линейным пространством, комикс имеет целый ряд характерных отличий как с точки зрения содержания, так и с позиции своей роли в обществе. Подобно «Гутенберговой эпохе» и её печатным продуктам, комикс является кинематографическим во всех смыслах, практическим подтверждением чего является тот факт, что, начиная с 1906 года такие графические истории становились основой для многочисленных экранизаций [2]. Однако, необходимо заметить, что комикс – это хоть и ряд статических изображений, но в отличие от классических печатных изданий, часто непоследовательный и хаотичный без фиксированной «точки зрения» и визуальной перспективы, что делает визуальное пространство страницы комикса преимущественно неоднородным. Соответственно, можно предположить, что преобладающий характер нелинейного типа повествования/чтения и неоднородного расположения панелей и текста в комиксе, по сути, поощряет пространственное мышление, поэтому при условии большего распространения таких изданий и проникновения их в разные сферы жизни человека данный тип мышления может проецироваться на решение проблем и задач любого рода [3].

Вышеперечисленные черты комикса объясняются также тем, что в настоящее время в книгоиздательских ГОСТах нет положений, регулирующих оформление таких произведений. Кроме того, определение и классификация таких изданий в целом также являются условными, а их распространение давно не ограничивается только печатным носителем. Следовательно, с учетом того, что преобладающий иллюстративный компонент может выполняться в разных индивидуальных художественных стилях с использованием различных цветов и форм без фиксированных точек/углов зрения, а расположение текста при этом также не является стандартизированным, можно сделать вывод, что комикс по своей природе затруднительно назвать и унифицированным – критерии «строгой визуальной правильности», присущие классической печатной культуре, здесь отсутствуют [3].

Специфика структуры страницы комикса видоизменяет процессы его чтения и восприятия. События и действия сюжета, заключенные в фреймы/рамки, построены по логике кинофильмов – в кадрах изображается не само действие, а его результат [5]. Соответственно, наличие таких иллюстрированных кадров исключает необходимость запоминания визуальных образов персонажей, мест, событий. Следовательно, иначе происходит работа воображения – опираясь на действия, отраженные в иллюстративном ряду, читатель мысленно «дорисовывает» для себя то, что осталось за кадром, подобно просмотру фильма. Здесь следует отме-

тить, что готовая визуализация сюжета является также и фактором, который ограничивает свободу воображения, загоняя его в рамки. Риск развития фрагментированного мышления у читателя комикса нивелируется прочной связью кадровых фрагментов, работающих на общий замысел и являющихся частью одного целого. Таким образом, мышление остается холистическим, то есть целостным. К слову, благодаря свойству наглядности и структурированности информации, комиксы активно начинают использоваться в образовании, психотерапии и других сферах [2].

Иллюстрации как основа комикса являются также инструментом воздействия на эмоциональную сферу человека. Благодаря изображению чувств и эмоций персонажей, их привлекательной/непривлекательной внешности и использованию цвета, комикс способствует проявлению эмпатии воспринимающего. Кроме того, такие персонажи, как супергерои, зачастую становятся символом поддержки и мотивации, формируя эмоциональную привязанность, а также чувство принадлежности к группе фанатов, так называемому «фандому». Следовательно, восприятие комиксов является более углубленным процессом, культуре взаимодействия с которым присущи черты, свойственные не только визуальной и печатной, но и электронной культуре: диалог и интерактивность в сочетании с частной инициативой человека [3].

Следует отметить, что роли автора (адресанта) и читателя (адресата) несколько видоизменились в контексте комикса (более глобальная аналогия – изменения роли автора и читателя после изобретения книгопечатания). Автором как печатного, так и электронного графического продукта может быть один человек, выполняющий одновременно функции автора текста и иллюстратора-дизайнера. В то же время, если речь идет о серии комиксов, читатель, выражая обратную связь, может влиять на сюжет последующих историй, предлагая собственные идеи к воплощению и становясь таким образом «негласным» соавтором. Данный факт подтверждает гипотезу о развитии диалога и интерактива как между создателем и читателем, так и среди читательской аудитории, что, помимо прочего, обусловлено электронными технологиями.

Что касается целевой аудитории комикса, то подобно тому, как с возникновением книгопечатания, привычки читающей публики были воспитаны рукописной культурой, так и аудитория комикса формируется постепенно – новый графический жанр изначально критиковался за свою комичность и назывался исследователями «помоечным» [2]. В России процесс формирования самого жанра и его аудитории продолжается в настоящее время. Комикс порождает новые формы, например, графический роман, выходя за рамки развлечений, а аудитория включает по большей мере молодых людей. Старшее же поколение в настоящее время предпочитает зачастую классический текстовый формат для восприятия информации.

Таким образом, в контексте перехода человека от устного общества к электронному, комикс является реакцией на информационный взрыв и степенью эволюции в ориентации личности на визуальное восприятие.

Следует отметить, что, будучи изначально явлением печатной культуры, комикс адаптировался к электронному формату, что, помимо прочего, наделило его чертами печатного и электронного визуального продукта. Соответственно, учитывая данный факт и специфику организации страниц комикса, можно сделать вывод, что он является нелинейным, неоднородным и неунифицированным продуктом. Перечисленные особенности поощряют и развивают пространственное и холистическое мышление читателя, которое может проецироваться и распространяться на другие сферы жизнедеятельности и решение различных задач. Кроме того, благодаря иллюстрированному повествованию, комикс воздействует на эмоции, оказывая тем самым влияние на развитие эмпатии и мотивации человека, а также снижает нагрузку на память и видоизменяет процессы воображения.

Следует подчеркнуть также изменения в отношениях «автор-читатель» и «читатель-читатель»: автор, будучи иллюстратором, имеет возможность самовыражаться и реализовываться, создавая самобытную и не единообразную визуализацию, читатель – давать обратную связь и становиться «соавтором», а также создавать группы фанатов для обсуждения новых продуктов и популяризации жанра. Таким образом, роль индивидуализации и обособленности видоизменяется, поскольку на первый план выходит диалог и взаимодействие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вашинина, И. В.* Особенности восприятия креолизованных текстов / И. В. Вашинина. – Текст: электронный // Вопросы психолингвистики. – 2016. – №4 (30). – С. 39–53. – URL: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=30249 (дата обращения: 10.04.2024).
2. *Кожевникова, Е. А.* Книжный формат «графический роман» как инструмент управления чтением / Е. А. Кожевникова. – Текст: электронный // Культура: теория и практика. – 2022. – № 2 (47). – URL: <https://sciup.org/theoryofculture/2022-2-47#> (дата обращения: 10.04.2024).
3. *Маклюэн, М.* Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн; пер. с англ. А. Юдин. – Киев.: Ника-Центр, 2003. – 432 с. – (Сдвиг парадигмы, Вып. 1). – ISBN 966-521-224-9. – Текст: непосредственный.
4. *Шваненфлюгель, П. Дж.* Психология чтения. Теория и применение: учебник / П. Дж. Шваненфлюгель, Н. Ф. Кнапп; пер. с англ. О. В. Панасьева. – Харьков.: Гуманитарный центр, 2022. – 388 с. – (Коммуникация. Прикладная лингвистика). – ISBN 978-5-9906579-6-0. – Текст: непосредственный.
5. *Юдин, Л. А.* Драматургический потенциал графического романа / Л. А. Юдин. – Текст: электронный // Уральский филологический вестник. – 2014. – №5. – С. 317-323. – URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/810/Юдин%20УФВ%202014%205.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).

ХИМИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

CHEMISTRY AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Билык Анастасия Ивановна

аспирант кафедры молекулярной генетики и биотехнологий, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.

Bilyk Anastasiya Ivanovna

PhD student of the Department of Molecular Genetics and Biotechnology, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Аннотация: Химия как наука формируется в период научной революции XVII века, но берет свои начала в алхимии. Человечество с исторических времен интересовало преобразование вещества. Современная химия это объективным образом объясняет. Более того, мы можем наблюдать как химия становится частью современной культуры, активно используется в ее различных областях. Рассмотрено также отношение общества к такой профессии как химик.

Abstract: Chemistry as a science was formed during the scientific revolution of the 17th century, but has its origins in alchemy. Since historical times, humanity has been interested in the transformation of matter. Modern chemistry explains this objectively. Moreover, we can observe how chemistry is becoming a part of modern culture and is actively used in its various fields. The attitude of society towards such a profession as a chemist is also considered.

Ключевые слова: химия, социально-культурный феномен, алхимия, искусство, социум.

Key words: chemistry, socio-cultural phenomenon, alchemy, art, society.

Еще с древних времен человечества люди замечали, что вещество способно меняться. Например, древесина сгорала, образуя сажу, а глина под действием температуры становилась крепче; виноградный сок способен забродить. Именно этим и занимается химия – изучает различные вещества и их превращения. Несмотря на то, что подобные явления сопровождают человека не одну тысячу лет, а сам человек представляет собой «химический» реактор, становление самой науки приходится на XVII-XVIII века, которые знаменуются научной революцией.

Свои истоки химия берет с III века, когда алхимическое учение завладело умами многих. На тот период алхимия представляла собой философское учение, целью которого являлся поиск волшебного камня, способного превратить любой металл в золото. Алхимия также занималась поиском эликсира вечной жизни. Алхимический период длился

до XVII века и на протяжении этого времени алхимики в попытках найти философский камень развивали умения и навыки проведения химических экспериментов, создавали новое оборудование. Именно с развитием экспериментальной части алхимия перешла в ранг лженаук, уступив место химии.

Как бы сильно не пытались отделить химию от ее прародительницы алхимии, именно последняя внесла большой вклад в историческое наследие человечества. Алхимия, окутанная тайной, недоступная для всех и поднимающая вопросы вечной жизни, вовлекала в свой круг многих творческих личностей.

Свой отпечаток алхимия оставила в живописи, литературе и даже музыке. Самыми яркими примерами следов алхимии в литературе являются такие популярные произведения как «Гарри Поттер и философский камень» Джоанн Роулинг, «Алхимик» Пауло Коэльо и др. Все творчество Густава Майринка буквально пронизано алхимическими знаниями. Данные художественные произведения характеризуются смещением фокуса с философского камня к пути алхимика.

Образы алхимика, занятого поиском волшебного камня и вечной жизни, нашли свое отражение в картинах Питера Брейгеля, Томаса Вейка, Андриана ван Остаде, Питера Пауля Рубенса и многих других. Бытует мнение, что алхимия оставила память о себе и в работе *Рембрандта* Харменса ван Рейна. Алхимическим символизмом характеризуется и творчество таинственного художника западного искусства Иеронима Босха. В своих картинах автор демонизирует алхимию, отождествляя ее с бесовщиной и черной магией.

Несмотря на такой вклад алхимии в искусство, все это было бы невозможным без знаний в области химии. Первым трактатом, фиксирующий технику живописи, стала «Книга об искусстве» итальянского автора Ченнино Ченнини в середине XV века. Автор описывает изготовление карандашей: смешивание свинца и олова в соотношении 2:1; а также технологию изготовления прозрачной бумаги: нанесение на бумагу льняного масла и приготовление лаков [2]. Ченнино Ченнини объясняет приготовление многих цветов: углеродная сажа, зеленая лазурь, terre-verte, сурик, синий аутремер и другие. Еще одним методическим пособием химии цвета и пигментов является книга «Объяснение живописи», которая впитала в себя итальянские и византийские техники [5]. Также важной технической находкой в художественном мире является сборник отчетов «Пигменты художников», состоящий из неопубликованных музейных рукописей [3].

Химия помогала человеку не только создать произведения искусства, но и сохранить дошедшие до наших дней творения. Так современные научные лаборатории постоянно исследуют материалы и методы, исполь-

зюемые в картинах. Например, для определения подлинности изделия или при реставрации картины, всегда используются химические и физико-химические методы: хроматографические, аналитические, масс-спектроскопические методы и многие другие [1]. Подобные методы позволяют не только определить подлинность картины, но даже подтвердить авторство художника картины.

Одним из примеров является картина «Портрет Александра Морнауэра» в Лондонской Национальной галерее. Считалось, что ее автором является Ганс Гольбейн (конец XVI – начало XVII века) – немецкий художник Северного Возрождения. Однако фон картины был наполнен характерным синим пигментом. В ходе химических исследований было обнаружено, что использованная краска является берлинской лазурью, которая была открыта спустя 300 лет после написания данной картины. Удаление лазури позволило обнаружить оригинальный фон картины – коричневый.

Химия вдохновила и некоторых современных художников. Так, в 2009 году доктор химических наук Джейлсон Лима основал проект «Искусство и наука», целью которого является интеграция изобразительного искусства в естественные науки. Лауреат премии Бомбе Химического института Канады 2018 года вдохновился работами Пабло Пикассо и химией. В результате Джейлсон нарисовал картину в основе которой находится молекула метана, а на втором плане располагается электронная конфигурация атома.

Существует малое количество информации об отношении людей к химии. Но большинство ученых-химиков считает, что их профессия и сама «химия» вызывают негативную реакцию у людей. Возможно, подобное суждение связано с громкими заголовками из СМИ, кричащими о пестицидах, ГМО или о страшных пищевых Е-шках. Еще одной причиной нелестных отзывов может являться банальное непонимание данной науки в целом. Так или иначе, исследования, проводимые в 2016 году среди представителей общественности и ученых-химиков в Великобритании, продемонстрировали удивительные результаты. Опрос, проводимый среди 450 химиков из Королевского химического общества, показал, что 86% ученых склонно считать, что к ней в обществе относятся нейтрально или негативно [4]. На самом деле 84% представителей общества Великобритании считают, что химики вносят важный вклад в развитие общества. Еще одной занимательной особенностью данного исследования является то, что для общественности такие слова как «химия», «химики» и «химическое вещество» способны вызывать разные эмоциональные реакции.

При упоминании слова «химия» для большинства людей первой ассоциацией являлся школьный предмет, который был для многих непонятен и способен вызвать панику [4]. Однако при дальнейшем рассуждении о химии как о науке, а не учебной дисциплине, 75% опрошенных отметили положительное влияние химии на благополучие людей. При опросе

представителей общества Великобритании касаясь их мнения о химиках 75% опрошенных отметили, что представители данной профессии работают в аптеках, то есть являются фармацевтами. Подобная семантическая ошибка приводит в глазах общественности к разрыву между понятиями «химия» и «химик». Однако несмотря на это, при упоминании химических аварий и катастроф, общественность не считала виноватыми «химию» или «химиков». Вся ответственность по мнению людей лежит на «корпорациях», а химики в этой игре являются лишь работниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Никитин М.К., Мельникова Е.П.* Химия в реставрации. Справочное пособие / М.К. Никитин, Е.П. Мельникова. – Л.: Химия, 1990. – 304 с.
2. *Ченнини Ч.* Книга об искусстве или Трактат о живописи / Ченнини Ч.; Перевод с итальянского А. Лужнецкой; под редакцией и со вступительной статьей А. Рыбникова. – Москва.: ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1933. – 139 с.
3. *Harley R. D.* Artists' Pigments: A Study in English Documentary Sources 2nd ed / R. D Harley. – Butterworth–Heinemann: Oxford, 1982. – с.1600–1835.
4. *Edwards J., Ceci C., Ratcliffe E.* What the Public Really Thinks About Chemistry / Chemistry International, 2016. – Vol. 38. – p. 1–4.
5. *Dionysiou.* Explanation of Painting: Mount Athos 1458, 1st ed.; / Dionysiou. Kalamata, 1981.

**ИЗ ФАНТАСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА
В МАССОВУЮ КУЛЬТУРУ**
FROM FANTASTIC REALISM TO MASS CULTURE

Свинцовский Эдуард Николаевич

Обучающийся, г. Симферополь, Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского.

Svintsovskiy Eduard Nikolaevich

Student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Тимохин А.М.

Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute «Tavrida Academy» of the Crimean Federal V.I. Vernadsky University named, Timohin A.M.

Аннотация: Во второй половине XX века западноевропейское и американское общество устало от упрощенных форм абстракционизма, что вызвало запрос на более сложные и глубокие формы искусства. В ответ на это возник фантастический реализм. Этот жанр характеризуется стремлением к целостности, суггестивности и индивидуальности, исследует глубокие философские и метафизические темы и требует высокого уровня восприятия. Стилистическая адаптивность фантастического реализма позволила ему проникнуть в массовую культуру.

Abstract: In the second half of the 20th century, Western European and American society grew tired of the simplified forms of abstractionism, leading to a demand for more complex and profound forms of art. In response to this, fantastical realism emerged. This genre is characterized by a pursuit of integrity, suggestiveness, and individuality, exploring deep philosophical and metaphysical themes and requiring a high level of perception. The stylistic adaptability of fantastical realism allowed it to permeate mass culture.

Ключевые слова: Фантастический реализм, массовая культура, биомеханическое искусство Ханс Руди Гигер.

Keywords: Fantastical realism, mass culture, biomechanical art, Hans Rudolf Giger.

Во второй половине XX века западноевропейское и американское общество устало от упрощенных форм абстракционизма из-за чего появился запрос на красоту, сложность формы, а также глубину смысла. Тогда появляется фантастический реализм, вдохновленный техническим прогрессом, научной фантастикой, мистикой и оккультизмом.

Фантастический реализм – понятие в первую очередь включающее в себя стремление к содержательной, стилистически единой формальной системе (сходство с натурой, традиционная предметность может быть и

может не быть), но – целостность, суггестивность и индивидуальность художественного вещества реализующего представления художника о явлениях за пределами чувственного опыта [1].

Несоответствие объективной реальности, отсутствие обусловленности характера человека связями с окружающим миром. В фантастическом мире происходит соприкосновение людей с иной реальностью, их сущность рассматривается как явление. Двойкое восприятие действительности. Писатели и художники создают фантастические, условные миры, в которые помещаются вполне «человеческие» герои или персонажи с демоническим уклоном.

Искусство стало отражением развития физического мира, старательно обогащая его эстетикой и разнообразием мира потустороннего. При этом прослеживаются штампы: причудливые пейзажи, многомерная перспектива, фантастические или фольклорные персонажи, поверхностно изображенные научные достижения и фантастические идеи. Искусство фантастического реализма взывало к двум человеческим чувствам – зрению и интуиции.

Благодаря своей комплексности и глубине фантастический реализм часто характеризуется сложными символическими и метафорическими элементами. Он исследует глубокие философские, метафизические и эмоциональные темы. Это требует значительного уровня восприятия и понимания, что делает этот жанр крайне сложным для массового зрителя.

Однако не всегда есть четкое разделение между «элитарной» и «массовой» культурами. В современном искусстве эти границы размываются и одно становится неотъемлемой частью другого. Как стал возможен переход из «немассового» в «массовое»?

Эту адаптивности в контексте массовой культуры можно четко отследить в творчестве Ханса Руди Гигера, швейцарского художника и дизайнера.

В детстве Гигер страдал от кошмаров, увлекался костями и гильотинами, а любимой игрушкой был подарок отца – человеческий череп, который в свою очередь сыграет не последнюю роль в его творчестве. Родители особо не переживали за увлечения сына, рассуждая о том, что он наиграется и успокоится. И были правы, однако кошмары никуда не исчезли, но Гигер знал, как с ними справляться – изображать на бумаге [4].

Гигер был известен своим уникальным стилем, сочетающим элементы фантастики, хоррора и сексуальности. Его произведения часто изображали механические структуры, сочетающиеся с органическими формами, а также монстров и существ, напоминающих гибриды машин и организмов. Его работы были ярким проявлением фантастического реализма, жанра, сочетающего элементы фантастики и реальности.

Изначально Гигер писал свои работы тушью и маслом, затем выбрал основным инструментом аэрограф, который художники считали пригодным только для закрашивания больших плоскостей, однако художник довел эту технику рисования до совершенства, благодаря чему его ра-

боты приобрели фотореалистичность, был случай, когда на таможене не пропустили серию постеров из-за цензуры, посчитав их фотографиями. По этому поводу Гигер мрачно пошутил: «В каком месте Земли я, по их мнению, мог сделать такие фотографии? Может, в аду?» [3].

В начале своей карьеры Гигер был известен в узких художественных кругах и в кругах любителей научной фантастики. В 1968 году художник публикует сборник «Биомеханоиды», где изображены ранее невиданные существа, синтезированные из органики и техники, что породило новое течение в искусстве – биомеханическое искусство. Первую известность художник получил после публикации сборника в 1977 году книги «Некрономикон», вдохновленная работами Говарда Лавкрафта, но ничего общего с ним не имеет.

В 1960-е годы в Голливуд начался художественный кризис, традиционные жанры вроде вестерна или пеплума пришли в упадок, а молодежь стала предпочитать европейские фильмы. Студиями гигантами управляли старожилы кино с консервативными взглядами, отсюда рабские контракты для актеров, масштабные съемки и театрализованные сюжеты. В обществе прошла сексуальная революция, разгорались молодежные протесты и бунт контркультур. Все это сблизило американское общество с европейским.

В условиях общественных потрясений и художественного кризиса родился Новый Голливуд. Молодые, амбициозные, смелые режиссеры взяли кинематограф в свои руки (Стэнли Кубрик, Мартин Скорсезе, Фрэнсис Форд Коппола, Роман Полански, Вуди Аллен, Роберт Олтмен и др.). Тогда же стали востребованы актеры новой школы – Дастин Хоффман, Джек Николсон, Роберт Де Ниро, Аль Пачино, Джин Хэкмен, работающие по системе Станиславского. Активно стали развиваться малые студии. В американском кино появились бесстрашные операторы и понятие автора, это привлекло внимание молодежи. По мере того, как американское общество пыталось оправиться после общественных событий, развлекательное кино сместило общественно-политические, так стали популярными блокбастеры и научно-фантастические фильмы. Благодаря этим процессам Ханс Руди Гигер получил возможность представить свои уникальные дизайны и концепции широкой публике.

Изначально Гигер должен был сотрудничать с Александром Ходоровски в экранизации романа Фрэнка Герберта «Дюна», были уже готово большое количество рисунков, однако из-за отсутствия финансирования проект не получил реализацию. Однако благодаря работе с Ходоровски Гигер познакомился со сценаристом и режиссером Дэнном О'Бэнноном, благодаря которому вышеупомянутый «Некрономикон» попал в руки другому режиссеру – Ридли Скотту. Режиссер говорил: «По сути, искусства Гигера достигают недр нашей психики и затрагивают наши самые глубокие первобытные инстинкты и страхи» [2]. Он увидел в работах художника то, что нужно было для его фильма, ему показалось будто кто-то залез ему в голову.

Сотрудничество с Ридли Скоттом по фильму «Чужой» принесло Гигеру огромную известность. Его дизайн ксеноморфа (чужого) и архитектуры космического корабля вызвал сильное впечатление у зрителей и критиков. За что ему в 1980 году присудили «Оскар» в номинации «Лучшие визуальные эффекты». Этот успех позволил Гигеру стать частью массовой культуры.

Гигер также продолжал работать в других сферах массовой культуры, включая музыку. Он рисовал комиксы, журнальные иллюстрации, обложки для музыкальных альбомов. Альбом КооКоо с изображением пронзенного акупунктурными иглами лица Дебби Харри вместе с давней работой для ELP вошли в число сотни лучших обложек века по версии журнала Rolling Stone.

Для Джонатана Дэвиса из Korn Гигер спроектировал микрофонную стойку, а для фирмы Ibanez – линейку гитар. Гигер разрабатывал дизайн часов, ювелирных украшений и мебели.

Видения Гигера отразила и компьютерных игры «Dark Seed», «Scorn», а отсылки на его творчество были в «Contra», «Battletoads», «Teenage Mutant Ninja Turtles: Turtles in Time» и прочих.

Такие проекты помогли ему расширить свою аудиторию и привлечь новых поклонников и последователей (Нихэй Цутому, Евгений Волос, Дариуш Завадский, Пьер Маггер и др).

Адаптивность творчества Гигера заключается в его способности приспособиться к различным медиа-форматам и жанрам. Он был способен внести свой вклад в кино, музыку, литературу и другие области искусства. Его узнаваемый стиль и эстетика привлекали людей, которые ценили оригинальность, эстетику ужаса и техническую сложность его работ.

Таким образом, творчество Гигера смогло перейти из «немассового» в «массовое» благодаря совпадению его уникального стиля с изменяющейся динамикой искусства, а также благодаря развитию киноиндустрии и других массовых медиа-форматов, готовых принять и ассимилировать его работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Фантастический реализм»: миф, действительность, нынешний день // Современные художники : сайт. – URL: http://contemporary-artists.ru/fantastic_realism.html (дата обращения: 02.05.2024)
2. Картины страшно гениального Ханса Гигера // Камералабс : сайт. – URL: <https://cameralabs.org/10913-kartiny-strashno-genialnogo-khansa-gigera> (дата обращения: 02.05.2024)
3. Нидерландские таможенники приняли рисунки Гигера за фотографии // Фактрум : сайт. – URL: <https://www.factroom.ru/izvestnye-lyudi/hudozhniki/niderlandskie-tamozhenniki-prinyali-risunki-gigera-za-fotografii> (дата обращения: 02.05.2024)
4. Человек, который создал Чужого. Каким был Ганс Рудольф Гигер // Канобу: сайт. – URL: <https://kanobu.ru/articles/chelovek-kotoryij-sozdal-chuzhogo-kakim-byil-gans-rudolf-giger-375008/> (дата обращения: 02.05.2024)

VI. ГОРИЗОНТЫ СОЦИАЛЬНОСТИ

УДК 130.2:572

СОЦИАЛЬНЫЙ ТРИКСТЕР КАК ГЕРОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

SOCIAL TRICKSTER AS A HERO OF SOCIOCULTURAL INCERTITUDE

Артемова Юлия Александровна

*заведующая отделом аспирантуры и докторантуры,
соискатель кафедры философии*

*г. Луганск, Луганский государственный университет имени
Владимира Даля*

Artemova Yuliya Alexandrovna

*Head of the Department of Postgraduate and Doctoral study,
Applicant of Chair of philosophy*

Lugansk, Lugansk Vladimir Dahl State University

Аннотация: Статья посвящена проблеме социокультурной неопределённости как мировоззренческому концепту, сохраняющему актуальность на протяжении всей культурной истории человечества. В частности, для периода XVII-XVIII веков социокультурная неопределённость выражается в образе и моделях поведения социального трикстера. В социальном трикстере неопределённость, которая на протяжении предшествующей истории связывалась с различными гранями антропологического дискурса, получает воплощение, предельное по радикальности и характеру экспансивной активности.

Abstract: The article deals with the problematics of sociocultural incertitude as outlook concept, that preserves their actuality during the total history of mankind culture. Especially, for the period of XVII-XVIII centuries the sociocultural incertitude expresses itself in image and behaviors models of social trickster. In personality of social trickster the incertitude, bounded with various edges of anthropologic discourse, obtains the most radical and dynamic incarnation.

Ключевые слова: человек, Возрождение, Барокко, эстетизм, социальная действительность, социокультурная неопределённость, социальный трикстер, социальный статус, модель поведения.

Keywords: humanity, Renaissance, Baroque, aesthesis, social reality, sociocultural incertitude, social trickster, social status, behaviors model.

Начало эпохи Нового времени, процессы развития и трансформаций, что протекали в общественной жизни, науке и культуре XVII и XVIII

столетий, придали теме человеческой неопределённости новое направление, трансформировав её понимание в ракурсе общественной действительности и социокультурной идентичности. Дальнейшее углубление и внутреннюю дифференциацию в этот период получает фокусировка внимания на земной жизни, присущая Возрождению. Симптоматичным проявлением такого внимания является рефлексия положения конкретного данного человека в обществе, осмысление его профессии, его социального статуса, теоретического обоснования системы обязанностей и функций, связанных с конкретным социальным статусом. Актуализация такого интереса находит выражение в появлении за достаточно ограниченный исторический период череды текстов, посвящённых психологии и социологии, рефлексии данных статусов, объединяющих в себе сословную и профессиональную принадлежность. Мыслители, деятели истории и искусства периода Чинквеченто усматривают во всём этом тему, вполне «достойную» увековечения, в результате чего история искусства и культуры обогатилась текстами, обладающими неоспоримым философским и историческим смыслом. Это «Мемуары» Ф. де Коммина, трактат «Придворный» Б. Кастильоне, «Государь» Н. Макиавелли, свод биографий «Жизнеописания наиболее значительных живописцев, ваятелей и зодчих» Дж. Вазари и «Жизнь Бенвенуто Челлини». Время написания либо выхода в свет этих нескольких текстов охватывает менее половины столетия: Макиавелли пишет «Государя» в 1513 году, события, на которых останавливается Б. Челлини в описании своего жизненного пути, относятся к 1562 году. Создание и публикация прочих перечисленных произведений заключена между этими временными точками. Такая темпоральная концентрация свидетельствует о том, что здесь имеет место определённый социокультурный симптом внимания к данной теме, рассмотрения её в виде «игры» или «борьбы» между идеальными, рафинированно теоретическими требованиями к деятельности, присущей данному социальному статусу, и насущной реальностью. Выполнение круга обязанностей, функций, символических форм, присущих данному статусу, должно осуществляться согласно некоторой идеальной модели, выводимой заранее и предписываемой к безусловному осуществлению. Идеальная модель, вневременная и необусловленная ничем, кроме своей имманентной логики, совершенства и тождества изначально данной дефиниции, является основным движущим началом в отношении своей реализации.

Так социальная реальность человека перестала быть аксиоматической, непререкаемой данностью, о которой «не стоит говорить», отрывая тем самым внимание и усилия философского дискурса, всецело принадлежащие миру теологической тематики. Рассуждать о ней, описывать пути, умозрительные соображения и действительный опыт – дело нуж-

ное и востребованное социальными, интеллектуальными, культурными условиями позднего Возрождения. Однако и социальная реальность в целом, и система реализуемых в ней отношений, и сословная принадлежность индивида – всё это ещё всецело остаётся областью социокультурной определённости и детерминированности. Императивом конкретному человеку выступает его урождённая принадлежность данному сословию, обязательность следования предписываемым статусом условиям, нормам, ценностям. Здесь Возрождение ещё никуда не «уходило» от Средневековья, скорее наоборот, углубило связанность индивида с его социальной данностью, сделав этот принудительный и врождённый факт – предметом осознания и самосознания. Однако уже в этом скрывался элемент, который впоследствии разрушит его аксиоматический характер. То, что сделалось осознаваемым и помысливаемым, в силу логики исторического развития обречено было рано или поздно стать отрицаемым.

Начальные столетия Нового времени характеризуются развитием различных мировоззрений и социальных практик, основу для которых составляет сомнение, отказ от жёсткой определённости человеческой жизни – врождённым социальным статусом и разрывание стационарных социальных норм и связей. Развитие раннекапиталистических экономических отношений, рост влияния городов, образование национальных государств, войны, великие географические открытия и колониальное освоение новых территорий выступают в качестве ширококомасштабных социально-экономических и политических процессов, для которых источником, необходимой компонентой и результатом выступало расшатывание прежних сословно-статусных форм.

В литературе Барокко появляется и обретает значение один из наиболее популярных художественных типов образ, который мы обозначим как *социокультурный трикстер*. Это образ человека, который действует вне связанности и обусловленности социальными рамками одной, урождённой для него, сословной принадлежности, и в ходе своих действий играет коммуникативными кодами, ценностями, стереотипами различных современных ему статусов, надевая на себя, таким образом, соответствующие им «маски». Наиболее широко известными литературными образами, в которых представлен тип социокультурного Трикстера, являются следующие: Тиль Уленшпигель, пройдоха дон Паблос, Жиль Блас, Труффальдино из Бергамо, Фигаро. Широко и направленно раскрывает эстезис социального трикстера жанр плутовского романа, сформировавшийся в испанской литературе второй половины XVI – первой половины XVII веков и перешедший государственные и культурные границы Испании. Центральным персонажем в нём выступает городской уличный плут деклассированного социального происхождения, обозначаемый испанским словом *пикаро*.

Идейно-ценностным основанием для такой модели действий в системе социальных отношений своего времени, а также для её эстезиса служит вера в то, что человек, действующий «сам по себе», избавленный от

жёсткой детерминированности своим врождённым и поступательно приобретаемым положением в обществе, но при этом умело используя свои разум и таланты, данные природой, играет статусами, существующими в конкретно данном социуме, их символикой, их коммуникативными кодами, возможностями, ограничениями и комплексами, «лучше проживёт» и «достигнет благоденствия». На жизненно-прагматический, «наживающий» характер социальной практики такого типа указывает Н.Б. Томашевский, комментируя роман Солорсано «Севильская куница»: «Его пикаро действуют уже не под влиянием голода, а под влиянием живейшего желания попасть в тот слой общества, обычаи и вкусы которого они, так сказать, разделяли авансом» [1, с. 17]. Источником неопределённости для Нового времени выступает сам человек, причём не в качестве абстрактно полагаемого общего понятия, а в реальности своего наличного бытия. Аргументы в пользу этой связи неопределённости с человеком выдвигает ещё Возрождение. В своей «Речи о достоинстве человека» Пико делла Мирандола устами Бога провозглашает: «Не даём мы тебе, о Адам, ни определённого места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определён в пределах установленных нами законов. Ты же, не стеснённый никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю» [2, с. 97].

Социокультурная неопределённость обретает характер личностной позиции, личностного жизненного пути и сознательно выстраиваемой модели достижения на нём успеха. «Ловкость и изворотливость в Мадриде – философский камень, который обращает в золото всё что к нему прикасается» [3, с. 171] – поучает дона Паблоса встреченный им по дороге обнищавший идалго. Эстетизм социокультурной неопределённости в Барокко как в художественном направлении, знаменующем закат Возрождения и начало эпохи Нового времени, выражается в появлении и широкой популярности персонажа, который выражает данную модель мироотношения и поведения, в его самопрезентации и самоанализе, в его популярности у читателя и зрителя. Позиционирование социального трикстера представляет из себя ответ культуры Барокко, в лице сформировавшейся для неё философии человека как социокультурного существа – на тот мир, в котором действует социокультурная определённость. Это мир статуированности, строгой социальной иерархии, что представлял из себя ренессансный патрицианско-олигархический социум и мир Церкви. В эпоху Треченто и Кватроченто личности Ренессанса встраиваются в эту иерархию, активно и талантливо выполняют роли, навязываемые им – их статусами, социальными связями, родственными, партнёрскими, иерархическими отношениями.

В условиях кризиса ренессансного миропонимания творческая индивидуальность реализуется в социальной среде благодаря способности менять маски социальных статусов, не связывая себя навсегда и всерьёз ни с одним из них. Тип социокультурного трикстера является одним из наиболее характерных художественных образов Барокко. При этом его следует определить как ценностную, деятельностную, моральную координату общественного сознания и культуры своего времени. Эта координата сама несёт в себе социокультурную неопределённость как инвариантную составляющую картины мира и практики его освоения. Социокультурный трикстер в совокупности демонстрируемых им качеств самоосуществления и самопрезентации в насущной для него ткани социальной действительности является по существу героем социокультурной неопределённости, который преодолевает её, впуская её в себя и являясь ею сам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Томашевский Н.Б.* Плутувской роман С.5-20 / Плутувской роман. – М.: Художественная литература, 1975. – 560 с.
2. *Горфункель А. Х.* Философия эпохи Возрождения. Учеб. пособие. – М.: Высш. школа, 1980. – 368 с.
3. *Кеведо Ф.* История жизни пройдох по имени дон Паблос, пример бродяг и зеркало мошенников С.103-232 / Кеведо Ф. Избранное: Пер. с исп. / Сост. и вступ. статья З. Плавскина; коммент. В. Григорьева и З. Плавскина; рисунки худож. А. Пахомова. – Л.: Худож. лит., 1980. – 544 с.

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД И ФОРМИРОВАНИЕ
МИРОВОЗЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ****THE CIVILIZATIONAL APPROACH AND THE FORMATION
OF THE WORLDVIEW OF MODERN YOUTH*****Вакулова Татьяна Владимировна****кандидат политических наук, доцент кафедры «История России и Основы Российской государственности», Севастопольский государственный университет****Vakulova Tatyana Vladimirovna****candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department «History of Russia and the Foundations of Russian Statehood» Sevastopol State University*

Аннотация: рассматривается необходимость использования цивилизационной теории в изучении истории и формировании мировоззрения молодежи. Обосновывается необходимость сопротивления попыткам манипулирования мировоззрением, используя цивилизационный подход в науках.

Abstract: The necessity of using civilizational theory in the study of history and the formation of the worldview of young people is considered. The necessity of resisting attempts to manipulate the worldview using a civilizational approach in the sciences is substantiated.

Ключевые слова: цивилизационный подход, мировоззрение, информационные войны, междоцивилизационная борьба.

Keywords: civilizational approach, worldview, information wars, intercivilizational struggle.

Использование цивилизационного подхода в научных исследованиях, в преподавании гуманитарных, исторических дисциплин обосновывается не только созданием предпосылок, сохранения исторической правды и памяти, формирования цивилизационной идентичности, но и формированием мировоззрения, и направлено на получение нового результата. Применение подхода в образовании содействует рассмотрению духовно-нравственных, культурных и иных процессов с учетом специфики социально-экономических и культурных особенностей изучаемых обществ. На основе этого определяется постановка и решение новых мировоззренческих, социальных и духовно-нравственных проблем. Данный подход формирует необходимые условия закладки основ цивилизационного мировоззрения, способности к анализу современных общественных

феноменов в рамках социально-экономических и политических процессов, с учетом их своеобразия и преемственности систем социального развития. На II Всероссийском форуме «Планерка профилактики» в Минобрнауки РФ отмечалось, что «для формирования у населения антитеррористического мировоззрения следует активно и при этом максимально неформально задействовать потенциал просветительских, культурных мероприятий, опираясь на проводимую в образовательных организациях воспитательную работу и на традиционные российские духовно-нравственные ценности» [2].

Цивилизационный подход раскрывает сущность взаимодействия российской и европейской цивилизаций, с точки зрения глубокого проникновения в суть исторических процессов, понимания их значения и сути. Помогает не только выстоять в информационной войне, но и закладывает основы для победы в ментальной войне. Ментальным оружием является объективное знание истории, литературы, культуры, научных теорий и подходов, именно знание становится инструментом в современном межцивилизационном противостоянии. В процессе обучения и воспитания, подход может стать эффективным и важным условием для сохранения исторической правды и памяти, формировании мировоззрения и цивилизационной идентичности российской молодежи. Формирующееся мировоззрение нынешней молодёжи не всегда готово к ментальным войнам, неспособно отвечать на серьёзные вызовы, а угрозы, которые могут нанести нынешние коммуникационные технологии молодому сознанию, при их скрытом информационно-ментальном воздействии, велики и смертельно опасны для молодого поколения, государства и цивилизации в целом. Особенно, если использовать их в воспитательных, а затем и политических целях. Информационные войны XXI века приобретают все более скрытые и опасные формы, что оказывает существенное влияние на традиционные системы ценностей и даже психическое здоровье обществ.

Актуальность темы усиливается в условиях современных террористических угроз и более активных информационных войн, поэтому общества нуждаются в создании эффективной системы защиты и противодействия операциям информационной войны, разрушающим мировоззренческие и социальные системы. Исследователи рассматривают информационную войну как эффективный инструмент реализации внешней политики воюющих цивилизаций, а значит, существует необходимость оказывать активное сопротивление любым попыткам манипулирования мировоззрением. В этом смысле использование методологии цивилизационного подхода, позволяет сформировать защитное поле в создании системы активного сопротивления чудовищным попыткам искажения истории и манипулирования мировоззрением, в этом состоит роль подхода.

Основоположник цивилизационной теории Н.Я. Данилевский [1] выступая против европоцентризма, однополярности, писал о европейской цивилизации, как об одной из множества других. Утверждал, что каждая

цивилизация, культура, особенная и ценная, разнообразие цивилизаций в мире сравнивал с разнообразием в природе видов растений. Писал о равенстве цивилизаций, не признавал иерархии культур. Характеризуя западную цивилизацию, считал её враждебной, заражающей, опасной, негативно настроенной к России. Насильственный характер культуры запада (германский культурно-исторический тип) – считал агрессивным типом. Согласно Данилевскому, важным условием существования цивилизаций является политическая и культурная экспансия [1, с. 422]. Автор доказал, что европейские государства всегда договаривались против России и показал, что общественные преобразования в России будут напрасными и разрушительными, если будут осуществляться вопреки национальным интересам. Служение народу и защита национальных интересов является нормой при том, что уважаются права и интересы других народов.

Н.Я. Данилевский был сторонником органистической теории, развивал идею о подчинении исторического бытия законам природы, обращал внимание на разнообразие исторической жизни. Утверждал, что естественная модель позволяет объяснить исторический процесс максимально объективно, через совокупность разнообразия индивидуальных форм жизни цивилизаций и народов, в них входящих. Данилевский исходил из теории множественности и разнообразия человеческих культурно исторических типов (цивилизаций).

Опираясь на цивилизационную теорию, изучение исторических процессов, вариантов и результатов формирования мирового порядка, международных отношений после окончания Великой Отечественной войны (1941-1945) и Второй мировой войны (1939-1945), изменений идейно-политического климата в послевоенной мировой системе в целом, приводит к пониманию того, что российская цивилизация играла и вновь играет важнейшую роль в системе международных отношений, она оказывала влияние на развитие отдельных стран мира и взаимодействие между ними во все времена мировой истории, отвечала на вызовы цивилизации, сохраняя собственные мировоззренческие установки.

Использование цивилизационного подхода даёт возможность увидеть историю, не как борьбу классов, а борьбу культур, идеологий и мировоззрений. Именно такой подход показывает, как советская цивилизация с присущей ей культурой и мировоззрением «ответила» фашистской европейской цивилизации в период Великой Отечественной войны. В работе «Фашистская Европа» В.Е. Шамбаров пишет, что фашизм родился в Европе в период 1920-1930-х годов и охватил страны, совершенно разные по уровню экономического развития, по национальным и культурным традициям: Италию, Германию, Австрию, Румынию, Испанию, Болгарию, Венгрию, Францию, Бельгию, Чехию, Словакию, Норвегию,

Данию, Швецию, Финляндию, Грецию, Югославию. По сути, вся Европа была фашистской! В Англии, США, Латинской Америке обозначились влиятельные организации, близкие к фашизму [4, с. 2]. Фашизм скрывался под разными именами: национал-социализм, рексизм, фалангизм, но главной чертой всех этих движений был звериный антикоммунизм и ненависть к СССР [4]. С точки зрения цивилизационного подхода против СССР в Великой Отечественной войне воевала вся фашистская Европа, а не только Германия.

Вслед за великим Данилевским, не менее известный Тойнби считал, что Запад – это архиагрессор. Английский учёный показал, что западная экспансия осуществлялась на российские земли в 1610, 1709, 1812, 1915, 1941 годах. Он пишет, что западная цивилизация продавала африканцев в рабство, а индейцев вообще уничтожила. Весь мир страдает от Запада. Автор полагает, что русский авторитаризм был так же вызван экспансией Запада, в ответ на которую русские земли были усилены коренной русской властью в Москве, без которой они не могли бы выжить [3]. СССР, как и Московское княжество в 14 веке сохраняют и воспроизводят характерные черты Византийской цивилизации, в которой церковь может быть христианской, или марксистской, лишь бы она служила интересам государственного управления. Под распятием и под серпом и молотом Россия – та же Святая Русь, а Москва – Третий Рим [3].

Таким образом, в современных условиях становится очевидной необходимость использования цивилизационного подхода в формировании мировоззрения и сохранении исторической правды и памяти, для построения сильного государства, тем более, что обстановка в мире меняется так, что цивилизационные и политические традиции возрождаются и становятся основаниями для развития некоторых государств. Политика, проводимая российским государством, связанная с восстановлением цивилизационных традиций и использования их в процессе построения сильного государства, является спасительным фактором не только для восточно-православной цивилизации, но и для всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 453 с.
2. Всероссийский форум «Планерка профилактики» сайт. – URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytiy-konferencii-i-kruglye-stoly/v-moskve-provedyon-vsrossiyskiy.html>
3. *Тойнби А. Д.* Постигание истории: сборник: перевод с английского / А. Дж. Тойнби; составитель: д. философ. н. Огурцов А. П.; вступительная статья д. и. н. Уколовой В. И.; заключительная статья к. и. н. Рашковского Е. Б. – Москва: издательство Прогресс, 1991. – 730 с.
4. *Шамбаров В. Е.* Фашистская Европа / В. Е. Шамбаров. М: «Алисторус», 2014. – 604 с.

УДК 316.4

СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БЫСТРО
МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

SOCIAL CHARACTERISTICS OF A RAPIDLY CHANGING WORLD

*Панченко Андрей Андреевич,
аспирант, 1-й курс
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
Andrey Andreevich Panchenko,
Graduate student, 1st year
Crimean Federal University named after
V. I. Vernadsky, Simferopol*

Аннотация: В эпоху бурных технологических инноваций и глобализации мир претерпевает значительные социальные изменения, касающиеся всех аспектов человеческой жизни. В данной статье рассмотрены ключевые социальные характеристики быстро меняющегося мира, изучение которых позволяет не только глубже осмыслить направления и механизмы социального развития, но и выработать эффективные стратегии адаптации общества к вызовам современности.

Annotation: In the era of rapid technological innovation and globalisation, the world is undergoing significant social changes concerning all aspects of human life. This article considers the key social characteristics of the rapidly changing world, the study of which allows not only to better understand the directions and mechanisms of social development, but also to develop effective strategies for adapting society to the challenges of modernity.

Ключевые слова: глобализация, социальные характеристики, изменения

Keywords: globalisation, social characteristics, change

На сегодняшний день существует огромное количество переменных, оказывающих влияние на развитие социума. Ниже представлены основные социальные характеристики быстро меняющегося мира, активно исследуемых учёными-теоретиками со всех уголков земли.

1. Неопределенность

Одной из ключевых черт современного мира является неопределенность, выступающая не просто как временное явление, а как основополагающий аспект, оказывающий глубокое воздействие на все стороны

жизни общества и личности. Неопределенность затрагивает экономику, политику, социум и технологии, требуя от общества и организаций новых стратегий адаптации и развития.

В своей работе Ольга Де Шауэр рассматривает неопределенность через призму концепции VUCA, «охватывая волатильность (volatility), неопределенность (uncertainty), сложность (complexity) и двусмысленность/неясность (ambiguity)» [1]. Автор подчеркивает применимость этих характеристик как к общему состоянию мира, так и к деловой среде, требуя от управления гибкости и способности адаптироваться при использовании основ стратегического управления.

За последние 40 лет мир рассматривался преимущественно с точки зрения концепции VUCA, однако появление новых глобальных вызовов, таких как пандемия, цифровизация и социальные изменения, показало неприспособленность данной модели к современным реалиям. В ответ на это футуролог Жаме Кассио предложил концепцию BANI, которая отражает новые характеристики мира: хрупкость, тревожность, нелинейность и непостижимость.

Хрупкость (Brittle) мира означает, что даже кажущиеся прочными системы могут внезапно рухнуть под воздействием резких изменений. Тревожность (Anxious) указывает на постоянное чувство неуверенности и стресса из-за невозможности предугадать будущее. Нелинейность (Nonlinear) означает, что даже малые изменения могут иметь значительные и неочевидные последствия. Непостижимость (Incomprehensible) подчеркивает сложность анализа и понимания многих явлений и процессов.

Переход от VUCA к BANI предполагает изменение стратегий планирования и управления. Это требует от лидеров и компаний большей готовности к адаптации и переменам, способности решать сложные задачи. Принципы BANI акцентируют внимание на устойчивости, эмоциональном благополучии, гибкости в принятии решений и интуитивном понимании процессов.

2. Технологические инновации и их влияние

Клаус Шваб, известный немецкий экономист, основатель и президент Всемирного экономического форума, в своей знаменитой книге «Четвертая промышленная революция» освещает трансформацию общества под воздействием последних технологических достижений. Автор характеризует этот период как новую эпоху, в которой «инновации в области искусственного интеллекта, робототехники, машинного обучения, интернета вещей, автономных транспортных средств, 3D-печати, нанотехнологий и биотехнологий меняют лицо производства, управления, транспорта, здравоохранения, образования и, конечно, самого социума» [7]. По мнению автора, происходит взаимопроникновение технологий из разных областей: физической, цифровой, биологической.

Клаус Шваб выделяет следующие тенденции четвертой промышленной революции

1. «Слияние технологий: Границы между физическим, цифровым и биологическим мирами становятся всё более размытыми. Цифровизация проникает во все аспекты человеческой жизни, человек становится всё более зависим от технологий, они используются в науке, медицине, экономике и личной жизни человека» [7].

2. Персонализация и настраиваемость: Возрастает способность технологий предоставлять персонализированные продукты и услуги, что меняет потребительские ожидания и производственные процессы. От здравоохранения, где разрабатываются индивидуальные лекарства и лечения, до образования с адаптивными и персонализированными учебными программами.

3. Увеличение эффективности и устойчивости: Технологии способствуют созданию устойчивых городов, как инновационных хабов, что важно в условиях глобальных изменений климата и урбанизации.

Однако данные изменения имеют и потенциальные негативные стороны, они представляют серьезные этические и философские вызовы:

Одним из таких вопросов является неравенство, как классовое, экономическое, так и технологическое, создавая разрыв между теми, кто имеет доступ к новейшим инновациям, и теми, кто остается позади. Возникают вопросы распределения выгод от новых технологий. «Сегодня работа для среднего класса не гарантирует ожидаемый уровень жизни» [7], согласно результатам опроса ВЦИОМ, лишь 40% россиян довольны своей работой.

«Половину всех активов в Мире контролирует 1% населения. Средний доход 10% обеспеченных людей в 9 раз превышает средний доход 10% малообеспеченных. По данным учёных эпидемиологов и социологов, чем выше в обществе уровень неравенства, тем выше общий уровень агрессии, ниже продолжительность жизни и уровень доверия, и тем больше людей страдают от ментальных расстройств» [7].

Говоря о рынке труда, нужно учитывать, что автоматизация и роботизация могут привести к значительной потере рабочих мест в традиционных отраслях, что вызывает беспокойство по поводу будущего занятости и социальной стабильности. Постепенно люди, работающие в профессиях, связанных с рутинными операциями, будут вытесняться роботами и искусственным интеллектом. Всё более актуальным становятся профессии, связанные с творческой и умственной деятельностью, где требуются креативные навыки. Занятость в сельском хозяйстве стремительно падает, в то время как IT сфера и бизнес активно расширяются. Замена старых профессий на новые, происходит волнами. «Экономист Карл Фрей и разработчик данных Майкл Осборн посчитали вероятность

автоматизации 702 профессий и выяснилось, что в зоне риска 47% работников США» [7].

«Изменился порядок капитализации компаний, причем доход остался прежним, а количество сотрудников уменьшилось в 10 раз. В 1990 году капитализация трех крупнейших компаний в Детройте составила \$36 млрд, доходы – \$250 млрд, а численность персонала – 1.2 млн человек. В 2014 году три крупнейшие компании «Кремниевой долины» имели капитализацию \$1.09 трлн при доходе \$247 млрд и количестве персонала 137 тыс. человек» [7].

«Пределные издержки цифрового бизнеса стремятся к нулю. В результате единица благосостояния создается меньшим числом рабочих. Стало проще начать свое дело. Instagram и WhatsApp не требовали относительно больших инвестиций при запуске. Произошел расцвет стартапов» [7].

Увеличение данных, которыми мы делимся в интернете, ставит под угрозу нашу приватность. Все более актуальны вопросы о контроле над этими данными и о том, кто и как может их использовать.

В документальном фильме “Социальная дилемма” 2020 года повествуется о том, как бывшие сотрудники крупных технологических компаний, включая Google, Facebook, Twitter и Instagram, высказывают свои сомнения и этические вызовы, с которыми они сталкивались при создании и развитии продуктов. Они подчеркивают использование крупными компаниями данных пользователей для психологического воздействия, создания зависимости и управления вниманием пользователей, а также оптимизация контента для максимизации времени проведенного пользователями в приложениях и продажа пользовательских данных рекламным агентствам. Уровень тревожности, депрессии и других психических расстройств среди подростков постоянно возрастает из-за негативного влияния социальных медиа. Кроме того, социальные медиа оказывают влияние на политику и демократию через распространение фейковых новостей и эмоционально настроенного контента, который может повлиять на общественное мнение и выборы.

Если говорить о недобросовестном использовании данных, шпионаже и нарушении личной жизни общества, необходимо упомянуть Эдварда Сноудена – известного по всему миру после его обнародования секретной информации о программе слежения Агентства национальной безопасности США (NSA) в 2013 году. Работая как подрядчик в NSA, он получил доступ к тысячам классифицированных документов и передал эту информацию журналистам. Сноуден заявил о прямом доступе NSA к данным пользователей, предоставленным лидерами крупных американских технологических компаний. Google, Facebook, Microsoft и Apple позволяют агентству отслеживать онлайн-общение и другую информацию пользователей. Кроме того, NSA систематически собирает метаданные телефонных звонков миллионов американцев и граждан других стран, включая время звонка, продолжительность и номера участников разго-

вора. Раскрыт факт о слежке со стороны американского правительства за телефонными разговорами и другим общением иностранных лидеров, включая канцлера Германии Ангелу Меркель. Обнародованные документы показали, что наблюдение происходит не только за потенциальными террористами, но также за обычными гражданами как в США, так и за рубежом без должных судебных ордеров.

Важным является этический аспект в работе ИИ и автономных систем. Решения, принимаемые машинами, могут иметь непредсказуемые социальные и моральные последствия, особенно в сферах обороны и здравоохранения. По словам известного ученого Стивена Хокинга «развитие искусственного интеллекта может стать как наиболее позитивным, так и самым страшным фактором для человечества. Мы должны осознавать опасность, которую он несет» [5].

Шваб подчеркивает необходимость активного участия человечества для создания будущего, направленного на устойчивое развитие при использовании новых технологий. Это требует глобального сотрудничества, стратегического планирования и этических рассуждений для сохранения благополучия всех людей в ходе четвертой промышленной революции.

Алборова М.Б. и Подьяконов В.М. выделяют ключевые тенденции и угрозы, связанные с техническим прогрессом [2]: 1) Технологическая трансформация: отмечается глобальное воздействие Интернета и цифровых технологий на развитие общества и экономики; 2) Кибербезопасность: акцентируется возрастающая ответственность за защиту данных и информационную безопасность в цифровую эпоху; 3) Комплексные риски: рассматриваются разнообразные угрозы, включая технические аспекты информационной безопасности; 4) Международное сотрудничество: подчеркивается значимость глобального и национального сотрудничества в сфере кибербезопасности; 5) Кибертерроризм: указывается на риск возможного использования цифровых технологий в экстремистских целях; 6) Уязвимость инфраструктуры: отмечается повышение уязвимости критической инфраструктуры перед угрозами кибератак.

3. Изменения в общественном сознании

Мир, меняющийся стремительными темпами, требует переосмысления многих привычных концепций и ценностей. Проблемы экологии, устойчивого развития, равноправия полов и толерантности все более актуализированы в общественном дискурсе. Молодое поколение, выросшее в эпоху глобализации, имеет другие приоритеты и ожидания от жизни по сравнению с предшествующими поколениями, что приводит к изменению социальной структуры и институтам общества. С каждым годом в России увеличивается количество неформальных движений и объ-

единений, что способствует с одной стороны либерализации и самовыражению, созданию положительно направленных движений, например, спортивных, а с другой – представляет опасность относительно сохранения национальной идентичности и культурного наследия, в некоторых случаях представляет угрозу национальной безопасности, в случае экстремистских или радикально настроенных объединений.

Заключая рассмотрение социальных характеристик быстро меняющегося мира, мы сталкиваемся с многогранностью и сложностью процессов, определяющих современную социальную динамику. Эта динамично развивающаяся реальность требует от нас глубокого осмысления и адаптации к новым условиям. Изучение социальных характеристик позволяет не только лучше понять современные процессы, но и спрогнозировать будущие изменения, а также разработать стратегии для эффективного реагирования на вызовы и возможности, которые они представляют. Гибкость, готовность к непрерывному обучению, адаптивность и инновационное мышление становятся ключевыми качествами, необходимыми как индивидуумам, так и обществу в целом, для успешной навигации в условиях неопределенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Де Шауэр Ольга* Неопределенность как характеристика современного мира: управленческий аспект // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2022. №6 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neopredelennost-kak-harakteristika-sovremennogo-mira-upravlencheskiy-aspekt> (дата обращения: 31.03.2024).
2. *Алборова М.Б., Подъяконов В.М.* Влияние передовых технологий на общество XXI века: ключевые тенденции и угрозы // *Образование и право*. 2023. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-peredovyh-tehnologiy-na-obschestvo-xxi-veka-klyucheveye-tendentsii-i-ugrozy> (дата обращения: 31.03.2024).
3. *Чарыев Р., Мяммедов Р., Бегенчбердиев А., Ходжамырадов В.* Трансформация рынка труда в условиях автоматизации // *Всемирный ученый*. 2023. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-rynka-truda-v-usloviyah-avtomatizatsii> (дата обращения: 31.03.2024).
4. *Розенберг Н.В., Карпова М.К.* Социальная мобильность в условиях современного российского общества // *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки*. 2020. №4 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-mobilnost-v-usloviyah-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 31.03.2024).
5. *Гайсина С.В.* Дистанционный курс «искусственный интеллект» как педагогическая система реализации профориентационной деятельности вуза. В сборнике: *Актуальные вопросы цифровой трансформации образования. сборник материалов серии международных научно-практических конференций*. Киров, 2021. С. 65-68.
6. *Sachs J.D.* *The Age of Sustainable Development*. New York: Columbia University Press. 2015
7. *Schwab K.* *The Fourth Industrial Revolution*. World Economic Forum. 2016

**ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ:
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

**TRANSFORMATION OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS:
CHALLENGES OF MODERN TIME**

Афанасьева Мария Анатольевна

Преподаватель, Ивановский государственный энергетический университет им. Ленина

Afanasyeva Maria Anatolyevna

Teacher, Ivanovo State Energy University named after. Lenin

Аннотация: В статье исследуются основные моменты трансформации религиозного сознания современности. Аналитический срез исследования определяется в трех категориях – пространство, язык и время. Вывод отражает формирование нового религиозного сознания, сочетающего синтетическое восприятие ортодоксальных и новых религиозных учений, все чаще развивающихся в сетевой среде.

Abstract: The article examines the main points of the transformation of the religious consciousness of modernity. The analytical section of the study is defined in three categories – space, language and time. The conclusion reflects the formation of a new religious consciousness combining the synthetic perception of orthodox and new religious teachings, which are increasingly developing in the online environment.

Ключевые слова: религиозное сознание, религиозное пространство, религиозный язык, религиозного время, глобальные вызовы, цифровизация религии.

Key words: religious consciousness, religious space, religious language, religious time, global challenges, digitalization of religion.

Современное религиозное сознание описать достаточно сложно, учитывая те изменения, которые в течение несколько десятков лет произошли и происходят в социальном бытии. Среди процессов, имеющих отношение к религиозному сознанию, можно выделить глобализацию и деглобализацию, секуляризацию и десекуляризацию, религиозный фундаментализм, цифровизацию религии и многие другие. Самой яркой чертой формирующегося современного религиозного сознания, на взгляд автора, является переход от иерархической модели религиозной сферы к сетевой или гетерархической. Здесь основными рычагами данного процесса являются и новые религиозные движения, и цифровизация религиозного сознания. Цифровизация религиозного сознания, на взгляд автора –

это процесс модернизации религиозной жизни человечества, характеризующейся внедрением в нее цифровых технологий и переходом религиозной сферы в сетевую среду. Цифровизация религиозного сознания является одним из факторов глобализации [2]. Трансформация религии в эпоху глобализации исследовалась такими учеными как Х. Кемпбел [8], С. О'Лири [11], Э. Э. Манукян [3], Э. А. Нимяев [4], М. Ю. Смирнов [5], К. Хелланд [10], П. Х. Чон [9].

Выход религиозной сферы в цифровую модель функционирования постепенно конструирует новое религиозное пространство, сильно отличающееся от привычного. Традиционному религиозному пространству, выраженному в иерархической модели, присущи элементы энергетизма, связывающие земной и духовный мир с помощью религиозной атрибутики, физических ритуалов, личным соприкосновением с духовными лицами. И. А. Арзуманов делит религиозное пространство на две составляющих – внутреннее и внешнее [1, с. 23]. Во внешнем, социальном, представлении – это то пространство, в котором функционируют определенные нормы и правила, продиктованные особой сакрализованной субординацией, расставляющей социальные роли строгим авторитарным образом, следовательно, социальные действия в данном пространстве несколько ограничены. Сетевая модель религиозной сферы рисует иное пространство – в материальном и социальном представлении, оно более мобильно – это может быть любое место, где элементом сакральности является не атрибутика и авторитарность, а сама коммуникация индивида с Богом. Процессы цифровизации в данном случае позволяют выделить особое виртуальное религиозное пространство, где начинают развиваться новые религиозные культы, не имеющие материально-социальной организации. Такая религиозно-сетевая свобода открывает огромный пласт для развития новых религиозных движений и создают большую конкуренцию традиционным религиям, которые в свою очередь обороняются расширением своих религиозных пространств, подстраиваясь под так называемую «аудиторию».

Данные процессы характеризуются постепенным приходом к равнозначности точек зрения (как принято считать) традиционных религиозных учений и новых религиозных движений, которые могут раскрываться в самых разнообразных формах. Здесь уже речь заходит о другом, внутреннем религиозном пространстве, которое раскрывается в смыслообразующей и мировоззренческой его части. Поэтому, даже такие разновидности «магического мышления» как вера в тарологию, астрологию, теософию и другие эзотерические и около эзотерические учения принимают формы мировоззренческих систем и составляют конкуренцию христианству, исламу, буддизму и другим мировым религиям. В силу этой конкуренции новые религиозные движения практически стоят на одной ступени с традиционными религиями и ведут с ними игру на арене так называемого «религиозного рынка». Таким образом, религиозное пространство сознания также приобретает несколько иную модель. При этом

переходе посредник между Богом и человеком часто остается в форме священнослужителей или других авторитетных лиц, меняется модель их взаимодействия.

Язык религии в связи с данными процессами также трансформируется. Привычный строгий теологический фон смягчается, предпочтение отдается мягкому, даже несколько шутливому тону в религиозном дискурсе, который постепенно начинает все больше подстраиваться под массы. С социальной точки зрения различные интернет-площадки религиозных блоггеров, форумы, каналы о религии сближают духовные лица со своими последователями (или адептами), религиозный контент все больше подстраивается под запросы общества. Происходит своего рода некоторое размывание сакрального и профанного. Так называемые религиозные «мемы» и культура «фанфикшн» с участием религиозных пророков также отражает данное изменение в языке религии. Такие феномены постмодерна как «смерть автора», симулякры и симуляции легко прочитываются сквозь религиозную призму и дополняют изменяющуюся модель религиозного языка. Новые религиозные учения, так же как и радикальные фундаменталистские религиозные ответвления, интерпретируют содержание священного писания в новых формах, в каких изначально оно не проявлялось. Например, различные теософические движения, которые не отрицают христианское учение и называют Иисуса одним из Учителей в Иерархии, имеющего свои перевоплощения и свое место в Духовном мире среди таких же как он аватаров, соответственно ища в Священном Писании подтверждения этому.

Язык – это фундаментальная единица бытия, от которой зависят все культурные, социальные, политические и идеологические установки и ориентиры общества. По мнению И. Яблокова, «Благодаря языку религиозное сознание оказывается практическим, действенным, становится групповым и общественным, а тем самым существующим и для индивида» [7, с. 145]. Трансформации религиозного языка показывают с одной стороны влияние факторов извне – в виде изменений в культурной, социальной, экономической сферах жизни. Новый образ и восприятие жизни, насыщенный глобальными процессами, заставляет перестраиваться практически во всех ее измерениях. С другой же стороны, можно наблюдать процесс обратного влияния трансформирующегося религиозного языка на все пласты человеческого бытия. Здесь особым образом проявляется свобода религиозного выражения и так называемого «религиозного творчества» – когда ортодоксальная сторона религии отпадает в пользу ее новых трактовок и теорий. Таким образом религиозные направления становятся более привлекательными и интересными для людей, но менее стабильными ориентирами жизни, так как теоретические фундаменты религий все больше потрясаются новыми идеями.

Религиозное время также приобретает новые трансформационные черты. На социальном уровне религиозное время становится более индивидуальным и субъективным. По мнению М. Элиаде, «религиозный человек живет в двух планах времени, наиболее значимое из которых – Священное» [6, с. 50], при этом ученый упоминает, что Священное время – это время «непроходящее» [там же, с. 59], то есть постоянное, вечное. Индивидуальный подход в развитии религиозного сознания способствует некоторому ускорению религиозного времени, когда человек пытается приблизить «время вечное» ко «времени земному». Здесь ключевую роль играют практики новых религиозных движений, указывающих наиболее короткий путь к «вечному» или «божественному», открывающие по-новому такие явления как «воскрешение» и «вознесение», способные проявляться в самой земной жизни человека, а не посмертно. Таким образом несколько размываются границы между миром земным и миром вечным, последний из которых перестает быть обещанным только после физической смерти. Религиозное время ускоряется и постепенно теряет свою иерархическую модель. В социальном плане религиозное время может выравниваться также посредством глобализации религиозного сознания, когда различные религии, прежде находясь на своих индивидуальных этапах развития, начинают синхронизироваться и одновременно отвечать на вызовы глобализации. Это касается различных общемировых глобальных проблем и кризисов, которые являются общими темами для межрелигиозного диалога. Также, иерархическая модель религиозного времени теряет свою актуальность за счет религиозного синкретизма, когда в определенном движении смешиваются старые и относительно новые духовные учения. Например, вера бахаи или теософское общество, имеющие большую популярность. В данных учениях системные связи находят с помощью древнеиндийских и христианских верований, смешиваются теории и практики индуизма, буддизма и христианства, древние Боги и относительно новые пророки.

Так, иерархическая модель религии с помощью описанных выше процессов постепенно приобретает сетевые, гетерархические черты, которые проявляются в изменении религиозного пространства, религиозного языка и религиозного времени. Данные особенности заставляют обратить внимание на формирующееся новое религиозное сознание, включающее и новую религиозную этику, в которой современные технологии постепенно перестают противоречить религиозным доктринам. Новые условия жизни незаметно формируют синтез мировых религиозных учений, ортодоксальных и новых религиозных учений, реальной и цифровой религиозной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арзуманов И.А.* «Религиозное пространство» и «пространство религиозной культуры» опыт культур-методологической стратификации // Вопросы культурологии. 2009. № 5. С. 21-25.
2. *Афанасьева М.А.* Цифровизация религиозного сознания: проблемы и перспективы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 114-122.
3. *Манукян Э.Э.* Влияние цифровой культуры на религиозную самоидентификацию молодежи // Современная культурология: проблемы и перспективы. Вып. 7: сб. ст. молодых ученых / под ред. Е. В. Листвиной, Н. П. Лысыковой. Саратов: Саратов. источник, 2021. С. 56–59.
4. *Нимяев Э.А.* Исследование цифровой религии: классификация религиозных онлайн-ресурсов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2022. № 3. С. 220–229.
5. *Смирнов М.Ю.* Цифровизация как «обнуление» религий // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2019. № 3. С. 137–145.
6. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
7. *Яблоков И. Н.* Язык религии и язык религиоведения // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 145-152.
8. *Campbell H.A.* Introduction. The Rise of the Study of Digital Religion // Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds / ed. by H.A. Campbell. N. Y.: Routledge, 2013. P. 1–21.
9. *Cheong P.H.* Authority // Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds / ed. by H.A. Campbell. Abingdon: Routledge, 2013. P. 72–87.
10. *Helland C.* Digital Religion // Handbook of Religion and Society / ed. by D. Yamane. Cham: Springer, 2016. P. 177–196.
11. *O'Leary S.D.* Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks // J. Am. Acad. Relig. 1994. Vol. 64, № 4. P. 781–808.

ПЕРЕСЕЧЕНИЯ НООСФЕРНОГО И ОБЩЕЗНАЧНОГО ВРЕМЕНИ

INTERSECTIONS BETWEEN NOOSPHERIC AND CATCH-ALL TIME

Григорьев Павел Евгеньевич

доктор биологических наук, доцент ГБУЗ РК «АНИИ имени И.М. Сеченова», г. Ялта, ведущий научный сотрудник ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, профессор кафедры «Психология»

Grigoriev Pavel Evgenievich

Doctor of biological sciences, Associate Professor Yalta, Academic Research Institute named after I.M. Sechenov, leading researcher Sevastopol State University, Sevastopol, Professor of Psychology Department

Аннотация: Рассматриваются пересечения понятий «ноосферного времени» (по И.В. Дмитриевской) и общезначного субстанционального времени, которое ближе по смыслу ко «Времени Ноосферы».

Abstract: The intersections between concepts “noosphere time” according to I.V. Dmitrevskaya and catch-all substantial time postulated here, which is closer in meaning to the “time of the Noosphere”, are considered.

Ключевые слова: ноосферное время, Время Ноосферы, субстанция времени, общезначное время, макроскопическая нелокальность.

Keywords: noospheric time, Time of Noosphere, substantial catch-all time, macroscopic non-locality.

И.В. Дмитриевская определяет ноосферу как системно организованное Всеобщее и вводит понятие ноосферного времени [4, с. 4]. Ноосферное время – часть антропологического времени. Сакральные смыслы, имеющие отношение к вечности, проявляются в периоды ноосферного времени в жизни человека.

Но есть ли собственное Время у Ноосферы? Нейросетевая модель ноосферы предполагает наличие у нее надличностных структур и аналога сознания [8, 2]. Следовательно, наряду с ноосферным временем может существовать и Время Ноосферы, осознаваемое ею как Целым.

Пиковые переживания по А. Маслоу [13] имеют общие признаки с периодами присутствия ноосферного (сакрального) времени в жизни человека. Наряду с ним в пиковых переживаниях может присутствовать нечто высшее – Время Ноосферы. Как системно организованное Всеобщее, Ноосфера релевантна Универсуму, является всеобъемлющей надсистемой для всего сущего. Периоды ноосферного (сакрального) времени в жизни человека становятся периодами постижения своего сущностно-го единства с частью общих значений Универсума (в духе интуитивизма

Н.О. Лосского), которые высвечивают и потенцируют мотивы и смыслы индивида. Примечательно, что по Э. Гуссерлю, интуиция описывает как раз смыслы, а не факты.

Душа живет в профанном и сакральном временах. Одна часть души (индивид в здравом уме и твёрдой памяти) ощущает профанное время – линейное, циклическое, колебательное, спиральное, привязанное к событиям, изменениям... Другая часть души человека чувствует себя средоточием вечности, общих значений для всего сущего; сталкивается с нуминозными переживаниями, проявлениями предчувствий, нелокальной интуиции, синхронии, необъяснимых совпадений с важнейшей смысловой нагрузкой и т.п.

Многими подобными явлениями пока занимается парапсихология, они не объяснимы известными законами природы и общества. Впрочем, сейчас надежно экспериментально установлены их различные проявления. Как пример, опережающее реагирование на предъявляемые в случайном порядке значимые сигналы наблюдается у человека, птиц, крыс, собак... и даже планарий! [12].

Пси-явления затронуты проблемой, когда открытия или конструкты из одних наук переносятся на другие без достаточных на то оснований. Так, пси-явления трактовали как животный магнетизм, обмен электромагнитными сигналами, квантовое сознание... Установленные зависимости биосистем от электромагнитных полей [10], квантовых процессов [11], особых свойств воды [14] и т.п., прояснили только те способы связности живого, которые на макроуровне подчиняются принципу локальности. Не объяснена тотальная информационная включенность всего сущего в Ноосферу; всеобъемлющий, всеохватывающий процесс нелокальной (во времени и пространстве) информационно-энергетической коммуникации кибернетической (с точки зрения актора) природы.

Зато появились некоторые основания полагать, что синтез субстанционального, реляционного, духовного, физического аспектов времени может пролить свет на природу пси-явлений и свойства Ноосферы. Прежде всего, следует различать Время как субстанцию (самостоятельную сущность) и пространство-время как реляцию (время рассматривается как свойство материальных тел). На современном этапе перейти к идее о том, что Время – активная субстанция, организующая Всеобщее, стало возможным благодаря теории Времени Н.А. Козырева. Так, А.А. Вакуленко и др. [1] обсуждают его роль как организующего фактора ноосферы в свете идей Н.А. Козырева: время обладает энергией; информация мгновенно распространяется через физические свойства Времени; Время – переносчик воздействия в пси-явлениях [5].

Следуя принципу «бритвы Оккама», предположим, что по отношению к субстанции Времени, физическая материя (и пространство-время

как форма ее существования) эмерджентны. Можно провести параллели с панентеизмом, в данном варианте которого субстанция Времени порождает материю с реляционным пространством-временем. Аналогично, в буддийской традиции Время – активное начало, которым и в котором создаются и разрушаются смертные Вселенные. В индуизме Махакала–«Великое время», «Время над временем»; особой энергией или формой Шивы признаётся Время (Кала), которым и в котором создаются временные Вселенные.

Понятие о вневременном движении и вечности в развитии, близком к «Времени над временем», можно найти в толковании иерея Д. Сысоева на 10:6 Откровение Иоанна Богослова: «И клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и всё, что на нём, землю и всё, что на ней, и море и всё, что в нём, что времени уже не будет». Согласно [9], «душа чувствует вечность, поэтому мы можем осознать время и подняться над ним. Из рук Бога всё вышло, Он сделает так, что время остановится, наступит вечность, а сотворенные Богом существа будут жить в Божественной вечности. Как же возможно некое вневременное движение, развитие? Это выше нашего понимания. Однако это развитие есть – таково откровение Божие».

Е.В. Порфирьев проводит анализ сродства Божественной энергии и информации с позиций свт. Григория Паламы [7]. Носителями Божественной информации являются нетварные Божественные энергии, к которым можно приобщаться. Причастность Богу есть причастность Его энергии, а значит – и Сверхзнанию [7, с. 3]. В отличие от нетварной Божественной информации, тварная информация доступна искажению, имеет начало и конец во времени, актуализирована в творениях [то есть в материи и в пространстве-времени].

Из вышесказанного следует, что Божественной энергии как носителю Сверхзнания может быть релевантна энергия субстанции Времени–переносчика нелокальной общезначной информации. Сущность Бога (Всеобщего, Ноосферы) в контексте учения свт. Г. Паламы непостижима, но Сверхзнание постижимо по нетварной энергии, (которая есть «нетварная природная благодать и озарение, не исходно выходящее» от Божьей Сущности [7, с. 2]). Эта нетварная энергия субстанции Времени динамична, проявляется всюду, исполнена информацией и общими для всех компонентов Ноосферы значениями (они суть Сверхзнание).

Энергия субстанции Времени (Божественная энергия) и информация едины; а, будучи трансцендентной к реляционному пространству-времени и порождая его, «нетварная энергоинформация» (термин Е.В. Порфирьева) может обнаружиться или воплотиться сразу во всех местах и временах, материальных структурах, включая живые организмы, – создавая возможности для макроскопической запутанности в биосистемах, нелокальной интуиции, и т.п.

Следуя М. Хайдеггеру, можно также подойти к понятию нелокальной субстанции Времени и его порождающей бытие функции. «Время выво-

дит бытие из потаенности, делает его непотаенным... С открытием непотаенности приходит присутствие, обретение Места, пространственной характеристики бытия». [4, с. 5]. Что, если под «обретением места» подразумевать воплощение нелокальной энергоинформации в определенном месте (как время из бытия находит свое место по М. Хайдеггеру). Так могут быть проиллюстрированы не только явления квантовой декогеренции, но и буквально воплощения тех или иных событий, ситуаций, не связанных физическими причинно-следственными связями по принципу локального реализма, – однако при этом макроскопически запутанных через общие значения, смыслы компонентов Ноосферы. Поскольку энергоинформация из Времени Ноосферы трансцендентна по отношению к тварному миру и при этом конструирует его, то она принципиально доступна всегда и везде, способна проявляться в любом подходящем месте. Время Ноосферы как вместилище информации не статично, ибо воплощения (обретение мест по М. Хайдеггеру) необходимым образом реализуют «темпоральную обратную связь» (термин В.А. Поликарпова) [6] в мире, который устроен как психика. Ноосферное время человека (который – единство субстанции Времени с материей в пространстве-времени) не стоит на месте, ведь человек как творец воплощает бытие в материи; а его нетварная жизнь кипит в вечном настоящем, ортогональном относительно пространства-времени [3].

На основании вышеизложенного, назовём субстанцию Времени общезначимым временем (ОВ) и попытаемся его основные свойства.

1. ОВ является отдельной субстанцией, обладает энергией и информацией.
2. ОВ порождает физическую материю и реляционное пространство-время.
3. Реализует квантовую и событийную (макроскопическую) запутанности.
4. Является носителем общих значений для всего сущего.
5. Психологически соотносимо с периодами ноосферного, сакрального времени.
6. Всеохватывающе, трансцендентно, надличностно для подсистем Ноосферы; личностно для Ноосферы. По сути является Временем Ноосферы как Целого.

Перефразируя Е.В. Порфирьева, человек может воспринять Божественное Сверхзнание только наполнившись Богом, становясь им по Благодати [7, с. 6]. При наполнении Благодатью (объединении ноосферного времени с Временем Ноосферы – синергии человека и Бога) через ОВ постигаются общие значения Универсума, переводимые в действия, модальности, категории и т.д.

Субстанция ОВ может воплотиться в материи, энергия которой не может быть равна нулю (например, её флуктуации в вакууме). Флуктуации энергии создают предпосылки для поступательного развития материи.

Обожение материи – цель для Ноосферы. Но что значит обожить материю? Среди прочего, максимизировать её свободную энергию. Психика призвана этому способствовать. Тогда психика человека представляет собой форму для протекания энергетических процессов, обусловленных необходимостью поступательного развития материи в общезначном времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Время как организующий фактор ноосферы / А.А. Вакуленко и др. // Вестник Санкт-Петербургского отделения РАЕН. – 1997. – № 1 (4). – С. 378–383.
2. Габриелян О.А., Сулейменов И.Э. Теория сложных систем: ноосферный контекст. – Симферополь: КФУ имени В. И. Вернадского, 2023. – 168 с.
3. Григорьев П.Е. Протяженность настоящих сложных систем в пространстве времени // Матер. межд. науч. конф «Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем». – Минск, 2012. – С. 89-91.
4. Дмитриевская И.В. Ноосферные смыслы времени // Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 3-17.
5. Козырев, Н.А. Избранные труды. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 447 с.
6. Поликарпов В.А. Предчувствие будущего с позиции теории темпоральной обратной связи // Наука и инновации. – 2012. – № 12 (118). – С. 26-28.
7. Порфирьев Е.В. О природе нетварных Божественных энергий и информации // Научный журнал КубГАУ. – 2007. – №31. – С. 135-146.
8. Сулейменов И.Э., Григорьев П.Е. Физические основы ноосферологии. – Алматы: Изд-во PrintExpress. 2008. – 158 с.
9. Сысоев Д. Толкование на Апокалипсис. – М.: Благотворительный фонд «Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева», 2011. – 384 с.
10. Темуриянц Н.А., Владимирский Б.М., Тишкин О.Г. Сверхнизкочастотные электромагнитные сигналы в биологическом мире. – К., 1992. – 187с.
11. Al-Khalili J., McFadden J. Life on the Edge: The Coming of Age of Quantum Biology. – Bantam Press, 2014. – 355 p.
12. Alvarez F. An Experiment on Precognition with Planarian Worms // Journal of Scientific Exploration. – 2016. – Vol. 30, N 2. – P. 217-226.
13. Maslow A.H. Peak Experiences as Acute Identity Experiences // Am. J. Psychoanal., 1961. – Vol. 21. – P. 254-260.
14. Pollack G.H. The fourth phase of water: Beyond solid, liquid, and vapor. – Ebnér & sons publishers, 2013. – 357 p.

**ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ВОЛИ В ТРАДИЦИОННОЙ
И СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ****THE PROBLEM OF FREE WILL IN TRADITIONAL
AND MODERN PHILOSOPHY**

Тетерятникова Татьяна Владимировна

*аспирант кафедры общей психологии и психофизиологии,
Таврической академии, ФГАОУ «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского», Симферополь*

Teteryatnikova Tatyana Vladimirovna

*Postgraduate student of the Department of General Psychology
and Psychophysiology, Taurida Academy, Crimean Federal
University named after V. I. Vernadsky, Simferopol*

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения о свободе воли и ее связи с другими понятиями (моральная ответственность, детерминизм, вина и т.д.). Изложены основные представления ученых о классическом и современном компатибилизме, жестком детерминизме и либертарианстве.

Abstract. The article discusses the main provisions on freedom of will and its connection with other concepts (moral responsibility, determinism, guilt, etc.). The main ideas of scientists about classical and modern compatibilism, incompatibilism, semi-compatibilism are outlined. rigid determinism and libertarianism.

Ключевые слова: свобода воли, детерминизм, компатибилизм, ин-компатибилизм, полукompатибилизм

Key words: free will, determinism, compatibilism, incompatibilism, semi-compatibilism

На сегодняшний день, существует множество концепций, связанных с пониманием свободы воли. При этом, данные представления могут не только дополнять, но и противоречить друг-другу. Далее рассмотрим самые распространенные из них.

Среди философских представлений о свободе воли, важное место занимает **компатибилизм**. Данная концепция предполагает взаимосвязь свободы воли и моральной ответственности с детерминизмом и характеризуется обусловленностью определенными причинами [3]. Сторонники данной теории отмечают, что нет конфликта между детерминизмом и свободой воли и рассматривают данную концепцию как способ примирить обычный опыт свободы с научными взглядами на Вселенную и людей.

С позиции Деннета, сторонника компатибилизма, детерминизм не является препятствием для принятия ответственности или свободы, помогает прогнозировать будущее и модернизировать поведение. Он считал, что между детерминизмом и неизбежностью есть различия, а детерминизм не представляет опасности. Он отмечал наличие альтернативных возможностей в детерминистическом мире. По его мнению, детерминизм связан с работой мышления. Автор также отмечает, что генетического детерминизма не существует [7, С. 63, 64, 141].

Также сторонником компатибилизма является Д. Б. Волков. Он утверждает, что моральная ответственность и свобода воли соотносятся с каузальным индетерминизмом. Аргумент последствий, как один из критических аспектов свободы воли, где возможно лишь одно неактуализированное будущее агента, недостаточно емко характеризует термин «возможность». Он отмечает, что индетерминизм не увеличивает контроля агента над действием. Физическая картина мира не учитывается в случае выявления наличия ответственности. При определенных ситуациях, даже когда существует вероятность реализации намерений агента, он все равно несет ответственность [1, С. 186-187].

Компатибилисты считают, что:

1. Свобода – это противоположность ограничению, принуждению и компульсивности по принуждению, но это не противоположность детерминизму.

2. Именно ограничения подрывают свободу.

3. Детерминизм с контролем других агентов – различные понятия.

3 Что вызывает возражения в контроле со стороны других агентов, это то, что другие люди используют нас как средство достижения своих целей, властвуют над нами и заставляют нас подчиняться их желаниям.

4. Детерминизм не подразумевает, что должное произойти, обязательно произойдет и не сводится к фатализму.

5. Детерминизм не сводится к понятию «механизм». Человек не является роботом или компьютером и не функционирует как часы. В такой ситуации, детерминизм не является истинным. [10, С. 18-21].

Существует два основных вида компатибилизма. Первый из них (**классический компатибилизм**) подразумевает добровольность как важный элемент свободы, а ее отсутствие является существенной преградой для выполнения желаний. В рамках данной концепции, свободней человек поступает в соответствии с собственными желаниями.

Д. Юм пишет, что преимущество выбора между альтернативными возможностями не следует рассматривать как условие свободы воли. Юм выделяет 2 разновидности свободы. Свобода спонтанности предполагает действия агента с учетом его желаний. Такому агенту не должны мешать внешние обстоятельства. Свобода *безразличия тесно связано со свободой воли* и прямо противоречит опыту [6, С. 406-408].

Он отмечает, что совершаемые людьми действия связаны мотивами, темпераментом и обстоятельствами, что, в свою очередь, важно для сво-

боды и принятия решений. Свобода также связана с понятиями морали и ответственности [6, С. 401]. Именно устойчивые черты характера создают наши моральные чувства. [6, С. 348-349]. С точки зрения Юма, ответственный человек является носителем моральных чувств одобрения и неодобрения [6, С. 614].

Современный компатибилизм характеризуется иными проявлениями. В рамках данной концепции самую важную роль играет возможность владеть собственной свободой и способность нести ответственность, что проявляется в качестве контроля за поступками, связанными со свободой и ответственностью. У детерминированного агента нет контроля над альтернативами. Позиции, связанные с этой концепцией, сильно различаются. К. Жине выдвинул аргумент последствий, согласно которому у детерминированного агента не проявляется контроль альтернатив [9, С.87-89].

Г. Франкфурт оспаривает положение, согласно которому агент является морально ответственным за выполненные действия, если у него была возможность поступить иным образом. И независимо от того, как он поступил, человек несет моральную ответственность. Определить его волю – значит выявить человеческое желание или вождление, которое его мотивирует, может или будет мотивировать, связанное с дальнейшим действием. Воля агента тождественна одному или нескольким желаниям первого порядка, характерным для данного человека. Однако значение воли и желаний первого порядка, с точки зрения Г. Франкфурта, не одинаковы [8, с. 7-8].

П.Ф. Стросон акцентирует внимание на рассмотрении взглядов пессимистов и оптимистов в отношении свободы воли, порицания, моральной ответственности и вины. С позиции пессимистов, моральная ответственность подразумевает свободу, которая, в свою очередь, указывает на то, что детерминизм ложен. Пессимист считает свободу способностью поступать по своей воле. Для оптимистов, свобода характеризуется отсутствием принуждения, отсутствие определенных условий, связанных с неуместностью наказаний и порицаний [5, С. 206].

П.Ф. Стросон отстаивал компатибилизм, отмечая, что моральные установки являются одной из важнейших составляющих моральной ответственности. С точки зрения П.Ф. Стросона, при надлежащей оценке значимости установок морали, можно преодолеть угрозу детерминизма для свободы воли и моральной ответственности [5, С. 208-214].

С нашей позиции, человек не может поступать в соответствии с собственными желаниями, как указывается приверженцами классического компатибилизма.

Опыт человека и его поступки, его статус, отношение к нему других людей, индивидуально-психологические особенности могут мешать ему совершить то или иное действие. Ему также могут мешать охрана или

стены здания, в которых он заточен (При совершении правонарушения, человек несет ответственность за совершаемые действия, свобода воли ограничивается).

Даже если рассматривать, что некоторые компатибилисты указывают на то, что наличие ограничений свободы воли существует, у нас есть, что ответить.

Без контроля собственных поступков, человечество пришло бы к хаосу и анархии. Таким образом мы считаем, что моральная ответственность существует и может стать преградой для свободы воли. Человек с серьезными нарушениями в когнитивной сфере ограничен в развитии, и он при желании не сможет достичь очень высоких результатов

Человек не сможет поступить по-другому, благодаря возникающим на его пути препятствиям. Люди живут в мире, в котором нет строгого детерминизма, что делает несовместимым свободу воли, детерминизм и моральную ответственность.

Таким образом, мы согласны с позициями современного компатибилизма.

Инкомпатибилизм является концепцией, в которой описаны взгляды, противоположные представлениям компатибилистов. Приверженцы теории считают, что свобода воли, моральная ответственность и детерминизм не являются совместимыми [5]. Сторонники данных философских представлений отмечают, что лишь при возможности поступать иначе, по-другому, контроле собственных действий и наличии умения воздержаться от них, агента можно охарактеризовать как свободного в отношении действия. Инкомпатибилизм имеет множество разновидностей.

Либертарианство сводится к наличию свободы и ложному детерминизму. Р. Кейн, сторонник либертарианства и один из ярчайших представителей инкомпатибилизма. Философ отмечает, что свобода воли в конфликте с детерминизмом, несмотря на свое существование в нашем мире [10, С. 23]. Он критикует принцип альтернативных возможностей за его неоднозначность и недостаточное основание для отрицания совместимости детерминизма и свободы воли.

Р. Кейн обосновывает инкомпатибилизм принципом ответственности, который предполагает ответ за действия и их причины [10, С. 4-5]. С позиции Кейна, свобода воли связана с такими волевыми актами и их проявлениями: принятием решений, выявлением практических суждений и осуществлением волевых усилий. Свобода воли для Кейна – это не только свобода выбора, но и способность агента быть источником своих поступков [2, С. 143, 152].

Жесткий детерминизм как концепция введена в науку еще У. Джеймсом и характеризуется отсутствием свободы воли при наличии детерминизма.

С позиции Д. Перебума, свобода воли не связана с каузальным детерминизмом и индетерминизмом, если ее исследовать с точки зрения физических теорий современности. Он отрицает наличие инкомпатиби-

лизма, для которого доступность альтернативных возможностей имеет принципиальный характер для объяснения моральной ответственности [5, С. 60, 62]. Пишет, что мы должны принимать всерьез перспективу, что у нас нет свободы, которая нужна для моральной ответственности. Отстаивает оптимистическую позицию, согласно которой представление о жизни без этого типа свободы воли не разрушительно для морали или для нашего ощущения осмысленности жизни, а в некоторых отношениях оно даже может быть благотворно [4, С. 62].

С нашей точки зрения, агент способен осуществлять контроль над своими действиями, что не согласуется с концепцией инкомпатибилистов. С детства, родители учат ребенка о хорошем и плохом поведении, добре и зле, воспитывают в нем морально-нравственные и волевые качества, дисциплину. В дальнейшем, он учится регулировать собственное поведение, эмоции и мысли, а выбор его подвергается внутреннему контролю.

Как бы ни влияли наши мотивы, выбор действия в конечном счете остается за нами, мы осознаем варианты действий при отсутствии препятствий и поступаем так или иначе. С помощью волевых усилий, мы можем отвергнуть притягательное решение, связанное с особо сильными желаниями или мотивами, тем самым, сделав выбор в пользу другого решения.

Из вышеупомянутого следует, что нет единого понимания, связанного со взаимоотношением свободы воли, детерминизма и моральной ответственности. С нашей точки зрения, свобода воли существует, но она является ограниченной. Причины, по которым агент поступает определенным образом, могут быть связаны не только с желаниями, но и с этическими убеждениями, законами и правилами. Если человек заберет товары с полок магазина не заплатив, его ждет административная или уголовная ответственность.

При особо серьезных правонарушениях, например, убийстве или крупной краже, человек попадает в тюрьму, где ограничивается ее стенами, силами надзора, собственными взглядами, страхом наказания за побег и т.д. Важно учитывать, что за то или иное действие агент несет моральную ответственность, может испытывать вину за совершенное.

Неограниченная свобода стирает границы нравственности и приводит к хаосу и вседозволенности. К тому же, при неограниченном количестве вариантов выбора утрате смысла свободы выбора, свободы воли теряет особую значимость.

Выбор, осуществляемый агентом, а также связанная с ним свобода воли, обусловлены природой казуального детерминизма. Причины выбора могут быть связаны с развитием и усвоением ценностей, закладываемых социальными институтами. Например, в семье, где детей учат представлениям о добре и зле, нравственности и морали, уже выросшие

дети чаще поступают согласно сформированным тогда представлениям. Поэтому именно в рамках современного компатибилизма, с нашей точки зрения, наиболее точно описывается свобода воли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Д. Б. Проблема свободы воли: обзор ключевых исследований конца XX – начала XXI вв. в аналитической философии. / Д. Б. Волков. // Философский журнал. – М.: Институт философии РАН, 2016. – С. 175-189.
2. Кейн Р. Х. Свобода воли: ускользающий идеал. / Р. Х. Кейн, пер. с англ. Н. С. Поповой-Никитюк; под ред. М. А. Секацкой // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – Т. 1, № 4, – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. – С. 141-189.
3. Осипов Ю. С. Горкин А. П. и др. Большая Российская энциклопедия. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2004. – URL: <https://bigenc.ru>. Дата обращения: 10.03.2024. Режим доступа: свободный.
4. Перебум Д. Оптимистичный скептицизм относительно свободы воли. / Д. Перебум // Философско-литературный журнал «Логос». – М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара», 2016. – С. 59-102.
5. Стросон П. Ф. Свобода и обида. Финиковый Компот / П. Ф. Стросон. – Дубна: Редакция философского журнала «Финиковый Компот», 2020. – С. 204-221.
6. Юм Д. Сочинения. Трактат о человеческой природе / Д. Юм, пер. с англ. С.И. Церетели. – М.: Мысль, Т. 1. №2, 1996. – 734 с.
7. Dennett D.C. Freedom Evolves / D. C. Dennett. – London: Penguin Publishing Group, 2004. – 368 p.
8. Frankfurt H.G. Freedom of the Will and the Concept of a Person / H. G. Frankfurt // The Journal of Philosophy, Inc. – New York: Columbia University. Vol. 68. № 1. 1971. – p. 5-20
9. Ginet C. Might We Have No Choice? / C. Ginet // Freedom and Determinism. – New York: Random House, 1966. – p. 87–104.
10. Kane R.A. Contemporary Introduction to Free Will. / R. A. Kane. – New York: Oxford university press, 2005. – 196 p.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ В ФОРМАЛЬНОМ
ДИСКУРСЕ:
БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ****REPRESENTATION OF THE HERO'S IMAGE IN FORMAL
DISCOURSE: BASIC CHARACTERISTICS**

Головкина Галина Михайловна

Студент 4 курса очной формы обучения Философского факультета бакалавриат

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии КФУ им. В.И. Вернадского

О.А. Габриелян

Golovkina Galina Mikhailovna

4th year full-time student of the Faculty of Philosophy, bachelor's degree

Scientific supervisor: Doctor of Philosophy, Professor,

Scientific supervisor: Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy at CFU named after V.I. Vernadsky

O.A. Gabrielyan

Аннотация: Репрезентации героев и героические поступки указывают на социальные ценности, нормы и мораль настоящего, создавая мост между прошлым и потенциальным будущим. В этой статье представлено кросс-темпоральное исследование образа героев, направленное на изучение общих, базовых характеристик и возможных паттернов, связанных с различными социальными контекстами.

Abstract: Representations of heroes and heroic deeds point to the social values, norms and morals of the present, creating a bridge between the past and the potential future. This article presents a cross-temporal study of the image of heroes aimed at exploring common, basic characteristics and possible patterns associated with various social contexts.

Ключевые слова: герой, защитник, смелость, человек, храбрый, самоотверженный, война, мир, ценности, Великая Отечественная война, Специальная Военная Операция, звание, медаль, Герой Российской Федерации, подвиг, мужество, сила, бой, образ героя.

Keywords: hero, defender, courage, man, brave, selfless, war, peace, values, values, Great Patriotic War, Special Military Operation, title, medal, Hero of the Russian Federation, feat, courage, strength, battle, image of a hero.

Преамбула исследования: на материалах наградных листов производится репрезентация образа героя в формальном дискурсе.

Цель: выявить базовые характеристики *Героя СССР* и *Героя СВО* при использовании таких массивов данных, как наградные листы, статьи и указы.

Задачи:

- собрать статистику;
- собрать «общий текст» по документам о награждениях;
- подвергнуть данные частотному анализу;
- в сравнительном анализе выявить общие характеристики;
- определить историческую преемственность образа героя в русском цивилизационном поле.

Слово *герой* происходит от греческого (*hērōs*), означающего защитника. Литература предлагает различные концептуализации героя, каждая из которых фокусируется на разных аспектах, таких как исключительный по смелости или по своим доблестям человек [12] лицо, привлекающее к себе общее внимание в течение известного времени [12]; храбрый человек, самоотверженно совершающий подвиг [1]; доблестный сподвижник вообще, в войне и в мире, самоотверженец [5].

В то время как герой в целом представляет экстраординарное через абстрактные ценности, такие как храбрость, самопожертвование, сила, помощь, повседневный герой привязан к конкретным ситуациям повседневной жизни. Эти теоретические характеристики натурализуют героя, поскольку быть им или осуществить нечто героическое, значит конкретное поведение человека в определенных жизненных условиях, когда он делает моральный выбор как личность.

Адаптируя подход социальных репрезентаций, герой становится героем не по своим внутренним характеристикам, а по нормативной системе отсчета, принятой теми, кто оценивает его как героя. Выбор героя встроен в исторический и социальный контекст того, кто судит, такой контекст, как культурные и коммуникативные аспекты коллективной памяти, доминирующие и альтернативные культурные нарративы. Они обеспечивают контекст для героических персонажей и действий, зависящий от принятых или отвергаемых норм, системы конкурирующих ценностей.

Проанализируем насколько являются общими характеристики героев Великой Отечественной Войны и героев Специальной Военной Операции.

Герой Советского Союза – почётное звание, высшая степень отличия в СССР за заслуги перед государством, связанные с совершением геройского подвига. Учреждено Постановлением Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР от 16 апреля 1934 г., присваивалось Президиумом Верховного Совета СССР (с марта 1990 г. – Президентом СССР). Число получивших это звание – 11 739. Для особого отличия граждан, удостоенных звания Героя Советского Союза, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1939 г. была учреждена золотая медаль «Герой Советского Союза», имеющая форму пятиконечной звез-

ды с надписью на реверсе: «Герой СССР». Устанавливалось, что медаль вручается вместе с орденом Ленина [7].

Звание Героя Российской Федерации присваивается за заслуги перед государством и народом, связанные с совершением героического подвига, присваивается Президентом Российской Федерации и вручаются: знак особого отличия – медаль «Золотая Звезда»; грамота о присвоении звания Героя Российской Федерации. Званиями Героя России за время спецоперации на Украине удостоены 272 российских военнослужащих [2,3,4].

В мире, где продолжают конфликты, образ героя остается непреходящим. Следует отметить, как некоторые военные награды, напоминающие о Великой Отечественной войне, сохраняются во времени относительно к историческим изменениям, например, вне зависимости от исторической формы организации российской государственности: Российская империя, СССР, Российская федерация. Отголоски истории отражаются в самих медалях и орденах, которые пережили не только смену поколений, неся с собой рассказы о доблести и стойкости, но и отмененные формы государственности. Среди них можно отметить: георгиевский крест, георгиевскую ленту, ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова и др. имеющие глубокое значение, восходящее к дореволюционной эпохе [8]. Они были возрождены в честь тех, кто проявляет необычайную храбрость и самоотверженность перед лицом исторических вызовов в наше время.

Анализируя образ героев, мы обращаемся к жизненно важным поствозвращениям, заключенным в списках наградных листов, в президентских указах или в опубликованных статьях о выдающихся подвигах. В стремлении собрать соответствующие кластеры для решения наших исследовательских задач мы углубляемся в нюансы этих наград, указов и публикаций. Благодаря тщательному анализу раскрываем основные характеристики, которые связывают воедино подвиги героев двух эпох, выявляем закономерности, которые освещают взаимосвязь их подвигов.

Наш анализ показал, что вполне достаточно сделать выборку в 100 человек для героев СССР так, как она в полной мере показывает повторяемость героического поступка понятного всем. Дальнейшее увеличение выборки подтверждает, что мы будем выходить на те же самые характеристики героя и героического [7].

В отношении СВО также брали 100 человек так, как это вполне серьезная выборка в половину героев России и более чем достаточный репрезентативный результат [2,3,4].

Мы составили общий единый текст из данных, полученных из наградных листов, и подвергли частотному анализу посредством соответствующей программы: KN Coder.

Выявленные наиболее часто встречающиеся понятия (характеристики) могут быть объединены в кластеры. Эти понятия носят оценочный характер, и мы таким образом получаем понятия-характеристики, сопровождающие образ героя.

Вспомним закон двадцати процентов: «Закон Парéто (принцип Парето, принцип 80/20) – эмпирическое правило, названное в честь экономиста и социолога Вильфредо Парето, в наиболее общем виде формулируется как «20 % усилий дают 80 % результата, а остальные 80 % усилий – лишь 20 % результата». Используем этот закон, как базовую установку в анализе факторов эффективности какой-либо деятельности и оптимизации её результатов. Правильно выбрав минимум самых важных действий, можно быстро получить значительную часть от планируемого полного результата, при этом дальнейшие улучшения неэффективны и могут быть неоправданны. В нашем случае мы сопоставили две таблицы и выявили 20 % повторяющихся понятий-характеристик [6].

Общие (базовые) характеристики: противник, мужество, герой, звание, героизм, сила, бой, гвардия, боевой, операции, танк, действие, ранение, машина, звезда, медаль, офицер, оборона, жизнь, уничтожил, боец, взвод, вражеский, лично, вести, войско, артиллерия, отвага, полк, человек, граната, живой, рубеж, солдат, враг, танковый, потеря, раненый, гвардейский, подвиг, активный, решительный.

Подводя итог, хочется сказать, что с каждым новым десятилетием меняется образ героя. Поколения сменяют друг друга, принося с собой новые ценностные представления. С древних времен образ героя ассоциировался с подвигами, самоотверженностью и благородством. Различные эпохи демонстрируют разнообразие облики, начиная от «доблестного патриота» и заканчивая «справедливым защитником».

Вместе с тем *Героев СССР* и *Героев России* объединяет много общих черт, таких как мужество, отвага, решительность, хотя они представляют разные исторические и идеологические контексты. Обе группы служат вдохновляющими фигурами и напоминаниями о выдающихся подвигах храбрости и самопожертвования, проявленных во время войн за Россию, формируя повествования о героизме. Действия этих героев были отмечены самоотверженностью и самопожертвованием, часто ставя благополучие своих товарищей и страны выше собственной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алабугина, Юлия Владимировна – Толковый словарь русского языка [Текст]: [12+] – Search RSL [Электронный ресурс] – <https://search.rsl.ru/record/01008002231>(дата обращения– 04.04.2024)
2. Высшие звания Российской Федерации [Электронный ресурс] -https://guk.mil.ru/upload/site302/document_file/Ruu6clB62S.pdf(дата обращения– 02.04.2024)
3. Герои Z: Министерство обороны Российской Федерации [Электронный ресурс] -https://z.mil.ru/spec_mil_oper/heroes.htm(дата обращения– 02.04.2024)

4. Герои Z [Электронный ресурс] – <https://vuc.urfu.ru/ru/o-voennom-uchebnom-centre/geroi-z/>(дата обращения– 02.04.2024)
5. *Даль, Владимир Иванович*. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В. И. Даль; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ; [науч. ред. Л. В. Беловинский]. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.(дата обращения– 05.04.2024)
6. Закон Парето: что это и как применять принцип 80/20 в жизни | ForbesLife [Электронный ресурс] -<https://www.forbes.ru/forbeslife/489362-zakon-pareto-li-pravilo-80-20-kak-dostigat-bol-sego-pri-minimal-nyh-usiliah>(дата обращения – 06.04.2024)
7. К 80-летию звания Герой Советского Союза : Министерство обороны Российской Федерации [Электронный ресурс] – <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11917775%40cmsArticle#:~:text=Герой%20Советского%20Союза%20-%20почётное.1990%20г.%20-%20Президентом%20СССР> (дата обращения– 04.04.2024)
8. Награды РФ.pdf [Электронный ресурс] – <https://www.yarregion.ru/DocLib7/Награды%20РФ.pdf>(дата обращения– 04.04.2024)
9. *Ожегов, Сергей Иванович*. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М. :«Оникс», 2009. – 1359 с.(дата обращения – 06.04.2024)
10. Память народа [Электронный ресурс] – www.pamyat-naroda.ru(дата обращения – 06.04.2024)
11. Подвиг народа [Электронный ресурс] -www.podvignaroda.ru(дата обращения – 06.04.2024)
12. *Ушаков, Дмитрий Николаевич*. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. – М.: «Альта-Принт», 2008. – 1239 с. (дата обращения– 03.04.2024)

Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект № 24-28-00413 «Образ героя в современном российском медиапространстве состояние и перспективы»). Научный руководитель д.ф.н., профессор О.А. Габриелян

**ФИЛОСОФСКИЕ ТОПОСЫ КРЫМА: ТУРИСТИЧЕСКИЕ
МАРШРУТЫ ПО МЕСТАМ КРЫМСКИХ ФИЛОСОФОВ.**

**PHILOSOPHICAL TOPOSES OF THE CRIMEA: TOURIST ROUTES
TO THE PLACES OF THE CRIMEAN PHILOSOPHERS.**

Масливец А.М.

*Аспирант кафедры Мировая экономика
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия, ТПП Респу-
блики Крым*

Maslivets A. M.

*PhD student Crimean Federal V. I. Vernadsky University
Simferopol, Russia, CC&I, Crimea Republic*

*Научный руководитель: кандидат философских наук, до-
цент, доцент кафедры философии Института «Тавриче-
ская академия» Крымского федерального университета им.
В.И. Вернадского, **Зыщик Е.Б.***

*Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department of
Philosophy of the Institute «Tavrida Academy» of the Crimean
Federal V.I. Vernadsky University named, **Zyshchik E.B.***

Аннотация. Статья посвящена важности формирования поня-
тия философских топосов Крыма, целесообразности создания, упаковки,
популяризации топоса крымской философии для паломничества, прора-
ботка серии туристических маршрутов по местам жизни и деятельности
известных философов в Крыму с привязкой не только к территориям, но
и к личностям, их работам и исследованиям, которые уже внесли вклад в
современную жизнь.

Abstract. The article is devoted to the importance of forming the concept
of philosophical toposes of Crimea, the expediency of creating, packaging,
popularizing the topos of Crimean philosophy for pilgrimage, working out a
series of tourist routes to places of life and activity of famous philosophers
in Crimea with reference not only to territories, but also to personalities, their
works and research, which have already contributed to modern life.

Ключевые слова: Философские топосы, Крым, паломничество, тур-
маршруты, туризм

Keywords: Philosophical topos, Crimea, pilgrimage, tourist routes, tourism

В различных странах мира и в регионах России развиваются философские топосы. Топос философии представляет собой пространство, обитель, совокупность мест, где случаются философские события, где производится и существует философия.

В современном социокультурном восприятии можем представить, что пребывание философского топоса происходит в спорадических формах (узлы и сети, исполнители и агенты, точки существования и места обитания – в данном контексте терминология несущественна). Топосы философии порою превращаются в места для паломничества, что позволяет вдохновлять последователей, а также в туристические маршруты, что по-новому раскрывает дестинацию.

Так, например, немецкий мыслитель И. Кант был чрезвычайно точным человеком. Ежедневно в одно и то же время он выходил из своего дома в Кенигсберге и прогуливался по центру города. Кант всегда следовал одному и тому же маршруту и был настолько пунктуальным, что местные жители использовали его как точный показатель времени. В 2024 году, ко дню 300-летия со дня рождения Канта, Музей Мирового океана в Калининграде представил турмаршрут, повторяющий ежедневный променад известного мыслителя. «Философская тропа Канта. **Sapere aude!**» включает все достопримечательности, встречающиеся во время прогулки по маршруту философа.

«**Философский Арбат**»: пешеходный маршрут, променад по памятным местам, связанным с творчеством русских философов 19-20 вв., запущенный в 2017 г. в г. Москва.

Экскурсия «**Сергиев Посад. Тропой философов**» посвящена русским философам, чья жизнь была связана с территорией. П. А. Флоренский, В. В. Розанов, К. Л. Леонтьев – и многие другие, как известные, так и менее известные, в том числе и те, кто окружал и общался с ними. Маршруты основаны на уникальных исследованиях, проведенных коллективом ЦГБ им. В. В. Розанова.

«**Философский пароход: семь пассажиров**» – выставка, открылась в Доме русского зарубежья имени А. Солженицына в Москве, в честь столетия высылки русской интеллигенции. Организаторы РГПУ и Свято-Филаретовский институт воссоздали историю «философского парохода» через семерых его пассажиров: философов И. Ильина, Н. Бердяева, С. Франка, Ф. Степуна, Н. Лосского, социолога Питирима Сорокина и протоиерея С. Булгакова, рассматривая их изменение взглядов на Россию и их вклад в мировые дискурсы по философии, антропологии, социологии и искусству.

В Израиле известен туристический маршрут, путешествие по местам, связанным с жизнью еврейского философа 12 века **Рамбама** (Рабби

Моше бен-Маймона). Туристы посещают города, где бен-Маймон жил, в том числе Кордову (Испания), Фес (Марокко) и Тверию (Израиль).

Пешеходная экскурсия «**Мифы и философы**» открывает философские течения, которые процветали в Афинах, городе философов, более 2500 лет назад, позволяет узнать, как жили Сократ, Платон и Аристотель.

Тропа философов (Германия) – пешеходная тропа по окрестностям Гейдельберга, открывает лучшие пейзажи на город и долину Неккар, повествует о местных философах: Ейхендорфе, Мериане, Холдерлине.

Крым – уникальный регион с богатой историей и культурным наследием. Здесь проживали и работали многие известные философы, чьи идеи оказали значительное влияние на мировую мысль. На сегодня на полуострове Крым нет ни одного официального туристического маршрута за исключением Дом-музея М.А. Волошина, который бы позиционировался как тур, туристский ресурс, посвященный посещению мест жизни и творчества крымских философов. Крым, как исторически и культурно богатый регион, не только дал миру, но и привлекал множество выдающихся личностей, включая философов. Одним из наиболее известных философов, чья связь с Крымом хорошо известна, был Н.Ф. Федоров, русский философ и публицист, основатель идеи общества будущего. Его дом-музей находится в Ялте. Многие работы связывают с Крымом, в т.ч. «теорию творчества», разработанную А.Шумилиным, идею «синтеза искусств» Д.Берестовской, философско-культурологическую концепцию «универсумов культуры» А.Шоркина, модель «опережающего образования» в контексте постиндустриального «общества знаний» М.Трифоновой. Однако, количество философов, проживавших в этом регионе, намного больше, и не все из них широко известны.

Керчь. Этот город связан с именем Гераклита Понтского, древнегреческого философа, чьи работы о неустойчивости и переменчивости мира оказали огромное влияние на развитие западной философии.

Столица Боспорского царства находилась в городе Пантикапей, который сегодня известен как Керчь. Практически все известные античные философы Крыма связаны с Боспорским царством:

- Дифил, сын Эвфанта и Смикр (IV–III в. до н.э.). У этих «крымчан» был очевидный интерес к логике, теории аргументации, этике и педагогике, социальной справедливости и политике.

- Сфер Боспорский (~281–221 г. до н.э.). Влиял на спартанского царя Клеомена III. Написал более 30 различных философских книг.

- Боспорский аноним (III в. до н.э.). Изучал вопросы взаимосвязи власти и судьбы, морали и политического успеха, склонялся в сторону государственных и этических концепций стоиков, сторонник безукоризненной логики и чётких дефиниций.

- Гекатей (I в. до н.э.). Философ особого мистического склада, философствовал не книгами, а жизнью.

- Стратоник, сын Зенона (I–II в. н.э.). Интеллектуал, автор ярких книг.

Коктебель. М.А. Волошин, русский поэт и художник, переводчик и искусствовед, поселился в Крыму в 1903 г. Несмотря на отсутствие у Волошина академически-философских трудов и, следовательно, отсутствие общепризнанного его философского статуса, его взгляд на историю, как мировую, так и русскую, его оценка прошлых и современных революционных событий, а также его представление о культурно-цивилизационном развитии человечества формируют интересную историософскую концепцию. Философия истории Волошина в первую очередь основывается на убеждении, что за всеми событиями современной истории стоят прошлые события, которые определяют их сущностную основу. Волошин превратил крохотный поселок Коктебель в поэтический символ Крыма. За 30 лет здесь написал множество прекрасных стихотворений и акварелей о Крыме. Радужно принимал многих знаменитостей. Открыт дом-музей Волошина, хранящий обаяние целой эпохи.

Симферополь. В столице Крыма есть места, связанные с жизнью академика В.И. Вернадского, который приехал в Крым вместе с дочерью Ниной в 1912 г, остановился в Гаспре и работал в Симферополе. Первый Президент Украинской Академии наук, ректор Таврического университета, разработал учение о биосфере и ее переходе в сферу разума – ноосферу. В.И. Вернадский видел развитие разума как «планетное явление».

С.Н. Булгаков – один из крупнейших философов, историков культуры религиозно-философского ренессанса России в начале 20 века. В 1917 году С. Н. Булгаков от мирян Таврической епархии избирается членом Священного Собора Православной Российской Церкви, а в 1919–1922 гг. преподает в Таврическом Университете и Таврической семинарии. Был избран действительным членом Таврической ученой академии. В Крыму философ занимается богословием, при этом написал сочинения «Философия имени» и «Трагедия философии». Он пришел к выводу, что христианское умозрение способно выразиться без искажений исключительно в форме догматического богословия. Разработал концепцию софиологии.

П.И. Новгородцев известен как выдающийся ученый, который занимался правоведением, философией, социологией и общественной деятельностью, преподавал в Симферопольском университете. Является ведущим теоретиком «нового либерализма» в России. Потерял веру в европейский здравый смысл и культуру: «... крах западного идеала, являющийся одновременно и крахом всех основ западноевропейской культуры, есть факт, и этот факт... составляет в связи с углублением и одухотворением славянофильства новый и в высшей степени важный момент в утверждении русской идеи».

В.Н. Сагатовский работал в Симферопольском университете в 1980-1993 гг. Заведовал кафедрой философии (1984-1993), сфера научных

интересов была – проблемы гносеологии, теория деятельности, культурология. Создатель целостной философской концепции развивающейся гармонии (Антропокосмизм) как основы ноосферного мировоззрения.

А.И. Домбровский (1934–2001) – философ, писатель, крымский общественный деятель. Вырос в Раздольненском районе Крымской АССР. Более двадцати лет возглавлял Крымскую писательскую организацию (1973–2001). Был открывателем научно-популярного «философского жанра» в СССР. Его «Рассказы о философах» много раз переиздавались на множестве языков, при высоких художественных достоинствах книга является полезным учебным пособием и популярным изложением истории философии.

Бахчисарай. Исмаил Гаспринский, крымскотатарский политический и общественный деятель, интеллектуал, просветитель, издатель и диссидент, получивший известность и признание среди всего мусульманского населения Российской империи. Один из основоположников джадидизма и пантюркизма.

Шараф ал-Кырыми, правовед и мыслитель Золотой Орды. Произведения посвящены правовой герменевтике и представляют важный исторический источник для изучения развития исламской мысли в Северном Причерноморье. Был под влиянием философской теологии из Центральной Азии и Персии.

Севастополь. Процесс крещения Руси происходил под покровительством святого Климента Римского. Название города «Kersona» (Херсонес) в 14–16 вв. в европейских странах переводили как «город Климентов». Сегодня в Инкермане находится мужской монастырь, посвященный святому Клименту, а в 2020 году на месте его мученической смерти в Казачьей Бухте в Севастополе был установлен памятник.

По преданию, в районе мыса Фиолент погребен Иоанн Готский, который поддержал свое население в борьбе с хазарами, возглавив восстание в 787 году. Монах Иоанн Готский оказал значительное влияние на формирование христианской проповеди в Крыму.

Ялта. Н.Я. Данилевский (1822–1885) – социолог, идеолог панславизма, философ истории, основатель цивилизационного культурно-исторического подхода, предтеча евразийства (возникло в начале 20 в.), автор знаменитого сочинения «Россия и Европа» (1869), содержащего теорию «культурно-исторических типов». Критикует европоцентризм в исторической науке, который отразился в делении мировой истории на древнюю, средневековую и историю нового времени. Он разработал цивилизационный подход к мировой истории. Жил в прибрежном пос. Мисхор с 1867 г.

Путешествие – означает перемещение людей в пространстве и времени независимо от цели этого перемещения, туризм – частный случай, представляет собой временное перемещение людей из места их постоянного проживания в другую страну или регион в свободное время с целью развлечения, оздоровления, познавательных целей, религиозных

практик или с целью деятельности в сфере бизнеса. Туризм прежде всего представляет собой культурное явление, которое способствует межкультурному взаимодействию. Культурный туризм, по классическому определению, означает знакомство людей с новыми местами, народами, религиозными и культурными особенностями. Именно туризм представляет собой средство для изучения и освоения достижений человеческого разума, открывая доступ к историческим и культурным богатствам народов. Духовное измерение туризма играет важнейшую роль, превалируя над экономическими и материальными аспектами, и способствует всестороннему гармоничному развитию человеческой личности. Он также способствует увеличению роли в познавательном и воспитательном процессе, обеспечивая равные возможности для личного выбора и образа жизни, а также освобождению личности через уважение к человеческому достоинству и уникальности, признавая своеобразие культур и уважая моральные ценности различных народов. При более вдумчивом анализе можно утверждать, что в области философии появляется новое направление – философия туризма, а также параллельно с этим сформирован новый вид туризма: Маршруты по местам жизни и творения философов.

Крым – уникальный регион с богатой природой и культурой, который привлекает людей своей историей, красотой и духовной энергией, пересечением культур и цивилизаций. Здесь, на полуострове, сливаются различные культуры и цивилизации, вдохновляя мыслителей, художников, поэтов и притягивая паломников и туристов и назрела необходимость создания соответствующих туристических маршрутов.

В качестве примера, предлагаю создание обобщенного ознакомительного туристического маршрута по топосам крымских философов, который позволит окунуться в мир мыслей и идей выдающихся философов, которые связаны с историей и культурой Крыма.

Туристический маршрут «Философские топосы Крыма» представляет из себя семидневный автобусный тур, который включит в себя посещение ряда крымских городов, музеев, памятных мест, связанных с жизнью и деятельностью крымских философов разных эпох, которые оставили заметный вклад в истории. Формат рекомендован в виде иммерсивного променада, который представляет из себя заранее записанные голосами артистов высокохудожественные аудио-спектакли с музыкальным сопровождением под каждую из посещаемых локаций, а также на время переезда. Спектакли помогут погрузиться не только в дух соответствующей эпохи, но и атмосферу жизни конкретного мыслителя. Многие из мыслителей связаны не с одной локацией, что также должно отразиться в сценариях театрализованных экскурсий.

Как логистически, так и хронологически корректно начать маршрут с керченского полуострова, осмотреть античные топосы Боспорского цар-

ства. К посещению рекомендуется: руины Пантикапея, городища Нимфей, Мирмекий, Тиритака, гора Митридат, Царский курган, Храм Иоанна Предтечи, Склеп Деметры, керченский лапидарий (Музей каменных древностей), Историко-архитектурного музея, античная коллекция которого считается одной из богатейших в мире. Туристы узнают про вклад Гераклита Понтского, Дифила, Смикра, Гекатея, Стратоника, Сфера и Анонима Боспорских в развитие цивилизации.

В Коктебеле обязательно посетить не только дом-музей Волошина и памятник ему, но и набережную Коктебеля, ведь именно по инициативе Волошина Коктебель стал модным курортом. Стоит прогуляться по тропе Волошина и подняться на гору, вдохновлявшую мыслителя – Кучук-Енишар, которая среди путешественников больше известна как гора Волошина. На вершину горы обязательно в место цветов захватить несколько камушков с пляжа, там находится могила Волошина.

В Симферополе стоит посетить дом, где жил академик В.И.Вернадский, Крымский федеральный университет, имя которого сейчас он носит. С университетом связаны философы Булгаков, Новгородцев, Сагатовский, Шумилин, Берестовская, Шоркин, Трифонова и др. По следам жизни Булгакова стоит обязательно посетить не только бывший Таврический Университет, но и Таврическую семинарию. Интересен будет дом, где жил Домбровский, где работал – Крымская академия наук и Союз писателей, место будущего памятника.

В Бахчисарае маршрут приведет к дому-музею Гаспринского, где он работал, а также дому, где жил философ. Ханский дворец и городище Кырк-Иер (Чуфут-Кале) приоткроют завесу истории мыслителя Шарафал-Кырыми.

В Севастополе и окрестностях, для погружения в эпоху Климента Римского важно попасть на Херсонес Таврический, в Казачью бухту, что также позволит узнать о тайнах крещения Руси. В районе мыса Фиолент, где по преданию погребен Иоанн Готский, туристы узнают о его роли и о вкладе в современную жизнь Крыма.

В Ялте рекомендован к посещению дом-музей Федорова. Уникальный философский парк Данилевского, сквер, пещера имени Данилевского, имение Мшатка, в котором жил мыслитель.

Целесообразно создание, упаковка, популяризация топоса крымской философии для паломничества. Помимо обозначенного выше, необходима разработка дополнительно серии туристических маршрутов по местам жизни и деятельности известных философов в Крыму с привязкой не только к территориям и к личностям, но и их работам и исследованиям, которые уже внесли вклад в современную жизнь, для того чтобы развивалась мысль, позволяла паломникам, последователям и даже простым туристам оглядываясь на прошлое, мыслить и заглядывать в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философская мысль в Крыму: страницы истории. К 100-летию Таврического университета. – Симферополь: ООО «Антиква», 2018. – 308 с.
2. *Шенцева Е.А.* Топос философии // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 57–68. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.106>
3. Журнал Россия в глобальном мире № 11 (34) 2017 Т. Д. Суходуб, «Новый Гуманизм» Философия истории М.А. Волошина;
4. Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2015 г., В. И. Грачев. Творчество и личность писателя неоромантика Александра Грина в контексте современной культурологии.;
5. Реестр туристских ресурсов Республики Крым. Раздел «Туристские ресурсы Республики Крым» на 15.01.2024 г. URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/mtur/container/2024/01/15/2024-01-15-16-11-32_1.pdf (дата обращения: 30.03.2024).
6. ForbesLife, Юбилей «философского парохода»: как 100 лет назад интеллигенция уплывала из России, Яна Жиляева, Редакция Forbes, 2022 г. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/478617-ubilej-filosofskogo-parohoda-kak-100-let-nazad-intelligencia-uplyvala-iz-rossii> (дата обращения: 30.03.2024).
7. Значение святого Климента римского в становлении христианства на Руси. Электронный научный журнал «Архонт», Выпуск № 1 (22). 2021 г. 102 VII ялтинские философские чтения. «Гуманитарный дискурс в современной философии и культуре» Жупник О.Н. к.ф.н.,
8. *Беляев С.А.* История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука// Вступ.ст.к.кн.: Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Книга 1. М., 1994. – 184 с.
9. Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.)/ Отв. ред. Т.Ю. Яшаева. – Севастополь, Телескоп, 2013. – 460 с.
10. *Вильгельм де Рубрук:* Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето благодсти 1253. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Rubruk/frametext1.htm> (дата обращения: 20.11.2020).
11. *Ивакин Г., Иоаннисян О.* Богородица Десятинная. Первый каменный храм Руси в свете новых фактов// Родина: Рос. истор. журн. – М., 2008. № 8 (август). С. 39–42.
12. Иоанн Готский и распространение христианства в Крыму. Наука без границ № 6 (11), 2017 Исторические науки. Дзарасов Альберт Асахметович.
13. Становление философской мысли в золотоордынском Крыму: Шараф Ал-Кырыми М.М. Якубович. Золотоордынское обозрение. № 3(5). 2014 139.
14. аз-За'би Халид. Шарх манар ал-анвар ли-Шараф ибн Камал алКурайми. Мин бидайат ал-китаб хатта нихайат ал-истидлалат ас-сахиха, дирасатан ва тахкикан. Эр-Рияд: Джем'иййа Мухаммад Са'уд ал-исламиййа, 1431/2010. 804 с.

15. С. Н. Булгаков и Крым. Переход С. О. к.ф.н., старший научный сотрудник Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма КФУ им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)
16. *Филимонов С. Б.* Интеллигенция в Крыму (1917-1920): поиски и находки источникововеда / С. Б. Филимонов. – Симферополь: ЧерноморПресс, 2006. – 232.
17. Павел Иванович Новгородцев: Жизнь, творчество и духовные поиски великого русского ученого. ФОМЕНКО М.В., УГРЮМОВА М.В.
18. Три синтеза космоса – Фундамент ноосферы Вернадского. Наумов Г.Б. Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 26 (65). 2013 г. № 5. С. 25-38.
19. *Тюрюканов А. Н.* Н. В. Тимофеев-Ресовский: Биосферные раздумья / А. Н. Тюрюканов, В. М. Федоров. – М.: РАЕН, 1996. – С. 18.
20. *Вернадский В. И.* Наука как геологическая сила окружения / В. И. Вернадский // О науке. – В двух томах. Т. 1. / В. И. Вернадский. – Дубна : Феникс, 1997. – С. 131.
21. Философы XX века: Валерий Николаевич Сагатовский. Василий Иванович Шубин
22. *Капитон В.П., Шубин В.И.* Философская система В.Н.Сагатовского // «Філософія. Культура. Життя». – Вып.30, Днепропетровск, 2008.
23. Всеславянский союз от Адриатики до Тихого океана. 200 лет назад родился основоположник цивилизационного подхода к истории Николай Данилевский <https://www.kommersant.ru/doc/5734152>
24. *Бажов С.И.* Философия истории Н.Я. Данилевского. – М., 1997.
25. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – СПб., 1888.
26. Наш календарь. Исмаил Гаспринский. Архивные документы ранней биографии. Ганкевич В.Ю.
27. «Рассказы о философах» А. И. Домбровского и современность. Мешков Валерий Алексеевич. № 1, 2018, Вопросы русской литературы.

**СООТНОШЕНИЕ ПРИВАТНОСТИ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
КОМФОРТА И БЕЗОПАСНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ
ОБЪЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ****THE RATIO OF PRIVACY, TECHNOLOGICAL COMFORT
AND SECURITY: PROSPECTS FOR AN OBJECTIVE STUDY**

Никулин Алексей Павлович

Магистр 1 курса очной формы обучения философского факультета КФУ им. В.И. Вернадского

Научный руководитель: Габриелян Олег Аршавинович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии КФУ им. В.И. Вернадского

Nikulin Alexey Pavlovich

Master of the 1st year of full-time study at the Faculty of Philosophy of the V.I. Vernadsky CFUV

Scientific supervisor: Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy at CFU named after V.I. Vernadsky

O.A. Gabrielyan

Аннотация: Данная работа исследует влияние процесса технологизации на социальную жизнь человека, а также описывает взаимосвязь между «безопасностью», «приватностью» и «техническим комфортом» в контексте цифрового общества. Автор проводит анализ исторических примеров, сравнивая исторические документы и современные законы о защите данных.

Abstract: This work explores the impact of the process of technologization on human social life, and also describes the relationship between “security”, “privacy” and “technical comfort” in the context of a digital society. The author analyzes historical examples, comparing historical documents and modern data protection laws.

Ключевые слова: технологизация, безопасность, приватность, технический комфорт, цифровое общество, законодательство, персональные данные, информационная политика

Keywords: technologization, security, privacy, technical comfort, digital society, legislation, personal data, information policy

В данной работе будет сосредоточено внимание на влиянии процесса технологизации на социальную жизнь человека. Актуальность работы обусловлена практическим расширением влияния цифровых технологий, в том числе и Искусственного интеллекта, на многие сферы человеческой жизнедеятельности.

Ввиду того, что техника, являясь продуктом деятельности человека, влияет и на него самого как на индивида, так и на часть общества была построена теория, согласно которой взаимодействие различных социальных субъектов может рассматриваться через призму соотношения «безопасности – приватности – технологического комфорта».

Для операционализации элементов триады следует изначально рассмотреть соотношение «безопасности» и «приватности» как проблему взаимоотношений человека и общества, где безопасность – общественная потребность, необходимая для сохранения общества как системы, а приватность – потребность индивида в защите его прав и собственности, в том числе и личной информации. Рассматривая это соотношение с такой позиции, становится возможным его анализ на материале законодательных актов, как источников, где зафиксированы обязанности, как отражение требований общества, и права, как отражение требований индивида.

Под «техническим комфортом» в данной работе стоит понимать эффективность, достигаемую с помощью техники и фиксируемую как сокращение количества ресурсов для выполнения той или иной работы. Роль техники в жизни человека и общества была отмечена многими философами конца XIX – начала XX веков. И несмотря на многообразие концепций в отношении объекта исследования, само появление таких исследований говорит о том, что феномен объективен и он оказывает определенное влияние на окружающий мир.

В итоге схема соотношения «безопасности – приватности – технического комфорта» представляет собой инструмент анализа взаимодействия социальных субъектов на основе законодательных актов с учетом уровня развития технологий.

Проблемное поле исследования может быть выражено вопросом: «Как формируется соотношение триады в цифровом обществе?»

Если рассмотреть такую схему в исторической ретроспективе, то можно увидеть, что долгое время ведущим социальным субъектом, определяющим соотношение триады, было государство, и, соответственно, в триаде безопасность была в приоритете над остальными компонентами. По мере развития общества это соотношение менялось.

В качестве примера можно рассмотреть законодательные акты Германии до промышленного переворота, например в эпоху средневековья, и после промышленного переворота. Так, один из старейших германских средневековых сборников законов – «Саксонское зеркало» – являлось записью сложившегося на протяжении веков обычного права Восточной Саксонии с разделением на земское право (для «неблагородных», но лично-свободных) и ленное право (только для лиц, принадлежащих к «благородным» сословиям, к высшему феодальному обществу). Земское право (Landrecht) содержало отдельные положения, касающиеся государственного устройства Германии (выборы императора, разделение светской и духовной власти и т. д.), а также нормы, относящиеся к гражданскому,

уголовному праву, суду и процессу. Ленное право (*Lehnrecht*) регулировало вассальные отношения между феодалами. Права низших сословий, в том числе зависимых крестьян, в этом законодательстве не фиксировались. В результате частотного анализа с помощью программы КН Coder были получены результаты, подтверждающие факт того, что «Саксонское зеркало» отражает специфические формы феодальной земельной собственности, структуру феодального общества, местные особенности административного управления, судопроизводства и т. д. «Саксонское зеркало» стало образцом для составления правовых книг не только в Германии, но и в других странах Европы. При применении схемы триады можно сделать вывод о том, что соотношение ее элементов контролировалось феодалами (земельными собственниками), соответственно они же ввиду обладания властью обладали полнотой приватности, как защиты своих интересов и земель, и именно этот элемент преобладал в триаде в феодальной Германии.

Технический прогресс как один из факторов изменения социального строя, проявившийся в возникновении и развитии рабочего класса, явился также и одной из предпосылок революций в Европе в 19 веке. В Пруссии отражением этих изменений можно считать Конституционную Хартию 1850 года. Среди пунктов документа можно выделить следующие:

1. Все пруссаки равны перед законом. Сословные преимущества уничтожаются. Общественные должности доступны всем способным занять их, под условиями, указанными в законе.

2. Личная свобода гарантируется. Закон определяет условия и формы, при которых допустимы ограничения ее, в особенности личное задержание.

3. Жилище неприкосновенно. Вторжение в него, домашние обыски, арест писем и бумаг могут производиться лишь в случаях и формах, указанных законом.

4. Никто не может быть изъят от подсудности своим законным судьям. Нельзя учреждать исключительных судов или чрезвычайных комиссий.

5. Наказания могут предписываться и налагаться лишь согласно с законом.

6. Собственность неприкосновенна. Полная или частичная экспроприация может применяться только в интересах общественного блага под условием предварительной уплаты, в экстренных же случаях по крайней мере предварительного исчисления вознаграждения.[48]

7. Свобода эмиграции может быть ограничена государством лишь в силу требований воинской повинности. Не будет взиматься особого сбора за эмиграцию.

8. Свобода религии, образования религиозных обществ (ст. 30 и 31) и домашнего или публичного отправления религиозных церемоний неприкосновенна. Пользование гражданскими и гражданско-политическими правами независимо от вероисповедания. Пользование религиозной свободой, однако не должно стоять в противоречии с гражданскими и гражданско-политическими обязанностями.

Благодаря частотному анализу с помощью программы КН Coder можно сделать вывод о том, что согласно этому документу, субъектом, определяющим соотношение элементов триады, является государство, построенное на едином законе, что говорит о том, что ведущим элементом для функционирования системы в данном случае является безопасность.

При сравнении этих двух основополагающих документов можно говорить о качественном изменении в соотношении «приватности – технологического комфорта – безопасности».

С появлением Интернета как зоны частично внесударственной, т.е. той, где государство не может регулировать соотношение триады, она (триада) стала меняться под воздействием новых социальных субъектов, например, потребителя или реализатора цифрового продукта (оператора).

Для сравнения и выведения соотношения триады в качестве примера возьмем документы о защите личных данных в Евросоюзе, Китайской Народной Республике и Российской Федерации. Эта документация выбрана для анализа в связи с тем, что она является отражением развитием информационных и цифровых технологий в разных цивилизационных пространствах. Появление таких законодательных актов говорит о возрастающей роли технологического комфорта человека как элемента триады.

Однако если проанализировать Закон Китая о защите личной информации 2021 года с помощью программы КН Coder, можно заметить, что безопасность КНР здесь упоминается не один раз, что говорит о преобладании параметра «безопасности» над «приватностью» в целом в информационной политике Китая. Стоит при этом отметить, что адекватное функционирование такой системы возможно при достаточном техническом оснащении. В случае Китая речь идет о «Золотом щите», представляющем собой «фильтр» контента, идущего в китайское информационное пространство.

Иная ситуация с Регламентом о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и перемещении таких данных от 2016 года в Евросоюзе. С помощью частотного анализа с помощью программы КН Coder был установлен иной характер документа, обеспечивающий, скорее защиту прав и свобод отдельных субъектов, нежели безопасность системы, что говорит о преобладании параметра «приватности» над «безопасностью».

Обращаясь к частотному анализу с использованием выше указанной программы российского Федерального закона о персональных данных от 2006 года, можно заметить, что законодательство Российской Федерации в информационной сфере согласуется в большей части с интересами государства, а следовательно параметр «безопасности» в триаде выше «приватности». Однако при этом у России нет «Золотого щита», из-за чего на практике это соотношение соблюдается далеко не всегда, что в свою очередь может привести к нестабильности системы.

Исходя из представленных материалов анализа можно сделать вывод о возрастающем влиянии технологий на человека, а соответственно, и повышении параметра «технологический комфорт» и ввиду дальнейшего развития цифровых и информационных технологий, включая массовое внедрение и использование систем Искусственного Интеллекта в мире, необходимо вынести на обсуждение вопрос о приоритетах и возможностях их реализации в цифровой и информационной политике Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Галанза П.Н.* Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX веков. Англия, США, Франция, Италия, Германия. Сборник документов. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1957.
2. Закон Китая о защите личной информации от 2021 г.
3. РЕГЛАМЕНТ (ЕС) 2016/679 ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА И СОВЕТА от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных
4. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы: Государство древних франков, Англо-Саксонское государство, Англия, Германия, Испания, Италия, Франция, Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехия, Югославия / Под ред. акад. В. М. Корецкого. – Москва: Госюриздат, 1961.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ.

О (НЕ)СВОБОДЕ ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО

ABOUT THE (UN)FREEDOM OF THE MAN OF THE FUTURE

Изибаиров Дмитрий Владимирович

магистр 1-го курса, обучающийся кафедры философии философского факультета Института «Таврическая академия» КФУ им. В.И. Вернадского

Izibaïrov Dmitry Vladimirovich

1st year Master's degree, student of the Department of Philosophy of the Faculty of Philosophy of the Institute "Taurida Academy" of the V.I. Vernadsky CFU

Аннотация: В статье поднимаются вопросы развития кибер-технологий, позитивного и негативного влияния технологий искусственного интеллекта на развитие социального и цифрового неравенства между людьми.

Abstract: The article raises the issues of the development of cyber technologies, the positive and negative impact of artificial intelligence technologies on the development of social and digital inequality between people.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, киборг, Homo Digitalis, социальное неравенство, цифровой разрыв, цифровое неравенство

Keywords: digitalization, artificial intelligence, cyborg, Homo Digitalis, social inequality, digital divide, digital inequality

Сегодня жизнь человека находится в таком тесном контакте с техникой, которого еще никогда не было прежде, ведь именно такое положение сложилось исторически относительно недавно. Подсчитано, что в наших телефонах мы тратим до 5 часов в день [1, с. 50] и из которых получаем информацию «необходимую» для жизни: погоду на ближайшие дни, новости страны и мира, просматриваем товары на маркетплейсах, смотрим «смешные видео» и пытаемся фильтровать различный информационный мусор.

Однако, кажется очевидным, в какой-то момент прогресс различных гаджетов дойдет до того, что человеку не потребуются отдельные предметы для доступа к необходимому технологическому функционалу. Мы имеем в виду следующее. Как известно, в мире живет немало количество людей, в чьи тела были встроены помогающие организму механизмы. Те же бионические протезы существуют с 1993 года, а спустя 20 лет они вышли на иной уровень. Произошло внедрение микрочипов, помогающие человеческой нервной системе управлять искусственными

конечностями, как своими собственными [5, с. 31]. А уже сейчас эти микрочипы стремятся использовать для излечения больных заболеваниями нервной системы. Так одним из подобных решений являются чипы от Neuralink Илона Маска, по его собственным заверениям, способные по Bluetooth передавать мозговые сигналы на электронные устройства и которые уже «протестированы» на парализованном добровольце [7]. Эти технологии во многом позволяют решить как проблемы инвалидности, так и, в перспективе, повысить умственные и физические способности человека.

И ведь не даром некоторые исследователи вводят различные понятия, обозначающие человека будущего (киборг, Homo Digitalis, Homo Augmentus и т.д.), и пытаются осмыслить открывающиеся перспективы. Однако не стоит забывать, что появляющиеся новые технологии «кибер-имплантов» вводятся при спонсировании со стороны крупного бизнеса и военных министерств. Среди спонсируемых ими разработок выделяются технологии цифрового зрения (через создание либо специальных очков, либо имплантов вместо глаз, нацеленных на дистанционное управление беспилотными устройствами), устройства, усиливающие слух и позволяющие передавать полученные звуки на дальние расстояния, внедрение модуляторных микроэлектродов в мозг, позволяющие дистанционно управлять машинами и некоторыми видами техники, а также для чтения, записи и передачи данных, без прямого контакта с объектом чтения/передачи данных [5, с. 33-36].

Если такие технологии, как это уже случилось с бионическими протезами, от военных разработок перейдут в медицинскую сферу, то тут встанет несколько проблем: 1) насколько они будут доступны конечному потребителю; 2) каким будет качество взаимодействия человеческого организма и импланта; 3) если протез подключен к некой кибер-сети, то какова надежность механизмов защиты от хакерского взлома. Ведь не стоит также забывать, что цифровые технологии являются прекрасным инструментом контроля людьми и управления ими [3, с. 28], [6, с. 14-15].

В данном контексте, хотелось бы напомнить об одной технологической сфере, которая уже сейчас дает огромные возможности человечеству – конечно же это нейросети и искусственный интеллект (далее ИИ) [4, с. 565]. В наши дни они считаются одними из самых перспективных и результативных направлений развития в науке, позволяя обрабатывать большие массивы данных и проводить более точные вычисления. В экономике прогнозируют будущую ситуацию на рынках и помогают в принятии решений; в медицине – более точно выявляют симптомы болезни и, работая с базами данных, помогают врачу в установлении диагнозов и во многих иных сферах общественных отношений [4, с. 565-567]. Особую роль ИИ занимает в автоматизации производства, двигая вперед развитие

робототехники, из-за чего немалое количество исследователей уже поднимают проблему пересмотра принципов робототехники и выдвигают на первый план вопросы этики ИИ–роботэтики [1, с. 49; 2, с. 90].

Однако, возвращаясь к ранее сказанному, тотальная цифровизация, массовый сбор агрегаторами цифровых следов пользователей, а также внедрение ИИ во многие сферы социума, приводит к ряду опасений. Так, если основываться на уже имеющейся практике применения ИИ, то можно судить однозначно – работа с большими данными позволит не только лучше планировать лечение или предлагать более персонализированный товар, но позволит создавать схематичные и матричные «профили» людей, что, уже в свою очередь, позволит людям, имеющим доступ к таким профилям, использовать их для влияния на жизнедеятельность граждан. Например, создание специфической информационной среды для конкретного человека, мешающей ему в свободном получении иной информации. Но опаснее всего представляется проблема хакерского взлома церебральных чипов [2, с. 84], что может приводить к совершенно плачевным последствиям в психике человека.

Немаловажным здесь является и феномен «цифрового разрыва». Люди с более высоким образованием, надежным источником дохода и устойчивым социальным статусом в большей степени стоят на позициях поддержки развития новейших ИИ-технологий и автоматизации производства, в то время как бедные люди, ограниченные к получению качественного образования, в меньшей степени смогут адаптироваться к изменяющимся условиям.

Однако, как бы ни ратовали сторонники скорейшей тотальной автоматизации, замена многих «рутинных» видов деятельности может и не привести к обильному появлению «творческих» профессий, ведь потребность в «рутинной» деятельности со стороны человека не только никуда не денется, а скорее даже усилится, так как постоянно придется контролировать и модерировать контент как создаваемый непосредственно ИИ, так и передаваемый ИИ для самообучения. Таким образом работа искусственного интеллекта будет не более чем ширмой продолжающейся эксплуатации человека. И ведь примером подобной ситуации является недавно произошедший скандал в одном из магазинов Amazon, где ввели систему «умных касс», которые должны были считывать какие товары берут клиенты и списывать с их карт деньги, не заставляя покупателей идти на кассу, но, как оказалось, никаких «умных касс» со встроенным ИИ не было, а все это были нанятые индийцы, вручную отслеживавшие через видеокamеры перемещения клиентов по магазину и пытавшиеся увидеть что они взяли [8].

С другой стороны, ИИ активно вытесняет человека и из «творческой» деятельности, как явный пример – использование нейросетей для генерации иллюстраций, вместо договора с художником-иллюстратором, отчего последним приходится искать иные источники заработка через самопереориентацию или поиск иных мест продажи собственного труда.

Таким образом, развитие ИИ и роботизации обостряет существующее социально-экономическое неравенство, вызывая новые общественные противоречия, ведь немалое количество профессий окажутся в зоне риска исчезновения, что обязательно будет сопровождаться сокращением рабочих мест и повышением конкуренции на рынке труда. Не стоит забывать и о проблеме переобучения и переквалификации, так как у молодых людей и людей в возрасте будут проблемы в изменении своего уровня образования, а также в поиске работы, так как требование к наличию «опыта работы по специальности» будет усиливаться.

Какими бы ни были проблемы человека будущего, необходимо уже сейчас разрабатывать меры их предупреждения и возможные варианты преодоления. А ведь список проблем, вызываемых «новой» технологической революцией, просто огромен: среди них экономические кризисы, сопровождаемые изменениями условий и рынков труда, обострение социального и цифрового неравенства, повышение социальной и политической напряженности; ребром встает вопрос технологической безопасности, защиты от хакерских и кибератак. Судьба человека будущего зависит от действий человека сегодняшнего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волобуев А.В.* Этика искусственного интеллекта, дискриминация и неравенство // Век глобализации. – 2023. – № 3 (47). – С.48-62.
2. *Даллакян К.А.* Техносоциальное неравенство в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2020. – Т. 26. – №. 1. – С. 82-96.
3. *Ивановская Л.В.* Цифровизация как революция в управлении // Вестник ГУУ. – 2019. – №10.– С. 27-33.
4. *Искандерова Ш.Д.* Влияние искусственного интеллекта на современный мир// Science and Education. – 2023. – Т. 4. – №. 4. – С. 564-570.
5. *Орехов С.Н., Яворский А.Н.* Бионженерные системы «человек-машина»: возможности, вызовы и угрозы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2023. – №6 (106). – С. 28-40.
6. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. – 349, [3] с. – (Philosophy).
7. Первый пациент с чипом Neuralink в мозгу сыграл в шахматы силой мысли: [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/21/03/2024/65fbbfef9a79474a0782ffa1 (Дата обращения 10.04.2024).
8. Amazon закрывает «умные» кассы. Вместо ИИ товары считывали 1000 индийцев: [Электронный ресурс]. // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/660d1c519a79476cc434a100> (Дата обращения 07.04.2024).

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ ДЕТСКИХ ЛАГЕРЕЙ

THE EVOLUTION OF THE IDEOLOGY OF CHILDREN'S CAMPS

Ланковская Юлия Алексеевна

аспирант кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, г. Симферополь, Крымский Федеральный университет имени В.И. Вернадского

Lankovskaya Yulia Alekseevna

postgraduate student of the Department of Marketing, Trade and Customs Affairs, Simferopol, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

Аннотация: В статье рассматривается эволюция идеологии детских лагерей в России со времен их появления до настоящего времени. На основании исторических фактов и анализа деятельности современных детских лагерей выдвинуто мнение о возможном пути развития и направлении идеологии данного социально-экономического института в будущем.

Abstract: The article examines the evolution of the ideology of children's camps in Russia from the time of the appearance to the present. Based on historical facts and an analysis of the activities of modern children's camps, an opinion has been put forward on the possible path of development and direction of the ideology of this socio-economic institution in the future.

Ключевые слова: детский лагерь, идеология детских лагерей, история детских лагерей.

Keywords: children's camp, ideology of children's camps, history of children's camps.

Несмотря на то, что Советского Союза не существует как государства уже более трех десятков лет, некоторые, зародившиеся в советское время институты и по сей день существуют, претерпевая изменения, в попытках соответствовать современному уровню развития социальных институтов. Однако, стоит отметить, что к некоторым из них часто применяется такое выражение, как работать по «советской школе». Одним из таких представителей советского прошлого являются детские лагеря отдыха и оздоровления, которые и в настоящее время ассоциируются у людей с яркими символами СССР как пионеры, октябрята, орлята, пионерский красные галстуки, горн, Артек и т. п.

Идеология и роль детских лагерей менялась на протяжении ста лет с момента основания первых скаутских отрядов, которые осуществляли свою деятельность еще до 1919 года. В каком направлении изменились детские лагеря сейчас и какую роль играют в процессе воспитания молодого поколения: идут согласно системе «советской школы» или модернизировали свою деятельность согласно современным стандартам?

Полагаем, что, проведя исследование исторической хронологии изменения идеологии детского института отдыха и оздоровления в разрезе примеров функционирования некоторых лагерей, основанных во времена СССР и в современной России, можно определить их нынешний вектор развития.

Стоит также учесть столкновение двух разноплановых научных мнений: с одной стороны поколение, выросшее в Советском Союзе и их наследники, зачастую полагают, что в те времена государство проявляло заботу о молодежи, выраженную в организации отдыха с четкой идеологической направленностью, принципами жизни, а, с другой стороны, выступают противники социальных пережитков, утверждая что в молодые умы вкладывали коммунистические доктрины, формируя едино мыслящее общество без намёков на индивидуальное развитие.

«Детское движение» как пример коммунистической идеологии

Первое упоминание о внеурочной деятельности с детьми приходится на середину XX века, когда стали проводиться общеобразовательные курсы, как метод закрепления полученных знаний. Вплоть до революционного периода, все организуемые детские мероприятия, проходили совместно с государством и церковью, носили духовно-нравственный характер с целью повышения патриотического воспитания. Шла активная поддержка скаутских лагерей.

В дальнейшем этот вектор сменился и был направлен на формирование гражданина Советской республики [1]. После Октябрьской революции произошел распад скаутского движения и резкое увеличение нищеты и беспризорности. Первой попыткой исправить сложившуюся ситуацию в обществе было создание детской милиции. Это позволило улучшить детское питание и лечение. Данных мер было недостаточно, и уже в 1921 году был издан указ об организации «Комиссии по улучшению жизни детей». В основу мировоззренческих устоев Комиссии легли убеждения о необходимости воспитания поколения атеистического мировоззрения.

В 1922 году была принята резолюция об упразднении понятия «скаут» и формировании нового детского движения, в основу которого лег метод организации, применяемый в скаутских движениях, но уже в направлении пролетарской организации. Большевики призывали молодое поколение к активному участию в строительстве социалистического общества. Были также заменена атрибутика и символизм детского движения на белые рубашки с красными галстуками и значки с тремя языками пламени. Началось создание первых пионерских лагерей и процесс вступления детей в пионерские отряды и другие детские коммунистические организации. Резюмируя события тех лет, можно утверждать, что новая комму-

нистическая власть сделала многое для того, чтобы определить четкие цели детских организаций. И они стали использовать эти организации, как инструмент формирования нового поколения граждан.

Вторая Мировая и вынужденное временное изменение статуса детских учреждений

На время Второй Мировой Войны детские лагеря прекратили свое функционирование, одни были заброшены, другие передавались в управление военных для организации фронтовых госпиталей, а какие-то были оккупированы вражеской стороной [4].

Последствием тяжелой для страны лет стало увеличение детского населения, оставшегося сиротами или бездомными. Государством было принято вынужденное решение изменить направление лагерей в сторону воспитательной и социализирующей деятельности именно для таких детей. Но при этом коммунистическая идеология оставалась важным вектором воспитания. В течение 10 лет после войны было построено и запущено около 500 пионерских лагерей, которые пропагандировали среди молодого поколения превосходство Советского Союза над другими государствами.

Уже к началу 50-х годов прошлого века институт детского отдыха развился до значительных масштабов, а каждый ребенок мечтал стать пионером. Так и начались «золотые годы» расцвета детского прокоммунистического движения.

«Высокий полет» и «резкое падение» пионерских лагерей

Расцвет детских пионерских лагерей пришелся на период с 1950 по 1980 годы. В то время главной задачей руководства страны было создание централизованной системы управления. В отношении детских лагерей применялась та же коммунистическая методика. Однако, неся в себе авторитарные принципы контроля, которые различались с идеологией лагерного движения, она была переосмыслена и получила свое название, как методика коллективного творческого воспитания. Созданный подход занимал важное место в системе развития социалистического общества. Его главные принципы строились на одновременном учете интересов детей и формировании навыков в коллективной работе и взаимоподдержке.

К 1960-м годам данная методика становится двойственной, так как с одной стороны, существование жестких правил организации досуга, дают ряд ограничений в самовыражении как детей, так и работников лагерей, а с другой стороны, внутри лагерей складывается атмосфера свободы, самостоятельности, мечтательности. Поэтому, возникает превалирование воспитательной работы над оздоровительной [3]. Вплоть до последних лет существования СССР этот дуализм системы организации детского отдыха и оздоровления оставался. На всех уровнях функционирования

детских лагерей шли дискуссии о том, что должно превалировать: свободное время и возможность быть самостоятельными или дисциплина, воспитательные работы и большое количество мероприятий.

В итоге, можно утверждать, что правительство СССР, продолжив политику в отношении детских лагерей, сложившуюся в довоенный период, не могли предугадать, что она изменит свой вектор в сторону противоположную идеологии социалистического общества. Произошло столкновение двух различных по своему характеру методов воспитания. Как бы это не было, в 1991 году произошел распад Советского Союза, а для многих социально-экономических институтов, созданных при советской власти, наступили «темные» времена.

Смутные времена для детских лагерей

Первым тяжелым испытанием для института детского отдыха и оздоровления стало упразднение Всесоюзной пионерской организации, что привело к неизбежному перестроению концепции воспитательной и организационной работы в условиях новых еще не стабильных социально-экономических и политических реалий [3].

Что же произошло с таким огромным количеством пионерских лагерей? Первоначально, слово «пионерские» заменили на «оздоровительные», а из-за отсутствия финансовой поддержки со стороны государства значительная часть закрылась и к 1997 году из 5300 лагерей осталось 3100. Часть организаций, переведенные на коммерческую основу, не смогли с этим справиться и впоследствии были проданы на иные нужды или перепрофилированы на частные туристические санатории и базы отдыха [1].

Возникли сложности в системе поддержки и развития молодежного движения, что привело к возникновению альтернативных объединений: неформальных и сектантских. Казалось бы, оказавшаяся никому не нужная социальная система поддержки детей уже не сможет вернуться в нужное русло, ведь препятствий на ее пути стало слишком много: отсутствие финансирования, неумение работать на коммерческой основе, устаревающая инфраструктура из-за невозможности ее модернизации и поддержки, потерянная идеология в вопросе воспитания и организации досуга. Но в 2000 году на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви было решено начать процесс совершенствования молодежной политики и был основан Синодальный отдел по делам с молодежью. И в следующем году, уже при поддержке правительства РФ и президента В.В. Путина, состоялся Внецерковный съезд православной молодежи [1]. В итоге, церковь, которая была отстранена в годы Советского Союза от дел, связанных с формированием молодого поколения, дала толчок для возрождения, утерянного во время становления новой России.

Однако, хотя процесс был и запущен, но темпы развития были не быстрыми. На первом этапе, к 2002 году были приняты первые нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность детских лагерей, которые говорили о заинтересованности со стороны государства в дальнейшем развитии этой отрасли.

Однако не была сформулирована четкая концепция и идеология. Поэтому, вплоть до 2015 года детские организации отдыха и оздоровления действовали по принципу «самодеятельности», создавая что-то новое, приближенное к современному поколению детей, активно модернизируя свои программы отдыха. Появляются и первые узкоспециализированные лагеря: языковые, танцевальные, спортивные, научные и т.п. Новые детские лагеря, находясь еще в «старой обертке» теперь делают упор на систему образования и повышения навыков у детей, подаваемую в наглядной форме.

Нынешние преобразования, как первый шаг к новому расцвету лагерного движения

В настоящее время происходит масштабная перестройка института детского отдыха и оздоровления, которая идет со стороны, как государства, церкви, так и коммерческих структур. Ряд мер, принятых правительством РФ, задал положительный вектор в сторону развития отрасли. Так в 2022 году указом президента РФ В.В. Путина должны будут реконструированы около 1500 детских стационарных лагерей, а количество палаточных должно увеличиться в два раза к 2030 году. Государство делает ставку на то, что финансовая поддержка детских лагерей заполнит нишу социальных потребностей молодежи и даст возможность формировать личность детей в рамках педагогического процесса.

Помимо этого, образованное в том же году общероссийское детское сообщество «Движение первых» будет местом для объединения единомышленников среди детей и подростков. Данная новая организация пока еще не имеет четкой идеологии, как предшествующая ей Всесоюзная пионерская организация.

Откуда же будет взята основа для нового движения и его принципов? Для ответа на этот вопрос, можно рассмотреть нынешние принципы работы лагерей. Первыми, выступают муниципальные лагеря, образованные еще во времена Советского Союза. Их программы по отдыху и воспитанию детей зачастую не отличаются от программ советского времени. Методисты берут за основу методы коллективного взаимодействия и накладывают их на современные популярные сюжеты и тематики, которые интересны детям. При этом наблюдается все та же двойственность: упор на формирование группового мышления и на развитие так называемых «мягких» навыков каждого ребенка индивидуально. Но несмотря, на все новшества, разнообразие методических программ и методов воспитания

детей, большая часть взята из опыта пионерских лагерей: создание коллектива, его сплочение, взаимозаменяемость и поддержка, только уже не в четких дисциплинарных правилах.

В итоге, история повторяется, как когда-то советское правительство за основу пионерских лагерей взяла принципы организации скаутских, так и сейчас детские лагеря отдыха и оздоровления берут самое лучшее из советской методики и модернизируют ее. С данным мнением соглашаются такие исследователи, как Макарова И.А. и Сержантова О.А. [2] полагая, что «взяв самое лучшее из педагогического наследия, мы можем создать современную воспитывающую среду детского оздоровительного лагеря».

Отдельно стоит выделить, образовавшийся коммерческий сектор в данной отрасли. Он выступает вторым, в рассмотрении перспектив развития. Несмотря на то, что этот сектор заточен на получение прибыли от своей деятельности, находясь в условиях конкуренции на рынке, он развивается со стороны воспитательной, образовательной методики быстрее, чем государственные лагеря. Коммерческие организации создают особое пространство для развития детей и подростков, следуют в ногу со временем, применяя современные методики воспитания. Делают большой упор на дополнительное образование в различных направлениях: спортивных, творческих, научных и т.п. Можно утверждать, что государственные лагеря в данное время равняются на частные и часто перенимают их опыт в организации отдыха.

Но несмотря на такие положительные результаты процесса возрождения лагерной инфраструктуры и среды, остаются нерешенными многие проблемы [5]: несовершенство нормативно-правовой базы, отсутствие стандартов по подготовке кадров, завышенная цена услуг, недостаток кадров, устаревшая материально-техническая база. Можно утверждать, что данные проблемы решаемы в перспективе реализации государственных проектов развития этой отрасли. Главным остаётся определение чёткой идеологической концепции деятельности детских лагерей и ее пропаганда среди детей и родителей со стороны государства. Это решит важную проблему – отсутствие доверия со стороны потребителя. Как в советские времена, каждый ребенок хотел попасть в лагерь и стать пионером, так и современные дети должны мечтать хоть раз оказаться в этой неповторимой атмосфере дружбы, духовности, саморазвития, счастья и неподдельной детской радости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абехтикова, М. Б.* История отечественных детских и молодежных организаций в XX веке: от скаутского движения до православных лагерей / М. Б. Абехтикова // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т. 25, № 1. – С. 82-87.
2. *Макарова, И. А.* Исторический аспект воспитывающей среды детских оздоровительных лагерей в современном контексте / И. А. Макарова, О. А. Сержантова // ModernScience. – 2019. – № 5-3. – С. 80-83.
3. *Седова, А. С.* Анализ современных подходов к оценке эффективности отдыха детей и их оздоровления (научный обзор). Сообщение I / А. С. Седова // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. – 2020. – № 2. – С. 24-37.
4. *Стратий, П. В.* История возникновения и проектирования детских лагерей отдыха / П. В. Стратий, Д. А. Глаголева, А. В. Серов // Архитектура и современные информационные технологии. – 2019. – № 2(47). – С. 122-134.
5. *Щетинина, Н. А.* Проблемы и перспективы развития детского туризма в регионе / Н. А. Щетинина, А. А. Попова, Т. П. Приходько // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления : материалы XV международной научно-практической конференции, Курск, 24–25 мая 2020 года. Том Выпуск 3. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 434-437.

**ХРИСТИАНСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КРИЗИСА СРЕДНЕГО
ВОЗРАСТА****CRISTIAN UNDERSTANDING OF THE MIDLIFE CRISIS**

Ильина Виктория Ивановна

аспирант направление подготовки 5.3.1. «Общая психология, психология личности, история психологии», г. Симферополь Крымский Федеральный университет имени Вернадского

Ilina Viktoria Ivanovna

postgraduate program 5.3.1, offered at the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky in Simferopol, covers a comprehensive curriculum that includes General Psychology, Personality Psychology, and the History of Psychology

Аннотация: В статье представлен анализ кризиса средних лет, рассматриваемого через линзу христианских духовных взглядов. Этап зрелости рассматривается как переломный момент в человеческой жизни, характеризующийся стремлением к более высокому бытию и размышлениями о переустройстве личных ценностей и амбиций. Изучение углубляется в философские дебаты о поиске истинного предназначения в рамках переживания кризиса среднего возраста, опираясь на научные работы отечественных авторов для анализа его генезиса и основополагающих особенностей.

Abstract: This study delves into the notion of midlife crisis within the framework of Christian existentialist thought. It delineates this crisis as a crucial juncture in human life, signifying a transition to a novel developmental stage distinguished by modified ambitions and values. The research endeavors to scrutinize the existential inquiry into the meaning of life amidst the midlife crisis, as addressed by Russian academics, exploring its underlying reasons and unique attributes.

Ключевые слова: кризис среднего возраста, смысл жизни, духовность, зрелость, осознанность.

Key words: midlife crisis, meaning of life, spirituality, maturity, awareness.

Кризис среднего возраста описывается как период психологической напряженности, возникающий обычно между 35 и 50 годами жизни. Этап, когда индивид начинает осознавать процессы старения, уменьшение физической привлекательности и возникают ограничения, препятствующие вовлеченности в деятельности, присущие молодому возрасту, как

указывает Р.С. Немов в своём «Психологическом словаре». Главная задача, стоящая перед человеком во время этого кризиса, включает решение внутриличностных конфликтов, пересмотр ценностей и достижение более высокого уровня личностного развития.

Определение рамок среднего возраста часто вызывает дебаты среди ученых и исследователей. Вопрос о демаркации возрастных границ, которые характеризуют этот этап жизни, остается открытым из-за многообразия представлений. Тем не менее, существует консенсус, согласно которому средний возраст обычно охватывает период с 35 до 60 лет. Завершение этого жизненного этапа обычно ассоциируется с переходом к старости.

Концепция возникновения кризиса среднего возраста относится к вкладу Карла Густава Юнга. Его наблюдения в психиатрической практике подтвердили, что центральной проблемой пациентов является нехватка четко выраженных жизненных ориентиров и поиска глубокого смысла существования. Юнг утверждал, что последующая фаза человеческой жизни представляет собой важный период с особыми вызовами, требующими глубокой эмоциональной переработки, что становится катализатором для достижения внутренней гармонии и понимания своего уникального Я.

Анализ субъективного восприятия индивидами периодов кризиса не стал главной сферой научных разработок в его трудах. Вклад данного ученого в развитие психологии особенно ценен за основополагающие работы о психических преобразованиях, происходящих в период зрелости. Карл Юнг уделял особое внимание необходимости пересмотра и адаптации когнитивных схем и поведенческих стратегий, эффективных в юности, при переходе к поздним этапам жизненного цикла.

Психоаналитик Эрик Эриксон разработал концепцию, состоящую из восьми этапов развития идентичности человека, утверждая, что успешное прохождение специфических кризисов на каждой стадии является ключом к гармоничной эволюции личности. Эриксон особенно подчеркивал важность кризиса подросткового возраста в формировании стабильного самопонимания. Кроме того, он указывал на седьмой этап, который охватывает период с 30 до 60 лет и характеризуется активным изучением и анализом своей жизненной позиции и роли в социальном контексте.

Даниэль Левинсон описывает период от 40 до 45 лет как фазу «средневозрастного перехода». Эта фаза в жизненном цикле обычно ассоциируется с осмыслением собственных убеждений, карьерного развития, семейных связей и духовных взглядов. В это время основной упор делается на поиск и уточнение смысла существования. Индивиды стремятся к истинному самовыражению, руководствуясь личными стремлениями в противовес общественным ожиданиям. Переосмысление различных жизненных областей в этот период может привести к существенным

перестановкам в иерархии ценностей, оказывая влияние на социальные связи.

В кругу ученых, занимающихся изучением ключевых исторических этапов, особо выделяется знаменитый исследователь в области психоанализа по методологии Карла Юнга, Джеймс Холлис. В его трактовках, он рассматривает кризис среднего возраста не только через призму культурной эволюции, но и как момент личностного психологического развития. По его мнению, данная стадия жизни является не просто временем перемен, но и значимой точкой переосмысления и переоценки жизненных ценностей.

Преобразовательный период наступает, когда идеи или объекты окончательно утрачивают свою релевантность, преобразуясь в нечто безвозвратно уходящее в небытие, и лишаясь очевидных альтернатив. Каждой такой трансформации неизбежно предшествует упадок какой-либо эпохи, включающий в себя устаревание убеждений, отход к нереализованным проектам, разочаровывающим ожиданиям, стратегий и забвение исторических событий. Последующее заполнение возникшего вакуума зачастую окутано туманом неопределенности или выходит за рамки существующего осознания. Трансформации делятся на резкие, с немедленным переходом между стадиями, и постепенные, предоставляющие ощущение находящейся в подвешенном состоянии неопределенности на долгий период. В каждом из этих процессов прослеживается константа: эволюция человечества происходит посредством деконструкции устаревшего, причем природа неуклонно направлена на достижение новой фазы своего эволюционного развития.

В период кризиса среднего возраста, многие люди, ранее склонные к материальным ценностям, начинают искать глубинные, духовные истины, испытывая чувство нехватки жизненного смысла. В стремлении обрести гармонию, они обращаются к разнообразию духовных практик: от посещений святых и молитвы до медитаций и паломничеств. Этот поворот к духовности обусловлен желанием найти ответы на глубинные вопросы о смысле существования и возможности духовного развития.

Кризис средних лет выражается через комплекс эмоциональных переживаний, обусловленных неудачами, кончиной близких, крахом устоявшихся взглядов и потерей жизненных маяков, сопряженный с размышлениями о смысле существования.

Философия бытия, осознание человеком своего места в мире, и стремление к синхронизации с универсальным порядком через диалог с Высшей силой излучают мотивы взаимодействия, причем пронизанные элементами логического поиска.

Позднее, под давлением нарастающего западного влияния, в России начинают более глубоко размышлять о смысле жизни, несмотря

на то что этот вопрос традиционно занимает важное место в русской философии.

Василий Васильевич Розанов занимает позицию одного из первооткрывателей, осмысливавших проблематику смыслозадачи и конечных целей человеческого бытия. Его фундаментальное произведение «Цель человеческой жизни», дебютировавшее в 1892 году, проложило путь к интенсивным философским разработкам и обсуждениям в русском интеллектуальном пространстве по этому направлению исследований.

В теории Розанова, он выделяет два аспекта человеческого существования: подсознательное и осознанное. Подсознательное для него – это те аспекты бытия, которые управляются разнообразными внешними стимулами, в отличие от осознанного, которое нацелено на достижение специфических целей. В рамках подсознательного, несмотря на присутствие сознания, его функции ограничиваются поддерживающей ролью: оно не задает ориентиры для человеческих действий, не определяет их суть и природу. В этой области, действия человека диктуются внешними обстоятельствами, контроль над которыми он не имеет. Сознание в этом контексте способствует лишь в выборе наиболее подходящих стратегий для выполнения задач, заданных внешним миром, отделяя реализуемое от невозможного.

Жизнь, ориентированная на конкретные цели, считается содержательной, так как в ней преобладает преднамеренное сознательное воздействие. Сознание определяет траекторию деятельности через систему осмысленно связанных шагов и разрабатывает стратегии выполнения в зависимости от достигаемых успехов.

В марте 1985 года, в контексте серии публичных дискуссий о значении жизни, выступил выдающийся деятель в области русской теологической мысли, профессор Виктор Иванович Несмелов (1863-1937). Свою академическую карьеру он развивал в Казанской духовной академии, где успел зарекомендовать себя в качестве знатока религиозно-философской антропологии. Несмелов посвятил себя разведке глубин христианства, рассматривая его через линзу личностного анализа, с особым акцентом на понимании сознания. В его учении человек выступает как наделенное свободой создание, имеющее параллели с божественной сущностью, однако также оставаясь в плену своего созданного состояния.

В сознании каждого индивида присутствует след творческого, все-ленского начала, но далеко не каждый способен прийти к пониманию, что без присутствия Всевышнего, само существование уникального сознания оказалось бы недостижимым. Философия способна лишь обозначить и исследовать глубинные конфликты и дихотомии, характерные для человеческого ума; однако истинное примирение с этими внутренними спорами возможно только путем глубокого постижения Божественной мудрости, предоставляющее человеку понимание его глубинной сути как отражения и подобия его Творца.

Труд В.И. Несмелова, насыщенный философской логикой и дисциплиной, отчетливо подчеркивает трансцендентную природу жизненных стремлений и значений, при этом полностью согласуясь с идеями В.В. Розанова.

Розанов рассуждает о том, что самопожертвование не является целью в себе, поскольку в таком случае его смысл утрачивается, приравниваясь к самоуничтожению. Этот акт становится возможным только когда индивидуум переоценивает своё положение и осмысливает глубинные аспекты своего «я», которые не соответствуют внешнему миропониманию. Такая внутренняя трансформация идентичности в корне противопоставляет себя обыденному восприятию реальности, создавая альтернативное представление о самом себе. В итоге, индивид принимает решение покинуть зону комфорта ради достижения высшей, индивидуально значимой цели, отвергая предыдущий образ жизни в угоду более высокой идее, а не кардинальной смене существования как таковой.

Альтруистическая любовь воплощается через действия самопожертвования, которые подразумевают глубокий процесс пересмотра и оценки собственной идентичности. В традициях христианства и общей философской мысли выделяется ключевое значение самопожертвовательной любви для человеческого бытия. В то время как обе сферы признают её важность, исключительно в христианской доктрине формулируется представление о человеке, включающее в себя потенциал для такого самопожертвования и проявления любви.

В том же периоде, Владимир Соловьев и Антоний Введенский акцентировали свое внимание на философских размышлениях о природе и цели существования. В 1896 году, Соловьев представил в издании «Книжек недели» свое произведение «Нравственный смысл жизни», где развил идею, что основа нравственности укоренена, в сущности, блага, доступного нам через совесть и интеллект. Он считал, что моральная героика является ключом к извлечению этих аспектов блага от невольничества страстям и победе над собственным и коллективным эгоизмом.

В период весны 1896 года, выдающийся представитель школы неокантианства, Александр Иванович Введенский, принял за публичное выступление, в котором рассуждал о философии бытия. Его методология была характерна использованием критического интеллектуального подхода к концептам и моральной определенности в аргументации. По итогу своего теоретического исследования, Введенский пришел к выводу о ключевой роли духовных и религиозных элементов в анализе задачи. Так, вместе с Владимиром Соловьевым, он продолжил философскую линию, заложенную Иммануилом Кантом.

В работе Н.К. Гаврюшина анализируется подход А.И. Введенского к вопросу о смысле существования, где он сознательно избегает прямого

ответа, утверждая, что обсуждение этой темы возможно только с акцентом на вечность души или продолжение жизни личности после смерти. Введенский выделяет, что истинная глубина и значение жизни раскрываются исключительно через связь с тем, что выходит за рамки материального – с трансцендентным, что и представляет собой ключ к истинному пониманию жизненного пути.

Введенский аргументирует, что смысл существования сводится к его роли как средства для осуществления высшего блага, превращая жизнь в эффективный инструмент для выполнения данной задачи. Тем не менее, подобно всем предметам, существование обязано следовать основному логическому закону: обладать задачей.

Ученый Московской духовной академии, Михаил Михайлович Тарев (1866-1934), в своем фундаментальном труде «Цель и смысл жизни» описывает сложные аспекты человеческого бытия, гармонично продолжая и обогащая идеи своих учителей. В рамках своего интеллектуального поиска, Тарев уделяет особое внимание проблематике теодицеи, включая ее в основание своей теологической системы, что ярко выделяет его вклад среди других религиозно-философских трактатов. Пионерская мысль Тарева о неразрывности идеи смысла жизни и роли Церкви в ней, а также его критика попыток оправдать зло «божественными планами», подчеркивают его видение основной миссии человечества как прославления Божественного могущества.

В 1918 году было опубликовано выдающееся произведение Евгения Николаевича Трубецкого, озаглавленное «Смысл жизни». В этом труде автор углубляется в философские размышления, уделяя внимание темам, связанным с религиозной верой, которую Трубецкой расценивал как кульминацию духовного стремления человечества. Евгений Николаевич исследует трансцендентальные аспекты бытия, взаимодействие между сознанием и процессом познания, затрагивая при этом основополагающие принципы эпистемологии. В центре его исследования находится понятие универсального, неизменного смысла жизни, укоренившегося в первопричине всего сущего, что лежит в основе поисков индивидуального предназначения. Публикация «Смысл жизни» пришлась на переломный период в истории России, отмеченный серьезными испытаниями и изменениями.

Находясь в изгнании, Семен Людвигович Франк (1877-1950) осуществил глубокий анализ и систематизацию идей, выдвинутых его предшественниками в области философии смысла жизни. Это исследование позволило ему сформулировать и представить обширный и глубоко мысленный научный труд. В данной работе он предложил концепцию соборного сознания, выдвигая ее в качестве фундаментального принципа для осмысления основных аспектов человеческого существования и подчеркивая роль коллективного духовного опыта. Данная разработка служит весомым доказательством его умения объединять разнообразие фило-

софские направления и представляет собой уникальный взгляд на вопросы, связанные с поиском смысла жизни.

Франк акцентирует внимание на фундаментальном аспекте рефлексий о принципах человеческой идентичности, поднимая дискуссию о конечной цели существования. Он указывает на способность человека временно отклоняться от размышлений о жизненных приоритетах, погружаясь в рутину, придавая значение материальному успеху, достижениям или вовлекаясь в социальную и политическую активность. Вопреки этому, Франк убежден, что пренебречь размышлениями о вечных вопросах невозможно. Неизбежная смерть, её предвестники – старость и заболевания – вкупе с осознанием преходящей природы бытия, неизбежно направляют разум обратно к раздумьям о сущностных ценностях и предназначении жизни, выдвигая эти раздумья как критически важные и актуальные для понимания каждым человеком.

Франк подчеркивает, что из-за конфликтов в социальных, гражданских и бытовых сферах, россияне часто обращаются к религии в поисках понимания жизненного предназначения.

Кризис среднего возраста является этапом, на котором человек ощущает истощение от постоянной внутренней борьбы, в результате чего настоящие, искренние атрибуты его личности (концепция «Индивидуации» по К.Г. Юнгу или духовное измерение в различных религиозных учениях) начинают направлять его к подлинному предназначению в жизни.

Второй этап жизненного цикла отмечен поворотом к более глубокому саморазвитию и повышению уровня самосознания: если ранее в молодости акцент делался на экстермальном самоутверждении, то в зрелости фокус смещается на внутреннюю трансформацию и саморефлексию. Эта стадия связана с достижением психологической интеграции и умением гармонизировать внутренние диссонансы, а также с осознанным отходом от автоматического принятия социально наложенных норм и стремление к осмыслению собственной уникальности, что является ключом к формированию зрелой личности и истинного себя. Этап зрелости характеризуется не столько внешними достижениями, сколько способностью к интроспекции и объединению противоположностей во внутреннем мире через устойчивое Я, что обеспечивает баланс и управление внутренними напряжениями, вызванными конфликтами.

Переходя от подросткового возраста к зрелости, люди формируют сложные идеи и стремления, развивают навыки самостоятельного принятия решений, анализа собственных взглядов, освобождения от чужеродного воздействия и принятия ответственности за свои решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.Р. Манукян рассматривает сложности развития психологической зрелости человека во время кризиса среднего возраста. Эта работа содержится в антологии «Горизонты зрелости», за редакцией Л. Ф. Обуховой, И. В. Шаповаленко и М. А. Одинцовой, которую опубликовал Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова в 2015 году. Данное исследование затрагивает основные моменты вышеупомянутого вопроса.
2. *Гаврюшин Н.К.* Смысл жизни: антология. М.:Прогресс-Культура, 1994, – 592 с.
3. *Немов Р.С.* Психологический словарь Владос , 2007. – 560 с.
4. *Холлис Д.* «Перевал в середине пути» М. «Когито -Центр» , 2009 г. – 208 с.
5. *Эриксон Э.* Детство и общество. – СПб.: 1996. – 592 с.
6. *Юнг К.* Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1994. – 336 с.
7. *Levinson, D.J.* A conception of adult development // *American Psychologist*, – 1986, – (4).

«РАДИКАЛЬНЫЙ» ЭМОТИВИЗМ А.Д. АЙЕРА
A.D. AYER'S «RADICAL» EMOTIVISM

Фроленко Максим Михайлович

обучающийся, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.

Frolenko Maxim Mikhailovich

student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Тимохин А.М.

Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute «Tavrida Academy» of the Crimean Federal V.I. Vernadsky University named, Timohin A.M.

Аннотация: В данной работе ставится под сомнение обоснованность распространённой оценки «радикальной» версии эмотивизма А. Д. Айера как «притивной» и «упрощённой». Отстаивается позиция, что напротив эта версия эмотивизма представляет из себя куда более сложную и учитывающую куда большее количество логических проблем связанных с анализом ценностных высказываний чем представляется на первый взгляд.

Ключевые слова: эмотивизм, А. Д. Айер, проблема Йоргенсона, парадокс Росса

Abstract: In this paper, the validity of the widespread assessment of the “radical” version of Ayer’s emotivism as “primitive” and “simplified” is questioned. The position is defended that, on the contrary, this version of emotivism is much more complex and takes into account a much larger number of logical problems associated with the analysis of value statements than it seems at first glance.

Key words: emotivism, A. D. Ayer, Jorgensen’s problem, Ross’s paradox

Эмотивизм исторически возник из потребности придания большей правдоподобности доктрине логического позитивизма, т. к. отождествление метафизических и ценностных высказываний как одинаково бессмысленных вызвало много возражений. Поэтому требовалась какая-то позитивная концепция ценностных высказываний. Однако, нужно подчеркнуть, что при этом возникла такая концепция, которая является вполне самостоятельной от логического позитивизма самого по себе. Так уже в предисловии ко второму изданию Айер довольно определённо на это указывает: «Эмотивистская теория ценностей, которая развивается

в шестом разделе этой книги, вызвала значительное количество критики; но я нахожу, что эта критика направлена, скорее, против позитивистских принципов, от которых, как предполагается, эта теория зависит, а не против самой теории. Я не отрицаю, что, предлагая эту теорию, я настаивал на общей согласованности моей позиции; но этому требованию удовлетворяет не только этическая теория, и на самом деле она не влечёт каких-либо неэтических высказываний, образующих остальную часть моей аргументации. Следовательно, даже если показать, что эти другие высказывания необоснованны, само это не опровергает эмотивистский анализ этический суждений; и на самом деле я убеждён, что это анализ обоснован сам по себе.» [1, С. 35] Поэтому даже после того, как логический позитивизм, способствовавший возникновению эмотивизма, был преодолён последующими направлениями в философии науки, сам эмотивизм сохранил своё самостоятельное значение.

В общих чертах Айер следующим образом излагает свою позицию: «Наличие этического символа в пропозиции ничего не добавляет к его фактуальному содержанию. Так, если я говорю кому-то: «Ты поступил неправильно, украв эти деньги», – я не утверждаю ничего более, нежели я просто сказал бы: «Ты украл эти деньги». Добавляя, что это действие неправильно, я не делаю никакого дополнительного высказывания о нём. Я просто высказыванию относительного него своё моральное осуждение, как если бы я сказал: «Ты украл эти деньги» – каким-то особенно ужасным тоном, или написал бы это предложение, снабдив его какими-то специальными восклицательными знаками. Интонация или восклицательные знаки ничего не добавляют к значению предложения. Они просто служат для демонстрации того, что выражение данного предложения сопровождается определёнными чувствами говорящего.» [1, С. 154]; «Стоит упомянуть, что этические термины служат не только для выражения чувств. Они годятся также для возбуждения чувств и поэтому для побуждения к действию. Действительно, некоторые из них используются таким образом, чтобы дать предложениям, в которые они входят, эффект приказаний.» [1, С. 155] А поскольку они не являются описательными, то они не могут быть ни истинными ни ложным: «Если предложение вообще ничего не высказывает, то нет смысла спрашивать, истинно или ложно то, что оно говорит.» [1, С. 156]; «Они не верифицируемы по той же самой причине, по которой не верифицируем крик боли или слов приказа, – они не выражают подлинных пропозиций.» [1, С. 156] И уже из этого следует наиболее часто оспариваемый вывод Айера, что высказывания о ценностях вообще не могут даже противоречить друг другу: «Другой человек может не согласиться со мной по поводу неправильности кражи в том смысле, что у него не будет тех же чувств в отношении кражи, которые есть у меня; и он может рассориться со мной по поводу моих моральных настроений. Но он не может, строго говоря, мне противоречить.» [1, С. 154]

Это стало основанием для оценки Айера как «радикала», который высказал теоретически интересный тезис относительно семантики цен-

ностных высказываний, являющийся основным для эмотивизма, о том, что высказывания о ценностях имеют не познавательную функцию, а функцию выражения наших эмоций и побуждения эмоций у других людей, поэтому они не являются ни истинными ни ложными, но который на этом основании слишком иррационализировал мораль даже по сравнению с другими «умеренными» эмотивистами и последующими нонконтинтивистами, что-то это явно «примитивизированная» и в целом безусловно упрощённая картина по сравнению куда более сложной действительной природой ценностного рассуждения. Например, именно так высказывается на этот счёт Л.В.Максимов: «Радикальный» эмотивизм (А.Айер) сводил этическое словоупотребление исключительно к этой последней функции, полностью исключая рационально-понятийные компоненты и логические отношения из ценностных (моральных) высказываний и рассуждений. Столь упрощенная трактовка ценностного сознания оказалась неприемлемой для большинства этиков, и в ходе последующей эволюции эмотивистского течения она была существенно смягчена.» [2, С. 29-30]

Такая интерпретация Айра как «радикального эмотивиста» и «упрощателя» является широко распространённой, но, как нам кажется, есть основания серьёзно усомниться в ней.

Перед тем как попытаться уяснить содержание этой его позиции, часто кое-что упускают из вида. Данная концепция была сформулирована Айером в самом сжатом виде, он ей уделил всего лишь половину одной из глав своей книги. И эта книга по большей части посвящена вовсе не этике и метаэтике, она также содержит в себе систему достаточно строгих определений, которые были сформулированы в первую очередь на материале анализа «обычных» повествовательных фактуальных высказываний. И как нам кажется это одновременно и большая удача этой книги, и её беда.

Когда он переходит к своему столь краткому, но весомому анализу высказываний о ценностях, то использует в отношении них такие эпитеты как «псевдопропозиция» или «буквально бессмыслица», что есть результат понимания их несоответствия ранее выработанным им же самим в предыдущих главах своей книги определениям «осмысленности». Например, хотя «псевдопропозиция» «воровство – плохо», по своей грамматической форме похожа на пропозицию «небо – голубое», но по своей логической форме эти два предложения отличны. Пропозиция – состоит из субъекта и предиката, но если слово «плохо» в отличии от «голубой» не предикат, а скорее особого рода модальное слово, то неверно сказать, что ряд слов «воровство – плохо» образует полноценную пропозицию, так как в предложении присутствует лишь один термин и ему ничего предикатируется. Грамматическая сокрытость этого различия провоцирует нас использовать предложения такого типа как полноценную пропозицию, что влечёт логические ошибки в рассуждениях там, где встречаются этические символы. Против чего нас и предостерегает Айер.

Это нужно учитывать и в тех местах, где он берётся утверждать, что между высказываниями о ценностях нет вообще никаких логических отношений, и они с его слов не могут даже противоречить друг другу «в строго логическом смысле». Нам кажется, «радикальная» позиция Айера не есть какое-то упрощение, а наоборот, именно куда более сложная и теоретически изошённая, т. к. он почувствовал то, что ушло от внимания «умеренных» эмотивистов, которые слишком легко поддались нашим естественным интуициям и их отражению в нашем обыденном словоупотреблении. Наша интуиция говорит нам, что между императивами есть как минимум такие логические отношения как противоположность (если x запрещается, то x не разрешается) и подчинение (если все x – запрещаются, то некоторые x запрещаются), а значит между императивами в целом возможно и какое-то отношение логического следования. Эта интуиция кажется нам несомненной. И именно её если не ошибочность, то существенную проблематичность выявил Айер.

Что такое отношение логического следования? А следует из B , если и только, если любой случай, когда B истинна, есть случай, в котором истинна A . Т.е. отношение логического следования определено через понятие истинны. И на принципе истинностного значения основаны отношения противоположности и подчинения. И все логические связки тоже определяются через их таблицы истинности. Но императивы не являются ни истинными, ни ложными, как же тогда между ними возможно отношение логического следования, предполагающее наличие истинностного значения? Как их можно соединять логическими связками, если значение полученного сложного высказывания зависит от наличия истинностного значения у изначальных простых высказываний? Как можно говорить о противоречии между двумя высказываниями, которые оба не являются истинными или ложными? Впоследствии это получило название «проблемы Йоргенсона». Именно это, как нам кажется, и имел ввиду Айер когда говорил, что высказывания о ценностях, которые не являются ни истинными, ни ложными, не могут даже противоречить друг другу именно «в строгом логическом смысле». Айер, конечно, признавал, что при этом они явно могут друг другу противоречить в каком-то другом смысле. Традиционное противопоставление «радикального» и «умеренного» эмотивизма этот момент, как нам кажется, полностью упускает из виду.

Отрицание Айером любых логических отношений между высказываниями о ценностях можно понимать не как отрицание «очевидного» и не как «упрощение», а как разумное предупреждение против не критичного, без всякой предварительной адаптации, применения терминов логики, которые были первоначально сформулированы на материале описательных высказываний. Такие интуитивные аналогии могут легко привести нас к парадоксам. Если учесть, что книга Айера была написана в 30-ые годы XX в., когда ещё не успело начаться последующее бурное развитие неклассических логик, то это покажется ещё более понятным.

То, что следование нашим интуициям в этом вопросе наталкивается на серьёзные противоречия, можно проиллюстрировать так называемым «парадоксом Росса». Сама статья Росса, где он формулирует этот пара-

докс не переведена на русский, так что при его изложении мы опираемся на переведённую статью финского логика Р. Хилпинена. Если быть предельно кратким, то Росс дал определение нормативного логического вывода через замену понятия «истины» на понятие «выполнимости»: «Императив I2 следует из I1, если и только если, каждое (возможное) действие, которое выполняет I1, выполняет также I2.» [3, С. 239] Это определение, казалось бы, соответствует нашим интуициям. Но Росс выяснил, что оно ведёт к серьёзным парадоксам интерпретации. Из такого определения нормативного следования следует, что любой императив влечёт бесконечное количество дизъюнкций себя и любого другого императива, в том числе своего отрицания. Выполнив императив «отправь письмо», я в тоже время выполнил императив «отправь письмо или сожги его», а значит эти два императива находятся в отношении логического следования, что уже очевидно противоречит нашим интуициям. Таким образом, переопределение понятий логики и приспособление их для применения к императивам и высказываниям о ценностях куда более трудная и не очевидная в своём решении задача. Так что Айер имел право, без всяких упрощений, отрицать возможность логических отношений между ценностными высказываниями. Только после успешного переосмысления и приспособления старых логических понятий для этих новых целей можно будет говорить с полным основанием о ложности позиции Айера по этому вопросу. Очень вероятно, что такое приспособление невозможно и высказывания о ценностях имеют какую-то свою, весьма отличную от описательных высказываний логику, которую мы лишь интуитивно предчувствуем. Не исключено, что никакой такой логики и вовсе нет, а наши представления об обратном есть результат нашего самообманчивого представления о себе как о куда более рациональных существах чем мы есть на самом деле.

Таким образом, «радикальный» эмотивизм никак не может назван результатом «примитивизации» и «упрощения», напротив он представляет из себя куда более сложную и учитывающую куда большее количество логических проблем, связанных с анализом ценностных высказываний, чем представляется на первый взгляд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айер А.Дж. Язык, истина и логика: Научное издание / Пер. с англ. В.А. Суворцева, Н.А. Тарабанова / Под общей ред. В.А. Суворцева; – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010 – 240 с.
2. Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-фило-софской мысли. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 160 с.
3. Хилпинен Р. Императивы, семантические игры и парадокс Росса; пер с англ. В. В. Целищева // Философские основания научной теории / Под ред В. В. Целещева и В. Н. Карповича. – Новосибирск: Наука, 1985 – С. 237-260.

ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА В СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ОБЗОР ПОДХОДОВ

THE NOTION OF CONCEPT IN MODERN COGNITIVE RESEARCH: A REVIEW OF APPROACHES

Дубинская Елена Владимировна,

*Аспирант кафедры глубинной психологии и психотерапии
факультета психологии Института «Таврическая акаде-
мия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»*

Dubinskaya Elena Vladimirovna,

*a 1st year post-graduate student of the Department of Depth
Psychology and Psychotherapy, Faculty of Psychology, Institute
“Taurida Academy”*

Аннотация: Статья посвящена изучению опыта, представленного в феноменологии термина «концепт», исследованию сущности феномена и, прежде всего, выяснению отличий термина «концепт» от термина «понятие». Обозначены пути и перспективы исследования данных феноменов, а также возможности и ограничения употребления терминов в научном обиходе, и, в частности, в психологических науках. Выявлена феноменологическая интерпретация различных авторов. Анализируются подходы к определению сущности «концепта». Дана феноменология термина «концепт» в разных научных направлениях: лингвистике, психолингвистике, когнитивной психологии, в семантическом подходе, лингвокультуральном и других. Приведен обзор исследований, посвященных различным аспектам «концепта». Обосновано употребление термина «концепт» в психологической науке. Исследование показывает, что многогранность и многомерность термина «концепт» требует более структурированного и углубленного изучения.

Abstract: The article is devoted to the study of experience presented in the phenomenology of the term “concept”, the study of the essence of the phenomenon and, above all, the clarification of the differences between the term “concept” and the term “concept”. The ways and prospects for studying these phenomena are outlined, as well as the possibilities and limitations of using terms in scientific use, and in particular in the psychological sciences. The phenomenological interpretation of various authors is revealed. Approaches to determining the essence of the “concept” are analyzed. The phenomenology of the term “concept” in different scientific directions is given: linguistics, psycholinguistics, cognitive psychology, semantic approach, linguocultural and others. A review of studies devoted to various aspects of the “concept” is provided. The use of the term “concept” in psychological science is justified. The study shows that the versatility and multidimensionality of the term “concept” requires a more structured and in-depth study.

Ключевые слова: концепт, классификация концептов, концептосфера, единица оперативного сознания, «зонтиковый термин», сценарий, фрейм, гештальт, инсайт, культурологический, логический, философский, психологический, семантический подходы, психосемантика, семантический дифференциал.

Key words: concept, classification of concepts, concept sphere, unit of operational consciousness, “umbrella term”, script, frame, gestalt, insight, cultural, logical, philosophical, psychological, semantic approaches, psychosemantics, semantic differential.

Вначале нам хотелось бы привести краткую историю формирования понятия «концепт». Существует мнение, что научное исследование феномена концепта было начато в филологии на рубеже 20-30-х гг. прошлого столетия, и рассмотрение данного вопроса является прерогативой лингвистики. Понятие концепта стало центральным в следующих направлениях научного знания: в психолингвистике, в когнитивной лингвистике, в лингвокультурологии.

В российской науке понятие «концепт» впервые упоминается в статье С. А. Аскольдова-Алексеева «Концепт и слово» в 1928 году. В своей работе С. А. Аскольдов противопоставляет познавательные и художественные концепты [4].

В философии только в 2000-е гг. в Новой философской энциклопедии и Энциклопедии эпистемологии и философии науки появились статьи под названием «Концепт», написанные философом С. С. Неретиной [16; 17].

Как известно, многие авторы в своих работах взаимозаменяют термины «понятие» и «концепт» во избежание повтора. Они выступают как синонимы в текстовом употреблении. Большинство исследователей указывают на необходимость разведения данных терминов.

Феномен концепта интегрирует в себе знания различных смежных наук, что определило становление самостоятельной теории концепта. Более того, в разных парадигмах современной науки данный термин приобретает различное наполнение и содержание.

Термин «концепт» является ключевым понятием когнитивной лингвистики, активно используется в психолингвистике. Однако, в настоящее время, термин широко применяется и во многих других гуманитарных науках, таких как: философия, культурология, психология, социология, политология, лингвокультурологии и других смежных с ними науках. Концепт является многомерным междисциплинарным конструктом.

Согласно исследованиям Ибрагимовой, термин «концепт» является «зонтиковым», так как он покрывает предметные области нескольких научных направлений, а именно когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, которые занимаются проблемами мышления, познания, хранения и переработки информации [8].

Само слово концепт с латинского означает (conceptus) «понятие». Обзор научных статей и литературы по данной теме, показал что связь концепта и понятия, различия и сходства данных терминов отмечают все исследователи этого явления, при этом авторы по-разному трактуют и объясняют их соотношение [1-6; 8-12; 14-17; 20-21; 23-25].

Проведя теоретический обзор источников, нами были выделены следующие направления, школы и их представители, которые исследовали концепт: 1. лингвокультурный подход включает в себя школу В. Н. Телия (1988), концепцию А. Вежбицкой; школу Ю. С. Степанова (2001), концепцию Э. Бенвениста; школу А. Д. Арутюновой (1999); школу В. В. Воробьева (1997), В. М. Шаклеина (2012), представители данной школы развивают концепцию Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова; 2. лингвокогнитивный подход: З. Д. Попова, И. А. Стернин, Ю. Е. Прохоров (2009), Е. С. Кубрякова. Д. С. Лихачев. Представители когнитивной лингвистики считают, что через анализ языковой семантики можно выйти в сферу концептов; 3. семантический подход к исследованию концептов: В. А. Маслова (2005), А. М. Кузнецов, Н. Ф. Алефиренко, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, Д. С. Лихачев. Также рассмотрены другие школы и направления [1-6; 8-12; 14-17; 20-21; 23-25].

В современной лингвистике выделяют три подхода к пониманию термина «концепт»: лингвистический (С. А. Аскольдов-Алексеев, Д. С. Лихачев, В. Н. Телия), когнитивный (Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. З. Демьянков и др.) и культурологический (С. Г. Воркачев, Г. Г. Слышкин, В. И. Карасик) [1-6; 8-12; 14-17; 20-21; 23-25].

Термин «концепт» уже достаточно длительное время используется такими учёными как А. Д. Шмелёв, Д. С. Лихачёв, А. П. Бабушкин, А. Вежбицкая, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, Р. М. Фрумкина, В. И. Карасик, С. Х. Ляпин и другими. Как правило, каждый исследователь предлагает своё понимание этого термина [1-3; 5-6; 9; 23; 25].

Г. У. Арапова в своей статье выделяет выделить три различных основных направления, по которым идет изучение проблематики концепта: Ю. С. Степанов отмечает что, концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Странники второго направления (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев) полагают, что семантика формирует концепт. Представители третьего направления (Д. С. Лихачев, Е. С. Кубрякова) считают, что концепт не возникает непосредственно из значения слова, а является результатом столкновения значения с национальным и личным опытом носителя языка [2].

Некоторые авторы выделяют 6 подходов к исследованию концепта. Асанова Т. Б., Гаипова А. Н. в своей статье дают характеристику следующим подходам, которые перечислим ниже:

– психологический подход (С. А. Аскольдов и Д. С. Лихачев). Концепт охарактеризован как мысленное образование, которое выполняет заместительную функцию. Согласно представителям данного подхода,

сознание человека не может охватить значение во всей его сложности и, исходя из собственного личного опыта, по-своему его интерпретирует. Авторы подчёркивают, что данный подход способствует раскрытию богатства ассоциаций и смысловых переносов и определению роли творцов языка. Они характеризуют его с точки зрения отдельного носителя языка

– логический подход Н. Д. Арутюновой. В данном направлении концепты определяются как понятия практической философии. В данном подходе противопоставляются не индивидуальное и коллективное знание, а научное и обыденное. Термин концепт используется в качестве мировоззренческого понятия, которое составляет основную базу культуры и является её метаязыком. В данном подходе понимание концепта тяготеет к изучению фольклора и этнографии.

– логико-понятийный подход Вежицкой предполагает рассмотрение концептов как инструментов познания внешней действительности, которые должны быть описаны средствами языка в виде некоторых объяснительных конструкций. В данном направлении концепты выступают как мысленные образования, которые необходимы исследователю для объяснения устройства окружающей действительности. Автор предлагает использовать синтез двух традиций, благодаря которому концепция прототипов может существенно дополнить семантическое описание и использоваться вместе;

– философский подход освещён в работах В. В. Колесова. Согласно данному подходу, философия, которая представлена в структуре родного языка, является отражением национальной ментальности. Концепт является основной единицей ментальности. Исследуются истоки, эволюция концептуальной системы, рассматриваются тексты по развитию русской ментальности;

– культурологический подход Ю. С. Степанова. Автор считает, что концепт и понятие принадлежат к различным областям знания. Понятие относится к логике и философии, а концепт к математической лингвистике и культурологии. Ученый делает акцент на связи языка и культуры. Термин «концепт» синонимичен термину «смысл». По мнению автора, концепты состоят из различных слоев культуры в структурном отношении;

– семантический подход в столкновении концептов представлен в книге А. П. Бабушкина «Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка» (1996). Автор рассматривает концепт в рамках когнитивной семантики. Автором отмечен коллективный, надличностный характер концептов. В данном подходе делается акцент на том, что семантический подход является лингвистическим по своей сути. Подчёркивается, что в трактовке данного направления концепты соответствуют содержанию семем данного языка, так как в значениях слов содержится результат познания действительности. Концепция Бабушкина опирается на теорию референции и теорию смысла.

Вышеизложенные подходы предоставляют свои трактовки понятия «концепт». Раскрывают специфику взаимодействия концептов между собой, в результате которого образуется «концептосфера» (Д. С. Лихачев), «культурный слой» (Н. Д. Арутюнова) [3].

Концепт соотносим с категориями значения и смысла. Исследователи З. Д. Попова и И. А. Стернин называют концепт дискретной единицей мышления человека. Они трактуют концепты как единицы мышления, а не памяти [20; 21].

По Масловой, концепт многомерен, так как в нем можно выделить рациональное и эмоциональное, общенациональное и индивидуальное абстрактное и конкретное, универсальное и этническое [15].

В когнитивной лингвистике он представлен единицами разных структурных типов: фрейм, прототип, гештальт, схема, сценарий (скрипт), инсайт [11].

Некоторые авторы указывают на то, что главное в концепте – это многомерность и дискретная целостность смысла [8].

Анализируя точки зрения разных авторов на проблематику термина, можем сделать вывод о том, что «концепт» близок по значению к «понятию».

Ю. Н. Кольцов указывает, что «концепт», как и термин «понятие», отражает форму жизненной реальности человеческой психики. Однако, концепт также выражает форму эмоционального отражения, помимо рациональной репрезентации окружающего мира. В данном аспекте термины «концепт» и «понятие» не всегда совпадают по структуре [2].

Ю. В. Суржанская говорит о том, что «концепт несравненно шире понятия» [24]. Автор указывает, что томский философ А. Н. Книгин в своей концепции разрабатывает понятие «идея», и именно это понятие близко к философскому пониманию концепта [24].

Существует множество разнообразных трактовок соотношения концепта к значению слова, что приводит к разногласиям среди исследователей. Вслед за вышеупомянутыми авторами, мы дифференцируем термины «понятие» и «концепт». Важно отметить, что в процессе мыслительной деятельности, мы оперируем понятиями. При помощи концептов мы переживаем то или иное культурное явление. В этом их существенная разница [6; 9].

Ю. С. Степанов отмечает, что, концепт является «сгустком культуры в сознании человека». То есть концепт представляет собой феномен, в виде которого культура входит в ментальный мир человека. Автор подчёркивает, что представление о концепте больше распространено в науке и культуре, а о понятии – в логике и философии. Исследователь развивает идею сверхиндивидуальной природы концепта. Ю. С. Степанов указывает на связь концепта с коллективным бессознательным. Концепты в лингвокультурном направлении часто соотносятся с обыденной картиной мира, которая противопоставляется научной картине мира [23].

Термин «концептосфера», был введён впервые академиком Д. С. Лихачевым. По Лихачёву, концептосфера представляет собой набор кон-

цепций, которые отражают мировоззрение носителя языка и формируют структуру, которая может изменяться в зависимости от времени и места проживания определенной этнической группы. То есть концептосфера является совокупностью концептов нации. Структура концептосферы состоит из универсальных концепций, которые обеспечивают взаимопонимание между разными народами. Также в данную структуру входят национальные представления, которые типичны определенной культуре и отражены в языке, верованиях. Автор подчеркивает, что именно степень богатства концептосферы национального языка напрямую связана и пропорциональна культурному наследию данной нации. То есть вся культура представляет собой совокупность концептов и отношений между ними [14].

Термины «концепт», «понятие» и «значение» часто употребляются и рассматриваются как тождественные. Например, Бабушкин считает термины «концепт» и «понятие» эквивалентными. Автор указывает, что термин «концепт» вытесняет термин «понятие» из научного обихода [5].

Отметим, что когнитивная психология выделила концепт от понятия. В настоящее время данные термины довольно четко разграничены. Проведя теоретический обзор, мы приходим к выводу, что концепт является природной формой человеческого мышления. Нас учат мыслить понятиями гораздо позже. То есть понятийное мышление является приобретенным. Разница между концептом и понятием заключается в том, что если мы даем четкое определение слова, то мы имеем понятие, если нет, то концепт.

Безусловно, во всех перечисленных определениях концепта есть сходство: концепт определяется как единица мышления или памяти. Расхождения связаны с разным пониманием роли языка в формировании концепта. Обобщая различные точки зрения исследователей в отношении термина «концепт», можно сделать вывод, что концепт является элементом сознания, ментальной единицей, которая в процессе мысли замещает неопределенное множество предметов одного и того же рода. Совокупность концептов языка образует языковую картину мира национального языка [1-6; 8-12; 14-17; 20-21; 23-25].

Арапова утверждает тот факт, что сфера проявлений концепта более многообразна, объёмна, нежели понятия [2].

Под понятием понимается значение, которое выражается логическим мышлением и существует независимо от национальной специфики. Автор, подчеркивает, что концепт представляет собой ментально национально-специфическое образование, сгусток человеческих ценностей и человеческого опыта [2].

М. М. Ангелова в своей статье «“Концепт” в современной лингвокультурологии» подчеркивает, что отличие концепта от понятия заключается

в том, что «концепт не только мыслится, но и переживается» [1, с.3]. Автор делает вывод о том, что объем концепта шире объема понятия. По её мнению, концепт включает в себя само понятие, которое является в свою очередь его обязательным ядерным компонентом [1].

Психологическое содержание понятия «концепт». В научной психологии, несмотря на широкий диапазон работ, которые посвящены исследованию понятия «концепт», приходится все же констатировать недостаточную разработанность данной тематики. Относительно мало изучены психологические особенности, специфика и закономерности использования данного термина.

Обращаясь к психологическому словарю, мы находим следующее значение: «концепт – это совокупность объектов, которые имеют общие свойства или атрибуты. Также это внутренняя, психологическая репрезентация, мысленное представление общих свойств соответствующих объектов» [18, с. 186].

В словаре практического психолога С. Ю. Головина концепт представлен как содержание некоего понятия [7].

Выбрав тему нашего исследования «Особенности концепта «личностная зрелость» у лиц различных профессий», мы будем изучать психологическое восприятие данного феномена, и в самом термине концепт «личностная зрелость» уже звучит сложная понятийная структура, которая связана с культурной коллективной памятью личности и наделена психологическим содержанием. Становится из темы, очевидно, что речь пойдёт не просто об исследовании самого понятия «личностная зрелость», а о том, как эта зрелость воспринимается в концептосфере каждого индивидуума, в его личном восприятии данного феномена. И в культуре в целом. В заключение статьи, основываясь на вышеизложенных примерах, хотелось бы отметить, что концепт «личностная зрелость» намного шире понимается, чем понятие или феномен личностной зрелости.

Пути решения проблемы исследования концепта, в частности концепта «личностная зрелость» в научной психологии: система предложений. Выбор обыденного сознания личности в качестве объекта исследования дает возможность расширить научные представления о критериях личностной зрелости. Перед нами встали вопросы: как обнаружить житейские представления о личностной зрелости? Как построить конструкт обыденного сознания? Чем отличается личностно зрелый человек от незрелого? Насколько представители различных социальных и демографических групп считают себя зрелыми или незрелыми? И почему? Психосемантика является одним из направлений в психологии, которое возникло на стыке психологии познавательных процессов, психолингвистики и психологии личности. Именно здесь, на наш взгляд, нужно искать *системные критерии и показатели в исследовании концепта и, в частности, концепта «личностная зрелость» у лиц различных социальных и демографических групп.* Предметом изучения психосемантики являются принципы формирования и функционирование индивидуальных

и социальных систем **значений**, которые отражают процессы восприятия, мышления, памяти и принятия решений. Понятие «значение» является базовым в теоретической системе психологии и экспериментальной психосемантики. Исследователи Д. А. Леонтьев, Е. Л. Доценко предлагают считать родовыми понятие «значение» и понятие «смысл», именно потому как связь человека с объектами окружающего мира выражена в виде смысловых отношений [13]. Идеи психосемантики были положены в середине XX века двумя американскими психологами Ч. Осгудом и Дж. Келли. При этом, психосемантика берёт свои истоки в философских учениях. Именно поэтому, когда мы говорим о психосемантике, то понимаем междисциплинарный подход к реконструкции индивидуальных значений. Более того, данный подход находится на стыке с философией, языкознанием, культурологией, социологией, политологией, психиатрией, кантовой физикой и информатикой [13; 19; 22]. Психосемантика изучает индивидуальные значения на уровне языка, общения, обрядов, символов, используя разнообразные методы анализа и понимания информации. Психосемантические исследования начались в 1952 году, когда Ч. Осгуд опубликовал свою работу о природе и измерении значений. Позже, в 1957 году предложил свою методику семантического дифференциала для оценки значения стимула. Ещё одним известным методом психосемантики является метод репертуарных решеток Джорджа Келли, который он разработал в 1955 году. Данная техника основывается на теории учёного, в которой говорится о том, что для восприятия объектов и явлений индивид использует **концепты** (конструкты), которые влияют на его поведение. Автор приходит к выводу о том, что каждый человек выстраивает свои паттерны поведения, основываясь на своей собственной теории личности, которая однако им не осознаётся. То есть человек действует и мыслит в соответствии с индивидуальной схемой, которая построена на этих конструктах. Конструкт состоит из субъективных понятий, которые использует конкретный человек. Эти конструкты описывают какое-либо явление, качество личности [13; 19; 22].

Российская психосемантика основана на методологической основе школ Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейна и связана с проблемой повседневного обыденного **сознания** [13; 19; 22]. Психосемантика является научной дисциплиной, которая использует статистические методы для выявления категориальной структуры сознания субъекта. Данная дисциплина основывается на методологии построения субъективных семантических пространств. Психосемантика направлена на реконструкцию образа мира в различных сферах человеческой жизни, включая социальные представления [22].

В завершение мы хотим представить систему предложений о том, как исследовать концепт в научной психологии, в частности, в психологии

личности. На наш взгляд, в психологическом знании одним из методов, который мы можем использовать в качестве исследования понятия концепта, и, в частности, концепта личностная зрелость в качестве объекта – это обыденное сознание участников. С помощью методов беседы, опросников и интервью, а также метода свободных ассоциаций и семантического дифференциала изучить специфику представлений людей о личностной зрелости. Таким образом построить концепт «личностная зрелость». Установить сходство и различия обыденных и научных представлений о личностной зрелости и, в частности, о психологически зрелой личности.

Методы экспериментальной психосемантики позволяют исследователям определить критерии, связанные с восприятием и поведением человека, анализом социальных установок и личностных смыслов. Из всех подходов психосемантическое направление является наиболее подходящим к нашему исследованию, так как направлено на изучение индивидуальной системы значений, которые отражают отношение личности к окружающему миру.

М. А. Кутырев указывает, что «основным объектом изучения психосемантики является способ восприятия человеком окружающей действительности, «призма», через которую он видит мир» [13].

По Кутыреву, методы экспериментальной психосемантики позволяют провести исследование с возможностью более глубокого анализа результатов.

Важно отметить, что психосемантический подход, применяемый для диагностики в психологии личности, предоставляет учёному ресурс изучать субъекта как носителя индивидуальных смыслов, значений и образного восприятия мира.

Обобщая взгляды различных авторов на проблематику термина «концепт», нами сделаны выводы:

1. Термин «концепт» является «зонтиковым», так как покрывает различные смежные науки.
2. Объём концепта шире объёма понятия.
3. Концепт включает в себя само понятие, которое является, в свою очередь, его обязательным ядерным компонентом.
4. Категория концепта имеет междисциплинарный статус.
5. Концепт, в отличие от понятия, не только мыслится, но и переживается.
6. Концепт является относительно новым, «модным» термином.
7. Концепт – многогранный и многомерный конструкт, который связан с коллективным бессознательным, и вытесняет термин «понятие» из научного обихода.
8. Вышеприведенные подходы к пониманию концепта (лингвокогнитивный, психолингвистический, лингвокультурный и другие) не исключают, а представляют одно явление, но с разных сторон.

9. Односторонний подход к трактовке понятия «концепт» не способствует полному пониманию его сути.
10. Современные когнитивные исследования позволяют рассматривать концепты в философском, культурологическом, лингвистическом, психологическом и других аспектах.
11. В новейших исследованиях предлагается большой выбор авторских интерпретаций, классификаций, а также методов исследования концептов.
12. Концепт является единицей речи, мышления или памяти, которая отражает языковую картину мира народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ангелова М. М.* «Концепт» в современной лингвокультурологии / Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: Сборник научных трудов / М. М. Ангелова. – М., 2004. – № 3 – С. 3-10. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/0a4/0a4b1842e5b3a256dd6d6b7a7d6faceb.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения 26.10.2023).
2. *Арапова Г.У.* Концепт, понятие и значение слова: Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований / Г. У. Арапова. – 2016. – №1-4. – С. 591-593. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8612> (дата обращения: 06.10.2023).
3. *Асанова Т. Б., Гаипова А. Н.* Основные подходы к определению понятия концепт / Т. Б. Асанова, А. Н. Гаипова // Экономика и социум. – 2016. – №5-1 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-kontsept> (дата обращения 25.04.24).
4. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / С. А. Аскольдов. – М., 1997.
5. *Бабушкин А. П.* Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2001. – С. 52-57.
6. *Воркачѳ С. Г.* Эталонность в сопоставительной семантике. Язык, сознание, коммуникация / С. Г. Воркачѳ: сб. ст. – М.: МАКС Пресс, 2003. – С. 6 – 15.
7. *Головин С. Ю.* *Словарь практического психолога* / С. Ю. Головин, 1998. – 596 с. URL: <https://vocabulary.ru/termin/kontsept.html> (дата обращения: 06.10.2023).
8. *Ибрагимова Р. С.* Концепт как универсальное и национально-специфическое явление. Текст непосредственный: Молодой учёный / Р. С. Ибрагимова. – 2010. – № 5 (16). – Т. 2. – С. 27-29. URL: <https://moluch.ru/archive/16/1573/> (дата обращения 06.10.2023).
9. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Гнозис / В. И. Карасик. – 2004. – 390 с.

10. *Красных В. В.* «Свой» среди «Чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 314 с.
11. *Крюкова Г. А.* Концепт. Определение объема содержания понятия. Текст научной статьи по специальности «Языкознание и литературоведение» / Г.А. Крюкова, 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-opredelenie-obema-soderzhaniya-ponyatiya/viewer> (дата обращения 28.04.2024).
12. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З, Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Т.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац. – М.: Филол. ф-т, МГУ им. Ломоносова, 1997.
13. *Кутырев М. А.* Применение психосемантического подхода в изучении личности / М. А. Кутырев. Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-psihosemanticheskogo-podhoda-v-izuchenii-lichnosti> (дата обращения 26.10.2023).
14. *Лихачёв Д. С.* Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв. – Известия РАН. Сер.лит. и яз. – 1993. – С. 4-10.
15. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2011.
16. *Немов Р. С.* *Психологический словарь* / Р. С. Немов. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
17. *Неретина С. С.* Концепт / С. С. Неретина // Новая философская энциклопедия / под ред. В. С. Стёпина, 2001.
18. *Неретина С. С.* Концепт. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / С. С. Неретина. – М.: Канон: Реабилитация, 2009. – С. 387-389.
19. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – М.: Эксмо, 2010. – 486 с.
20. *Попова З. Д.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова. – Воронеж, 1999.
21. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
22. *Серкин В. П.* Психосемантика: Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – Litres, 2021.
23. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
24. *Суржанская Ю. В.* Концепт как философское понятие: Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». / Ю. В. Суржанская, 2011.
25. *Фрумкина Р. М.* Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) / Р. М. Фрумкина. – НТИ. – Сер.2. – 1992. – С. 1-9.

УДК 159.9.075

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ**

**SOCIAL CONSEQUENCES OF DIGITAL TRANSFORMATION
OF THE ECONOMY**

Пышняков В.С.,

Аспирант 1 года обучения, Институт экономики и управления ФГАОУ ВО «КФУ им В.И. Вернадского», г. Симферополь

Pyshnyakov V.S.,

1st year Postgraduate student. Institute of Economics and Management V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация: В статье рассматриваются преимущества и недостатки цифровой трансформации экономики, а также определяются социальные проблемы современного поколения как последствия влияния цифровых технологий на человека. Объясняется влияние так называемого «дешевого дофамина» на человека и феномен социальной сети TikTok.

Abstract: The article examines the advantages and disadvantages of the digital transformation of the economy, as well as identifies the social problems of the modern generation as the consequences of the influence of digital technologies on humans. The influence of the so-called “cheap dopamine” on humans and the phenomenon of the TikTok social network is explained.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, экономика, социум, дофамин.

Keywords: digitalization, digital transformation, economy, society, dopamine.

В современном мире роль цифровых технологий значительна, и взаимодействие человека и IT-технологий набирает с каждым годом новый оборот. На сегодня людям доступно то, о чем наши предки даже не могли мечтать: мгновенная видео-коммуникация, цифровые деньги, онлайн-покупки. Цифровая трансформация мировой экономики идет колоссальными темпами, огромный поток данных обрабатывается за очень короткое время современными электронными вычислительными машинами. Активно внедряется искусственный интеллект (нейросети) – всё это кардинально меняет образ жизни современного человека, заметно экономит время и упрощает жизнь, делает ее комфортной. Но каковы социальные последствия цифровой трансформации экономики, и как цифровизация влияет на общество?

Безусловно, цифровизация в сегодняшнем мире является синонимом слова «упрощение», она призвана упростить трудоемкие, относительно сложные, иногда дорогостоящие процессы жизнедеятельности, и конечно же, затрагивает все сферы жизни. Современный человек может больше не ходить по магазинам, достаточно просто заказать всё необходимое он-лайн с доставкой на дом, современному человеку больше не требуется занимать живую очередь в государственные органы и подавать туда документы, всё можно сделать с помощью портала «Госуслуги», человеку достаточно смартфона, чтобы его жизнь стала значительно проще. Смартфон может следить за вашим сном, питанием, здоровьем, давать рекомендации. Смартфон может быть ключом к вашему автомобилю и дому. Со смартфоном даже можно поговорить, и он будет достаточно неглупым собеседником. Вся современная жизнь человека практически невозможна без смартфона и цифровых технологий, но какова обратная сторона цифровизации и цифровых технологий?

Ни для кого не секрет, что с каждым днем объем обрабатываемой человеком информации кратно увеличился, количество данных, получаемое нашим мозгом, зашкаливает: мы ежедневно листаем ленту новостей в соц. сетях, смотрим развлекательные и познавательные видео, отправляем друзьям видеоролики и вместе их комментируем, без этого невозможно представить современную жизнь. Среднесуточное время использования смартфона, по данным ученых из Ханьянского университета, уже в 2020 году перешагнуло планку в 4 часа, а современное поколение проводит в смартфоне стабильно по 6-8 часов в сутки. Можно заметить, что при существенном увеличении информации, обрабатываемой нашим мозгом, её качество сильно сократилось, большая часть информации просто не запоминается и отбрасывается как ненужная.

И, тем не менее, человечество сегодня столкнулось с проблемой зависимости людей от средств коммуникации, если ранее, с момента изобретения смартфона, данной проблемой страдали дети и подростки, то на данный момент зависимость от смартфонов поражает социальные группы всех возрастов. Современные дети не могут без развлекательного контента на YouTube, в раннем подростковом возрасте к этой зависимости добавляются видеоигры и социальные сети, а старшее поколение может найти в телефоне все их интересующее: от онлайн-маркетплейсов, досок объявлений, до развлекательного контента, новостей, и т.д.

Причиной всеохватывающей проблемы зависимости людей всех возрастов от смартфона и цифровых технологий является гормон дофамин, вырабатываемый нашим мозгом во время взаимодействия с гаджетами. Дофамин-гормон счастья, стоит почувствовать любимый аромат духов, еды, цветов, как в мозге тут же происходит выброс дофамина. А при взаимодействии с гаджетами, дофамин вырабатывается каждый раз, когда мы находим интересный смешной видеоролик, пообщаемся в мессенджерах с друзьями, найдём какую-то интересную вещь на маркетплейсе

и закажем её доставку. Известный российский психолог А.В. Курпатов называет такое явление «дешевым дофамином». В своём исследовании он приводит опыт Вольфрама Шульца над обезьянами.

«Подопытных животных посадили в клетки с небольшим отверстием величиной с ладонь, над которым повесили маленькую лампочку. Перед тем как дать обезьянам кусочки яблока, исследователи включали свет. Обезьяны быстро уловили взаимосвязь: когда зажигалась лампочка, в их мозге резко увеличивалась выработка дофамина. Шульц установил, что это происходит только в состоянии ожидания. Стоит обезьяне получить вожделенное угощение, и выработка нейрогормона снова возвращается в обычное русло. Так что само вознаграждение не приносило обезьяне никакой радости, не вызывало в мозгу особой реакции» [1, С2].

А.В.Курпатов установил взаимосвязь между человеком, получающим удовольствие от видеоролика, в котором при ожидании смешного или интересного события в видео выделяется гормон дофамин, и обезьяной Шульца, которая испытывала удовольствие в момент включения лампочки. «Немаловажно, что и у человека, и у обезьяны, при завершении действия концентрация дофамина резко сокращается, и далее не наблюдается никакой позитивной реакции мозга»[2, С23]. Следовательно, организм требует новую порцию дофамина, и человек переходит к новому видеоролику, и так далее, видео за видео. В стремлении получить «дешевый дофамин» максимально быстро, люди стали массово смотреть короткие видеоролики, продолжительностью до 10-15 секунд. В этом и секрет колоссальной популярности социальной сети TikTok, в которой пользователи делятся именно короткими видеороликами, зачастую с интересным, смешным или захватывающим контентом, что и нужно нашему мозгу для пополнения дофамина. К сожалению, нашему мозгу абсолютно не важен смысл полученной информации и её значимость, он получает свою дозу дофамина, тут же его тратит, и так может происходить часами, пока мозг попросту не устанет. Поэтому, помимо понятной нам проблемы падения зрения после длительного взаимодействия с гаджетами, немаловажно выделить проблемы, возникающие как следствие потребления «дешевого дофамина» – потерю концентрации, усталость, вспыльчивость, некое внутреннее ощущение опустошенности, не желание заниматься важными насущными делами, что является основой прокрастинации и СДВГ-синдрома дефицита внимания и гиперактивности.

В итоге, цифровизация экономики принесла нам немало полезных и удобных сервисов, позволяющих сохранить массу времени, облегчить множество процессов, вызывающих затруднение у человека. Но, в то же время, цифровизация посредством гаджетов негативно сказывается на психологическом состоянии социума, влияет на психику человека и его поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сенбаев Е. А.* Дофамин, обучение и поведение, направленное на получение вознаграждения / Е. А. Сенбаев // Fundamental science and technology : Сборник научных статей по материалам XII Международной научно-практической конференции, Уфа, 14 апреля 2023 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. – С. 56-68.
2. *Курпатов А.В.* Красная таблетка. Посмотри правде в глаза. – 1 изд. – М: Капитал, 2018. – 352 с.
3. *Терелянская И. В.* Механизмы формирования и проявления интернет-аддикции / И. В. Терелянская // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика: Материалы 1-й Международной научно-практической конференции, Москва, 04–05 декабря 2017 года / Государственный университет управления. Том Выпуск 4. – Москва: Государственный университет управления, 2017. – С. 189-197.

СВОБОДА ВОЛИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ FREE WILL IN MODERN PHILOSOPHY

Хронин Николай Викторович

Аспирант 1 курса, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Khronin Nikolai Viktorovich

1st year postgraduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

Аннотация: Аналитический разбор ключевых теоретических подходов и аргументаций, относящийся к понятиям свободы воли и этической ответственности в современной философии. В этом контексте акцент делается на деятелях науки, чьи исследования оказали значимое воздействие на формирование и развитие дискурса вокруг указанных понятий. Рассмотрение предложенной проблематики ретроспективно выявляет фундаментальные взаимосвязи и способствует наращиванию объема знаний относительно дилеммы свободы воли и ее морального измерения.

Abstract: An analytical analysis of key theoretical approaches and arguments related to the concepts of free will and ethical responsibility in modern philosophy. In this context, the focus is on scientists whose research has had a significant impact on the formation and development of discourse around these concepts. The consideration of the proposed problem retrospectively reveals fundamental interrelations and contributes to the increase of knowledge about the dilemma of free will and its moral dimension.

Ключевые слова: свобода воли, моральная ответственность, свобода, волевой акт, воля, современная философия.

Key words: free will, moral responsibility, freedom, volitional act, will, modern philosophy.

Длительное противостояние идей свободы воли и детерминизма остаётся одной из главных загадок в философском диалоге, продолжая свой путь сквозь столетия. При концентрации внимания на работах таких учёных, как Роберт Сапольски, Дэниел Деннетт и Сэм Харрис (они отрицают свободу воли, перенося обсуждение данной проблемы в ракурс современной нейронауки и философии), становится заметно, что научные познания о механизмах работы человеческого разума подвергают сомнениям фундаментальную основу свободы воли. В раскрытии этой темы, происходит анализ аргументов, предполагающих становление личностных действий и волеизъявлений под весом биологических и со-

циально-происхожденных обусловленностей. Эта перспектива бросает вызов не только философским доктринам, но и затрагивает более серьезные сферы, связанные с моральной и социальной ответственностью, поскольку именно они претерпевают изменения под ударом новых научных концепций.

Приведенный анализ подсвечивает актуальность темы в современном научном дискурсе, подчеркивая ее значение в контексте нарастающего внимания к пониманию человеческого разума. Изучение поведения и процессов принятия решений неизбежно провоцирует рефлексии о том, как могут быть взаимосвязаны волевые акты индивида и эмпирически обоснованные факторы его экзистенции.

В рамках исследовательского анализа были внимательно рассмотрены труды вышеуказанных философов и ученых. Их позиция заключается в пересмотре традиционного понимания свободы воли. Исследовательский фокус был также нацелен на анализ результатов исследований в области нейрофизиологии и психологии, которая в свою очередь влияет на пересмотр современных концепций философии касающегося воли индивида. Последние работы продемонстрировали, что процессы принятия человеческих решений испытывают значительное воздействие от факторов, заложенных генетически, а также от тех, что приобретены в ходе жизни.

Роберт Сапольски, авторитетный ученый в области неврологии и преподаватель на кафедре биологии Стэнфордского университета, посвятил существенную часть своей научной карьеры изучению феномена свободы воли. Эмпирические данные, полученные в ходе его работы, подтверждают гипотезу о том, что человеческие решения и поведение не являются полностью автономными и независимыми. Действительно, Сапольски предлагает аргументы в пользу тезиса, что комплекс биофизических и биохимических параметров, наряду с социокультурными переменными, оказывает определяющее влияние на наш выбор и поведение [1]. В таком контексте становится ясно, почему сама концепция свободы воли может быть подвержена критике, так как подразумевает внутреннюю способность к саморегуляции поступков, что является дискуссионным с точки зрения современных неврологических исследований.

Основываясь на академических исследованиях, Роберт Сапольски подчеркивает, что наше поведение и способность к принятию решений неоспоримо складываются под влиянием генетической предрасположенности и совокупности внешних условий, включая социально-экономические аспекты и окружающую среду. Отрицание концепции свободы выбора им обусловлено убеждением в том, что генетические и внешние факторы выступают детерминантами, формирующими наши действия и выбор до такой степени, что оставляют мало места для самостоятельного размышления и уникальной воли.

Анализ данных, полученных Робертом Сапольски и его коллегами, дает понять, что нейрофизиологические механизмы в человеческом

мозге, которые могут быть заранее заданы или изменены под влиянием внешних стимулов, вносят значительный вклад в процесс принятия решений человеком. Таким образом, представление о свободе выбора, как о способности беспрепятственно осуществлять выбор среди разнообразия путей, кажется проблематичным.

В свою очередь, Сэм Харрис указывает на то, что деятельность и выводы, к которым приходим мы, оказываются результатом сложного сплетения биологических параметров, переживаний, обучения и влияния социального окружения [2]. В результате, допустимо предположить, что концепция свободной воли может быть не более чем заблуждением, не соответствующим реальности.

В контексте анализа свободы воли, Дэниел Клемент Деннетт, именитый философ, подвергает сомнению традиционные концепции, выстраивая аргументацию в пользу взаимозависимости биологических и социокультурных воздействий в определении человеческого поведения. Предложенный им взгляд на «свободу воли, как механизм» открывает путь к осмыслению роли своего рода предопределённости, ни в коей мере, не разрушая концептуальное понимание свободы выбора и нравственной ответственности личности [3].

Наметив фундаментальные принципы взаимосвязи свободы воли и детерминизма, Д.К. Деннетт аргументированно опровергает представления о полной независимости человеческих решений от внешних условий, настаивая на значимости осознания влияний, исходящих от общественного окружения. Исследуя поле моральных дилемм, этот мыслитель затрагивает критические вопросы этики и социальной ответственности, постулируя идею о том, что рассмотрение природы человеческой воли не может обойтись без учёта рационального признания наших ограничений и перспектив.

Осмысливая суть решений и действий, Д.К. Деннетт ведёт за собой читателя к концепциям, где каждое рассуждение о свободе воли предполагает критическое оценивание и акцентирование факторов, обуславливающих наши поступки, что гармонично коррелирует с механизмом свободной воли, функционирующим в рамках существующих пределов.

Представление о свободе воли в контекстах философии современности может рассматриваться как далекое от полного истолкования и завершения феномена. Вне всякого сомнения, осознание свободы воли как возможности осуществлять выбор имеет критическую важность, сопрягаясь с моральными императивами и нашим самоидентифицированием.

Научные дискурсы, особенно в сфере нейробиологии, психологии и философских доктрин, обнаруживают многоуровневость данной тематики, а также ее переплетенность с другими элементами человеческого опыта. Признание существования свободы воли как принципиально

связанного с различными ограничениями аспекта подразумевает курс на глубокую деконструкцию этого феномена, учитывающую все факторы воздействия.

В качестве наблюдателя в данном контексте, я выступаю сторонником концепции ограниченной свободы воли, которая требует тщательного разбора. Продолжение скрупулёзного теоретического анализа и дебатов в рамках современной философии кажется весьма перспективной методологией в рамках понимания свободы воли, ведь это способствует глубинному осмыслению человеческой индивидуальности, ее позиции в мироустройстве, а также этико-моральных устоев в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сапольски Р. Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки / Роберт Сапольски; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. – 766 с.
2. Харрис С. Свобода воли, которой не существует / Сэм Харрис; Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2015. – 110 с.
3. Dennett Daniel C. Freedom Evolves / Penguin, 2004 г.

УДК 159.99

**ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА
ПСИХОЛОГА****PERSONAL QUALITIES AND PROFESSIONAL ETHICS OF A
PSYCHOLOGIST*****Приймак Анатолий Анатольевич****аспирант кафедры социальной психологии, г. Симферополь,
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского.****Priymak Anatoliy Anatolyevich****PhD student of the Department of Social Psychology, Simferopol,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University.*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей проявления личностно-нравственных качеств, профессиональных свойств и этических принципов психолога-специалиста. Также в исследовании характеризуется степень исследования проблемы личностных качеств и этических норм с учетом исторического аспекта развития данной темы.

Abstract: The article is devoted to the consideration of the peculiarities of manifestation of personal and moral qualities, professional properties and ethical principles of a psychologist-specialist. Also, the study characterizes the degree of research of the problem of personal qualities and ethical norms taking into account the historical aspect of the development of this topic.

Ключевые слова: личностные качества, личностно-нравственные качества, этические нормы, этические принципы, этика, психолог-специалист.

Key words: personal qualities, personal moral qualities, ethical norms, ethical principles, ethics, specialist psychologist.

Проблематика исследования нравственно-психологических качеств и этических норм психолога была сформирована к середине 1920-х гг. в таких направлениях психологии как психотехника и психология труда.

Отечественная советская психология занималась подробным психофизиологическим анализом различных профессий, в том числе и психологов, с целью разрешения проблем с вопросами профессионального отбора, рационализации рабочего места и т. п. [3].

Одними из ключевых исследователей в этой области являлись Б. Г. Ананьев, Н. А. Бернштейн, П.И. Левигурович, Н. Д. Левитов и др. [10]. В 1930-е гг. исследования по данной тематике были прерваны, и только в конце 1940-х гг. изучение возобновилось благодаря таким уче-

ным-психологам как Л. С. Выготский, С. П. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев и их ученикам.

Наиболее выдающимися в области дальнейшего изучения личностных характеристик специалистов (профессионалов) являются советские и российские психологи Б. Ф. Ломов, В. А. Бодров, Ю. М. Забродин, К. Ж. Платонов, Е. П. Ильин, Е. А. Климов, В. Д. Шадриков [2].

Исследования в области психологии труда и профессиональной этики стремительно развивались и проводились на Западе такими учеными как Г. Мюнстерберг, У. Джеймс, Р. Кеттелл (США); Ч. Мейерс, Ч. Спирмен (Великобритания); В. Штерн, О. Липман, Ф. Гизе (Германия); А. Бине, Т. Симон, А. Пьерон (Франция) [3].

На современном этапе развития прикладной психологии теоретическая сфера исследования нравственно-личностных, профессионально важных (ПВК) и этических качеств психолога достаточно изучена в российском психологическо-научном дискурсе. Исследованию личностных качеств психолога посвящены работы Г. С. Абрамовой, А. А. Бодалева, Н. А. Аминова, А. Ф. Бондаренко, Т. В. Фроловой, А. И. Донцова, Е. В. Сидоренко, Н. Н. Богомоловой, М. А. Дмитриевой, О. Т. Мельниковой и др. [4]. В общем, научные представления о феномене морального облика человека любой профессии характеризуются представлением тех или иных конфигураций личностных и этических качеств в виде некой системы.

Так, один из ведущих психологов-профессионалов последних десятилетий В. А. Климов утверждает, что профессиональные и этические качества человека-профессионала образуют определенную систему и нечто цельное, где приобретение и совершенствование этих нравственных характеристик обуславливается непосредственной трудовой деятельностью [8].

Еще одним авторитетным исследователем в области трудовой психологии представляется отечественный психолог В. Д. Шадриков с его концепцией формирования нравственно-этических компетенций. Как и В. А. Климов, исследователь говорит о преобразовании профессиональных качеств в одну функциональную систему. Остановимся на рассмотрении данной концепции подробнее. Так, во время реализации человеком определенного вида деятельности функциональная система в виде набора определенных свойств сохраняется, а способности и профессионально важные качества продолжают развиваться и совершенствоваться. Следовательно, формируется целый устойчивый комплекс нравственно-этических характеристик для определенной профессии, характеризующийся сложным структурным взаимодействием психических процессов, физических способностей и навыков, а также личностных качеств [13].

Также необходимо уделить внимание разного рода качественным и количественным изменениям в структуре профессионально-нравственных свойств любого профессионала. Во время трудовой деятельности определенный набор профессионально важных качеств подвержен некой динамике и изменению. Так, в ходе профессионализации происходит смена

доминирующих свойств, изменение состава или структуры свойств, а также изменчивость в функционировании различных профессионально-нравственных качеств. Совершенно по-другому, более стабильно, происходит функционирование этических аспектов профессиональной деятельности, так как последние напрямую коррелируются с каким-либо общественно закрепленным набором моральных ценностей, а не связаны с функционально «механическим» приобретением профессионально-нравственных качеств в ходе профессионализации человека [2].

Приступим к рассмотрению специфики профессиональной деятельности и личностных особенностей психолога. Так, работа психолога является достаточно специфичной в виду своего предмета, характеризующегося непосредственной связью с внутренним миром другого человека. Специфичность проявляется и в том, что сам психолог тоже выступает как индивидуальность, как человек, имеющий на нее полное право. Следственно, для понимания специфики реализации профессиональной деятельности психолога необходимо первоначально определить личностные качества данного специалиста [11].

Существует достаточное количество классификаций личностных качеств психолога-специалиста, а также разных подходов, моделей и принципов дифференциации и интеграции, по которым те или иные нравственно-личностные и профессиональные качества психологов типологизируются и систематизируются.

Так, одной из самых известных и масштабных типологий, косвенно затрагивающих перечень нравственно-личностных качеств психолога, является классификация профессий, которая разработана специалистом в области психологии труда Е. А. Климовым, также известная под названием пирамида Е. А. Климова. Исследователь разделил свою «пирамиду» на 4 т. н. яруса (группы). Нас интересует группа, классифицирующая профессии по предмету труда. Итак, по предмету труда исследователь выделяет такие типы как «человек – человек» (Ч); «человек – природа» (П); человек – техника (Т); человек – знаковая система (З); человек – художественный образ (Х). К каждому типу относится та или иная профессия, для которой характерен набор определенных нравственно-личностных и профессиональных качеств. Профессия психолога относится к типу «человек – человек» (Ч) и характеризуется большой социальной ответственностью, определяющей сложностью и нестандартностью предметов рассмотрения. Для данного типа характерен такой перечень качеств как устойчивое хорошее настроение в процессе работы с людьми; потребность в общении; способность понимать намерения, помыслы, настроения людей и т. д. [5].

Также существуют классификации непосредственно личностных качеств, среди которых классификация Г. С. Абрамовой, которая диффе-

ренцирует качества психолога по уровню квалификации психолога, то есть на основе опыта работы практических психологов предпринимается попытка выделения десяти основных качеств работы квалифицированного психолога, которые кардинально отличают его профессиональную деятельность от взаимодействия неквалифицированного психолога с клиентом. Таким образом, на примере качеств квалифицированного специалиста (соблюдение конфиденциальности, избегание оценочных суждений, адекватная оценка собственных профессиональных возможностей, возможность применения обобщенного знания) мы можем наблюдать, что личностные качества квалифицированного психолога основаны на профессиональной рефлексии, а не на Я-концепции как у недостаточно либо полностью неквалифицированного психолога, что пагубно влияет на клиента [1].

Также некоторые ученые дополняют положительные личностные качества психолога разного рода препятствующими свойствами (Н.А. Аминов, М.В. Молоканов, Е.Э. Смирнова, Ю.В. Емельянов). К таковым относят предрасположенность к синдрому эмоционального выгорания, высокий уровень тревожности и застенчивость [7].

В целом, личностные качества психолога можно разделить на три группы:

- 1) коммуникативные;
- 2) эмоционально-волевые;
- 3) когнитивные.

Выявление личностно-нравственных, профессиональных качеств и их дальнейшая классификация и типологизация достаточно сложный исследовательский процесс, хоть и крайне изученный. Существует проблематика в разграничении, воздействии друг на друга личностных и профессиональных качеств психолога, а также соотношение и корреляция последних с этическими нормами в функциональной системе психолога-специалиста. Поэтому одним из важнейших требований к психологу-специалисту является наиболее правильное совмещение профессиональных психологических компетенций и этических принципов.

Так, этические принципы поведения психолога закреплены в Этическом кодексе психолога Российского психологического общества (РПО) [9]. Он служит основой применения санкций при нарушении этических принципов профессиональной деятельности, а также является инструментом внутренней регуляции в профессиональном сообществе.

В документе приняты и провозглашены такие этические принципы:

- 1) принцип уважения;
- 2) принцип компетентности;
- 3) принцип ответственности;
- 4) принцип честности [9].

При реализации трудовой деятельности некоторые из нас хоть раз прибегали к воспроизведению своей собственной морально-нравствен-

ной картины мира на внешние раздражители среды, тем не менее такая иногда спонтанная реакция на поиск быстрого решения, а иногда и часто применяющийся паттерн – не всегда соответствует профессиональным задачам и требованиям. Тем самым мы сталкиваемся с проблемой и важностью использования этических принципов в научной и практической деятельности психолога. Для профессиональной деятельности психолога этот вопрос является ключевым, если только не брать в счет уровень квалификационной подготовки психолога-специалиста как таковой. Особое внимание и неразрывная связь психологического сообщества с этикой объясняется рядом причин [12]:

1) отсутствие юридически четкого внешнего контролирующего инструмента процесса психологической деятельности профильного специалиста;

2) профессия психолога является «человекоцентристской», предметом профессионального труда психолога является человек, его личность и т. д.;

3) в сфере этики отчетливо проявляются исторические, культурные, религиозные, социальные, семейные традиции и стереотипы, которые необходимо учитывать и уважать, одновременно разграничивая их от этических требований в практической и научной деятельности;

4) по ряду причин исторически в СССР и РФ в гражданском обществе и профессиональном психологическом сообществе сформировался низкий уровень правовой оценки профессиональных действий психолога, а также не сформировалась устоявшаяся культура этической чувствительности [6].

Подводя итог, можем заключить, что научные представления о личности психолога и его морально-этической компоненте характеризуются следующим:

1) отсутствием единства мнений в понимании доминирующих качеств личности, которые составляют портрет эффективного практического психолога; неимением единого научно-теоретического дискурса в определении доминирующих качеств личности специалиста, а также устоявшейся структуры или определенной конфигурации и иерархии личностных качеств, которые репрезентуют психолога-профессионала;

2) недостаточно исследованной оценкой степени взаимосвязи личностных, профессиональных качеств психолога с этическими аспектами оказания психологической помощи клиентам;

3) достаточно развернутой репрезентацией этического инструментария в виде регуляционно-правовой системы профессиональной деятельности психолога в трудовом сообществе, однако отсутствием в нашей стране сформированного механизма, обеспечивающего соблюдение норм Этического кодекса [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова, Г. С.* Практическая психология : учебник для студентов вузов / Г. С. Абрамова. – 7. изд., перераб. и. доп. – Москва : Акад. проект, 2002. – 490 с. – ISBN 5-8291-0174-2. – Текст : непосредственный.
2. *Бодров, В. А.* Психологические основы профессиональной деятельности : хрестоматия / В. А. Бодров. – Москва : ПЕР СЭ, 2007. – 854 с. – ISBN 978-5-9292-0165-3. – Текст : непосредственный.
3. *Геллерштейн, С. Г.* Психотехника / С. Г. Геллерштейн. – Москва : Новая Москва, 1926. – 239 с. – Текст : непосредственный.
4. *Исаева, Н. И.* Развитие профессиональной культуры психолога образования : специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология» : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Исаева Надежда Ивановна ; Белгородский государственный университет. – Белгород, 2002. – 487 с. – Текст : непосредственный.
5. *Климов, Е. А.* Психология профессионального самоопределения : учебное пособие / Е. А. Климов. – 4-е изд., стер. – Москва : Академия, 2010. – 301 с. – ISBN 978-5-7695-5690-6. – Текст : непосредственный.
6. *Клюева, Н. В.* Основные проблемы этической составляющей профессиональной деятельности психолога-консультанта в современной России / Н. В. Клюев, А. Б. Армашова. – Текст : электронный // Педагогический ИМИДЖ. – 2016. – № 4 (33). – С. 115–123. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28100254> (дата обращения: 22.04.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
7. *Коджаспиров, А. Ю.* Профессиональные и личностные качества психолога-консультанта, определяющие результативность деятельности в сфере телефонного консультирования / А. Ю. Коджаспиров. – Текст : электронный // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». – 2012. – № 3 (21). – С. 63–72. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18936530> (дата обращения: 22.04.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
8. *Корзунин, В. А.* Закономерности динамики профессионально важных качеств военных врачей в процессе профессионализации : специальность 19.00.04 «Медицинская психология» ; 19.00.03 «Психология труда, инженерная психология, эргономика» : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Владимир Александрович Корзунин ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2002. – 555 с. – Текст : непосредственный.
9. Российское психологическое общество : [сайт]. – URL: <https://www.xn--n1abc.xn--p1ai/doc/ethics.pdf> (дата обращения: 22.04.2024). – Текст : электронный.
10. *Селье, Г.* Очерки об адаптационном синдроме : конспект лекций / Г. Селье; пер. с англ. В. И. Кандрора, А. А. Рогова. – Москва : Медгиз, 1960. – 254 с. – Текст : непосредственный.
11. *Смирнова, Е. Э.* Пути формирования модели специалиста с высшим образованием / Е. Э. Смирнова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 136 с. – Текст : непосредственный.

12. *Шаболтас, А. В.* К обсуждению проекта этического кодекса российского психологического общества / А. В. Шаболтас. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2012. – № 2. – С. 75–84. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17767892> (дата обращения: 22.04.2024). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
13. *Шадриков, В. Д.* Психология деятельности человека : монография / В. Д. Шадриков. – Москва : Институт психологии РАН, 2013 – 464 с. – ISBN 978-5-9270-0261-0. – Текст : непосредственный.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИИ В ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

ETHICAL PROBLEMS OF USING AI IN SHAPING THE URBAN ENVIRONMENT

Андрьянов Олег Иванович

*аспирант Института экономики и управления ФГАОУ ВО
«КФУ имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия*

Andriyanov Oleg Ivanovich

*Graduate student, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky
University*

Аннотация: В данной статье рассматриваются этические проблемы, которые необходимо учитывать при применении ИИ в области городского планирования. Приводятся рекомендации по решению этических дилемм, а также улучшению государственных услуг для борьбы с потенциальными рисками.

Abstract: This article examines the ethical issues that need to be taken into account when applying AI in the field of urban planning. Recommendations are provided for solving ethical dilemmas, as well as improving public services to combat potential risks.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, этические проблемы, городская среда, безопасность.

Keywords: Artificial intelligence, ethical issues, urban environment, security.

В современном мире технологии искусственного интеллекта (ИИ) развиваются с невероятной скоростью и проникают во все сферы человеческой жизни. Одной из областей, где ИИ может оказать значительное влияние, является формирование городской среды.

В условиях современного технологического прогресса искусственный интеллект (ИИ) активно интегрируется в различные сферы человеческой деятельности, включая архитектуру. Внедрение ИИ в архитектурное проектирование может привести к повышению производительности, точности и эффективности решения сложных задач. Однако, как и любая инновационная технология, ИИ вызывает ряд этических вопросов, которые требуют тщательного анализа и обсуждения [2].

Использование ИИ в области городского планирования может привести к созданию более удобных, эффективных и безопасных городов. Однако применение ИИ также поднимает ряд этических проблем, которые необходимо учитывать.

1. Конфиденциальность данных

Одной из основных проблем использования ИИ в формировании городской среды является конфиденциальность данных. Сбор и анализ данных о поведении людей, их предпочтениях и привычках может привести к нарушению прав на частную жизнь.

Для решения этой проблемы необходимо разработать строгие правила и нормы, регулирующие сбор и использование данных. Также важно обеспечить прозрачность и контроль со стороны общества за процессом сбора и обработки данных.

2. Предвзятость и дискриминация

ИИ может быть предвзятым и дискриминирующим, если он обучен на данных, содержащих предубеждения и стереотипы. Это может привести к несправедливому распределению ресурсов и услуг в городе.

Чтобы избежать предвзятости и дискриминации, необходимо обеспечить разнообразие данных, используемых для обучения ИИ. Также важно проводить регулярные проверки и аудит алгоритмов на предмет предвзятости.

3. Автоматизация принятия решений

Использование ИИ для принятия решений в городской среде может привести к потере человеческого контроля и ответственности. Это может вызвать недоверие и недовольство со стороны населения.

Для предотвращения потери человеческого контроля необходимо обеспечить прозрачность и объяснимость алгоритмов ИИ. Также важно сохранить возможность вмешательства человека в процесс принятия решений.

4. Потеря рабочих мест

Внедрение ИИ в формирование городской среды может привести к автоматизации некоторых процессов и потере рабочих мест. Это может вызвать социальные и экономические проблемы.

Для смягчения последствий потери рабочих мест необходимо разработать программы переподготовки и поддержки для работников, чьи профессии могут быть автоматизированы. Также важно обеспечить справедливое распределение доходов от использования ИИ.

5. Угроза безопасности

Использование ИИ в городской среде также может представлять угрозу безопасности. Например, алгоритмы ИИ могут быть использованы для создания систем наблюдения и контроля, которые могут нарушать права человека [3].

Для обеспечения безопасности необходимо разработать строгие стандарты и правила использования ИИ в городской среде. Также важно обеспечить контроль и надзор за системами наблюдения и контроля.

В целом, использование ИИ в формировании городской среды имеет потенциал для улучшения качества жизни людей, так как ИИ глубоко влияет на то, как организации работают, принимают решения и взаимодействуют с заинтересованными сторонами. Это повышает производительность, эффективность и инновации за счет автоматизации задач, оптимизации процессов и получения ценной информации. Кроме того, это улучшает качество обслуживания клиентов, их удовлетворенность и лояльность за счет персонализированных услуг, рекомендаций и поддержки. Это также позволяет организациям выявлять новые возможности, такие как расширение рынка, разработка продуктов, и стратегическое сотрудничество. Однако, наряду с этими преимуществами, ИИ таит в себе риски. Организации могут понести репутационный ущерб и потерять доверие, если системы искусственного интеллекта совершают этические ошибки, нарушают социальные нормы или дают предвзятые результаты. Правовые и нормативные проблемы также могут возникнуть, когда ИИ нарушает законы о конфиденциальности, безопасности или защите потребителей.

Более того, это может влиять на организационную культуру и ценности, влияя на такие нормы, как прозрачность, подотчетность и ответственность. Чтобы справиться с этими этическими дилеммами, организации должны принять этические руководящие принципы и рамки, соответствующие их ценностям и целям.

Внедрение надежных механизмов управления и надзора с участием внутренних и внешних заинтересованных сторон может обеспечить качество, надежность и справедливость систем ИИ. Кроме того, организации должны способствовать разнообразию и инклюзивности в своих командах по ИИ, а также участвовать в этическом образовании и обучении для повышения осведомленности и накопления опыта по этическим аспектам ИИ [4].

Правительства могут использовать ИИ для улучшения государственных услуг, разработки политики и управления, тем самым повышая эффективность, результативность и прозрачность. Это может помочь правительствам решать сложные проблемы, такие как здравоохранение, образование, окружающая среда и безопасность. Однако правительства также должны бороться с потенциальными рисками.

Неправильное использование ИИ может подорвать демократические процессы, институты и ценности, ставя под угрозу легитимность и подотчетность правительств. Более того, ИИ может усугубить социальное и экономическое неравенство, неравномерно распределяя ресурсы, возможности и результаты между различными группами и регионами.

Оно может даже способствовать усилению международной напряженности и конфликтов, создавая новые угрозы, уязвимости и дисбалансы. Защита прав человека, сохранение достоинства, и обеспечение безопасности и защищенности систем искусственного интеллекта с помощью надежных правил и стандартов имеет первостепенное значение. Прави-

тельства также должны способствовать инклюзивным и коллективным процессам с участием различных заинтересованных сторон для продвижения общего блага и общественных интересов [1].

В городском планировании необходимо, чтобы ИИ соответствовал ценностям и интересам общества. Уважение достоинства, защита прав и предотвращение вреда должны быть нашими руководящими принципами. Сотрудничество и диалог между секторами, дисциплинами и культурами необходимы для решения этических последствий ИИ. Делясь знаниями, опытом, и перспективами, можно коллективно создавать и использовать этические системы и решения искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виниченко М.В., Наррайнен Г.С. Мельничук А.В., Фени Ч. Влияние искусственного интеллекта на деятельность человека // Пограничные и н ф о р м а ц и о н н ы е технологии и системные исследования в кооперативной экономике. Исследования в области систем, принятия решений и управления. Springer Nature Швейцария. – 2021. – Том 316. – С. 561-570. [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-57831-2_60 (Дата обращения 27.03.2024)
2. Потапова, Е. Г., & Шклярчук, М. С. (2021). Этика и «цифра»: от проблем к решениям. РАНХиГС.
3. Митчел, У. Дж. (2012). Я++: Человек, город, сети. Strelka Press.
4. Сачкова В.А. Урбанизация как социальный процесс: философский анализ: автореф. дис. ... канд. фи-лос. наук. М., 2013. 24 с.

**ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ
ЭРГОДИЗАЙНЕРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СРЕДЫ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**THE PROBLEMS OF CREATING ARTIFICIAL INTELLIGENCE
AND THE POSSIBILITY OF ITS APPLICATION IN THE CONTEXT
OF ERGODESIGNER STUDIES OF THE LIFE ENVIRONMENT**

Кузьменко Александр Анатольевич

канд. биол. наук, г. Брянск, Брянский государственный технический университет, доцент кафедры Компьютерные технологии и системы.

Kuzmenko Alexander Anatolyevich

PhD in Biology, Bryansk, Bryansk State Technical University, Associate Professor of the Department of Computer Technologies and Systems.

Аннотация. В статье рассматривается проблематика сознания искусственного интеллекта в контексте проведения эргодизайнерских исследований среды жизнедеятельности человека. На основе проведенного анализа делается выводы о значимости технологии искусственного интеллекта в сфере эргодизайна.

Abstract. The article examines the problems of consciousness in artificial intelligence in the context of ergodesigner studies of the human environment. Based on the analysis, conclusions are drawn about the importance of artificial intelligence technology for the future of mankind in the context of designing a sociotechnological environment.

Ключевые слова: искусственный интеллект, эргономика, проектирование, эргодизайн

Keywords: artificial intelligence, ergonomics, design, ergodesign

В 1956 г. Дж. Маккарти впервые использовал понятие искусственный интеллект (ИИ). В его понимании данная технология представляла идеальную техническую систему способную моделировать (имитировать) мышление человеческого мозга. Предложенное направление в дальнейшем заложило фундамент для зарождения ряда наук, изучающих сознание и мышление человека (например, нейробиология, психофизиология и др.).

На протяжении всего пути развития ИИ одним из наиболее сложных, но в то же время интересных вопросов, являлся вопрос о том, возможны ли мыслительные процессы у машины. Как выяснилось, часть ученых и философов отрицают возможность появления мышления у ИИ (Дж. Серл, Р. Пенроуз, Х. Дрейфус, Г. Хант и т. д.). Основным аргументом в

данном вопросе, по их мнению, выступает отсутствие таких качеств, как сознание и подсознание [7].

Проведенный в работе анализ показал увеличение заинтересованности ученых вопросами наличия сознания и мышления у систем ИИ в последние годы. Наибольшая заинтересованность была отмечена в период 2020-2024 гг. Безусловно в рамках данной статьи невозможно подробно рассмотреть даже часть работ, вышедших за последние 10 лет. Поэтому мы остановимся на более интересных в срезе применения к проектированию среды жизнедеятельности в рамках эргодизайна.

Так, А.С. Маковкин в труде «Проблема сознания в контексте изучения искусственного интеллекта» задает ряд вопросов, которые являются фундаментальными для изучения сознания ИИ: «Может ли машина иметь сознание? ... Может ли у машины появиться нечто, что мы могли бы назвать сознанием? Может ли машина мыслить, чувствовать (иметь qualia) или даже превзойти человеческий разум?» [6, стр. 1]. Автор, пытаясь ответить на поставленные вопросы, приходит к выводу «...да, с точки зрения функционализма это (наличие сознания у машины) теоретически возможно, но к моменту, когда такие технологии будут доступны, останутся ли те, кто помнят, какво это – иметь сознание».

Абеляев С.Р. в труде «Моделирование сознания и искусственный интеллект: пределы возможностей» также задает фундаментальные вопросы: «возможен ли вообще искусственный интеллект? Второй: будет ли искусственный интеллект отражать все возможности человеческого сознания? Третий: что принесёт человечеству создание искусственного интеллекта, если он всё же возможен?» [1, стр. 58] на которые отвечает с позиции имперсональной теории. Вывод полученный в результате повествования и рассуждений показывает, что осознанный и мыслящий ИИ способен вытеснить «слабого Homo Sapiens из Книги Жизни» [1, стр. 64].

В статье Ефимовой И.Я. «Сознание и искусственный интеллект: гипотезы и прогнозы» делается важный вывод, напрямую относящийся к вопросам проектирования среды жизнедеятельности человека «Возможно, в будущем программы нового поколения в системе ИИ смогут настолько интегрироваться в человеческую жизнедеятельность, что при обоюдном соблюдении установок и правил, разграничивающих функции, ИИ в буквальном смысле научится осмысливать, понимать и давать оценку происходящим вокруг него событиям» [3, стр. 236]. Таким образом, автор подчеркивает возможность использования и интеграции ИИ в процесс жизнедеятельности, что дает нам возможность использовать данный тезис в построении концепции применения ИИ в эргодизайне среды жизнедеятельности.

В монографии «Человек и системы искусственного интеллекта» Лекторский В.А. отмечает зарождение новой, необычной среды челове-

ской жизнедеятельности под воздействием ИИ и глобальной цифровизации «Вместе с тем, использование систем искусственного интеллекта для решения экономических, социальных, политических, оборонных, межчеловеческих проблем, связанный с этим процесс глобальной цифровизации создают совершенно необычную среду человеческой жизнедеятельности и порождают необходимость нового понимания человека, его возможностей и его будущего» [5, стр. 10]. В этой же работе Васильев С.Н подчеркивает связь цифровизации среды жизнедеятельности с развитием ИИ «Настоящее и будущее «цифровизации» среды жизнедеятельности человека сегодня связываются с IT-технологиями в области искусственного интеллекта (ИИ), с проектами телемедицины, умного дома-города-общества и т. п.» [5, стр. 30]. Данные рассуждения свидетельствуют о необходимости говорить о формировании новой среды жизнедеятельности человека, в которой особое место занимает глобальная цифровизация и интеллектуальные системы. Эргодизайн (в данном контексте) при проектировании среды жизнедеятельности должен учитывать современные реалии: наличие цифрового общества и интеллектуальной техники. В приложении монографии отмечается «...возможность позитивных изменений в ключевых сферах жизнедеятельности, но и к негативным последствиям, вызванным социальными и технологическими изменениями, которые сопутствуют развитию технологий искусственного интеллекта» [5, стр. 284-285].

Исходя из разделения мнений ученых о безопасности внедрения ИИ в среду жизнедеятельности, последствиях такого внедрения, наличия у ИИ мышления и сознания можно констатировать отсутствие единого подхода к проблеме применения ИИ в человеко-машинном взаимодействии. Когда машина становится интеллектуальной под вопросом остается её надежность, наличие сознания и мышления, а значит становится сложным выстраивать проектирование среды жизнедеятельности человека с применением непредсказуемой интеллектуальной техники. Однако выбор верной стратегии человеко-машинного взаимодействия способен минимизировать риски используя потенциал ИИ на благо общества.

Эргодизайн как научно-проектировочная дисциплина и процесс проектирования направлен на повышение безопасности, удобства и гармонизации систем и их объектов, которые в своей совокупности составляют среду жизнедеятельности человека. Соответственно, применение методов искусственного интеллекта в эргодизайнерской практике проектирования становится все более востребованным и применяемым для формирования инновационных условий, обеспечивающих жизнедеятельность общества в условиях социально-техногенного мира [4]. Применение методов человеко-машинного взаимодействия позволяет эргодизайну выстраивать верные стратегии взаимодействия с ИИ. В данном контексте искусственный интеллект в эргодизайне способен обеспечить проектирование природоориентированных сред жизнедеятельности, в которых

общество, техносфера и биосфера могут находиться в гармоничном взаимодействии. Однако для достижения данной цели необходима стратегия безопасного и устойчивого взаимодействия искусственного интеллекта и социотехноприродных систем среды жизнедеятельности. Для этого в методологическую базу эргодизайна необходима интеграция социотехноприродного подхода, развитием которого занимается Брянская научно-философская школа социально-техногенного развития мира [2].

Подводя итог, хочется отметить важность применения методов ИИ в решении задач эргодизайна среды жизнедеятельности. Грамотная интеграция ИИ в процессы проектирования, понимание проблем сознания и мышления ИИ способны минимизировать риски возможного негативно-го воздействия интеллектуальной техники на человеческую жизнедеятельность в условиях социотехноприродного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблеев С.Р.* Моделирование сознания и искусственный интеллект: пределы возможностей. Вестник экономической безопасности. 2015 (3). С. 58-64.
2. *Дергачева Е. А.* История и философия социально-техногенного развития жизни и мира: учебное пособие / Е. А. Дергачева. – Брянск: БГТУ, 2023. – 140 с
3. *Ефимова, И. Я.* Сознание и искусственный интеллект: гипотезы и прогнозы / И. Я. Ефимова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2017. – Т. 6, № 6А. – С. 235-246.
4. *Кузьменко А. А.* Роль эргономики и искусственного интеллекта в устойчивом развитии социально-техногенного мира / А. А. Кузьменко // Ноосферные исследования. – 2024. – № 1. – С. 25-30. – DOI 10.46724/NOOS.2024.1.25-30.
5. *Лекторский В.А., Васильев С.Н., Макаров В.Л.* Человек и системы искусственного интеллекта / В.А. Лекторский, С.Н. Васильев, В.Л. Макаров, Т.Я. Хабриева, А.А. Кокошин, Д.В. Ушаков, Е.А. Валуева, Д.И. Дубровский, Т.В. Черниговская, А.Л. Семёнов, К.Е. Зискин, А.П. Любимов, В.В. Целищев, А.Ю. Алексеев / Под ред. акад. РАН В.А. Лекторского. – СПб.: Издательство «Юридический центр», 2022. – 328 с.
6. *Маковкин А. С.* Проблема сознания в контексте изучения искусственного интеллекта. – Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 113-116
7. *Юдицкий, С.А.* Функционально-логическая модель образного мышления в психолого-эргономических исследованиях искусственного интеллекта / С.А. Юдицкий // Эргодизайн. – 2020. – №1 (07). – С.42-48. DOI: 10.30987/2658-4026–2020-1-42-48

УДК 316.422.44

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

TECHNOLOGIZATION AS A FUNDAMENTAL TREND OF MODERN SOCIAL DEVELOPMENT

Зыщик Екатерина Борисовна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии философского факультета, г. Симферополь, Институт «Таврическая академия», Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Zyshchik Ekaterina Borisovna

candidate of philosophical sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, Faculty of Philosophy, Simferopol, Institute "Tavrida Academy", Crimean Federal V.I. Vernadsky University

Аннотация: Статья посвящена исследованию технологизации как фундаментального трансформационного процесса в динамике современной техногенной цивилизации, обусловленного впечатляющим научно-технологическим прогрессом. Он характеризуется внедрением инновационных технологических решений и инструментов в различные социальные практики. Понятие «технологизация» включает в себя разработку, внедрение и распространение наукоемких результатов. В статье утверждается, что технологизация неизбежна, что выражается в повсеместном распространении технологий и возрастании их роли в обществе. В исследовании рассматриваются направления технологизации, сущность цифровизации как её ключевого компонента и делается вывод о том, что она является как инструментом научной оптимизации, так и социокультурным феноменом, переопределяющим человеческий опыт и мировоззрение.

Abstract: The article is devoted to the study of technologization as a fundamental transformation process in the dynamics of modern technogenic civilization, caused by impressive scientific and technological progress. It is characterized by the introduction of innovative technological solutions and tools into various social practices. The concept of “technologization” includes the development, implementation and dissemination of knowledge-intensive results. The article argues that technologization is inevitable, which is reflected in the widespread dissemination of technologies and the increasing role of their role in society. The study examines the directions of technologization, the essence of digitalization as its key component and concludes that it is both a

tool for scientific optimization and a sociocultural phenomenon that redefines human experience and worldview.

Ключевые слова: технологии, технологизация, общественное развитие, техногенная цивилизация.

Keywords: technologies, technologization, social development, technogenic civilization.

По мере того, как технологии проникают в современный социум, они значительно трансформируют общественное бытие, что не должно оставаться без внимания и оценки, особенно в ракурсе практической философии, изучающей фундаментальные процессы цивилизационного развития.

Технологизация – это повторяющийся процесс замены сложившихся социальных практик и естественных процессов искусственными, алгоритмическими и техногенными. Она многоаспектна и включает в себя понятие деятельности, процесс создания и внедрения технологий, а также методологию социальной инженерии, направленную на преобразование социальной среды с помощью эффективных методов и способов социальной деятельности.

Нас интересует технологизация как процесс внедрения передовых технологических решений в социальную практику, и в этом качестве она представляет собой современное состояние научно-технологического прогресса, обусловленное открытиями и достижениями в области физики, медицины, космической промышленности, информационных технологий, производстве. В качестве примеров можно привести такие научные открытия и технологические результаты, как теория струн, графен, редактирование генома, искусственный интеллект и киберфизические системы.

Конвергенция науки и технологий стимулирует прогрессивные преобразования в общественном развитии. Границы между наукой и технологическими разработками стираются, и они интенсивно взаимодействуют с рынком и общественными потребностями, разрабатывая новые технологии в ответ на спрос. Такое сближение способствует повышению ценности общественного развития через научный разум как основополагающий мировоззренческий ориентир техногенной цивилизации, который воплощается в современную эпоху в виде объединяющих различные социальные сферы инноваций.

Довольно популярны сегодня идея технопессимистов, критикующих не только смелые постантропологические идеи трансгуманизма, но и само научно-технологическое развитие, рассматривая его достижения как угрозу сущности человечества, наносящую вред природе, сознанию и человеческому телу. Однако, технологии стремительно развиваются, меняя привычные вещи и их функциональность. Неизбежно, что мы бу-

дем продолжать технологизироваться, но вопрос в том, как мы будем направлять этот процесс, трансформируя себя и управляя угрозами и приоритетами.

Ученые предсказывают прорыв в технологическом прогрессе, который сделает его частью повседневной жизни. Известные исследователи Митио Каку [1], Кевин Келли [2] и Хосе Луис Кордейро [3] предсказывают неизбежность технологизации человеческой жизни в ближайшем будущем. Действительно, современный этап техногенной цивилизации характеризуется все большей технологизацией социальных практик, проявляющейся прежде всего в динамичном распространении наукоемких технологий во всех сферах жизни. Развитие технологий как ключевой тренд социальной динамики подвергается сегодня многочисленным исследованиям, в которых учёные и философы анализируют и оценивают их беспрецедентное влияние на человека и общество. Данное комплексное изучение технологических прорывов дополняется разработкой технопрогнозов на будущее и концептуализируются в технологической парадигме общественного развития, представленной концепциями технико-экономического развития (С.Ю. Глазьев), информационного общества (Д. Белл), технокладов (Н. Д. Кондратьев), промышленной (А. Тойнби) и кибернетической революций (Л.Е. Гринин).

В книге Кевина Келли «Неизбежно...» предсказаны 12 технологических трендов, определяющих наше будущее [2]. По мнению автора, оно зависит от взаимодействующих технологических тенденций, включая трансформацию, искусственный интеллект, доступ к ресурсам в режиме реального времени и интерактивность. Эти тенденции определяют направление развития общества, и попытки остановить их бесполезны. Рост технологий объективен, основан на научных достижениях, и человек может взять их под контроль, чтобы извлечь из них пользу.

Важнейшей составляющей технологизации является цифровизация как массовый переход к активному использованию цифровых технологий и инструментов для эффективной обработки информации, передачи данных и автоматизации.

Цифровизация меняет производительность труда, позволяя быстро разрабатывать, моделировать и рассчитывать изделия и материалы. Она позволяет создать глобальный инжиниринговый рынок, повышая эффективность, упрощая процессы и снижая зависимость от инфраструктуры и ресурсов.

Технологизация открывает новые рынки, создавая новые потребности и запросы, обусловленные стремительными научными инновациями, особенно в области искусственного интеллекта, Интернета вещей, виртуальной и дополненной реальности.

Маркетинговые компании разрабатывают стратегии для ИИ и IoT, предполагающие значительные инвестиции и далеко идущие социальные последствия. Современные технологические тренды повлияют на

поведенческие и социальные явления, медицинские результаты и человеческую идентичность. Один из популярных представителей цифрового маркетинга Сарвант Сингх прогнозирует глубокие изменения в антропологических константах, таких как дополненные тела, ускоренные мыслительные процессы и повышенная эмпатия с помощью VR и нейроинтерфейсов, что приведет к персонализации и адаптации в маркетинге [4].

Технологизация и цифровизация улучшают производство, услуги и условия жизни благодаря повсеместному внедрению технологических достижений и использованию цифровых инструментов. Осознание неизбежности технологизации порождает острый для практической философии вопрос: заменят ли роботы людей? Хотя они и могут облегчить тяжелый труд, сократить потребность в специалистах и оптимизировать деятельность, но, всё же, уникальные навыки человека будут расти в цене. Общество должно адаптироваться, постоянно повышая квалификацию, приобретая новые умения или меняя профессию. Искусственный интеллект способствует повышению эффективности использования ресурсов и снижению затрат, и роботы не могут полностью заменить человека, но смогут помочь в обработке данных, принятии решений и разрешении технических и организационных проблем.

Технологизацию можно рассматривать как ведущий тренд современного общественного развития, определяющий фундаментальные преобразования в экономике, промышленности, производстве, образовании, науке и других социальных сферах. Распространение цифровых технологий формирует особый социальный статус – цифровые компетенции, необходимые для активного участия в современных социальных практиках и институтах. Нивелирование технологизации можно охарактеризовать как нежелание адаптироваться к новой, сложной системе возможностей, порождающей риски и угрозы и требующей осмысления и перестройки сложившихся практик.

Технологизация – это в значительной степени прогрессивный процесс, улучшающий жизнь, решающий проблемы и повышающий эффективность. Она играет важнейшую роль в научных исследованиях и влияет на человеческое восприятие, социальные отношения, культуру и самосознание, преобразуя взаимодействие и опыт людей. В то же время, это противоречивый процесс, который одновременно создает новые вызовы и риски для человека и общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Митио Каку*. Будущее человечества: Колонизация Марса, путешествия к звездам и обретение бессмертия. Michio Kaku. The future of humanity. Terraforming Mars, Interstellar Travel, Immortality, and Our Destiny Beyond Earth. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2018. – 467 с.
2. *Келли Кевин*. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее / К. Келли; пер. с англ. Ю. Константиновой и Т. Мамедовой. – М.: Манн, Иванов и Фербер», 2017.– 347 с.
3. *Хосе Луис Кордейро* , *Дэвид Вуд*. Смерть должна умереть. Наука в борьбе за наше бессмертие. José Luis Cordeiro, David Wood. La muerte de la muerte: La posibilidad científica de la inmortalidad física y sudefensa moral. – М.: Альпина Паблишер, 2021. – 376 с.
4. *Sarwant Singh*. Transhumanism And The Future Of Humanity: 7 Ways The World Will Change By 2030 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forbes.com/sites/sarwantsingh/2017/11/20/transhumanism-and-the-future-of-humanity-seven-ways-the-world-will-change-by-2030/?sh=3e5dfccb7d79> (дата обращения 30.04.2024).

УДК 316.6

ТЕХНОЛОГИИ МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И СИМУЛЯЦИЕЙ
TECHNOLOGIES BETWEEN REALITY AND SIMULATION***Османов Себастьян Вадимович****Аспирант 1 курса, направление подготовки «Физика магнитных явлений», Физико-технический институт, ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия****Osmanov Sebastyan Vadimovich****1st year Postgraduate student, field of study "Physics of Magnetic Phenomena", Institute of Physics and Technology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

Аннотация: В статье рассматривается проблема создания человека-робота. Последствия использования технологий, позволяющих воплотить данного рода разработки и этические аспекты внедрения таких технологий в повседневную жизнь.

Abstract: The article solves the problem of creating a human robot. The implications of technology allowed them to translate such developments and the ethical aspects of such technologies into everyday life.

Ключевые слова: нанотехнологии, имплант, человек-робот, киборгизация, чипирование

Keywords: nanotechnology, implant, human-robot, cyborgization, chipping

В процессе осмысления перспективы развития моей диссертационной работы, связанной с нанотехнологиями и наноплёнками, структурами на их основе и физикой в целом, меня посетила мысль о том, что отнюдь не все исследования, неважно фундаментальные или прикладные, обладают возможностью повлиять на мир и на его будущее. Однако мое направление оказалось тесно связанным не только с футурологией, техникой, поиском новых технологий, но и с философией техники, эксперимента, с этикой применения таких технологий.

Написание данной работы выпало на время не только научного прорыва в области искусственного интеллекта, робототехники и медицины, но и на период переосмысления вышеперечисленных направлений. Нанотехнологии – это одно из самых перспективных направлений в современной науке и технике. Я занимаюсь моделированием фотонных кристаллов и экспериментальным исследованием морфологии (поверхности) тонких нанопленок. Конечно, сейчас исследования являются бо-

лее фундаментальными, создание таких пленок сложный и высокотехнологический процесс. Однако они находят некоторое применение в различных устройствах, которые обладают высокой чувствительностью и точностью в определении магнитных полей или же различного внешнего воздействия. Нанотехнологии открывают перед человечеством огромные возможности в самых различных областях, начиная от медицины и энергетики, и заканчивая электроникой и строительством. Тенденция к миниатюризации чипов, процессоров, устройств на их основе, сенсоров приводит к все более изощренным методам создания и применения таких технологий, например, наноматериалы могут быть использованы для создания биосовместимых покрытий или оболочек для чипов, что помогает предотвратить отторжение организмом и снизить риск воспаления или инфекции. Также нанотехнологии могут улучшить функциональность чипов, позволяя им обеспечивать более надежную связь с внешними устройствами или сетями. Например, использование наночастиц может улучшить способность устройств взаимодействовать с нервными клетками или другими тканями. Кроме того, нанотехнологии могут также применяться для создания биосенсоров или устройств мониторинга здоровья, которые могут быть встроены в организм человека и связаны с внешними системами через чип. В целом, они могут сыграть ключевую роль в развитии более продвинутых и безопасных систем внедрения чипов в человека с различными медицинскими и технологическими применениями.

Давайте попробуем вообразить себе ситуацию, в которой прогресс в создании наноструктур доходит до того, что каждый человек, используя такие технологии модернизирует себя. Одним из первых ученых, который обратил внимание на эту тему, была американский философ и социолог Донна Харавей. В своей книге «Манифест киборгов» она предположила, что в будущем человек сможет объединиться с машинами и стать киборгом [1]. Но если тогда это рассматривалось как потенциально возможный исход, то сейчас все стало гораздо реальнее. И дело здесь в не в том, что физически стало возможным дополнять свое тело техническими элементами. Дело в нашем восприятии мира, в тех аспектах жизни, которые становятся неотъемлемыми. Об этом хорошо написано в книге «Симулякры и симуляция», написанной Жаном Бодрийяром еще в 1981 году [2]. В ней автор исследует современное общество, в котором реальность и иллюзия становятся неотличимыми друг от друга. Бодрийяр анализирует влияние массовых медиа, рекламы, культуры потребления и технологий на формирование нашего восприятия мира. Основная идея книги заключается в том, что современный мир состоит из симулякров – имитаций реальности, которые создаются и поддерживаются с помощью различных символов, знаков и образов. Бодрийяр утверждает, что современное общество живет в мире симуляции, где реальность замещается иллюзиями и символами, и что мы больше не можем различить между реальностью и вымыслом. Книга вызвала широкий резонанс в

философском сообществе и стала классикой постмодернистской мысли. Она предлагает читателю новый взгляд на современный мир и вызывает критическое мышление о том, как мы воспринимаем и интерпретируем окружающую нас реальность.

Теперь вернемся к нашему времени и рассмотрим вполне реальный опыт нейротехнологической компании Neuralink, которая в январе 2024 года впервые вживила компьютерный чип в мозг человека. Чип получил название Telepathy, что переводится как «телепатия». Он призван через вживляемые электроды улавливать с коры головного мозга электрические сигналы от клеток и преобразовывать их в управляющие команды на внешние устройства. По словам основателя компании Илона Маска, подвергшийся чипированию пациент чувствует себя хорошо и восстанавливается после операции. В 2024 году Neuralink планирует провести 11 имплантаций. Вопрос о вживлении чипов в мозг человека вызывает много размышлений и споров среди людей. С одной стороны, технологии продвигаются вперед, и возможность улучшения качества жизни через имплантацию чипов может быть привлекательной. Например, чипы могут помочь людям с ограниченными возможностями, таким как люди с инвалидностью, улучшить свою жизнь и облегчить повседневные задачи. С другой стороны, есть опасения относительно приватности и безопасности данных, хранящихся на этих чипах. Ведь вживление чипов в мозг может дать доступ к личной информации и контролю над мыслями и действиями человека. Это может привести к нарушению личной свободы и приватности. Также существует риск того, что они чипы будут применяться не во благо человека, а наоборот использованы для контроля над людьми или даже для манипуляции их мыслями. Важно учитывать эти этические аспекты при принятии решения о вживлении чипов в мозг. В конечном итоге, вопрос о том, этично ли вживлять чипы в мозг человека, зависит от целей и последствий этого действия. Необходимо тщательно взвесить все плюсы и минусы, а также учитывать мнение и интересы общества в целом. Важно создать правила и законы, которые защитят права и свободы людей, и обеспечат безопасное использование подобных технологий.

В современных реалиях вполне естественно полагать, что наука становится не только инструментом прогресса, но и инструментом маркетинга. Подобного рода эксперименты и операции приводят к резонансам в обществе и вводят новые, совершенно не изученные направления. Если вживление чипов в мозг человека станет коммерческим проектом, более доступным для простого обывателя, то человечество может столкнуться с новыми проблемами. Если «чипы» или же любые другие элементы, использующие нанотехнологии, например, сверхчувствительные сенсоры или же передатчики информации станут частью человека, а ключом к

скорости и качеству таких элементов будут качества технологий синтеза или моделирования таких структур, то появится вопрос о неравенстве не только между обычным человеком и человеком-киборгом, но и между людьми, обладающими уже технологическими частями тела или имплантатами. А если человек будет обладать сверхчеловеческой силой или скоростью реакции, или же любой другой физиологической единицей, то станет ли он оружием в руках людей, которые имеют прямой доступ к чипам и технологическим элементам, встроенным в тело. Или же будет обычное человеческое тело физиологически конкурентным с телом человека-киборга. Такие технологии могут создать или даже усугубить социальное неравенство, породить касту людей, полностью зависящих от программного обеспечения или инженеров технологов, конструирующих умные части тела или чипы.

Конечно, сгущать краски еще рано, и большая часть исследования идет на благо человечества. Однако стоит задуматься над этическими аспектами создания таких технологий. Замена реальности какой-либо симуляцией, даже если мы пытаемся ее контролировать, это процесс, загоняющий в зависимость потребителя. Человек, попробовавший виртуальную жизнь, вполне реально может оттуда и не вернуться. Тогда остается вопрос, во время создания искусственного интеллекта, роботизирования человека, нужно ли выбирать эту скользкую дорогу и отдалять человека от реальности? Нужно ли давать человеку новый вид наркотика? Вопрос останется открытым, но в эпохе роботов каждый человек, найдет ответ лично для себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. – М.: Издательство «Логос», 1995.

УДК 101.1:316

**ТЕХНИКА КАК ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ ЧЕЛОВЕКА:
О ПРИОРИТЕТЕ ИНФОРМАЦИОННО-
КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ**

**TECHNICS AS MAN'S LAST LOVE: ON THE PRIORITY
OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES
IN THE INFORMATION AGE**

Соловьева Людмила Николаевна

канд. филос. наук, доцент, г. Серпухов, Филиал Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого в г. Серпухове, преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах)

Solovieva Lyudmila Nikolaevna

PhD, Associate Professor, Serpukhov, Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great, Branch of Serpukhov, Lecturer of the Department of Military-Political Work in the Troops (Forces)

Аннотация: Статья посвящена философскому осмыслению отдельных аспектов современного технологического развития. Обосновано, что маркером современной информационной эпохи являются информационно-коммуникационные технологии. Сделан вывод, что современные технологии оказывают трансформирующее значение на социум, культуру и самого человека, его антропологическую атрибутику.

Abstract: The article is devoted to the philosophical understanding of certain aspects of modern technological development. It is proved that the marker of the modern information age is information and communication technologies. It is concluded that modern technologies have a transformative effect on society, culture and the person himself, his anthropological attributes.

Ключевые слова: человек, техника, информационная эпоха, информационно-коммуникационные технологии, искусственный интеллект, цифровизация

Keywords: man, technology, information age, information and communication technologies, artificial intelligence, digitalization

В начале XX столетия великий русский философ Н.А. Бердяев в известном труде «Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники)» сформулировал максиму, под эгидой которой прошел весь XX век и протекают первые десятилетия XXI столетия – «техника есть

последняя любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием предмета своей любви» [1, с. 3]. Никогда прежде человек не был так связан и зависим от технологий, как на современном этапе развития. Ни одна из предшествующих исторических эпох не запечатлела в своем названии технологической составляющей, это стало прерогативой наступившей информационной эпохи. Несмотря на многообразие категорий, в которых исследователи пытаются определять современность – информационная, компьютерная, цифровая и т.п. – все они, так или иначе, фиксируют определенный технико-технологический модус – приоритет компьютеров и обусловленных ими информационно-коммуникационных технологий.

Отличительной особенностью информационной современности является опережающее технологическое развитие – за весьма кратковременный по историческим меркам период, от момента изобретения первого компьютера в 1946 г. до создания искусственного интеллекта, нейросетей, чат-ботов в наши дни, информационно-коммуникационные технологии широко интегрировались в процесс человеческой жизнедеятельности и кардинально трансформировали социальную реальность, культуру и самого человека. Современные информационно-коммуникационные технологии выступают неотъемлемой составляющей и органичным дополнением социальной жизни и традиционной антропологической атрибутики. Это обуславливает актуализацию и новое звучание как фундаментальных философских проблем – онтологических, философско-антропологических, социально-философских, этических, аксиологических, так и новых, возникающих в плоскости взаимодействия человека и техники. В этой связи важное научно-теоретическое значение имеет всесторонняя философская рефлексия, позволяющая выработать наиболее целостное представление об изучаемом феномене, а также оценить возможные перспективы дальнейшей конвергенции технологий и человека.

Революционные технологические достижения Третьей промышленной революции конституируют онтологию современного человека и инициируют выход человечества на новый виток цивилизационного развития – информационный, сопровождающий становление цивилизации нового типа – цифровой. Рубеж тысячелетий оказался поистине знаковым историческим моментом, своеобразной точкой бифуркации – ситуацией поиска и выбора нового направления цивилизационного развития, своеобразным «новым» «осевым временем», когда закладываются новые образы и идеалы духовности, задаются новые векторы социокультурного развития на предстоящие тысячелетия, как это было в «первое» «осевое время» в середине I тысячелетия до н.э. Флагманом столь глубинных трансформаций, по мнению большинства современных исследователей, выступают современные технологии, и прежде в его информационно-коммуникационные. Именно симбиоз, конвергенция высоких технологий и технологических инноваций является ведущим магистральным

направлением информационной современности [2, с. 31], а роботизация, виртуализация, цифровизация, искусственный интеллект – ее новыми атрибутами.

В современных условиях технологии из средства исключительно вспомогательного и облегчающего жизнь и деятельность человека превратились в фактор его эволюции. Ж. Бодрийяр в этой связи констатирует как закономерное следствие такой стремительной конвергенции свершающуюся на наших глазах антропологическую революцию, в результате которой дигитализируется человек, его тело, разум, мысль, а апогеем выступает искусственный интеллект, генерирующий интегральную цифровую реальность, в пространстве которой человеческий мозг и порождаемая виртуальная реальность начинают функционировать как единое целое, наделяя человека столь долгожданным бессмертием и все больше вовлекая его во всеобщий цифровой порядок [3]. Философ оценивает современный процесс цифровой трансформации не только как технологический прогресс, но и как социокультурный, поскольку он простирается далеко за рамки техносферы и охватывает социум, культуру и человека, называя это «концом антропологии», которая «тайным образом сконфискована машинами и новейшими технологиями» [4, с. 41].

Таким образом, современный человек не может мыслиться вне своего технико-технологического бэкграунда, под воздействием которого не только меняется окружающая действительность – расширяются границы физического мира, реальность наполняется виртуальными, цифровыми сущностями, нивелируется грань между естественным и искусственным, но и сам человек претерпевает технологический апгрейд, становясь «технологически улучшенным», «расчеловечившимся» [5, с. 98], «раздвоенным» [6] «цифровым субъектом» [7]. Столь стремительные трансформации подвергают серьезным угрозам биопсихосоциальную сущность человека и коммуникативную его природу, оттесняя естественное искусственным. Вместе с тем, глубокое понимание и происходящих трансформаций позволяет сохранять оптимистические надежды на грядущее цифровое будущее и уверенность в том, что человек сохранит свое величие в мире техники, и выработает навыки гармоничного существования в естественном и собственноручно созданном искусственном мирах, направляющим всю научно-творческую энергию на дальнейший научно-технологический прогресс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бердяев Н.А.* Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники) / Н.А. Бердяев // Путь. – 1933. – № 38. – С. 3–8.
2. *Макафи Э., Бриньолфсон Э.* Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее / Пер. с англ. А. Поникарова / Э. Макафи, Э. Бриньолфсон. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 320 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Почему все еще не исчезло? [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. – URL: <https://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiar-pochiemu-vsieshchie-nie-ischiezlo> (дата обращения: 03.05.2024).
4. *Бодрийяр Ж.* Америка / Ж. Бодрийяр. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 203 с.
5. *Ростова Н.Н.* Проблема человека в современной философии / Н.Н. Ростова. – М.: Проспект, 2021. – 176 с.
6. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
7. *Capurro R.* Towards an Ontological Foundation of Information Ethics / R. Capurro // Ethics and Information Technology. – Vol. 8. – 2006. – No. 4.

**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЗАКОНА МУРА.
ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ НА НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ЭЛЕКТРОНИКИ**

**PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF MOORE'S LAW.
EXTRAPOLATION TO NEW AREAS OF ELECTRONICS
DEVELOPMENT**

Варагушин Павел Андреевич

*аспирант, ассистент кафедры Прикладной математики
Физико-технического института Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского*

Varagushin Pavel Andreevich

*postgraduate student, assistant of the Department of Applied
Mathematics of Physical-Technical Institute Crimean Federal
V. I. Vernadskiy University*

Аннотация: В настоящей статье обозначены аспекты философского подхода к осмыслению закона Мура, как важного эмпирического наблюдения в области микроэлектроники. Рассмотрены текущая актуальность закона, его значимость для философии науки и техники, а также возможность пролонгации его жизнеспособности с помощью экстраполяции на современные пути развития электроники и смежных областей.

Abstract: This article outlines aspects of the philosophical approach to understanding Moore's law as an important empirical observation in the field of microelectronics. The current relevance of the law, its significance for the philosophy of science and technology, as well as the possibility of prolonging its viability by extrapolating to modern ways of developing electronics and related fields are considered.

Ключевые слова: закон Мура, философия науки и техники, искусственный интеллект.

Keywords: Moore's law, philosophy of science and technology, artificial intelligence.

В панораме научно-технического прогресса, где скорость инноваций приобретает экспоненциальный характер, закон Мура предстает в качестве канона развития микроэлектроники и примыкающих секторов техники. Однако, каким образом мы можем осмыслить данный закон с

позиции философии науки и техники? Какие новаторские направления могут получить толчок к развитию из его основ?

Эссенция закона Мура, сформулированного Гордоном Муром в 1965 году, отражает принцип удвоения количества транзисторов на интегральной схеме каждые два года. Этот закон стал олицетворением динамичного развития микроэлектроники и превратился в важнейший источник, определяющий футурологические траектории, точно описавшие процесс развития отрасли с момента появления закона и до настоящего времени. Открытие закона Мура было результатом наблюдений Гордона Мура за технологическим развитием в области полупроводников и электроники. В начале 1960-х годов он заметил, что интегральные микросхемы становились все более компактными и мощными. На основе этих наблюдений он сделал предположение, что количество транзисторов на микросхеме удваивается каждые два года [5].

Этот вывод Мур основывал на своем опыте в области разработки полупроводников и интегральных схем, а также на наблюдениях за технологическими тенденциями. Его наблюдения подтвердились в последующие годы, и стали известны как «закон Мура».

Важно отметить, что закон Мура не был результатом одного конкретного эксперимента или открытия, а скорее сформулирован на основе анализа технологических данных и тенденций развития электроники, что дает основание полагать, что сам закон имеет, в большей степени, философскую основу, а не техническую.

Философские дефиниции закона Мура отражены в философии науки и техники, которая исследует взаимосвязь между наукой, техникой и обществом, а также изучает социокультурные аспекты технологического прогресса. Закон Мура, внедренный в эту дисциплину, выступает как иллюстрация того, как технологический прогресс формирует наше представление о мире и влияет на нашу жизнь.

С одной стороны, философия науки ставит под сомнение закон Мура. Вопросы о пределах его применимости, его устойчивости в долгосрочной перспективе остаются актуальными. С другой стороны, закон также символизирует стремление человечества к постоянному улучшению и прогрессу.

С философской точки зрения закон Мура является калейдоскопом, отражающим стремление человечества к познанию и прогрессу. В его основах лежит не только техническое исследование, но и глубокая философская идея непрерывного поиска новых возможностей и усовершенствований [4].

Во-первых, Закон Мура поднимает вопрос о природе технологического прогресса и его влиянии на человечество. Философы задаются вопросом, насколько технологии определяют наше бытие и образ мышления. Этот закон вызывает обсуждения о том, является ли технологический прогресс результатом человеческого стремления к улучшению или же

существует ли в нем определенный инертный процесс, не поддающийся полному контролю.

Во-вторых, Закон Мура вызывает размышления о пределах технологического роста. Философы обсуждают, может ли такой экспоненциальный рост продолжаться бесконечно или же существуют ограничения, которые в конечном итоге приведут к его остановке. Этот вопрос имеет важное значение для понимания будущего развития технологий и их влияния на общество.

В контексте философии, Закон Мура может интерпретироваться как иллюстрация прогресса человеческого разума и технологического развития, вызывая вопросы о пределах роста и возможных последствиях этого роста для общества и человечества в целом. [4].

Современные направления в микроэлектронике и аналогичных областях, таких как квантовые вычисления, нанотехнологии и биоинженерия, подчеркивают актуальность закона Мура. Эти тенденции продолжают связывать инновации с повседневной жизнью и устанавливать новые стандарты в различных областях, включая медицину, транспорт, коммуникации и экологию, что позволяет экстраполировать закон на более широкие области и воспользоваться основным принципом для определения собственных траекторий развития.

Одно из интересных последствий экстраполяции закона Мура на новые направления развития техники – это увеличение роли машинного обучения и искусственного интеллекта. С увеличением вычислительной мощности, обработки данных и доступности больших данных, возникают новые возможности для автоматизации и интеллектуализации процессов в различных отраслях.

Системы искусственного интеллекта базируются на определённых вычислительных алгоритмах. Благодаря появлению таких элементов, как мемристоры появилась возможность создать нейронные сети, которые будут работать без машинных алгоритмов. На входе задавая определённый набор условий, а на выходе получая определённый набор значений. Соответственно, такая архитектура позволила резко увеличить производительность компьютеров в задачах, близких машинному обучению.

Закон, сформулированный Гордоном Муром, оказывает значительное влияние на человечество, приводя к постоянному увеличению производительности и уменьшению размеров компьютерных чипов. Этот процесс сопровождается улучшением мобильности, доступности и функциональности технологий. Однако, такой рост также вызывает вопросы о пределах увеличения производительности и возможных последствиях для общества.

С увеличением технологического прогресса возникают и некоторые опасения. Например, возможно углубление разрыва между развитыми и

развивающимися странами, а также проблемы, связанные с конфиденциальностью данных и кибербезопасностью, что является предметом для отдельного изучения.

Таким образом, хотя закон Мура способствует технологическому прогрессу и развитию общества, его влияние на человечество остается предметом обсуждения и дебатов в контексте его потенциальных преимуществ и недостатков. [1].

Закон Мура является не только техническим явлением, но и объектом философского изучения. Он поднимает важные вопросы о технологическом прогрессе, социокультурных аспектах использования технологий. Разбор этого закона требует совместного усилия философов, ученых и инженеров, чтобы обеспечить баланс между развитием техники и обеспечением благополучия человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гринин Л. Е., Гринин А. Л., Гринин И. Л.* Искусственный интеллект: развитие и тревоги. взгляд в будущее. Статья первая. Информационные технологии и искусственный интеллект: прошлое, настоящее и некоторые прогнозы / Л. Е. Гринин, А. Л. Гринин, И. Л. Гринин // *Философия и общество*. 02023. №3 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-razvitiie-trevogi-vzglyad-v-budushee-statya-pervaya-informatsionnye-tehnologii-i-iskusstvennyu-intellekt> (дата обращения: 22.04.2024).
2. *Лебедев Б. В.* Тенденции развития технологий в контексте глобальных проблем / Б. В. Лебедев // *Известия вузов. Социология. Экономика. Политика*. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-tehnologiy-v-kontekste-globalnyh-problem> (дата обращения: 22.04.2024).
3. *Лолаев Т. П.* Время и прогресс / Т. П. Лолаев // *Философия и общество*. 2000. №4 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremya-i-progress> (дата обращения: 22.04.2024).
4. *Мартин Элен.* Метафизический разрыв: критический анализ идеи технологической сингулярности // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizicheskiy-razryv-kriticheskiy-analiz-idei-tehnologicheskoy-singulyarnosti> (дата обращения: 22.04.2024).
5. *Тыныныка А. Н.* О законе Мура для МЭМС / А. Н. Тыныныка // *Биомедицинская инженерия и электроника*. 2018. №1 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-zakone-mura-dlya-mems> (дата обращения: 22.04.2024).

УДК 659.4

ФИЛОСОФИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: КАК ТЕХНОЛОГИИ МЕНЯЮТ НАШУ ЖИЗНЬ И ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ?

THE PHILOSOPHY OF DIGITAL TRANSFORMATION: HOW ARE TECHNOLOGIES CHANGING OUR LIVES AND WHAT SHOULD WE DO ABOUT IT?

Невраев Андрей Николаевич

аспирант 2 курса направления подготовки 5.7.7 «Социальная и политическая философия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» (г. Симферополь)

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии КФУ им. В.И. Вернадского О.А. Габриелян

Nevraev Andrey Nikolaevich

2nd year postgraduate student in the area of training 5.7.7 “Social and political philosophy” of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “CFU named after V.I. Vernadsky “ (Simferopol)

Scientific supervisor: Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy at CFU named after V.I. Vernadsky O.A. Gabrielyan

Аннотация: Рассматривается актуальная проблема влияния цифровой революции на различные аспекты жизни человека, включая сферу культуры, образования и шире – социальных отношений. Философский анализ позволяет осмыслить изменения в технологической среде и как они отражаются на наших ценностях, на понимании справедливости и свободы. Предлагаются подходы к адаптации к новым условиям и созданию устойчивых отношений совместного развития человека и технологий.

Annotation: The article considers the actual problem of the impact of the digital revolution on various aspects of human life, including the sphere of culture, education and broader social relations. Philosophical analysis allows us to understand the changes in the technological environment and how they affect our values, our understanding of justice and freedom. Approaches to adaptation to new conditions and creation of stable relations of joint development of a person and technologies are offered.

Ключевые слова: цифровая трансформация, технологии, изменение, культура, процессы, информационные технологии.

Keywords: digital transformation, technology, change, culture, processes, information technology.

В мире, где каждый день что-то меняется, цифровая революция сформировала новое направление кардинальных преобразований во всех сферах нашего существования. В последнее время мы все чаще сталкиваемся с тем, как бескрайние просторы информационных технологий преобразуют нашу обыденность, придавая ей новые контуры. Этот сдвиг затрагивает абсолютно все сферы жизни – начиная от профессиональной деятельности и обучения, заканчивая отдыхом и общением.

Теперь, когда расстояния перестают быть преградой, наши разговоры становятся более свободными и содержательными. Мы способны поделиться моментом или новостью со всего света буквально в считанные секунды, вести рабочие проекты, находясь в любой точке планеты, и даже совершать покупки, не выходя из дома. Все эти перемены возможны благодаря грандиозному прогрессу в сфере цифровых технологий.

Однако вместе с безграничными возможностями, цифровой мир неизбежно сталкивается с серьезными испытаниями. Защита персональных данных, опасность кибератак и проблема зависимости от гаджетов являются основными вызовами, на которые нам нужно найти ответы. Признать их и стремиться к нахождению эффективных решений крайне важно.

Справиться с порывистыми ветрами перемен, которые приносит цифровая революция, можно благодаря неустанному самосовершенствованию. Освоение новых технологий, гибкость в мышлении и способность адаптироваться к изменениям становятся нашими верными спутниками. Но золотая середина между виртуальным и реальным миром необходима для поддержания внутреннего баланса и ощущения полноты жизни.

Цифровое пространство открывает перед нами широкие просторы для самореализации и улучшения качества жизни. Наша способность адаптироваться, жажда знаний и умение мудро внедрять технологии в повседневную жизнь определяют, насколько успешно мы сможем интегрироваться в этот стремительно меняющийся мир, делая его более комфортным и безопасным для себя и близких.

Глубокие изменения, привнесенные цифровизацией, не ограничиваются лишь внедрением инновационных инструментов в наш быт. Они затрагивают само устройство общества, переосмысливая образы нашей жизни, способы общения и взаимодействия. Вникать в эти процессы – значит, осознавать, как высокие технологии перераспределяют роли между нами, отдельными людьми и обществом в целом.

Интересно, что с развитием технологий, наша способность к живому общению испытывает некоторое напряжение. Несмотря на обилие возможностей для связи, необходимо помнить о ценности непосредственного человеческого взаимодействия.

Также, переосмысление традиционных рабочих моделей, введение возможности удаленной работы и гибких графиков подарило нам невиданную ранее свободу. Это нововведение приносит как возможности, так и проблемы, включая управление временем и избегание профессионального выгорания.

В области образования цифровизация также вносит коренные изменения, делая знания более доступными и многообразными, что открывает путь к бесконечному самосовершенствованию и развитию.

Благодаря расширению доступа к онлайн-курсам, электронным библиотекам и ресурсам для самообразования, каждый из нас получил невиданные ранее возможности для обучения и развития в любой интересующей области. Введение искусственного интеллекта в сферу образования открывает новые горизонты для персонализации учебного процесса и повышения его эффективности. Как отметил профессор Иван Карлов, ведущий эксперт по применению ИИ в образовании, искусственный интеллект способен анализировать данные, автоматизировать процедуры и даже прогнозировать исходы, становясь незаменимым помощником как для студентов, так и для преподавателей в стремлении к оптимизации образовательного процесса [1].

В 2022 году стартовал увлекательный проект «Код будущего», благодаря которому ученики с восьмого по одиннадцатый классы получили шанс безвозмездно посвятить два года изучению программирования. И тут возникает закономерный вопрос: насколько глубокие и осмысленные знания можно получить в такой форме обучения, учитывая огромный поток информации и постоянное появление новейших технологий [5].

В то же время, меняющийся под действием цифровых технологий мир открывает перед нами невиданные ранее возможности. Благодаря инновациям мы можем двигать вперед бизнес, науку, медицину и другие сферы. Применение современных технологий позволяет нам находить ответы на сложные вопросы, существенно улучшать качество человеческой жизни, способствовать развитию новых экономических отраслей и способствовать социальному прогрессу.

Эпоха цифровизации наметила путь к разработке персонализированных подходов к лечению, изучению болезней через анализ обширных массивов данных, прогнозированию эпидемий и упрощению доступа к здравоохранению благодаря онлайн-консультациям и телемедицине. С помощью искусственного интеллекта доктора могут точнее диагностировать, выявлять причины недугов, выбирать наиболее подходящие стратегии лечения и даже проводить хирургические вмешательства, проверяя на серьезность заболеваний [7].

В то же время, на фоне всех этих новаций, не теряет актуальности вопрос о сохранении человечности, этических принципов и уважения к человеческой личности. Одной из важнейших задач в этой новой реаль-

ности становится обеспечение кибербезопасности из-за растущих рисков кибератак, воровства данных и других цифровых угроз.

Цифровой мир открывает новые горизонты для философских раздумий о сущности человека, его взаимодействии с космосом, о значении жизненных ценностей. Он ставит перед нами кардинальные вопросы о смысле жизни, свободе сознания, пределах человеческой воли и будущем нашей цивилизации.

Технологии переформируют наше восприятие мироздания и нашу роль в нем – будь то прогресс в области искусственного интеллекта, квантовых вычислений или Интернета вещей. Эти перемены заставляют нас задуматься о том, что такое истинная свобода, каковы наши моральные долги и этические обязательства.

Сквозь линзу философии, цифровая революция предлагает нам темы для новых обсуждений о сущности человечности, о соприкосновении реального и виртуального миров, о самоопределении в эру биометрических и генетических технологий. Эти размышления направляют нас к осмыслению глубоких философских вопросов о смысле существования, осознании и предстоящем будущем.

Таким образом, цифровизация меняет не только наше ежедневную рутину, но и то, как мы воспринимаем окружающий мир, взаимодействуем с ним, наше представление о реальности и собственной идентичности. В этой новой эпохе важно не только следить за технологическими инновациями, но и понимать их влияние, задаваться глубокими вопросами и искать ответы, пересматривая привычные ценности и представления о мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виртуальный учитель: как ИИ меняет образование: – URL: <https://ai.gov.ru/mediacenter/virtualnyu-uchitel-kak-ii-menyuet-obrazovanie/> (дата обращения: 19.04.2024)
2. Дубровский, Д.И. Может ли интеллектуальный робот обладать этическими свойствами? / Д. И. Дубровский, А. Р. Ефимов, Ф. М. Матвеев // Вопросы философии. – 2022. – № 9. – С. 193-197.
3. Нужен ли этический кодекс искусственному интеллекту? URL: https://zavtra.ru/blogs/nuzhen_li_eticheskij_kodeks_iskusstvennomu_intellektu (дата обращения: 14.11.2022).
4. Резаев, А.В. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? = ChatGPT and AI in the Universities: An Introduction to the Near Future /А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова // ВысшееобразованиевРоссии. – 2023. – № 6. – С.19
5. Цифровая трансформация в России: итоги 2022 года и планы на 2023 год: – URL: <https://www.garant.ru/article/1605871/> (дата обращения: 19.04.2024)
6. Effects of Innovation and ICT on Structural Change and Productivity Growth: Insights from the latest KLEMS Dataset. URL: https://www.worldklems.net/conferences/worldklems2022/paper_Vu.pdf (дата обращения: 18.04.2024)
7. The impact of artificial intelligence on human society and bioethics // The National Library of Medicine: сайт. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7605294/> (дата обращения: 20.04.2024)

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА В ЦИФРОВОМ МИРЕ HYBRID WAR IN THE DIGITAL WORLD

Андреянов Кирилл Андреевич

студент 2 курса бакалавриата Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

Andreyanov Kirill Andreevich

2nd year undergraduate student at the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol

Аннотация: В статье рассматривается понятие гибридных войн, представляющих собой новые формы конфликтов, сочетающих в себе элементы традиционной военной борьбы, кибератак, информационной войны и неформальных методов взаимодействия. Также подчеркивается ключевая роль информационной войны, которая часто направлена на массовое манипулирование людьми через воздействие на их сознание.

Abstract: The article examines the concept of hybrid wars, which are new forms of conflicts that combine elements of traditional military warfare, cyber attacks, information warfare and informal methods of interaction. The key role of information warfare is also emphasized, which is often aimed at mass manipulation of people through influencing their consciousness.

Ключевые слова: гибридная война, информационная война.

Key words: hybrid war, information war.

Гибридные войны – это новая форма конфликтов, которая сочетает в себе элементы традиционной военной борьбы, кибератак, информационной войны и неформальных методов воздействия. Они отличаются от классических войн, таких как международные конфликты или гражданские войны, своими особенностями и стратегиями.

С начала XXI века информационные технологии прочно укоренились не только на уровне обыденных социальных отношений, но и стали одним из методов ведения гибридных войн.

Из всех составных частей гибридной войны информационный фактор выходит на первое место. Российские ученые отмечают, что войны такого вида сопровождаются использованием массовых манипулятивных технологий, применением направленного информационного воздействия на сознание людей с учетом их психологических, возрастных, гендерных и иных особенностей. Благодаря тому, что Интернет – сеть, не ограниченная определенным государством, «информационные войны» не проводятся в рамках определенных территорий, а распространяются на весь земной шар.

В современной науке существует большое количество подходов к трактовке информационных войн. Российский политолог И.Н. Панарин дает следующее определение: «Информационная война – комплексное воздействие на систему государственного и военного управления противостоящей стороны, на её военно-политическое руководство, которое уже в мирное время приводило бы к принятию благоприятных для стороны-инициатора информационного воздействия решений, а в ходе конфликта полностью парализовало бы функционирование инфраструктуры управления противника» [4, С. 284].

Сегодня термин «информационная война» используется в двух трактовках:

1. Для обозначения противоборства в информационной сфере и средствах массовой информации для достижения различных политических целей;

2. Как информационные военные действия, т.е. для обозначения военного противоборства в военной информационной сфере в целях достижения односторонних преимуществ при сборе, обработке и использовании информации на поле боя (в операции, сражении) [1].

Применительно к этому смысловому варианту информационной войны в США появилась концепция так называемой «дешёвой войны», сторонники которой утверждают, что «один миллион долларов и двадцать человек, проводя компьютерные атаки, могут обеспечить успех, сопоставимый с действиями многотысячной группировки войск» [7, С. 4].

Особая роль в политике многих государств сегодня отдается проведению информационных операций. Все это напрямую связано с нежеланием сторон развязывать широкомасштабные, кровопролитнее войны, а также с запретом на применение вооруженной агрессии для разрешения межгосударственных противоречий (ст. 2 Устава ООН).

Анализ действий наших геополитических противников показывает, что гибридная война против России ведется уже на протяжении длительного исторического периода, а информационная война представляет собой её важнейший компонент. [2, с.12] При этом ведущая роль отводится операциям психологической войны и непрямым средствам воздействия на экономику, поскольку прямая вооруженная агрессия против России, обладающей ядерным оружием, пока представляется маловероятной.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что в современных условиях «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе, путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [6].

В целом в рамках рассмотрения «информационных войн» и проанализировав теоретическую базу, можем выделить следующие ее типы: кибервойны, медиа войны и сетевые войны.

Медиа войны главной целью для себя ставят создание определенной «картины мира», необходимой для влияния на сознание людей. Субъектами в данном случае выступают различного уровня СМИ и новостные корпорации.

Говоря о кибервойне, отметим, что главной целью является решение военных целей и задач. Субъектами в данном случае выступают негосударственные структуры, осуществляющие похищение тайной информации, с целью дальнейшего ее использования. Основными методами ведения войны выступают распространение дезинформации, манипулирование СМИ, общественным мнением, кибератаки, внедрение вирусов и прочее.

Смешанным типом медиа- и кибервойн являются сетевые войны. Данный тип реализуется в рамках использования социальных сетей, так как является наиболее удобным средством передачи информации, влияния на общественное мнение и несанкционированного получения конфиденциальной информации. В апреле 2013 г. со взломанного аккаунта сотрудников агентства Associated Press в социальные сети попала ложная информация о ранении Барака Обамы.

Рассматривать «информационные войны» невозможно без изучения понятия «мягкой силы». В последнее время данное понятие приобрело наибольшую актуальность как за рубежом, так и в России. Появилось большое количество научных трудов, в которых проводятся параллели между «информационными», «гибридными войнами» и «мягкой силой».

Суть концепции заключается в применении методов «мягкой силы» и мирного воздействия в тех случаях, когда жесткие, военные методы неприемлемы или объективно невозможны. «Мягкая сила» призвана привлечь противника на свою сторону мирными, бескровными методами. Ориентирована она чаще всего на ценности, мифы, символы, идеи и тд.

Подводя итоги следует отметить, что «информационные войны» сегодня являются наиболее распространенным методом конфронтации среди государств. С целью недопущения тотальных жертв, разрушений инфраструктуры и военных потерь, международное сообщество стало использовать информацию, как метод влияния и достижения своих целей. В рамках гибридных войн, спектр инструментов ведения информационных войн достаточно широк: медиа войны, кибератаки, распространение дезинформации, сетевые войны и тд. При этом такого рода инструменты так же несут деструктивный характер и коренным образом влияют на имидж государств и тех, на кого они направлены, являясь «новым» видом оружия XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адаптивные стратегии информационной войны. – [Электронный ресурс]. URL: <https://nic-prib.ru/analytics/adaptivnye-strategii-informatsionnoivoivn/>.
2. Марков С.А. «Гибридная война» против России. – М.: – Алгоритм, 2015 – С. 12
3. Най Дж. 2004. «мягкая сила» и американо–европейские отношения. – Свободная мысль – XXI. – № 10. – С. 33–41.
4. Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. – С. 284.
5. Попов Е. Виртуальное покушение на Обаму подорвало веру в Интернет. 2013. –[Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1078900>.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 № 683. – [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/51129>.
7. Туляков О. Информационная война в планах Пентагона. Зарубежное военное обозрение. – № 11 (824). 11.2015. – С. 4.

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ЦИФРОВЫХ ЭКРАНОВ**PEOPLE IN THE WORLD OF DIGITAL SCREENS**

Габриелян Ашот Олегович

Аспирант, 1-й курс кафедры культурологии и социокультурного проектирования Института медиакоммуникаций, медиа-технологий и дизайна Крымского Федерального Университета им. В. И. Вернадского. Симферополь.

*Научный руководитель: кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и социокультурного проектирования Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна КФУ им. В.И. Вернадского **Андрющенко И. А.***

Gabrielian Ashot Olegovich

1st year PhD student of the Department of Cultural Studies and Socio-Cultural Design of the Institute of Media Communications, Media Technologies and Design of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky, Simferopol

*Scientific adviser: Candidate of Sciences in Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociocultural Design, Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V. I. Vernadsky CFU **Andryushchenko I.A.***

Аннотация: В статье рассматривается влияние цифровых экранов на современного человека и его повседневную жизнь. Освещается вопрос того, как экраны, будучи посредниками между человеком и информацией, формируют экранную культуру, оказывая значительное воздействие на когнитивные, эмоциональные и социальные аспекты жизни, что приводит к появлению нового типа человека – Homo Digitalis. Исследуется такое «медиа», как телефон, который фактически стал «внешним расширением» человека. Анализируются данные «экрannого времени» от международных и российских центров. Сопоставляются с данными автора, собранными в процессе собственного исследования. Статья также затрагивает тему «цифровой деменции» и уделяет внимание необходимости сохранения баланса между цифровым и реальным миром для поддержания эмоционального благополучия и социальной связанности человека.

Abstract: The article examines the impact of digital screens on modern man and his daily life. It addresses how screens, acting as intermediaries between people and information, shape screen culture, significantly affecting

cognitive, emotional, and social aspects of life, leading to the emergence of a new type of human – Homo Digitalis. The study investigates such «media» as the phone, which has essentially become an «external extension» of human. Author analyzes «screen time» from international and Russian agencies. They are compared with the author's data collected in the course of his own research. The article also touches on the topic of «digital dementia» and pays attention to the importance of maintaining a balance between the digital and real worlds to support human emotional well-being and social connectivity.

Ключевые слова: цифровой экран, экранное время, пользовательский интерфейс, экранная культура, культурная практика, информация, взаимодействие, Homo Digitalis, внешнее расширение человека.

Keywords: digital screen, screen time, user interface, screen culture, cultural practice, information, interaction, Homo Digitalis, external human extension.

Современный мир стал свидетелем бурного развития цифровых технологий и повсеместного применения цифровых «экранов». Экран в наше время служит окном в цифровой мир, играя ключевую роль во взаимодействии человека с виртуальным, по-своему реальным внешним миром.

Важная философско-культурологическая проблема заключается в том влиянии, которое оказывают цифровые экраны на человека и то, как человек отвечает на это, осознанно, либо не осознанно.

С появлением графического пользовательского интерфейса (Graphical User Interface – GUI) цифровые экраны обрели новое измерение интерактивности. Используя символы, пиктограммы и меню, GUI сделал использование компьютеров доступным для широкой аудитории, сблизив физическую и виртуальную реальность через знакомые образы и понятные инструменты управления. Это привело к революции в области дизайна интерфейсов, где удобство и интуитивность стали приоритетами. Начиная с 1980-х годов, экраны стали неотъемлемой частью повседневной жизни, позволяя пользователям легко и эффективно выполнять рабочие обязанности, получать новые знания и отдыхать.

В настоящее время экраны становятся все более адаптивными и многофункциональными. Сенсорные экраны, например, позволяют пользователям взаимодействовать с устройствами непосредственно, касаясь и свайпая по поверхности. Это добавляет еще один уровень удобства и скорости, позволяя быстро переключаться между задачами и приложениями. Разработчики интерфейсов постоянно ищут новые способы улучшения взаимодействия с экраном, добавляя управление жестами в виртуальную и дополненную реальности, которые предлагают еще больший уровень погружения и вовлечения. Так, в новом шлеме VisionPro от Apple экран покрывает всю видимую область зрения и переносит пользователя в мир augmented и virtual реальности. Несколько камер направлены на зрачки и наблюдают за их движением, остальные камеры направлены во внешнюю среду и фиксируют все, что происходит снаружи. Мощные

аппаратные возможности соединяют все эти данные в единую картинку и позволяют внедрить в привычный физический мир элементы цифрового интерфейса, с которыми можно взаимодействовать на уровне жестов. Находясь в обычной комнате, вы можете «подвесить» несколько «окон». В одном будет проигрываться видео, в другом открыт текстовый документ, а в третьем вы будете просматривать материал в браузере. В любой момент вы можете сжать указательный и большой пальцы, а затем перетянуть «окно» в другую комнату и оставить его там. Фактически это новый культурный опыт, культурная практика, которая предложена создателем технологии и устройства, при этом закрепляется на мышечном, физиологическом уровне.

Как мы можем наблюдать, экран, как источник информации продолжает эволюционировать, предлагая все более сложные с технологической стороны, но одновременно интуитивно понятные и удобные способы взаимодействия.

С конца XX века начала формироваться цифровая экранная культура, которая оказывает глубокое влияние на когнитивные, эмоциональные и социальные аспекты жизни. Экраны, будучи посредниками между человеком и информацией, не только изменяют повседневность, но и формируют сознание и межличностные отношения.

Дисплеи часто являются излучателями информационного шума. В когнитивном плане экранная культура способствует развитию новых навыков обработки информации. Мы учимся быстро переключаться между задачами, фильтровать и фрагментировать потоки данных. Одновременно «клиповость» приводит к уменьшению способности к глубокому погружению в одну тему и к ухудшению долгосрочной концентрации.

В эмоциональном отношении экранная культура создает новые формы выражения и переживания чувств. Социальные сети и мессенджеры позволяют мгновенно делиться эмоциями, но приводят к их стандартизации и упрощению, когда мы начинаем оценивать сложные эмоциональные переживания через количество реакций и комментариев.

В социальном контексте новая культура трансформирует способы общения. Виртуальные коммуникации могут поддерживать связи на расстоянии, но также могут снижать качество реальных взаимодействий и уменьшать уровень эмпатии, поскольку мы становимся менее вовлеченными в непосредственные человеческие контакты.

Все эти процессы приводят к появлению нового типа человека – «цифрового Homo Sapiens», а именно Homo Digitalis. «Современный человек Homo Digitalis конструирует картину мира, постоянно находясь в гибридной реальности, образованной сосуществующими онлайн и офлайн повседневностями» [3]. В другом источнике мы сталкиваемся со следующим: «В современной цифровой среде человек является «распределен-

ным» – он фрагментарно представлен в различных коммуникативных ситуациях, в различных цифровых файлах, распределен между «онлайн» и «офлайн» миром» [4].

Новые устройства становятся продолжением человека, его «внешними расширениями». М. Г. Маклюэн в своей работе «Понимание медиа: Расширения человека» рассматривал медиа как ключевой фактор, формирующий общество и культуру. По его мнению, «медиа» – это все внешние расширения человека – от одежды и часов до стиля жизни. Они опосредованно проецируют отношение человека к миру, «продлевая» самого человека в физическом, социальном и культурном пространствах [1].

Ярким примером такого «медиа» и «расширения» является телефон, с экраном которого человек практически не расстаётся, а при расставании чувствует себе «неполноценным». Данные Департамента народонаселения ООН показывают, что на Земле, по состоянию на январь 2024 года, проживает 8,08 миллиарда человек. Количество уникальных пользователей мобильных телефонов составляет 5,61 миллиарда [5]. Последние данные показывают, что 69.4% от общего числа населения мира теперь используют мобильные устройства. Больше 66% людей на Земле пользуются интернетом [6]. Количество активных пользователей социальных сетей превысило 5 миллиардов, что составляет 62.3% населения мира.

Среднее количество времени «проводимого в экране» на всех видах устройств составляет 6 часов 57 минут, что составляет 44% времени бодрствования. 53% времени приходится на мобильные девайсы, а 47% на все остальные. Чем младше поколение, тем больше времени оно проводит в своих гаджетах, а чем оно старше – тем меньше. Количество времени варьируется от страны к стране и зависит в том числе от культурных особенностей, так, например в Южной Африке оно составляет 10 часов 46 минут, а в Японии 4 часа 25 минут. Менее половины времени, проведенного у экрана люди считают продуктивными. 41% людей считают управление временем, проводимым у экрана, сложной задачей.

По данным компании Mediascope в России на потребление видео контента приходится 20% времени, на мессенджеры и социальные сети по 16% [2].

Для того, чтобы сопоставить данные исследовательских центров и дать ответы на важные проблемы, мы провели анкетирование с закрытыми и открытыми вопросами, что позволило собрать сначала субъективные данные, а затем попросили респондентов загрузить скриншоты «экранного времени», что открыло нам доступ к объективным данным. Предметом исследования стало «экранное время», которое человек проводит непосредственно в телефоне. Телефон с человеком фактически везде. Он с ним просыпается и засыпает, завтракает, обедает и ужинает. Человек использует его в работе, на отдыхе и везде, где это только возможно.

В процессе анализа результатов собранных данных выяснилось, что люди не так хорошо ощущают время, проводимое в телефоне, как об этом сами думают. Так, в среднем фактически проведенное время в телефоне

на 28% больше, чем человек его ощущает. При этом наибольшая разница составила 250% в сторону недооценки. Среднее время, которое респонденты проводят в телефоне, составляет 6 часов 10 минут. При этом время, проводимое молодыми людьми до 35 лет выше, чем у старшего поколения, на 15%. Наибольшее время составило 11 часов, наименьшее 2 часа.

При анкетировании у респондентов стояла задача выписать 3 наиболее часто используемых приложения, но при сопоставлении с фактическими данными у 36 % они не совпали. В первой тройке самых популярных приложений: Telegram 18,9%, Youtube 13,8%, VK 13,3%. По количеству проводимого времени: Telegram 22,7%, Youtube 22,6%, VK 18,9%. В среднем на первое приложение из всех трех тратиться 55% времени, на второе 31%, на третье 16%. После использования телефона респонденты замечают за собой: усталость 35%, расфокусированность 20%, боль в глазах 30%, снижение внимания 30%, ухудшение памяти 8%, агрессивность 3%. Отказаться от использования телефона от 1 до 3 дней в неделю смогут 62%, не смогут 38%.

В процессе также выяснилось, что 37% респондентов планируют свою жизнь на 1 день вперед, 33% на месяц, 21% на 1 год, 5% на 10 лет и только 1% на 30 лет.

Сопоставив данные, мы пришли к следующим выводам. «Экранное время» только в телефоне, по нашим результатам, сопоставимо со временем, которое человек проводит за всеми устройствами, согласно международным исследованиям, 6 часов 10 минут, против 6 часов 57 минут. По нашим наблюдениям это связано с тем, что в реальном контексте человек использует телефон «на фоне» одновременно работая за другими устройствами, такими как планшет или ноутбук. Время просмотра видео, общения в мессенджерах и социальных сетях отлично от данных Mediascore от 2 до 7%, что можно считать незначительным отклонением учитывая пропорциональное соответствие. 70% респондентов не планируют свою жизнь дальше, чем на месяц вперед, будто бы скрываясь от своего будущего в экранах своих гаджетов.

Человек стал проводить в экране больше 44% времени бодрствования. При этом полезным он считает не больше половины этого времени. У большинства респондентов наблюдаются негативные психофизиологические последствия такие как расфокусированность, усталость, боль в глазах и снижение внимания. Проявляются признаки «цифровой деменции», явления при котором происходит ухудшение когнитивных функций, таких как память, внимание и способность к концентрации. Эти процессы на биологическом уровне влияют на мозг перестраивая его под новые реалии жизни в цифровом мире.

Итак, экраны насыщают жизнь большим объемом визуальной информации, часто избыточной и бесполезной. Теряется сама ценность инфор-

мации, ее качественная составляющая. Человек ежедневно теряет часы за просмотром видеороликов, поверхностным общением в социальных сетях, мессенджерах, в играх. Компании вкладывают большие ресурсы в поведенческий дизайн, делая все для удержания внимания пользователя, манипулируя им в обход его сознания.

Все это приводит к фрагментарности мышления, снижению качества живой коммуникации, прокрастинации, потере осознанности и ослаблению связи с реальным миром. И что самое важное, ведет к изменениям самого человека.

Важно осознавать влияние экранной культуры на нашу жизнь и стремиться к сохранению баланса между цифровым и реальным миром, использованию полезного и отказу от бесполезного информационного потребления. Это позволит нам сохранить внутреннее «я», эмоциональное благополучие и социальную связанность в эпоху всеобщей цифровизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маклюэн Г. М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. – Москва: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
2. *Наталья Бороздина* Медиапотребление и e-commerce в России / Бороздина Наталья. – электронный // Mediascope: – URL: https://mediascope.net/upload/iblock/4fe/y85jka001645h8f5qaw2zd52fhxrz4x3/Ecom%202024_Mediascope.pdf (дата обращения: 30.04.2024).
3. *Рягузова Е. В.* HomoDigitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – № 3. – С. 320-325.
4. *Труфанова Е. О.* Человек в цифровом мире: «распределенный» и целостный // Вестник Пермского Университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – № Вып. 3. – С. 370-375.
5. Digital 2024: Global overview report. – электронный// Datareportal– URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 30.04.2024).
6. Internet research and expert analysis. – электронный // GSMA Intelligence:– URL:<https://www.gsmaintelligence.com> (дата обращения: 30.04.2024).

УДК 332.025

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УСЛУГ**
**SOCIAL CONSEQUENCES OF DIGITALIZATION OF PUBLIC
AND MUNICIPAL SERVICES**

Захаров Никита Игоревич

Аспирант 1 курса, научная специальность 5.1.2 Публично-правовые (государственное-правовые) науки, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Zakharov Nikita Igorevich

1st year graduate student, scientific specialty 5.1.3, Public law (state legal) sciences, Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Карабыков Антон Владимирович

д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии.

Karabykov Anton Vladimirovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal, V.I. Vernadsky University, Full Professor of the Department of Philosophy

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы актуальности и понятие цифровизации государственных и муниципальных услуг. Автором описаны особенности влияния на социум и социальные последствия цифровизации государственных и муниципальных услуг.

Abstract: The article discusses issues of relevance and the concept of digitalization of state and municipal services. The author describes the features of the impact on society and the social consequences of the digitalization of state and municipal services.

Ключевые слова: государственные услуги, муниципальные услуги, цифровизация, социум, социальные последствия.

Keywords: public services, municipal services, digitalization, society, social consequences.

В современных реалиях все больше наблюдается тенденция ориентира на использование цифровых технологий во всех сферах жизни. Государственные и муниципальные услуги – не исключение. Актуальность темы цифровизации государственных и муниципальных услуг подтверждается значительным влиянием на социальные процессы.

Цифровизация государственных и муниципальных услуг – процесс перехода к предоставлению этих услуг с использованием цифровых технологий, который предполагает автоматизацию и упрощение процедур, связанных с получением различных государственных и муниципальных услуг, путем использования интернета, электронной почты, мобильных приложений и других цифровых инструментов [1].

Одной из основных целей цифровизации государственных и муниципальных услуг является увеличение доступности и удобства получения таких услуг для граждан. Все больше государственных и муниципальных организаций разрабатывают собственные интернет-порталы и мобильные приложения, на которых граждане могут зарегистрироваться, получить информацию о доступных услугах, а также подать заявление или заполнить необходимые документы онлайн. Такой подход устраняет необходимость посещать государственные учреждения лично и ждать в очередях, что значительно экономит время и снижает уровень стресса.

Возможность подачи заявлений и оплаты услуг онлайн значительно минимизирует контакты граждан с работниками государственных и муниципальных предприятий, и, соответственно, вероятность возникновения коррупционных преступлений. Кроме того, цифровые системы также облегчают контроль со стороны государства и позволяют автоматически отслеживать и регистрировать все операции, связанные с предоставлением государственных и муниципальных услуг.

Основным положительным влиянием цифровизации государственных и муниципальных услуг на социум является повышение доступности и удобства получения государственных и муниципальных услуг. С помощью различных онлайн-сервисов гражданам становится проще и быстрее получать необходимую информацию, подавать заявления и документы, оплачивать налоги и сборы. Благодаря этому, люди могут экономить свое время и усилия, что особенно важно для работающего населения и тех, кто не может физически посетить государственные органы или муниципальные учреждения [3].

Еще одним преимуществом цифровизации государственных и муниципальных услуг является повышение прозрачности и открытости государственных органов и муниципальных учреждений перед гражданами. С учетом доступа к информации, граждане могут получать полную и достоверную информацию о решениях, принимаемых в государстве и муниципалитете, о структуре и деятельности государственных органов и муниципальных учреждений. Все это помогает укрепить доверие граждан к государственной власти и повысить эффективность ее работы.

Однако, несмотря на все положительные аспекты, цифровизация государственных и муниципальных услуг также создает определенные социальные проблемы. В первую очередь, это относится к так называемому «цифровому неравенству». Не все граждане обладают достаточной информационной грамотностью и доступом к интернету, чтобы восполь-

зоваться цифровыми сервисами. Следовательно, возникает социальная стратификация граждан по отношению к цифровым ресурсам [2].

Кроме того, цифровизация государственных и муниципальных услуг может привести к усилению контроля со стороны государства и муниципальных органов над гражданами. При использовании онлайн-сервисов отслеживание и контроль возможностей государства и муниципалитета увеличивается и оказывает влияние на приватность граждан и их личные данные. В связи с чем у граждан возникают определенные опасения, связанные с утечкой персональных данных.

В целом, цифровизация государственных и муниципальных услуг оказывает значительное влияние на социум, которая повышает доступность, удобство и прозрачность взаимодействия граждан с государством и муниципалитетом. Однако, необходимо учитывать и потенциальные социальные проблемы, такие как цифровое неравенство и усиление контроля со стороны государства.

Первое и, пожалуй, самое важное социальное последствие цифровизации государственных и муниципальных услуг заключается в повышении доступности и удобства для граждан. Онлайн-сервисы и электронные порталы позволяют людям получать необходимую информацию и оформлять различные документы, не выходя из дома. Это особенно важно для людей с ограниченными физическими возможностями, пожилых людей и тех, кто живет в отдаленных районах. Цифровизация государственных и муниципальных услуг сокращает время и усилия, затрачиваемые на обращение в офисы и ожидание в очередях, а также минимизирует риски потери или повреждения документов.

Вторым важным социальным последствием является улучшение качества обслуживания. Благодаря автоматизации и использованию современных информационных технологий, процессы обработки и предоставления услуг становятся более эффективными и прозрачными. Граждане могут отслеживать статус своего обращения, получать уведомления о ходе работы и быстро реагировать на возникающие проблемы. В результате сокращается количество ошибок и задержек сотрудников государственных и муниципальных органов, что ведет к повышению удовлетворенности граждан и улучшению их взаимодействия с государственными и муниципальными структурами.

Третьим социальным последствием является увеличение прозрачности и борьбы с коррупцией. Введение систем электронного документооборота и электронного голосования, а также использование блокчейн-технологий позволяют свести к минимуму возможность манипуляций и злоупотреблений должностными полномочиями. Граждане и организации получают возможность доступа к открытой информации о работе государственных и муниципальных органов, что способствует повышению ответственности власти и контролю со стороны общественности.

Однако, несмотря на все положительные социальные последствия, цифровизация государственных и муниципальных услуг также может создавать определенные проблемы и неравенства. Некоторые категории населения, особенно пожилые люди и малообразованные группы, могут испытывать сложности с использованием новых технологий и обращением в онлайн-сервисы. Это может привести к усилению эксклюзии и искажению равных возможностей доступа к государственным и муниципальным услугам [4].

В связи с этим, реализация цифровизации должна сопровождаться проведением образовательных программ и организацией бесплатной консультационной поддержки для людей с ограниченными навыками в области информационных технологий.

Таким образом, вместе с преимуществами цифровизации существуют и ряд проблем и ограничений, которые следует учитывать. Прежде всего, необходимо гарантировать доступность онлайн-сервисов для всех слоев населения, в том числе для тех, кто не имеет доступа к современным технологиям или имеет ограниченные навыки их использования. Неравенство в доступе к цифровым услугам может привести к исключению определенных групп населения из государственных и муниципальных программ.

Кроме того, цифровизация может повлечь за собой риск утечки и несанкционированного использования персональных данных граждан. Государство и муниципалитеты должны обеспечить высокий уровень защиты цифровых систем и информации, чтобы предотвратить возможные последствия злоупотреблений с данными.

Также необходимо учитывать, что для ряда граждан личное общение с сотрудниками государственных и муниципальных учреждений имеет особо важное значение. Цифровизация может лишить людей такой категории возможности лично пообщаться с представителями власти и, как следствие, вызвать недоверие к цифровым сервисам.

Цифровизация государственных и муниципальных услуг обладает как положительными, так и отрицательными социальными последствиями, которая повышает доступность и эффективность государственных услуг, однако требует учета различных ограничений и проблем, таких как неравенство в доступе и риск нарушения конфиденциальности данных. Государственным и муниципальным органам необходимо продолжать совершенствовать цифровые системы, чтобы в дальнейшем гарантировать равные возможности доступа к их использованию для всех граждан. Как следствие, цифровизация государственным и муниципальных услуг станет действительно полезным и эффективным инструментом в сфере государственного и муниципального управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богославцева Л.В.* Современная парадигма финансового обеспечения цифровизации государственных и муниципальных услуг населению // Финансовые исследования. 2022. №1 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-paradigma-finansovogo-obespecheniya-tsifrovizatsii-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-uslug-naseleniyu> (дата обращения: 01.05.2024).
2. *Костина С.Н.* Цифровизация государственных и муниципальных услуг на региональном уровне: кейс Свердловской области // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. №3 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-uslug-na-regionalnom-urovne-keys-sverdlovskoy-oblasti> (дата обращения: 30.04.2024).
3. *Лясковская Е.А., Григорьева К.М., Халилова Г.Р.* Цифровизация государственного и муниципального управления в субъектах Российской Федерации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-gosudarstvennogo-i-munitsipalnogo-upravleniya-v-subektah-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 01.05.2024).
4. *Санталова М.С., Соклакова И.В., Бор В.Н., Ермилина Д.А.* Использование цифровых технологий для расширения перечня и повышения качества государственных и муниципальных услуг // Экономические системы. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsifrovyyh-tehnologiy-dlya-rasshireniya-perechnya-i-povysheniya-kachestva-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-uslug> (дата обращения: 02.05.2024).

**ЭТИКА СОЗДАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ
АВТОНОМНОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

**THE ETHICS OF CREATING AND USING ARTIFICIAL
INTELLECT: ES OF AUTONOMY AND RESPONSIBILITY**

Максимов Глеб Сергеевич

г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, аспирант кафедры физики конденсированных сред, физических методов и информационных технологий в медицине

Maksimov Gleb Sergeevich

Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Postgraduate student of the Department of Condensed Matter Physics, Physical Methods and Information Technologies in Medicine.

*Научный руководитель – Гарбузов Дмитрий Викторович
д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии.*

Garbuzov Dmitry Viktorovich *Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Full Professor of the Department of Philosophy*

Аннотация: Искусственный интеллект (ИИ) становится все более важным и влиятельным аспектом современной технологической эры. Он проникает во все сферы жизни, от автоматизации производства до разработки медицинских диагностических систем. Однако вместе с его возможностями возникают и важные этические вопросы, связанные с его созданием и использованием. В работе рассматриваются проблемы автономности и ответственности в контексте этики искусственного интеллекта.

Abstract: Artificial Intelligence (AI) is an increasingly important and influential aspect of today's technological age. It is penetrating all areas of life, from the automation of industry to the development of medical diagnostic systems. However, along with its possibilities come important ethical questions related to its creation and use. This paper examines the problems of autonomy and responsibility in the context of the ethics of artificial intelligence.

Ключевые слова: искусственный интеллект, автономность, ответственность.

Keywords: artificial intelligence, autonomy, responsibility.

Использование искусственного интеллекта в повседневной жизни вызывает множество этических вопросов, которые с каждым годом стано-

вятся всё острее. В марте 2023 г. некоммерческая организация Future of Life опубликовала открытое письмо [1] за подписью главы Tesla, SpaceX и Twitter И. Маска, одного из создателей Apple С. Возняка, сооснователя Pinterest Э. Шарпа, одного из основоположников нейросетей Д. Хинтона и др. Все они настаивают на перерыве в исследованиях до появления общих протоколов безопасности из-за возникших больших рисков для общества. Среди них проблемы приватности и безопасности личных данных, гонка вооружений в сфере искусственного интеллекта, невозможность отличить правдивую информацию от ложной в сети Интернет и др. [2].

Выработка принципов и стандартов, которые помогут обеспечить безопасность и этичность использования ИИ, чрезвычайно важна для дальнейшего развития этих технологий. Первым вопросом, который необходимо рассмотреть в контексте этики искусственного интеллекта является проблема автономности ИИ. Автономность относится к способности системы принимать решения и действовать независимо от внешнего вмешательства. В контексте ИИ, это может означать способность самостоятельно обрабатывать информацию, извлекать знания из данных и принимать решения на основе своего алгоритма работы. Однако возникает вопрос: насколько мы должны доверять автономным системам искусственного интеллекта? Существует опасность, что автономные системы ИИ могут принимать решения, которые не соответствуют нашим этическим принципам или могут привести к нежелательным последствиям.

Например, в медицинской сфере автономные системы ИИ могут дать неправильные диагнозы или рекомендации лечения, что может нанести вред пациентам. Программы работают по сложной системе анализа данных, что лишает большинства понимания, как ИИ принимает решения. Возникает ощущение потери контроля. Люди предпочитали полагаться на свой опыт, а не на ИИ, за которым не могли следить в режиме реального времени.

Казалось бы, искусственный интеллект должен работать и принимать решения с холодным разумом как любая машина. Однако его создатели являются обладателями когнитивных искажений, которые невольно наследуют разрабатываемые системы, что способствует появлению предвзятостей в алгоритмах. Их исключение – одна из сложностей при использовании ИИ. Информация, которая поступает в систему, должна быть неискаженной, достоверной, а главное – не содержать в себе предубеждения. Некорректная работа алгоритмов может привести к дискриминации или несправедливым решениям в отношении человека.

Известный случай дискриминации, связанной с использованием ИИ, произошел в 2018 году в США [3]. Выяснилось, что алгоритм системы судейства при определении размера залога для подозреваемых в правонарушениях оказался пристрастным к афроамериканцам.

Процессы принятия решений ИИ должны быть прозрачными, чтобы существовала возможность отслеживать его действия и своевременно выявлять проблемы в функционировании. Однако некоторые алгоритмы могут быть слишком сложными для понимания человеком. В таких случаях возникает проблема контроля ИИ. Таким образом, вопрос автономности ИИ неизбежно приводит нас к проблеме ответственности в создании и использовании искусственного интеллекта. Какие должны быть меры контроля и надзора над автономными ИИ, чтобы обеспечить их безопасное и этичное использование? Кто несет ответственность за действия автономных систем ИИ: разработчики, владельцы, операторы или сами системы?

В настоящее время законодательство не признаёт ИИ субъектом права и не предусматривает его ответственности за возможные происшествия. Создатель ИИ владеет алгоритмами, но результат, полученный в результате их использования, может оказаться непредсказуемым. Итог работы алгоритма сильно зависит от входных данных, и разработчик не всегда может гарантировать его точность. В такой ситуации необходимо определить, кто несет ответственность. Некоторые предлагают внедрение строгих нормативных стандартов и лицензирование для всех систем ИИ, чтобы обеспечить их соответствие этическим принципам и нормам. Другие считают, что разработчики и владельцы должны нести ответственность за действия искусственного интеллекта, а также обеспечить прозрачность и открытость в использовании этих систем.

Этические нормы и ценности, сформулированные в 13 из «23 принципов искусственного интеллекта» на Асилмарской конференции в 2017 году, отразились в корпоративных нормах ряда компаний, чья деятельность связана с разработкой ИИ. С 1 июля 2020 года в Москве проводится пятилетний эксперимент, направленный на разработку и внедрение технологий ИИ для заинтересованного бизнеса. Ранее ИИ не регулировался законодательно. Закон 123-ФЗ от 24 апреля 2020 года устанавливает в Москве специальный правовой режим в сфере ИИ [4]. В нём указаны требования по защите персональных данных граждан и использования псевдоданных, собираемых в режиме анонимности. В частности, допускается обработка обезличенных персональных данных граждан для реализации эксперимента. Цель этого экспериментального правового режима – повышение качества жизни населения, эффективности государственного управления и деятельности бизнеса в ходе внедрения технологий ИИ. А также формирование комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием ИИ. Эксперимент позволит создать правовую базу для этого. В 2021 году в рамках I международного форума «Этика искусственного интеллекта: начало доверия» был принят российский «Кодекс этики в сфере ИИ» [5]. Необходимость выработки этических норм и нормативного регулирования для ИИ прописана в «Национальной стратегии развития искусствен-

ного интеллекта на период до 2030 года» [6]. В «Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года», [7], сказано, что развитие технологий искусственного интеллекта и робототехники (РТ) должно основываться на базовых этических нормах и предусматривать: цель обеспечения благополучия человека должна преобладать над иными целями разработки и применения систем ИИ и РТ; запрет на причинение вреда человеку по инициативе систем ИИ и РТ и т.п. Тем не менее, решение этической проблемы создания и использования ИИ не так просто, учитывая динамичный и быстроразвивающийся характер технологий ИИ.

В заключение, проблемы автономности и ответственности в создании и использовании искусственного интеллекта представляют собой сложные и многогранные этические вопросы, которые требуют внимательно-го и обоснованного подхода. Необходимо разработать эффективные механизмы контроля и регулирования, которые бы обеспечили безопасное и этическое использование ИИ, а также учитывали интересы и ценности общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter: [Электронный ресурс]. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (Дата обращения: 06.04.2024).
2. Этика в сфере ИИ или новые вызовы человечеству в XXI веке: [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/articles/795365/> (Дата обращения: 06.04.2024).
3. И. Сычев. Этика и безопасность искусственного интеллекта: [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/companies/inferit/articles/745230/> (Дата обращения: 07.04.2024).
4. Федеральный закон. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования... [Электронный ресурс]. URL: 123-ФЗ от 24 апреля 2020.pdf. (Дата обращения: 07.04.2024).
5. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта: [Электронный ресурс]. URL: Кодекс_этики_20_10_1.pdf (a-ai.ru) (Дата обращения: 07.04.2024).
6. О развитии искусственного интеллекта: [Электронный ресурс]. URL: Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 Президент России (kremlin.ru). (Дата обращения 08.04.2024).
7. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/> (Дата обращения: 08.04.2024).

УДК 316.6:316.485.6

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕДИАЦИИ SOCIO-PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF MEDIATION

Рукавишников Артур Сергеевич

аспирант кафедры философии, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Rukavishnikov Artur Sergeevich

Postgraduate student of the Department of Philosophy, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadsky University

*Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Института «Таврической академии» Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, **Зыщик Е.Б.***

*Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute «Tavrida Academy» of the Crimean Federal V.I. Vernadsky University named, **Zyshchik E.B.***

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются разные социально-психологические аспекты процедуры медиации. Указана важность самооценки каждой из сторон, рассмотрена возможность излишне завышенных или заниженных ожиданий сторон.

Annotation: This article discusses various socio-psychological aspects of the mediation procedure. The importance of self-assessment of each party is indicated, and the possibility of unnecessarily high or low expectations of the parties is considered.

Ключевые слова: медиация, психологические основы медиации, посредник.

Keywords: mediation, psychological foundations of mediation, mediator.

Вопрос самооценки личности очень важен в контексте переговоров о посредничестве. Данное правило используется и в отношении процедуры медиации. Сам процесс переговоров обычно связан с желанием «сохранить лицо» для каждой из сторон, которая участвует в процедуре медиации. Это так называемые «проблемы нарциссизма», и далеко не всегда подобное состояние связано с патологией.

С точки зрения психологии, те стороны, которые выбирают для себя процесс посредничества, проходят стадию нарциссизма для поиска под-

ходящего решения. В момент начального этапа процедуры стороны стоят перед собой самые высокие задачи.

Однако, если стороны не нашли общий язык, то сторонам для поиска компромисса все же нужно пересмотреть свой взгляд на исход переговоров. Получается, что способность опустить ситуацию также является важнейшим аспектом психологии посредничества.

В критические моменты посреднику тоже, возможно, придется освободиться от чувства нарциссической заинтересованности в результате. Таким образом, польза посредников часто будет зависеть от того, в какой степени стороны научились решать проблемы личности и идентичности не только в других, но и в самих себе.

В данном контексте имеет определенное значение психоаналитическая теория развития чувства себя и идентичности. Психоаналитическая теория развития последовательно признает, что развития правильного отношения людей к жизни приводит к их объективному восприятию чувства реальности. Те люди, которые отличаются объективностью в осознании себя и других, способны добиться большего успеха в посредничестве.

Другая важная тема – это зеркальное отражение процесса переговоров, когда человек отражает происходящее собственным поведением. Наличие зеркального отражения действий других лиц, коррекция своего поведения на основании поведения других лиц, человек приходит к осознанию себя, осознает собственное место в мире.

Как указывают Хайнц Кохут и Эрнест Вольф, степень самоощущения может быть разной у разных людей¹. Люди нарциссического склада часто имеют преувеличенное мнение о себе, также у них нет четкого мнения в отношении других людей. Один человек может сам справиться с возникшим конфликтом, а другому человеку сделать это гораздо сложнее. Исследования, которые проводятся в области социальной психологии, в полной мере подтверждают данную мысль. Также они показывают, что у людей с нарциссическими наклонностями выше вероятность агрессивных действий.

Анализ поведения людей с нарциссическими наклонностями показывает, что такие эмоции, как гнев и враждебность, которые проявляет одна из сторон в ходе медиации, выступают как защитная реакция. При обращении к посредническим услугам большое значение имеют нарциссические свойства личности, и то превосходное мнение о себе, которое при этом возникает. Так, после чрезмерной самоуверенности человека может наступать разочарование.

Также в случае посредничества большое значение могут иметь духовные аспекты погашения конфликтов. Большое значение при этом имеет

¹ Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб., 2022. С.92

обращение сторон к собственным проблемам и путям их решения – это позволяет найти путь к компромиссу.

Если одна из сторон чувствует, что ее позиции уязвлены, и другая сторона обращается с ней неправильным образом, она имеет возможность сообщить другой стороне – вербальным и иного рода образом, что ее положение на самом деле не определяется только результатами посреднической процедуры. Важно, чтобы стороны принимали решение не в соответствии с поведением других людей, а в соответствии с собственными ожиданиями.

Тот факт, что посредник часто понимает, как решать личностные и иные проблемы сторон, выступает в качестве важного условия процедуры посредничества. На практике эффективное решение проблем возможно при работе на психологическом и более глубоком – подсознательном уровне. Проработка на психологическом уровне означает, что во время медиации рассматриваются проблемы личности и идентичности человека. Также важно уметь работать с нарциссической защитой – например, с проявлениями агрессии. Не менее важно знать, как люди составляют проекцию на действия других людей. В результате человек начинает понимать собственные реакции и начать искать баланс.

В ходе процедуры медиации стороны ощущают присутствие медиатора на вербальном и невербальном уровне. Они осуществляют сканирование присутствия посредника, определяют его сильные и слабые стороны. Этот процесс достаточно скоротечен. Как пишет Дэниэл Стерн, «чтобы определить функциональную основу поведения, человеку требуется от 5 до 10 секунд»¹. Стерн называет эту короткую «единицу процесса» «настоящим моментом» или «психологическим настоящим»² в переговорах.

Искусство посредничества развивается достаточно быстрым образом, наибольшее значение имеют отдельные моменты посредничества. Профессор Рискин предложил для того, чтобы подготовить медиаторов к максимально быстрой настройке на свою деятельность, применять буддистские практики. При использовании практики осознанности человек остается «осознающим, от момента к моменту, без осуждения, свои телесные ощущения, мысли, эмоции и сознание»³. Данная форма рефлексии помогает в конфликтных ситуациях.

Практика осознанности своих действий имеет большое значение в контексте идентичности, однако важно использовать ее надлежащим образом. Важно, чтобы стороны осознали свои чувства, мысли, собственные недостатки, определили свои позиционные убеждения. Благодаря этому они могут быть более нейтральными в ходе переговоров. Когда та-

¹ Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.; М., 2022. С.53

² Носырева Е.К. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США. М., 2021. С.104

³ Moore Ch.W. Mediation process. San-Francisco, 1986. P.77

кое происходит, стороны начинают относиться к посреднику как к человеку, от которого можно получить поддержку, чьи решения объективны.

При посредничестве правило взаимных уступок может быть нарушено, если сторона, готовая идти на уступки, встречается со стороной, которое на такие предложения достаточно скупа. Поэтому посредники должны сделать все, чтобы стороны лучше подходили к процессу переговоров, поскольку слишком щедрое предложение способно нарушить процесс переговоров, когда стороны проверяют друг друга на готовность прийти к взаимовыгодному решению.

Важно соблюдение нейтральности, когда это возможно, и деликатности в действиях посредника. Ряд посредников перед предоставлением услуг спрашивают представителей сторон о том, готовы ли они проявить максимальную непредвзятость и постараться понять точку зрения другой стороны.

Но, когда стороны не могут прийти к согласию, переговоры становятся сложнее. Посредник может задавать следующие вопросы: «Что делает большинство людей?» «Что делают суды в подобных ситуациях?»¹

Ответы на данные вопросы не так просты, как кажется. В каждом случае взаимодействие со сторонами является уникальным, как и условия для нахождения компромисса.

Процедура медиации подразумевает возможность обращения к опытному и беспристрастному специалисту, который поможет сторонам выработать общую позицию. Если услуги посредника к результату не привели, и у сторон возникают судебные издержки, то при повторной процедуре медиации они уже менее склонны к компромиссу.

Даже если процедура посредничества не привела к договоренности сторон, возможны телефонные переговоры или последующая встреча. Иногда сторонам требуется дополнительное время, чтобы обдумать свои варианты и альтернативы. Однако опыт показывает, что, когда посредничество заходит в тупик, возможность урегулирования часто теряется или ее трудно восстановить. Второй шанс, может, таким образом, мотивировать решение сторон.

Обычно люди видят мир через призму, которая неизбежно искажает их интерпретацию таким образом, что это может повлиять на процесс посредничества. Посредники могут в некоторой степени противодействовать эффекту этих искажений, если они их понимают. К счастью, познавательная психология может помочь снять фильтры, которые мешают всем – и сторонам, и адвокатам, и посредникам – видеть мир с большей объективностью.

¹ Бесемер Х. Медиация: Посредничество в конфликтах. Калуга, 2022. С.48

Далее – даже если сторона и отмечает у себя недостатки в плане ведения переговоров, она может считать, что другая сторона ведет переговоры еще хуже. Данное явление определяется как «фундаментальная ошибка атрибуции». Формы ее могут быть различными. Так, люди держат в памяти преимущественно события негативного порядка, а положительные моменты обычно быстрее стираются в мозгу человека.

Второе – люди при несогласии с их мнением обычно ищут негативный контекст чаще, чем контекст позитивный, так происходит, когда они вовлечены в решение определенного вопроса. Третье – негативное отношение сторон оказывает большее влияние на процесс переговоров, чем позитивное отношение¹.

При переговорах даже небольшое проявление негатива может привести к ответному враждебному отношению. Посредники могут добиться того, что негативный эффект будет смягчаться, для этого нужно досконально определить ожидания каждой из сторон². Посредники могут смягчить последствия негативного характера тремя способами.

Во-первых, посредники могут побудить стороны объяснить обоснование своего предложения, ссылаясь на объективные критерии. Во-вторых, посредники могут нормализовать (и помочь сторонам организовать) двусторонние переговоры.

Выражая доверие к процессу переговоров, посредник может смягчить тенденцию каждой стороны к обесцениванию предложений другой стороны. В-третьих, если стороны близки к нахождению компромисса, то любая из сторон ждет, что другая сторона также покажет готовность к компромиссу, в данной связи имеет большое значение «предложение посредника».

Существует склонность стороны, сделавшей последнее предложение, чувствовать, что она дала слишком много, если предложение будет принято. Точно так же, как люди принижают ценность предложения в зависимости от его источника, многим трудно принять правдивость информации, которая несовместима с твердо устоявшимися взглядами³.

Простое повторение посредником точки зрения одной из сторон иногда может помочь преодолеть предвзятость подтверждения со стороны другого участника спора. Каждая сторона, которая принимает участие в процессе переговоров, выражает мнение, что у нее более объективный подход к переговорам, чем у другой стороны. Подчас уверенность в этом у одной из сторон перерастает в самоуверенность.

Ряд исследований, посвящённых процедуре медиации, показывает, что первоначальные предложения сторон оказывают существенное воздействие на итог переговоров. Эти предложения становятся «якорями», по которым измеряется прогресс.

¹ Свенцицкий А.Л. Социальная психология. М., 2021. С.57

² Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния. СПб., 2021. С.27

³ Сидоренко Е.В. Тренинг коммуникативной компетентности. СПб., 2022. С. 10

Итак, подводя итоги исследования, необходимо указать на важность изучения психологического и социального поведения сторон при подготовке к процедуре медиации. Это приводит к тому, что действия посредников становятся более профессиональным, также стороны проще прийти к достижению баланса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Moore Ch.W.* Mediation process. San-Francisco, 1986 – 188 p.
2. *Аронсон Э., Уилсон Т, Эйкерт Р.* Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.; М., 2022 – 319 с.
3. *Бесемер Х.* Медиация: Посредничество в конфликтах. Калуга, 2022 – 161 с.
4. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. СПб., 2022 – 270 с.
5. *Кармин А.С.* Конфликтология: Учебник. СПб., 2021 – 315 с.
6. *Носырева Е.К.* Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США. М., 2021 – 240 с.
7. *Свенцицкий А.Л.* Социальная психология. М., 2021.
8. *Сидоренко Е.В.* Тренинг коммуникативной компетентности. СПб., 2022. С. 10-11.
9. *Сидоренко Е.В.* Тренинг влияния и противостояния. СПб., 2021. С.27-29.

**ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ МЕДИАЦИИ:
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ**

**ETHICAL PRINCIPLES OF MEDIATION: RUSSIAN EXPERIEN
CE OF APPLICATION**

Гуров Александр Андреевич

*аспирант кафедры философии, г. Симферополь, Крымский
Федеральный Университет имени В.И. Вернадского*

Gurov Aleksander Andreevich

*Postgraduate student of the Department of Philosophy,
Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean
Federal University*

*Научный руководитель: кандидат философских наук, до-
цент, доцент кафедры философии Института «Тавриче-
ская академия» Крымского федерального университета им.
В.И. Вернадского, **Зыщик Е.Б.***

*Scientific supervisor: Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the Department of
Philosophy of the Institute «Tavrida Academy» of the Crimean
Federal V.I. Vernadsky University named, **Zyshchik E.B.***

Аннотация: Медиация широко используется и признана в России как инструмент разрешения конфликтов, но остается маловостребованным способом примирения. Медиация – это мощный инструмент, основанный на принципах добровольного участия, нейтральности и конфиденциальности. Эти этические принципы обеспечивают справедливость и эффективность процесса, который имеет ряд преимуществ, но также существуют некоторые проблемы и ограничения, которые могут повлиять на его применение.

Abstract: Mediation is widely used and recognized in Russia as a conflict resolution tool, but it remains an underutilized method. Mediation is a powerful tool that is based on the principles of voluntary participation, neutrality, and confidentiality. These ethical principles ensure the fairness and effectiveness of the process, which have several advantages, but there are also some challenges and limitations that can affect its application.

Ключевые слова: Этика, медиация, медиатор, посредничество, этические нормы, принципы.

Key words: Ethics, mediation, mediator, intermediation, ethical standards, principles.

Медиация – это процесс, в котором третья сторона помогает участникам конфликта найти взаимоприемлемое решение. Она может выступать важным фактором гармонизации социальных отношений, также может

быть своего рода рычагом содействия развитию различных деловых отношений, формировать этику бизнеса и т.д., поскольку способствует снижению напряженности и разрешению споров без обращения в суд. Медиация помогает сторонам конфликта выразить свои истинные чувства и интересы, наконец-то услышать друг друга и найти компромиссное решение. Все эти действия приводят к укреплению доверия и уважения между участниками конфликта, а также формированию навыков конструктивного общения и решения проблем. Кроме того, медиация может предотвратить эскалацию конфликта и его негативные последствия для всех участников. Она помогает сохранить отношения между сторонами и избежать судебных разбирательств, которые могут длиться годами, а также требовать больших затрат. В своей основе медиация базируется на этических принципах, которые регулируют поведение медиаторов и обеспечивают соблюдение прав и интересов участников процесса.

В современную эпоху различных социальных трансформаций, значительно усиливаются различные факторы конфликтности, которые могут приводить к дестабилизации общества, необходимо снять нагрузку с общепринятых подходов к урегулированию споров (например, судебное разбирательство) и обратить внимание на альтернативные способы разрешения конфликтов. Медиация является отличным инструментом для достижения стабильности, рефлексии и можно даже сказать баланса в обществе. Она позволяет находить компромиссы между сторонами, которые имеют разные интересы и ценности, и способствует формированию партнёрских отношений. Когда международные отношения становятся всё более сложными и многогранными, такой инструмент как медиация, может использоваться для урегулирования конфликтов между государствами, международными организациями и другими субъектами международных отношений. Это позволяет снизить напряжённость и предотвратить эскалацию конфликта. Применение медиации требует от медиаторов глубоких знаний в области права, дипломатии и культуры. Они должны быть готовы к работе в сложных и непредсказуемых условиях, а также уметь быстро адаптироваться к возникающим изменениям.

Тем не менее, несмотря на все современные вызовы, медиация остаётся важным инструментом урегулирования конфликтов в наше нестабильное время. Она позволяет находить мирные решения, которые отвечают интересам всех сторон, а также может способствовать укреплению международного мира и безопасности.

Благодаря своей эффективности, медиация набирает обороты популярности, но все же в некоторых странах находится на этапе становления, по причине того, что многие люди не до конца осознают преимущества данного инструмента. В России, на данный момент, медиация находится именно в таком состоянии, но, несмотря на малую востребованность, она

все же занимает своё место в российской правовой системе. Основным механизмом внутреннего регулирования процедуры медиации в России, являются этические принципы, именно они обеспечивают эффективность и справедливость, а также качество проведения медиативного процесса, что дает свои преимущества, однако существуют и некоторые проблемы, и ограничения, которые могут отражаться на их применении.

Одним из основных преимуществ этических принципов медиации в российской практике является их способность обеспечить добровольность участия сторон в процессе. Медиация строится на принципе добровольности, что означает, что стороны имеют право отказаться от участия в медиации или прекратить ее в любой момент. Этические принципы требуют от медиатора сохранять нейтралитет и не предпринимать действий, которые могут привести к несправедливому или предвзятому разрешению конфликта. Это позволяет сторонам сохранять контроль над процессом и принимать решения, которые соответствуют их интересам и потребностям. Этические принципы гарантируют, что никто не будет принуждать стороны к участию в медиации, что способствует созданию доверительной атмосферы и повышает вероятность достижения соглашения [8].

Конфиденциальность является еще одним важным преимуществом этических принципов медиации. Медиация основывается на принципе конфиденциальности, который гарантирует, что все, что происходит в рамках процесса медиации, остается строго конфиденциальным. Это позволяет сторонам открыто обсуждать свои интересы, опасения и потребности, не боясь, что эта информация будет использоваться против них в будущем. Конфиденциальность также способствует созданию доверительной атмосферы и повышает вероятность достижения соглашения, так как стороны чувствуют себя свободнее выражать свои истинные интересы [6].

Другим преимуществом этических принципов медиации является их способность обеспечить нейтральность и беспристрастность медиатора. Медиаторы должны быть нейтральными и не выделять ни одну из сторон конфликта. Это позволяет сторонам чувствовать себя уверенно и защищает их от возможного вмешательства или предвзятости со стороны медиатора. Этические принципы медиации обязывают медиаторов соблюдать нейтралитет и беспристрастность, что способствует созданию справедливого и сбалансированного процесса медиации [4].

Четвертым преимуществом медиации в российской практике является способность обеспечить участие всех заинтересованных сторон в процессе принятия решений. Медиация стремится к достижению соглашения, удовлетворяющего все стороны, а этические принципы обеспечивают, что все мнения и интересы будут трактованы верно. Это способствует созданию справедливого и долгосрочно устойчивого соглашения.

Также одним из главных преимуществ этических принципов медиации в российской практике является их ориентация на уважение к автономии и самоопределению сторон конфликта. Медиаторы в России стремятся создать условия для свободного выражения мнений, искреннего общения и поиска взаимовыгодных решений. Это позволяет сторонам чувствовать себя участниками процесса, а не пассивными объектами [7, С. 7-8].

Еще одним преимуществом медиации в России является их гибкость и адаптивность к различным ситуациям и потребностям сторон. Медиаторы в России обладают широким спектром навыков и знаний, которые позволяют им эффективно работать с различными типами конфликтов и сторонами. Они могут применять различные техники коммуникации, активного слушания и постановки вопросов, чтобы помочь сторонам лучше понять друг друга и найти решение, удовлетворяющее их обоих [3].

Однако этические принципы медиации также имеют свои проблемы, в российской практике. Одна из таких проблем заключается в том, что следование этическим принципам не всегда является законодательно обязательным. В России отсутствует единый кодекс этики для медиаторов, что может привести к различным интерпретациям и применению этических принципов, также этические принципы могут быть проигнорированы или не учитываться в некоторых случаях. Это может создать путаницу и неопределенность в процессе медиации и уменьшить доверие сторон к медиатору и процессу в целом, что впоследствии может привести к неправильному или несправедливому разрешению конфликта.

Второй проблемой следования этическим принципам в российской практике является недостаточная осведомленность и понимание со стороны общества сути этических принципов. Медиация в России все еще не является широко известным и доступным методом разрешения конфликтов. Медиация все еще относительно новое явление в России, и многие люди не знают о ее существовании или не понимают, как она работает, а также не осознают каким этическим аспектам должна следовать медиация в процессе её применения. Это может создавать проблемы в процессе медиации и затруднять ее эффективность, а также ограничивать доступность медиации для широкой аудитории, снижать ее популярность [5].

Еще одной из важных проблем реализации этических принципов медиации в России является отсутствие обязательной сертификации и лицензирования медиаторов. В отличие от некоторых западных стран, где медиаторы должны пройти специальное обучение и получить сертификат, в России медиатором может быть практически любой человек, исходя из этого, этические принципы медиации могут быть проигнорированы, поскольку это лишь рекомендации, особенно для людей, осу-

ществляющих непрофессиональную деятельность в этой сфере. Это может создавать проблемы с качеством и профессионализмом медиаторов, а также вызывать сомнения у сторон конфликта в их компетентности [9, ст.15, п.2].

Также, следует отметить, что этические принципы медиации не всегда строго соблюдаются даже профессиональными медиаторами. Некоторые медиаторы могут быть предвзятыми или неспособными обеспечить нейтральность и беспристрастность в процессе медиации. Это может привести к неравномерному распределению власти и неравенству сторон, что может негативно сказаться на результате медиации.

Важно заметить, что некоторые проблемы и ограничения этических принципов медиации связаны с культурными и социальными особенностями России. В российской культуре преобладает вертикальная иерархия, что может затруднить процесс медиации, основанный на принципе равноправия и самоопределения сторон. Также, в российской практике медиации нередко встречаются случаи, когда одна из сторон не заинтересована в достижении соглашения и использует медиацию как способ затягивания процесса или манипулирования другой стороной [1].

Тем не менее, несмотря на все проблемы реализации этических принципов медиации они успешно используются в российской практике и демонстрирует свою эффективность, следует также отметить несколько успешных примеров реализации данной процедуры.

Один из таких примеров – медиация в семейных спорах. В России семейные споры часто рассматриваются в суде, что может быть длительным, дорогостоящим и разрушительным процессом для всех участников. Медиация в семейных спорах позволяет сторонам найти справедливое и удовлетворительное решение, сохраняя при этом семейные отношения и сводя к минимуму негативные последствия для детей. Применение этических принципов медиации в таких случаях помогает создать доверительную атмосферу и обеспечить справедливое разрешение спора [2].

Еще одним успешным примером применения этических принципов медиации в России является медиация в делах о трудовых спорах. Медиация в таких случаях позволяет работодателям и работникам найти компромиссное решение, удовлетворяющее обе стороны. Также медиация помогает работодателю сохранить свой статус, ведь чем больше судебных разбирательств, тем больше вреда наносится репутации компании. Это помогает избежать длительных и дорогостоящих судебных процессов, что может быть не выгодно как для компании, так и для её сотрудника, а также стабилизации рабочих отношений и сохранению продуктивности труда [10].

Также следует предложить некоторые рекомендации по усовершенствованию процедуры медиации, для успешной реализации её этических принципов.

Необходимо проводить информационные кампании и образовательные программы, направленные на повышение осведомленности о меди-

ации и основополагающих принципах её работы, среди населения. Это позволит людям более осознанно выбирать метод разрешения конфликтов и повысит спрос на медиацию.

Необходимо разработать и внедрить единый этический кодекс для медиаторов, который будет регулировать их поведение и обязанности. Это поможет установить единые стандарты и принципы работы медиаторов, а также предоставит сторонам конфликта дополнительные гарантии и защиту.

Кроме того, необходимо ввести обязательную сертификацию и лицензирование медиаторов. Это позволит отделить профессионалов от любителей и обеспечит высокий уровень качества и компетентности в медиации. Сертификация должна включать обязательное прохождение специального обучения и набора определенных навыков, а также сдачу экзаменов. Данная сертификация, также должна обязывать строго следовать этическим принципам медиации, которые будут описаны в едином этическом кодексе.

Этические принципы медиации играют важную роль в российской практике примирения и обеспечивают эффективность и справедливость процесса медиации. Они также обеспечивают независимость и нейтралитет медиатора, конфиденциальность и приватность процесса, а также участие всех заинтересованных сторон в принятии решений. Однако этические принципы не всегда являются законодательно обязательными и не всегда хорошо понимаются обществом. Существуют некоторые проблемы и ограничения, которые могут существенно сузить область их применения. Недостаточное соблюдение этических принципов медиации, их недостаточная развитость и стандартизация, а также культурные и социальные особенности России – все это является факторами, которые могут негативно сказаться на процессе медиации. Несмотря на это, применение этических принципов медиации в российской практике демонстрирует свою эффективность в различных сферах, таких как семейные споры и трудовые споры. Для улучшения практики медиации в России необходимо продолжать работу по развитию и стандартизации этических принципов, обучению и сертификации медиаторов, а также повышению осведомленности и популяризации медиации среди населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Багновская, Н. М.* Специфика русской культуры / Н. М. Багновская // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2004. – № 1. – С. 88-95. – ISSN 2587-9251
2. *Дерюшева, О. И.* Медиация в семейных спорах / О.И. Дерюшева // Территория науки. – 2017. – № 3. – С. 173-176. – ISSN 1991-9492

3. *Жомартқызы, М.* Использование медиации при возникновении конфликтов сторон на экономической основе / М. Жомартқызы // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление: электронный журнал. – URL: <http://www.gpravlenie.ru/wp-content/uploads/2024/01/04-Zhomartkyzy.pdf> (дата обращения: 07.05.2024).
4. Кодекс этики медиатора // staroaleksandrovskayaschool.tmn.eduru.ru: сайт. – URL: https://staroaleksandrovskayaschool.tmn.eduru.ru/media/2019/03/28/1260237834/kodeks_e_tiki_mediatorov.pdf (дата обращения: 22.04.2024)
5. *Локуциевская, Е. А.* Проблемы развития института медиации в России / Е. А. Локуциевская. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 2 (397). – С. 309-310. – URL: <https://moluch.ru/archive/397/87932/> (дата обращения: 30.04.2024).
6. *Пасынкова, Е. М.* Проблемные аспекты конфиденциальности медиаторов / Е. М. Пасынкова, И.Е. Переберина // E-Scio. – 2022. – № 12 (75). – С. 525-531. – ISSN 2658-6924
7. *Пронина, Е. В.* Психологические основы медиации: новый способ решения проблем : учебное пособие / Е. В. Пронина, С. Ю. Попова. – Владимир: ВлГУ, 2016. – 83 с. – ISBN 978-5-9984-0659-1
8. *Синенко, В.С.* Проблемы реализации принципа добровольности в процедуре медиации / В.С. Синенко // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2014. – Т. 22 (193), № 30. – С. 104-108. – ISSN 2712-746X
9. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // consultant.ru: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/63c0ec1198d98231da5820d894cd4ec4b99d8ccf/ (дата обращения: 22.04.2024)
10. *Чебан М.* Медиация в трудовых спорах. // zakon.ru: сайт. – URL: https://zakon.ru/blog/2022/04/15/mediaciya_v_trudovyh_sporah(дата обращения: 22.04.2024)

ЯЗЫК И РЕЧЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОЗНАНИЯ

LANGUAGE AND SPEECH IN THE FORMATION OF CONSCIOUSNESS

Солодилова Виктория Валентиновна

соискатель кафедры теории и практики перевода Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

Solodilova Viktoriya Valentinovna

aspirant of the Department of Theory and Practice of Translation of Institute of Philology of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Аннотация: Данная работа посвящена анализу влияния языка и речи на формирование сознания человека в рамках концепций, гипотез и теорий античных мыслителей, философов Нового времени и более позднего периода развития философии. В ходе исследования предпринята попытка расширить знания о роли языка в жизни человека и общества. Автор анализирует взгляды выдающихся ученых на проблему взаимосвязи языка и речи с сознанием человека с перспективой дальнейших исследований в философско-лингвистическом направлении.

Abstract: This work is devoted to the analysis of the influence of language and speech on the formation of human consciousness within the framework of the concepts, hypotheses and theories of ancient thinkers, philosophers of the New Age and a later period in the development of philosophy. The study attempted to expand knowledge about the role of language in human life and society. The author analyzes the views of outstanding scientists on the problem of the relationship between language and speech and human consciousness with the prospect of further research in the philosophical and linguistic direction.

Ключевые слова: язык, речь, сознание, мышление, система знаков, коммуникация, философия языка, философско-лингвистическое направление, мысль, логос, восприятие, философия сознания.

Key words: language, speech, consciousness, thinking, system of signs, communication, philosophy of language, philosophical and linguistic direction, thought, logos, perception, philosophy of consciousness.

Введение/Introduction

Одним из важных и необходимых условий существования человека является общение, как средство формирования и развития социального опыта. Начиная с древних времен, человек стремился к коммуникации

с целью познания аспектов своего существования и окружающего мира. Сущность человека, в частности, его сознание, всегда находилась в социальном контексте, включая трудовую деятельность, периоды отдыха, что определило ее как коммуникативную. Даже в изоляции мысли и действия человека связаны с реакцией социума. Невидимая связь человека, как самостоятельной единицы, с обществом возникает из его необходимости взаимодействовать с другими людьми: обмениваться опытом, учиться, получать навыки, обосновывать точку зрения, выражать чувства и эмоции. Инструментом, позволяющим реализовать это взаимодействие, выступил язык. Язык представляет собой систему знаков, посредством которой осуществляется человеческое общение на различных уровнях коммуникации и трансляции, включая операции мышления, приобретение, хранение, преобразование и передачу сообщений (сигналов, информации, знаний) и связанные процессы. Язык – это универсальное средство объективации действительности и в общественном сознании, выступая в качестве первичной, наиболее естественной основы репрезентации мира». [3]

Методология исследования / Methodology

В рамках нашего исследования мы рассматриваем несколько этапов развития философской мысли в философско-лингвистическом направлении, в частности, анализируем концепции и теории, объясняющие взаимодействие сознания человека и языка, в трудах философов Древней Греции и Западной Европы.

На основании изученных литературных источников и публицистики представляется возможным проследить эволюцию стремительно меняющихся взглядов в философии на проблему неразрывной связи феномена сознания человека и языка, оценить многогранность и важность коммуникативной функции языка в формировании социального опыта и мышления.

Результаты исследования / Results and discussion

Согласно Большому психологическому словарю [9], «Язык (англ. language) – система знаков любой физической природы, служащая средством осуществления человеческого общения и мышления; в собственном смысле язык слов – явление, общественно необходимое и исторически обусловленное. Одним из непосредственных естественных проявлений языка выступает речь как звукословесное общение».

Основные функции языка отвечают за общение (коммуникативная), накопление, сохранение и передачу информации (когнитивная), накопление и сохранение знаний (аккумулятивная). Коммуникативная функция является ведущей, – позволяет говорящему выражать свои мысли и идеи посредством языка, слушающему – воспринимать их, анализировать, составлять свое мнение.

Интерес к пониманию, как функционирует язык и влияет на сознание человека, каким образом открывает перед ним новые горизонты мысли, отразился в трудах, ставших впоследствии предтечей философско-лингвистического направления, таких мыслителей как: Аристотель (трактат «Категории»), Платон (трактат «Тимей»), Гераклит («О природе»), Иммануил Кант (разработка категорий рассудка), Жан-Жак Руссо (идеи о происхождении письменности), Вильгельм Гумбольдт (концепция «язык – форма»). [1, 6, 7, 12, 8]

Одним из первых ученых в Древней Греции, изучавших язык, как основной инструмент мышления и познания мира, был Гераклит Эфесский. По мнению философа, язык отражает мысли человека и является средством их выражения, но, в то же время, имеет свои ограничения и недостатки, – некоторые вещи невозможно передать словами. Философ призывает к более глубокому осмыслению и использованию языка для достижения более точного и гармоничного общения.

Также античным мыслителем впервые был использован термин логос – слово (высказывание, речь) и понятие (смысл, суждение), отождествлявшийся им с огнем, как первоосновой мира, и использовавшийся в значении закон бытия. Гераклит был убежден в общей природе человеческого разума и логоса.

Особое место среди философов, изучавших вопросы системообразующей взаимосвязи языка, мышления, сознания, бытия занял немецкий философ и лингвист Вильгельм Гумбольдт (Wilhelm Humboldt). Будучи основоположником теоретического языкознания, ученый сделал огромный вклад в зародившееся в начале XX века новое направление в философии «философия языка». Гумбольдт отмечал динамичную природу языка: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент преходящее. Даже его фиксация посредством письма представляет собой далеко не совершенное мумиеобразное состояние, которое предполагает воссоздание его в живой речи. Язык есть не продукт деятельности (ergon), а деятельность (energeia)... Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулированный звук пригодным для выражения мысли». [8]

Язык не только отражает реальность, но и формирует восприятие мира. Примером влияния языка на восприятие может служить гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа (Sapir-Warf hypothesis), согласно которой структура языка влияет на когнитивные процессы. [4] Это не значит, что язык ограничивает мышление, точнее он направляет его, предлагая определенные рамки восприятия, – иными словами, языковая структура формирует мышление человека и способ познания мира. Таким образом, логично заключить, что у разных народов, говоря-

щих на разных языках существенные различия в восприятии парадигмы окружающей реальности. Каждый язык – это уникальный способ видеть мир, уникальная линза, сквозь которую человек смотрит на реальность. Гипотеза американского лингвиста Эдуарда Сепира (Edward Sapir) и его ученика Бенджамена Уорфа (Benjamin Whorf) с практической точки зрения дает в полной мере ощутить зависимость мышления от особенностей языка, на котором говорит человек, и определяется конкретным языком, носителем которого человек является.

Необходимо отметить, что язык – это не только слова. Это также жесты, мимика, интонации – все то, что помогает передавать и понимать смыслы. Невербальные элементы языка играют огромную роль в межличностном общении, позволяя лучше понимать эмоции и намерения других людей.

Обращение к языку представляет собой обращение к самой сути человеческого бытия. Не следует рассматривать язык как набор слов и правил. Язык – это живой организм, который растет, развивается и изменяется в пространственном и временном контексте. Он связан с каждым аспектом жизни человека, от самых глубоких философских размышлений до повседневного общения.

Важно подчеркнуть культурный аспект языка. Язык, связующий элемент между индивидуальным сознанием и общественным бытием, несет в себе ценности, традиции, историю народа. Он формирует мировоззрение человека, его убеждения, идентичность. Через язык человек учится понимать не только окружающий мир, но и самого себя как часть культуры, общества, истории.

Процесс использования человеком языка, как средства преобразования мыслей в предложения, передачи им содержания мыслей другому человеку является речью. [2] Язык и речь активно участвуют в формировании сознания. Они позволяют человеку выражать мысли, чувства, идеи. Осмысление языка как фундаментального элемента сознания ведет к пониманию его роли в формировании внутреннего мира человека. Язык не просто инструмент для выражения готовых мыслей, он участвует в процессе мышления, в структурировании и формировании идей. Каждое слово, каждая фраза – это не просто символ или звук, это клетка в структуре человеческого сознания.

Для более детального понимания взаимодействия языка, речи и сознания, необходимо обратиться к определению самого понятия сознания. В соответствии с Большим энциклопедическим словарем [11], сознание определяется как «высшая форма психического отражения, свойственная общественно развитому человеку и связанная с речью, идеальная сторона целенаправленной деятельности».

Французский философ, основоположник философии Нового времени Рене Декарт (René Descartes) оказал существенное влияние на экспликацию сознания в науке XVII века. В своей книге «Философия духа и материи Рене Декарта» философ Василий Соколов пишет: «В некото-

рых местах его произведений и писем видна тенденция к максимальному сближению понятий «сознание» (*conscientia*), куда можно отнести не только чувственные, но и волевые феномены человеческой психики, и «мышление» (*cogitatio*), главное содержание которого составляет высшая познавательная деятельность, приводящая нас к совершенно достоверному знанию» [13]. Французский философ был убежден в разделении мира на объективную (физическую) и субъективную (душу) реальности. По мнению мыслителя, душа, цельна и неделима, обладает способностью управлять материальным телом. Под влиянием души человек ведет себя разумно. Таким образом, Декарт выделил рациональную часть души – внутреннюю сущность – сознание, которое представляет собой здравый смысл.

Немецкий философ Георг Гегель (*Georg Hegel*) рассматривал феномен сознания в контексте связи генотипа (наследственной информации) и фенотипа (влияния окружающей среды). [5] Первое мыслитель определил как родовую связь, второе – как труд. Если рассматривать труд только как работу, трудовую деятельность, то понятие становится узким, но его границы в значительной степени расширяются, если говорить о труде как о работе над самим собой и влиянии наставничества.

В истории философии существует много теорий и концепций о феномене сознания. Справедливо заметить, что строятся они на неразрывной связи языка, речи и сознания человека.

Людвиг Витгенштейн (*Ludwig Wittgenstein*), австрийский философ-аналитик, утверждал, что язык определяет границы нашего мира и нашего сознания. В своей работе «Труды по философии языка» (*Tractatus Logico-Philosophicus*) Витгенштейн предлагает идею о том, что пределы нашего языка означают пределы нашего мира. Он считал, что язык является инструментом для выражения наших мыслей, и наши мысли ограничены теми понятиями и структурами, которые доступны нам через язык.

В этом контексте стоит упомянуть феномен языковой игры, предложенный философом. [10] Согласно этой концепции, язык формирует определенные «игры», которые определяют правила и контексты, в рамках которых мы используем слова. Эти игры отражают различные формы жизни и общения, показывая, как язык влияет на наше восприятие и взаимодействие с миром.

Также связь между сознанием и языком немецкий философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер (*Martin Heidegger*) рассматривал в рамках концепции «бытия-в-мире» (*Being-in-the-world*), согласно которой наше сознание всегда взаимодействует с миром через язык. Хайдеггер утверждал, что язык не только отражает наше сознание, но и активно формирует наше понимание мира. Он считал, что язык является способом раскрытия истины и понимания себя в контексте окружающего мира.

Исследование немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса (Jürgen Habermas) привело к разработке концепции коммуникативного действия, в которой язык играет центральную роль. [14] Хабермас утверждал, что наше сознание формируется через коммуникацию с другими людьми, и язык является основным инструментом этой коммуникации. Он также подчеркивал важность публичной сферы и свободного общественного диалога для развития человеческого сознания.

В современном мире философская мысль продолжает развиваться и исследовать различные аспекты взаимосвязи человеческого сознания и языка. Возникают новые теории и подходы, а также переосмысливаются уже существующие концепции.

В ходе нашего исследования мы пришли к предположениям о дальнейших перспективах развития философской мысли в изучении проблемы взаимодействия сознания человека и языка:

- изучение взаимодействия между языком и сознанием в рамках новых технологий и коммуникационных средств. С развитием искусственного интеллекта и компьютерной лингвистики, философы могут исследовать, как компьютерные системы и алгоритмы влияют на понимание языка и сознания;

- исследование этических и социальных аспектов использования искусственного интеллекта в области языка и коммуникации;

- исследование роли языка в формировании культурных и социальных норм: как язык и речь используются для формирования и поддержания власти, дискриминации и неравенства.

Заключение.

Взаимосвязь между сознанием человека и языком является одной из фундаментальных и сложных проблем в философии. Язык играет важную роль в формировании и выражении мыслей, а сознание, в свою очередь, оказывает влияние на то, как человек использует язык для коммуникации и понимания мира. Язык является не только средством передачи информации, но и инструментом для организации и структурирования опыта человека. Он позволяет классифицировать и категоризировать объекты и явления, а также выражать мысли и эмоции. Без языка человек был бы лишен возможности анализировать и осознавать свои мысли и переживания. Мысли и восприятие формируются через язык, и человек ограничен теми понятиями и категориями, которые доступны через язык, – язык определяет границы мира и сознания.

В перспективном будущем философская мысль в области взаимосвязи человеческого сознания и языка будет продолжать развиваться, основываясь на новых технологиях, социокультурных изменениях и новых научных открытиях. Философы будут продолжать исследовать сложные вопросы о том, как язык формирует сознание и понимание мира, а также как язык может быть использован в создании более гармоничного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Категории. Введение к категориям Аристотеля / Перевод А.В. Кубицкого, Аристотель. – М.: ГСЭИ, 1939, – 84 с.
2. *Арутюнова Н.Д.* Речь / Н.Д. Арутюнова. – М.: Большая российская энциклопедия, 2015. – Т. 28. – с. 458.
3. *Березин М.Ф., Головин В.И.* Общее языкознание: учебник для ВУЗов / М.Ф. Березин, В.И. Головин. – М.: Альянс, 2014. – 416 с.
4. *Бородай С.Ю.* Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации / Вопросы языкознания: журнал / С. Ю. Бородай. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – № 4. – с. 181.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа / Г. В.Ф. Гегель. – М.: Наука, 2000. – 532 с.
6. *Григорьева Н. И.* Парадоксы платоновского «Тимея»: диалог и гимн / Поэтика древнегреческой литературы / Н.И. Григорьева. – М.: Наука, 1981. – 95 с.
7. *Гулыга А.В.* Немецкая классическая философия / А. В. Гулыга. – М.: Мысль, 1986. – 334 с.
8. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
9. *Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г.* Большой психологический словарь / В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряков. – М.: АСТ, Прайм-Еврознак, 2008. – 857 с.
10. *Козлова М.С.* Философские идеи Людвиг Витгенштейна / М.С. Козлова. – М.: Институт философии, 1996. – 169 с.
11. *Прохоров А. М.* Большой энциклопедический словарь: 2-е изд., перераб. и доп. / А. М. Прохоров. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000, – 1434 с.
12. *Руссо Ж.Ж.* Важнейшие гипотезы о происхождении языка / Ж.Ж. Руссо. – М.: Гослитиздат, 1961. – 852 с.
13. *Соколов В.В.* Философия духа и материи Рене Декарта / В.В. Соколов. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
14. *Тетюев Л.И.* Введение в теорию коммуникативного разума Юргена Хабермаса / Текст лекций / Л.И. Тетюев. – С.: 2015, 132 с.
15. *Хайдеггер М.* Время и бытие / Статьи и выступления / перевод В. Бибихин / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 145 с.

РАЗВИТИЕ ВЕРТИКАЛЬНОГО И ГОРИЗОНТАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

THE DEVELOPMENT OF VERTICAL AND HORIZONTAL MANAGEMENT IN A NETWORK SOCIETY

Самохина Анастасия Евгеньевна

аспирант кафедры государственное и муниципальное управление, Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского

Samokhina Anastasia Evgenievna

postgraduate student of the Department of State and Municipal Management, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Аннотация: На современном этапе развития общества и государства происходит эволюционная трансформация жестких иерархических систем в сетевые структуры, которые фокусируются на разделении и взаимодействии при масштабировании производства, имеющие другую качественную институциональную природу. По этой причине все более важным и актуальным становится вопрос правильности формирования и трансформации систем (связей, форм, методов и т.д.) управления. В данной статье рассматриваются эмпирические исследования и мнения различных авторов на эту тему, а также предлагается свое собственное видение вектора дальнейшего развития сетевых взаимодействий.

Abstract: At the present stage of development of society and the state, there is an evolutionary transformation of rigid hierarchical systems into network structures that focus on division and interaction when scaling production, having a different qualitative institutional nature. For this reason, the question of the correctness of formation and transformation is becoming increasingly important and relevant systems (connections, forms, methods, etc.) of management. This article discusses empirical research and opinions of various authors on this topic, and also offers its own vision of the vector of further development of network interactions.

Ключевые слова: сетевое общество, государственное управление, централизация власти, сетевое взаимодействие, управление социально-экономическими системами.

Key words: network society, public administration, centralization of power, network interaction, management of socio-economic systems.

В современном обществе все больше отмечается трансформация жестких закрепленных иерархических систем, основу которых составляют процессы разделения и кооперации, в гибкие сетевые структуры, основанные на совершенно другой качественной институциональной природе. Прежде всего, причиной данной трансформации и перехода к сетевым структурам взаимодействия является нарастающий кризис эф-

фективности методов стратегического менеджмента, как в крупных системах, например государство, так и в небольших – отдельные компании. Данный кризис, в большей степени, проявляется в неспособности эффективно управлять экономическими и социальными системами в условиях меняющейся нестабильной внешней среды.

За последнее десятилетие научная полемика о причинах и последствиях кризиса пришла к выводу, что кризис, как явление само по себе, стал признаком более глобальных трансформаций в экономической, социальной и технологической сферах государственного управления.

В подтверждение ряда рассмотренных утверждений следует отметить заключение, к которому пришла профессор Н.В. Смородинская: «мир переходит к новому, сетевому укладу, основанному на динамичных горизонтальных взаимодействиях, а мировая экономика и все ее подсистемы стратифицируются в кластерно-сетевые структуры – гораздо более гибкие, чем модель иерархии, и одновременно более интегрированные, чем модель рынка» [7].

Для более полного понимания эмпирического развития вопроса сетевого взаимодействия следует учесть ряд важных заключений и утверждений различных исследователей (Табл. 1).

Таблица 1 – основные результаты исследований ученых в сфере сетевого развития общества

Автор	Термин	Определение
Р. Коуз	Первое введенное понятие «сети» (1930 г.)	Объяснял «сеть» через ряд выведенных критериев эффективного разделения организации рыночных отношений путем разделения всех участников на более мелкие единицы, которые взаимодействуют друг с другом, уже не в рамках жестких иерархических структур, а при помощи рынка [5].
М. Кастельс	Непрерывно текущее пространство потоков	Значительное увеличение скорости и интенсивности взаимодействия между различными экономическими агентами, которое создает все необходимые условия для непрерывного обновления [2, 3].
У. Пауэлл	Обоснование сетевого порядка	Утверждал, что необходимость сетевого порядка заключается во взаимовыгодных моделях обмена информацией и коммуникаций, основанных на важнейшей новой категории – «доверии», которая возникает между участниками какой-либо сети [6].

Автор	Термин	Определение
И. Сюдов	Ввел виды сетей	Основывая свои исследования на внутренних характеристиках сетей, в частности, степени стабильности сетей и формах их внутреннего порядка, автор выделил несколько видов сетей, а именно: региональные, стратегические, виртуальные и проектные [9].
С Ваддель	Классификация сетевых взаимодействий	Выделил несколько типов сетевых взаимодействий на основании анализа степени сетевого отклонения от иерархической конструкции, а именно: закрытые сети с иерархическим порядком; открытые неформальные межперсональные сети; малые и средние межорганизационные сети (например, управление в рамках совместных проектов); гибкие крупномасштабные межорганизационные сети; распределенные сетевые системы [8].
А . С . Соколова	Сеть	«Систему связей между элементами одного целого, где элементы являются узлами, а целое – системой. Сети являются сложным способом организации живых систем, в которых наименьшее количество звеньев равно трем, а наименьшее число связей – двум. Единая связь двух звеньев образует отношения. Таким образом, индивиды как элементы общественных отношений образуют узлы, а общество – систему».

Новая сетевая или, более поздняя усовершенствованная, кластерно-сетевая система зародилась и исходит из той системы, на замену которой она пришла, а именно экономическая индустриальная система. Сетевая система характеризуется, прежде всего, гибкостью, открытостью, быстрым ответом и сложной социально-экономической системой, которая основана на постоянном взаимодействии и согласовании, имеющем непрерывный характер. К ряду основных характеристик кластерно-сетевых систем относят взаимодействие на базе цифровых технологий, имеющее интерактивный характер, непосредственное вовлечение потребителей в производство благ, взаимодействие производителей благ и их конечных потребителей, связи сетевого порядка и т.д.

М. Кагельс в своих исследованиях утверждает, что в процессе формирования нового сетевого общества как открытой и динамичной структуры, в основе которой лежат сети власти, опыта и производства, в попытках адаптироваться к новым тенденциям и характеристикам глобального информационного пространства, экономика современного государства преобразуется в сложную организованную систему сети [2, 3].

Теоретическое изучение эволюции концепции сетевого общества основывается, во-первых, на направлениях развития математических методов, которые, как правило, рассматривают свойства, модели и формы

чистых идеальных сетей (действие которых, на практике, затруднено), во-вторых, на социально-экономических подходах, которые рассматривают частных акторов и организаций в условиях сетевого взаимодействия [1, 5].

Основопологающим различием двух видов сетей (горизонтальных и вертикальных) заключается в том, что, в горизонтальных сетевых взаимодействиях основополагающими являются институциональные факторы (примерами могут служить эффективность гражданского общества, эффективность неформальных коалиций, климат в коллективах и т.п.), в то время как на вертикальные сети преобладающее влияние оказывают структурные и ресурсно-структурные факторы.

В условиях развития современного общества можно заключить, что структура вертикальной сети характеризуется наличием главенствующего участника, в рассматриваемом государственном управлении такую роль играет государство. Данное положение подтверждается также ресурсным подходом, в соответствии с которым у главенствующего актора концентрируются основные ресурсы, что ставит перед ним главенствующую задачу – обеспечить функционирование существующей сети и более эффективно распределить между другими участниками такого сетевого взаимодействия имеющиеся ресурсы для их социально-экономического развития. Такие сети диктуют свои нормы и правила для всех акторов, которые существуют в них. Главным из таких правил является неоспоримость решений, принятых главенствующим субъектом, отказ от выполнения которых влечет за собой значительные санкции [4, 5, 8].

Основанием горизонтальных сетей является объединение акторов сходного статуса, сетевые взаимодействия которых основываются на таких категориях как «доверие», «открытость» и «обмен информацией/опытом».

Следовательно, можно заключить, что степень жесткости социально-экономических систем определяется уровнем централизации, структурой внутренних каналов связи, степенью распределения свободы акторов на различных уровнях. Так, например, при недостаточном уровне свободы на нижних уровнях иерархии сетевых взаимодействий повышается жесткость всей системы с целью повысить эффективность ее деятельности. В такой структуре связи «сверху-вниз» обладают достаточно мощным потенциалом и хорошо проводят информацию. Однако, при этом, большая централизация вертикальной иерархии способствует блокированию прохождения, необходимой для принятия управленческих решений, информации по каналам «снизу-вверх», а также снижает ее полноту и точность, что также затрудняет получение обратной информации. Подобная ситуация, как правило, приводит к снижению эффективности

внутренних каналов связи, повышению расходов (временных и ресурсных), снижает результативность управленческих решений, блокирует восприимчивость к изменениям. Несмотря на это, вертикальные сетевые взаимодействия до сих пор сохраняют свою актуальность и необходимость по причине высокой степени устойчивости в условиях неблагоприятной внешней среды [6].

В свою очередь, горизонтальные сети характеризуются обратными свойствами, а именно: гибкостью, открытостью, компромиссностью, но также и неустойчивостью к нестабильной внешней среде и пагубному влиянию внешних негативных факторов. Максимальная гибкость сетевого взаимодействия характеризуется высоким уровнем независимости при принятии решений его акторами, большим количеством субъектов взаимодействия и огромным потоком информации. Рисками для эффективного управления в горизонтальных сетях являются неоднородность распределения информации и ресурсов, а также низкий уровень компетенции в локальных узлах.

Следовательно, подводя итог всего рассмотренного, следует отметить необходимость интеграции этих двух видов сетевых взаимодействий. Таким образом, интегрированные сети будут совмещать преимущества вертикальных и горизонтальных сетей, исключая их недостатки. Одной из явных характеристик таких интегрированных сетей является дихотомия свойств этих двух сетей, в частности жесткости и гибкости одновременно. Жесткость, в данном случае, будет заключаться в способности сохранять свою первоначальную структуру, форму и свойства при сопротивлении внешним факторам и воздействиям, при этом сохраняя гибкость, т.е. трансформироваться для повышения эффективности принятия управленческих решений и развития социально-экономического положения.

Идеальная интегрированная сеть, на данный момент, представляется устойчивой жесткой структурой, способной к гибкости и трансформации. Объяснением необходимости такой сети может служить само общество и тенденции его развития. Так, гибкая система быстро реагирует на любые волнения (как внутри сети, так и на внешние факторы), дает быструю обратную связь, характеризуется снижением временных издержек на движение информации и имеет высокий уровень инициативности на нижних уровнях такой сети.

Внедрение подобных интегрированных сетей во все сферы жизнедеятельности человека и государственного управления, конечно, невозможно. Всегда будут оставаться системы, которые требуют только жестких вертикальных структур или, напротив, только гибких горизонтальных. Так, одним из явных примеров могут служить производственные сети оборонного комплекса любого государства. Данная сфера должна сохранять централизацию и жесткую вертикальную структуру для сохранения

и повышения эффективности своей работы. Однако, для развития всей социально-экономической сферы, для ее отклика современным реалиям и тенденциям развития общества, государственное управление должно трансформироваться и принимать структуру и формы интегрированных сетей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дежина И.Г., Киселева В.В.* Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. – М.: ИЭПП, 2008. – 227 с.
2. *Кастельс М.* Власть коммуникации. – М.: Высшая Школа Экономики, 2016. – 565 с.
3. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. / поднауч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 505 с.
4. *Козлова В.А.* Человек и экономика в философии М. Кастельса // Дискуссия. – 2014. – №4 (45). – С. 12-16.
5. *Макарова Н.Н.* Экономическая безопасность сетевого взаимодействия хозяйствующих субъектов: неинституциональный подход / Н.Н. Макарова, Г.В. Тимофеева, И.В. Блинова-Сычкарь // Вестник НГУЭУ. 2020. №4.
6. *Пауэлл У.* Сети и хозяйственная жизнь / Лорель Смит-дор, Уолтер Пауэлл // Экономическая социология. 2003. №3.
7. *Смординская Н.В.* Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. – М.: ИЭ РАН, 2015. – 344 с.
8. *Фомичев А.Н.* Стратегический менеджмент. – М.: Дашков и К, 2014. – 468 с.
9. *Sydow J., Schreyogg G.* Self-Reinforcing Processes in Organizations, Networks, and Fields – An Introduction // Schreyogg G., Sydow J. Self-reinforcing processes in and among organizations. – Palgrave, 2013.

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ
ANTHROPOCENTRISM IN MODERN LINGUISTICS

Семенова Александра Сергеевна

Студент 1 курса аспирантуры, направление специальности 5.9.5. «Русский язык. Языки народов России», Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Ассистент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Semenova Aleksandra Sergeevna

1st year postgraduate student, specialty 5.9.5. "Russian language. Languages of the Peoples of Russia", Crimean Federal V.I. Vernadsky University

Assistant Professor of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics, Institute of Philology, Crimean Federal V.I. Vernadsky University

Научный консультант – Карабыков Антон Владимирович
д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский федеральный

университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии

Karabykov Anton Vladimirovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal, V. I. Vernadsky University, Full Professor of the Department of Philosophy

Аннотация: В статье рассматривается философское воззрение, принципы которого активно используются в современной лингвистике.

Abstract: The article examines the philosophical view, the principles of which are actively used in modern linguistics.

Ключевые слова: антропоцентризм, лингвистика, современная лингвистика, функционализм, функциональная лингвистика.

Keywords: anthropocentrism, linguistics, modern linguistics, functionalism, functional linguistics.

В эпоху Возрождения в центре внимания философов оказывается человек. В этот период происходит формирование антропоцентрического мышления (изучение познавательных способностей). Антропоцентризм – «воззрение, согласно которому человек есть центр и высшая цель мироздания» [15; с. 30]; «система взглядов, в основе которой лежит признание активной роли человеческого фактора в развитии того или иного явления действительности» [16, с. 25]. Развитие антропоцентрической мысли

приводит к следующему определению: «...способ решения мировоззренческих проблем, когда исследователь идет не от Бога и мира к человеку, а, наоборот, от человека к миру и Богу» [17, с. 65].

Антропоцентризм в лингвистике – «подход к исследованию языка, приспособленный к нуждам человека, его потребностям» [13, с. 40]. Антропологическая лингвистика – «обобщённое название ряда научных направлений, объединяемых антропоцентризмом – методологическим принципом, в соответствии с которым в центр научных теорий ставится человек, все свойства и категории языка и речи соотносятся с точкой зрения его носителя, выводятся из свойств и поведения человека» [14, с. 24]. Ориентир на человеческий фактор привел к появлению разных областей знаний: прагматика, антропологическая лингвистика, социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология и другие.

Современная лингвистика предполагает освоение языка под влиянием человеческого фактора: «пребывания человека в языке и языка в человеке» [3, с. 72]. Язык связан с разными процессами, например, мышлением. Мышление сложно представить без языка, мысль существует в словесном выражении: динамика мысли сохраняется посредством языка. Сегодня лингвистика направлена на изучение языковой личности (впервые термин ввел В.В. Виноградов): «...В значительной степени мы все находимся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе [3, с. 81]. О смене ориентира в лингвистике пишет и П.И. Костомаров: «Антропоцентризм в лингвистике объясняется учеными сменой ракурса исследования, формулированием нового объекта исследования – языковой личности [4, с. 199]. Языковая личность – человек, носитель языка, который способен к речевой деятельности (а именно воспроизводить и понимать речь). Принцип антропоцентризма в современной лингвистике, по мнению многих ученых (Л.А. Константинова, Е.С. Кубрякова, П.И. Костомаров и др.), основывается на двух тенденциях: «человек в языке» и «язык в человеке». Б.А. Серебrenников в своей работе пишет: «Обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, наметившемся в современной лингвистике, – о смене ее базисной парадигматики и переходе от лингвистики «имманентной» с ее установкой рассматривать язык «в самом себе и для себя» к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [10, с. 8]. Изменения приоритетов, смена ракурса и позиции современной лингвистики требуют рассмотрения. Далекое не секрет, что именно человеческое мышление определяет функционирование языковых единиц в речи. Процесс общения заключается в способности передать и воспринять (понять) информацию. «Построение лингвистики на антропологических началах

предполагает создание единой теории языка и человека» [10, с. 8]. Язык необходимо рассматривать как единую систему, единое целое, о чем нам говорит функциональная лингвистика. Какова же роль человеческого фактора в языке? Человек существует вместе с языком, язык отражает запросы человека, а именно хранит информацию, опыт, результаты разного рода исследований, язык способен быть инструментом воздействия (одна из важных функций языка): «Невозможно представить себе изолированного человека, ухитряющегося осознать существование другого человека. В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, принадлежит самому определению человека» [1, с. 293]. Именно Эмилио Бенвенисту приписывают открытие антропоцентризма в языке, он считал, что человек и язык – одно целое: «Язык же – в природе человека, и человек не изговаривал его» [1, с. 293].

С помощью языка мы мыслим, осознаем, «закрепляем» культуру и науку: «Создав превосходящие естественные возможности способы «мышления» для машин, человек как думал, так и думает с помощью языка, потому что он поставлен перед необходимостью речи» [8, с. 82]. Без языка не существует человек, в свою очередь язык не способен существовать без человека: «Мир без человека принципиально бессмыслен» [9, с. 38]. Язык является ничем иным как действительностью мыслительного процесса человека, основным элементом мышления. «Язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [5, с. 6]. «Во-первых, язык антропоцентричен: он предназначен для человека, и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека: это общая черта всех языков. Во-вторых, каждый язык национально специфичен. При этом в языке отражаются не только особенности природных условий или культуры, но и своеобразии национального характера его носителей» [2, с. 21]. Антропоцентризм в лингвистике, можно сказать, своего рода ориентир на человеческий фактор в языке. Исходя из вышесказанного, язык должен быть рассмотрен неотъемлемо от когнитивных способностей человека.

В лингвистике XXI века антропоцентризм «позволяет учитывать как особенности познания индивидом окружающей действительности, так и его реакцию на взаимоотношения с внешним миром» [8, с. 74]. Это означает, по мнению А.Э. Левицкого, что рассматривается не только поведение человека в целом, но и причины, повлиявшие на поведение. Из этого следует интерес лингвиста к изучению функционирования системы языка: «Как индивид пользуется системой языка, чем его действия обусловлены – ответы на эти вопросы способна дать функциональная лингвистика» [8, с. 74]. В нынешних реалиях функционализм набирает обороты. «Основной пафос функционализма – объяснение языковой формы ее функциями» [11, с. 276]. Этот постулат объясняет функциони-

рование языковых единиц посредством цели той или иной коммуникации, которую ведет языковая личность: «Именно от носителей языка зависит выбор номинативных единиц для активации в дискурсе» [8, с. 75]. При изучении функционирования языковых единиц лингвист обращает внимание на два важных фактора: коммуникативная ситуация и коммуникативная цель. Функционализм ставит акцент на рассмотрении функционирования языка, где язык – средство коммуникации и воздействия. «Функции языка проявляются в тех целях, или назначениях, с которыми он употребляется в культуре. Точнее, именно цель «задает» способ: то, для чего люди используют язык, определяет то, как они делают это» [6, с. 11]. Иначе говоря, язык служит определенным целям, которые направляет человек.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что антропоцентризм как методологический принцип в современной лингвистике позволяет изучить влияние человеческого фактора на языковые явления. Таким образом, внимание сместилось на функционирование языка, что привело к появлению новой научной парадигмы в лингвистике. И это логично, так как язык необходимо изучать не только в рамках языкознания, но и в рамках философии, что связано с постижением действительности человеком. «Как представляется, функционализм является наиболее органичной гносеологической призмой для постижения Универсума, в центре которого – Homo sapiens... Иначе говоря, функционализм – это будущее лингвистической науки, это лингвистическое мировосприятие XXI в.» [9, с. 34-35].

Таким образом, в современной лингвистике появляется большое количество работ, посвященных изучению языковой личности через призму антропоцентризма. Антропоцентричность языка становится новой научной парадигмой, одной из главных проблем для изучения лингвистами: «В статьях и книгах по лингвистике все чаще звучит мысль о «человеческом факторе в языкознании», об антропоцентрическом полюсе в общем континууме науки о языке» [12, с. 202].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика: Пер. с фр. Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. – 4-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 448 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. Ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Константинова Л. А. Антропоцентризм как ключевая идея современной лингвистики / Л. А. Константинова // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания,

- 13-20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова [и др.] – СПб.: МАПРЯЛ, 2015. – Т. 2. – 197 с.
4. *Костомаров П. И.* Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики / П. И. Костомаров // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Т. 1. – Вып. № 2 (58). – С. 198-203.
 5. *Кравченко А. В.* Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск: Изд. Иркут. гос. ун-та, 2004. – 206 с.
 6. *Карабыков А. В.* Проблема функционирования языка в ее отношении к динамике жанровой системы речи / А. В. Карабыков // Вестник Томского государственного университета, 2009. – С. 11-18.
 7. *Карабыков А. В.* К вопросу о системном представлении функций языка / А.В. Карабыков // Вестник Омского университета, 2008. –№ 3. – С. 79–84.
 8. *Левицкий А. Э.* Антропоцентризм современной функциональной лингвистики / А. Э. Левицкий // Вестник Ленинградского Государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия Филология. – СПб, 2010. – Т. 5. – № 1. – С. 74-78.
 9. *Рудяков А. Н.* Язык, или Почему люди говорят: опыт функционального определения естественного языка: учеб. пособие / А. Н. Рудяков. – 2-е изд, испр. и доп. – М.: ФЛИНТА: наука, 2012. – 160 с.
 10. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников [и др.]. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
 11. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М.: УРСС, 2002. – 339 с.
 12. *Седов К. Ф.* Общая и антропоцентрическая лингвистика / К. Ф. Седов. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – 440 с.
 13. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов и понятий. / Т. В. Жеребило. – 6-е изд., испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.
 14. *Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.
 15. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
 16. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева [и др.]; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – М.: ФЛИНТА, 2014. – Т. 1. – 840 с.
 17. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

УДК 303.094.7

**ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИМИТАЦИОННОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ****PHILOSOPHICAL ASPECTS OF SIMULATION MODELING*****Климук Евгений Александрович****аспирант 1-го курса Физико-технического института
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», г. Симферополь****Klimuk Evgeniy Alexandrovich****1st year graduate student of the Institute of Physics and
Technology**Federal State Autonomous Educational Institution of Higher
Education "KFU named after V.I. Vernadsky", Simferopol*

Аннотация: в статье рассматриваются философские аспекты имитационного моделирования. Процесс имитационного моделирования рассматривается с точки зрения рационализма, эмпиризма и прагматизма.

Abstract: the article discusses the philosophical aspects of simulation modeling. The process of simulation modeling is considered from the point of view of rationalism, empiricism and pragmatism.

Ключевые слова: имитационное моделирование, эмпиризм, рационализм, прагматизм

Keywords: simulation modeling, empiricism, rationalism, pragmatism

Преимущественная часть современных предприятий самое пристальное внимание уделяет вопросам непрерывного развития, улучшения и повышения эффективности своего функционирования. Вместе с тем, многие стратегические решения, которые принимаются в бизнесе, сопряжены с определенными рисками, связанными с непосредственным вмешательством в процесс их деятельности и неоднозначностью последствий, вызванных таким вмешательством [1]. Данная группа рисков может быть минимизирована благодаря использованию методики исследования, а также анализа объектов, относящихся к реальному миру, с помощью изучения и построения их моделей, иными словами, путем создания мысленных или материальных аналогов, которые бы повторяли их ключевые свойства и составляющие.

Не секрет, что основы моделирования использовались человечеством всегда, начиная с эпохи Античности как один из наиболее действенных методов научного познания. За последние десятилетия, благодаря бурному развитию современных технологий, круг возможностей моделирования существенно расширился. Использование компьютера в строитель-

стве моделей способствовало появлению совершенно новых методик моделирования, применяющих потрясающие возможности вычислительных машин для математического расчета будущей модели. Это привело к зарождению имитационного моделирования, которое используя математические модели, описывает поведение исследуемых систем таким образом, чтобы они вели себя максимально реалистично и практически так же, как оригинал [2].

Остановимся на философских аспектах моделирования. Рассмотрим процесс имитационного моделирования с точки зрения рационализма, эмпиризма и прагматизма. Всю историю науки проходит борьба между рационализмом и эмпиризмом в вопросе правильных методов научного знания. Представители этих направлений согласны, что научная деятельность начинается с исследования какой-то части природы или, например, наблюдения над смоделированной системой, однако на этом их согласие и заканчивается. Ученый, получив наблюдения, должен постулировать, какие элементы системы взаимодействуют, а потом проверять эти постулаты через наблюдения или рассматривать лишь те, которые эмпирически проверены? Следует ли идти от общего к частному или от частного к общему?

Представители рационализма тесно связаны с математикой, логикой. По мнению рационалистов, модель представляет собой совокупность логических правил, ведущих от предположений, подлежащих или не подлежащих эмпирической оценке, к объективным выводам. В предложенной Форрестером модели города [3] есть некоторые предпосылки, которые, по его мнению, содержат свою обоснованность в самой формулировке, например:

1. Чем больше расходы на душу населения, тем выше уровень обслуживания в городе.
2. Чем больше число ежегодно строящихся в городе домов, тем больше привлекательность города.

Имитационная модель города, разработанная Форрестером, является хорошим примером моделей на основе философии рационализма. Согласиться с правильностью этой модели означает согласиться с основными предпосылками, чаще необоснованными, и логикой, которой они связаны. По мнению экспертов, гораздо опаснее не включать в модель важное отношение, нежели включать его с низкой точностью оценки.

Эмпиризм отказывается принимать любые предпосылки или допущения, которые нельзя проверить либо экспериментально, либо на основе эмпирического анализа. Так, Райхенбах пишет: «Возможность проверки является составной частью любой имеющей смысл теории. Понятие истины, которую нельзя проверить с помощью возможных наблюдений, бессмысленно» [4, с. 240]. Касясь рационалистских моделей систем управления, Спроул говорит: «Я готов смотреть на каждую из них как на интересный изолированный случай, который может быть описан, но из

которого я не буду делать никаких выводов» [4, с. 240]. Таким образом, для эмпиризма в чистом выражении требуется опора на доказанный или проверенный факт и отказ от всякого непроверенного предположения.

Можно рассматривать имитационную модель в виде черного ящика, который преобразует входную переменную в выходную. Рационалист и эмпирик пытаются выяснить структуру этой черной (непрозрачной) коробки. Но существует еще и третий подход к построению имитационной модели – философский подход абсолютного прагматизма. Абсолютный прагматик в принципе говорит: «Создаю модель, чтобы достичь конкретного предназначения. Если достигнута цель, соответствующая модель точна». Его абсолютно не интересует внутреннее строение «черной коробки», он занимается только соотношением входа и выхода.

Мы рассмотрели три совершенно разных подхода к методу имитационного моделирования. Автору статьи сложно принять какую-либо сторону. У каждой стороны есть своя доля истины. Рационалисты больше доверяют обоснованным, но только логически, предпосылкам и на их основе строят модель. Эмпирики категорически против предпосылок, которые нельзя проверить экспериментально или на основе эмпирического анализа. Для прагматика же важно достижение цели и то, что мы получили на выходе модели. Наверное, истина где-то посередине. Но с какой бы стороны мы не рассматривали имитационную модель, нельзя не согласиться с тем, что именно имитационное моделирование дает возможность исследовать различные объекты косвенным путем и тем самым избежать многочисленных рисков.

Модель должна использовать как можно больше физических основ явлений, событий или объектов. Но, с другой стороны, желательно, чтобы она не была слишком сложной. Итак, мы попадаем еще в одно физическое противоречие, которое нужно разрешить при максимально полном выполнении обоих условий. Снова противоречие... Но, наверное, после таких противоречий обычно и появляются изобретения, революционные движения по моделированию, иногда приводящие к полному или почти полному удовлетворению этих требований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кобелев, Н.Б.* Имитационное моделирование. Учебник для разработчиков имитационных моделей и их пользователей / Н.Б. Кобелев, В.А. Половников, В.В. Девятков. – М.: КУРС: НИЦ Инфра-М, 2020.
2. *Sterman, J.* Business Dynamics: Systems Thinking and Modeling for a Complex World / J. Sterman. – McGraw Hill, 2000.
3. Форрестер, *Дж.* Динамика развития города: пер. с англ. / Дж. Форрестер. – М.: Прогресс, 1974.
4. *Шеннон, Р.* Имитационное моделирование систем – искусство и наука / Р. Шеннон. – М.: Мир, 1978.

ВАРИАТИВНО-МОДУЛЬНЫЙ ПОДХОД В СИТУАЦИЯХ ТЕКУЩЕЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

VARIANT-MODULE APPROACH IN SITUATIONS OF CURRENT UNCERTAINTY

Мясников Андрей Геннадьевич

д-р филос. наук, доцент, г. Пенза, Пензенский государственный университет, профессор кафедры социально-гуманитарных наук; Московский университет им С.Ю. Витте филиал в г. Пензе, профессор кафедры управления

Myasnikov Andrey Gennadjevich

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Penza, Penza State University, Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences; S.Y. Witte Moscow University, Penza Branch, Professor, Department of Management.

Аннотация: В статье представлена авторская концепция вариативно-модульного подхода в современной практической философии. Показаны структурно-функциональные особенности данного подхода в контексте экстремальных ситуаций высокой степени неопределенности и снижения степени личной и общественной свободы. Использована трехуровневая модель традиционного сознания для формирования основных мировоззренческих модулей, наиболее подходящих для определенной степени свободы.

Abstract: The article presents the author's concept of variation-modular approach in modern practical philosophy. The structural and functional features of this approach in the context of extreme situations of high degree of uncertainty and decreasing degree of personal and social freedom are shown. The three-level model of traditional consciousness is used to form the basic worldview modules that are most suitable for a certain degree of freedom.

Ключевые слова: вариативно-модульный подход, практическая философия, степени свободы, уровни традиционного сознания, ценности выживания

Keywords: variation-modular approach, practical philosophy, degrees of freedom, levels of traditional consciousness, survival values

После своего недавнего возрождения в российском социуме практическая философия вновь оказалась в сложной исторической ситуации, а именно перед мировоззренческим выбором: вернуться к идеологическому обслуживанию меняющихся запросов господствующего военно-бюрократического класса или попытаться сохранить свой научный (рационально-критический) статус беспартийной рефлексии о происходящих социально-политических, экономических, нравственно-религиозных явлениях и процессах. В современных экстремальных условиях выбрать

второй вариант становится все труднее, но, тем не менее, возможно. Тем более, что этого требует наш профессиональный и разумный долг поиска истины и следования принципам справедливости и полезности.

Для сохранения такого рода беспартийной практической рефлексивности в сложных ситуациях неопределенности мы предлагаем использовать вариативно-модульный подход, который был недавно разработан нами в ряде публикаций [1]. Суть этого философского подхода заключается в том, что в условиях резкого снижения степени личной и общественной свободы как самостоятельности, человеку необходимо сохранять рационально-критическое мышление и хотя бы базовый уровень сознания собственного достоинства, не допуская нарушения фундаментальных запретов на ложь и насилие над другими [4].

Так, в ситуациях вынужденного замолчания, ценности выживания становятся приоритетными прагматическими целями, но так как экстремальная ситуация обычно бывает недолгой, то нужно относиться к ней как к временному ограничению свободы (например, как к срочной службе в армии или пребыванию в тюрьме), и в это трудное время важно сохранить в себе человеческие, нравственно-правовые основы, «внутренний стержень», чтобы не превратиться в «социального червя», в марионетку чьих-то властных интересов, не потерять уважения к себе [3].

Вариативность этого подхода предполагает оценку уровня своей свободы в конкретной жизненной ситуации (от минимального для взрослого человека – 3-го уровня до высшего – 10-го уровня), и рационально-критическую выработку соответствующего мировоззренческого модуля, позволяющего конструктивно адаптироваться к меняющимся условиям выживания в данном социуме [2]. При этом модульный характер нашего подхода опирается на трехуровневую структуру традиционного сознания, которое включает в себя следующие уровни:

1. Высший уровень – религиозно-метафизический;
2. Средний уровень – властно-политический;
3. Низший уровень – социально-родовой (экономический)

Согласно этой иерархической структуре, можно выделить три смысловых модуля, которые будут составлять основные части мировоззрения человека или его практической философии.

В зависимости от наличной степени свободы-самостоятельности человека может различаться содержание этих модулей для более эффективной адаптации к внешним обстоятельствам жизни. Например, находясь в экстремальной ситуации ограничения прав, постоянной опасности для жизни и здоровья, и большой зависимости от государственных институтов, человек сознает себя на третьей степени свободы, и вполне рационально понимает, что от него мало что зависит, и он не может изменить сейчас эту ситуацию без большого риска для себя и своей семьи.

Поэтому для такого минимального уровня будет характерна и минимальная личная ответственность за происходящее, а следовательно, первый модуль мировоззрения будет преимущественно иметь фаталистический характер, позволяющий снять с человека эту личную ответственность («мы солдаты – мы не виноваты», «все решается за нас наверху»). Но сознание фатальности, предопределенности жизни и полной безответственности может порождать цинизм, анархию или полную апатию, поэтому практическая философия постулирует тезис о том, что человек всегда свободен в определенной степени, и даже находясь в тюрьме или в иной экстремальной ситуации войны или эпидемии, у человека остается возможность что-то изменить в своей жизни, сделать определенный выбор и следовать ему.

Постулирование определенной степени свободы любого живущего человека позволяет преодолеть жесткий фатализм, и защитить понятие свободы воли как необходимого условия активной деятельности, а также дает возможность для возрастания степени личной и общественной свободы.

Так, традиционная ментальная установка «мы не свободны» может играть психотерапевтическую роль в экстремальных ситуациях выживания, но она не дает основания для будущего продвижения к возрастанию степени свободы и личностному развитию, т.е. удерживает человека и общество на минимальной степени свободы или практически в состоянии несвободы. Этот пример наглядно показывает важность конструирования мировоззренческих модулей с учетом многих внутренних и внешних факторов, при этом постулируя возможность продвижения любого человека и общества к высшим степеням свободы – политической, нравственно-религиозной и творческой [2].

Таким образом, вариативно-модульный подход позволяет не только эффективно адаптироваться к современным экстремальным ситуациям выживания, но и формировать рациональные основания для последующего возрастания степеней свободы и будущего совершенствования личной и общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мясников А. Г. О вариативно-модульном характере современной социально-практической философии // Философия и общество. 2023. № 4. С. 33–47.
2. Мясников А.Г. Право на ложь как ловушка для свободы // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 174-186.
3. Мясников А. Г., Мясникова Т. А. Условия реализации политической свободы в постсоветском обществе: опыт социально-философского анализа и моделирования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020 № 4. С. 81–90.
4. Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005. – 416 с.

УДК 614.253.84

ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА MEDICAL SECRECY AS AN ETHICAL PROBLEM

Настоящий Сергей Геннадьевич

аспирант кафедры внутренних болезней №1, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

Nastoyaschy Sergei Gennadievich

PhD student of the Department of Internal Diseases No. 1, Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

Аннотация. В данной статье мною рассмотрено, в чем заключается этическая проблема сохранения врачебной тайны, в современном обществе, также какая ответственность полагается за разглашение.

Abstract. In this article, I have considered what the ethical problem of preserving medical secrecy is in modern society. And also what responsibility is due for disclosure.

Ключевые слова: врачебная тайна, медицина, этическая проблема

Keywords: medical secrecy, medicine, ethical problem

Актуальность этой темы заключается в противоречии между необходимостью соблюдения врачебной тайны и раскрытием личных данных пациентов в случаях врачебных ошибок. Изучение данного вопроса с точки зрения морали, этики и правового регулирования позволит определить границы допустимого разглашения информации и обеспечить защиту прав пациентов и врачей.

Врачебная тайна – это обязательство медицинских работников не раскрывать информацию о здоровье пациента, диагнозе, результатах обследований, обращении за медицинской помощью и личной жизни третьим лицам, если это не предусмотрено законодательством. Разглашение врачебной тайны происходит, когда информация передаётся любому лицу, кроме самого пациента, его законных представителей или медицинского персонала, участвующего в лечении. Особые правила действуют в отношении членов семьи пациента, как указано в статьях 13 и 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». [6].

Врачебная тайна может быть раскрыта различными способами, включая устную и письменную форму, например, по телефону, через печатные издания и другие средства коммуникации. [1].

Предоставление медицинским работником информации о состоянии здоровья пациента самому пациенту не является нарушением врачебной

тайны и не считается преступлением с юридической точки зрения. Это связано с тем, что пациенты имеют право на получение информации о своём здоровье, особенно в случае психических расстройств. [1, 3].

Этические аспекты врачебной тайны

Социальная этика акцентирует внимание на значимости врачебной тайны в современной медицине. Это фундаментальный принцип деонтологии и профессиональной медицинской этики. Социальные нормы предписывают каждому человеку оберегать доверенные секреты. Однако понятие тайны приобретает особую значимость в медицине, где тесно взаимосвязаны данные о пациенте, его здоровье, перспективах и будущем. Некоторые аспекты личной жизни пациента становятся известными врачу в процессе лечения, что вызывает отличия в отношениях между врачом и пациентом по сравнению с обычными социальными связями. [2, 4].

Понятие «врачебной тайны» зародилось в Древней Индии, где существовал афоризм: «Можно бояться брата, матери, друга, но врача – никогда!». С древних времён врачи клялись хранить секреты пациентов и выполнять это обещание. [2].

Врачебная тайна является одним из основных принципов клятвы Гиппократа, которая гласит: «... Что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни человеческой из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу об этом, считая такие вещи тайной...» [5].

Таким образом, обязанность сохранять врачебную тайну закреплена в нескольких нормативных документах, включая Этический кодекс российского врача, Кодекс врачебной этики Российской Федерации, Кодекс профессиональной этики психиатра и Клятву врача. Это подчёркивает важность соблюдения данного принципа в медицинской практике. [2].

Правовые аспекты врачебной тайны

Врачебная тайна – это не только этическое, но и правовое понятие, так как государство гарантирует сохранность информации о здоровье пациентов и регулирует этот вопрос через законодательство и установление ответственности за разглашение.

Сегодня защита врачебной тайны основана на статьях 23 и 24 Конституции РФ, которые гарантируют каждому гражданину право на личную тайну и запрещают использование и распространение информации о частной жизни без согласия индивида.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет понятие «врачебной тайны» в статье 13 и рассматривает её как один из основных принципов охраны здоровья граждан. Закон устанавливает условия предоставления информации, составляющей врачебную тайну, другим лицам с разрешения гражданина или его законного представителя, а также без такого разрешения. [6].

Таким образом, согласно Гражданскому кодексу РФ, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна являются неотъемлемыми правами гражданина, которые не могут быть переданы другим лицам. Сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни без согласия гражданина запрещены, если иное не предусмотрено законом. [2].

Тайна личной информации о состоянии здоровья также защищена статьёй 10 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных». Этот закон запрещает обрабатывать, использовать и распространять такие данные, за исключением случаев, предусмотренных этим законом. [2].

Врачебная тайна защищена следующими международными правовыми документами: Всеобщей декларацией прав человека, Международным пактом о гражданских и политических правах, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, принципами защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи, Лиссабонской декларацией о правах пациента, Основами концепции прав пациента в Европе и принципами предоставления медицинской помощи в любой системе здравоохранения. [2]

Содержание понятия «врачебная тайна»

Понятие «врачебная тайна» включает в себя информацию:

- медицинского характера (о заболеваниях, диагнозах и состоянии здоровья пациента);
- немедицинского характера, такую как факт обращения за медицинской помощью, прохождение лечения или освидетельствования без согласия пациента.

Также в это понятие входят антропометрические показатели, особенности телосложения, группа крови, характер, личная и семейная жизнь, интересы, чувства, мечты, воспоминания, действия, предпочтения, вредные привычки и отношения с другими людьми. Сюда же относится конфиденциальная информация о пациенте и его близких, если она стала известна врачу при выполнении своих обязанностей. [2].

Врачебная тайна включает информацию, которую пациент предоставляет врачу или другому специалисту во время получения медицинской помощи, а также сведения, ставшие известными медицинскому работнику в связи с выполнением служебных обязанностей и других функций, включая результаты медицинских вмешательств и уход за пациентом.

Круг лиц, обязанных хранить врачебную тайну

Лица, которым стали известны сведения, составляющие врачебную тайну, включают тех, кто проходит обучение, выполняет трудовые, должностные, служебные и иные обязанности.

Термин «врачебная тайна» не совсем точен, так как обязанность сохранять конфиденциальность касается не только врачей, но и других медицинских работников, психологов, юристов, практикантов, программистов, водителей, охранников, полицейских и студентов медицинских и других вузов. Все они должны соблюдать принципы конфиденциальности при работе с информацией о здоровье пациентов. [2].

Таким образом, сотрудники различных учреждений и специалисты, работающие с конфиденциальными данными, должны соблюдать врачебную тайну, которая является частью адвокатской и нотариальной тайны. Если информация связана с тайной следствия или судопроизводства, обязанность не раскрывать её распространяется на всех участников процесса. Представители правозащитных организаций также обязаны хранить врачебную тайну.

Виды ответственности, предусмотренные за разглашение врачебной тайны

Доступ к информации, составляющей врачебную тайну, может повлечь за собой дисциплинарную, гражданскую, административную или уголовную ответственность. Ответственность определяется степенью вреда, причинённого гражданину в результате раскрытия этих сведений. [2].

Таким образом, врачебная тайна представляет собой обязательство сохранять конфиденциальность информации о здоровье пациента, которое касается не только врачей, но и других медицинских работников, психологов, юристов, студентов и профессионалов из разных областей. Эта тайна является частью адвокатской и нотариальной тайны и должна соблюдаться всеми участниками процесса, включая следователей, судей и депутатов. Кроме того, это правовое понятие гарантирует сохранность информации о здоровье пациента и регулируется законодательством.

Закон определяет врачебную тайну как один из основных принципов охраны здоровья граждан и устанавливает условия предоставления информации другим лицам с разрешения пациента или его законного представителя. Это понятие возникло в Древней Индии и связано с клятвой Гиппократа. Обязанность не разглашать врачебную тайну закреплена в различных нормативных документах и кодексах, таких как Этический кодекс российского врача и Кодекс врачебной этики Российской Федерации.

Врачи обязаны соблюдать врачебную тайну, чтобы защитить частную жизнь пациентов и предотвратить распространение конфиденциальной информации. Однако в некоторых случаях, например, при угрозе жизни пациента или распространении инфекционных заболеваний, врачи могут раскрывать определённую информацию третьим лицам.

Важно осознавать, что разглашение врачебной тайны может повлечь за собой юридические последствия, и пациенты должны быть осведомлены о своих правах и обязанностях медицинских работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аргунова Ю.Н.* Ответственность за разглашение врачебной тайны : // Независимый психиатрический журнал. – 1995. – № 1. – С. 43–45.
2. *Аргунова Ю.Н.* Права граждан при оказании психиатрической помощи (Вопросы и ответы). – Москва: Грифон, 2014. – 640 с. – 1600 экз.
3. Закон РФ от 2 июля 1992 г. N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» (с изменениями и дополнениями).
4. *Николаева Е.В., Сибатян С.М.* Врачебная тайна: медицинские и юридические аспекты, вопросы разглашения, «Главврач», №3, 2012 г.
5. Гиппократ. «Избранные книги»// Перевод с греч. В.И. Руднева; Под ред. В.П.Карпова. М., 1994. С. 87-88.
6. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

**ОТНОШЕНИЕ К ПРОВЕДЕНИЮ АУТОПСИИ ТРУПОВ С
ПОЗИЦИИ КАНОНИЧЕСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ**
**ATTITUDE TO CARRYING OUT AUTOPSIES OF CORPSES FROM
THE POSITION OF CANONICAL RELIGIOUS CONFESSIONS**

Энзель Дарья Анатольевна

аспирант 1 года обучения, ассистент кафедры патологической анатомии с секционным курсом 2-го медицинского факультета Ордена Трудового Красного Знамени Медицинского института им. С. И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», г. Симферополь

Enzel Darya Anatolyevna

first-year postgraduate student, Assistant of the Department of Pathological Anatomy with a sectional course of the 2nd Medical Faculty of the Order of the Red Banner of Labour Medical institute named after S. I. Georgievsky V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация: В работе отображено отношение к проведению аутопсии трупов с точки зрения нескольких канонических религиозных конфессий. Тема актуальна, так как аутопсия является важной процедурой, но ряд религий запрещают проводить ее, что требует осмысления проблемы. В заключении статьи автор предлагает разрешить на территории России виртопсию, которая является альтернативой аутопсии, но не требует вскрытия тела, что решает религиозную проблему.

Abstract: The work reflects the attitude towards autopsies of corpses from the point of view of several canonical religious denominations. The topic is relevant, since autopsy is an important procedure, but a number of religions prohibit it, which requires solving the problem. At the conclusion of the article, the author proposes to allow virtopsy on the territory of Russia, which is an alternative to autopsy, but does not require an autopsy of the body, which solves the religious problem.

Ключевые слова: аутопсия, виртопсия, религиозные ограничения, запрет на аутопсию, исключения при аутопсии.

Keywords: autopsy, virtopsy, religious restrictions, ban on autopsy, exceptions for autopsy.

Аутопсия является неоднозначным религиозным вопросом. В некоторых канонических религиозных конфессиях она прямо не запрещена, в иных, наоборот, существуют лишь исключительные случаи возможности ее проведения. Изучение данного вопроса актуально потому, что позволяет констатировать отличия в различных религиях по этому вопросу, а также предложить метод, позволяющий решить проблемы при необходимости проведения аутопсии, вне зависимости от религии.

Под аутопсией в рамках работы предлагается понимать вскрытие тела человека после его смерти для анализа, либо в рамках выяснения причин смерти, либо для исследовательских целей и дальнейшего развития науки.

Канонические религиозные конфессии неоднозначно относятся к этому процессу, далее будут рассмотрены некоторые основные позиции. Так, в иудаизме аутопсия является грехом, так как тело человека, созданное по образу и подобию Бога, несущее на себе его печать, уродуется. В целом, эта религия считает необходимым относиться к телу умершего так, как относились бы к самому человеку при жизни. Более того, согласно данной религии, в первые несколько дней после смерти душа напрямую связана с телом, потому причинять ему страдания недопустимо. Более того, даже косметические процедуры, согласно этой религии, запрещены, потому что человек должен быть погребен так, как он умер. Однако, если есть обязательства по проведению данной процедуры, ее проводят, но с учетом следующих правил: 1) чрезвычайная осторожность при проведении процедуры; 2) нельзя не вернуть органы и даже кровь в тело человека. При этом можно выделить следующее, согласно позиции раввина Йехезиэля Ландау, аутопсия разрешается представителями конфессии в исключительных случаях, а именно: 1) сведения, которые будут получены медицинским сотрудником, позволят не допустить смерть другого человека, в том числе, если он находится в другой стране (расстояние и родство не имеют значения); 2) умерший имел болезнь, установить которую не получилось или она является недостаточно изученной наукой; 3) органы следствия настаивают на аутопсии.

Согласно христианской религии, аутопсия возможна, никаких ограничений нет, за исключением одного – получение материальной выгоды. Можно считать, что такая позиция возможно по причине того, что аутопсия никоим образом не повлияет негативно на загробную жизнь человека, его воскресение тоже не будет затронуто, потому вскрытие тела разрешено. Однако, отметим, что в христианской религии все равно апеллируют к врачам в отношении того, чтобы с телом обращались уважительно даже после смерти. Можно также отметить, что еще в 1700 году были созданы первые анатомические театры в России, потому в православии относятся к аутопсии, как к необходимому действию, которое позволит, например, развить медицину. Любая достаточная причина (выяснение причины смерти, доказательство вины преступника, помощь третьему лицу и так далее) является причиной аутопсии [3, с. 283]. Отметим, что католики сейчас придерживаются общей для христиан позиции, но ранее имелся запрет на аутопсию, так как тело человека считалось храмом Святого Духа.

Согласно нормам ислама, аутопсия запрещена. Причиной является текст одного из Хадисов (рассказы о пророке Мухаммеде, каждый из

которых является частью Сунны – второй по значимости источник знаний и норм, после Корана), согласно которому относиться к телу умершего необходимо с таким же уважением, как и к телу живого. Вскрытие является грехом, так как в Хадисе указано, что, сломав кость мертвому, грех равен перед Богом по степени, как если бы кость сломали живому. Аналогичная ситуация имеет место в отношении аутопсии – вскрытие мертвого тела равносильно вскрытию живого человека. Наиболее часто причиной ее проведения является: 1) научно-медицинские цели, в том числе обучение будущих врачей; 2) выявление причины смерти; 3) для получения доказательств с целью восстановить справедливость, наказать преступника. При этом, если родственники против данной процедуры, ее не проводят [2, с. 256].

Констатируем, что две из трех изученных канонических религиозных конфессий на данный момент накладывают ограничения на аутопсию. Объединить причины можно следующим – тело умершего человека требует такого же уважения, как тело живого человека. Этот аспект требует решения, которое сможет, как не затронуть религиозные чувства верующих, так и преодолеть проблемы, которые возникают при проведении процедуры.

Автор данной статьи предлагает разрешить применение виртопсии на территории Российской Федерации. Под этим термином предлагается понимать процедуру проведения виртуальной аутопсии с помощью оборудования для компьютерной томографии, которая не требует разрезания тела, изъятия органов и иных манипуляций, характерных для аутопсии [1, с. 109]. Можно считать, что с телом умершего будут обращаться также, как с телом живого человека – компьютерную томографию проводят живым людям, потому здесь будет иметь место одинаковое, справедливое отношение к телу. Это позволит не нарушить религиозные правила, а также решить ряд проблем, например, определить причину смерти человека. Более того, согласно новым исследованиям, виртопсия более эффективна, чем аутопсия, если смерть наступила по причине огнестрельного ранения, вследствие утопления или падения с большой высоты. При этом у родственников умершего не будет сомнений в том, что процедура прошла верно, которые могут возникнуть, например, у представителей иудаизма в отношении того, все ли органы возвращены в тело покойника, вся ли кровь находится тоже в нем и так далее. Более того, родственники, согласные на аутопсию и имеющие особую ситуацию, которая позволяет процедуру по религиозным причинам, смогут отказаться от нее, прибегнув к виртопсии, однако, любая из ключевых целей – восстановление справедливости, развитие науки, выполнение требований государственных органов, будет реализована. Как итог, виртопсия не противоречит религиозным нормам, способна предоставить родственникам умершего выбор, эффективна для установления причин смерти и более результативна в некоторых случаях.

Таким образом, приходим к выводу о том, что две из трех канонических религиозных конфессии запрещают аутопсию, за исключением ряда схожих ситуаций. При этом процедура может оказаться действительно важной, необходимой, однако, это создаст религиозно-этическую проблему. Виртопсия, являющаяся альтернативой аутопсии, по мнению автора работы, является одним из вариантов решения отмеченной проблемы, так как религиозная проблема не будет иметь место. Более того, даже при получении разрешения от церкви, родственники смогут отказаться, так как опасения в отношении соблюдения всех норм, могут сохраняться. Рекомендуется разрешить данную процедуру и распространить на территории всей Российской Федерации, так как это благоприятно отразится на соблюдении религиозно-этических норм и развитии криминалистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русакова, К.А.* Возможности использования технологии виртуальной аутопсии в Российской криминалистике / К. А. Русакова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 5-3(80). – С. 108-110. – DOI 10.24412/2500-1000-2023-5-3-108-110.
2. *Спирidonov, В.А.* Отношение к проведению аутопсии трупов с точки зрения религиозных аспектов в исламе / В. А. Спиридонов, И. Н. Гайнетдинов // Медицинское право: теория и практика. – 2015. – Т. 1, № 2(2). – С. 253-258.
3. *Хмелевская, С.А.* Наука и религия на стыке границ рефлексивного и валлоативного знаний (на примере развития анатомии в эпоху позднего возрождения) / С. А. Хмелевская // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: труды III Всероссийской научной конференции, Нижний Новгород, 26–28 ноября 2021 года / Русское общество истории и философии науки. – Москва: Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», 2021. – С. 281-285.

**СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛЮДЕЙ С САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**SOCIALIZATION OF PEOPLE WITH DIABETES MELLITUS
IN MODERN SOCIETY**

Ливенцов Станислав Юрьевич

*Аспирант кафедры физиологии человека и животных и био-
физики Института биологических технологий, экологии
и фармации*

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского»*

Liventsov Stanislav Yurievich

*Postgraduate student of the Department of Human and Animal
Physiology and Biophysics at the Institute of Biological
Technologies, Ecology and Pharmacy, Federal State Educational
Institution of Higher Education «V.I. Vernadsky Crimean Federal
University»*

Аннотация: Данная статья посвящена вопросу социализации людей больных сахарным диабетом в современном обществе. В большинстве стран реализуются государственные программы помощи больным сахарным диабетом, в ходе которых им предоставляют необходимое лечение, но в тоже время недостаточно внимания уделяют проблемам их социализации в обществе. В работе затрагиваются вопросы несправедливой дискриминации и негативного отношения к больным сахарным диабетом, а также рассматриваются возможные варианты оказания помощи и поддержки.

Abstract: This article is devoted to the issue of socialization of people with diabetes mellitus in modern society. In most countries, state programs are being implemented to help patients with diabetes mellitus, during which they are provided with the necessary treatment, but at the same time not enough attention is paid to the problems of their socialization in society. The work addresses issues of unfair discrimination and negative attitudes towards patients with diabetes mellitus, as well as possible options for providing assistance and support.

Ключевые слова: сахарный диабет, социальная поддержка, дискриминация, инклюзивность.

Keywords: diabetes mellitus, social support, discrimination, inclusion.

Сахарный диабет, хроническое нарушение обмена веществ, характеризующееся повышенным уровнем сахара в крови [1]. Данное заболевание поражает миллионы людей во всем мире, создавая серьезные проблемы для здоровья и благополучия человека. Помимо физиологических последствий для организма, диабет требует многогранного под-

хода к лечению, включающего корректировку образа жизни, медицинские вмешательства и, что особенно важно, социальную поддержку. В современном обществе, где заболеваемость диабетом продолжает расти и составляет уже порядка 500 млн зарегистрированных случаев [2], невозможно переоценить важность социализации для людей, страдающих этим заболеванием. Социализация, включающая в себя межличностные связи, участие в общественной жизни и сети социальной поддержки, играют важнейшую роль в расширении возможностей людей с диабетом эффективно приспосабливаться к новому образу жизни. В этой работе мы хотим поднять вопрос о роле социализации в поддержке людей с сахарным диабетом в современном обществе, отметить ее глубокое влияние на эмоциональное благополучие, доступ к ресурсам и формирование чувства принадлежности. Благодаря анализу этих аспектов становится очевидным, что социализация является краеугольным камнем в системе комплексного ухода и помощи людям, живущим с сахарным диабетом в настоящее время.

Социальная помощь играет ключевую роль в поддержании психического здоровья людей, живущих с сахарным диабетом. Влияние внимания от общества выходит за рамки простого общения; оно служит мощным буфером против психологических стрессов, связанных с управлением хронических заболеваний, к которым относится диабет. Исследования в этой области демонстрируют, что прочные социальные сети коррелируют с улучшением психического здоровья людей с диабетом, включая снижение уровня депрессии, тревоги и стресса [3].

Группы поддержки и онлайн-сообщества являются бесценными ресурсами для людей, ищущих понимания и помощи в социализации на пути к лечению диабета. Эти платформы обеспечивают безопасное пространство для обмена опытом, стратегиями преодоления трудностей и получения советов от людей, сталкивающихся с аналогичными проблемами [4]. В группах взаимной поддержки участники находят утешение в осознании того, что они не одиноки в своей борьбе, что в свою очередь способствует развитию чувства солидарности и коллективного расширения возможностей. Аналогичным образом, онлайн-сообщества предлагают удобную возможность приобщиться к различным коллективам, преодолевая географические барьеры и обеспечивая круглосуточную поддержку.

Появление социальных сетей произвело революцию в получении людьми медицинских услуг, особенно теми, кто живет с сахарным диабетом [5]. Социальные медиа-платформы служат динамичными центрами обмена информацией, связывая людей с множеством ресурсов и сетей поддержки. Благодаря целевой рекламе, кампаниям по охране здоровья и общественным форумам, социальные сети облегчают беспрепятствен-

ный доступ к медицинским услугам, позволяя людям принимать осознанные решения для эффективного лечения диабета и адаптации жизни с ним.

Помимо социальных сетей, решающую роль в поддержке людей с сахарным диабетом играют условия на рабочем месте и в обществе. Благоприятные условия на рабочем месте, такие как гибкий график, доступ к необходимому питанию и выделенное время перерыва для контроля уровня глюкозы, могут значительно облегчить бремя управления диабетом при сохранении уровня занятости. Кроме того, общественные программы, разработанные с учетом потребностей людей с диабетом, такие как семинары по питанию, занятия физкультурой и группы поддержки, способствуют формированию чувства принадлежности к обществу и расширяют возможности.

Государственные инициативы играют ключевую роль в улучшении доступа к необходимым ресурсам у людей с сахарным диабетом. С помощью реформ здравоохранения, программ субсидирования и кампаний по информированию населения правительство должно стремиться повысить доступность услуг по лечению диабета. Например, решения, направленные на увеличение страхового покрытия расходов, связанных с диабетом, включая лекарства, медицинские принадлежности и профилактические обследования, снижают финансовые барьеры на пути к лечению [6]. Кроме того, законодательные меры по введению культуры здоровья в школах и на рабочих местах способствуют раннему выявлению и активному лечению различных хронических заболеваний, в том числе и диабета.

Следует отметить, что объединение социальных сетей, благоприятной рабочей и общественной среды, а также государственных инициатив способствовало расширению доступа к ресурсам для людей, живущих с сахарным диабетом. Используя возможности технологий, создавая инклюзивную среду и выступая за политические реформы, заинтересованные стороны из разных секторов общества могут внести коллективный вклад в повышение качества жизни и улучшение результатов для людей, страдающих сахарным диабетом.

Принятие обществом это одна из ключевых проблем для людей, страдающих сахарным диабетом, поскольку укоренившиеся заблуждения и стигматизация продолжают формировать общественное восприятие этого заболевания, в том числе и в нашем государстве. Несмотря на значительные успехи, достигнутые в медицине и возможностях лечения, сложившиеся стереотипы часто выставляют людей с диабетом в негативном свете, увековечивая вредные мифы о том, что они ленивы, недисциплинированы или каким-то образом ответственны за состояние своего здоровья. В то же время неосведомленность общества об этом заболевании ведёт к тому, что больные люди продолжают усугублять своё положение, например, оставляя вредные привычки и не соблюдая здорового образа жизни. Эта общественная стигма может проявляться в различных формах – от едва заметных проявлений дискриминации в повседневном об-

щении до широко распространенных системных барьеров, которые препятствуют доступу к здравоохранению, образованию и возможностям трудоустройства [7].

В основе этой проблемы лежит повсеместное непонимание диабета и его сложностей. Многие люди не знают различий между диабетом 1-го и 2-го типа, часто смешивая эти два заболевания и возлагая вину за состояние своего здоровья на отдельных людей. Подобные заблуждения не только подпитывают общественную стигму, но и подрывают усилия по развитию сочувствия, поддержки и инклюзивности в отношении людей, живущих с диабетом.

Перед лицом этих проблем невозможно переоценить важность создания гармоничной социальной среды. Инклюзивные пространства служат убежищем, где люди с диабетом могут найти утешение, товарищество и понимание в условиях общественного давления и осуждения, с которыми они могут столкнуться. Будь то группы поддержки, общественные центры или онлайн-форумы, эти среды являются бесценными платформами для людей, где они могут поделиться своим опытом, обменяться стратегиями преодоления, найти подтверждение и поддержку у других участников, которые не понаслышке знают об их проблемах.

Более того, инклюзивная социальная среда играет ключевую роль в укреплении психического благополучия и жизнестойкости людей, живущих с диабетом. Способствуя формированию чувства принадлежности и принятия, эти пространства позволяют людям принимать свое состояние здоровья с уверенностью и стойкостью. Исследования постоянно демонстрируют положительное влияние социальной поддержки на психическое здоровье людей с диабетом, подчеркивая преобразующий потенциал инклюзивной социальной среды в смягчении психосоциального бремени, связанного с этим заболеванием [8].

Наряду с созданием инклюзивной социальной среды, адвокационные усилия играют важную роль в борьбе со стигмой, повышении осведомленности и стимулировании системных изменений для создания более благоприятного и справедливого общества для людей с диабетом. Для борьбы со стигмой и обеспечения инклюзивности правозащитные организации используют различные стратегии – от кампаний по повышению осведомленности населения и образовательных инициатив до пропаганды политики и законодательных действий. Усиливая голоса людей, страдающих от диабета, выступая за равный доступ к медицинскому обслуживанию и ресурсам, а также способствуя позитивному изображению в СМИ и общественном дискурсе, эти организации способствуют преобразованию общества и дают людям возможность жить полноценной жизнью, не подвергаясь дискриминации.

От ключевой роли социальной поддержки в укреплении психического здоровья до преобразующей силы инклюзивной социальной среды в воспитании жизнестойкости и сопричастности – очевидно, что социа-

лизация служит краеугольным камнем в системе комплексного ухода и поддержки людей с сахарным диабетом. Предоставляя платформу для эмоционального самовыражения, обмена информацией и взаимной поддержки, социализация дает людям возможность преодолевать трудности, связанные с управлением диабетом, с уверенностью и стойкостью.

Однако, при размышлении о влиянии социализации на благополучие, становится очевидным, что необходимы согласованные усилия для создания более благоприятной социальной среды для людей с диабетом. Это призыв к действию для заинтересованных сторон из разных секторов – медицинских работников, политиков, организаций по защите прав, работодателей, педагогов и общественных лидеров – для совместной работы над созданием инклюзивных пространств, где люди с диабетом чувствуют себя ценными, понятыми и поддержанными.

Вместе мы должны бороться со стигмой, повышать осведомленность и выступать за системные изменения, чтобы создать общество, которое будет принимать и расширять возможности людей, живущих с сахарным диабетом. Проявляя сочувствие и понимание, мы сможем создать культуру поддержки и жизнестойкости, в которой никто не будет чувствовать себя изолированным или маргинализированным из-за состояния своего здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клиническая патофизиология: Учебное пособие для студентов вузов / Алмазов В. А. – издание 3-е, переработанное и дополненное. – Санкт– Петербург гос. мед. университет им. И. П. Павлова; М.: ВУНМЦ: Питер, 1999. – С. 209–213.
2. Диабет пошел на мировой рекорд: [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6068812> (дата обращения 26.03.2024).
3. *Кравченко А.Я. Сахненко В.В. Будневский А.В. Подвигин С.Н.* // Клиническая медицина. 2016; 94(2) DOI 10.18821/0023-21 49-2016-94-2-97-101 // ГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет им. Н.Н. Бурденко» Минздрава России, 394036, г. Воронеж // САХАРНЫЙ ДИАБЕТ 2-ГО ТИПА И ДЕПРЕССИЯ.
4. О мероприятиях по созданию региональных центров государственного регистра больных сахарным диабетом. Приказ Министерства здравоохранения РФ №405 от 15 ноября 2001 г.
5. *Литинская Е.Л., Пожар К.В., Полякова Е.А.* Метод автоматического регулирования инфузии базального инсулина в системе персонализированной инсулинотерапии // Медицинская техника. 2020. № 5(323). С. 51-54.
6. https://www.inva.news/articles/inva_info/lgoty_dlya_bolnykh_diabetom_v_2022_godu/?ysclid=luij7c7hkc5748435037 (дата обращения 29.03.2024).
7. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9cf3204a-660c231c-b1442430-74722d776562/https/www.verywellhealth.com/diabetes-stigma-6748482 (дата обращения 29.03.2024).
8. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.7126513b-660c2376-90fb7424-74722d776562/https/www.verywellhealth.com/supporting-someone-with-diabetes-5206667 (дата обращения 30.03.2024).

**ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭВТАНАЗИИ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ****ETHICAL PROBLEMS OF EUTHANASIA
IN RUSSIAN SOCIETY*****Усеинова Реан Хайриевна****аспирант, 1-й курс, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского, г. Симферополь****Useinova Rean Khairievna****Graduate student, 1st year Crimean Federal University named
after V. I. Vernadsky, Simferopol*

Аннотация: Проблема эвтаназии является неисчерпаемой темой для размышлений с точки зрения медицины, права, социологии, философии, религии и морали. Вопрос о том, насколько правомерно и обоснованно лишать человека жизни, а главное – насколько это гуманно, по сей день является открытым. В работе проводится анализ мирового опыта по легализации эвтаназии, а также морально-этические аспекты возможности внедрения права на добровольную смерть в Российской Федерации.

Abstract: The problem of euthanasia is an inexhaustible topic for thought from the point of view of medicine, law, sociology, philosophy, religion and morality. The question of how legitimate and justified it is to take a person's life, and most importantly, how humane it is, is still open to this day. The paper analyzes the world experience in legalizing euthanasia, as well as the moral and ethical aspects of the possibility of introducing the right to voluntary death in the Russian Federation.

Ключевые слова: активная эвтаназия, пассивная эвтаназия, самоубийство с помощью врача, этика, мораль.

Keywords: active euthanasia, passive euthanasia, suicide with the help of a doctor, ethics, morality.

Среди многочисленных естественных и неотчуждаемых прав человека право на жизнь является определяющим. Это право гарантирует неприкосновенность физического существования человека, поскольку жизнь рассматривается как единственное и неделимое благо, которое не подлежит ограничению и не допускает возможности внешнего распоряжением этим благом. В соответствии с Федеральным законом №323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности нашего государства. Лишение личности ее прав и свобод или их ограничение, непринятие мер по их защите со стороны государства и его органов привело бы к отрицанию социальной ценности самого

человека, его жизни и здоровья, чести и достоинства, неприкосновенности и безопасности.

Проблема эвтаназии – добровольного ухода из жизни неизлечимо больного человека, в последние годы активно обсуждается медиками, юристами, философами. Споры ведутся об относительности понятия неизлечимости, возможности юридического обоснования «легкой смерти». Сегодня многие медики и юристы полагают, что проблема эвтаназии должна рассматриваться на государственном уровне. Добровольное лишение человека жизни является древним культурным наследием наших предков, и эволюция этого явления тесно связана с развитием общественного прогресса, в частности науки и техники, связанной с поддержанием жизнедеятельности тяжелобольных людей.

«Эвтаназией» называется всякое действие, направленное на то, чтобы положить конец жизни той или иной личности, идя навстречу ее собственному желанию, и выполненное незаинтересованным лицом» (определение голландского законодательства) [1].

Актуальность данной работы заключается в рассмотрении сложного вопроса о распоряжении самого человека его жизнью, который вызывает множество противоречий в обществе, как со стороны медработников, так и со стороны правозащитников. Значимость данной темы трудно преувеличить, она связана с самым дорогим, что есть у человека – с его жизнью. Проблема эвтаназии является актуальной ввиду того, что ее можно назвать одной из самых спорных и по сей день нерешенных медико-деонтологических, религиозно-этических и юридических проблем современности.

Эвтаназия – слово, образованное от греческих слов «eu» (добро) и «thanatos» (смерть), и дословно означает стремление к мирному, комфортному и безболезненному акту умирания. Это намеренное сокращение жизни пациента, страдающего от сильной боли, по просьбе пациента или членов его семьи [5]. Пациенты, требующие эвтаназии, могут полагать, что смерть будет более комфортной, чем продолжительная мучительная жизнь. Хотя взгляды на масштабы эвтаназии сильно различаются, их можно разделить на 1) отмену медицинского вмешательства или лекарств, не имеющих терапевтических функций, 2) настойчивое и прямое вмешательство, направленное непосредственно на смерть пациента в терминальной стадии, 3) отказ от всех медицинских вмешательств, позволяющий или ускоряющий смерть, 4) косвенные последствия паллиативного лечения, 5) самоубийство с помощью врача [4]. Общим для всех этих концепций является то, что пациенты, требующие эвтаназии, сталкиваются с «ситуацией тяжелых страданий», в которой они чувствуют, что смерть лучше, чем продолжение жизни со страданиями, которые ожидаются в связи с обострением заболевания в ближайшем будущем. В зависимости от причинно-следственной связи смерти эвтаназию можно также разделить на 1) активную эвтаназию, которая предполагает

принятие активных действий, таких как введение лекарств для прекращения жизни пациента, 2) пассивную эвтаназию, которая предполагает ускорение наступления смерти путем отмены мер для поддержания жизни пациента. В частности, «самоубийство при содействии врача» определяется как смерть пациента непосредственно с помощью метода, представленного врачом по просьбе пациента [3]. Хотя пассивную эвтаназию можно рассматривать как искусственное вмешательство, включающее «отмену необходимых мер», существует неправильное понимание того, что она разрешена законом о решениях по жизнеобеспечивающему лечению. Здесь неверно истолковывается также представление о том, что решение, принятое пациентом, означает, что пациент имеет право принять решение покончить с собой.

В России как активная, так и пассивная эвтаназия является преступлением и будет квалифицироваться как умышленное убийство в соответствии с частью 1-й статьи 105-й Уголовного Кодекса РФ. В число некоторых стран, где эвтаназия легализована, входят 10 штатов США, провинция Виктория в Австралии, Канада и Нидерланды, разрешающие эвтаназию с 2021 года. Эти страны предусматривают следующие условия для самоубийства с помощью врача: 1) терминальная стадия заболевания, 2) отсутствие возможности полного выздоровления, 3) оставшийся с невыносимой болью или обременительной жизнью как прямые последствия болезни, 4) добровольное и постоянное требование смерти при наличии у больного способности выносить суждения, 5) невозможности прервать жизнь больного без посторонней помощи [2]. Прекращение бессмысленного лечения не следует путать с отказом от лечения, оно явно отличается от концепции эвтаназии. Прекращение «бессмысленного» лечения определяется как прекращение мер, принимаемых без возможности стабилизации или улучшения состояния больного, наносящих еще больший вред больному. Это прекращение того, что можно считать навязчивой идеей проведения лечения в условиях неминуемой смерти. Отказ от лечения или ухода означает умышленное невыполнение сбалансированных и адекватных действий, которые могли бы предотвратить прогрессирование заболевания, или непринятие необходимого ухода, даже если смерть можно предотвратить. Эвтаназия – это совсем другое понятие, поскольку она намеренно вызывает смерть пациента по его просьбе и всегда включает в себя искусственные действия [2,6].

В настоящее время существует множество мнений и концепций понимания данной проблемы. Те, кто выступает за эвтаназию, считают, что было бы лучше выбрать смерть, а не жизнь, испытывающую невыносимую боль или страдания, потому что они придают большее значение тому, как они живут, то есть ценности жизни, чем самой жизни. Таким образом, необходимо более внимательно изучить, что означает «жизнь

в страданиях», о которой говорят пациенты и их семьи. Люди с неизлечимыми заболеваниями часто боятся физической боли или страданий, которые возникнут по мере прогрессирования их болезни, и беспокоятся, что проведут остаток своей жизни в ожидании смерти в страданиях. Они также могут думать, что высокие медицинские расходы, связанные с длительной госпитализацией, являются значительным финансово-экономическим бременем для членов их семей, даже если болезнь не улучшается. Эти факторы могут сделать оставшуюся жизнь пациентов бессмысленной, что приведет к рассмотрению вопроса об эвтаназии. Сторонники эвтаназии утверждают, что признание права на выбор смерти является лучшим средством обеспечения человеческого достоинства, если неизлечимо больные пациенты могут унизить это достоинство, продолжая свою жизнь с такими страданиями. Однако следует отметить, что сама по себе страдательная жизнь не унижает человеческое достоинство. Неизлечимо больные пациенты могут страдать от физических, психологических и экономических проблем, но это не значит, что они лишены достоинства. Просто ситуации, с которыми они сталкиваются, заставляют их чувствовать себя униженными. Поэтому важно сделать все возможное для решения этих вопросов, чтобы пациенты могли сохранить свое достоинство, не прибегая к прекращению жизни.

Если подчеркивать только ценность жизни, а не рассматривать саму человеческую жизнь как достоинство, существует риск или ошибка, что эвтаназия будет оправдана даже в различных ситуациях, а не в неизлечимой болезни, что приведет к риску утраты достоинства самой жизни.

Под самоубийством при содействии врача понимается содействие доведению до смерти по просьбе пациента, опасющегося предстоящих страданий. Однако акт использования медицинской помощи для искусственного прекращения жизни, ставшей равносильной желанию смерти, не сохраняет человеческое достоинство, а является своего рода убийством. Медицинский работник должен сосредоточиться на уменьшении страданий пациентов путем облегчения симптомов, чтобы они могли прожить свои последние дни как можно более комфортно. Необходимо постоянно оказывать соответствующую медицинскую помощь для сохранения достойного состояния больных до последних дней жизни, а не искусственно прерывать жизнь для обеспечения их достойной смерти. Поэтому, чтобы умереть достойно, обществу необходимо качественно и институционально усилить и активизировать хосписные паллиативные медицинские услуги для обеспечения комфортного ухода, а не допускать эвтаназию, включая самоубийство с помощью врача.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитриев Ю.А., Шленева Е.В.* Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 52 – 59.
2. Те Е. Некоторые правовые, морально-этические и другие аспекты эвтаназии в Российской Федерации // Право и жизнь. – 2000. – № 31. – С. 81 – 87.
3. «Хорошая смерть». Правовые и моральные аспекты эвтаназии. /Правозащитник./ М. 1998. N 1. С. 18
4. *Banović, B., Turanjanin, V., & Miloradović, A.* (2017). An Ethical Review of Euthanasia and Physician-assisted Suicide. *Iranianjournalofpublichealth*, 46(2), 173–179.
5. *Horn R.* (2013). Euthanasia and end-of-life practices in France and Germany. A comparative study. *Med Health Care and Philos*, 16: 197–209.
6. *Lee M.A.* (2023). Ethical Issue of Physician-Assisted Suicide and Euthanasia. *Journal of hospice and palliative care*, 26(2), 95–100. <https://doi.org/10.14475/jhpc.2023.26.2.95>.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОФЕССИИ: ОТ ЦИРЮЛЬНИКА К ВРАЧУ EVOLUTION OF THE PROFESSION: FROM BARBER TO DOCTOR

Иващенко Николай Александрович

аспирант 1 года обучения, аспирант кафедры патофизиологии, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

Ivashchenko Nikolay Alexandrovich

1st year postgraduate student, postgraduate student of the Department of Pathophysiology, Simferopol, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky.

Аннотация: В наше время профессия врача одна из самых востребованных, ответственных и подразделяется на различные специальности, но так было не всегда. В данной работе мы рассмотрим процесс эволюции профессии врача.

Abstract: Nowadays, the medical profession is one of the most in demand, responsible and is divided into various specialties, but this was not always the case. In this paper we will look at the process of evolution of the medical profession.

Ключевые слова: цирюльник, врач, профессия

Keywords: barber, doctor, profession

Слово врач, внесённое в нашу тему хорошо известно каждому человеку. А вот слово цирюльник – устарело. И не каждый современный человек знает, что именно цирюльник был родоначальником всем известной профессии. Цирюльник в наше время ассоциируется больше с другой профессией. Но об этом позже.

На первый взгляд, между врачом и цирюльником нет ничего общего, но если углубиться в историю, то мы узнаем, что у истоков ведущих отраслей современной медицины, таких как хирургия, стоматология, стояли именно цирюльники.

Само происхождение слова цирюльник достаточно туманно. По одной из версий это слово происходит от польского *surulic*. Но проникнув в русский язык, оно превращается в цирюльник. В документах XVII века, отражавших историю русской медицины, слово цирюльник фиксируется в 3 вариантах: цирюлик, цирюльщик, цирюльник, из которых языке сохранилось последнее.

По второй версии слово цирюльник происходит от белорусского *цыровать*, что означает штопать, чинить.

Впрочем, как мне кажется, изучая историю, ближе всего значение белорусского варианта, так как в те давние времена цирюльники этим и занимались «ремонтируя» тела ратников, проливавших кровь в боях.

В Средневековье, как хирургическими операциями, так и в принципе всей медицинской практикой занимались монахи. Но созданный в 1215 году четвёртый Латеранский собор запретил монахам заниматься хирургией, обосновав это тем, что христианской церкви противно проливание крови. Поэтому именно в руки цирюльников и перешла хирургия.

В тяжёлых полевых условиях цирюльники проводили ампутации, лечили раны сначала от холодного оружия, а с появлением огнестрельного, они также лечили и раны от огнестрельного оружия. А также выполняли и свои, так скажем, непосредственные обязанности – брили бороды.

Хотелось бы отметить, что на то время уровень профессионализма цирюльников – это уровень врачей-самоучек. Однако все равно вёлся контроль за их деятельностью. Цирюльники были объединены в особый цех, где самостоятельно осваивали определённый круг врачебных практик.

Так длилось около 300 лет. По прошествии этого времени в Англии уже возникла корпорация врачей и для медицинской практики, куда входила обязательно хирургия, нужно было разрешение королевской коллегии. Эта корпорация получила разрешение на объединение с цехом цирюльников. Инициатором этого был придворный хирург, автор первого английского учебника «Анатомия человеческого тела» Томас Викар, живший на рубеже XV-XVI столетий.

Хочется отметить, что уже в это время в Европе появились университеты, где студентов обучали и философии, и богословию, и математике, и медицине. А вот, например, в Италии уже преподавали в университетах даже хирургию. Посещал эти университеты известный в то время врач, естествоиспытатель, алхимик, профессор медицины и хирургии, основатель ятрохимии (в наше время фармацевтика) Филипп Ауэрстедт Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм, более известен под псевдонимом Парацельс (1493-1541). Он изучал многие вещества в качестве лекарств, а также их ядовитое действие, его часто называют отцом токсикологии. Он доказывает всему миру что только доза делает вещество ядом. Благодаря этому открытию Парацельса называют ещё и отцом гомеопатии.

Очень много знаменитых врачей выпускали университеты того времени, но, к сожалению, эти врачи мало занимались практикой, больше их интересовала теория. Вот несколько примеров:

– Паоло Тосканелли. Врач с университетским образованием, но лечил только себя и друзей, а все остальное время занимался астрологией и математикой.

– Томмазо дель Гарбо. Самый богатый и знаменитый из врачей, автор многих сочинений по медицине.

Даже после объединения врачей и цирюльников-хирургов, вторые все равно были на ранг ниже и находились в подчинении врачей. На то время врачи не очень охотно брались за хирургическую работу. Это очень

возмущало цирюльников, ведь получалось что всю «грязную работу» выполняли они, а доходы соответственно были разные. Но доходы в то время распределялись согласно образованию: либо ты дипломированный врач, либо ты самоучка цирюльник.

Хочется отметить, что даже в таких сложных условиях умение цирюльников росло. Уже в XVI веке цирюльники научились удалять разорванные селезенки, выпускать жидкость из живота при водянке.

Первым на несправедливое отношение обратил внимание француз Амбруаз Паре (1517-1590). Это был личный брадобрей французского короля Филиппа IV Красивого и личный хирург четырёх французских королей из династии Валуа. Деятельность Паре продвинула вперёд как хирургию, так и акушерство, как отдельного направления в медицине. Это послужило толчком разделения врача-хирурга и цирюльника.

В России примерно в это же время, в допетровскую эпоху, цирюльники вносят в штат сотрудников Аптекарского приказа и направляют их за войском. Чуть позже уже Пётр I в своём «Уставе воинском» пропишет что в каждой дивизии должен быть лекарь и штаблекарь, в каждом полку – полевой лекарь, а в каждой роте – цирюльник. Согласно этого Устава цирюльник уже приравнивается к фельдшеру и значится как низший чин лекаря в петровской армии.

Если цирюльники не были при войске, то они проводили свою деятельность в так называемой цирюльне «вольном заведении, где стригут, чешут, бреют, пускают кровь, рвут зубы и прочее».

Несмотря на то, что цирюльников приравнивали к фельдшерам, но фельдшеризм нигде не получил широкого развития, кроме как в России.

С XVII века значение слов хирург и цирюльник окончательно расходятся. Врачами-хирургами стали называть врачей, которые специализировались только на хирургии: лечение опухолей, ран, чирьи, переломы костей, вывихи костей из суставов.

А вот слово цирюльник уже в XIX-XX столетии связывают с проникшим в русский язык немецким словом – парикмахер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы для истории медицины России, СПб 1881г.
2. Словарь церковнославянского и русского языка, 1847
3. Фельдшеры и фельдшеризм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
4. Янковский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, ч.3, 1806 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ
С ИЗБЫТОЧНЫМ ВЕСОМ
SOCIAL CONSEQUENCES FOR OVERWEIGHT PEOPLE

Заурова Марьям Борисовна

*аспирант КФУ имени В.И. Вернадского, г. Симферополь,
Россия*

Zaurova Maryam Borisovna

*graduate student of CFU named after V.I. Vernadsky, Simferopol,
Russia*

Аннотация: Последствия избыточного веса выходят далеко за пределы простого нанесения вреда физическому здоровью человека. Многие исследования экспертов показали, что это может привести к стигматизации и дискриминации по признаку веса, а также к негативным последствиям в таких областях, как образование, занятость, социальный и экономический статус, здоровье и личные отношения. В данной работе даются пояснения по поводу определения избыточного веса, указываются причина и факторы ожирения, дается краткий анализ тенденций ожирения в мире и в России, и, главным образом, представляются социальные последствия ожирения.

Abstract: The consequences of being overweight go far beyond simply harming a person's physical health. Many expert studies have shown that this can lead to stigmatization and discrimination based on weight, as well as negative consequences in areas such as education, employment, social and economic status, health and personal relationships. This paper explains the definition of overweight, indicates the cause and factors of obesity, and provides a brief analysis of the trends of obesity in the world and in Russia. And mainly the social consequences of obesity are provided.

Ключевые слова: избыточный вес, ожирение, индекс массы тела, стигматизация

Keywords: overweight, obesity, body mass index, stigmatization

Проблема ожирения существует не века, а тысячелетия (30-50 тысяч лет до нашей эры), о чем свидетельствуют данные археологических раскопок фигурок каменного века.

В далеком прошлом наличие высокого уровня жира в организме рассматривалось как эволюционное преимущество. Однако уже в ранних записях древнеегипетской, греческой, римской и индийской культур избыточный вес уже считался отрицательной чертой. Уже тогда Гиппократ

признавал, что люди с избытком жировых отложений имеют более короткую жизнь, а женщины с избытком жировых отложений подвергаются повышенному риску бесплодия. И уже тогда при лечении ожирения Гиппократ рекомендовал ограничить потребление пищи и увеличить физическую активность.

Распространенность ожирения во всем мире достигает эпидемического уровня, и по меньшей мере 2,8 миллиона смертей в год связаны с избыточной массой тела. Подсчитано, что примерно 23% женщин и 20% мужчин в Европейском регионе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) считаются страдающими ожирением [1].

ВОЗ разбирает ожирение как глобальную проблему общественного здравоохранения, затрагивающую миллионы людей во всем мире. Растущая распространенность ожирения представляет собой растущую социальную проблему для отдельных людей, независимо от социального или профессионального происхождения, района проживания, возраста или пола.

Понятия избыточного веса и ожирения.

Термины «избыточный вес» и «ожирение» относятся к лицам с аномальными или избыточными отложениями жировой ткани, которые могут быть вредны для здоровья. ВОЗ предложила систему классификации степеней ожирения, основанную на индексе массы тела (ИМТ), для лиц в возрасте от 18 до 65 лет.

ИМТ – это простое измерение массы тела относительно роста, которое часто используется для диагностики избыточного веса и ожирения у взрослых. ИМТ находится путем деления массы тела в килограммах на квадрат роста в метрах. На базе этого измерения значения ИМТ классифицируются следующим образом:

- <18,5 – недостаточный вес с возможным риском развития других заболеваний;

- 18,5-24,9 – нормальный вес;

- 25-29,9 – предожирение;

- 30-34,9 – ожирение первой степени;

- 35-39,9 – Ожирение второй степени;

- 40 и выше – чрезмерное ожирение третьей или четвертой степени [5].

Значение ИМТ больше 30 считается опасным для здоровья человека. Подобному пациенту необходимо безотлагательно обследоваться и проконсультироваться с врачом.

Причины и факторы ожирения.

Избыточный вес и ожирение считаются плодом дисбаланса между потреблением энергии (диета) и тратой энергии (физическая активность) [5].

В большинстве вариантов ожирение считается сложным заболеванием, которое вызывается несколькими факторами, охватывая неблагоприятный экологический, психосоциальный и генетический фон [4].

Анализ проблемы состояния ожирения

Согласно данным Министерства здравоохранения на 2022 год, более чем у 2 млн россиян было диагностировано ожирение, по сравнению с 1,2 млн в 2010 году [2].

При всем том, согласно недавним исследованиям, фактическое число людей с избыточным весом и ожирением может быть в 10-20 раз выше. В исследовании подчеркивается, что примерно каждый пятый мужчина и каждая четвертая женщина имеют проблемы со здоровьем, связанные с ожирением.

По оценкам, в 2022 году у 419 000 граждан России впервые было диагностировано ожирение. Это число почти вдвое превышает показатель 228 500 в 2010 году. Большинство этих новых диагнозов было поставлено подросткам в возрасте от 15 до 17 лет, и ежегодный показатель составлял примерно 40 000 случаев.

По оценкам ВОЗ, в 2019 году примерно 15% всех смертей в России могут быть связаны с ожирением.

Статистика демонстрирует, что большинство людей с избыточным весом или ожирением, страдающих ожирением, находятся в США, Океании и на Ближнем Востоке. И наоборот, самые низкие показатели ожирения наблюдаются в странах Африки к югу от Сахары. Регионы с самой высокой распространенностью ожирения включают Северную и Южную Америку, Тихоокеанский регион и Европу.

Было отмечено, что в богатых странах люди из более низкого социально-экономического положения чаще страдают ожирением. Исследования, проведенные в Канаде, США и Соединенном Королевстве, указывают связь между доходом и массой тела: люди из групп с низким уровнем дохода часто предпочитают ультрапереработанные продукты питания из-за их доступной цены и длительного срока хранения. В странах с низким уровнем дохода ожирение может рассматриваться как признак процветания.

Таким образом, проблема ожирения выходит за пределы чисто медицинских проблем, затрагивая социальную и экономическую сферы.

Социальные последствия ожирения.

Проблемы ожирения и избыточного веса имеют не только медицинские и психологические последствия, но и социальные и экономические, объединенные с ростом затрат на здравоохранение и уменьшением тру-

доспособности людей, производительности труда и величины их доходов. Кроме того, ожирение может создавать социальные и экономические проблемы, приводя к патологическим состояниям, которые способствуют снижению фертильности и репродуктивного успеха молодых мужчин (до 60% этих патологических состояний), и затрудняют способность женщин с избыточным весом успешно зачать и родить.

Широко распространенная в обществе стигматизация, связанная с лишним весом, представляет собой серьезную социальную проблему для людей, страдающих ожирением. Окружающие часто считают таких людей непривлекательными, ленивыми и слабовольными. Кроме того, им часто присваивается более низкий социальный статус, и они воспринимаются как менее сексуально привлекательные. Хорошо известно, что женщины с избыточным весом тратят значительно больше времени на поиск партнера по сравнению со своими коллегами, не страдающими ожирением. Кроме того, замужние женщины, как правило, весят в среднем больше, чем их незамужние коллеги аналогичного возраста.

Распространение эпидемии ожирения сопровождалось изменением стандартов красоты в сторону худощавых и более спортивных людей. Это можно увидеть, сравнив обложки современных журналов с обложками 1950-х и 1960-х гг.

Стигматизация касается не только супружеских и сексуальных отношений, но и проявляется в поиске работы. Люди, страдающие ожирением, считаются менее умными и, в долгосрочной перспективе, менее успешными в своей карьере. Мужчина с ожирением зарабатывает в среднем на 5% меньше, а женщина с ожирением – на 12% меньше.

Компании, предъявляющие особые требования к внешнему виду персонала, такие как представители ресторанной индустрии, модельного бизнеса или сферы услуг, могут дискриминировать лиц с избыточным весом. Считается, что кандидаты, страдающие ожирением, обладают «меньшими деловыми и личными навыками», поскольку они не могут «контролировать свой внешний вид» [3].

Необъективное отношение окружающих, даже если оно совершенно иррационально, является одним из факторов, способствующих несоблюдению диетических ограничений. Эмоциональный дискомфорт приводит к необходимости компенсировать воспринимаемые «страдания» с помощью доступных мер, таких как заедание стресса.

Исследование, проведенное в 1991 году, показало, что люди, страдающие ожирением, считают себя физически непривлекательными, не любят появляться на публике, считают, что другие делают негативные замечания по поводу их веса, и сталкиваются с дискриминацией на рабочем месте [6].

Наиболее эффективные и этичные подходы устранения данных социальных проблем должны быть направлены на изменение убеждений и поведения отдельных лиц и коллективов, дискриминирующих людей

с ожирением. Эта проблема требует многоплановой стратегии в системе общественного здравоохранения, а также на уровне правительства и гражданского общества.

Таким образом, проблема ожирения с каждым годом становится все более распространенной среди людей во всем мире. Стигматизация, связанная с избыточным весом, может проявляться различными социальными способами, включая социальную изоляцию, неуважительные или неуместные замечания, поддразнивания и практические трудности, такие как слишком маленькие сиденья, слишком узкие дверные проемы и медицинское оборудование, которое не подходит для людей с ожирением. Такой опыт может привести к сокращению возможностей трудоустройства и перспектив получения образования, дискриминации со стороны педагогов и медицинских работников, а также проблемам в межличностных отношениях. Эти факторы, в свою очередь, могут содействовать увеличению величины стресса, тревожности и общему уменьшению качества жизни человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирный день борьбы с ожирением: осознать социальные последствия ожирения / ГБУЗ АО «Амурский областной центр общественного здоровья и медицинской профилактики». [Электронный ресурс] URL: <https://aocmp2.ru/articles/stati-zozh/vsemirnyiy-den-borbyi-s-ozhireniem-osoznat-sotsialnyie-posledstviya-ozhireniya-1> (дата обращения: 20.03.2024).
2. Здравоохранение. [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 19.03.2024).
3. Кравченко С.А. Социальная и культурная динамика еды: приобретения и уязвимости // Социологические исследования. – 2015. – №1(369). – С.85-94.
4. Ожирение: основные причины. [Электронный ресурс] URL: <https://18.gospotrebnadzor.ru/content/354/122498/> (дата обращения: 18.03.2024).
5. Ожирение: симптомы, диагностика, профилактика и лечение. [Электронный ресурс] URL: <https://www.mos-clinics.ru/diseases/ozhirenie/> (дата обращения: 19.03.2024).
6. Social, Economic, and Health Impact of Obesity. [Электронный ресурс] URL: <https://www.healthcentral.com/article/social-economic-and-health-impact-of-obesity> (дата обращения: 20.03.2024).

БРОНХИАЛЬНАЯ АСТМА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

BRONCHIAL ASTHMA AS A SOCIAL PROBLEM

Юсупов Экрем Эльнурович,

аспирант кафедры педиатрии, физиотерапии и курортологии ФПМКВК и ДПО г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.

Yusupov Ekrem Elnurovich,

1-st year postgraduate student, postgraduate student of the Department of Pediatrics, Simferopol, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

Аннотация: Бронхиальная астма является актуальной проблемой на сегодняшний день во всем мире, распространенность которой увеличивается в современном обществе. В данной работе мы рассмотрим этиологию и социальные проблемы у больных, страдающих бронхиальной астмой.

Abstract: Bronchial asthma is an urgent problem today all over the world, the prevalence of which is increasing in modern society. In this paper, we will consider the etiology and social problems in patients with bronchial asthma.

Ключевые слова: Бронхиальная астма, гиперреактивность, бронхообструктивный синдром, дети.

Key words: Bronchial asthma, hyperreactivity, bronchoobstructive syndrome, children.

Бронхиальная астма (БА) – заболевание, в основе которого лежит хроническое аллергическое воспаление и гиперреактивность бронхов, которое проявляется приступами затрудненного дыхания в результате диффузной обструкции, обусловленной спазмом гладкой мускулатуры бронхов, гиперсекрецией слизи, отеком стенки бронхов. [1]

Распространенность БА среди детей в мире составляет от 1,5 до 8-10%. Такой разброс в процентах между данными официальной статистики и результатами эпидемиологических исследований связан с гиподиагностикой БА. [1]

В 60–80% случаев заболевание, проявившееся в детском возрасте, продолжается у взрослых людей. В настоящее время в мире насчитывается около 300 млн. больных БА. Распространенность БА среди детей высока и в России и достигает 12,1%. Негативно сказываются на здоровье детей экологические проблемы, развитие промышленности и сельского хозяйства, использование разных химических веществ в быту, бесконтрольное применение лекарственных препаратов, курение, и респираторная система при этом является очень уязвимой.

БА начинается в любом возрасте: у 50% больных детей симптомы развиваются к 2 годам, у 80% – к школьному возрасту. Часто заболевание манифестирует в возрасте от 3 до 7 лет. [2]

В настоящее время 20-30% больных, страдающих БА, имеют аллергические заболевания из-за ухудшения экологической обстановки, загрязнения окружающей среды, использования химических добавок в продуктах питания, антибиотиков широкого спектра действия и консервированных продуктов. Сухие и теплые дома с низкой степенью вентиляции благоприятствуют росту клещей домашней пыли. Таким образом, БА – одно из серьезных аллергических заболеваний у детей, которое приводит к ухудшению жизни и зачастую – к инвалидности.

До сих пор достоверно не известны причины роста распространенности БА в детском возрасте. Связь астмы с бронхиальной гиперреактивностью и атопией и их связь со степенью загрязнения среды указывают на возможную роль урбанизации и индустриализации. В промышленных районах распространенность БА высокая.

В развитии БА у детей наибольшее значение имеет наследственная предрасположенность, реализация которой происходит под воздействием факторов внешней среды. Ключевая роль принадлежит немедленному типу аллергических реакций: при воздействии самых различных аллергенов образуются иммуноглобулины класса E (IgE), провоцирующие выброс иммунными клетками биологически активных веществ, самым известным из которых является гистамин. Эти вещества и вызывают воспаление бронхов, их отек, сжатие, избыточную выработку слизи, в результате чего нарушается дыхание, газообмен в легких.

К провоцирующим начало и обострение БА у предрасположенных к ней детей относятся многочисленные факторы внешней среды:

- Бытовые аллергены (особенно актуальны у детей до 3-х летнего возраста) – запыленность, способствующая развитию клещей; сырость; плесень; тесный контакт с животными, особенно с кошками, птицами, сухим кормом для рыб и т. д.
- Пыльцевые аллергены: злаковые и сорные травы, например, амброзия, лебеда, одуванчик; деревья и кустарники, например, ольха, береза, тополь.
- Пищевая аллергия имеет наибольшее значение у грудных детей (куриный белок и белок коровьего молока, рыба, орехи, пшеница, какао, цитрусовые, ягоды, фрукты и овощи красного цвета). Риск развития БА в дошкольном возрасте значительно ниже у детей, находившихся на грудном вскармливании не менее 6 месяцев.
- Пассивное и активное курение, а также курение матери во время беременности имеет огромное значение в развитии БА у детей.
- Загрязнение воздуха как в помещениях (газовые плитки, печное

отопление, некачественные строительные материалы), так и на улице (продукты сгорания угля на теплоэлектростанциях, выхлопные газы автомобилей, выбросы промышленных химических соединений).

- Вирусные инфекции, которые часто провоцируют возникновение обструктивного синдрома у детей раннего возраста и обострения БА в старшем возрасте.

Факторы, которые также способствуют обострению заболевания или сохранению симптомов, – это физическая нагрузка, вдыхание холодного воздуха, изменения погоды (низкая и высокая температура воздуха, высокая влажность, гроза) и чрезмерные эмоциональные нагрузки.

За последние два десятилетия наблюдается тенденция к развитию более тяжелых форм бронхиальной астмы в детском возрасте, а также отмечается частое возникновение жизнеугрожающих состояний и высокий риск инвалидизации детей. Данные обстоятельства существенно влияют на качество жизни детей. Бронхиальная астма ассоциирована с физическими, эмоциональными и социальными ограничениями. [3] Наличие данного заболевания ограничивает участие ребенка в подвижных и спортивных играх со сверстниками, а также во время уроков физической культуры. Для оценки качества жизни пациентов разработаны специальные вопросники, которые учитывают возраст пациента. Одним из таких опросников качества жизни детей с бронхиальной астмой является Pediatric Asthma Quality of Life Questionnaire (PAQLQ), который разработан для детей в возрасте 7–17 лет. Он позволяет оценить основные виды деятельности детей, такие как игры с друзьями, катание на велосипеде. Другой опросник – Childhood Asthma Questionnaires (CAQ) подразделяется на 3 категории детей обозначаемые ABC: А – 4–7 лет, В – 8–11 лет, С – 12–16 лет.

В 2004 г. в России было проведено самое крупное многоцентровое исследование качества жизни детей с бронхиальной астмой в рамках проекта ИКАР (Исследование качества жизни в России). Целью исследования стало изучение общего и специфического качества жизни у детей, страдающих бронхиальной астмой [6, с.109].

В ходе исследования были опрошены дети и родители 18 городов России. В результате исследования были получены следующие данные. Установлено, что легкое течение бронхиальной астмы оказывает незначительное негативное влияние на качество жизни детей и в большей степени обусловлено самим фактом наличия заболевания, а не реальными ограничениями, накладываемыми болезнью на физическое и психосоциальное функционирование ребенка. Среднетяжелая форма характеризуется ограничениями физического функционирования детей и негативно влияет на эмоциональное состояние ребенка и родителей.

Психосоциальный статус детей практически не отличается от сверстников, за исключением более низкой самооценки. Тяжелая форма

бронхиальной астмы оказывает выраженное негативное влияние на физические и психосоциальные компоненты качества жизни [6, с.109]. При этом наибольшие отклонения зарегистрированы для показателей, характеризующих физический статус ребенка. При оценке качества жизни большинство показателей данных родителями и детьми совпадают.

Таким образом, несмотря на указанные выше обстоятельства, важным итогом является установление негативных тенденций в динамике заболеваемости детей БА во многих странах мира, что определяет актуальность и практическую значимость результатов, и глобальный характер обсуждаемой медико-социальной проблемы. Представленные в данном материале данные об увеличении заболеваемости БА среди детей, акцентируют внимание специалистов различных стран мира на необходимости активизации превентивных мероприятий по ее стабилизации и снижению как в Российской Федерации, так и во всем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Батожаргалова Б.Ц., Мизерницкий М.А., Подольная Ю.Л.* Метаанализ распространенности астмоподобных симптомов бронхиальной астмы в России (по результатам программы ISAAC). *Российский вестник перинатологии и педиатрии.* 2016; 61(4): 59-69.
2. *Глобальная стратегия лечения и профилактики бронхиальной астмы. Global Initiative for Asthma (GINA) Strategy 2021 года пересмотр.*
3. *Ермакова, О. А.* Современные представления о бронхиальной астме среди детей и подростков / О. А. Ермакова. – Текст: непосредственный // *Молодой ученый.* 2019. № 4 (242). – С. 111-114.
4. *Мицкевич С. Э.* Фенотипы бронхиальной астмы у детей и дифференцированная тактика диагностики и лечения // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2014. №. 4 (333). – С. 79.
5. *Овсянников Д. Ю.* Бронхиальная астма у детей первых пяти лет жизни // *Аллергология и иммунология в педиатрии. Клиническая фармакология в педиатрической аллергологии и иммунологии.* 2011. № 3. – С. 7.
6. *Тимошина Е. Л., Дугарова С. Б.* *Качество жизни: актуальность проблемы и характеристика* качества жизни детей с бронхиальной астмой // *Бюллетень сибирской медицины.* 2009. Т. 8. №. 4. – С. 109

**СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЛЕКАРСТВО»
В РАЗЛИЧНЫХ КУЛЬТУРАХ**

**THE FORMATION OF THE CONCEPT OF «MEDICINE»
IN DIFFERENT CULTURES**

Бейтуллаев Асан Марленович

аспирант 1 года обучения, ассистент кафедры базисной и клинической фармакологии 2-го медицинского факультета Ордена Трудового Красного Знамени Медицинского института им. С. И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Beitullaev Asan Marlenovich

first-year postgraduate student, Assistant of the Department of Basic and Clinical Pharmacology of the 2nd Medical Faculty of the Order of the Red Banner of Labour Medical institute named after S. I. Georgievsky V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Аннотация: В статье приводится история понятия «лекарство», его зарождение и понимание в различных культурах и путь становления в современном истолковании.

Abstract: The article presents the history of the concept of “medicine”, origin and understanding in various cultures and the path of formation in modern interpretation.

Ключевые слова: лекарство; фармация; история появления

Keywords: medicine; pharmacy; history of occurrence

Современному человеку сложно представить свою жизнь без лекарств – они «сопровождают» нас постоянно и помогают сделать нашу жизнь более здоровой, продуктивной и долгой. Сегодня мы пользуемся лекарствами как самым настоящим благом цивилизации, которому, если задуматься, в том виде, в каком мы к нему привыкли, едва исполнилось столетие.

Однако, лекарства существовали издревле и люди различных культур относились к ним, и пользовались ими по-своему. Постараюсь показать истоки фармации, а также понимания того, как трактовались лекарство и деятельность врача в различных культурах и в различные эпохи существования человечества.

Понятие лекарства, от которого произошло известное нам сегодня слово «фармация» (и название науки фармакологии), имеет древнегреческое происхождение. Истоком его является древнегреческий термин «*pharmakon*», которым греки одновременно обозначали и яд, и исцеляющее средство [1]. Это понятие появилось в V-IV веке до н.э.

Есть ещё одна интересная версия происхождения данного понятия: в Древнем Египте врачевание находилось под покровительством божества Тот, которого сами египтяне именовали *Phar-ma-ki*. В переводе это означало «защитник», «исцелитель», «предчувствующий». Вполне возможно, что греки взяли на вооружение уже существовавший для обозначения лекарственного лечения древнеегипетский термин. Этимология данного слова поистине удивительна. Фигура того, кто знает, каким образом различные вещества помогают бороться с болезнями, словно считалась особой, обладающей тайным знанием, связанным не только с профессионализмом в области медицины, но и с интуитивным постижением нужд больного. Прежде всего, врачу надо было понимать тонкую грань между ядом и целительным средством.

В Древнем Риме всё, что относилось к лекарственным средствам, на латыни именовалось «*medicamentum*» [2]. Сегодня мы обращаемся к данному термину, когда ведём речь о *медикаментозном* лечении, то есть лечении при помощи приёма различных лекарств.

Для восточных культур характерно образное мышление и специфическая философия, благодаря которой термин «лекарство» обретает совсем иной смысл, нежели в западной и даже древнеегипетской традиции. В Древнем Китае иероглиф для слова «лекарство» был образован от иероглифа, обозначающего музыку, и это – не случайность. Древние китайцы использовали музыку для лечения от болезней, очищения души и сознания, успокоения, нормализации биоритмов. Музыкаль врачевали задолго до того, как обнаружили, что многие травы также могут исцелять людей от болезней. Иероглиф «музыка» был дополнен небольшой верхней частью, которая обозначала понятие «трава», и всё вместе стало означать «лекарство». Иероглифическое письмо, которым славится китайский язык, именно поэтому нужно внимательно толковать, что этимология китайских слов неслучайна – она имеет свою логику, которая строится на опыте древних. Так сочетание «музыки» и «травы» дало новое понятие – «лекарство». В Древней Индии понятие лекарства было включено в общую систему медицинское знания – аюрведу, что в переводе означало «знание о жизни и долголетию» [2].

В Средние века и эпоху Возрождения, с появлением и развитием алхимии, ятрохимии и ятрофизики, появилось такое понятие как «панацея». Этим термином обозначалось некое мифическое универсальное лекарство, способное излечить все болезни без исключения. Поиск такого лекарства и его формулы занимались ятрохимики. Слово «панацея» пришло из древнегреческих мифов и было образовано от имени богини Панакеи, которая считалась способной исцелять любую болезнь одним своим прикосновением. Очевидно, что «панацея» – это латинизированное имя древнегреческой богини. Это имя расшифровывалось так: «*pan*» –

«всё» и «akos» – «лечить» [1; 56]. Богиня считалась дочерью Асклепия – бога-врачевателя, и Эпионы – богини, которая имела дар снимать любую боль.

Традиции алхимии, и это нужно признать, особенно отразились на средневековой фармации. Для фармации эпохи Средневековья характерны сложные лекарственные прописи: число ингредиентов, нередко несовместимых по действию, в одном рецепте доходило до нескольких десятков наименований. Лекарства были очень дорогими. Алхимия занималась поиском эликсира вечной жизни и панацеи, поэтому её идеи в первую очередь оказали влияние на развитие медицины. Именно алхимиками были разработаны такие химические процессы как перегонка воды и спирта, сублимация, фильтрация, кристаллизация, получение эфирных масел.

Очень важно также указать на то, что в Средние века функции врача и аптекаря были разделены. Аптекарь фактически обладал тайным знанием и имел безусловный авторитет в обществе. Аптеки открывались массово во всех средневековых городах. Со временем место алхимии заняла так называемая ятрохимия, по понятиям которой все процессы в организме человека и животных происходят химическим путем, с помощью «ферментов» – катализаторов, и болезнь человека – нарушение их химического равновесия. Отсюда: лечение – введение в организм необходимых химических веществ. Фармация того времени, таким образом, стала представлять собой синтез ятрохимии, основ химии и магии.

К известнейшим ятрохимикам относился один из величайших врачей в истории Парацельс. Лекарства, которые прописывали в Средние века для выздоровления, также поражают разнообразием: лекари высушивали животных целиком или отдельные их части, что-то оставляли в неизменном виде, что-то – растирали в порошок и, в зависимости от недуга, предлагали пациентам в разных пропорциях. В современных европейских городах, ведущих свою историю с древних времён, до сих пор сохранились средневековые аптеки с невероятными снадобьями тех времен – сушёными ежами, которых надо прикладывать к проблемным местам, или порошком из экскрементов животных, который нужно пить несколько раз в день. На сегодняшний день всё это выглядит смешно, но в те времена люди искренне верили в силу таких снадобий (и даже иногда выздоравливали, во многом благодаря только этой вере).

Очень интересное происхождение имеет слово «плацебо», активно вошедшее в употребление в уже современной фармации (с XIX века). Им обозначается лекарство-пустышка без лечебных свойств, которое даётся пациенту в двух случаях: эксперимента или проверки силы убеждения и веры в лекарственное свойство препарата. Это слово происходит от латинского глагола «placere» – «буду угоден», «понравлюсь» [3; 32]. В таком определении кроется истинная суть лекарств-плацебо – заставить пациента поверить в чудодейственность и эффективность их свойств, и этим – понравиться пациенту.

Что касается отечественной традиции, то слово «лекарство» в русском языке происходит от глагола «лечить», то есть в термине, обозначающем лекарство, заложено его прямое назначение. На других славянских языках лекарство обозначается словом «lek», то есть такое название является фактически общим для славянского мировоззрения. Очень интересно то, что в старославянском языке врача называли «целевник», то есть «тот, кто исцеляет», делает целым, даёт шанс уцелеть [2]. Отсюда – целебные свойства, они же часто синонимы лекарственных свойств.

Важно указать на то, что ближе к середине XIX века, когда медицина начнёт ускоренно развиваться и распространится по всему миру уже в качестве науки, указанные культурные значения формально будут утрачены. Скорее всего, у каждого народа существует почитание своих древних традиций, а также понимание того, почему именно лекарство именуется так, а не иначе, однако, по большей части, развитие медицины и развитие медицинских технологий нивелирует национальные различия.

Сегодня, например, мы гордимся достижениями народной медицины и изредка даже применяем их, однако воспринимаем их как что-то околонучное, недоверенное и несовершенное. Фармация сегодня – это огромная часть медицинского знания, благодаря которой человечество не просто избавилось от ряда проблем со здоровьем, но и существенно увеличило продолжительность своей жизни.

Мы постарались показать, каким образом в различных культурах и в различные эпохи развития человечества понималось лекарство. Если в западной и славянской традиции понятие средств излечения буквально отражало их назначение, то в восточной традиции это понятие строилось на образе того, что именно призвано исцелять. Таким образом, медицина как наука имеет в своём основании философское понимание не только деятельности врача, но тех понятий, которыми врач оперирует, чтобы хранить и передавать то уникальное и специальное знание, которым он обладает.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Емельянов С.А.* История фармации: учебное пособие / под ред. Ю.А. Музыры. – Томск: СибГМУ, 2013. – 124 с.
2. Сетевой журнал PHARMEDU. Электронный ресурс. URL: <https://pharmedu.ru/publication/istoriya-farmacii?ysclid=lsvrottow826221207>
3. *Фёдорова, Н. В.* История фармации: учебное пособие в 3 частях. Часть 1. Общемировые закономерности развития естественнонаучных и фармацевтических знаний. / Н. В. Фёдорова, А. А. Скрипко, Л. Н. Геллер; Иркутский государственный медицинский университет, Кафедра управления и экономики фармации. – Иркутск: ИГМУ, 2022. – 99 с.

ФЕНОМЕН РЕАБИЛИТАЦИИ

THE PHENOMENON OF REHABILITATION

Костенич Виктор Сергеевич

*аспирант кафедры лучевой диагностики и лучевой терапии,
г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского.*

Kostenich Viktor Sergeevich

*PhD student of the Department of Radiation Diagnostics and
Radiation Therapy, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal
University.*

Аннотация: Современный подход к реабилитации пациентов подразумевает комплекс реабилитационных мероприятий, направленных на физическое, психологическое и социальное восстановление пациентов после различных травм, заболеваний, повреждений с последующей полноценной интеграцией в общество. В данной работе рассмотрены философские концепции механицизма и функционализма, которые легли в основу современной реабилитации.

Abstract: The modern approach to patient rehabilitation implies a set of rehabilitation measures aimed at physical, psychological and social recovery of patients after various traumas, diseases and injuries with subsequent full integration into society. This paper considers the concepts of mechanistic and functionalism, which are philosophical concepts that formed the basis of modern rehabilitation.

Ключевые слова: реабилитация, механицизм, функционализм, компьютеризация.

Key words: rehabilitation, mechanism, functionalism, computationalism.

В процессе лечения заболеваний особая роль отводится реабилитации пациентов, целью которой является раннее возвращение пациентов к привычной бытовой и трудовой деятельности. Данные, свидетельствующие о возникновении феномена реабилитации, известны с древних времен. Так, лекари древнего Египта использовали некоторые приёмы трудовой терапии для более эффективного восстановления своих пациентов. Более интенсивно медицинская реабилитация начала развиваться в годы Первой мировой войны, в ходе которой инвалидами стали миллионы людей. Перед правительствами многих стран встала необходимость качественно изменить существующую систему медицинской и социальной помощи, чтобы вернуть инвалидов к жизни и активной деятельности. Однако, официальное понятие реабилитации было применено лишь после Второй мировой войны[4]. При этом, подходов к реабилитации пациентов достаточно много и каждый из них имеет существенную историческую, доказательную, теоретическую и практическую базы. Постараемся опи-

сать основные концепции философии, которые стали основанием формирования науки реабилитации в том виде, которую мы знаем сейчас. При этом сосредоточимся на примере реабилитации опорно-двигательного аппарата.

Механицизм

Одна из наиболее ранних известных концепций реабилитации – это механицизм. Хотя Р. Декарт (1596-1650), с его двойным философским предложением (онтологическим и эпистемологическим) считается основателем механицизма, практической философской основой этого направления стала работа де Ла Меттри «Человек – машина». Он представил радикально новый подход, предложив включить медицину в полностью эмпирическую практику. Его инновационную идею можно представить как представление о человеке как о механической сущности. Это был первый врач, который предложил альтернативу субстанционному дуализму Р. Декарта [2], сведя все свойства организма к физическим структурам.

Как и другие теоретические концепции, касающиеся понимания феномена человека, механицизм выражал свои утверждения в виде риторических фигур речи. Многие ученые, в дальнейшем прибегали к подобным утверждениям в своих трудах, например, «Душа подобна восковой фигуре» (Платон, Аристотель), «разум подобен чистой бумаге» (Джон Локк), «Вселенная – это часовой механизм» (Готфрид Вильгельм Лейбниц) или «Либи́до подобно гидравлической системе» (Зигмунд Фрейд). Хотя все эти фигуры речи передают символизм объектов, которые изучались авторами, ни одна из них не является столь же ясной, как «человек – это машина». Центральная идея этой метафоры заключается в том, что человек, как и машина, – это физический механизм. Первым современным философом, который выразил этот образ, был Декарт. В своей книге «Трактат о человеке», он писал: «Я полагаю, что тело человека – это всего лишь статуя или машина, сделанная из земли». Несмотря на то, что метафоре почти 400 лет, современные исследователи продолжают ее использовать. Тагард дал определение механизму как «системе частей, которые работают или взаимодействуют, передавая друг другу силы, движение и энергию» [9, 10].

В настоящее время, хотя метафора «человек – это машина» по-прежнему передает весь свой первоначальный символизм, тем не менее, технологический и медицинский прогресс последних десятилетий требует обновления понимания этой метафоры. Развитие технологий, создание новых материалов, активное использование компьютеров, открытие инновационных терапевтических стратегий и растущее число публикаций в области робототехники заставляют нас расширить понятие машины на две различные категории телесности: 1) механизм; и 2) киборг.

Механизм

Метафора механизма рассматривает тело в том виде, в каком оно первоначально изучалось в XVII веке. Эта идея исходит из макроскопической анатомии и ньютоновской механики. Том Гоббс, один из основателей механической модели, описал ее в 1651 году: «Ибо что такое сердце, как не пружина; и нервы, как не множество струн; и суставы, как не множество колес, дающих движение всему телу»[1]. Концепция механицизма представляет человека в виде традиционных физических механизмов. С этой точки зрения любой компонент человека (т. е. мышца, сустав, эмоция, мысль, чувство, рефлексия) должен быть описан как компонент машины, иначе он исключается из этой теоретической модели.

Киборг

Маркум (2004, 2008) предположил, что современная модель человека в медицинской науке на самом деле является продолжением механической модели XVIII века. Предпосылки киборга идентичны предпосылкам механизма. Единственное отличие заключается в том, что физическая структура киборга включает в себя передовые технологии. Если в механизме мы должны рассматривать сердце как пружину, нервы как струны, а суставы как колеса, то в киборге эти структуры должны быть представлены электрической стимуляцией, оптическими волокнами и бионическими протезами. Киборг включает в себя устройства для расширения возможностей тела, разработанные современными технологиями. Это технологическое развитие позволяет объединить биологию и машины в человека, гораздо более эффективного, чем его предшественники.

Применение терапевтических стратегий в рамках этой телесной концепции позволяет лучше замещать телесные и эстетические функции. В настоящее время этот инновационный гибридный взгляд на человека, как на машину, привел к появлению новых методов лечения людей с двигательными нарушениями. Кроме того, эта гибридная перспектива в значительной степени вдохновила новые исследования в рамках механистической программы [5,6].

Обе эти терапевтические стратегии (механизм и киборг) устанавливают, что физическая реабилитация имеет конкретные цели, например, для развития двигательных нарушений, которые напрямую вытекают из механистической теории. Целью механистической терапии является оптимизация моторики по отношению к подвижности, силе, эластичности или гибкости. Для модели механизма наиболее важной частью восстановления моторики является движение. При этом, модель киборга ориентирована не только на механические свойства двигательного расстройства. Она также учитывает восстановление движений с механической целью, то есть ходьбы, хватания, лазания и так далее. Хотя этот прогресс в целях модели киборга является явным улучшением по сравнению с целями механической терапии, он все еще имеет важный недостаток. Этот

недостаток связан с тем, что двигательные действия не могут быть объяснены тем, как мозг и сознание работают для достижения двигательных характеристик.

Функционализм

Другой фундаментальной концепцией является функционализм. Хотя механистический подход применяется в реабилитации уже более двух тысячелетий, в его предположениях есть существенные недостатки. Основные проблемы связаны с его неспособностью объяснить, что такое разум, каковы последствия поражения мозга и как физическая терапия должна стимулировать мозг и/или разум для улучшения двигательной активности. Эти недостатки механистической терапии послужили толчком к тому, что наука о физической реабилитации перешла к новому философскому и научному подходу, который позволяет интегрировать разум и мозг в цели терапии.

После нескольких десятилетий XX века, когда психологические методы лечения основывались на бихевиоризме и концепции разума как «черного ящика», а философия разума базировалась на поведенческом механицизме, в когнитивных науках возникла новая парадигма, позволяющая понять разум вне механистического редукционизма. Широко признано, что этот парадигмальный поворот приписывается двум специалистам в разных дисциплинарных областях: с одной стороны, Алану Тьюрингу (1950) (предшественнику современной информатики) и его фундаментальной работе «Вычислительные машины и интеллект», а с другой – Хилари Патнэму (1960) (отцу вычислительного функционализма), который разработал серию работ, начиная с «Разума и машины»[11,8].

В этот период смены парадигм, известный как «когнитивная революция», функционализм стал новым способом решения проблемы «разум-тело». Этот новый подход утверждал, что ментальное состояние – это функциональная организация разума, которая не однозначно связана с деятельностью мозга, а с его функциональным состоянием. Эта первая формулировка, названная «функционализмом машинного состояния», была разработана Хилари Патнэмом. Однако, поскольку этот взгляд был очень далек от понимания человеческого разума, функционализм получил новое теоретическое развитие.

Компьютационализм

Одним из вариантов функционализма оказался компьютеризация. Хотя в области философии возникновение функционализма приписывают Патнэму, первым функционалистом в истории можно считать Аристотеля (Shields, 1991). Реальное развитие этой идеи произошло в 1960-х годах с развитием цифровых компьютеров и способов обработки ими ин-

формации. Эти события, а также эволюция функционализма машинного состояния (Патнэм) до вычислительного предположения, позволили развить существующую когнитивную психологию и физическую реабилитацию в соответствии с вычислительной парадигмой.

Основная идея этой модели заключается в том, что разум эквивалентен программному обеспечению компьютера. То, как разум обрабатывает информацию и использует её, очень похоже на то, как это делает компьютерная программа. Нейссер (Neisser) (1967) [7], очень известный предшественник этой парадигмы в когнитивной психологии, определил обработку информации в сознании как процесс, в котором «сенсорный вход преобразуется, сокращается, развивается, сохраняется, восстанавливается и используется», что напоминает вычислительную систему. Все эти особенности заставили Бодена (Boden) (1979) [3] назвать этот взгляд на разум риторической фигурой речи – «вычислительной метафорой».

Этот новаторский взгляд на «человека как на компьютерный разум» радикально изменил видение терапии. Исходя из этих предпосылок, науки о физической реабилитации стали фокусироваться на понимании того, как разум обрабатывает информацию для достижения двигательной цели; то есть как когнитивная система планирует, упорядочивает и выполняет двигательное действие. Вычислительная парадигма привела к радикальному повороту в целях терапии. Физическая реабилитация перешла от механистической терапии, сосредоточенной на восстановлении движений конечностей (например, сгибание, разгибание, абдукция), к восстановлению функций движений в сознании (например, ходьба, хватание, питье, разговор).

Современный подход к реабилитации пациентов основан на сочетании концепций механицизма и функционализма в единый реабилитационный процесс, направленный на физическое, психологическое и социальное восстановление пациентов после различных травм, заболеваний, повреждений с последующей полноценной интеграцией в общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоббс Т. *Избранные произведения*, т. 1-2. – М., 1964 //Т. 1. «О теле», «О человеке», «О гражданине»; «Человеческая природа», «О свободе и необходимости».
2. Декарт Р. *Сочинения в двух томах*. – М.: Мысль, 1989.
3. Boden M.A. The computational metaphor in psychology. //In Bolton N (Ed.). *Philosophical Problems in Psychology*. London: Methuen 1979.
4. Johnston M.V., Keith R.A., Hinderer S.R. Measurementstandards for interdisciplinary medical rehabilitation. *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*. 1992, 73(12-Suppl): S3–S23.
5. Marcum J. *An Introductory Philosophy of Medicine. Humanizing Modern Medicine*. The Netherlands: Springer. 2008.

6. *Marcum J.* Biomechanical and phenomenological models of the body, the meaning of illness and quality of care. *Medicine, Health Care and Philosophy.* 2004, 7: 311–320.
7. *Neisser U.* *Cognitive Psychology*, New York:Appleton-Century– Crofts.1967,pp. 4–8.
8. *Putnam H.* 1960 “Minds and Machines”, reprinted in Putnam H. *Mind, Language, and Reality.* Cambridge:Cambridge University Press.1975, pp. 362–385.
9. *Thagard P.* Explaining disease: Causes, correlations, and mechanisms. *Minds and Machines.*1998, 8: 61–78.
10. *Thagard P.* *How Scientists Explain Disease.* Princeton, NJ: Princeton University Press.1999,p. 106.
11. *Turing A.M.* Computing machinery and intelligence. *Mind.*1950,59: 433–460.

ЭВОЛЮЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДИАГНОСТИКИ В АСПЕКТЕ РАЗВИТИЯ ЗНАНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

EVOLUTION OF MEDICAL DIAGNOSTICS FROM THE PERSPECTIVE OF THE DEVELOPMENT OF HUMAN KNOWLEDGE

Звегинцев Роман Романович

аспирант кафедры Восстановительной медицины, спортивной медицины, лечебной физкультуры, курортологии и физиотерапии, медико-социальной реабилитации, г. Симферополь, Ордена Трудового Красного Знамени Медицинский институт им. С.И. Георгиевского, преподаватель кафедры Лучевой диагностики и лучевой терапии, врач рентгенолог

Zvegintsev Roman Romanovich

postgraduate student of the Department of Restorative Medicine, Sports Medicine, Therapeutic Exercise, Balneology and Physiotherapy, Medical and Social Rehabilitation, Simferopol, Order of the Red Banner of Labour, S.I. Georgievsky Medical Institute. Assistant at the Department of Radiation Diagnostics and Radiation Therapy, doctor radiologist

Аннотация: В данной статье приведены, на взгляд автора, главные механизмы развития человеческих знаний в историческом аспекте и идущие в ногу с ними изменения феномена диагностики в медицине. В качестве вывода даны предположения о возможных перспективах медицинской диагностики в нашу цифровую эпоху.

Abstract: In this article, the author summarises, in the author's opinion, the main mechanisms of human knowledge development in the historical aspect and the changes in the phenomenon of diagnostics in medicine that go along with them. As a conclusion, assumptions about the possible prospects of medical diagnostics in our digital age are given.

Ключевые слова: медицинская диагностика, искусственный интеллект, развитие диагностики, инструментальная диагностика, эндоскопия.

Keywords: medical diagnostics, artificial intelligence, diagnostic development, instrumental diagnostics, endoscopy.

Слово «диагностика» имеет греческие корни (διαγνωστικός – способный распознавать, от διαγνωσις – распознавание). В медицинской среде этот термин принято определять как совокупность последовательных мероприятий, обеспечивающих понимание как структуры болезни, так и результата её влияния на человека. Однако следует понимать, что сама суть диагностики, а также её значение в жизни человечества намного шире. Каждый день мы, используя такие рутинные методы как наблюдение и

опрос, «диагностируем» мир вокруг нас: людей, с которыми мы общаемся и ситуации, в которые попадаем. То есть, мы собираем факты, которые можем использовать чтобы правильно оценить жизненные обстоятельства и эффективно создать стратегию поведения для достижения своих целей. Именно с таких методов, как известно, и берет начало история развития медицинской диагностики. В древних трудах Гиппократ, в частности, в трактате «О природе человека», описывается система «критических дней»: чередование периодов лихорадки по четным и нечетным дням, которая отражает современные базисные принципы дифференциальной диагностики заболеваний. Идея философа заключалась в том, что можно выявлять течение и критические дни болезни путем наблюдения [1].

Со временем начали формироваться методы диагностики именуемые в наши дни как методы объективного физикального обследования. В книге Авиценны «Канон врачебной науки», которая после изобретения книгопечатания в XV в., была среди первых изданных, описывается диагностика путем постукивания: «Таким образом с помощью постукивания различают «бурдючную» и «барабанную» водянку» [2].

Для осуществления подобных манипуляций врачу, по большому счету, не требовалось вспомогательных подручных средств. Однако, процесс становления диагностических мероприятий тесно сплетен с развитием человечества и его меняющимися подходами к изучению организма человека, а также открытиями в анатомии последнего. Всё больше взор исследователей стремился к тому, чтобы заглянуть внутрь тела человека. Уже в 1816 г. Рене Лаэннек, у которого не получалось провести непосредственную аускультацию легких, известную ещё Гиппократу, при которой врач помещает своё ухо непосредственно на грудь пациента – кожные покровы тела пациентки имели выраженный жировой компонент, изобретает стетоскоп. Аускультация при помощи данного инструмента входит в ежедневную клиническую практику того периода времени [3].

Благодаря развитию научно-технического прогресса, попытки ученых прибегнуть к еще более глубоким и точным методам диагностики увенчались успехом и приобрели новые самостоятельные – инструментальные виды диагностики, которые в наши дни именуется лабораторной диагностикой крови, рентгенографией, эндоскопией.

Одним из основоположников инструментальных методов диагностики, например, можно считать итальянского врача Джулио Чезаре Аранци (1530-1589), который в XVI в. был первым медиком, направившим солнечный свет в полость тела. Это медицинское обследование было проведено в 1585 году. Он использовал колбу с водой, чтобы отразить свет в нос пациента. Позднее было несколько описаний использования солнечного света и его перенаправления в человеческое тело. К ним от-

носятся исследования, проведенные Вальденбургом и Куссмаулем (оба в 1870 году). Затем в 1898 году Г. Келлингом был изобретен первый сгибаемый эзофагоскоп, нижняя треть этого эндоскопа сгибалась до угла 45°. Такая система была прорывом в гастроэнтерологии по сравнению с существующими технологиями, но все же не была безупречной, поскольку существовали «слепые зоны» в визуализации пищевода. А уже в 2001 году американское Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов одобрило камеру размером с таблетку (26 × 11 мм) для эндоскопических целей. Таблетка содержала цифровую камеру, батарею, управляющую и приемопередающую электронику, и была покрыта пластиковой оболочкой. После проглатывания капсулы камера делала два изображения в секунду. За восемь часов процедуры проводилось около 6000 снимков. [4].

Известный факт, что все периоды становления любой науки, будь то медицина, физика или любая другая отрасль деятельности человеческого вида, отражают характерные для определённого периода истории понятия и идеи – например, когда в эпоху возрождения Мондино де Луцци, итальянский врач, приступил к ранее запрещенной религиозными уставами практике вскрытия трупов для демонстрации студентам-медикам и впоследствии издал современный трактат по анатомии (1316) [5], именно в этот период формируется более-менее адекватное понимание анатомии человека и формируется новый вызов для диагностики и медицины в целом.

А что же актуально для нашего мира на сегодняшний день? Какая перспектива у медицинской диагностики в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта (ИИ)? Всё больше в современной литературе описываются успешные случаи диагностики заболеваний, проделанной машиной, а не врачом. В работе Shuroug A. Alowais et al. [6], было описано исследование в Южной Корее, где авторы сравнивали диагнозы рака молочной железы, поставленные с помощью ИИ, с диагнозами, поставленными рентгенологами. Диагностика с использованием ИИ была более чувствительной для диагностики рака молочной железы у тучных пациентов по сравнению с рентгенологами, 90 % против 78 % соответственно. Кроме того, ИИ лучше выявлял ранний рак молочной железы (91 %), чем радиологи (74 %) [6]. Очевидно, что в данном случае нет необходимости специалисту опрашивать и обследовать пациента лично.

Будут ли подобные шаги в сторону делегации врачебных диагностических манипуляций роботу однозначно полезными медицинской науке – единого мнения у ученых на данный момент, как известно, не находится. В пользу специалиста в лице человека говорит его способность анализировать процесс болезни при помощи органов чувств, интуиции и сформированному тысячелетиями учеными и врачами багажу элементарных навыков и знаний в диагностике заболеваний. Но, что точно следует понимать – данное явление эволюции неизбежно в силу исто-

рически устоявшегося паттерна зависимости медицинской диагностики от характерных для конкретного времени фундаментальных событий и необходимости удовлетворять потребностям этого времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зотова Ю.А.* Гиппократ о диагностике и лечении заболеваний: Статья – ФОРУМ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ №3(7), 2017. – 158, 160, 161 сс.
2. *Османова Ф.М., Алиева Л.А., Гасанова Л.Г.* Философ, врач и вечный Странник: Статья – ИСТОРИЯ МЕДИЦИНЫ, 2023. – 113 с.
3. *Д. Паскалев, А. Курчева, Д. Радоинова, М. Лазарова.* РЕНЕ ЛАЭННЕК (1781-1826): ИЗОБРЕТАТЕЛЬ СТЕТОСКОПА. Нефрология. – 2008. Том 12. №1. – 101 с.
4. *Sebastian Gross and Maren Kollenbrandt.* Technical evolution of medical endoscopy Acta Polytechnica · January 2009 – 1 с.
5. *Wilson, Luke.* The performance of the body in the Renaissance theater of anatomy // Representations. – 1987. – № 17. – 62–95 сс.
6. *Kim H-E, Kim HH, Han B-K, Kim KH, Han K, Nam H, et al.* Changes in cancer detection and false-positive recall in mammography using Artificial Intelligence: a retrospective, Multireader Study. Lancet Digit Health. – 2020 – 2(3)с.

РОЖДЕНИЕ ФАРМАЦИИ

THE BIRTH OF A PHARMACY

Кияев Амет-Хан Бекирович

*аспирант кафедры медицинской и фармацевтической химии
Института биохимических технологий, экологии и фарма-
ции ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет име-
ни В. И. Вернадского», г. Симферополь*

Kiyayev Amet-Han Bekirovich

*postgraduate student of the Department of Medical and
pharmaceutical chemistry Institute of Biochemical Technologies,
Ecology and Pharmacy of the Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky, Simferopol*

Аннотация: Истоки зарождения фармации уходят в глубину веков, к самой заре человечества. Фармация, в том виде, в котором она сейчас существует – результат многочисленных усилий человека в борьбе за свое здоровье и жизнь. Очевидно, на процесс становления науки огромное влияние оказывала эпоха, с ее географическими и социальными особенностями. Особый интерес представляет изучение динамики становления фармации в разные периоды развития человечества, вклад отдельных цивилизаций и личностей, что мы и попытались вкратце осветить в данной работе.

Abstract: The origins of pharmacy go back centuries, to the very dawn of humanity. Pharmacy, in the form in which it now exists, is the result of numerous human efforts in the struggle for one's health and life. Obviously, the process of the formation of science was greatly influenced by the era, with its geographical and social features. Of particular interest is the study of the dynamics of the development of pharmacy in different periods of human development, the contribution of individual civilizations and individuals, which we have tried to briefly highlight in this work.

Ключевые слова: фармация, лекарства, история фармации, химия.

Keywords: pharmacy, medicines, history of pharmacy, chemistry.

Фармация в современном понимании, представляет собой комплекс научно-практических дисциплин, изучающих проблемы поиска, создания, изготовления, хранения и отпуска лекарственных средств, технологию продаж и маркетинг. Однако так было не всегда...

Зарождение фармации как знаний о лекарствах восходит своими корнями в глубокое прошлое. Болезни сопровождали человека с самых древних времен и очевидно, вызываемые ими страдания побуждали первобытного человека предпринимать действия, направленные на защиту собственного здоровья и жизни, то есть способствовали возникновению

инстинкта самосохранения. На первых этапах, основной деятельностью древнего человека было собирательство, и большую часть его рациона составляла растительная пища. Сбор и использование трав, плодов, ягод, корней на протяжении тысяч лет способствовало выявлению полезных и целебных свойств у одних и вредных, ядовитых у других. К тому времени было известно о лечебных свойствах белладонны, мака, табака, белены, полыни. Немаловажную роль в установлении лекарственных растений сыграло также наблюдение за больными животными, которые для своего лечения использовали определенные растения [1, с. 6]. К примеру, таким образом были обнаружены лечебные свойства хинного дерева, кофейного дерева, ивы [2, с. 1].

По мере совершенствования орудий труда и изобретению лука и копья основной деятельностью человека постепенно становится охота. Теперь в рацион первобытных людей наряду с растительной входит животная пища. С развитием охоты для лечебных целей стали использовать органы и ткани животных – кровь, жир, печень, шкура.

Дальнейшее развитие лекарствоведения получает в период так называемой неолитической революции. В этот период были открыты новые целебные растения, такие как чемерица, золототысячник, чабрец, мать-и-мачеха, тмин и многие другие. Переход к земледелию и скотоводству способствовал уже направленному выращиванию лекарственных растений, а наблюдение и уход за больными и ранеными одомашненными животными позволило накопить большой опыт в их лечении, который был перенят и в лечении людей.

Фармация Древнего мира получила свое широкое развитие. В целом становление знаний о лекарствах имело общие черты у государств того времени, однако имелись и различия, связанные с особенностями культурного развития [3]. Так, например, древние египтяне считали происхождение недугов от пищи, поэтому широко практиковалось применение лекарств с рвотным, слабительным, мочегонным и потогонным эффектом. В Древней Индии «здоровье» расценивали как строго определенное соотношение слизи, желчи и воздуха, а возникновение болезни объясняли нарушением их пропорций. Методы лечения недугов были нацелены на выведение из организма «испорченных жизненных соков», в связи с чем древнеиндийские врачи использовали рвотные, мочегонные, слабительные, потогонные лекарственные средства. Представления о болезнях в Древнем Китае сводилось к нарушению равновесия противоположных начал «инь» и «янь». В качестве лекарств в основном использовали растения, важнейшими из которых были женьшень, лимонник, эфедра, чай, чеснок, ревеня и др. Особенности врачевания в Древнем Китае стало распространение немедикаментозных методов лечения, таких как массаж, иглоукалывание. Большое развитие лекарствоведение получило в

Древнем Риме и Греции. Самыми выдающимися врачевателями той эпохи были Клавдий Гален и Гиппократ. Гален собрал и систематизировал знания предшественников о лекарствах, открыл множество неизвестных ранее лекарственных растений, описал в своих трудах технологические приемы приготовления простых и сложных лекарственных форм. В свою очередь, Гиппократ лечил заболевания, используя лекарственное растительное сырье в переработанном, естественном виде.

Важным моментом стало изобретение письменности, благодаря чему появилась возможность фиксировать накопленные знания [4, с. 9]. Так появились первые медицинские тексты, в которых описывались различные лекарства, способы их приготовления и применения. Самыми известными и большими медицинскими текстами являются древнеегипетский папирус Эберса, древнекитайский «Трактат о внутреннем человеке», труды врача из Древней Индии Сушрута, труды древнегреческого врача и философа Гиппократа, древнеримского врача и естествоиспытателя Галена.

В эпоху раннего средневековья, в Западной Европе медицина, в частности фармация, претерпевает упадок [5]. Фармацевтическое дело тесно переплетается с магией, астрологией и прочими антинаучными подходами. Даже под самим термином «фармация» подразумевалось изгнание злого духа лекарствами. Огромное влияние на развитие медицины и фармации этого периода оказывает религия. Другая ситуация наблюдается в Византийской империи, с историей которой связывают появление первых больниц и врачебных школ, которые создавались при монастырях. Развитие лекарствоведения Византии связано с именами таких великих ученых и их трудов: Орибасий – «Общедоступные лекарства», Аэций – «Четверокнижье», Александр из Тралл – «Двенадцать книг о медицине». Огромный вклад в развитие фармацевтического дела в период раннего средневековья вносят Арабские халифаты, занимая главенствующую роль в развитии на протяжении столетий. Ключевым моментом в разделении профессий врача и фармацевта стало открытие в 754 г. в городе Багдаде первой в мире аптеки. В арабском государстве была издана первая в мире фармакопея «Карабадини», включающая свойства лекарств и правила их изготовления. Говоря о медицине и, в частности, фармации средневекового Востока, нельзя не упомянуть об известнейшем врачевателе того времени – Абу-Али-эл-Хусейн ибн Абдулла ибн ал-Хасан ибн Али-Сина, известным в истории как Авиценна (980 – 1037 гг.). Авиценна был разносторонне развитым человеком и оставил после себя богатое литературное наследие. Самый известный его труд – «Канон врачебной науки», состоящий из пяти томов, в котором рассматриваются различные вопросы медицины и лекарствоведения. Всего Авиценна описывает около 900 лекарственных средств различного происхождения [6].

В целом, описывая состояние лекарствоведения в средневековых государствах, следует отметить огромное влияние алхимии на ее развитие. С научной точки зрения, распространение алхимии приводило к иска-

жению теоретических знаний, однако именно благодаря упорству алхимиков в попытках превращения обычных металлов в золото и серебро, или же создания чудодейственных эликсиров, были внедрены и отработаны множество полезных практических навыков. Так, в поисках философского камня и так называемой панацеи, исследователи того времени открыли большое количество химических соединений (кислоты, щелочи, минеральные соли, этанол, хлорная известь и многое другое) и полезных технологических приемов (фильтрация, перегонка, сублимация, осаждение, кристаллизация), которые послужили активному развитию технологий лекарств [7].

В эпоху Возрождения на смену алхимии приходит ятрохимия, основная концепция которой заключалась в химической природе процессов, происходящих в живом организме. Одним из основоположников ятрохимии является Парацельс, которому принадлежат такие заслуги как, создание учения о дозировке лекарств и создание оборудования для этих целей, введение в фармацевтическую практику новых средств на основе ртути, серы, минеральных вод и солей, разработка лекарственных форм: тинктур, экстрактов, микстур, эликсиров [7, 8].

Новое время характеризуется множеством открытий в области фармации и науки в целом. Огромная база знаний, в том числе практических, в области химии, выступает фундаментом, на котором строится фармация как отдельная наука. Здесь и предпринимаются первые попытки дать определение фармации, заслуга в чем принадлежит Йовскому Александру Алексеевичу в 1827 г. [9]. Важным событием стало открытие первого лекарственного средства, полученного синтетическим путем – ацетилсалициловой кислоты, известной во всем мире под торговым названием «аспирин». Это открытие послужило началом бурного развития производства лекарственных препаратов и созданию целых фармацевтических фабрик и фирм, развивается фармацевтическое образование.

С XX века фармация претерпевает значительное развитие, в связи с колоссальным прорывом в науке и технике. Развитие микробиологии, молекулярной биологии, геной инженерии позволили проводить исследования на клеточном и молекулярном уровнях. Всестороннее развитие медицины, понимание причин, закономерностей, механизмов протекания и основных патогенетических звеньев заболеваний открыли перед исследователями в области фармации новый горизонт возможностей. Развитие цифровых технологий послужило началом компьютерного прогнозирования фармакологических свойств индивидуальных химических соединений, оценке взаимодействия лекарств с молекулярными мишенями, что позволяет облегчить поиск новых лекарственных соединений. Современный фармацевтический рынок представлен десятками тысяч лекарственных препаратов для лечения самых различных заболеваний.

И, несмотря на высокие достижения, фармация не стоит на месте и постоянно развивается и совершенствуется, предлагая человечеству все более качественные и эффективные медикаментозные средства борьбы с недугами.

В этой работе мы попытались кратко изложить основные этапы развития фармацевтической науки в разные периоды существования человечества. Становление фармации в том виде, в котором мы привыкли ее представлять, имеет длительную историю, со своими периодами упадка и взлетами, от неосознанного приложения подручных материалов на рану до создания высокотехнологичный автоматизированных заводов для изготовления лекарственных препаратов. Таким образом, современная фармация является результатом вековых усилий человечества в борьбе с заболеваниями и, по сей день, неустанно стоит на страже нашего здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельянов С.А. История фармации: Учебное пособие / под ред. Ю.А. Музыры. – Томск: СибГМУ, 2013. – 124 с.
2. Эльяшевич Е. Г. Фармация в первобытном обществе // Вестник фармации. 2008. №4 (42).
3. Эльяшевич Е. Г. Очерки фармации Древнего Мира // Вестник фармации. 2007. №3 (37).
4. История медицины: с древнейших времен до современности / сост. Р. З. Симонян. – Чебоксары.: Издательский дом «Среда», 2020. – 224 с.
5. Опарин А. А. Медицина средневековой Европы / А. А. Опарин. Харьков: Факт, 2022. 432 с.
6. Эльяшевич Е. Г. Очерки фармации средневековья // Вестник фармации. 2007. №4 (38).
7. Эльяшевич Е. Г. История зарождения технологии лекарственных форм // Вестник фармации. 2006. №2 (32).
8. Семенченко В.Ф. История фармации: Учебное пособие. – Москва: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. – 640 с.
9. Эльяшевич Е. Г. Важнейшие открытия в фармации Нового времени // Вестник фармации. 2008. №1 (39).

**ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА
ЖИЗНИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ****THE PROBLEM OF FORMING A HEALTHY
LIFESTYLE AMONG STUDENTS**

Пискун Кирилл Максимович

Аспирант, направление подготовки 1.5.9 Ботаника, г. Симферополь, Крымский Федеральный Университет имени В.И. Вернадского

Piskun Kirill Maksimovich

Postgraduate course 1.5.9 Botany, Simferopol, Crimean Federal V.I. Vernadsky University

Аннотация: В статье обозначены процессы, происходящие в современном мире, которые актуализируют проблему формирования здорового образа жизни у подрастающего поколения. Поднимаются такие вопросы как экологические, социальные, наследственные и образовательные риски, которые непосредственно влияют на здоровье человека.

Abstract: This paper outlines the processes taking place in the modern world that actualize the problem of forming a healthy lifestyle among the younger generation. Issues such as environmental, social, hereditary and educational risks that directly affect human health are raised.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, здоровье обучающихся, факторы влияющие на здоровье человека, формирование здорового образа жизни

Keywords: a healthy lifestyle, the health of students, factors affecting human health, the formation of a healthy lifestyle

Как известно, образ жизни человека является ведущим фактором здоровья и продолжительности жизни.

По мнению специалистов по вопросам сохранения и укрепления здоровья детей и подростков, первоочередной задачей педагогов, помимо обучения, должно быть и формирование здорового образа жизни (ЗОЖ) у школьников. Решение этой задачи напрямую зависит от наличия у педагогов здоровьесберегающих компетенций. В процессе подготовки педагога в вузе сегодня осуществляется такая подготовка в рамках читаемых дисциплин и воспитательной работы. На формирование здоровьесберегающих компетенций у студентов педагогического вуза работает целая система спортивной, культурной, воспитательной деятельности образовательной организации.

Сокаев Х. М. и Глухарев А. Н. рассматривают здоровьесберегающие компетенции педагога в качестве элемента инновационной деятельности. Исследователи актуализируют необходимость активного внедрения в учебно-познавательную среду моды на здоровье, повышения привлекательности ЗОЖ для обучающихся через изменение системы управления процессом здоровьесбережения, акцентирование внимания школьников на важность сохранения и укрепления здоровья.

Авторы изучают здоровьесберегающие компетенции в аспекте интеграции медицинской и психолого-педагогической грамотности, базирующейся на знаниях и практических умениях, связанных с готовностью педагога к здоровью берегательной деятельности. Исследователи рассматривают вопросы сохранения здоровья обучающихся через заботу о здоровье самих педагогов [26]. Эбзеев Ш. К. и Хатуаев Т. А. анализируют формирование здоровьесберегающих компетенций у педагогов с позиции такой стратегической цели, как сохранение здоровья обучающихся всех возрастов. Куличенко Р.М. и Логинов А.В. рассматривают профессиональную деятельность педагога не только в аспекте обучения предметным компетенциям, но и как компонент формирования валеологической культуры. Маджуга А.Г., Агзамов Р.Р., Хакутдинова С.Р. и Гилязитдинова Э.У. выделяют три основных компонента валеологической культуры: охрана индивидуального здоровья, коррекционно-восстановительная (адаптационная) валеология, реконструктивная валеология. При существующих различиях во взглядах перечисленных авторов на формирование здоровьесохранивающих компетенций у педагога, общим является их явная актуальность, понимание того, что они являются необходимой составляющей подготовки современного учителя. Здоровый образ жизни (ЗОЖ) – это образ жизни, сформированный на принципах нравственности и рационального использования активности и труда, направленный на профилактику болезней и укрепления здоровья. Принято выделять несколько компонентов здоровья: нравственный, соматический, физический, психический. Авторы рассматривают структуру здорового образа жизни в рамках аксиологического, системного, культурологического и личностно-деятельностного подходов. Особое внимание исследователи уделяют решению задачи воспитания ценностно-смысловых ориентиров на ведение ЗОЖ. Проблемой формирования готовности к здоровому образу жизни занимались такие исследователи как Б.А. Ашмарин, В.К. Бальсевич, Г.Ю. Беляев, Г.А. Вайник, Т.И. Волков, М.Я. Виленский, В.З. Коган, К.А. Коновцева, Е.Н. Кудрявцева, А.В. Мартыненко, Л.В. Нестерова, В.А. Панин, О.В. Рахман, В.С. Фомина и многие другие.

Отдельное существенное внимание исследователями уделяется рассмотрению процесса формирования здорового образа жизни. Так, Касимов Р.А. считает, что формирование активной позиции у обучающихся в отношении ЗОЖ, является ведущим компонентом в здоровьесформирующей работе. И эта активность подразделяется на следующие составляющие: физические, экологические, медицинские, духовно-нравственные и

психологические. Науменок Ю.В. предлагает в процессе формирования здорового образа жизни у обучающихся выделять такие базовые категории как здоровье, здоровый образ жизни, внутренняя картина здоровья и жизнеспособность, готовность к оптимизации жизнеспособности в условиях системных социальных изменений. Татарова С.Ю. и Татаров В.Б. в своих работах представляют такую точку зрения, что большими возможностями в контексте воспитания духовно и физически здоровой личности обладают рекреативные технологии социально-культурной деятельности, которые позволяют формировать качественно новый уровень воспитательной среды. Купцова С.А., считает, что процесс формирования ориентиров к ведению здорового образа жизни должен быть основан на развитии навыков саморегуляции, саморазвития, самовоспитания. Исследователи уделяют внимание и таким вопросам как уменьшение факторов риска здоровью школьников и обеспечение здоровой среды. В работах Левана Т.Н. рассматривается триединство компонентов здоровьесформирующей деятельности:

- 1) создание безопасной для здоровья образовательной среды;
- 2) включение в содержание образования вопросов, связанных с формированием у обучающихся навыков здорового образа жизни, здоровьесориентированных ценностных установок и мотивации на созидающее поведение;
- 3) саморазвитие педагога в области здоровья (профессионального и индивидуального).

Таким образом, многие современные исследователи проблемы формирования здорового образа жизни у обучающихся рассматривают этот процесс во взаимосвязи с развитием здоровьесохраняющих компетенций у педагога и безопасной для здоровья образовательной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылатов, С.А. Культура здорового образа жизни // С.А. Крылатов // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2013. №4 (51). С. 56-61.
2. Багнетова Е.А. Особенности образа жизни и отношения к здоровью подростков ХМАОЮгры / Е.А. Багнетова, В.И. Корчин, И.А. Кавеева // Фундаментальные исследования. 2011. №8-3. С. 500-503.
3. Абакумова, Ю.Г. Критерии и уровни сформированности здоровьесберегающей компетентности будущего педагога / Ю.Г. Абакумов // Вестник ОГУ. 2016. №9 (197). С. 3-7.
4. Бабина О.И., Дюмин Н.Ю., Исмаилова Л.Ю., Косиков С.В., Курбанмагомедов К.Д., Кутузов Д.В., Стукач О.В., Морозова А.В., Нифонтова О.Л., Богданов

- А.Н., Жабреев В.С., Половова Т.Н., 27 Сорокун И.В., Багнетова Е.А., Шапошникова Е.А., Корчина Т.Я. Информационные системы и технологии: монография. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011. 156 с.
5. *Купцова, С.А.* Развитие медико-педагогического направления подготовки педагогов в профессиональном образовании / С.А. Купцова // МНКО. 2021. №3 (88). С. 40-42.
 6. *Карасев, М.А.* Формирование потребности в здоровом образе жизни у младших школьников в процессе физического воспитания / М.А. Карасева, И.В. Павлов // Вестник евразийской науки. 2014. №6 (25). С. 1-10.
 7. *Багнетова Е.А.* Школьная среда и факторы риска, влияющие на здоровье учащихся / Е.А. Багнетова, В.И. Корчин, И.В. Сорокун // Фундаментальные исследования. 2011. №10-2. С. 261-264.
 8. *Эбзеев, Ш.К.* Концептуальные основы реализации здоровьесберегающего потенциала физкультурно-оздоровительной среды вуза / Ш.К. Эбзеев, Т.А-А. Хатуаев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2018. №3 (223). С. 183-188.
 9. *Леван Т.Н.* Отношение педагогов к собственному здоровью как фактор эффективности реализации ими здоровьесозидающей функции / Т.Н. Леван, Т.Н. Ле-Ван // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2015. №3. С. 84-89.

ХІ. КРУГЛЫЙ СТОЛ: КРИЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ: СТАТУС, КОНТЕНТ И ИНСТИТУЦИИ

УДК 101

К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Габриелян Олег Аршавирович

д-р филос. наук, профессор г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, заведующий кафедрой философии, модератор Круглого стола

Gabrielyan Oleg

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Head of the Department of Philosophy, Moderator of the Round table

Гарбузов Дмитрий Викторович

д-р филос. наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии

Garbuzov Dmitry Viktorovich

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Full Professor of the Department of Philosophy.

Аннотация: В статье рассматривается кризис современной философии в трех ее главных измерениях – статусном, содержательном и институциональном. Обозначены вызовы, которые она должна преодолеть. Общетеоретические размышления дополнены соответствующим кейсом.

Abstract: The article examines the crisis of modern philosophy in its three main dimensions – status, content and institutional. The challenges philosophy must overcome are identified. General theoretical reflections are supplemented by a corresponding case.

Ключевые слова: кризис, современная философия, Большая языковая модель

Keywords: crisis, modern philosophy, Large language model

Для нас очевидно, что современная философия, собственно, как и все социально-гуманитарные науки, претерпевает серьезный кризис. Но для философии этот кризис усугубляется тем, что она утратила свой лидирующий статус. На протяжении многих веков философия порождала новые смыслы, открывала новые методологические подходы, определяла принципы социальных и научных парадигм. В ее недрах формировались науки и уходили в собственную историю развития. Всего этого мы давно не наблюдаем, по крайней мере, последнее столетие.

Постмодернистская попытка западной философии оказалась малопродуктивной, так как на вооружение был взят метод деконструкции. И все бы ничего. Применение такого метода может дать позитивные результаты, если после деконструкции намечается перспективная дорожная карта исследования. Однако скорее наблюдаются две кризисные тенденции.

Первая: вырождение философского дискурса в эзотерический клуб посвященных, которым неважно насколько нужны их исследования обществу. Для них главное оценка узкого круга самопровозглашенных философов. Здесь философская заумь вызывает еле сдерживаемый сарказм научного сообщества. По этому поводу уже появляются отдельные монографии, так как сам феномен вырождения становится очевидным [См. книги 1, 2].

Вторая тенденция менее скандальная, так как подменяет философию ее историей. Но у нее своя уязвимость. Философия всегда претендовала на исследование фундаментальных проблем человека в его отношении к социальному и природному мирам. Мы даже не заметили, как в окнах Овертона, когда подменили эти живые проблемы рефлексией над книгами, в которых излагаются чьи-то концепции об отмеченных проблемах. Философия из факела, освещающего путь, превратилась в лампу на столе *armchair philosopher*, корпеющего над чьим-то трудом, который на короткое время стал модным в узких кругах, считающих себя философами людей.

Некоторый пафос с саркастическими нотами здесь вполне уместен. После марксизма с его идеями не только объяснить мир, но и изменить его, ничего более значимого не появилось. Неомарксизм и левые социальные идеи питались его мощью. Это вполне понятно. Философия, как и сама наука в целом, вышли на плато *нормального* развития в устоявшейся парадигме. И так все развивалось и шло к своему неминуемому кризису.

Для обсуждения кризиса современной философии мы выделим вопросы, которые, с одной стороны, сузят проблемное поле обсуждения, но, вместе с тем, позволят обозначить глубину кризиса в его социальном, содержательном и институциональном измерениях, то что мы обозначили как кризис статуса, контента и институции.

Вопросы, требующие на наш взгляд, обсуждения:

- Место и роль отечественной философии в интеллектуальном и духовном пространстве России;
- Перспективы нетождественности философии и истории философии;
- Что значит практичность философии?
- Должно ли философское исследование ориентироваться на реальность или развивать дискурсивный потенциал концептуально-методологических школ философии, не обращая внимания на эмпирические референты?

- Что будет если Генеративные нейросети и Большие лингвистические модели начнут генерировать «умные» тексты, конкурируя с философским графоманством? Какой тогда станет философия?
- Институциональное «местопребывание» философских исследований.

В той или иной форме мы постарались ответить на эти вопросы в наших предыдущих работах [3,4,5]. Ранее мы уже отмечали, «что именно возникающее глобальное проблемное поле открывает новые перспективы перед философией, которая должна стать на данном этапе практической вплоть до прикладной, повседневной. Такой, когда становится снова востребованной обществом, которое со временем позволит ей стать опять спекулятивно-теоретической. Так повторялось в истории уже неоднократно и успех к философии приходил тогда, когда сами философы понимали, что сложившаяся теоретичность должна быть преодолена для открытия новых перспектив. Есть настоящая потребность в образе социального будущего, но, чтобы его сформулировать, набросать хотя бы эскиз, необходимы новые смыслы и социально-гуманитарные технологии их имплементации. При этом, такая «инновация» сопровождается потребностью построения целостной осмысленной картины мира как для общества в целом, так и для каждого человека в отдельности. Для социума – это новый общественный договор как консенсус по проблемным вопросам. А для человека – возможность найти смысл своей частной жизни в таком обществе» [3, стр. 27]. Именно такая актуализация *практичности* современной философии по-новому позиционирует ее в обществе, возвращает ей интеллектуальное лидерство и востребованность.

Разговоры отечественных столичных философов о концептуальной власти, имели бы серьезные основания, если бы они были дополнены практически реализованными проектами. Современная философия должна обрести новое качество – *проектности*.

Институционально оформленные государственные центры философской мысли, так и не смогли стать *think tank*, в которых современное российское общество очень нуждается. Они не смогли сделать это также на негосударственном уровне профессионального сообщества. На наш взгляд, неудача связана с тем, что эти структуры стали клонами государственных институций со всеми их недостатками иерархического чиновничества и столичной избранности.

Место философов заняли в значительной степени политологи и журналисты, сумевшие лучше самоорганизоваться. Они смогли показать свою полезность и практичность как власти, так и обществу. Отсюда такое внимание к их различным интеллектуальным площадкам – Клуб «Валдай», Изборский Клуб и др. Надеясь, что со временем, например, Российское философское общество приобретет такой же авторитет, тем более, что заявленная им программа вселяет оптимизм. Лучшую динами-

ку развития, практичность и проектность показывает, например, Русский философский собор.

Другой аспект институциональности касается *кооптации* новых членов философского сообщества. Сегодня, как и все годы советской власти, практически без изменений, в России это осуществляется путем защиты диссертаций и утверждения их в Высшей аттестационной комиссии.

Некоторое время в постсоветский период действовал внешний гласный общественный контроль и это дало положительный результат. В частности, не единичными стали случаи лишения ранее полученной научной степени, что существенно и положительно сказалось на качестве защищаемых диссертаций. Но в последнее время чистый формализм возобладал до такой степени, что авторам откровенно бессмысленных диссертаций по философии присуждаются научные степени. По сути, это напоминает поздний застой в СССР и касается, например, выборов в РАН новых членов по направлению «философия», и присуждения соответствующей философской квалификации в спецсоветах по защите диссертаций на местах и утверждения результатов в ВАК. Ниже мы приведем соответствующий кейс.

Мы остановились на нем потому, что до сих пор не осознана перспектива объективных кардинальных изменений в этой области. Уже сейчас мы прибегаем к услугам искусственного интеллекта (ИИ) и прилагаем к диссертации справку об антиплагиате, не осознавая, что это начало кризиса. Способности генеративной нейросети ИИ будут совершенствоваться. Никакие оппоненты и рецензенты не смогут отличить сгенерированный ботом текст от написанного соискателем степени. Перспективы Больших языковых моделей серьезны настолько, что нам придется пересмотреть критерии подготовки новых квалифицированных членов философского сообщества: возможно, защищаться будет не текст, а когнитивные способности соискателя порождать новые смыслы, то есть философы вспомнят о своем первородстве и перестанут порождать бессмысленные тексты. Кошмар графомана от философии, когда ИИ определит алогичность его текста. Рассматриваемый нами кейс как раз об этом. Возникает аномальная ситуация, когда *случайные* члены совета по защите диссертации по философии своим единогласным решением кооптируют в философское сообщество соискателя, сами не являясь частью этого сообщества. Доктора психологии, политологии, педагогики, истории берут на себя ответственность принимать решение относительно работы, претендующей на статус философской. Ссылки на то, что они имеют соответствующую публикации не работает, так их работы даже формально не соответствуют профилю защищенной диссертации. Такая ситуация только подтверждает кризис в отечественной философии.

См. Приложение: Кейс. Защита докторской диссертации по философии

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. – 248 с.
2. Лившиц Р.Л. Имитация науки. Полемические заметки. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. – 378 с.
3. Габриелян О.А. Состояние и перспективы современной философии: смутные догадки о смутном времени // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. Том 8(74). № 2. 2022. С. 27-35
4. Габриелян О. А. Перспективы философии в современном университете (руководство к действию заведующего кафедрой философии) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. Том 7 (73). № 3. 2021. С. 188-203
5. Габриелян О.А., Гарбузов Д.В. Urbi et Orbi: место и роль философии в современном университете и обществе // Alma Mater. Вестник высшей школы, № 5 (май) 2024, стр. 12-19

Приложение.

Кейс: Защита докторской диссертации по философии

Содержательный и институциональный кризис отечественной философии хорошо иллюстрируется одним кейсом с защитой докторской диссертации по философии¹. Содержательные проблемы с избыточной полнотой изложены в критических отзывах на диссертацию. Мы не приводим отзывы ведущей организации, оппонентов, а также положительные отзывы на автореферат диссертации, так как они изначально носили характер подтверждения уже принятого до защиты решения. В отличие от таких формальных отзывов, отрицательные – написаны после внимательного прочтения диссертации и всегда являются авторскими. Нам всем хорошо известна распространенная практика подписания положительных отзывов, подготовленных самим соискателем.

Ниже приводятся отзывы на автореферат диссертационного исследования Зарапина Олега Викторовича «Диалог как формат философской текстовой культуры» (специальность: 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки), представленную на

¹ Все материалы можно посмотреть здесь: <https://science.cfuv.ru/gosudarstvennaya-nauchnaya-attestaciya/dissertacionnye-sovety/dissertacionnye-raboty-soveta-d-900-006-08/zarapin-oleg-viktorovich>

соискание ученой степени доктора философских наук. Защита прошла 20 марта 2024 г. в диссертационном совете по защите диссертаций по философии. Совет проголосовал за нее единогласно, не удостоив своим вниманием отрицательные отзывы внешних докторов наук.

Состав совета:

1	РЫСКЕЛЬДИЕВА Лора Турарбековна (председатель совета).	доктор философских наук, профессор, 09.00.13 (философские науки)
2	ГРИВА Ольга Анатольевна (заместитель председателя)	доктор философских наук, профессор, 09.00.13 (философские науки)
3	ЗАРАПИН Олег Викторович (ученый секретарь)	кандидат философских наук, доцент, 5.7.8 (философские науки)
4	БАЕВА Людмила Владимировна	доктор философских наук, профессор, 09.00.13 (философские науки)
5	ВЕРЕЩАГИНА Анна Владимировна	доктор социологических наук, профессор, 09.00.11 (философские науки)
6	КАЛЬНОЙ Игорь Иванович	доктор философских наук, профессор, 09.00.11 (философские науки)
7	КОРОТЧЕНКО Юлия Михайловна	доктор философских наук, доцент, 5.7.7 (философские науки)
8	ЛИСАНЮК Елена Николаевна	доктор философских наук, доцент, 09.00.11 (философские науки)
9	МИРОНОВ Андрей Владимирович	доктор философских наук, профессор, 09.00.11 (философские науки)
10	ПАШКОВСКИЙ Петр Игоревич	доктор политических наук, доцент, 5.7.7 (философские науки)
11	РОМАНОВА Анна Петровна	доктор философских наук, профессор, 09.00.13 (философские науки)
12	ФЕДОРОВА Мария Михайловна	доктор политических наук, профессор, 5.7.7 (философские науки)
13	ЧЁРНЫЙ Евгений Владимирович	доктор психологических наук, профессор, 09.00.13 (философские науки)
14	ШОРКИН Алексей Давыдович	доктор философских наук, профессор, 09.00.11 (философские науки)
15	ЮРЧЕНКО Сергей Васильевич	доктор политических наук, профессор, 09.00.11 (философские науки)
16	ЯКСА Наталья Владимировна	доктор педагогических наук, профессор, 09.00.13 (философские науки)

Ниже приводятся отрицательные отзывы на диссертацию О.В. Зарапина.

ОТЗЫВ

Из данного автореферата явствует, что концепция диссертации сводится к следующему. В рамках своих профессиональных занятий философы пишут и говорят, поэтому философия есть деятельность. Философские тексты, создаваемые в ее процессе, как и любые тексты, имеют свою прагматику и могут воздействовать на читателя / слушателя. Будучи речевой, философская деятельность совершается в формах диалога и монолога. На классическом этапе древнегреческой философии, с появлением философских текстов различных жанров, произошло размежевание двух этих форм. При этом философский диалог (диссертант не проясняет, что именно он имеет в виду здесь: литературные тексты, вроде платоновских, живой сократический диалог или то и другое вместе) в основном призван воздействовать, а монолог служить свидетельством об изменениях в мировоззрении автора. После разделения обеих форм появилась возможность перехода диалога в монолог. Под знаком этого перехода в основном и развивалась европейская философия, так что воздействующее и созерцательное начала в ней традиционно взаимосвязаны. Что касается тем и целей, преобладавших в её истории, то тут различаются три ступени: на античной они вращались вокруг идеи совершенствования, на средневековой – вокруг идеи преображения, а в Модерн вплоть до наших дней – вокруг идеи подлинности. Плюс некоторые новшества человеко-машинной коммуникации.

Вот в общем-то и всё (вопрос о корректности этой концепции я пока не ставлю). Но понимание этого затруднено чрезмерно наукообразным стилем повествования, а также, ещё в большей степени, проблематичным терминологическим аппаратом. Этот аппарат не снимает, а создаёт затруднения. Учитывая, что автор представляет его разработку как теоретическое достижение, рассмотрим его внимательнее. Начнем с общеизвестных понятий, которые используются в диссертации расплывчато-многозначно.

Прежде всего это понятие философского текста. Автор использует его а) в обычном смысле (ср. «Феноменология духа»); б) как деятельность, отождествляемую с понятиями дискурса и дискурсивной практики; с) как «способ деятельности, [который] репрезентирован в совокупности процессов создания, трансляции и воспроизводства продуктов текстовой деятельности», т.е. как а) + б) + прочие аспекты функционирования текстов. И так как «текст», «текстовый» чаще всего используются в работе без уточнения, т.е. в предельно широком смысле с), то постоянно приходится гадать, что именно подразумевается в том или ином случае.

Производными от текста становятся понятия диалога и монолога. Каждое из них используется примерно в тех же трёх значениях.

Только в с) теперь фигурирует не «способ», а «формат» деятельности. Ср.: «...В философии диалог не есть ни жанр, ни стиль, его следует считать форматом текстовой деятельности. Именно в смысле глагола форматировать он сочетает в себе способ личностного взаимодействия, осуществляемый в качестве дискурсивной практики, а также механизм философской текстовой культуры, обеспечивающий воспроизводство этой практики». Очевидно, что автор сам запутывается в определении, почему-то отрицая здесь значение а): «диалог не есть жанр» и при этом работая в диссертации с текстами Платона, С.Н. Булгакова и проч., относящимися к литературному жанру философского диалога. Как видим, в приведенной цитате появляется еще один смысл d) механизм ФТК. Поскольку поле возможных значений возросло еще более, проблемы с пониманием терминов «диалог», «диалогический» в диссертации лишь усиливаются. В общем то же касается монолога.

Обратим внимание на новый термин «формат текстовой деятельности». Его самое строгое определение таково: «Под форматом текста (ФТ) мы понимаем совокупность параметров (способ текстовой деятельности, прием, дискурсивная практика, цель), обозначающую механизм дискурсивной настройки текстовой деятельности в качестве транслируемой и воспроизводимой в культуре». Так как диалог и монолог мыслятся как ФТ, их семантика расширяется, вбирая в себя перечисленный ряд дополнительных элементов. Теперь это не только способ, но и «прием, дискурсивная практика, цель», а ниже еще и «дискурсивная позиция субъекта». В итоге объём и содержание понятий диалога и монолога становятся необозримыми, так что под каждым можно понимать очень многое и ничего конкретно. Это крайне затрудняет понимание текста диссертации, который прост в сухом остатке.

Теперь вернемся к монологу. О нём диссертант говорит, что «режим текстовой деятельности», ему свойственный, – это «режим созерцания, он активируется в письменном тексте (значение а). – А.К.). Его основой является дискурсивная позиция свидетеля, а целью деятельности созерцания является фиксация результата рефлексии как свидетельство опыта умоперемены (метанойя)». Опираясь на эту цитату, я хочу показать, почему ещё понятийный аппарат диссертации не разрешает, а создаёт затруднения. Прибегнем к заурядной проверке практикой. Могут ли те из нас, кто сам создаёт философские тексты, узнать здесь то, что он или она по-настоящему делает? Я нет. Вот сейчас я пишу этот отзыв. Философский текст? Очевидно. При этом я нахожусь в другой позиции, нежели созерцающий свидетель, фиксирующий «результат рефлексии» в качестве «опыта умоперемены». Это более активная позиция: я размышляю словесно, ищу аргументы, строю стратегию, а не просто облачаю в речь уже готовые когнитивные результаты. Так же обстоит дело с созданием любого другого произведения. Второй вопрос: даёт ли приведённое описание монолога что-то значимое для понимания того, что мы реально де-

лаем, создавая философские тексты? Тоже нет. Тогда зачем определять монолог этим странным образом?

С характеристикой философского диалога всё обстоит ещё хуже. «Режим текстовой деятельности», ему присущий, автор видит в «воздействии, он активируется в непосредственном контакте, т.е. в устной беседе. Его базис составляет дискурсивная позиция участника, а цель деятельности воздействия состоит в том, чтобы побудить Другого к рефлексии, инициировать умоперемену (метаноя) в ее осуществлении». Замечу, что «устная беседа» – это жанр речи, к которому относится большая часть философских диалогов (в значении b) – речевая деятельность), что в очередной раз опровергает тезис диссертанта о том, что в философии диалог – не жанр. А теперь обратимся к той же проверке практикой. Корректно ли сводить суть живого философского диалога в воздействии с целью «побудить Другого к рефлексии», т.е. мыслить диалог сугубо манипулятивно? Если бы это так было, то мы – когда участвуем в беседе как философы – были бы несносными, отвратительными людьми! Прожженными манипуляторами, пусть даже верящими в то, что наше воздействие на других принесёт им благо. Уж мы-то знаем, в чем их благо (ср. 3-й и 4-й абзацы в пункте практической значимости)... На самом деле это не так. Как и все люди, мы вступаем в беседу, как правило, ради самой беседы просто потому, что нам нравится общаться (особенно с теми, кто может понять нас). Вспомним Бахтина: «Жить значит общаться диалогически». Учитывая, как много диссертант ссылается на него и других представителей философии диалога, удивляешься, почему так мало он вынес из их работ, если сводит диалог к одностороннему воздействию.

Я думаю, дело в том, что прообраз философской беседы, ставший нормативным образцом, автор находит в платоновских диалогах, а нормативный образец настоящего философа, беседующего с кем-то, видит в лице их главного героя – Сократа. Это ошибочное решение хотя бы по той причине, что парадигмой живой, непосредственной беседы признаётся литературный текст, чей герой используется Платоном для своих литературных же целей. Так что если судить о платоновском Сократе в свете обычных этических норм и правил приличий, то перед нами действительно манипулятор. Словом, что хорошо и уместно в литературе, то необязательно таково в жизни. Но диссертант в попытке создать теорию диалога как некоего формата текстовой культуры попадает впросак, принимая ряд литературных текстов за универсальный образец диалога между живыми людьми. Эта наивная ошибка обусловлена крайне размытым пониманием того, что такое текст, в частности странным привеском к его семантике в виде значения c), выражаемого формулой: a) + b) + прочие аспекты функционирования текста (см. выше). Как видим, в этом значении соединяются в одно смутное целое литературный текст (a) и речевая деятельность (b), не говоря об остальном.

В итоге о ключевом объекте исследования мы получаем нереальное представление, так что неясно, что же на самом деле исследует автор и не есть ли его «диалог» только плод концептуальных химер и ошибок? Если исходить из предложенного нам нормативного образца, открывается парадокс: этот «диалог» есть не что иное как монолог! И не приходится удивляться, что он вовсе не похож на то, что все мы знаем как живую устную беседу. В этом же духе можно было бы разобрать и «монолог» диссертации, идея которого тоже навеяна античными представлениями, но лишена той путаницы, от которой пострадал «диалог».

Последний термин, на котором остановимся, – «текстовое поведение». Под ним автор понимает «вычленяемые в рамках формата дискурсивные приемы (в другом месте «практики». – А.К.) как образцы текстовой деятельности (в другом месте «воздействия». – А.К.), обеспечивающие в культуре функцию воспроизводства текстовой деятельности». Первый вопрос: если есть дискурсивные приемы и практики, то зачем вводить новый и несуразный термин «текстовое поведение»? Зачем множить понятия без необходимости? Кроме того, значение ТП покрывается понятием формата текста, включающим в себя дискурсивные практики (см. выше), а также синонимическим понятием режима текстовой деятельности, которое нигде не определено конкретно. На это совпадение указывает то, что наряду с двумя форматами и режимами (диалога и монолога), диссертант различает «монологовую и диалоговую формы текстового поведения» и «текстовое поведение диалога (и монолога)». И раз за образцовый диалог приняты литературные тексты Платона, формы поведения диалога: «приобщение к философии, наставление в опыте созерцания, дружеское общение», – вычленяются из них же. Это приемы и практики, которые использует один литературный персонаж, чтобы воздействовать на других литературных персонажей. И неясно, почему нас обязывают видеть в них универсальные образцы философского диалога во всей европейской культуре и, что главное, в самой жизни. Ведь даже дружеское общение понимается здесь сугубо манипулятивно – как «такое воздействие на собеседника, в результате которого должна появиться философская речь как способ совместного человеческого бытия».

Понятия «формат текста» и «текстовое поведение» определяются при описании методологической основы исследования, так словно они выполняют там важную роль. На самом же деле, если и можно говорить об их методологической роли, то как о деструктивной по преимуществу: они сбивают с толку и создают путаницу, ничего не проясняя в действительности. Так что когда в пункте практической значимости работы читаешь о том, что «создана модель текстового поведения диалога, позволяющая регулировать процессом (sic!) межличностного взаимодействия в системе деятельности, представленной практикой академического наставничества, практикой личностного развития, практикой повседневности», – мягко говоря, овладевает сомнение. Кстати, следующий абзац

данного пункта вызывает уже не сомнение, а недоумение – настолько он фантастичен.

Подведём итоги. Предложенная в диссертации «модель философской текстовой культуры, представленная в виде монологического ядра и диалоговой оболочки» по существу ничего не проясняет в этой культуре. С одной стороны, она тривиальна, с другой – искажает и запутывает реальное положение вещей, с третьей – морально сомнительна, как оправдывающая манипулятивное поведение. Этот негативный результат в немалой мере предопределён неоправданным нагнетанием терминов с размытой семантикой, которые по большей части избыточны, и использованием замысловатого жаргона. Кроме того, эти термины отчасти дублируют друг друга, а также мало (или вовсе не) соответствуют реалиям подлинной философской практики и коммуникации в целом. Не помогает и приведенная выше метафора: она всецело произвольна. Закономерно, что в наибольшей степени искажения постигли теорию диалога, о прагматическом потенциале которого мы не узнаем из работы ничего принципиально нового. Таким образом, диссертация О.В. Зарапина «Диалог как формат философской текстовой культуры», представленная на соискание ученой степени доктора философских наук, не отвечает требованиям и критериям, предъявляемым к докторским диссертациям согласно «Положению о порядке присуждения ученых степеней» ВАК Минобрнауки РФ, а её автор О.В. Зарапин не заслуживает присуждения степени доктора философских наук по специальности 5.7.8 – философская антропология, философия культуры.

Д. филос. н., доцент, профессор
кафедры философии института
«Таврическая Академия»,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского, ФГАОУ ВО
«КФУ им. В.И. Вернадского»

Карabyков
Антон Владимирович

ОТЗЫВ

Читая еще первый раз текст диссертации О.В. Зарапина, пришел в недоумение от нескольких обстоятельств. Первое – от принципиально неверной модели философской текстовой культуры; второе – от сложного изложения самоочевидных истин; третье – от желания автора казаться современным посредством включения размышлений о человеко-машинной коммуникации, так и не разобравшись с цифровыми вызовами для

самой философии и ее текстовой культуры. Последующее более внимательное прочтение текста диссертации и автореферата только убедили в правильности первого впечатления и выявили много других недостатков данной диссертационной работы.

Диссертант своим главным научным достижением считает разработанную им модель «философской текстовой культуры (ФТК)». «Предложена модель философской текстовой культуры, представленная в виде монологического ядра и диалоговой оболочки, выражающих дискурсивные позиции созерцания и воздействия. Взаимосвязь монолога и диалога определена в виде функции трансформации дискурса, реализуемой в качестве комплексного дискурсивного процесса воздействия – созерцание – действие и репрезентирующей идею полноты философской текстовой культуры» (Автореферат, с. 5). Очевидно, что любая модель является упрощением и недостаточна для описания реальных феноменов и процессов, но допустима и даже эффективна как исследовательский метод. Но ложная модель и ущербна, и недопустима, так как не приближает к пониманию ни феномена, ни процесса. Рассматривать монолог как практику созерцания, а диалог как практику воздействия – значит изначально допустить очень упрощенный посыл на грани утраты здравого смысла, чтобы потом глубокомысленно утверждать, что оказывается они взаимосвязаны «функцией трансформации дискурса». Такая модель принципиально неверна, если иметь в виду, что монолог невозможен без внутреннего диалога. Диалог не оболочка, а со-природная свойство монолога. А в чем тогда вообще смысл модели, суть которой сводится к тому, чтобы утверждать самоочевидное, что монолог и диалог взаимосвязаны, хоть и каким-то экзотическим, выдуманном автором способом? На протяжении многих страниц раскрывается механизм этой выдуманной взаимосвязи с многократным кружением над одной и той же мыслью с «красивым» языковым оформлением. Многие из них верны, но если убрать их философскую велеречивость, то они превращаются в банальные утверждения – трюизмы. Их так много, что даже не имеет смысла приводить примеры, просто осуществите операцию перевода высказывания на уровень понятного (если угодно, обдуманного) языка практически любого значимого для соискателя пассажира, как его личного достижения, и непредвзятый читатель это обнаружит. Следует также отметить, что монолог также может оказывать воздействие, как и диалог, но тогда рушится вся модель соискателя.

На любые критические замечания у диссертанта отработана эффективная, как он полагает, тактика защиты, которую он постоянно применяет: 1) меня не так поняли и, 2) я имел в виду другое. С этим мы столкнулись при первом и единственном обсуждении диссертации на кафедре философии КФУ им. В.И. Вернадского, на которой и писалась диссертация. После чего можно как мантру повторять любой кусок текста, так как уже изначально оппонент или «не догнал» мысль диссертанта или не осуществил соответствующее герменевтическое «погружение».

Собственно, здесь обрывается любая дальнейшая дискуссия. Эти приемы свидетельствуют, что автор совершенно закрыт от практики научного диспута, ему не с чем прийти на часто упоминаемую им агору и высказать хоть какую-то важную мысль. Ему не грозит суд и необходимость испить чашу с цикутой. Эта метафора приведена здесь только для того, чтобы обозначить, что за философски пустой софистикой нет ничего серьезного или того, что открывает новые исследовательские горизонты.

Диссертант допускает так много неверных допущений, что нет возможности остановиться на всех, но стоит отметить принципиальные, свидетельствующие о его весьма субъективном понимании ряда существенных моментов истории философии. Диссертант утверждает, что «европейской культуре неизвестна внетекстовая философия, в этой культуре, перефразируя Лао-Цзы, говорят оба – и знающий, и незнающий» (Автореферат, стр. 3). Но возникают вопросы. Куда отнести Сократа, когда он вел свои диалоги? Куда отнести всю средневековую схоластику с ее диспутами? Не все ложилось на бумагу, становилось письменным текстом, но эти феномены точно были философией. Собственно, такой книжный подход и привел в итоге философию к самозамкнутости и вырождающейся пустой схолистике. И она оказалась на обочине жизни. Нет философов-мудрецов, к которым хотелось бы прийти за советом, прислушаться, а есть философы-книжники, толкующие книги и создающие новые «философские тексты». Собственно, зачем сама защита диссертации, ее устный формат. Не легче было бы вообще обмениваться только написанными текстами? Вот и здесь у нас образец такой изживающей себя философии.

Подтверждением является превратно понятая герменевтика. Ее суть, на самом деле, в том, чтобы понять и объяснить сложное, а не превратить простые мысли в сложно проходимые дебри и нагромождение умных слов.

Как быть вообще с нетекстовой философией? А она все настойчивее заявляет о себе в информационном пространстве. Это, например, выступления Захара Прилепина, Сергея Переслегина, Петра Щедровицкого или Андрея Смирнова. Здесь сразу раздадутся возражения, что только последнего собственно можно отнести к философам. Но эти возражения должны нас только вдохновить, так как мудрое и умное слово все также как двадцать пять веков назад востребовано. Но кто-то взял на себя ответственность считать философом только себя и таких как он, и отказывает другим в этом звании только потому, что они не соответствуют придуманным им критериям философичности. Такие ограничения умозрительны и необоснованны, если вспомнить начала самой философии, когда она была делом граждан полиса, а не касты профессиональных философов.

Задумайтесь только над тем, что станет с предложенной диссертацией ФТК, когда генеративная нейросеть будет продуцировать интеллек-

туальные тексты с невозможностью определения ее авторства. Мы уже сейчас доказываем свое авторство справкой об антиплагиате. Завтра, нет уже сегодня, встает вопрос о *человеческом* авторстве. По логике автора диссертации, мы придем к кризису философии, если не сказать к ее смерти, так как она в европейской культуре возможна только в виде текста. Однако диссертант в самом философском тексте не увидел особенности человеческой рефлексии, то, что цифровой философии не может быть в принципе, если не считать использование цифровых методов в философских исследованиях. Но об этом ниже.

Зададимся вопросом: чем являются платоновские диалоги? Они представляют собой образцы устной или письменной речи? Очевидно, что письменной. Устная философия дошла до нас только в превращенной форме, но сейчас-то ситуация другая. И не замечать этого, значит упрощать философию, сводя ее к книжности. Даже не имея возможности прикоснуться к оригиналу – устному диалогу Сократа – Якко Хинтиikka в своих замечательных исследованиях смог реконструировать эпистемологию Сократа, осознав до этого все тонкости различия устной и письменной речи. (См.: Хинтиikka Я. Сократическая эпистемология: Исследование поиска знания посредством вопросов). Нам могут возразить, что сделал он это только с помощью текстов Платона. А сегодня нет необходимости сохранять устную речь в письме, так как она легко воспроизводима техническими видео-аудио средствами.

Однако вернемся к самому тексту диссертации о ФКТ. Складывается устойчивое впечатление, что О.В. Зарапин свои субъективные представления и риторические «кружева» философичности, пытается представить как объективные, добытые путем долгих научных размышлений, истины и достижения. Вот как им представлена новизна диссертации в автореферате.

Новизна исследования:

- Предложена модель философской текстовой культуры... (См. цитату выше).

- В значении побуждение к умеренности (метанойя) выделен способ текстовой деятельности воздействия. Его выражает сократический призыв к речепереме́не как процессу, реконструируемому в виде перехода от модели речевой деятельности угождение к модели речевой деятельности испытание. Дискурсивным маркером такого перехода является изменение отношения к Другому (от превосходства над Другим – к превосходству над собой). Данный способ деятельности определяет общую прагматику дискурсивных практик приобщение к философии, наставление в опыте созерцания, дружеское общение, репрезентирующих формат диалога.

- В значении свидетельство умеренности (метанойя) выделены способы текстовой деятельности созерцания: свидетельство о личности, свидетельство о мире. Данные способы деятельности составляют совокупность дискурсивных практик, репрезентирующих формат монолога. Способ деятельности свидетельство о личности выражает специфику

дискурсивных практик биографии, дневникового письма, заочной критики мнений. Способ деятельности свидетельство о мире выражает специфику практик философского мироописания, обобщаемых в виде платоновской и аристотелевской моделей.

- На основе анализа процесса конвергенции формата диалога и формата монолога раскрыт механизм, обеспечивающий функцию трансформации дискурса в философской текстовой культуре. В качестве условия реализации этой функции в личностном акте представлена ее ценностно-смысловая компонента, фиксируемая в виде нарратива культуры. Вычленены нарративы философской текстовой культуры: совершенство, преображение, подлинность.

- Выявлена особенность философского диалога, реализуемого в процессе человеко-машинной коммуникации. В диалоге машина способна интеллектуально воздействовать на человека, вызвать в нем умоперемену (метанойя), но это воздействие не учитывает возможность человека усвоить его в качестве образца для собственного поведения.

Первые четыре пункта новизны просто не выдерживают критики в виду неадекватности самой модели, и мы это уже отметили. Остановимся на последнем параграфе второй главы диссертации о человеко-машинной коммуникации. Значительная ее часть посвящена обзору разработанных программ, их краткому и, надо отметить, достаточно полному и точному описанию. Но до этого вполне закономерно и хрестоматийно появляются рассуждения о Лейбнице с его исчислением высказываний и принципиальным отличием от платоновского подхода к диалогу. Почему этот переход обозначается как переход от числа к цифре не совсем понятно, если иметь в виду, что цифра есть знак, обозначающий число; по крайней мере, автору не удалось это внятно объяснить. Конечно, мы понимаем, что в принципе хочет донести диссертант до читателя, что у Платона и Лейбница разные познавательные установки и как следствие разная трактовка диалога. А «цифра» здесь скорее для того, чтобы привязать хотя бы кого-то из «классических» философов к современной цифровизации, а главное, заявить о «повороте от числа к цифре». Это все равно, что относить историю кибернетики к античности, только потому, что словом «кибернос» в то время называли рулевого. Неудивительно, что после Лейбница, мы, по воле диссертанта, сразу оказываемся в цифровой эпохе. Совершенно непонятно как эволюционировала монадология немецкого мыслителя в современные идеи об ИИ. Сказать, что автор не пытается пробросить соответствующие мостики было бы неверным. Делает это непринужденно, пропуская целые столетия развития философской мысли, так как не находит ничего, что можно было бы хоть как-то интерпретировать, согласно собственной схеме исследования. Тем не менее, то, как он бездоказательно связывает того же Лейбница с совре-

менной цифровизацией, так же непринужденно можно все связать со всем. Собственно, вот такая легковесность мысли, облаченная в тяжелую броню мудрых слов, создает впечатление, что мы имеем дело с глубоким философским текстом. Однако чары спадают, когда обращаешься к выводам, к которым нас подводит автор после многостраничных рассуждений в диссертации. Он дан в шестом пункте заключения: «В процессе человеко-машинной коммуникации философский диалог возможен как текстовая деятельность, не имеющая смысла текстового поведения. Машина способна интеллектуально воздействовать на человека, побудить его к уموперемене, но это воздействие не может служить для человека образцом его собственного поведения. Функция виртуального философского собеседника реализуется в имитации межличностной коммуникации, ее значимой особенностью является исключение нормативной компоненты воспроизводства в прагматике текста, возникающего как продукт философского диалога человека и машины. Иницируемое в процессах человеко-машинной коммуникации изменение диалогового формата ФТК в части его нормативного основания есть симптом, который можно оценить позитивно. Он свидетельствует о формировании нового нарратива, складывающегося в условиях цифровой культуры. Это – нарратив незаменимости человека как источника воздействия, выражающий идею, что в философской культуре машина не способна полноценно заменить человека в качестве инициатора умоперемены». (Автореферат, стр. 25). Самое интересное в этом выводе то, что с серьезными уточнениями можно принять, хотя весь путь рассуждений к нему сомнителен и не связан с выводом. Более того, когда читаешь рассуждения диссертанта о сознании ИИ, о том, что ИИ ожил, о его – ИИ – (не)этических поступках, то понимаешь, что автор недостаточно хорошо знает и понимает ситуацию, связанную с проблематикой мышления, языка, речи, интеллекта, разума, сознания. Вряд ли стоит исходить из презумпции, что все эти понятия настолько хорошо изучены, что можно свободно оперировать их расхожим общепринятым, а, по сути, бытовым пониманием. Не случайно, 21-й век называют веком сознания, подчеркивая этим фундаментальную проблему. Как можно делать выводы о сознании ИИ, если мы толком не знаем, что это такое? В лучшем случае мы находимся в области гипотез и это надо подчеркивать.

Довольно странным выглядит также рассуждение о разуме ИИ и пассивности человека в диалоге с машиной: «Индивид открывает для себя новое, но этот эвристический процесс контролирует машина и пользователь в этом процессе есть пассивный реципиент, который испытывает воздействие со стороны машины, но не способен конвертировать его в собственное действие» (Автореферат, стр. 34). Такой вывод диссертанта вполне закономерен, если он уже допустил философский диалог между машиной и человеком: «Сегодня можно констатировать, что в разработке архитектуры интерфейса, основанной на технологиях распознавании естественной речи, уже созданы интеллектуальные системы,

деятельность которых внешне напоминает рефлексивную и философский диалог возможен в процессе человеко-машинной коммуникации. Если место человека как собеседника способна занять машина, действующая подобно Цифровому Сократу, это, вероятно, сказывается на прагматике диалога, изменяет диалог в качестве формата культуры» (Автореферат, стр. 5). Во-первых, совершенно непонятно, если вопрос о рефлексивной деятельности открыт, то как вообще можно говорить о философском диалоге? Такое ощущение, что диссертант не знаком с умозрительным экспериментом «Китайская комната» Джона Сёрля. Во-вторых, ему очевидно незнакомо то, что философский диалог даже с т.н. «сильным ИИ» (которого не существует) пока выглядит и теоретически, и практически проблематичным, потому что за человеком стоят не только интеллектуальные способности, но и то, что М. Хайдеггер назвал «экзистированием». У машины (ИИ) нет и не просматривается существование в мире как социального и природного существа. А именно в обществе человек формируется как сознательный человек. Он формируется в коммуникации с Другим, что не раз подчеркивал диссертант в рассуждениях о диалоге, но почему то забыл об этом.

Если бы у диссертанта был собственный наработанный опыт общения с нейросетью, то он сразу бы обнаружил, что сложность его заключается в том, что человек в этом общении не пассивен. Самая большая сложность задать машине вопрос, чтобы она представила нужную информацию, а потом надо еще проконтролировать ответ. Здесь не место раскрывать всю проблематику сильного ИИ, но одно ясно, что исследование диалога человека-машинной системы диссертант включил скорее для актуальности, чем из глубокого понимания этой проблемы. Диссертант правильно чувствует, что здесь кроются грядущие проблемы в том числе и для его «концепции».

Говоря о социальном контексте, в котором появился данный текст, претендующий на то, чтобы именоваться докторской диссертацией, хочу отметить следующее. Удивительно, но диссертант со своим исследованием неинтересен даже своим коллегам, что подтверждается ссылками на статьи автора. Вот объективные показатели РИНЦ: всего 32 цитирования за почти три десятка лет работы. Восемь из них все в одном источнике: ВЛИЯНИЕ ФОРМАТИРОВАНИЯ НА СМЫСЛ: ИЗМЕНЕНИЯ В ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАЦИИ Рыскельдиева Л.Т. Отчет о НИР № 16-03-00120. Российский гуманитарный научный фонд. 2018.

Большая часть прочих – это взаимочитирования авторами одной кафедры. И ничтожно малое количество цитирований авторов не с места работы диссертанта. Это косвенный, но весьма красноречивый показа-

тель вклада автора в науку и позиционирования его в научном сообществе. Здесь нет никакой субъективной оценки оппонента, а беспристрастная фиксация машинерией научной активности диссертанта. К сожалению, замечания, высказанные коллегами автору диссертации на первом и единственном обсуждении работы на кафедре, где, он был докторантом и где была выполнена работа, не были услышаны. О.В. Зарапин предпочел ничего существенно не менять, а использовать вненаучные, административные методы достижения своей цели – защиты диссертации: переход на другую кафедру, переименование оной, чтобы сделать возможным обсуждение и рекомендацию к защите, выведение неудобных членов из состава диссертационного совета, будучи ученым секретарем совета, в котором сейчас пытается защититься. Таким сомнительным образом была расчищена дорога для защиты. На кафедре философии была обсуждена монография О.В. Зарапина и рекомендована к публикации (Симферополь, 2023). Сотрудники кафедры отнеслись к монографии более лояльно, так как монография не есть текст диссертации, и автор волен там излагать даже свои субъективные и может быть очень спорные тезисы. Но выносить их на защиту значит быть готовым их защищать со всей научной строгостью, по крайней мере, утверждения должны быть объективными и логически обоснованными, чего соискатель так и не смог добиться.

С учетом всего изложенного, считаем, что диссертация О.В. Зарапина «Диалог как формат философской текстовой культуры», представленная на соискание ученой степени доктора философских наук, не соответствует требованиям и критериям, предъявляемым к докторским диссертациям согласно «Положению о порядке присуждения ученых степеней» ВАК Минобрнауки РФ, а её автор О.В. Зарапин не заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8 – философская антропология, философия культуры.

Заведующий кафедрой философии
Института «Таврическая Академия»
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского,
доктор философских наук,
профессор

О.А. Габриелян

ОТЗЫВ

Язык и стиль диссертации исключительно сложны, что волей-неволей заставляет задуматься над тем, что перед нами: действительно глубокое сочинение, требующее неординарных усилий для его восприятия, или же попытка таким способом скрыть тривиальность и абсурдность выдвигае-

мых утверждений? Предпринятый нами анализ текста позволяет дать на этот вопрос вполне определенный ответ. Он будет сформулирован ниже. Рассмотрим ключевые моменты диссертации.

Обоснование актуальности

Автореферат начинается с категоричного заявления: «Со времен Гуссерля известно, что современная европейская философия находится в кризисе» [с. 3]. О.В. Зарапин, таким образом, принимает слова основоположника феноменологии за неоспоримую истину. Конечно, это его право, но только почему остальные члены философского сообщества должны это мнение разделять? Каковы признаки, указывающие на наличие такого кризиса? И о каком конкретно философском течении современной европейской философии идет речь? Таких течений немало, и что же, каждое из них пребывает в кризисе? Какой смысл вкладывается в данном случае в понятие «современная европейская философия»? И с какого момента отсчитывается О.В. Зарапиным современность: с 1914 года? с 1945 года? с 1991 года? Э. Гуссерль умер в 1938 году, с тех пор мир претерпел множество перемен, порой драматических и даже трагических. И что же, суждение Гуссерля до сих пор сохраняет силу? Без всех этих пояснений ключевой тезис О.В. Зарапина, опирающегося на авторитет основоположника феноменологии, оказывается не содержательным утверждением с ясным смыслом, а абстрактной декларацией.

Но не станем акцентировать на этом внимание, сочтем данное обстоятельство не изъяном позиции, а извинительным упущением. Однако в любом случае возникает вопрос о том, в чем состоит существо упомянутого кризиса? Диссертант после ряда заявлений, не имеющих прямого отношения к делу, отвечает на этот вопрос следующим образом: «... < философия не действует, она непреодолимо теоретична и в области практики играет служебную роль, дезавуированную в пост-марксистскую эпоху, когда философский инструментарий уже побывал оружием в руках пролетариата» [с. 3]. (Орфография источника – Р.Л.)

Разберем эту фразу подробно. Итак, философия «непреодолимо теоретична» и в то же время «в области практики играет служебную роль». Но если философия теоретична непреодолимо, то как она может играть в практике хоть какую-то роль? Нарушение логического закона исключенного третьего здесь столь очевидно, что остается только удивляться, как этого не заметил автор. Остановимся на второй части фразы. Итак, «философский инструментарий», оказывается, уже «побывал оружием в руках пролетариата» и в итоге «дезавуировал «служебную роль философии в области практики», причем сделал это в «постмарксистскую эпоху». К нашему стыду, мы не ведаем о существовании такой эпохи. Но точ-

но знаем, что слово «постмарксистский» по правилам русского языка пишется не через дефис, а слитно. Впрочем, это не так уж важно. Существенно в данном случае неумение автора последовательно провести свой исходный тезис о «непреодолимой теоретичности» философии. Если в определенную эпоху философия была чьим-то оружием, то она, следовательно, играла практическую роль. Концы у автора явно не сходятся с концами.

Итак, О. В. Зарапин исходит из тезиса о том, что современная европейская философия находится в кризисе, а сущность кризиса им усматривается в отрыве философии от практики. Понятно, что от автора требуется предложить путь выхода из этого кризиса, найти способ преодоления отрыва философии от практики. Выражаясь словами О.В. Зарапина, необходимо найти «действенный потенциал» философии [с. 3]. Рецепт автора таков: требуется «своеобразная интерференция» философской культуры и «философского дискурса». Естественно, читатель ожидает, что автор даст определения понятиям «философская культура», «философский дискурс», объяснит, в чем состоит интерференция первого и второго. Желательно также сообщить, в чем заключается своеобразие этой интерференции. Речь идет, разумеется, не о полных развернутых определениях, а о кратких, инструментальных, достаточных для понимания хода мысли автора. Но ожидания читателя оказываются обманутыми. Относительно ключевых понятий теоретической конструкции автора имеются лишь какие-то невнятные суждения, не позволяющие уловить его основную идею. О понятии «философский дискурс» сказано, что оно «указывает на речевые, текстовые и коммуникативные особенности осуществления философской рефлексии» [с. 3]. Но на все эти вещи «указывает» и понятие философская культура. И много других понятий, например, стиль философствования. Читателя интересует не то, какие коннотации связаны с тем или иным понятием, а каково содержание именно данного понятия. О понятии «философская культура» в автореферате написано, что оно «отсылает к способам осуществления рефлексии в разных социокультурных условиях <...>» [с. 3]. Та же ошибка. Содержание понятия «философская культура» автором не раскрывается, им делается лишь замечание о том, какие оно вызывает ассоциации. Кроме того, различие этих двух понятий (философская культура и философский дискурс) охарактеризовано столь туманно, что уловить, в чем оно заключается, – задача практически нерешаемая. Согласно автору, «философский дискурс» «указывает» на определенные «особенности осуществления философской рефлексии», а «философская культура» «отсылает» к «способам осуществления философской рефлексии». Возникает естественный вопрос, чем отсылка к «осуществлению философской рефлексии» отличается от указания на то же самое?

(Заметим в скобках, что в автореферате на с. 16 дано развернутое определение философской текстовой культуры. Не касаясь его, по существу, констатируем, что ничего не сказано относительно того, как оно со-

относится с понятием философская культура. Читатель волен думать, что это одно и то же, а может придерживаться и иной точки зрения.

Складывается впечатление, что О.В. Зарапин имеет слабое представление о том, что значит обосновать актуальность той или иной темы. Выявить актуальность проблемы – значит показать, каким образом ее постановка вытекает из реалий переживаемого исторического момента. В нашем конкретном случае – из реалий постсоветской России. С того времени, когда творил Э. Гуссерль, прошло много десятилетий, огромные изменения произошли и в мире, и в философии, и потому его суждения, относящиеся к давно минувшей эпохе и другому культурному ареалу, не могут быть механически перенесены на сегодняшний день и на современную Россию. Поэтому мы вынуждены констатировать, что обоснование актуальности проблемы проведено О.В. Зарапиным крайне неубедительно и непрофессионально.

О предмете исследования

Поиски «действенного потенциала» философии приводят автора к мысли о необходимости тщательно изучить философский текст, из чего делается вывод, что именно этот последний и является главным предметом диссертационного исследования [с. 4]. Но если есть главный предмет, должен быть и второстепенный. Каков он? Ответ мы находим на с. 6, где делается заявление, что предметом диссертационного исследования является «прагматический потенциал диалога, реализуемый в виде формата текстовой деятельности». Получается, таким образом, что О.В. Зарапин исследовал не один, а два предмета. Признаться, за 50 лет работы в науке нам с такими вещами сталкиваться не приходилось.

Так или иначе, понятно, что ключевое понятие работы – текст. Последний трактуется О.В. Зарапиным как «способ деятельности», который «репрезентирован в совокупности процессов создания, трансляции и воспроизводства продуктов текстовой деятельности» [с. 4]. Итак, текст – это то, что представлено в текстовой деятельности. Данное суждение вполне можно поместить в учебник по логике как пример ошибки «крут в определении». Из столь своеобразного представления о тексте автор выводит заключение, что можно «связать понятия философская культура и философский дискурс в одно общее понятие философская текстовая культура» [с. 4]. Как можно предполагать, это и есть та самая «интерференция философской культуры и философского дискурса», который был обещан чуть выше. Проще говоря, если наложить философскую культуру на философский дискурс (или наоборот), то в итоге получится философская текстовая культура. Допустим, что это так. Но что из такого допущения следует?

О.В. Зарапин на указанный логичный вопрос не отвечает, вместо этого следует пассаж о различии диалогической и монологической речи, называются имена Гаутамы, Лао-цзы, Конфуция, говорится о каких-то «мудрецах Упанишад», о суфиях. Какое они имеют отношение к европейской философии? Автор, согласно его заявке, стремится найти выход из кризиса современной европейской философии, который в свое время отмечал Гуссерль. При чем здесь «мудрецы Упанишад» и прочие окруженные ореолом мифов и легенд персонажи из авторского списка?

Итак, мы вынуждены констатировать, что предмет исследования определен О.В. Зарпиным весьма небрежно и противоречиво.

Гипотеза исследования

Прочитируем соответствующее высказывание: «Исследовав истоки и особенности практики сократической беседы, мы выдвигаем гипотезу, что эта практика закладывает в основу европейской философской текстовой культуры идею взаимодополнительности диалога и монолога, выражающую продуктивность процесса перехода между ними» [с. 4]. Каждый может по достоинству оценить глубину и оригинальность этой мысли: диалог дополняет монолог, а монолог производит точно такой же эффект по отношению к диалогу. До того, как О.В. Зарапин выдвинул свою гипотезу, об этом никто не подозревал. И лишь благодаря его тщательному исследованию покров вековой тайны сорван с великой истины. Приносим извинения за саркастический тон, но как иначе прокомментировать банальность, выдаваемую за некое теоретическое прозрение?

Дальше следует разъяснение этой банальности, по максимуму разукрашенное научной терминологией: «Этот процесс (перехода диалога в монолог и обратно. – Р.Л.) репрезентирован со стороны диалога – в виде дискурсивной позиции субъекта, вовлеченного в общественную жизнь и нацеленного посредством текста воздействовать на Другого, и, со стороны монолога – в виде дискурсивной позиции субъекта, дистанцирующегося от реальности, занимающего позицию одинокого наблюдателя и использующего текст как инструмент особой деятельности созерцания. Мы утверждаем, что действенный потенциал философского диалога раскрывается как умоперемена (метанойя). Он реализуется в изменении точки зрения, в изменении способов мышления и способов артикуляции мысли, что в пределе обобщения означает также и то, что между диалогом и монологом нет непроходимой границы. Монолог является преобразованием диалога, а сам процесс такого преобразования является функцией философской текстовой культуры, что мы фиксируем понятием трансформация дискурса» [с. 4-5]. Далее автор настаивает на том, что диалог – это не жанр, не стиль, а формат текстовой культуры [с. 5]. Читатель вправе спросить: а кто считает иначе? Кто, например, утверждает, что диалог – это определенный жанр философской литературы? Нам известны следующие жанры: заметка, тезисы, статья, монография, рецен-

зия, эссе. С таким жанром, как диалог, нам, честно говоря, встречаться не приходилось. Некоторые философские произведения действительно написаны в форме диалога, но это всегда лишь способ организации текста внутри одного из перечисленных жанров. Мы вполне допускаем, что у кого-то на этот вопрос есть иная точка зрения. Так приведите соответствующие имена; огласите весь список, пожалуйста. То же самое относится и к стилю. Кто из профессиональных философов рассматривает диалог как стиль философского текста? (Или текстовой культуры – все равно.) Пока не приведены соответствующие ссылки, нельзя отделаться от впечатления, что автор борется с фантомами, которые порождены его воображением.

Конкретизируя свою гипотезу, автор делает заявление, что «созданы интеллектуальные системы, деятельность которых внешне напоминает рефлексию» [с. 5]. Да, это совершенно справедливая констатация общеизвестного факта. Но дальше автор рассуждает так, будто общение человека с машиной – коммуникация равноправных субъектов. Вот его высказывание на этот счет: «Сегодня встреча с Цифровым Сократом уже не выглядит фантастикой и чат-бот в роли философа пополняет функционал виртуального собеседника, изначально апробированный в опции психотерапевтической услуги» [с. 5]. А вот еще одно его суждение: «<...> место межличностной коммуникации занимает человеко-машинная коммуникация» [с. 5]. Более того, он как о чем-то само собой разумеющемся пишет о «философском диалоге человека и машины» [с. 6]. Эти формулировки не оставляют сомнения в том, что О.В. Зарапин одновременно принимает две точки зрения на общение человека с машиной. Согласно первой, оно лишь внешне похоже на диалог, а второй – оно является диалогом по существу. И снова автора трудно упрекнуть в излишнем пиетете по отношению к законам логики.

И к требованиям жанра автореферата тоже. По общему правилу рассуждения о гипотезе исследования завершаются утвердительными суждениями, в которых раскрывается ее суть. Потом по ходу изложения этого гипотеза доказывается фактами и логикой. Но вместо этого мы видим в конце раздела о гипотезе исследования формулировку вопросов, уводящих читателей от предмета обсуждения.

К тому же гипотеза никак не связана с заявленной в самом начале автореферата озабоченностью кризисом современной европейской философии. Если сей вопрос действительно волнует автора, то почему выдвинутая им гипотеза никак не связана с задачей преодоления этого кризиса?

Вывод: гипотеза исследования представляет собой трюизм, довольно искусно закамуфлированный под глубокомысленные рассуждения.

Цель и задачи исследования

В автореферате цель изложена следующим образом: «построение модели европейской философской текстовой культуры, позволяющей оценить продуктивность формата диалога» [с. 6]. Фраза построена таким образом, что не сразу понятно, к чему относится причастный оборот: к модели текстовой культуры или к самой культуре. Такая ошибка называется амфиболией. В столь ответственном жанре, как автореферат, подобных шероховатостей изложения желательно избегать. Более вероятно, конечно, что причастный оборот относится к модели философской текстовой культуры. И эта модель, согласно замыслу автора, должна открывать возможность оценить продуктивность формата диалога. Но что такое продуктивность формата диалога? По каким критериям эта продуктивность устанавливается? И зачем это нужно? Как это работает на сверхзадачу исследования, которая, напомним, заключается в том, чтобы преодолеть кризис современной европейской философии?

Чтобы реализовать поставленную цель, автор формулирует пять задач. Наибольший интерес представляет последняя задача: «выявить особенность философского диалога, осуществляемого в процессе человеко-машинной коммуникации, и оценить потенциал его влияния на диалоговый формат философской текстовой культуры» [с. 6]. Как видим, автор всерьез рассуждает о «человеко-машинной коммуникации» в процессе философского диалога. Но рассуждать таким образом значит покидать почву научного мышления. Голосовой помощник, которым я пользуюсь, работая на компьютере, – не субъект, а программа, созданная другим человеком. Это инструмент общения, его техническое условие наподобие микрофона или динамиков. «Алиса» – это всего лишь название программы, а не имя другого участника коммуникации. Программу можно назвать «Сократ» и многократно ее усложнить, суть дела от этого не изменится. Трактую вопрос иначе, О.В. Зарапин воспроизводит обывательскую, детски-наивную точку зрения на искусственный интеллект, что в сочетании с витиеватым, обильно уснащенным философской терминологией стилем изложения производит впечатление просто комическое.

Таким образом, цель и задачи исследования сформулированы с серьезными отступлениями от норм научности.

О новизне исследования

О.В. Зарапин усматривает новизну своего исследования в первую очередь в том, что им «предложена модель философской текстовой культуры, представленная в виде монологического ядра и диалоговой оболочки, выражающих дискурсивные позиции созерцания и воздействия» [с. 6]. Далее конкретизируется, в чем эта модель состоит. Коротко суть его концепции сводится к следующему: в процессе коммуникации двух субъектов на темы философии происходит «трансформация дискурса» [с. 6]. Она заключается в умоперемене, называемой на греческий манер

словом метанойя. Последняя представляет собой изменение отношения к другому участнику общения. Если поначалу они смотрят на оппонентов свысока, с позиции «превосходства над Другим», то затем под влиянием аргументов оппонента занимают позицию «превосходства над собой» [с. 7]. И это позволяет каждому из участников коммуникации внутренне преобразиться, стать более совершенным, обрести подлинность своего бытия [с. 7]. Поскольку, согласно О.В. Зарапину, в качестве субъекта диалога может выступать не только человек, но и машина, возникает закономерный вопрос о том, какова специфика этих процессов в человеко-машинной коммуникации. К чести автора, он этого вопроса не избегает и отвечает на него следующим образом: «В диалоге машина способна интеллектуально воздействовать на человека, вызвать в нем умоперемену (метанойя), но это воздействие не учитывает возможность человека усвоить его в качестве образца для собственного поведения» [с. 7]. Получается, таким образом, что машина способна воспитывать человека, но только он такому воспитанию поддается с трудом. А как же машина? Она в состоянии под влиянием человека преобразиться и ощутить подлинность своего бытия? Такого вопроса, вполне логичного в рамках развиваемых им представлений, О.В. Зарапин не ставит. И поступает, как мы полагаем, вполне благоразумно, ибо тогда было бы совершенно ясно, что от его рассуждений за версту веет духом технократической утопии.

Чистосердечно признаемся, что с идеями, подобными тем, которые излагает О.В. Зарапин, мы в философской литературе не встречались. Не исключаем, что из-за нашей неосведомленности, но, возможно, и по той причине, что автор ломится в открытую дверь, с одной стороны, повторяя банальности и, с другой стороны, воспроизводя антинаучные идеи, место которым не на страницах серьезных философских изданий, а разве только на REN-TV.

Методология исследования

О.В. Зарапин заявляет по интересующему нас пункту следующее: «Методологическую основу диссертационного исследования составляет коммуникативно-текстовый подход в изучении философского текста, разработанный и апробированный в рамках коллективных научно-исследовательских проектов, связанных направлением исследований в области философской текстологии» [с. 15]. Для философской работы докторского уровня такого заявления явно недостаточно. Декларация о методологической основе диссертации – это не что иное, как открыто водруженное философское знамя. От автора требуется внятно заявить, в рамках какого направления он мыслит, к какому течению принадлежит, идеи какой школы развивает. Подход – это способ понимания предмета, абстрактно-обобщающий момент самых разных и даже противоположных философских кон-

цепций. Так, Маркс, как и Гегель, подходил к действительности как к чему-то такому, что пребывает в постоянном развитии. Но сказать, что марксизм и гегельянство это одно и то же, было бы непростительным упрощением.

Методология исследования – это его теоретическая основа, система идей, концептуальный каркас, на котором оно зиждется. А то, что О.В. Зарапин рассматривает в качестве методологии, относится не к методологии, а к методике, т.е. к набору приемов и способов анализа материала. Мы не покушаемся на их эвристическую эффективность, но отказываемся считать их пригодными для того, чтобы служить концептуальной основой исследования.

Таким образом, методологическая основа исследования в диссертации определена некорректным образом.

Теоретическое значение работы

На этот счет в автореферате сделано следующее заключение: «Теоретическое значение работы определяется постановкой проблемы особенностей философского текста как топоса дискурсивной деятельности, осуществляемой во взаимосвязи коммуникативных процессов создания, трансляции и воспроизводства текстовых продуктов и имеющей значение способа бытия человека в культуре» [с. 18]. Итак, автор видит теоретическое значение докторского исследования в постановке проблемы. Предположим, что это заявление соответствует действительности. Но разве квалификационная работа – это тот жанр, который имеет своей задачей всего лишь постановку проблемы? Не решение научной проблемы, не выдвижение новых научных идей, не создание новой концепции высокого уровня обобщения и не обоснование новых направлений исследования. Постановка проблемы – исходная фаза исследования, а не итоговая оценка его значения для развития теории. Вызывает недоумение и содержание цитированной формулировки. Она в неявном виде содержит утверждение, что дискурсивная деятельность является не чем иным, как способом бытия человека в культуре. Исходя из контекста, можно предположить, что речь идет не о всякой дискурсивной деятельности, а только о философской. Таким образом, получается, что человек приобщен к культуре лишь в той мере, в какой он погружен в философский дискурс. Иначе говоря, культурен лишь тот, кто профессионально занимается философией. Специалисты в области физики, математики, химии, биологии, истории, филологии, все инженеры, врачи, школьные учителя, токари, фрезеровщики, водители, электрики, сантехники и представители прочих почтенных профессий, не участвующие в обсуждении философских проблем, – люди малокультурные или вовсе бескультурные. К подобным абсурдным утверждениям можно прийти, если не придавать должного значения точности формулировок.

В раздел «теоретическая значимость исследования» автор включил также еще несколько пунктов: разработка определенной модели философской текстовой культуры [с. 18]; обоснование взаимосвязи диалога и монолога в философской текстовой культуре посредством механизма, обеспечивающего для последней «базовую для ФТК (философской текстовой культуры – Р.Л.) трансформацию дискурса» [с. 18]. И это еще не всё. Согласно автору, им еще «реконструирован генезис ФТК как процесс размежевания и идентификации дискурсивных практик диалога и монолога» [с. 18]; введено понятие нарратива ФТК в значении способа реализации функции трансформации дискурса [с. 18], а также выделены приемы двух видов: те, что реализуются в дискурсивных практиках диалога, и тех, что репрезентируются в дискурсивных практиках монолога [с. 18]. И, наконец, им «раскрыты особенности диалоговой деятельности, реализуемой в процессах человеко-машинной коммуникации...» [с. 18].

Не станем обращать внимания на то, что без тавтологии не обошлось и в этот раз, поскольку это не главное. Главное здесь другое. Теоретическая значимость работы должна определяться предельно кратко, одной-двумя фразами. Например, теоретическая значимость «Капитала» К. Маркса состоит в том, что в нем раскрыта природа капиталистической прибыли как присвоения неоплаченной части произведенной работником стоимости. Но теоретическая значимость, изложение которой занимает половину страницы, – это нонсенс. Главная ценность любого научного труда – новая идея. И если автор не может ее выделить и внятно сформулировать, то это может означать лишь то, что этой идеи там нет. А в докторской диссертации это должна быть не просто новая идея, а идея масштабная, такая, которая открывает новые направления исследований.

В автореферате нам ничего подобного обнаружить не удалось.

Язык и стиль

Как уже отмечалось в самом начале отзыва, язык и стиль работы исключительно трудны для понимания. Автор строит сложные конструкции, активно использует причастные и деепричастные обороты, обильно уснащает речь философскими терминами, вставляет слова из древнегреческого языка, словом, делает всё возможное, чтобы произвести на читателя впечатление человека красноречивого и эрудированного. И – надо прямо об этом сказать – поставленной цели он достигает вполне. Читатель проникается к нему доверием еще и потому, что в тексте практически нет ошибок против русского языка, автор прекрасно владеет навыком грамотного письма. Несомненные литературные достоинства текста подсознательно проецируются и на его содержательную сторону, создавая у читателя впечатление неизъяснимой глубины написанного. И если читатель чего-то не понимает, то связывает это не с изъясними

текста, а с собственным несовершенством. В такой ситуации читатель склонен полагать, что он просто не дорос до усвоения глубочайших истин, преподносимых ему с таким блеском. Чтобы понять, действительно ли излагаемые идеи столь замечательны, как нам желает преподнести автор, нужно избавиться от легковерия, необходимо проявить способность к критическому мышлению, потратив немало времени и сил на распознавание истинного смысла написанного. Иногда обнаруживается, что претензии автора обоснованы, что используемый им сложный язык – не попытка пустить пыль в глаза, а отражение реальной сложности предмета. Но довольно часто оказывается, что таким способом автор маскирует реальную пустоту и бессодержательность своего труда, что он занимается не наукой, а ее имитацией, скрывая под сложной языковой оболочкой смесь банальностей и нелепостей. К какому случаю относится произведение О.В. Зарапина: к первому или ко второму?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно в краткой и ясной форме раскрыть основное содержание его труда.

Действительное содержание исследования

Предпринятая нами дешифровка послания О.В. Зарапина *urbi et orbi* привела нас к выводу, что основные действительные (а не декларируемые) идеи его диссертации таковы. Чтобы читатель не принял эти мысли за наши собственные, выделим текст курсивом.

Современная европейская философия находится в кризисе. Он заключается в отрыве философии от практики. Преодоление этого отрыва состоит в возврате к классической традиции философствования, заложенной в античные времена. Современная философия должна отказаться от монолога как главного способа коммуникации и перейти к другому способу, который заключается в переплетении (взаимодополнении) *монолога и диалога. Сочетание этих двух типов речи (монологической и диалогической) приводит к тому, что в процессе коммуникации изменяются обе ее стороны. Под влиянием монолога человек становится другим, чтобы потом обрести новое совершенство в ходе диалога. Но ведущая роль в коммуникации принадлежит все-таки диалогу, именно через развитие последнего проходит генеральная линия интеллектуального прогресса, ведущая к ликвидации разрыва между философией и практикой. Это справедливо не только по отношению к тому случаю, когда субъектами коммуникации выступают люди, но и по отношению к общению между человеком и машиной.*

Было бы наивностью предположить, что О.В. Зарапин с нашим изложением его основных идей согласится. Нет, он заявит, что мы неправильно поняли его идеи, что мы их огрубели, примитивизировали, вульгаризировали, профанировали, исказили. Если какой-нибудь другой профессионал предпримет нелегкую попытку привести идеи труда О.В. Зарапина в удобоваримый вид, реакция будет точно такой же. Так обычно

и поступают авторы, которые используют сверхсложный стиль изложения как метод защиты своих трудов от прочтения. На любую критику у них есть непробиваемый аргумент: «Вы меня не так поняли».

Но что мешало О.В. Зарапину выразить свои взгляды не многословно и туманно, а ясно и точно? Что мешало ему излагать свои идеи так, чтобы их мог понять любой человек, обладающий базовой философской подготовкой? Тогда ведь не потребовалось бы тратить время и силы на дешифровку его невнятного сочинения. Тогда была бы возможность не предполагать, что именно автор желает сказать, а анализировать его взгляды по существу. Но мы имеем то, что имеем. И надо ли специально обосновывать, что «сухой остаток» всего труда О.В. Зарапина выглядит не очень впечатляюще?

Заключение

Итак, актуальность темы обоснована необубедительно и непрофессионально, предмет исследования определен небрежно и противоречиво; гипотеза исследования представляет собой трюизм, закамуфлированный под глубокомысленные рассуждения; цель и задачи работы сформулированы с серьезными отступлениями от норм научности; характеризуя новизну исследования, автор повторяет общеизвестные истины и в то же время воспроизводит антинаучные идеи, которым не место в серьезной литературе; теоретическое значение работы описано многословно и туманно, но основная ее идея четко не сформулирована; язык и стиль работы имеют своей целью не донести до читателя основные идеи автора, а скрыть тривиальность и противоречивость высказываемых суждений, а порой и их нелепость и антинаучность. Реальное содержание труда, выявленное путем снятия цветистого словесного покрова, коим автор богато украсил свое сочинение, представляет собой набор банальностей и весьма спорных утверждений, вряд ли кому интересных.

Все изложенное позволяет заключить, что диссертационное исследование О.В. Зарапина «Диалог как формат философской текстовой культуры», представленное на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки)», не отвечает требованиям ВАК, предъявляемым к докторским диссертациям, а его автор не заслуживает присвоения ему искомой ученой степени.

Лившиц Рудольф Львович, доктор философских наук, профессор
E-mail: rudliv@yandex.ru

ОТЗЫВ

Анализ автореферата диссертации позволяет сделать ряд замечаний.

1. Первое недоумение, которое возникает при изучении структуры и содержания рецензируемой работы связано с ее названием. Почему работа называется «Диалог как формат философской текстовой культуры»? Работа посвящена не диалогу, а конвергенции диалога и монолога. Монолог назван ядром, а диалог периферией. Поэтому более точное название «Конвергенция диалога и монолога как специфика философской текстовой культуры».

2. Однако дело здесь не просто в неудачном названии. За этим скрывается гораздо более серьезная проблема методологического плана. Непонятно назначение первого параграфа первой главы, посвященного философии диалога. В нынешнем виде название и структура работы создают впечатление, что она написана с позиций философии диалога. Но на самом деле это не так, наоборот, в работе монолог – это ядро, а диалог – оболочка, т.е., как бы то ни было, монолог первичен, диалог производен, вторичен. Это невозможно в рамках философии диалогизма. Монолог и диалог рассматриваются как дискурсивные практики. Во Введении в разделе о степени разработанности текста этот момент артикулирован правильно, там рассматриваются не концепции философии диалога, а различные направления и школы, исследующие философскую текстовую культуру, дискурсивные формы и практики. Поэтому в первой главе предполагается прежде всего параграф, посвященный концептуализации философии как текстовой деятельности, общей теории и методологии дискурса, дискурсивных формаций и практик, поскольку диссертация посвящена именно этому уровню философской культуры. Этот параграф должен был иметь методологическое значение, здесь автор должен был объяснить концептуально-методологические истоки своей работы, происхождение теоретических конструкций и терминологии, которую он использует. В целом работа написана в стилистике и концептуальной методологии постструктурализма и постмодернизма, но автор об этом прямо не заявляет, предпочитая делать акцент на философии диалога. О причинах этого остается только догадываться, однако это создает неопределенность и двусмысленность методологических оснований работы.

3. Автор связывает критику философии с тем, что она не практична, не действует (с. 3). Однако это поверхностная оценка. На самом деле критика философии связана не с тем, что она не действует, а с тем, что она действует таким образом, что это привело к мировым войнам, геноциду, холокосту и т.п. Сам способ мышления классической философской традиции якобы таков, что привел ко всему этому. В этом заключается критика классической философской традиции, метафизики, и в этом смысле амбиции автора диссертации реабилитировать философию не достигают своей цели.

4. Автор совершенно искусственно соотносит монолог с созерцанием, а диалог с воздействием. Скорее, созерцание и воздействие – это две стороны одного и того же, аверс и реверс. А монолог и диалог – это альтернативные принципы соотнесения созерцания и воздействия, то есть, говоря иначе, разных способов восприятия, осознания и переживания реальности. Автор приводит два списка текстовых форматов – монологических созерцательных и диалогических, оказывающих воздействие на другого. Простейший анализ показывает, что автор искусственно разделил монологические и диалогические форматы. На самом деле и монологический и диалогический смысл присутствует в обоих списках, также, как и функции созерцания и воздействия. Это искусственная конструкция, которая вводит мышление в заблуждение.

5. Автор разрабатывает модель, в которой теоретическая часть философского дискурса релевантна формату монолога как текстовой деятельности созерцания, а практическая часть дискурса – формату диалога как текстовой деятельности воздействия. Метафизика, согласно данной модели, релевантна конвергенции форматов, что проявляется в трансформации дискурса, т.е. возможности дискурсивного перемещения между позицией субъекта, фиксирующего результат рефлексивной деятельности, и позицией субъекта, побуждающего адресат к осуществлению рефлексивной деятельности. Эта конструкция является лишним усложнением, если все текстовые форматы философии изначально содержат в себе и компонент монолога (созерцания) и компонент диалога (воздействия). Автор сначала множит лишние сущности без необходимости, а затем обнаруживает связи между этими выдуманными сущностями.

6. «Продуктивность идеи полноты ФТК проявляется в том, что эта идея дает возможность строить модель ФТК, представленную в виде двух дискурсивных планов, мы их назвали ядро и оболочка. Дискурсивная практика созерцания, т.е. формат монолога, составляет ядро ФТК, а дискурсивная практика воздействия, т.е. формат диалога, составляет оболочку ФТК. Кроме ядра и оболочки в качестве элемента модели ФТК выделяется транзитная зона. В ней ядро и оболочка связываются так, что спуск на глубину и подъем на поверхность образуют целостный дискурсивный процесс, реализуемый в последовательности воздействие – созерцание – действие и фиксируемый как трансформация дискурса» (с. 21). Здесь содержится иерархия, монолог (созерцание) первичен, фундаментален, диалог (воздействие) вторичен, производен. Трудно назвать такую модель иначе, чем монологической. Если монолог – это ядро, то конвергенция монолога и диалога не может рассматриваться как симметричное, равновесное взаимодействие, но конвергенция – это некое прораствание следствий из ядра, проявление ядра в следствиях. Проявление результатов созерцания в изменении ума и действиях других людей. То

есть автор разрабатывает фундаментальную монологическую модель, что противоречит замыслу и цели исследования.

7. Второй раздел выглядит как новая работа. Когда читаешь его первый параграф, то не понимаешь, как это связано с предыдущим содержанием, нить повествования разорвана. Не понятно почему во втором разделе акцент делается на диалог, ведь речь тут должна идти о конвергенции монолога и диалога. Второй раздел по плану автора должен быть посвящен тому как смысл катается на горках в транзитной зоне между глубинами монолога и поверхностью диалога, но это выражено очень слабо.

Резюмируя, можно утверждать, что диссертация О.В. Зарапина «Диалог как формат философской текстовой культуры», представленная на соискание ученой степени доктора философских наук не соответствует требованиям и критериям, предъявляемым к докторским диссертациям согласно «Положению о порядке присуждения ученых степеней» ВАК Минобрнауки РФ, а её автор О.В. Зарапин не заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8 – философская антропология, философия культуры. Диссертационное исследование О.В. Зарапина требует глубокого переосмысления и тщательной переработки.

Д. филос. н., доцент, профессор
кафедры философии института
«Таврическая Академия»,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского, ФГАОУ ВО
«КФУ им. В.И. Вернадского»

**Гарбузов
Дмитрий Викторович**

ОТЗЫВ

В своей работе диссертант утверждает, что методологическую основу его исследования составляет коммуникативно-текстовый подход. Названный тезис представляется весьма спорным, ибо основывается на слишком узком и расплывчатом толковании этого понятия. Подход как методологический концепт означает акцентированное применение той или иной группы философских или общенаучных категорий при анализе исследуемого объекта. Что означает, например, системный подход? В узком смысле слова – это есть способ постижения исследуемого объекта, рассматриваемого как система. Данный подход ориентирует ученого на раскрытие целостности и внутренней расчлененности объекта, на исследование многообразных типов связей целого с окружающим миром.

Другими словами, когда мы говорим о каком-либо подходе, речь идет о том, что объект рассматривается под углом зрения некоторой связки категорий с точки зрения их ключевой роли для данного исследования. Кроме того, следует иметь в виду, что любой полноценный методологический подход предполагает наличие в нем методологической программы. Последняя включает в себя следующие пункты:

1. Исходная единица анализа научного знания.
2. Главный гносеологический тезис.
3. Основная познавательная операция.
4. Исходная проблема и способы ее анализа.
5. Толкование сущности и критериев научной рациональности.
6. Обобщенная модель функционирования и динамики науки.

Что касается так называемого коммуникативно-текстового подхода, то очевидно, что никакой собственной специфической программы он не предполагает. В действительности, он, скорее всего, представляет собой некую версию постмодернистской модели анализа и истолкования структуры рационального знания. Разумеется, названная версия имеет право на существование. В этом контексте, уж если говорить именно о подходе, то таковым может выступать сам постмодернизм. Последний в качестве методологического подхода можно определить как своеобразную неосхоластику XX века, как некую интеллектуальную игру в тексты, контексты, подтексты и т.п.

Увлечение некоторых наших отечественных философов посмодернистским стилем мышления, как показывает опыт, представляется достаточно бесплодным занятием. К сожалению, печать такого стиля мышления просматривается во всей диссертационной работе О.В. Зарапина. Отсюда шаткость и слабая обоснованность выстраиваемых автором теоретических конструкций. В качестве примера такой спорной конструкции можно обратиться к предлагаемой в диссертации модели философской текстовой культуры (ФТК), представленной в виде монологического ядра и диалоговой оболочки, выражающих дискурсивные позиции созерцания и воздействия. В соответствии с данной конфигурацией монолог трактуется как практика созерцания, а диалог как практика воздействия. Однако обращение к реальной истории философии показывает, что философы в течении многих веков творили, откликаясь на жгучие проблемы развития социума, культуры, науки. Именно эта изначальная проблемность и критицизм философского мышления определяли в конечном счете диалектику деятельного и созерцательного начал в проблемном поле теоретического исследования. Как известно, французские философы XVIII века (Вольтер, Дидро, Гельвеций, Гольбах) своими яркими монологическими исследованиями (включая и публицистику) идейно подготовили такое важное событие в мировой истории, как Ве-

ликая французская революция. Как видим, формат монолога не помешал темпераментному французскому уму включиться напрямую в водоворот судьбоносных исторических перемен в жизни Европы.

Оценивая представленную работу в целом, можно констатировать, что докторская диссертация О.В. Зарапина «Диалог как формат философской текстовой культуры» не соответствует требованиям ВАК, предъявляемым к работам такого рода, а ее автор не заслуживает присуждения ему искомой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8. – философская антропология, философия культуры.

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии
Института «Таврическая академия»
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского

Ф.В. Лазарев

ОТЗЫВ

Известно, что философия диалога является важнейшей составляющей актуального гуманитарного дискурса. Более того, она – со своими принципами и конвенциями – охватывает целый спектр социокультурных процессов. Среди которых значится и межкультурный диалог.

Диссертация О.В. Зарапина выполнена как попытка обоснования гипотезы о диалоге как такой дискурсивной практике, которая осуществима средствами философской текстовой деятельности, при том, что гипотетической опорой здесь должна стать «модель европейской философской текстовой культуры». Отсюда понятна также мотивация диссертации, касающаяся поиска «базового для европейской традиции нарратива».

При этом из текста автореферата не явствует, почему великая русская литература и философия вынесены «за скобки», хотя, скажем, для крупного британского философа И. Берлина диалог с А.А. Ахматовой и Б.Л. Пастернаком явился важным моментом культурного самосознания и диалога.

Обращает на себя внимание и эвристика диссертации (пункт «Положения, выносимые на защиту»). Здесь содержится как ряд любопытных положений (напр., «дискурсивные переходы от воздействия к созерцанию и от созерцания к действию образуют структурно-функциональное единство воздействие – созерцание – действие, которое выражает: идею полноты философского дискурса (диалог и монолог есть части целого); идею трансформации дискурса как функции философской культуры (взаимосвязь ядра культуры и ее оболочки); принцип дискурсивного механизма (конвергенция практики диалога и практики монолога); или в рамках цифровой культуры фиксируется «незаменимость человека как источника воздействия. – Автореф., с. 8, 10»).

Тем не менее, вызывает недоумение следующее положение о «взаимосвязи ядра культуры и её оболочки» в виде «идеи трансформации дискурса как функции философской культуры» (автореф., с. 8.). Само собой разумеется, что устоявшиеся направления исследований в рамках научной специальности 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (см. паспорт) дадут иную версию культурогенеза, культурной статики и динамики. А философская культура никак не заменит и не отменит культуру как таковую.

Далее, автор исследования делает ударение на том, что диалог предстает «в виде дискурсивной позиции субъекта, вовлеченного в общественную жизнь и нацеленного посредством текста воздействовать на Другого» (автореф., с. 4).

Тем не менее, мировая философия диалога, равно как и гетерология сегодня располагает тремя основными парадигмами:

- 1) интеррогативной (вопрошающей), соотнесенной с сократовский традицией и представленной именами Ж.-П. Сартра, Я. Хинтикки др.;
- 2) респонсивной (отвечающей), представленной именами М. Бубера, Э. Левинаса, О. Розеншток-Хюсси и др.
- 3) евхаристической (соборно-сопричастной), истоки которой наличествует в трудах М.М. Бахтина, а развитие прослеживается у Г.С. Батищева, В.А. Малахова и др.

Авторский анализ и развертывание собственной гипотезы мало касается их (см. автореферат, с. 13, 14, 20), хотя именно эти парадигмы образуют интригу социокультурного развития Европы, Ближнего Востока и России.

И даже привлеченный подход В.С. Библера, согласно которому «произведение есть способ бытия человека в культуре, характеризуемый в совокупности таких функциональных параметров, как встреча автора и читателя, самодетерминация субъекта и порождение мира» (автореф., с. 21) мало согласуется с библейскими и античными основаниями европейской культуры.

Одно из предположений диссертанта касается абсолютно некритичного понимания логики цифровизации, а тем более в последовательном применении к таковой «гуманитарной экспертизы»). Но последняя – «особого рода систематически организованная деятельность, направленная на прогнозирование вновь возникающих угроз для человеческого потенциала. Ядром такого рода деятельности, на наш взгляд, должна быть гуманитарная экспертиза» (Ашмарин И.И., Юдин Б.Г. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. 1997. № 3. С. 77).

Напротив, у автора исследования существует отнюдь не отрефлексированное представление о «диалоге» человека и Машины: «Если место человека как собеседника способна занять машина, действующая подоб-

но Цифровому Сократу, это, вероятно, сказывается на прагматике диалога, изменяет диалог в качестве формата культуры» (автореф., с. 5, а также с. 33 и сл.).

Помимо сказанного, обращает на себя внимание фрагментарное знание автором работы концепции тезаурусной динамики М.К. Петрова (упомянута на с. 24 его идея рождения на палубе пентеконтеры «универсально-понятийного типа кодирования»), хотя опорная книга, ей посвященная, вышла в 2004 году (Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы в свете основных положений тезаурусной динамики. М.: РОССПЭН, 2004).

Для усиления собственной позиции в плане фиксации «нарратива совершения» О.В. Зарапин достаточно узко трактует феномен древнегреческой пайдеи: «Философская идея пайдеи реконструируется в последовательности восхищение – подражание – добродетель (греч. θαυμάζειν – μιμήσις – ἀρετή) с точки зрения сдвига в значении восхищения от созерцания и подражания герою к созерцанию и подражанию Космосу» (авторф., с. 30). Как в своё время показал В. Йегер, пайдея имела медицинские, физкультурные, этико-воспитательные истоки и лишь «золотой век» эллинской культуры приобрела философскую редакцию (Йегер В. Пайдейя. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997).

Само собой разумеется, нельзя обойти вниманием идею метаноии, активно привлекаемую диссертантом для реализации ещё одного нарратива – «Нарратива преобразования: герменевтика метаноии» (подраздел 2.2). Здесь нет ни единой реляции к святоотеческому богомыслию, где она возникла и была детально расшифрована в виде покаянного шага исправления ума (см. хотя бы «Добротолюбие»)

Подводя итог, можно утверждать, что диссертация О.В. Зарапина «Диалог как формат философской текстовой культуры», представленная на соискание ученой степени доктора философских наук не соответствует требованиям и критериям, предъявляемым к докторским диссертациям согласно «Положению о порядке присуждения ученых степеней» ВАК Минобрнауки РФ, а её автор О.В. Зарапин не заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8 – философская антропология, философия культуры. Само исследование О.В. Зарапина по всей видимости требует весьма тщательной переработки в свете ориентации на паспорт указанной специальности.

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой и отечественной культуры
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Д.Е. Муза

После защиты диссертации была подготовлена Апелляция в Министерство образования и науки РФ, а также письмо всем членам соответствующей комиссии ВАК.

Уважаемые коллеги!

Обращаюсь к вам от себя, а также от имени коллег – докторов философских наук Ф.В. Лазарева, Д.В. Гарбузова, Р.Л. Лившица, А.В. Карабыкова, Д.Е. Музы, которые высказали свое отрицательное отношение к докторской диссертации Зарапина Олега Викторовича «Диалог как формат философской текстовой культуры» (специальность: 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки), защищенной 20 марта в совете 24.2.318.05 Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (председатель совета член-корреспондент РАН Л.Т. Рыскельдиева). Со всеми материалами можно ознакомиться на сайте диссертационного совета.

С согласия коллег мною была подготовлена апелляция, которая была отправлена в Министерство образования и науки. Апелляция, согласно действующему Положению, из министерства была направлена на рассмотрение в вашу комиссию.

Просим Вас внимательно отнестись к нашим доводам. Мы понимаем, что часть наших аргументов формально не подпадает под регламент действующего Положения, но, тем не менее, в апелляции приводятся все аргументы, которые в совокупности определяют искусственное манипулирование по продвижению О.В. Зарапина в доктора философских наук. Тем не менее, главное, к чему мы вас призываем – это внимательно изучить спорный текст и дать его объективную оценку. А также посмотреть объективные параметры соискателя в РИНЦ. Это тем более важно, поскольку защита докторской диссертации О.В. Зарапина уже получила определенный общественный резонанс. В свою очередь, мы продолжим знакомить широкую философскую общественность с тем, какими внеакадемическими путями люди становятся академиками и докторами наук.

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского

О.А. Габриелян

Министру науки и высшего образования
Российской Федерации
В.Н. Фалькову

Апелляция

на решение диссертационного совета 24.2.318.05
(философские науки)

Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
о присуждении степени доктора философских наук Олегу
Викторовичу Зарапину

по факту защиты диссертации «Диалог как формат философской
текстовой культуры» специальность: 5.7.8 – Философская антропология,
философия культуры
(философские науки) 20 марта 2024 г.

20 марта 2024 г. в диссертационном совете 24.2.318.05 (философские науки) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Олегом Викторовичем Зарапиным была защищена диссертация «Диалог как формат философской текстовой культуры» специальность: 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки) на соискание звания доктора философских наук. Считаем, что защита прошла со следующими нарушениями.

Нарушения организационного порядка

1. Считаю, что председатель диссертационного совета Л.Т. Рыскельдиева ввела в заблуждение руководство университета при формировании и в дальнейшем при изменениях состава диссертационного совета 24.2.318.05 (философские науки).

Состав диссертационного совета не соответствует требованиям ВАК по профессиональным качествам. Мы не сомневаемся в профессионализме коллег в области их непосредственной профессиональной деятельности, но считаем, что доктора политических наук и педагогических наук, представленные в диссертационном совете по философии от Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского не соответствуют требованиям ВАК по своим публикациям. Это легко определяется по шифру УДК их статей, которые не соответствуют профилю совета: философская антропология, философия культуры (философские науки). Такой способ определения соответствия публикаций профилю совета объективен и исключает субъективизм в определении соответствия публикаций профилю совета. Как известно, именно так определяется соответствие публикаций требованиям ВАК для любого соискателя кандидатской или докторской степени.

Многие члены совета также не соответствуют требованиям ВАК по публикационной активности за последние пять лет, которую они должны

демонстрировать как активно работающие научные исследователи (см. Приложение 1).

Состав диссертационного совета 24.2.318.05 (философские науки) не соответствует также требованиям ВАК по количественному составу членов совета от Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. На дату защиты пять докторов наук не состояли или считали себя не состоящими в диссертационном совете и потому не принимали участие в его работе ни этапах экспертизы и защиты диссертации О.В. Зарапина. Доктора философских наук профессора О.А. Габриелян О.А., Ф.В. Лазарев – сотрудники кафедры философии Крымского федерального университета – были исключены из совета не только без объяснения причин, но и без уведомления об этом в феврале 2024 г. Доктора философских наук А.В. Карабыков и Д.В. Гарбузов – профессора той же кафедры – в ноябре 2023 г. подали проректору по науке Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Н.В. Любомирскому заявления о выходе из состава совета ввиду нарушения председателем совета Л.Т. Рыскельдиевой академических норм профессионализма и этики (Заявления прилагаются). На момент защиты диссертации О.В. Зарапина доктор философских наук, профессор И.И. Кальной уже не являлся сотрудником университета.

При этом заявления А.В. Карабыкова и Д.В. Гарбузова были проигнорированы и не были рассмотрены в месячный срок. (Заметим, что даже ответ на данную апелляцию предусматривает ответ в течение месяца). Л.Т. Рыскельдиева направила информацию в ВАК только в январе 2024 г., изложив существо дела таким образом, что в выводе этих членов совета из его состава было отказано из-за неправильного оформления соответствующих форм. Неверно оформляя соответствующие формы, можно удерживать этих и других членов в совете столько времени, сколько это будет удобно председателю совета Л.Т. Рыскельдиевой. Что и было продемонстрировано ею при защите диссертации О.В. Зарапина. А.В. Карабыков и Д.В. Гарбузов не явились на эту защиту, так как считали себя выбывшими из состава диссертационного совета, но были формально учтены при защите данной диссертации как действующие члены совета. По факту в совете нет необходимого количества докторов наук (более 50 процентов) от университета, на базе которого формируется диссертационный совет.

2. Отдельно считаем необходимым отметить, что профессор Л.В. Баева, являющаяся членом Экспертного совета ВАК по философии, входит в состав диссертационного совета 24.2.318.05, руководимого Л.Т. Рыскельдиевой. Нисколько не сомневаясь в деловой репутации профессора Л.В. Баевой, все-таки отметим наличие конфликта интересов и недопустимости такой ситуации. Не считаем правильным посылать нашу апелляцию

в Экспертный совет ВАК по философии для рассмотрения по существу, так как в нем наблюдается такой конфликт интересов.

3. Вопиющим и недопустимым обстоятельством, которое представляет собой больше, чем конфликт интересов, является то, что и.о. декана философского факультета О.В. Зарапин является председателем комиссии по стимулирующим выплатам сотрудникам факультета, часть из которых входит в состав диссертационного совета, где он, будучи ученым секретарем совета, защитил свою докторскую диссертацию 20 марта с.г. Таким образом, ряд членов диссертационного совета находятся в определенной финансовой зависимости от О.В. Зарапина.

4. Хотим отметить то, что диссертация после ее обсуждения не была рекомендована к защите на кафедре философии, на которой работал, в том числе в качестве докторанта, О.В. Зарапин, и где была выполнена диссертация.

5. После назначения О.В. Зарапина и.о. декана философского факультета он был переведен на кафедру религиоведения, чтобы получить рекомендацию на защиту от этой кафедры. Эта кафедра в срочном порядке была переименована в кафедру религиоведения и философии культуры, в то время как на ней нет специалистов по философии культуры. После чего работа была обсуждена коллегами, большинство из которых не имеют компетенций в области защищаемой диссертации и которые тоже находятся в зависимости от диссертанта, как и.о. декана, и рекомендована к защите. При этом глава экспертной комиссии доктор психологических наук Е.В. Чёрный и один из двух других ее членов О.А. Грива по своим научным интересам совершенно чужды теме диссертации О.В. Зарапина, в чем нетрудно убедиться, ознакомившись со списком их публикаций в РИНЦ.

6. Стоит отметить несоответствие публикационной активности О.В. Зарапина требованиям ВАК, предъявляемым к докторским диссертациям. Им заявлено 16 ВАКовских публикаций. Причем E-library показывает у О.В. Зарапина только 11 ВАКовских статей, не учитывает 4 статьи из Ученых записок Таврического Национального университета до 2014 г. Причем 10 ВАКовских статей из 15-ти необходимых опубликованы в одном журнале – все тех же Ученых записках Крымского федерального университета (на момент защиты К3 уровня). В ядре РИНЦ всего две статьи. Как следствие, за двадцатипятилетний период работы в университете, согласно данным РИНЦ, О.В. Зарапин был процитирован 32 раза, причем почти полностью коллегами и студентами Крымского федерального университета. Показатель, удручающий для соискателя степени доктора философских наук. Таким образом, мы констатируем вопиющую диспропорцию между весом достижений, предполагаемым в норме при получении докторской степени, и весом реальных достижений диссертанта, а также отсутствие удовлетворительной апробации работы, чье обсуждение практически не выходило за пределы философского факультета Крымского федерального университета.

Некоторые замечания к содержанию диссертации

Здесь мы не будем давать развернутую критику диссертации О.В. Зарапина. Она представлена содержательно и достаточно всесторонне в отрицательных отзывах докторов философских наук: О.А. Габриеляна, Ф.В. Лазарева, А.В. Карабыкова, Д.В. Гарбузова, Д.Е. Музы, Р.Л. Лившица (см. на сайте диссовета). Остановимся только на пунктах Заключения экспертной комиссии диссертационного совета, рекомендовавшей диссертацию к защите, которую возглавил доктор психологических наук Е.В. Черный, у которого нет работ ни по философии вообще, ни по философии культуры в особенности.

В Заключении заявлено: «Соответствие содержания диссертационной работы специальности 5.7.8 Философская антропология, **философия культуры** (философские науки), по которой она представлена к защите, подтверждается апробацией работы, ее научной новизной и практической полезностью».

Диссертация Зарапина Олега Викторовича представляет собой законченное и самостоятельное исследование, в котором решена актуальная проблема оценки продуктивности диалога как философской текстовой деятельности». Именно это является главным достижением докторской диссертации О.В. Зарапина, как будто кто-то сомневался в продуктивности диалога как философской текстовой деятельности или его значимости.

1. Далее в Заключении утверждается: «Наряду с теоретической, исследование Зарапина О.В. имеет и практическую значимость, которая заключается в разработке:

1) герменевтического **приема** реконструкции философского текста в качестве деятельности с использованием средств монолога и диалога. Этот прием позволяет отследить изменения и aberrации, которым подвергается философский текст и его смысл в современном информационном обществе и, прежде всего, в процессе использования технологий человеко-машинной коммуникации;

2) **модели** текстового поведения диалога, с помощью которой можно *регулировать процесс* межличностного взаимодействия в системе академического наставничества.

3) **формата** дискурсивной деятельности как деятельности интеллектуально-трансформационной, позволяющей в процессе коммуникации преодолеть конфессиональные и этнические барьеры, освоить навыки критического мышления, противостоять технологиям, в том числе, идеологического манипулирования».

Непредвзятому эксперту очевидно, что ни такой прием, ни такая модель, ни такой формат не будут никогда применены на практике, потому что они попросту не работают, будучи тривиальными, отчасти надуман-

ными, отчасти построенные на ложном понимании когнитивных и коммуникативных процессов.

2. Вот как автор диссертации формулирует гипотезу своей работы: «Исследовав истоки и особенности практики сократической беседы, мы выдвигаем гипотезу, что эта практика закладывает в основу европейской философской текстовой культуры идею взаимодополнительности диалога и монолога, выражающую продуктивность процесса перехода между ними». Была ли необходимость на сотнях страниц доказывать очевидное положение о взаимодополнительности диалога и монолога?

3. В качестве первого пункта новизны диссертантом заявляется: «Предложена модель философской текстовой культуры, представленная в виде монологического ядра и диалоговой оболочки, выражающих дискурсивные позиции созерцания и воздействия. Взаимосвязь монолога и диалога определена в виде функции трансформации дискурса, реализуемой в качестве комплексного дискурсивного процесса воздействие – созерцание – действие и репрезентирующей идею полноты философской текстовой культуры». Автор опять ломится в открытые двери со своей самоочевидной моделью взаимодополнительности монолога и диалога. Причем сама модель принципиально неверная: монолог – созерцание, диалог – действие. Монолог не сводится только к созерцанию. И потом, если монолог, по утверждению автора диссертации есть ядро этой модели, а диалог – периферия, то почему это не отражено в самом названии диссертации? Таких несоответствий и несуразиц достаточно много, что отражено в отрицательных отзывах коллег.

Поскольку диссертант и председатель совета обвиняли нас в необъективности, мы предлагали) О.В. Зарапину выйти за пределы Крымского федерального университета и защитить диссертацию в одном из прочих российских вузов или научных центров, однако наше предложение было отвергнуто. Причина очевидна: намного легче пройти защиту у себя в вузе в совете, являясь его ученым секретарем, и к тому же под председательством своего научного консультанта.

Мы просим объективного рассмотрения нашей апелляции по существу с содержательным ответом по каждому пункту. Наши оппоненты весьма искусны в формальном манипулировании пунктами Положения о защите диссертаций и замалчивании фактов, имеющих принципиальное значение для существа дела. Нами движет не личный мотив, а забота о качестве научных работ. Мы исходим из того, что планка требований к диссертациям не должна снижаться, что все требования процедуры защиты должны выполняться неукоснительно и в полном объеме. И мы имеем в виду не только формальные требования, предусмотренные регламентом, но и существенные условия, подразумеваемые традиционной академической практикой в нашей стране.

Надеемся, что независимая комиссия даст объективную оценку процедуре защиты и, главное, самой диссертации О.В. Зарапина, чтобы мы имели возможность ознакомить с ней наше научное сообщество и широкую общественность как с образцом непродвзятости и добросовестности.

Письма об этих и других нарушениях направлены ректору университета и главе Республики Крым как Председателю Наблюдательного совета Крымского федерального университета (от профессоров и доцентов кафедры философии).

18.05.2024 г.

Комментарии

Представленная диссертация ярко иллюстрирует опасную тенденцию современной философии к самозамыканию, превращению в аутореферентную дискурсивно-теоретическую систему. Автору диссертации удалось создать в своем роде замечательный текст. Его главной особенностью является то, что он никоим образом не связан с реальностью. Любые совпадения дискурсивного и реального являются случайными. Все утверждения, которые содержатся в диссертации касаются не реальности, а отражают определенный философский дискурс, избранный автором. В одном из положительных отзывов на автореферат (автор – О.Ф. Русакова <https://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2024/03/Отзыв-О.Ф.-Русаковой.pdf>) сделано замечание, что в начале автореферата «формат монолога» назван ядром, «формат диалога» – оболочкой «философской текстовой культуры», а в конце автореферата «ядро» и «оболочка» меняются местами. Это можно считать курьезом и технической ошибкой, но, на самом деле, поскольку текст ничего не говорит о реальности, абсолютно все равно, что является ядром, а что оболочкой. Если провести эксперимент, выбрать случайным образом 20 понятий и поменять их на противоположные, то читатели этого текста-трансформера ничего не заметят. Важным элементом конструирования подобного текста является наличие базового тривиального положения (в данном случае, монолог – это созерцание, диалог – воздействие). Это придает правдоподобность всем остальным утверждениям, которые содержатся в тексте и придают силу аргументации автора. В сложных случаях полемики с критиками, он всегда может апеллировать к этому базовому положению (Вы не согласны, что дважды два равно четыре?)

В принципе, написание такого текста можно считать безобидным графоманством, но его легитимация философским сообществом открывает «ящик Пандоры». Если философское сообщество признает приемлемым написание текстов, не имеющих денотата в реальности и по этой причине неопровержимых, то очень быстро философия превратится в разновидность фантастической литературы и социального прожектерства. Надо сказать, что такого рода тенденция уже отчетливо проявляется. Проблема усугубляется быстрым развитием технологий искусственного интеллекта. В частности, так называемые Большие лингвистические модели

(БЛМ) устроены таким образом, что они очень скоро (если не уже сейчас) смогут в большом количестве генерировать такого рода аутореферентные тексты, выраженные в стилистике определенных дискурсов. Это делает бессмысленным написание и защиту квалификационных работ.

Поэтому здесь должна работать многоуровневая институциональная структура экспертизы. Однако в данном конкретном случае она проявила свою полную неэффективность. В частности, это экспертиза на уровне: кафедры, диссертационного совета, официальных оппонентов и ведущей организации, экспертного совета ВАК при Министерстве образования и науки. Кафедра, на которой была выполнена работа проявила объективность и предложила диссертанту доработать свое сочинение. Однако это препятствие было легко преодолено – при поддержке единомышленников из администрации университета диссертант был переведен на другую кафедру, ее название было изменено, и новая непрофильная по составу кафедра рекомендовала диссертацию к защите. Диссертационный совет, на котором диссертант трудился ученым секретарем создала экспертную комиссию (во главе с доктором психологии), которая рекомендовала диссертацию к защите. Далее главную роль начала играть корпоративная солидарность представителей сообщества членов диссертационного совета и связанных с ними части философского сообщества. Его представители обычно не отказываются дать положительный отзыв на автореферат. Сама защита диссертации рассматривается как театральное действие, в котором разыгрывается уже принятое ранее решение. Считается, что если диссертация принята к защите, то она соответствует требуемому уровню и остается только правильно выполнить все формальные процедуры. Официальные оппоненты делают критические замечания любой глубины и радикальности, но пишут, что они не отменяют достоинств работы. Диссертанту остается только не совершить грубых ошибок. Среди диссертантов популярна присказка: три часа позора, и ты специалист с ученой степенью. Далее корпоративную солидарность проявляет профильный экспертный совет ВАК, в который поступило обращение о возможных нарушениях при проведении защиты. После этого все возможности объективной экспертизы конкретного диссертационного исследования исчерпаны, и поскольку вся ответственность за процедуру защиты лежит на диссертационном совете, остается только проверка качества его работы.

К сожалению, нужно констатировать, что названные содержательные и институциональные проблемы отечественной философии подрывают ее статус и значение в культурной и социальной жизни современной России. То же самое касается и репутации представителей философского сообщества, чья деятельность становится похожей на средневековую схоластику, на те ее особенности, которые привели ее к системному кризису. Очевидно, описанный нами кейс свидетельствует о таком системном кризисе.

ФИЛОСОФИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ

PHILOSOPHY AT THE UNIVERSITY

Гарбузов Дмитрий Викторович

д-р филос. наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, профессор кафедры философии

Garbuzov Dmitry Viktorovich

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Full Professor of the Department of Philosophy.

Аннотация: Статья анализирует дискуссионные вопросы относительно статуса философии в России, актуализированные специальной военной операцией. Что происходит с российским философским сообществом. Как должна трансформироваться образовательная программа философии в университете.

Abstract: The article analyzes controversial issues regarding the status of philosophy in Russia, updated by a special military operation. What is happening to the Russian philosophical community? How to transform the philosophy educational program at the university.

Ключевые слова: философия, теоретическая философия, мировоззрение, специальная военная операция, социально-гуманитарная картина мира, философское сообщество, философская образовательная программа в университете.

Key words: philosophy, theoretical philosophy, worldview, special military operation, social and humanitarian picture of the world, philosophical community, philosophical educational program at the university.

Одним из неожиданных следствий специальной военной операции, проводимой Россией на Украине, стало возрождение публичного интереса к философии. Открытое противостояние России и Запада до предела обострило проблему концептуальных оснований и методологии социально-гуманитарного знания. Причины этого очевидны. После распада СССР место марксизма-ленинизма как базовой идеологии общества занял комплекс западных концепций, методологий и учебных дисциплин. И именно они начали определять мировоззрение современного образованного россиянина и официальную идеологию российского общества. Но после того, как Запад через своих официальных представителей прямо заявил, что его целью является «стратегическое поражение» России, такое положение дел стало до предела двусмысленным – трудно бороться с противником, чье мировоззрение и ценности ты разделяешь. Это спровоцировало спонтанную критическую переоценку существующей

социально-гуманитарной картины мира, разделившую в том числе и философское сообщество на две группы, которые можно условно назвать космополитами и патриотами. Первые доказывают, что не существует никаких «национальных» философий и картин мира. Западная философия – это фронтир социогуманитарной теории вообще и поэтому она имеет общечеловеческое значение. Представители иных цивилизационных пространств просто еще не созрели до понимания ее необходимости. Вторые утверждают, что представители разных культурных традиций должны опираться свою автохтонную философию и картину мира. Соответственно и Россия должна сформулировать и преподавать свою философию. Начались дискуссии, что же такое русская философия и как относиться к западной традиции философствования.

Этим объясняется всплеск общественного интереса к философии вообще и философскому сообществу в частности. До этого философия тихо умирала в университетских аудиториях – количество часов общеуниверситетских учебных курсов постепенно снизилось до минимума, превратившись в некий талисман академического образования. Одновременно, прагматическая ориентация на рынок труда превратила профильное философское образование в симулякр, поскольку такой профессии как «философ» нет и не предвидится в будущем. Исходя из такого прагматического подхода, единственным смыслом философского образования со стороны академических институций является воспроизводство философского сообщества. Что касается интереса к философии со стороны обучающихся, если рассматривать опыт большого регионального вуза, то здесь просматриваются следующие группы студентов: 1) немногочисленная группа молодых людей, обладающих «психотипом» философа; 2) еще более немногочисленная группа взрослых людей, состоявшихся в различных сферах социальной практики и обнаруживших в себе потребность к более глубокому изучению философии; 3) группа молодых людей, не сумевшая реализовать себя в поступлении на более популярные направления подготовки и достаточно случайно оказавшаяся на философском факультете. Статистически, последняя группа является наиболее значительной, можно сказать, что это и есть типичный представитель студенческого сообщества философского факультета. Это молодые люди, для которых философское образование – это не самостоятельная цель, а просто часть высшего профессионального образования. Заниматься «профессиональной» философской работой, то есть преподавать и проводить исследования они не планируют.

Такого рода диспозиция ставит сложные вопросы о судьбе философии и философского образования. Можно утверждать, что в годы постсоветских преобразований на эти вопросы был сформулирован достаточно ясный ответ, хотя он и не был институционально формализован и существует скорее в форме некоей негласной конвенции и здравого смысла. Философия рассматривается как необходимая часть университетской традиции, от которой никто не собирается отказываться. Но никакого практического смысла в преподавании философии студентам

непрофильных специальностей, большинство представителей академического сообщества (за исключением преподавателей философии, естественно) не видит. Поэтому и снизилось к минимуму количество часов по учебному курсу философии. Нужно отметить, что значительная часть вины за такую ситуацию несет именно философское сообщество, которое в общем-то ничего или мало что сделало для практической значимости философских курсов и адаптации их к специфике подготовки разных направлений вузовской подготовки. Между тем, конструктивный потенциал для подготовки студентов различных специальностей у философии все же имеется.

Очевидно, что сформулировать свое оригинальное цивилизационное мировоззрение (а также и идеологию как операционализацию традиционных ценностей) невозможно без собственной, автохтонной системы философского образования. Государство и общество будут вынуждены это сделать совместными усилиями. Для этого, прежде всего, само философское сообщество должно сформулировать рабочую реалистическую концепцию философской образовательной программы в университете. Чтобы сделать это необходимо ясно осознать – что есть философия? На наш взгляд, существенная проблема заключается в том, что философию как сложную целостность отождествили исключительно с философской теорией. Философия – это теория или совокупность теорий. А развитие философии стало рассматриваться исключительно как процесс разработки все более совершенной теории. В определенный момент (получивший название постмодерна) наступило разочарование в возможности создания такой истинной теории. Это привело к кризису существования философии как культурного и социального института и утрате авторитета философского сообщества в целом и отдельных его представителей в частности. Философия в лучшем случае начала существовать как знание о прошлом, то есть история философии, а в худшем случае как политтехнология, генерирующая идеологические конструкции для обоснования социоженерных проектов, разрабатываемых различными центрами влияния и субъектами власти.

Поэтому очень важно вспомнить, чем на самом деле является философия, а именно, формой мировоззрения. В первую очередь, это особый режим и структура психической когнитивной активности. То есть это именно определенный способ мировоззрения, восприятия и осознания мира, отличный от иных способов, таких как обыденный, мифический, религиозный и т.п. Теории и выражаемые ими знания, являются одним из результатов философского мировоззрения. Они не первичны, а производны по отношению к процессу мировоззрения. В частности, в основании философского мировоззрения находится грандиозная по своей эвристической нагруженности идея первоначала, субстанции (ипокайменон по-гречески). Предполагается, что в истоке реальности находит-

ся не иррациональный, непознаваемый хаос, а имеющая рациональную природу субстанция, первоначало. Здесь важна сама конструкция, а не содержание. Она имеет огромный эвристический потенциал, который реализуется во множестве направлений, координатных систем когнитивной активности и структур сознания. Данная конструкция задавала основные параметры философии как мышления об основаниях в таких координатных измерениях как: 1) причина – следствие; 2) бытие – сущее; 3) целое – часть; 4) сущность – явление; 5) общее – отдельное; 6) вечное – временное; 7) сакральное – профанное; 8) мыслимое – ощущаемое и т.д.

Подчеркнем, что знания и теории составляют лишь один из результатов философствования как способа мировоззрения. Помимо них существенное значение имеют особый способ существования, образ жизни, можно сказать судьба философа, а также определенные принципы этического плана, определяющие его поступки. Этим философ отличается от ученого. Таким образом, целостность философии представлена особым способом психической когнитивной активности, а также теориями и знаниями, образом жизни и этическими принципами как результатами такого рода мировоззрения. Это очень сложный комплекс, определенное отношение к которому достаточно четко дифференцирует философское сообщество на три группы: создателей, последователей (служителей) и потребителей философии. Особую сложность этого комплекса подчеркивает тот очевидный факт, что количество выдающихся представителей первой группы намного меньше, чем количество великих поэтов, художников, ученых.

Все особенности философии как целостности должны быть учтены в концепции философской образовательной программы в университете. Она должна быть направлена на все группы студентов. Иными словами, задача воспроизводства философского сообщества не должна быть не только единственной, но даже главной. Практика показывает, что философ – это особый тип личности и его индивидуальная история далеко не всегда связана с философским факультетом. Поэтому и философский факультет не должен заикливаться на задаче воспитания профессиональных философов. Главной целью должно быть формирование у студентов способности философского мировоззрения в указанном выше смысле как особого способа восприятия и осознания реальности, выраженных в определенных навыках мышления, анализа и исследования. В условиях, когда происходит взрывное развитие систем искусственного интеллекта, грозящего вытеснить человека из значительной части видов профессиональной деятельности, такого рода подготовка может оказаться полезной и востребованной. Отметим также, что акцент подготовки не на теорию, а на сам процесс мировоззрения, то есть когнитивные способности восприятия и осознания реальности, решает и проблему выбора между патриотизмом и космополитизмом философии. Студенты (и преподаватели) будут учиться мыслить здесь и сейчас (*dasein*), исходя из своей реальной ситуации с ее проблемами и перспективами, а различные философские теории будут выступать в качестве инструментов, а не «конечных областей значений», задающих границы мыслимого.

К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ON THE PROBLEM OF UNDERSTANDING PHILOSOPHY IN THE MODERN WORLD

Храпова Виктория Анатольевна

доктор философских наук, доцент, г. Волгоград, Волгоградский государственный университет, профессор кафедры философии и теории права.

Khrapova Viktoriya Anatolievna

Doctor of Philosophical Sciences, Associated Professor, Volgograd, Volgograd State University, Professor, Full Professor of the Department of Philosophy and Theory of Law.

Аннотация: Статья раскрывает особенности построения философского знания, а также специфику трансформации этого знания в условиях информатизации и современной социальной динамики.

Abstract: The article reveals the features of the construction of philosophical knowledge, as well as the specifics of the transformation of this knowledge in the context of informatization **and modern social dynamics.**

Ключевые слова: философия, социальная реальность, информатизация, человек.

Key words: philosophy, social reality, informatization, man.

Философия возникает из древних духовных практик как рационально-логическое исследование мира. Она представляет собой синтез интуитивных прозрений и интеллектуально-логических построений, направленных на поиск истины и стимулируемый любовью к мудрости. Любовь – эмоциональное состояние особой чуткости, восприимчивости, чувствительности, способствующее обнаруживать многочисленные возможности установления связи с миром, ценностный стержень, позволяющий проникать в разные сферы бытия, вступать в коммуникацию и создавать отношения, организуя наполненное гуманизмом пространство культуры. Любовь меняет сложившиеся ритмы мышления, актуализируя творческий потенциал в поиске неповторимой реализации себя в процессе открытия новых форм бытия. Причиной возникновения эмоции является недостаток ресурсов организма. В данном случае – ресурса знания о жизни в условиях бесконечного развития. Мудрость – это выбор лучшего

в условиях отсутствия точных знаний. Это не знание фактов, а понимание условий жизнедеятельности, способность вырабатывать информацию о том, как мыслить, чтобы искусно жить.

Цель философии – целостное и универсальное знание. Законы мироустройства, составляющие истинное содержание знания, имеют множество граней описания, определяемых социокультурным контекстом и возможностями познающего разума. То есть философия – интеллектуальный ресурс, содержательная ценность которого актуализируется в меняющихся контекстах и имеет непреходящий характер. Это связано с ее представленностью в форме философского текста, – специфической форме практики.

Философский текст – результат духовно-творческого освоения мира. Концептуализация духовного мира уникальна и неповторима. Как результат рефлексии (способности к целостному восприятию и анализу фактов, предполагающей сдвиг от чувственного восприятия к решению, изменению) она создает многообразие описаний состояния осознанности, включенности в процесс бытия, взаимодействия с ним. При этом не существует фундаментального способа описания. Каждый уровень описания следует из некоторого другого и, в свою очередь, влияет на следующий. Континуальность мира раскрывается многоплановостью и разнообразием уровней описания, каждый из которых не изолирован от другого, не претендует на превосходство. Переход на более глубокие и менее расчлененные уровни имеет адаптивный смысл, так как позволяет установить более широкие и менее конкретные в семантическом плане связи между различными объектами.

Философия использует категории – фундаментальные онтологические концепты, семантическая цепь которых пронизывает всю человеческую культуру, схватывая целостность в описаниях мира, расширяя семантические поля в диахроническом и синхроническом планах [1]. Категории формируют когнитивное поле, предполагающее множество вариантов сценария.

Как отрасль рационально-дискурсивного знания и особый способ отношения к миру философия предполагает наличие адресата – Другого, по отношению к которому выстраивается коммуникативная стратегия. Коммуникативный процесс в философии, во-первых, предполагает выдвижение, обсуждение каких-либо идей; во-вторых, убеждение аудитории (реципиента) в их истинности. Аргументация разворачивается в диалоге. Важной особенностью диалога является то, что он предполагает взаимодействие участников этого процесса, их взаимную заинтересованность друг в друге и поиске истины [2].

Процесс рождения истины сопровождается интеллектуальным восхищением. «Функция эмоции в регуляции познавательной деятельности состоит в изменении форм категоризации. При учете этого обстоятельства индивидуальное сознание, индивидуальная система значений предстает как подвижная пластичная функциональная система, включающая вер-

бальные и образные компоненты, воспроизводимая «заново» в зависимости от задачи, стоящей перед субъектом, его цели, требующей определенной глубины проникновения в содержание и осознание эмоциональных состояний, влияющих на характер категоризации» [4, с.78].

Философский текст представляет собой уникальную систему аккумуляции универсальных знаний и несет в себе механизм преемственности и развития для человека и общества.

Вместе с тем, как стратегия логического мышления, предполагающая поиск мотивов, причин, всесторонний анализ и целостный взгляд, рациональную аргументацию и открытые для дальнейшего осмысления выводы, философия требует глубины мышления и длительного погружения в описание жизни, которые имеют фундаментальный характер. В этом смысле философия сегодня интересует немногих, не является современным трендом. Для сегодняшнего дня как нельзя лучше подходит высказывание Франсуа Ларошфуко: «Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией» (Максимы и размышления) [3, с.7].

Интенсивное развитие информационных технологий, процессы глобализации, перманентные экономические кризисы, обострившиеся социальные противоречия сильнее всего отразилось на мировосприятии, особенностях поведения и жизненных стратегиях людей. Одним из главных факторов формирования уникальных особенностей нового поколения является преобладание визуальных образов в пространстве коммуникации. Визуальный контент предполагает особую работу сознания, отличающуюся от той, которая происходит в процессе осмысления вербальных текстов. С одной стороны, визуальные знаки, символы, рисунки, обладая большей степенью понятности для представителей разных национальностей, культурных и профессиональных сообществ, способствуют преодолению разного рода ограничений, упрощают общение, стандартизируют его. С другой, визуальные образы активизируют возможности мышления. Это связано с тем, что картинки и визуальные сюжеты воспринимаются на до-логическом уровне на основе спонтанно возникающей ассоциативной связи. Эффективность коммуникации при этом достигается благодаря эмоциональной реакции, которая обусловлена не столько содержанием сообщений, сколько их формой. Большое количество компьютерных программ, эстетизирующих процесс трансляции информации, превращает общение в художественное творчество. Все это наполняет информационное пространство новыми уникальными смыслами и образами. Виртуальная реальность, развивающая воображение и креативные навыки, способствует психофизиологической перестройке, «тренирует» сознание, что помогает обрести качества, необходимые для самореализации в реальном мире, в котором нет надежных ориентиров и

готовых ответов на жизненно важные вопросы. Интерактивный (предполагающий вовлеченность людей в процессы формирования информации) характер социальной коммуникации, также обусловленный современными информационными технологиями, делает людей активными участниками процессов, воспроизводящих социальную реальность.

Современное динамично развивающееся общество способствует формированию людей определенного типа – индивидуалистов, культивирующих свою самобытность, уверенно балансирующих в море впечатлений, быстро реагирующих на события. Они креативны и прагматичны, увлечены жизнью и процессом познания. Технологичность – рациональное деление процессов на допустимые и доступные действия, приводящие к запрограммированному результату – свойство эпохи, определяющее специфику их существования.

Современные молодые люди не склонны к длительному исследованию, им нравится динамика, их мотивируют впечатления. При этом поверхностное «скольжение» компенсируется хорошей интуицией, недостаточность глубины погружения в интересующие темы восполняется находчивостью и хорошим воображением. Вместе с тем философия как поиск истины, осуществляющийся в диалоге – так называемая практическая философия у истоков которой были мыслители Античности (Сократ, Платон, Аристотель) – представляет большой интерес для активных молодых людей, понимающих, что жизнь не может иметь однозначных трактовок, но желающих обрести определенность в ее понимании, достичь степени совершенства в каком-то деле, уникальности в своем мастерстве. Знаком сегодняшнего времени становятся краткие языковые формулы, концентрирующие в себе смыслы явлений и задающие параметры их развития – бренды, слоганы, логотипы. Но за каждым из них – определенная философия жизни, культурная позиция, значимые для жизни ценности.

Мир, расширивший свои границы благодаря всемирной информационной сети, постоянно представляющей новое содержание, ставит свои задачи, успешность решения которых зависит от многопланового восприятия, гибкого мышления, быстрой реакции, а также силы воли, эмоционального интеллекта и здравого смысла. Философия как любовь к мудрости есть умение находить экологичные решения в условиях отсутствия критериев правильности действий, способность устанавливать нерегламентируемые связи и обосновывать возможность существования новых форм жизни. Она формируется в коммуникативном опыте, укрепляется в повседневных практиках, проявляется в художественном творчестве и является показателем развитого мышления человека, включенного в жизнь, способного нести ответственность за свой выбор, действия, позицию, а также представлять все это в речевых формулах, концентрирующих в себе идею определенного порядка и нацеленных на его сохранение. Современная философия формируется в динамике, процессах трансформации в сфере «между» исчезающих и появляющихся

форм. Ее роль – прояснение смысла, ее функция – транснадежность – согласование, синхронизация, баланс, рациональный и разумный консенсус, обоснование изменения, отвечающего целям самосохранения человека и общества. Создание такой философии – задача первого цифрового поколения, которое, увлекаясь жизнью и процессом ее познания, концентрирует опыт в открытых эстетизированных смысловых структурах.

Кризис философии, который обсуждается современным научным сообществом, обусловлен случившимся изначально искусственным разделением между интеллектуальным и чувственно-практическим. Это разделение привело к ощущению разделенности бытия и мышления, сознания и реальности. Вся история философии есть история преодоления этого разлома. В настоящее время происходит процесс переоткрытия единства: материальное обретает интеллектуальные качества, одухотворяется, а интеллектуальное становится все более прагматичным, материалистичным. В эпоху информатизации и глобальных кризисов мы утрачиваем веру в силу обобщающей мысли, не ищем универсальных решений. Вместе с тем философия не исчезает из нашей жизни, обнаруживая глубинные смыслы в повседневных практиках и острых переживаниях значимых моментов бытия. Несмотря на утрату доверия к фундаментальным идеологемам – большим нарративам, в современном динамичном рискогенном мире мы создаем философию повседневности, наблюдаем за становлением философии визуальных форм, дизайна, туризма, и т.д. Философия становится неизбежным следствием развития какого-либо процесса, отражая духовную потребность человека объяснить мир в его целостности и богатстве переживаемого опыта. Доведенное до философского осмысления любых явлений говорит об открытии нового канала, рождении мастера, способного проникнуть в глубину и раскрыть целостность мира, показав его первоначальное единство. Философия как никогда раньше ориентирована на практику и нацелена на выявление статуса человека, включенного в процесс создания собственного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В.фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
2. Зубова М.В. Феномен философской коммуникации: опыт комплексного подхода / М.В.Зубова. – Автореф. . . дис. кан. филос. наук. – Иваново, 2011. – 26 с.
3. Ларошфуко Ф. Максимы / Ф.Ларошфуко. – М.: АСТ, 2024. – 60с.
4. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.– 208с.

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ПОСТГУМАНИЗМА
MODERN STRATEGIES OF EDUCATION IN THE PERSPECTIVE OF THE ANTHROPOLOGICAL PROJECT OF POSTHUMANISM

Разбеглова Татьяна Павловна

канд. филос. наук, г. Ялта, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, доцент кафедры истории и философии

Razbeglova Tatyana Pavlovna

PhD.philos.Sciences, Yalta, Humanitarian Pedagogical Academy (branch) V.I.Vernadsky Crimean Federal University, Associate Professor of the Department of History and Philosophy

Аннотация: В статье рассматриваются современные стратегии развития образования в контексте создания постгуманистического образа человека. Выявляется корреляция между принципиально новыми стратегическими подходами к образованию, берущими за ориентиры будущее с его неопределенностью как базовой характеристикой, и моделью человека как самоструктурирующегося в конкретных условиях субъекта. Высказывается мысль о влиянии тотальной цифровизации образовательной среды на процессы формирования гуманитарной составляющей личности.

Abstract: The article examines modern strategies for the development of education in the context of creating a posthumanistic image of a person. A correlation is revealed between fundamentally new strategic approaches to education, which take the future with its uncertainty as a basic characteristic as guidelines, and the model of a person as a self-structuring subject in specific conditions. The idea is expressed about the influence of the total digitalization of the educational environment on the processes of formation of the humanitarian component of personality.

Ключевые слова: антропология, виртуальная реальность, деконструкция, децентрация, гуманизм, постгуманизм.

Keywords: anthropology, virtual reality, deconstruction, decentralization, humanism, posthumanism.

Антропологический проект постгуманизма и его философские предпосылки. Возрастающий интерес к проблеме человека направляет многие исследования как в отечественной, так и в зарубежной философской мысли. Проблематичность человека сегодня связана с многими фактора-

ми духовного, социального и культурного свойства. Большую роль играет также включенность человека в технологические процессы, изменяющие не только среду обитания, но саму сущность человека и его антропологические характеристики. В частности, бытие человека в виртуальной реальности, приводящее к децентрации личности, множественности идентификаций, побуждает рассматривать человека вне презумпции его его однозначности и абсолютной самодостаточности. Таким образом мы имеем разрушение традиционного гуманизма, построенного на самоидентичности личности, концептуальности образа человека, обладающего индивидуальной самодостаточностью.

Новые концептуальные подходы образуют две стратегические линии исследований проблемы производства субъективности как важного антропологического свойства: коммуникативно-интерсубъективную (Ю. Хабермас, К. Апель) и онтологическую (М. Фуко, Ж. Лакан, Ю. Кристева). Отдельную линию составляют исследования проблемы субъекта в рамках философской антропологии (М. Мамардашвили, Б. Марков и др.), а также исследование процесса самоидентификации субъекта в социокультурном пространстве (В. Андрущенко, В. Палагута и др.). Концептуализация субъективности на современном этапе учитывает коренные изменения, происходящие в социуме в начале XXI в. В русле новых подходов рассматривается и антропологический проект постгуманизма, в котором осуществляется не только попытка «провидеть» образ человека будущего, но искать пути его позитивного конструирования.

«Постгуманизм» – это термин, который разные мыслители наполняют различным содержанием. Как отмечает Ф. Феррандо, «в этом контексте фигурирует и понятие «постчеловек», которое стало ключевым в современных академических дискуссиях, задача которых в том, чтобы полностью переопределить понятие человека в свете онто-эпистемологических, а также научных и биотехнологических новаций XX и XXI веков» [8, с. 23].

Провозвестниками проекта постгуманизма стали философы постмодернизма, выступавшие с резкой критикой субъекта как конструкта философского дискурса эпохи модерна. Отказ от универсальности культуры, единства ее аксиологической системы. Деконструкция как концепт постмодернистской философии, разработанный Жаком Деррида, выразил пафос системного опровержения культуры логоцентризма и любых других центраций. «Смерть человека» у Фуко – это разрушение того образа человека, который был создан гуманизмом, это прорыв в измерение иного, в некий «постгуманизм», отказ от представления о том, что существует единая Истина и общечеловеческое Добро [9]. В ситуации постмодерна «образ индивида» приобретает индивидуальную конфигурацию. Онтологические основания современной субъективности лише-

ны субстанционального содержания в смысле классической парадигмы субъективности. Субъект, вписанный в современный социокультурный контекст, обнаруживает многообразие и многозначность своих свойств, делающих весьма проблематичным то качество целостности и самодостаточности, которое не подвергалось сомнению в эпоху модерна.

Вместе в том, по мысли представителей постмодернистской философии, теоретическое признание человека как субъекта все же необходимо для сохранения философского дискурса о человеке (Ю. Кристева, М. Фуко). По мысли С. Жижека, виртуализация субъективности порождает ситуацию, в которой каждый может свободно выбрать и проектировать онтологические характеристики собственной идентичности (раса, национальность, пол, сексуальная ориентация и пр.). «Я хочу сказать, — пишет С. Жижек, — что все ваши физические свойства заменяемы, а вот неизменным в субъекте остается именно *cogito ergo sum*, то есть картезианский субъект» [3, с. 171].

Перспективной для современной ситуации является и мысль французского социолога А. Турена [7], что социальная реальность, не релевантная понятию общества, выступает как определенная совокупность правил, привилегий, противостоящая «размывающим» и трансформирующим усилиям индивидов и отдельных социальных групп. Личность становится продуктом определённых социальных условий и результатом самоконструирования.

Проектируемый порядок вызывает к жизни новые формы *субъективности*, особых ее структур как форм самоорганизации субъекта, основным процессом которой является самотрансформация. Опыт собственной незавершенности, нахождения на границе, в точке бифуркации может быть интерпретирован как внутреннее условие готовности индивида к изменениям. Отказ от жесткой идентифицированности с любыми реалиями становится важнейшим признаком новой субъективности. В данном случае речь идет не о переструктурировании содержания целостной личности (многопозиционной личности), а о множественности самих личностных форм с потенциальной возможностью имманентной самоструктуриации.

В связи с радикальными изменениями самой социальной реальности, «производящей» субъективность на новых основаниях, смещаются методологические исследовательские акценты: с рассмотрения самого субъекта как такового на изучение «условий и порождающих механизмов субъективности, как исходного базисного начала, предшествующего всякой субъективной деятельности». [12, с. 169]. Одним из таких условий становится система образования, вырабатывающая собственные стратегии в контексте изменяющихся социокультурных и антропологических оснований.

Новые стратегии образования. С позиций современных культурных реалий, формируется принципиально новые стратегические подходы в образовании, берущие за ориентиры будущее с его неопределенностью

как базовой характеристикой. Основными тезисами можно считать следующие: будущее зависит от прилагаемых усилий, его можно создать; будущее вариативно, оно не проистекает из прошлого, а зависит от решений участников и стейкхолдеров; есть области, по отношению к которым можно строить прогнозы, но в целом будущее нельзя предсказать достоверно, можно подготовиться или подготовить будущее таким, каким мы его хотим видеть [4].

В этом контексте система образования и происходящая в ней модернизация рассматриваются как одна из сфер производства современного субъекта, существенно влияющая на структуру субъективности. Образовательный субъект перестает быть элементом, звеном общей системы, репрезентацией целостной системы знания как такового, носителем которого он является наряду с другими субъектами. Децентрация и деконструкция системы образования приводит к формированию новой образовательной субъективности, которая сама становится центром проектировочной деятельности и носителем порождаемых ею смыслов. Образовательный опыт самотрансформации не может быть передан ни прямо, ни опосредованно, он может появиться только у самого субъекта образования, что, собственно, его и делает таковым [13, с. 174].

Неклассический университет начинает интерпретироваться как особое место, пространство, или совокупность условий, в которых индивид приобретает потенциальный опыт проектирования и конструирования различных типов целостностей и релевантных им субъективностей.

Образование в XXI веке призвано, наконец, отбросить ретроспективу и полностью обратиться в будущее. Трансформация сферы образования происходит под влиянием новых технологий и человеческих практик, меняющих общественный уклад. В проекте будущего предполагается создание глобального образовательного пространства, которое мыслится как рынок образовательных услуг.

Создание такого пространства началось со времени начала реализации массовых открытых онлайн-курсов (МООК) в 2006 г. Популярность их возросла с 2012 г., когда были запущены прецеденты крупнейших американских МООК-платформ: Coursera (на базе Стенфордского университета), Академия Хана (Google и фонд Гейтса), EdX (на базе Массачусетского технологического и Гарвардского университетов), Udacity (на базе Стенфордского университета и при участии Технологического института Джорджии) [10, с. 145].

Новая образовательная стратегия направлена на подготовку специалистов, ориентированных на выполнение узкого круга задач, способных работать в разных технологических средах, разных культурах, переучиваться в соответствии с меняющимися требованиями. Кампания по ре-

формированию образования носит транснациональный характер и развивается параллельно с существованием традиционной системы, угрожая, по сути, вытеснить ее в ближайшей временной перспективе.

Обращает на себя внимание кардинальное изменение отношения к учебному заведению как культурному концепту: из «школы жизни» и *Alma mater* оно превращается в поставщика образовательных услуг, провайдера образования, который несет юридическую ответственность за качество образования и вынужден заплатить студенту неустойку за неудовлетворительный результат или обнаружившуюся невостребованность его на рынке труда. Ответственность за результат закрепляет за образованием статус услуги, в которой полную ответственность несет провайдер (учебное заведение).

Концептуальную трансформацию обнаруживает не только вузовское образование, роль которого состоит в осуществлении профессионализации, но и средняя школа, значение которой проявляется в формировании важнейших антропологических свойств человека, составляющих базис гуманистической культуры. Взятый сегодня курс на цифровизацию (проекты МЭШ, РЭШ, «Цифровая школа») можно рассматривать как завершающий этап деконструкции школьной системы образования. Одним из планирующихся результатов станет «новая педагогика»: онлайн-педагогика, в которой учитель будет наставником, направляющим и ориентирующим детей в цифровом образовательном пространстве, геймификация обучения, т.е. образование в виртуальных мирах и многопользовательских играх, автоматические образовательные системы с искусственным интеллектом, электронные наставники, боты вместо учителя [10, с. 198]. Цифровизации и внедрению искусственного интеллекта подвергаются и такие сугубо гуманитарные предметные области как духовно-нравственная культура, искусство, технологии, музыкальное образование, литература.

В результате тотальной цифровизации происходит такое воздействие на сознание обучающихся, которое можно сравнить с формированием «тоннеля реальности». С одной стороны, человек ощущает себя в «глобальном измерении», в мире «без границ». С другой стороны, его видение мира сужается до определённых стереотипов, так как сознание формируется под потребности конкретных заказчиков «образовательного продукта» [10, с. 149]. Открытым остается вопрос: может ли такой «продукт» отвечать за судьбы культуры, мира и цивилизации, как того требует концепция гуманизма, разрабатываемая всемирными организациями, классической и современной гуманистической философией.

Совершенно очевидно, что выработанные культурой нормы не могут быть отброшены, но предстоит их новое прочтение, введение в новые социокультурные и идеологические контексты. Человек в современной культуре по-прежнему рассматривается как субъект морали и права, идентификация которого в европейской традиции совпадает с проявле-

ниями свободы воли, самосознания. Однако в реалиях цифрового будущего утрата самоидентичности личности, вариативность субъекта в виртуальных мирах с вероятностью поставят перед культурой необходимость заново решать старые проблемы: свободы и ответственности, прав и обязанностей, форм мысли и чувствования, социализации и индивидуации. Новый «цифровизированный гуманизм» радикально меняет устоявшиеся веками социальные устои. В нем придется заново определять сущность человека: константы его телесных параметров – пола, способа рождения (in vitro, клонирование, генное программирование), допустимых границ личности, особенностей сознания и самосознания, способов коммуникации с обществом и Другим.

По мнению Г. Л. Тульчинского, гуманитарная культура в XXI веке столкнется с проблемой гомодицеи – оправдания бытия человека перед лицом радикальных вызовов, ставящих под сомнение необходимость его существования [6]. Поэтому вопрос о том, останется ли жить человек и кто в случае «замены» его искусственным интеллектом будет решать судьбы культуры, цивилизации и мира в целом, – это должен быть вопрос уже сегодняшнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будущее образование: глобальная повестка. Краткое изложение результатов (Карта образования 2035). URL <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/6.-Образование-do-2035.pdf>
2. *Жижек С.* Власть и цинизм // Кабинет: Картины мира 1. – СПб.: Инапресс, 1998. – С. 162 – 175
3. *Разбеглова Т. П., Бекиров С.Н., Мирошников О. А., Шевченко О. К.* Динамика социальных структур. От структур субъективности до структур власти. – Симферополь: ИТ Ариал, 2023. – 209 с.
4. *Разбеглова Т.П.* Образование в эпоху глобализации и информатизации // Человек и общество в эпоху глобализации : Коллективная монография /Под общей редакцией Т.П. Разбегловой. – Симферополь:ИТ АРИАЛ, 2018. С. 173-188.
5. *Тульчинский Г.Л.* Цифровизованный гуманизм. *Философские науки.* 2018; (11): С. 28-43. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-11-28-43>
6. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: научный мир, 1998. – 204 с.
7. *Феррандо Ф.* Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 360 с.
8. *Фуко М.* Порядок дискурса: инаугурационная лекция в Колледж де Франс 2.12.70 // М. Фуко Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 49-96.
9. *Четверикова О. Н.* Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. – М.: Книжный мир, 2019. – 320 с.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

THE BASIC QUESTION OF PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF STUDYING AND TEACHING

Бурханов Рафаэль Айратович

д-р филос. наук, профессор, г. Сургут, Сургутский государственный университет, заведующий кафедрой философии и права

Burkhanov Rafael Ayratovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Surgut, Surgut State University, Head of the Philosophy and Law Department

Аннотация: В работе анализируется сформулированное Ф. Энгельсом определение основного вопроса философии как вопроса о первичности или вторичности природы, материи или мышления, сознания. Подчеркивается, что это определение обусловлено господством рационализма и логицизма и имеет смысл только в классической философской мысли.

Abstract: The work analyzes the definition formulated by F. Engels of the main question of philosophy as the question of the primacy or secondary nature of nature, matter or thinking, consciousness. It is emphasized that this definition is due to the dominance of rationalism and logicism and makes sense only in classical philosophical thought.

Ключевые слова: философия, бытие, материя, мышление, сознание.

Key words: philosophy, being, matter, thinking, consciousness

Философия каждого периода общественной истории представляет собой теоретическое самосознание определенной эпохи, в котором анализируются ее фундаментальные черты и особенности. Но если со сменой эпох, которые определяют возможные варианты рассуждений о мире и человеке, меняется «проблемное поле» концептуальной рефлексии, правомерно ли вести речь об основном вопросе философии, едином для всех этапов ее развития и мировоззренческих интенций?

По нашему мнению, сформулированное Ф. Энгельсом определение – основной вопрос... философии есть вопрос об отношении мышления к бытию» – имеет смысл только в классической мысли, за пределами которой становится ясной его обусловленность господством чистого рационализма и логицизма. В современных философских построениях «вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе» [7, с. 282, 283], т.е. о том, что является первичным – материя или сознание, – теряет то значение, которое он имел в Новое время, особенно в эпоху Просвещения.

Следовательно, мы можем вести речь только о главных вопросах философии, характерных для определенных исторически конкретных куль-

турно-цивилизационных организмов, внутри которых происходит становление и развитие определенных способов философского вопрошания.

Мировоззренческая рефлексия в древних цивилизациях, которая в концептуальной форме нашла свое выражение в духовной культуре Элады, начинается с вопроса: «Почему вообще есть сущее, а не наоборот – ничто?», который есть исходный и предельный вопрос философствования [5, с. 87–90, 93]. Он знаменует собой рождение мысли о том, что в противоположность хаосу, т.е. ничто, в мире существует определенная соразмерность, т.е. нечто, организованное и гармоничное, разделенное во всеобщей и универсальной связи мироздания на структурные компоненты и формы [4, с. 23–25].

Главная проблема становящейся философии и науки древности, которые еще существуют синкретично, – проблема единого и многого, которая может быть сформулирована в виде вопроса: «Что лежит в основе мироздания? Из чего состоит мир?». Ее решение предполагает поиски всеобщего субстрата – материального или идеального. Все многообразие процессов и явлений мыслители того времени старались свести к единому основанию. Они пытались установить, из чего возникают вещи, из чего они состоят и во что превращаются в ходе своего рождения, становления и гибели.

Этот вопрос имеет и другую сторону: *в силу чего из исходных материй образуются все вещи?* Ответ на него приводил к понятию внутренней закономерности, которая действует в мире и которой подчиняется процесс трансформации вещей и живых существ. Это, прежде всего, относится к концептуально развитой и логически оформленной античной философии, а не к профилософии и предфилософии Древней Индии и Древнего Китая [6, с. 22–25, 39, 103].

Первые философские учения о мире и человеке сформировались в рамках космологического способа мышления, хотя в начале эллинистического периода античной мысли появились первые формы антропологического типа мышления. Становлению философии способствовала полисная организация социально-экономической жизни древних греков, где свободные граждане, используя труд рабов, вели хозяйство на своих земельных наделах. На народных собраниях и в судах ценились способность убеждения и доказательства, умение рассуждать и ясно выражать свои мысли.

В Средние века в духовной культуре господствовал теологический способ мышления, который ставил в центр размышлений не Космос, не Человека, а трансцендентного Бога. Это свойственное христианству и мусульманству, но чуждое античности мировоззрение, было основано на принципах Откровения и монотеизма. Но зависимость от религии не означала полного растворения философии в теологии, хотя и определяла

специфику вопрошания и его ответы [3, с. 6]. Считалось, что абсолютные и высшие истины содержатся в Священном Писании и Священном Предании, а менее значимые истины философии и науки не должны им противоречить. Поэтому главный философский вопрос эпохи Средневековья, – это вопрос об отношении Творца и Его творений (по определению Ф. Энгельса: «...Создан ли мир Богом или он существует от века?» [7, с. 283]).

Возникший в эпоху Нового времени новый тип мировоззрения оказал большое влияние на европейскую философию и науку, что привело к изменению методов познания природы, общества и человека. Его социокультурными основаниями были: во-первых, формирование потребностей класса «ранней» буржуазии, которая организовала материальное производство на основе рыночных отношений, а во-вторых, превращение науки в социальный институт, а затем и во всеобщую производительную силу. Подобный взгляд мог возникнуть лишь с превращением рабочей силы индивидов в товар, т.е. когда товарно-денежные отношения приобрели универсальный характер.

В XVII – XVIII вв. в Западной Европе ведущей парадигмой мышления стало естествознание, в особенности механика, и человек из творения Божьего превратился в объект среди объектов, вещь среди вещей, частичку великой Природы. Однако общество не казалось новоевропейским мыслителям частью природной жизни или ее модификацией. Моделью объяснения природы, социума и человека стал натуралистический антропологизм. В отличие от природы общество представлялось не «естественным», а «искусственным» телом, которое сотворено самими людьми.

В новоевропейской философии на первый план вышли гносеологические проблемы, что нашло свое выражение в полемике сенсуализма и рационализма. Главный вопрос, который ставили и решали представители этих направлений был сформулирован следующим образом: «Откуда берутся знания – из органов чувств или из разума?» Сенсуалисты (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж. О. Ламетри, К. А. Гельвеций, П. А. Гольбах и др.) считали, что все знание происходит из опыта, так как чувственные восприятия определяют духовные способности людей. Познание истинно в той мере, в какой понятия и идеи соответствуют действительности. Рационалисты (Р. Декарт, И. Кант, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегель и др.), напротив, утверждали, что истину невозможно получить из опыта, поскольку показания органов чувств не обладают свойствами всеобщности и необходимости. Достоверное знание выводимо только из разума; именно в нем содержатся принципы, на основе которых определяется все содержание нашего познания.

Освободившись от роли «служанки богословия», в положении которой она находилась в Средние века, в Новое время философия стала обскуивать интересы технизированной науки, провозгласив посредством Ф. Бэкона и Р. Декарта свое главное предназначение – быть «новым ор-

ганоном», содержащим «истинные указания для истолкования природы» [1, т. 2, с. 6], разрабатывать «правила для руководства ума» [2, т. 1, с. 77].

В эпоху Просвещения происходит оформление основного вопроса классической философии, который Ф. Энгельс определил как вопрос о первичности или вторичности природы, материи или мышления, сознания. Эти крайние мировоззренческие и теоретические позиции были представлены, с одной стороны, во французском материализме Ж. О. Ламетри, Д. Дидро, К. А. Гельвеция и П. А. Гольбаха и в философии практики К. Маркса и Ф. Энгельса; а с другой – в классической немецкой философии, эволюционировавшей от субъективного идеализма и дуализма И. Канта через философию И. Г. Фихте и Ф. В. Й. Шеллинга к объективному идеализму и монизму и Г. В. Ф. Гегеля.

Но является ли данный вопрос основным вопросом философии для всех ее учений и во все периоды ее развития? Как мы уже отмечали, это, скорее, основополагающий вопрос периода господства философского рационализма и логицизма от античных мыслителей до завершителей классики, фундаментальным логическим принципом которого является принцип монизма.

В конце XIX – начале XX в. происходит формирование неклассической философии, в рамках которого на фоне социологического способа мышления получили развитие социально-гуманитарные науки. В классической традиции разум понимался как «разумность» природы, истории и деятельности человека, обуславливающих гносеологическую «прозрачность» бытия и практики. Неклассическая традиция значительно расширила тематику философствования, ввела в него новые аспекты, что обусловило расширение сферы вопрошания и одновременно способствовало ее фрагментации.

Поэтому выделение способов философского вопрошания в контексте изучения и преподавания целесообразно проводить в указанном выше смысле, а именно как определение главных философских вопросов внутри культурно-цивилизационных организмов Античности, Средневековья и Нового времени. Для философии Новейшего времени вопрос этот остается открытым. (В противном случае у обучающихся складывается впечатление, что философы – материалисты и идеалисты – уже несколько тысячелетий пытаются определить, что первично, а что вторично, и все никак не могут это сделать).

В постнеклассической мысли отказ от принципа монизма, характерного для классической мысли, привел к размыванию «проблемного поля» философии, где постановка основного вопроса, единого для всех времен и учений, теряет смысл. В духовной культуре современности мировоззренческое вопрошание осуществляется внутри плюралистическо-

го многообразия разрозненных смысловых «кластеров», сквозь которые трудно разглядеть сущее, постигнуть мировое целое, понять всеобщую универсальную взаимосвязь Мироздания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бэкон Ф.* Новый органон / Ф. Бэкон // Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. – 2-е, испр. и доп. изд. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 6–482.
2. *Декарт Р.* Правила для руководства ума / Р. Декарт // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 77–153.
3. *Майоров Г. Г.* Формирование средневековой философии. Латинская патристика / Г. Г. Майоров. – 2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 296 с.
4. *Мамардашвили М. К.* Введение в философию / М. К. Мамардашвили // Философские чтения. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – С. 5–170.
5. *Хайдеггер М.* Введение в метафизику / М. Хайдеггер. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 301 с.
6. *Чанышев А. Н.* Философия Древнего мира: Учеб. для вузов / А. Н. Чанышев. – М.: Высшая школа, 1999. – 703 с.
7. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 21. – С. 269–317.

УДК 930.1

**ИНТЕЛЛЕКТ И СУВЕРЕНИТЕТ НАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
ВОЗРОЖДЕНИЯ КУЛЬТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО
НАСЛАЖДЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ
(в контексте прогнозов о будущем искусственного интеллекта)**

**INTELLIGENCE AND SOVEREIGNTY OF THE NATION IN THE
CONTEXT OF THE REVIVAL OF THE CULT OF INTELLECTUAL
ENJOYMENT IN DOMESTIC EDUCATION
(in the context of predictions about the future of artificial intelligence)**

Баранецкий Андрей Наумович

*К.ф.н., доцент. Государственное автономное образова-
тельное учреждение проф. образования города Севасто-
поля «Институт развития образования».*

Baranetsky Andrey Naumovich

Candidate of Philosophical Sciences. Docent.

*State Autonomous educational institution of professional
education of Sevastopol "Institute of Education Development"*

Аннотация: В докладе выделяются три эры обновления интеллекта: стихийная, университетская и эра ИИ (искусственного интеллекта).

В эпоху Просвещения статус интеллектуального наслаждения вступает в противоречие с деградацией тех обществ, где возрождают культы дикарей каменного века. Чтобы спасти свой народ – надо возрождать культивирование интеллектуального роста и престиж разума. В этом залог духовного суверенитета. Шесть эпох использования интеллекта для власти и отчуждённого насилия повторяются трижды, поэтому есть основания для прогноза.

Abstract: The report argues that there are three eras of the renewal of intelligence: spontaneous, university and the era of AI (artificial intelligence). In the age of Enlightenment, the status of intellectual enjoyment comes into conflict with the degradation of those societies where the cults of Stone Age savages are reviving. To save our people, it is necessary to revive the cultivation of intellectual growth and the prestige of reason. This is the key to spiritual sovereignty.

The six eras of using intelligence for power and alienated violence are repeated three times, so there are grounds for prediction.

Ключевые слова: философия истории, философия образования, мироотношение, история, искусственный интеллект, интеллектуальное наслаждение.

Keywords: philosophy of history, philosophy of education, worldview, artificial intelligence intellectual enjoyment.

Вопрос о прогнозировании модернизации искусственного интеллекта и его влияния на образование лежит не только в плоскости внутренней логики работ программистов, но и в контексте тысячелетнего социального запроса на интеллектуальный рост всего человечества. Создатели искусственного интеллекта – это люди, они не могут массово и тотально выступать против запросов общества и внешних факторов, которые детерминируют развитие интеллектуальной культуры, частью которой являются технологии – как психологические, педагогические, так и чисто интеллектуальные.

Если широкими мазками рисовать всю историю интеллектуальной культуры, то мы не сможем игнорировать три эры этой истории: интеллект стихийный (до создания системы университетов); вторая эра – университетский интеллект; и третья эра – искусственный интеллект.

Эра стихийного интеллекта не была завершена, она была на середине своей истории, когда в эпоху Возрождения начали формироваться новые способы обучения в старых религиозно ориентированных университетах. То есть в 1500-1600-е годы была подготовлена почва для той интеллектуальной культуры, которая около пяти столетий называется Просвещением.

В своих исследованиях автор выделяет шесть эпох отчуждённого насилия, которое использовалось для управления обществом в кризисные и конфликтные времена. Это: 1. Вульгарный вождизм. 2. Высокий и зрелый вождизм. 3. Рабовладение. 4. Феодализм. 5. Капитализм. 6. Тоталитаризм профессионалов. Самые большие проблемы и эскалация социального зла связаны с вождизмом, но первый этап вождизма на порядок более жесток, безумен и бесчеловечен, чем второй. Вожди неолитические жертвовали собой и требовали подражать своей жертвенности. Да, это сурово, но вожди палеолитические запросто жертвовали ради спасения племени и себя кем угодно и чем угодно. При этом культ физиологического удовольствия делал этот вождизм эстетически проблемным.

Эра университетского интеллекта начинается при переходе от феодализма к капитализму. Последний оказывается «школой профессионализма». После этого начинается наложение содержания социального бытия: в недрах старых и привычных форм интеллектуальной и политической культуры уже начинает прорастать и практиковаться новая политическая культура и культивирование технологий более энергичное, чем в былые эпохи. В гуманитарной культуре не было принято считать современников и сторонников Кромвеля и Бонапарта типажам «вождистского» типа. Хотя в XX веке несколько стран из кризиса выводили люди, которые прямо называли «дуче», «фюрер», «вождь». Название в XX веке давали более честное и точное. То есть в 1500-е, 1600-е, 1700-е годы лидеры не мыслили себя как вожди. Но, в сущности, они были вождями с университетским стилем мышления. Они приносили в жертву целые народы, организовывали геноцид колонизаторами. Это весьма важно для понима-

ния их сущности. Дефиниции сущности имеют решающее значение для верного понимания смысла бытия и истории [3,134-135]. Научная и философская новизна исследования в том и состоит, что понятие «вульгарный дикарь» здесь предлагается применить не как «оскорбление». Вульгарный дикарь – это точное название сущности тех субъектов, которые цинично и беспечно относятся к святыням и ценностям народа. Говоря конкретно – всего нашего народа.

Университетские дипломы не помешали интеллектуалам Ш Рейха создать абажуры из человеческой кожи. Университетские дипломы не мешали, а помогали организовывать геноцид десятков миллионов «аборигенов». Именно на этом основании стоит прогнозировать то, что первое поколение искусственного интеллекта будет использовано для синтеза всех видов социального зла, которое известно человечеству и будет применено для организации всяческих катастроф. И преодолеть дикие практики манипуляций с людьми и животными поможет только создание ИИ второго, третьего и четвёртого поколения. Эра «искусственного» интеллекта началась уже в XXI веке и началась в недрах предыдущих культурных практик. Новые формы культуры рождаются не тогда, когда иссякают прежние, наоборот, когда прежние в расцвете, на подъёме.

Так и основа для модернизации ИИ была заложена до рождения ИИ – это технологии педагогов СССР. Педагогическая система СССР – при всей её атеистической направленности – образ человека связывала с образом бога именно в отношении с определением Бога в научном атеизме – как «образа человеческой сущности в духовном мире общества». Человек в СССР провозглашался более значительной сущностью, чем Бог. Итог такого массового педагогического культивирования идеи тотальной одарённости детей талантами: именно в большинстве стран постсоветского пространства большинство родителей готовы разделять идею, что «все дети талантливы».

Для принципиального обновления ИИ самим программистам и вообще тем специалистам, которые создают ИИ, надо иметь особо высокую культуру чувств. Не быть знатоками «искусств», нет, это не главное. Важно ставить нравственную и интеллектуальную культуру выше физиологической и эстетической.

Но осмысливать чувства и прочувствовать мысль на планете Земля пока некому. «История античной эстетики» – 12 томов написаны по-русски, Ф.Е. Василюк «Психологию переживания» написал по-русски, поэтому доминирующие во власти на планете глобалисты и не собирались труды такого масштаба и сложности даже читать [См. 3]. Поэтому на планете нет педагогов, которые учат осмысливать чувства и прочувствовать мысли. В отечестве нашем такие педагоги есть, но это десятки человек, а те тысячи.

А власть в странах НАТО откровенно демонстрирует культивирование не нравственной и не интеллектуальной культуры. Там под предлогом «прогресса» в действительности возрождают несусветную дикость. В эпоху палеолита и неолита культивировались наслаждения физиологические от еды, от физической близости, каменный век оставил нам в памятниках и мадонн палеолитических, и фаллический культ, и культ урожая (читай – культ еды). Все эти культы в эпоху древних цивилизаций эстетизировались, обновлялись, они известны под названиями сатурналий, вакханалий, культа Кибелы, плодovitости и плодородия Земли, богинь любви и т.д. Цивилизациям периодически приходится деградировать, деградация – сначала – превозносит искусство и эстетство – выше наук; очень быстро она сменяется эпохой превозношения физиологических удовольствий и «низведения» возвышенного в эстетике ниже низменного, самое безобразное и гнусное возводится на пьедестал якобы чуть ли не высшей формы прекрасного. Нарциссизм стремится стать тоталитарным субъектом нормотворчества через непристойные наслаждения [См.2]. И нарциссизм отлично гармонирует с коллективной самовлюбленностью нацистов в их нацию.

Хотя классическое мироотношение детерминирует иное нормотворчество, противостоит «антикультурному». [3, 75]. Психоделическое использование искусств в целях НЛП очень широко и мощно применяют в рекламе и пропаганде. Искусственный интеллект первого поколения позволит заманивать миллионы людей в свои сети именно через распространение культа эстетического и физиологического удовольствия. В частности – восхищение котятами и щенками – откровенное восхищение био-сущностями. И даже педагоги не видят в этом опасности, что говорит о проблеме осмысления сущности процессов самими педагогами.

В XX веке мощно проявил себя именно культ интеллекта и лидером человечества в этом культе был СССР. Важно не забывать, что на западе наука была бизнесом. А в СССР власть пыталась наукой заменить религию – то есть в СССР из интеллектуального наслаждения делали «великий» культ.

Вопрос: как социум может и должен выходить из деградации всех систем воспитания? Для этого: во-первых, – важна высокая поддержка «почемучек»; культивирование любознательности; в ДОУ. Во-вторых, нужны гарантии знакомства школьника с интеллектуальным наслаждением; защита детей от любых практик, которые тормозят их интеллектуальную инициативность. Использование методики Шаталова В.Ф. в качестве магистрального сюжета всех видов школьной деятельности. Для педагогов высшей школы: не подпускать к высшему образованию субъектов, которые видят смысл жизни без того, чтобы наука решала проблемы общества.

Нравственно ценно то, что такими путями могут спасти своих детей как народы исламского мира и народы западных стран, восток и юг – это

для всех. Ну а спектр требований к ИИ второго поколения прежде всего детерминирован безусловно регулирующим характером этических категорий и таким пониманием этичности, которое «научит» машину «жертвовать» собой, а не превратит роботов в надзирателей над людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. – М.: Изд-во МГУ. 1984. – С 200.
2. *Маклаков А.О., Шевченко А.К.* Непристойные наслаждения. – Киев.: СПД Мольяр С.В., 2010. – 412 с.
3. *Малахов В.А.* Искусство и человеческое мироотношение – Киев, «Наукова думка», 1988. – С 212.
4. Материалистическая диалектика. В 5-ти т. Т. I. Объективная диалектика/Под общ. ред. В. Ф. Константинова и В. Г. Марахова; отв. ред. Ф. Ф. Вяккерев. – М.: Мысль, 1981. – 374 с.

ВЫСШАЯ ШКОЛА: ВЫЗОВЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

HIGH EDUCATION: IMPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Мамонтов Кирилл Михайлович

магистр, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, аспирант кафедры общей химии

Mamontov Kirill Mikhailovich

Master's degree, Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, PhD student of General Chemistry

Аннотация: данное эссе исследует вопрос внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в университетскую среду и его влияние на образовательный процесс. Автор рассматривает текущее состояние использования ИИ в университетах, включая автоматизацию административных процессов и интеграцию в образовательные системы. Преимущества и вызовы внедрения ИИ обсуждаются с акцентом на повышении эффективности обучения, защите данных и сохранении человеческого фактора в университетской жизни. В заключении автор призывает к балансированию между технологическими инновациями и сохранением человеческих ценностей в образовании.

Abstract: this essay explores the integration of artificial intelligence (AI) into the university environment and its impact on the educational process. The author examines the current state of AI usage in universities, including the automation of administrative processes and integration into educational systems. The advantages and challenges of implementing AI are discussed, with an emphasis on enhancing teaching efficiency, data protection, and preserving the human element in university life. In conclusion, the author calls for a balance between technological innovation and the preservation of human values in education.

Ключевые слова: искусственный интеллект, университет, образование, административные процессы, автоматизация, эффективность обучения, защита данных, человеческий фактор, этические аспекты, преимущества и вызовы.

Keywords: artificial intelligence, university, education, administrative processes, automation, learning efficiency, data protection, human factor, ethical aspects, advantages, and challenges.

Современный мир охвачен волной технологических инноваций, включая искусственный интеллект (ИИ), который становится все более важным для образования. Университеты, как ключевые институты образования и исследований, оказываются на первом рубеже этих изменений.

В данном эссе мы рассмотрим, как внедрение искусственного интеллекта в университетскую среду влияет на образовательный процесс, а также проанализируем преимущества и вызовы, стоящие перед университетами в этом процессе.

Современные университеты активно внедряют искусственный интеллект в различные аспекты своей деятельности. Одним из ключевых направлений использования ИИ является автоматизация административных процессов. Это включает в себя процессы, такие как регистрация студентов, управление расписанием занятий и экзаменов, а также подготовка отчетов и аналитики.

Использование ИИ также значительно повышает эффективность образовательного процесса. Адаптивные системы обучения, опирающиеся на алгоритмы машинного обучения, позволяют создавать персонализированные учебные планы и материалы для каждого студента. Это способствует улучшению понимания материала и повышению успеваемости студентов. Кроме того, исследования показывают, что применение ИИ в образовании способствует улучшению учебного процесса. Оно позволяет оптимизировать оценивание и обратную связь, автоматизировать проверку заданий и тестирований, а также создавать новые методы обучения, основанные на инновационных технологиях.

Однако существует необходимость в более глубоком исследовании влияния ИИ на университетскую среду. Это включает в себя изучение эффективности новых технологий, оценку их влияния на качество образования и уровень удовлетворенности студентов, а также анализ этических и конфиденциальных вопросов, связанных с использованием ИИ в образовательных целях.

В целом, исследование текущего состояния внедрения искусственного интеллекта в университеты показывает его значительный потенциал для улучшения образовательного процесса и совершенствования управления университетом. Однако для полноценной реализации этого потенциала необходимо учитывать вызовы и проблемы, связанные с внедрением новых технологий, а также проводить дальнейшие исследования для выявления оптимальных подходов к их использованию.

При изучении данного вопроса я выделил три основных вызова ИИ высшему образованию. Внедрение искусственного интеллекта в университеты вызывает ряд *этических вопросов*, связанных с конфиденциальностью данных студентов, а также справедливостью и прозрачностью алгоритмов, используемых для принятия решений в образовательном процессе. Например, как обеспечить безопасность и конфиденциальность данных студентов в системах автоматизации учебного процесса?

С ростом автоматизации исследований и образования возникает опасность потери *человеческого фактора*, который играет ключевую роль в

образовательном процессе. Важно найти баланс между использованием технологий и сохранением важности роли преподавателей и менторов в жизни студентов.

Внедрение искусственного интеллекта может усугубить *неравенство в доступе к образованию*, поскольку студенты из малообеспеченных семей могут иметь ограниченный доступ к технологиям, необходимым для использования современных образовательных ресурсов и платформ.

Важно разрабатывать стратегии для преодоления этих вызовов и обеспечения эффективного и этичного использования ИИ в университетах.

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в университеты повышает эффективность образовательного процесса и совершенствует систему управления. Однако не следует недооценивать роль человека в этом процессе. Важно понимать, что ИИ должен дополнять, а не заменять человека.

Преподаватели играют ключевую роль в образовательном процессе. Они не только передают знания, но и являются руководителями и мотиваторами, способствующими развитию студентов. Искусственный интеллект может помочь им в этом, предоставляя инструменты для создания персонализированных учебных материалов, анализа успеваемости студентов и предоставления обратной связи. Однако преподаватели остаются необходимыми для организации учебного процесса, проведения дискуссий, ответов на вопросы и поддержки студентов. Сотрудники университета также играют важную роль в управлении и администрировании учебного процесса. Искусственный интеллект может помочь им в автоматизации рутинных задач. Более того, человеческий фактор важен для эффективной работы систем искусственного интеллекта. Люди разрабатывают алгоритмы, обучают модели, анализируют результаты и вносят коррективы в работу системы. Искусственный интеллект не является самоцелью, а инструментом, который человек использует для достижения определенных целей.

Таким образом, роль человека остается неотъемлемой частью университетской среды, даже в условиях растущего влияния искусственного интеллекта. Искусственный интеллект может улучшить образовательный процесс и управление университетом, но он не может заменить важность человеческого вмешательства в обучении и управлении.

В заключение, внедрение искусственного интеллекта в университеты представляет собой значительный шаг в развитии образования. Однако для того, чтобы эффективно использовать потенциал ИИ, необходимо учитывать вызовы и проблемы, связанные с его внедрением, и стремиться к сохранению баланса между технологическими инновациями и человеческим фактором в образовательной среде. Регулирование ИИ должно осуществляться университетами и не быть в открытом доступе во избежание недобросовестного использования. Только так можно обеспечить эффективное, этичное и устойчивое развитие университетов в эпоху цифровой трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Искусственный интеллект и образование коротко о том, что происходит / А. Е. Байзаров [и др.]. – Санкт-Петербург: Белая книга, 2024. – 64 с.
2. *Вовк Е. В.* Методы искусственного интеллекта в учебном процессе высшей школы / Е. В. Вовк // Проблемы современного педагогического образования. – Симферополь: ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского, 2022. – С. 109–112.
3. *Ракитов А. И.* Высшее образование и искусственный интеллект: эйфория и алармизм / А. И. Ракитов // Высшее образование в России. – Москва: Московский политех, 2018. – С. 41–49.
4. *Харабаджах М. Н.* Преимущества и риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании / М. Н. Харабаджах // Проблемы современного педагогического образования. – Симферополь: ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского, 2022. – С. 295–298.

Научное издание

**ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Сборник материалов
VII научной конференции**

Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Гарнитура «Times New Roman».
Печать цифровая. Условн. печ. л. .
Тираж 00 экз. Заказ №

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru